308.11
Б 26

Е. З. БАРСУКОВ

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

IV

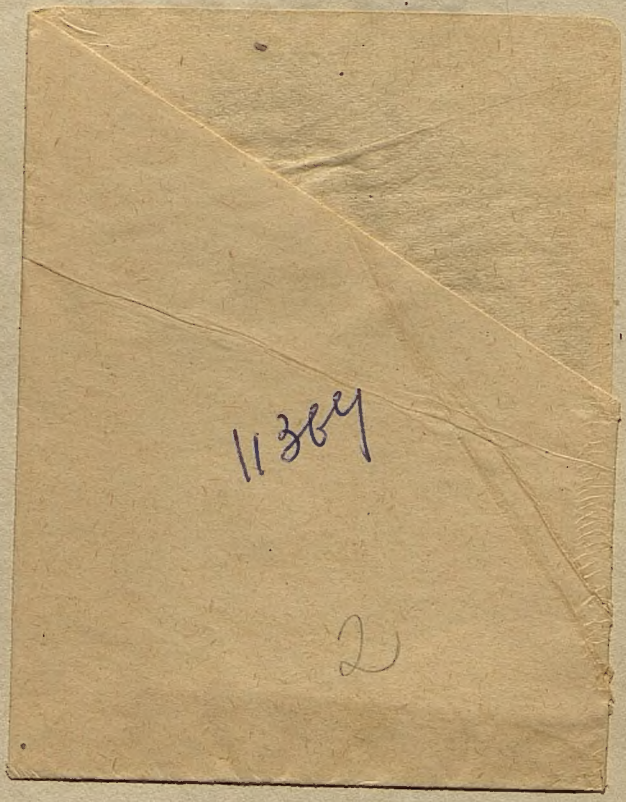
Е. З.
БАРСУКОВ
★
АРТИЛЛЕРИЯ
РУССКОЙ
АРМИИ

IV

Е.З. БАРСУКОВ

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

IV


11364
2

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 61 г.

ПРОВЕРЕНО 1980 г.

Проверено | 2015

Доктор военных наук, лауреат Сталинской премии
генерал-майор артиллерии в отставке
Е. З. БАРСУКОВ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

(1900—1917 гг.)

1/3664

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

Том IV

ЧАСТИ VI и VII

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА И БОЕВЫЕ

Внести в книгу следующие исправления:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
38	3-я снизу	Добровольский	Добророльский
174	2-я „	ведатаку	в атаку
305	4-я „	1-му Сибирскому корпусу пришлось почти всю разведку делать	1-й армейский корпус. Для выяснения расположения противника и
418	13-я „	Добровольский	Добророльский

Изд. № 4138б Зак. № 1932.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 61 г.

ПРОВЕРЕНО 1980 г.

Проверено | 2015

Доктор военных наук, лауреат Сталинской премии
генерал-майор артиллерии в отставке
Е. З. БАРСУКОВ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

(1900—1917 гг.)

11364

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

Том IV

ЧАСТИ VI и VII

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРТИЛЛЕРИИ

БИБЛИОТЕКА
Г. Ш ВМ СССР

Военное Издательство
Министерства Вооруженных Сил Союза ССР
Москва—1948

358.11
Б26

Книга состоит из двух частей: «Боевая подготовка артиллерии» (часть шестая) и «Боевые действия артиллерии 1914—1917 гг.» (часть седьмая).

В части шестой излагаются основы подготовки артиллерии в тактическом и техническом отношении, описывается роль офицерской артиллерийской школы, которую она играла в вопросах боевой подготовки русской артиллерии, и дается краткий обзор артиллерийской литературы того времени. Затем автор подробно разбирает методы подготовки личного состава артиллерии (солдат, офицеров и генералов) как в мирное, так и в военное время.

В части седьмой дается описание боевых действий русской артиллерии в некоторых операциях первой мировой войны, охватывая следующие периоды: встречное сражение в августе 1914 г.; Гумбиненское и Танненбергское сражения; штурм Перемышля 7 октября 1914 г.; отход 4-й русской армии к Висле в мае 1915 г.; операция в районе озера Нароч в марте 1916 г.; операция 10-й русской армии на Западном фронте в июле 1917 г. В конце седьмой части автор дает общее заключение ко всем 4 томам своего труда.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИИ

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ОСНОВЫ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

ВВЕДЕНИЕ

В процессе воспитания и боевой подготовки русской армии с давних времен наблюдалась тенденция почти исключительно наступательного характера — в духе решительного, непреодолимого движения вперед, поддержанного огнем.

Основная военная доктрина русской армии была проведена в «Наставлении для действия отрядов из всех родов оружия», приложенном к Уставу полевой службы, утвержденному в апреле 1904 г., а также в Уставе полевой службы, утвержденном в апреле 1912 г.

Устав полевой службы 1904 г. редактировался генералом М. И. Драгомировым, известным в свое время в русской армии авторитетом [1], и потому большинством современников признавался **последним словом военного искусства.** Доктрины этого устава свили прочное гнездо в старой русской армии и оставались нерушимыми до начала первой мировой войны.

Русская армия вступила в войну с японцами подготовленной на основах Полевого устава 1904 г., так как этот устав перед его изданием испытывался в войсках в течение двух с половиной лет.

Полевой устав 1912 г. большинство войсковых частей получило в 1913 г., русская армия руководствовалась этим уставом не более полутора лет до начала первой мировой войны, и поэтому можно считать, что она вступила в войну подготовленной по существу также на основах Устава полевой службы 1904 г.

В русской армии всегда стремились поддерживать так называемый «моральный элемент», своеобразно его понимая и воспитывая в армии довольно пренебрежительное отношение к технике. В боевых уставах подчеркивалось преобладающее значение духа над материей. Перед русско-японской войной, по почину М. И. Драгомирова, в русской армии так много и усердно твердили о «духе», что в значительной степени проглядели «материю».

---

[1] Генерал *М. И. Драгомиров* участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в 80-х годах был профессором тактики и начальником Академии Генерального штаба, затем командующим войсками Киевского военного округа

Согласно Полевому уставу 1904 г., «действительным средством для поражения неприятеля служит нападение на него; посему стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем». В уставе про оборону, которой отведено меньше внимания, говорится, что она, как и наступление, имеет целью «разбить противника»; поэтому рекомендуется «не только отбиваться, но и наносить удары» и всякую оборону завершать контратакой. Излюбленный тезис Драгомирова, что на войне главное — человек и дух его, а материя и техника — лишь нечто второстепенное, был широко проведен в уставе; поэтому в нем весьма мало учитывалось могущество огня новейшей артиллерии, пулеметов и современного ручного огнестрельного оружия. Несомненно, Драгомиров не мог не понимать значения техники в военном деле. Например, известно, что после войны 1877—1878 гг. он настоял на введении 6-дюймовой полевой мортиры, но, с другой стороны, он же противился усовершенствованию в технике стрелкового оружия. Против магазинных 3-линейных винтовок он писал, что дело не в скорости стрельбы, а в меткости, которая «лежит не в оружии, а в человеке», и что «берданка перестреляет любую магазинку»[1]. Пулеметы он высмеивал так: «...если бы одного и того же человека нужно было убивать по нескольку раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонников быстрого выпускания пуль человека довольно подстрелить один раз, и расстреливать его затем вдогонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет».

Такими приемами, более остроумными, чем серьезными, не брезговал даже Драгомиров, чтобы побить своих противников, придающих большое значение могуществу огня современного оружия.

При обучении войск Киевского округа, командующим которого был в то время Драгомиров, наступающей пехоте запрещалось ложиться под огнем; артиллерии рекомендовалось располагаться не дальше 2—3 верст от противника, широко применять быстрые переезды к передовым атакующим войскам на ближайшие к противнику позиции, избегать стрельбы на дальние дистанции, избегать стрельбы через головы своих войск и пр.

Старая суворовская «Наука побеждать», для которой человек — все, а «материя» — почти ничто, авторитетным словом и властной рукой М. И. Драгомирова глубоко внедрялась в толщу русской армии и жила в ней до самого последнего времени как более простая и милая русскому сердцу наука.

Нельзя отрицать глубокого смысла суворовских истин в отношении воспитания духа армии, но нужно понимать внутреннее их содержание и не закрывать глаза на значение современной техники. Но именно этого необходимого понимания и не было. Суворовские афоризмы, казалось бы, вполне ясные и категоричные, толковались

---

[1] *М. И. Драгомиров*, 14 лет.

различно и послужили в свое время яблоком раздора между двумя враждующими партиями военных мыслителей. Одни признавали «штык» — знамение отваги, духа, храбрости — и утверждали, что, каковы бы ни были совершенства техники и сила огня, все же главное на войне будет человек, что важно не оружие, а человек с его решительностью, и что так как представителем этого качества является штык, то суворовский афоризм «пуля — дура, штык — молодец» вечен. Другие, увлеченные могуществом современного огня, придавали преувеличенное значение технике, отрицали «штык», а с ним — и суворовский афоризм.

М. И. Драгомиров окрестил первых «штыколюбами», вторых — «огнепоклонниками». Первые, возглавляемые самим Драгомировым, остались победителями, покровительствуемыми верхами власти.

Непрестанные пререкания «штыколюбов» и «огнепоклонников» привели к неясности понимания вопросов «пули» (материи) и «штыка» (духа), к ложным выводам теории и, следовательно, к неправильной постановке дела подготовки к войне, к излишнему увлечению моральной стороной подготовки войск для боя в ущерб военной технике.

Авторитетная проповедь М. И. Драгомирова нашла яркое отражение в Полевом уставе 1904 г. и в других уставах того времени и оказала немалое отрицательное влияние на вооружение русской армии и снабжение ее современными техническими средствами борьбы. Например, даже в последнем Уставе полевой службы, утвержденном в 1912 г., сохранилось суворовское «Поучение воину перед боем», в котором имелись такие «руководящие указания»: «В бою бьет, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее и искуснее»; «Лезь вперед, хотя бы передних и били»; «Не бойся гибели»; «Неприятеля можно бить или штыком, или огнем, из двух выбор не труден»; «Если враг близко — всегда штыки; если подальше — сначала огонь, а потом штыки» и т. п.

Практическим результатом предвзятых теорий воспитания духа оказалась кровавая расплата для русской армии в русско-японскую, а затем и в первую мировую войну.

По Уставу полевой службы 1904 г. основная задача артиллерии в бою определялась так: «Артиллерия своим огнем должна содействовать пехоте и коннице». При широком, осмысленном понимании и толковании устава в этом общем указании основной задачи, по существу совершенно правильном, возможно было усмотреть и другие, вытекающие из основной задачи частные обязанности артиллерии — и при подготовке, и при поддержке атаки, и пр. Но в русской армии командный состав не был подготовлен к восприятию подобного устава, его не удовлетворял такой устав. Большинству тогдашнего командного состава, обладавшему недостаточно широким тактическим кругозором, нужны были пунктики, правила на все случаи, а не общие указания, требующие проявления личной инициативы, т. е. разрешения чуть ли не самого больного вопроса прежней царской армии.

В Полевом уставе 1904 г. подчеркивалось важное значение инициативы и самостоятельности частных начальников, значение единства цели и взаимной поддержки.

Устав полевой службы 1912 г. давал следующие общие указания[1]: «Наилучшим способом достижения поставленной цели служат действия наступательные. Только эти действия дают возможность захватить почин в свои руки и заставить неприятеля делать то, что мы желаем».

«Стремление к достижению общей цели требует взаимодействия всех частей и родов войск, самоотверженного исполнения всеми своего долга и взаимной выручки».

Руководящие мысли Полевых уставов 1904 и 1912 гг. плохо проводились в жизнь старой русской армии. Причиной тому служило, с одной стороны, малосознательное отношение к существовавшим правилам дисциплины, требовавшей «точного и беспрекословного исполнения приказаний начальства», с другой стороны, далеко не изжитая к началу мировой войны старая традиция царской русской армии: «не сметь свое суждение иметь». Что же касается боязни ответственности, то известно, что в русской армии страх перед начальством бывал нередко больше, чем перед неприятелем в бою. При таких условиях, вместо проявления инициативы, проще было ссылаться на неполучение приказания свыше, придерживаться пословицы «моя хата с краю» и ничего не предпринимать, чем брать на себя самостоятельные решения, всегда рискованные в боевой обстановке.

Накануне мировой войны 1914—1918 гг. Россия не была одинока в отношении недооценки значения военной техники.

В годы, предшествовавшие мировой войне, во Франции под влиянием уроков русско-японской и других войн того времени много говорили и писали о могуществе огня, о необходимости развития артиллерии и пр. Но реальное значение огня, почти решающее в условиях развития современной артиллерийской техники, не было осознано огромным большинством руководящих военных кругов Франции. В результате к началу мировой войны на вооружении французской артиллерии состояла только одна полевая 75-мм пушка.

В уставах французской армии говорилось, между прочим: «Ведение войны должно быть проникнуто необходимостью придать операциям решительно выраженный наступательный характер... Пехота — главный род войск. Она... действует маневром и огнем; лишь движение вперед, доведенное до штыкового удара, является решающим и непреодолимым...»

Обучение французской армии велось, как и русской армии, также в духе решительного и непреодолимого наступательного движения вперед, лишь «поддерживаемого огнем», но не требующего предварительной мощной огневой артиллерийской подготовки, сопровождающей наступление и обеспечивающей успех атаки.

---

[1] Устав полевой службы, стр. 7—8, утв. 27 апреля 1912 г.

«Наши большие маневры, завершающие год обучения, — говорит в своем известном труде Эрр, — состояли из нескольких дней походов, заканчивающихся большим военным спектаклем, где пехота в сомкнутых строях, с развевающимися знаменами и барабанным боем продвигалась вперед к атакуемой позиции с полным презрением к неприятельскому огню».

Тот же Эрр говорит, что германцы также «...были абсолютно убеждены в превосходстве наступления. Но в то время, как наша доктрина (т. е. французская) придавала главное значение маневру и основывалась на решающем значении движения вперед, их доктрина лучше оценивала могущество огня и важность его роли» [1].

На техническую подготовку русской полевой артиллерии к производству стрельбы было обращено внимание еще до японской войны, с 1900 г., с самого начала перевооружения 76-мм скорострельными орудиями. С 1904 г. на подготовку русской артиллерии к стрельбе с закрытых позиций при помощи угломера было обращено исключительное внимание генерал-инспектора артиллерии.

В 1904 г., когда началась война с Японией, ни одна легкая скорострельная батарея не отправлялась в Маньчжурию без подготовки к стрельбе при помощи угломера, что проверялось генерал-инспектором артиллерии или командируемыми по его распоряжению специалистами, по большей части из числа руководителей бывшей офицерской артиллерийской школы. Формирование и обучение стрельбе горных скорострельных батарей, отправляемых на войну, производились под личным руководством генерал-инспектора артиллерии. Но все же война с Японией застала русскую артиллерию недостаточно ознакомленной со стрельбой с закрытых позиций при помощи угломера; в особенности слабыми в этом отношении оказались те артиллерийские части, перевооружение которых скорострельными орудиями производилось наспех, перед самым отправлением на театр войны в Маньчжурию.

Подготовка русской артиллерии в отношении техники стрельбы давалась относительно легко. Нельзя того же сказать про тактическую подготовку артиллерии. В то время тактика вообще не пользовалась расположением командного состава армии, и тактические занятия громадным большинством тогдашнего офицерства считались скучной и бесполезной тратой времени.

Происходило это главным образом вследствие чрезвычайного недостатка в опытных и сведущих руководителях тактических занятий. Только при расквартировании войсковых частей в больших городах, где обыкновенно располагались штабы дивизий, корпусов или округов, к тактическим занятиям в войсках привлекались из штабов специалисты-офицеры Генерального штаба; однако из них далеко не все могли настолько хорошо руководить тактическими занятиями, чтобы возбудить к ним достаточный интерес.

---

[1] *Эрр*, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, стр. 13, 14, 21, ГВИЗ, 1932 г.

Большинство войсковых частей было расквартировано по маленьким городкам, местечкам и даже по деревням, где не было крупных штабов. Там тактическими занятиями руководили свои же командиры батальонов, батарей, дивизионов и полков, нередко основательно забывшие тактику; занятия эти часто сводились к отбыванию номера и даже к переписыванию из года в год одних и тех же тактических задач, решенных на свежую голову молодыми офицерами, вновь выпущенными из военных училищ. Офицеры Генерального штаба, командируемые изредка в части артиллерии для руководства тактическими занятиями или для проверки тактических знаний офицеров, почти не оказывали существенной помощи в повышении подготовки командного состава артиллерии в тактическом отношении.

Что же касается войсковых маневров, то они давали только некоторую практику штабам в отдаче приказаний и распоряжений, но на тактическую подготовку частей и командного состава не оказывали почти никакого влияния.

В артиллерийских частях до войны с Японией тактика была также в полном пренебрежении. По полученному образованию громадное большинство артиллерийских офицеров являлись математиками, что, влияя на склад их ума и характер, делало их не склонными к столь неточному искусству, как тактика с ее неопределенными данными «*повелевающей обстановки*». Среди многих офицеров артиллерии, в особенности получивших высшее специальное образование в Артиллерийской академии, где главными научными дисциплинами были математика, механика, баллистика, физика, химия, замечалось даже отрицательное отношение к тактике.

Высшие общевойсковые начальники, за немногими исключениями (М. И. Драгомиров), держались в стороне от артиллерии. В многие годы, предшествовавшие русско-японской войне, они не проявляли стремления внушить командному составу артиллерии доверие к тактике, поднять его образование в тактическом отношении и, наконец, перевоспитать в духе проявления личной инициативы.

Причина такой косности кроется в усвоенных тогда взглядах на артиллерию. В то время сложилось убеждение, что артиллерия — не только вспомогательный род оружия, но что она и не должна претендовать на инициативу, так как роль ее в бою очень проста и она может приносить пользу ровно настолько, насколько пехотное начальство умеет воспользоваться могуществом артиллерийского огня. До русско-японской войны считали, что главная задача артиллерии — начать огневой бой с артиллерией противника и тем отвлечь ее огонь от своей пехоты, остальное — дело самой пехоты; артиллерийское содействие понимали так же, как и в последнюю турецкую войну: «с такого-то по такой-то час артиллерийская подготовка, а с такого-то часа — движение в атаку». Это осуществлялось на практике буквально: артиллерия стреляла в назначенное ей время и бездействовала во время атаки, и, наоборот, пехота бездействовала во время «*артиллерийского состязания*» и при атаке действовала уже без поддержки артиллерии. Так русская армия

поступала во время трех атак Плевны в войну 1877—1878 гг., несла огромные потери от огня, терпела неудачи. Но уроки этой войны прошли для нее почти бесследно, и роль огня оставалась для войсковых масс невыясненной.

Чрезвычайно слабая тактическая подготовка в артиллерийском отношении всей русской армии сказалась в русско-японскую войну в полной мере.

Как говорит официальная история русско-японской войны: «...в общую массу артиллерийских начальников понимание тех тактических выгод, которые могли быть получены при угломере, проникнуть не успело. В возможность успешно действовать и с закрытых позиций не верили не только многие войсковые начальники, но вместе с ними и некоторые высшие артиллерийские командиры».

В первых боях русские батареи в большинстве случаев располагались открыто на гребнях высот и даже на передних скатах, не принимая никаких мер маскировки. На разведывательный огонь японской артиллерии русские батареи обычно немедленно отвечали и сразу же себя обнаруживали.

Русская артиллерия нередко располагалась на близких от противника открытых позициях и бесцельно платилась жизнью своих солдат, что являлось результатом рутины, полного пренебрежения к новейшей технике, к огню, к вопросам современного боя. В бою под Вафангоу 3-я и 4-я батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады выскочили на гребень и были расстреляны. Затем гибель батареи полковника Покотилло под Ляояном и многие другие горькие уроки доказали, что для преодоления вредной рутины нужна упорная школа мирного времени.

Русская артиллерия стреляла технически лучше японской, но тактику огня она усвоила лишь после кровавого опыта войны. В большинстве случаев не было связи стреляющей артиллерии со старшими артиллерийскими начальниками, со стороны которых отсутствовало руководство огнем, столь необходимое в интересах достижения общей задачи боя. Чуть ли не каждый батарейный командир самостоятельно выбирал себе цели и стрелял по своему усмотрению или, что еще хуже, вовсе не стрелял, ссылаясь на неполучение приказаний. Нередко работа артиллерии в бою сводилась как бы к «артиллерийским дуэлям» отдельных батарей.

Отсутствие взаимного понимания и внутренней связи между артиллерией и пехотой; двойственная подчиненность артиллерии (с одной стороны, своему прямому артиллерийскому начальству, с другой — общевойсковому) и в результате этого отсутствие интереса к артиллерии со стороны общевойсковых начальников; плохая тактическая подготовка артиллерии; воспитание армии, в том числе ее артиллерии, в духе боязни ответственности и беспрекословного подчинения, приводившее к инертности и боязни проявления личной сознательной инициативы и самостоятельности; наконец, существовавшая в то время рознь между отдельными родами войск, приводившая к некоторому взаимному недоверию и неправильному сознанию долга взаимной выручки, — все эти непростительные

грехи подготовки русской армии в прошлом ярко обнаружились на полях Маньчжурии, столь обильно и напрасно политых кровью русских солдат во время русско-японской войны.

На войне выяснилось, что при ведении огня современной артиллерией, в большинстве случаев с предельно больших дальностей, пехота довольно скоро удаляется от своих орудий на 2—3 км и более, вследствие чего крайне затрудняется или вовсе прерывается связь пехотного начальника с артиллерией. В таких случаях артиллерийский начальник должен самостоятельно следить за всеми перипетиями пехотного боя и сам заботиться о своевременной поддержке своей пехоты огнем. Между тем этого не замечалось даже в оборонительных боях.

В бою под Мукденом один из русских артиллерийских дивизионов, состоявший при войсках, атакованных японцами, под сплошным и грозным прикрытием шимоз и шрапнелей, рвавшихся над пехотой, почему-то замолчал; только спустя довольно много времени и лишь после энергичного приказания начальника обороняемого участка дивизион возобновил огонь. Командир дивизиона, отличный и храбрый артиллерист, объяснил молчание «неполучением приказа».

К рекомендуемой Драгомировым быстрой перемене позиции, в тех случаях, когда пехота настолько сближалась с противником, что появлялась опасность поражать своих недолетами снарядов, артиллерия оказалась неспособной: требовались большая выучка и подвижность системы, чтобы выполнить такой рискованный маневр в бою.

В том же мукденском сражении на поддержку 5-й стрелковой бригады, оборонявшей селение Янсытунь и оказавшейся в крайне тяжелом положении под жестоким артиллерийским огнем японцев, прислан был на помощь конно-артиллерийский дивизион полковника Гаврилова. Невзирая на крайнюю серьезность положения, искреннее желание испытанного в боях дивизиона помочь пехоте и несмотря на известное мужество его командира, выезд на позицию прибывших конных батарей не мог состояться в течение целого дня вследствие сильного обстрела со стороны японской артиллерии. Пехоте пришлось отбиваться без их помощи.

Примером отрицательного влияния нецелесообразной подчиненности артиллерии может служить атака селения Чжантань-хенань 20 января 1905 г. частями 1-й и 5-й стрелковых бригад, которым была придана артиллерия корпуса из 48 скорострельных 3-дюймовых пушек, 16 поршневых пушек и 18 полевых мортир. Русским стрелкам, овладевшим селением, было приказано окопаться. Но японцы открыли такой убийственный артиллерийский огонь, что до вечера нельзя было приступить к работам. Русская артиллерия оставила своих стрелков без поддержки, так как по приказанию начальника артиллерии корпуса перенесла весь свой огонь на селение Сандепу и занялась его бомбардированием. Между тем начальник артиллерии корпуса находился в 5 км от места боя, но не был подчинен общевойсковому начальнику, ответственному за атаку, распоряжаться же его артиллерией считал себя вправе.

В подобных случаях не приходится винить только пехоту и пехотное начальство за незнакомство со свойствами артиллерии. Русско-японская война напомнила артиллеристам об обязательном для них знании тактики пехотного боя. Только понимая этот бой и умея вполне самостоятельно за ним следить и оценивать его ход, современный артиллерист сможет проявить разумную инициативу в смысле своевременной и действительной поддержки не только своих, но, при необходимости, и соседних частей пехоты.

Положительным примером подобного проявления артиллерийского почина могут служить действия артиллерии 3-го Сибирского корпуса в бою под Ляояном. Корпус этот занимал крайний правый фланг левой группы русских войск. Японцы, желая прорваться в 6-верстный интервал между двумя группами русских корпусов, обрушились на 4-й Сибирский корпус, оборонявший левый фланг правой группы. Тогда по инициативе командира 3-го Сибирского корпуса генерала Н. И. Иванова (бывшего артиллериста)[1], без всякого приказания свыше или просьбы со стороны 4-го Сибирского корпуса, для поддержки последнего был открыт ураганный огонь артиллерии 3-го Сибирского корпуса, который и помог отбить атаки японцев. Такие случаи во время русско-японской войны были исключением. Напротив, отсутствие взаимной поддержки часто наблюдалось даже между артиллерийскими частями. Соседние артиллерийские боевые участки не только разных отрядов, но даже одного и того же отряда редко входили в непосредственную взаимную связь между собой. Русско-японская война подтвердила важность объединения управления войсками в бою вообще и в частности объединения управления артиллерией. Вместе с тем эта война с полной очевидностью выявила, что в современном бою успех зиждется не столько на приказаниях свыше, сколько на взаимной ориентировке, на самодеятельности, на проявлении частного почина и на взаимной выручке.

Отрицательным и типичным случаем отсутствия связи между соседними артиллерийскими участками может служить следующий эпизод мукденского сражения. 16 февраля 1905 г. японцы атаковали деревню Безымянную, занятую двумя ротами 17-го стрелкового полка. Вследствие тяжелых потерь от артиллерийского огня (в одной из рот осталось лишь 37 стрелков) и полного уничтожения укрытий мужественно оборонявшиеся роты принуждены были отступить. В этом упорном бою, длившемся с раннего утра до полудня, с японской артиллерией боролся лишь один 5-й стрелковый артиллерийский дивизион. Стоявший на позиции рядом с ним 2-й стрелковый артиллерийский дивизион, вероятно ввиду своей принадлежности к составу другой стрелковой бригады, которой атака совершенно не угрожала, не поддержал боевого соседа, хотя деревня Безымянная от него находилась всего лишь в полутора верстах и была хорошо видна.

---

[1] Генерал Иванов во время первой мировой войны был главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

По принятому в то время порядку, для получения артиллерийского содействия соседнего боевого участка следовало обратиться сначала в высшую инстанцию, которая делала соответствующее распоряжение, если признавала его необходимым.

Русско-японская война, удостоверив довольно удовлетворительную подготовку артиллерии русской армии в отношении техники стрельбы, обнаружила в общем ограниченность тактического кругозора ее командного состава.

Что же касается старших общевойсковых начальников, то все они почти без исключения оказались мало знакомыми со свойствами новой скорострельной артиллерии и применением ее в бою. В большинстве случаев они даже не вмешивались в боевую работу артиллерии; если же иногда пытались ею распоряжаться в бою, то часто крайне неудачно, заставляя занимать открытые позиции, стрелять по целям, не заслуживающим внимания артиллерии или не достижимым для ее огня.

Вследствие незнакомства с новейшей тактикой артиллерии и отчасти из-за чрезмерной осторожности, настойчиво проводимой генералом Куропаткиным, старшие общевойсковые начальники имели вредное обыкновение оставлять в резерве значительную часть артиллерии, причем вводилась она в бой с опозданием или вовсе не вводилась и была обречена на бездействие.

Из опасения потери тяжелых орудий при отступлении, о котором прежде всего думали многие старшие начальники, по их распоряжению осадная артиллерия убиралась в тыл настолько заблаговременно, что или не успевала принести пользы своим огнем (под Мукденом 130 осадных орудий были сняты с позиции слишком рано), или даже вовсе не успевала открыть огонь (под Ляояном 28 осадных орудий, расположенных на позиции, были убраны в Телин, не сделав ни одного выстрела).

Опыт русско-японской войны с полной очевидностью показал, что современная артиллерия, обладающая в скорострельных дальнобойных пушках могущественным средством внезапного и сильного поражения противника, может достигать решительных результатов лишь при условии, если ее командный состав в тактическом отношении будет стоять не только не ниже, но выше других родов войск, если он будет способен быстро разбираться в тактической обстановке и безбоязненно принимать решения.

После войны предстала трудная задача — внушить командному составу артиллерии доверие и уважение к тактике, подняв его образование в тактическом отношении, и, наконец, перевоспитать его в духе проявления личной инициативы; особенно нелегко было последнее.

Задача эта была выполнена в течение последующих пяти-шести лет после войны лишь до некоторой степени: рутина беспрекословного исполнения приказаний начальства пустила слишком глубокие и крепкие корни в старой армии.

По настоянию генерал-инспектора артиллерии еще с 1904 г. было обращено серьезное внимание на преподавание тактики в ар-

тиллерийских училищах, в академии и особенно в офицерской артиллерийской школе, причем тактика артиллерии была выделена в отдельный предмет. В школу были назначены опытные руководители по тактике из лиц со специальным академическим образованием или проявивших выдающиеся способности во время войны.

После русско-японской войны, в 1906—1908 гг., в школу на летний период занятий, кроме обычного переменного состава из кандидатов на получение батарей и дивизионов, командировались еще старшие артиллерийские начальники из не проходивших курса школы, не исключая даже престарелых инспекторов артиллерии. При этом руководителю по тактике было вменено в обязанность обращать исключительное внимание на практические занятия в поле с этими старшими артиллерийскими начальниками. Многие из них по преклонности лет, по отсталости от современных требований службы или по расстроенному здоровью оказались неспособными к исполнению своих обязанностей при решении тактических задач в поле и были вынуждены оставить военную службу, получив соответствующее пенсионное обеспечение[1].

Для заканчивающих курс офицерской артиллерийской школы аттестация в тактическом отношении имела такое же первенствующее значение, как и аттестация по искусству в стрельбе.

По окончании войны с Японией русская полевая артиллерия со всей энергией обучалась искусству стрельбы с закрытых позиций при помощи угломера, так как война подтвердила безусловную необходимость такой стрельбы для современной артиллерии. Обучение стрельбе проводилось главным образом при посредстве офицерской артиллерийской школы, подготовлявшей старший командный состав артиллерии.

Еще в 1905 г. приказом генинспарта были объявлены для руководства артиллерии: а) программа стрельб полевой артиллерии; б) инструкция начальникам учебных артиллерийских полигонов; в) программа проверки знаний офицеров батарей; г) указания по производству зимних стрельб и артиллерийских маневров[2].

Офицерская артиллерийская школа разработала «Правила стрельбы и указания по применению угломера» с объяснительной запиской и издала «Сведения по стрельбе полевой артиллерии», служившие настольной книгой для строевого артиллерийского командира.

Неспособные к практическому пониманию тактики, как и неспособные к стрельбе, не получали ни батарей, ни дивизионов и переводились на службу в артиллерийские парки или на административные должности. Таким путем подбирался командный состав артиллерии, действительно практически сведущий и в техническом и в тактическом отношениях.

---

[1] С 1909 г. командирование в школу старших артиллерийских начальников прекратилось, и среди них дожило до первой мировой войны немало отсталых от современных требований техники и тактики артиллерии.

[2] Приказ по артиллерии 6 июля 1905 г. № 109.

К 1908—1910 гг. большие достижения в технической подготовке полевой артиллерии были несомненны, но тактическая подготовка оставляла желать еще очень многого, так как зависела главным образом от подготовки артиллерии в связи с другими родами войск.

Жестокие уроки русско-японской войны пробудили интерес к артиллерии, в особенности среди Генерального штаба, но все же каждый род войск продолжал жить довольно обособленно; совместных сколько-нибудь серьезных занятий не проводилось, внутренняя связь между войсками не крепла. Попрежнему до 1910 г. артиллерия оставалась не подчиненной начальникам дивизий, вследствие чего большинство старших общевойсковых начальников держалось в стороне от артиллерии, а некоторые относились к ней с предубеждением, считая ее привилегированным родом оружия, находящегося под защитой своего «высокого начальства».

Исключение в этом отношении составляли Туркестан, Кавказ и некоторые глухие пограничные окраины, где войска жили между собой дружно и служба их в мирное время являлась более объединенной.

Специальная подготовка полевой артиллерии в техническом отношении, проводившаяся по окончании русско-японской войны, была доведена к началу мировой войны до высокой степени совершенства и не оставляла желать лучшего. В тактическом отношении артиллерия была подготовлена значительно слабее [1].

Искусные действия русской артиллерии в маневренный период войны 1914—1915 гг. не только получили должную высокую оценку со стороны своей пехоты, но вызывали даже удивление немцев и служили им примером.

Начальник штаба верховного главнокомандующего еще в начале войны — 21, 27 и 29 августа (3, 9 и 11 сентября) 1914 г. — телеграфировал (№ 652) военному министру: «Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией... Стреляет она великолепно. Боясь нашей артиллерии, австрийцы стали предпринимать ночные нападения» [2].

Гинденбург, давая оценку русской армии в 1915 г., сказал: «русская артиллерия стреляет хорошо, хотя с огромным расходом снарядов».

Известно также, что немцы, стрелявшие в начале войны с полузакрытых маскированных позиций и поэтому жестоко пострадавшие от русской артиллерии, потом переучивались, заимствуя русские приемы закрытого расположения и правила стрельбы.

В отношении столь хорошей подготовки русская артиллерия обязана была главным образом своему генерал-инспектору, который в течение десятилетия, предшествовавшего войне, все свои знания

[1] Дела В.-уч. архива, 177—149 и 187 – 398.

[2] Красный архив, т. I, „Переписка генерала Сухомлинова с генералом Янушкевичем". Тяжесть боев, в смысле наибольших потерь, ложилась всегда на пехоту. — *Е. Б.*

и свое большое искусство в артиллерийской стрельбе, все свое внимание отдавал боевой подготовке артиллерии. Если в области организации, усиления и снабжения артиллерии, непосредственно не подведомственной генерал-инспектору артиллерии, далеко не все его начинания получали осуществление, а некоторые встречали иногда противодействие со стороны военного министра, то в области боевой подготовки личного состава артиллерии он был почти полновластным хозяином.

Генерал-инспектор артиллерии ежегодно без предупреждения бывал на практических стрельбах в большинстве артиллерийских частей. Особенное внимание им уделялось бывшей офицерской артиллерийской школе, через которую проводилось в жизнь все новое по части техники, тактики и стрельбы артиллерии и на которой лежала важная задача подготовки старшего командного состава.

Генерал-инспектор артиллерии лично знал почти весь старший командный состав артиллерии, так как без его заключения не проводилось ни одно назначение на должности командира батареи и выше.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИИ

Боевая сила полевой артиллерии обусловливается могуществом ее огня и способностью маневрировать.

Артиллерия служит мощным средством достижения поставленных боевых задач. Она не может иметь собственных конечных целей в бою; ее боевая деятельность должна быть проникнута стремлением всемерно помочь другим войскам и обеспечить успех их боевой работы.

Обучение артиллерии в тактическом и техническом отношениях имеет исключительной целью подготовку ее к боевым действиям и должно охватывать все отрасли боевой деятельности артиллерии.

Строевые артиллерийские части должны быть постоянно готовы к действию в бою, хотя бы и в уменьшенном составе; они должны быть всегда обеспечены надежным и достаточным кадром обученных людей. Сообразно этому вырабатывается в артиллерии программа и распределяются годовые занятия по боевой подготовке.

Условия правильного обучения артиллерии общие для всех войск: 1) учить войска в мирное время следует тому, что придется им делать в боевой обстановке; 2) учить нужно в такой последовательности, чтобы из хода обучения была видна цель каждого отдела боевой подготовки; 3) учить должно преимущественно показом.

От каждого артиллериста требуются в бою находчивость и спокойствие во всякого рода обстоятельствах, знание своего оружия и умение им действовать, привязанность к своему оружию и вера в его силу.

От артиллерийских начальников сверх того требуются высокая тактическая и техническая подготовка, способность принимать безбоязненно решения для достижения общей задачи боя, умение пра-

Центральной ВМБ
БИБЛИОТЕКА

вильно, быстро и без колебаний применять общие основы уставов и наставлений к условиям меняющейся обстановки боя.

Все чины командного и начальствующего состава (как офицеры, так и солдаты) должны обучаться и практиковаться в исполнении обязанностей, отвечающих как занимаемой ими должности, так и непосредственно высшей.

В драгомировском Уставе полевой службы 1904 г. содержалось немного указаний относительно боевого использования артиллерии. Указания эти были в общем правильны, за исключением некоторых, не отвечающих современным условиям боя при скорострельной дальнобойной артиллерии, как то: оставление части артиллерии в резерве, требование быстрых переездов артиллерии за атакующими войсками на ближайшие к противнику позиции, требование избегать стрельбы через головы своих войск и пр.

Полевой устав 1904 г., несмотря на многие его достоинства, все же после войны с Японией считался устаревшим, поэтому им мало руководствовались, предпочитая разные официальные, чаще же неофициальные руководства, инструкции и наставления, по большей части значительно даже уступавшие уставу 1904 г. и в основной мысли и изложении представлявшие удачные или неудачные измышления отдельных лиц, не объединяемых общей руководящей идеей. Вследствие этого в русской армии после русско-японской войны проявилось колебание мысли в важнейшей области тактики — в вопросе о применении войск в бою — и особенно в области тактики артиллерии.

Полевой устав 1904 г. следовало переработать на основании опыта русско-японской войны непосредственно после ее окончания, но русский Генеральный штаб удосужился выпустить новый Полевой устав только осенью 1912 г. и в продолжение семи лет после окончания войны с Японией не предпринял решительных шагов, чтобы рассеять туман тактических воззрений, сгустившийся в армии. Правда, в академии Генерального штаба на тактику артиллерии было обращено серьезное внимание; она была выделена в особый предмет. В академию были приглашены лекторами известные артиллеристы с ученым и боевым стажем, работавшие рука об руку с профессорами тактики. Некоторые профессора и преподаватели академии специально занялись тактикой артиллерии и с целью практического ее изучения прикомандировывались по собственному желанию для прохождения курса к офицерской артиллерийской школе. Они писали статьи по вопросам тактики артиллерии, издавали даже учебники и руководства, но труды их не могли служить официальными руководствами для войск, и в них не было определенного начала, объединяющего различные, иногда противоречивые взгляды в области тактики артиллерии. На большинстве трудов сказалось влияние доктрины французской артиллерии, так как многие русские генштабисты и артиллеристы того времени увлекались трудами известного тогда французского артиллериста генерала Ланглуа и др.

Вскоре после окончания русско-японской войны, в январе 1906 г., появилась статья одного из талантливых исследователей в области французской артиллерии, майора Эстиена, в которой, несмотря на полученный опыт войны, между прочим, говорилось следующее [1]:

«Современный артиллерист должен хорошо проникнуться мыслью, что его польза при атаке измеряется не потерями, которые он причиняет, но потерями, от которых он уберегает свою пехоту, или, еще лучше, тем пространством, которое он дал пройти своей пехоте без выстрела.

Такой вид атаки, может быть, не представляется классическим. Во многих сочинениях говорят еще охотно о *подготовке* атаки артиллерией; даже в последних войнах еще прибегали к помощи устарелого приема усиленного артиллерийского обстреливания, *предшествовавшего* атаке пехоты; это применимо по отношению к постройкам, к материальным преградам, но результат оказывался всегда очень плохим против войск, которые умеют укрываться, когда подходит ураган, и обнаруживаться, как только он прошел.

Для артиллерии есть дело лучше, чем *подготовлять атаку, это — поддерживать ее* [2], не обнаруживая ее раньше времени бесполезной пальбою. Огонь артиллерии и наступление пехоты должны быть одновременны; одна стреляет, стоя на месте, другая идет без стрельбы. Такое разделение труда требует тонкого согласования, но зато в высокой степени плодотворно и экономично».

Комментируя эту статью, переводчик ее, выдающийся русский артиллерист С. Н. Дельвиг, в бытность которого в 1905—1910 гг. помощником начальника офицерской артиллерийской школы последняя достигла высшего расцвета своей деятельности, в заключение, между прочим, говорил:

«Угодно или неугодно, но есть и атака и оборона... атака требует такого превосходства в артиллерии, чтобы она была способна одновременно привести к молчанию артиллерию противника и прикрыть движение вперед своей пехоты. Можно почти всегда достичь этого превосходства в одном районе, прибегая, если надо, к обороне на всем остальном фронте.

При атаке долг пехоты — наступать; долг артиллерии — *удерживать* как можно дольше защитников противника *лицом к земле* [2], чтобы они плохо стреляли. Ударная стрельба драгоценна в последние минуты из-за своей точности и получаемой стойкости дымовой завесы...

При обороне первая обязанность артиллерии — бороться с батареями противника, мешать им стеснять ружейный огонь обороны, которому в принципе принадлежит задача остановить наступление нападающего.

Одним словом, прежде чем мечтать о поражении, все равно где, наибольшего числа врагов, будем иметь постоянную заботу помочь

---

[1] „Артиллерийский журнал". Перевод статьи I. E. Estienne „Causerie sur la tactique a l'usage de l'artillerie" („Revue d'artillerie", Janvier, 1906).

[2] Курсив мой. — *Е. Б.*

нашей пехоте, иногда ее движению без стрельбы, иногда ее стрельбе без движения».

Во французской армии тактическая доктрина 1914 г. в части, касающейся артиллерии, выражена следующим образом в докладе военному министру, служившем введением к новому французскому полевому уставу [1]:

«Вплоть до последнего времени считали, что основной долг артиллерии в бою — достигнуть превосходства в огне над артиллерией противника, а затем роль ее заключается в подготовке пехотных атак путем разрушения снарядами предназначенных для атаки целей, прежде чем пехота начнет действовать.

В настоящее время признано, что существенная роль артиллерии заключается в поддержке пехотных атак путем разрушения всего, что препятствует их успеху. Стремление достигнуть превосходства над артиллерией противника преследует лишь цель добиться максимума действий по объектам пехотной атаки... Что касается подготовки атак артиллерией, то она не будет независимой от действий пехоты, так как артиллерийский огонь мало действителен против укрытого противника [2], а для того, чтобы вынудить его выйти из закрытий, нужно атаковать его пехотой. Взаимодействие между двумя родами войск должно быть, следовательно, постоянным. Артиллерия не подготовляет больших атак, она их поддерживает».

Германцы своевременно учли, что единственным средством поражения противника за закрытиями является применение навесного огня артиллерии. Они приняли на вооружение гаубицы не только легкого, 105-мм калибра, но среднего и крупного калибров.

Германский артиллерийский устав 1912 г. так определял назначение гаубицы [3]: «Легкая гаубица решает те же задачи, как и полевая пушка. Она значительно действительнее пушки при стрельбе по укрытой артиллерии, по целям, расположенным позади закрытий, по населенным пунктам и по войскам в высокоствольном лесу».

Русская артиллерия при разрешении вопросов боевой подготовки шла в большинстве случаев по самостоятельному пути, и если прислушивалась иногда, то в гораздо большей степени к голосу французов, чем к голосу немцев. Влияние французов сказалось отчасти на подготовке русской артиллерии в тактическом отношении. Русская артиллерия своим основным назначением считала содействие в бою войскам других родов, понимая, как и французская артиллерия, что это содействие должно заключаться в *поддержке атак, но не в подготовке их*.

Проводником основ боевой подготовки русской артиллерии в тактическом и техническом отношениях являлась офицерская ар-

---

[1] *Эрр*, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, стр. 15 и 16, ГВИЗ, 1932 г.

[2] Из 75-*мм* полевых пушек, но не из гаубиц, которых французы до первой мировой войны не признавали.

[3] *Эрр*, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, стр. 22, ГВИЗ, 1932 г.

тиллерийская школа. После неизбежных колебаний при установлении выводов о боевом применении артиллерии по опыту русско-японской войны и после урегулирования идей в предположениях о войне будущего офицерская артиллерийская школа приблизительно с 1908 г., не дождавшись нового полевого устава, пошла по намеченному ею пути в отношении тактической подготовки.

Русская полевая артиллерия подготавливалась в тактическом отношении на следующих главнейших основаниях (см. ч. IV), проводимых офицерской артиллерийской школой и одобренных генштабом [1].

Артиллерия назначается для содействия пехоте и коннице; своим огнем она подготавливает успех в выполнении общих задач боя.

Артиллерия не имеет собственных конечных целей в бою; лишь в исключительных случаях самообороны она может временно направлять свои выстрелы против угрожающего ей неприятеля.

Роль артиллерии в бою сводится к огню по тем войскам противника, которые при данной обстановке имеют наибольшее значение для своей пехоты или конницы.

Общевойсковой начальник ставит артиллерии задачи, которые распределяются старшим артиллерийским начальником между подчиненными ему частями артиллерии.

В пределах поставленной задачи каждому артиллерийскому командиру предоставляется самостоятельность в выборе целей для стрельбы.

При современных условиях ведения боя, когда обстановка создает самые разнообразные и непредвиденные заранее положения, а управление боем настолько затруднено, что приказания свыше часто будет ждать некогда, а подчас и неоткуда, артиллеристу нельзя оставаться только исполнителем первоначально поставленной ему задачи и в ожидании распоряжений начальства не избирать самому цели для стрельбы.

Артиллерийский начальник, как и всякий другой, обязан проявить почин и принять самостоятельное решение в тех случаях, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда обстановка боя быстро изменилась, а новых приказаний не получено.

В артиллерии проявление разумной инициативы при неполучении приказаний имеет не меньшее значение, чем в других родах войск, так как выгодные случаи действия батарей представляются минутами, а свойства огня полевой артиллерии позволяют наносить поражения в самый короткий срок.

Уверенность в правильности поставленной задачи и распределения огня артиллерии может быть только при совершенно выяснившейся обстановке, например в бою с неподвижным противником, пассивно обороняющимся на укрепленной позиции, или в бою на ровной открытой местности, допускающей полный кругозор и об-

---

[1] „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", изд. 1911 г., стр. 129—140.

стрел для батарей при их сосредоточенном расположении, когда управление ими просто и легко. Подобные благоприятные условия представляются в исключительных случаях. Напротив, в бою приходится обыкновенно действовать в крайне изменчивой обстановке — на разнообразной пересеченной местности, учитывая возможность нарушения связи и выбытия из строя начальников. Поэтому, несмотря на желательность объединения тактического управления огнем артиллерии в руках старших начальников, необходимо допустить инициативу и для младших командиров (до командиров батарей включительно).

При выборе целей для стрельбы по личному почину необходимо руководствоваться прежде всего долгом взаимной выручки и поддержки, имея в виду, что в бою усилия всех войск должны быть направлены к достижению одной общей задачи. При этом следует соблюдать такие правила: 1) доносить непосредственному начальнику о принятом решении стрельбы по личному почину и 2) не обстреливать по своей инициативе фронтальным огнем ту цель, против которой уже рвутся снаряды своей артиллерии. В противном случае проявление артиллеристами частного почина может привести к вредным последствиям: к раздробленному и хаотическому огню, а следовательно, и слабому, вместо сосредоточенных усилий массового огня орудий, или к бесполезному нагромождению огня многих батарей по одной и той же цели, в особенности при фронтальном огне.

Для боя нельзя дать правил, пригодных на все случаи, так как в бою приходится действовать большей частью в условиях непредвиденной обстановки. По той же причине не может быть неизменных, определенных правил выбора целей для стрельбы артиллерии в бою. В данном вопросе необходимо руководствоваться следующими общими основными положениями: надо избирать цели, важнейшие в тактическом отношении при данной обстановке; при трудности решить, какая цель важнее, избирается цель, опаснейшая для своих войск или для себя и, наконец, удобнейшая для поражения. Прочно организованная в бою связь артиллерии с другими войсками облегчает оценку целей, имеющих для них наибольшее значение.

Высокая тактическая подготовка артиллерийских начальников и командиров служит вернейшим залогом правильного выбора ими целей для поражения и способности их принимать безбоязненно самостоятельные решения для достижения общей задачи боя, не ожидая приказаний свыше.

Руководящая мысль приведенных выше общих оснований боевого применения артиллерии ясна: необходимо для артиллеристов самое широкое проявление инициативы в соответствии с изменениями боевой обстановки.

До начала мировой войны указанные общие основания для действий полевой артиллерии в бою признавались в общем правильными и почти не противоречащими официальным Уставу полевой службы и «Наставлению для действия полевой артилле-

рии в бою», полученным войсками для руководства лишь осенью 1912 г.

Новый Полевой устав 1912 г., как и прежний устав 1904 г., недостаточно учитывал могущество современного огня, давшего большие преимущества обороне. В уставе 1912 г. относительно артиллерии имелось больше указаний, чем в прежнем уставе. Некоторые указания были весьма ценными, как то[1]: *взаимная ориентировка* общевойсковых начальников и подчиненных им артиллерийских начальников в положении неприятеля и в своих действиях и предположениях; введение артиллерии в бой сразу в таких силах, чтобы *достигнуть перевеса в огне;* образование самостоятельных *артиллерийских боевых участков;* признавалось, что «в небольших отдельно действующих отрядах легкую полевую артиллерию выгодно не распределять по участкам» пехоты; необходимость добиваться в бою не массирования орудий в одном месте, а возможности *сосредоточения огня,* с раздельным расположением для этой цели артиллерии на боевых участках; *охватывающее расположение артиллерии,* чтобы иметь возможность обстреливать неприятеля «фланговым или хотя бы косым огнем»; важность связи между *пехотой и артиллерией,* установление которой возлагалось на артиллерийских начальников; выдвижение к авангарду хотя бы некоторых частей артиллерии главных сил, не ожидая развертывания их в боевой порядок, чтобы поддержать это развертывание и быстрее достигнуть перевеса в артиллерийском огне над противником и пр.

В Полевом уставе имелись краткие, но в общем правильные указания о боевом применении мортирной (гаубичной) и полевой тяжелой артиллерии. Согласно уставу мортирные (гаубичные) батареи считалось выгодным «применять по целям, закрытым спереди: по щитовым орудиям, по пехоте и артиллерии в окопах, по пехоте, занимающей населенные пункты и укрывшейся в лесу, и по опорным пунктам»; тяжелые полевые гаубицы предлагалось применять «для разрушения прочных целей (укреплений, блиндированных построек и пр.)», а тяжелые полевые пушки считались выгодными «также для поражения с дальнего расстояния войсковых колонн и войск, сосредоточенных на небольшом пространстве»; кроме того, «особой задачей» тяжелой полевой артиллерии по ее свойствам считались «обстрелы глубоких резервов, опорных пунктов внутри расположения неприятеля и т. п.».

Наряду с целесообразными указаниями в уставе 1912 г. сохранились некоторые указания устава 1904 г., не отвечающие свойствам современной артиллерии и могущие вызвать несоответствующие распоряжения со стороны исполнителей, а именно: оставление части артиллерии в общем резерве в «крупных отрядах»; но понятие «крупный отряд» — относительное, растяжимое, и некоторые начальники могли оставлять часть своей артиллерии в резерве с пехотой в ущерб указанной в том же § 444 устава необхо-

[1] Устав полевой службы, утв. 27 апреля 1912 г., § 427, 441—449, 461, 467, 469, 471, 490, 495, 496, 506, 508, 521, 523, 524, 525.

димости введения в бой артиллерии *в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне;* или расположение артиллерии «с самого начала» наступательного боя «возможно ближе к неприятелю, но вне сферы его ружейного огня, занимая позиции закрытые, полузакрытые и даже открытые, в зависимости от местности и данных ей боевых задач», по мере же «продвижения пехоты вперед, при возникновении новых задач» действие артиллерии «преимущественно с полузакрытых и открытых позиций, допускающих более быстрое открытие огня». Между тем, согласно общим основаниям боевой подготовки артиллерии, которыми руководствовалась офицерская артиллерийская школа, и «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., артиллерия в наступательном бою «должна поддержать пехоту с самого начала ее развертывания, почему удаление первых позиций *не может быть очень мало*», — это, во-первых, а во-вторых, «артиллерия атакующего должна использовать выгоды *закрытых позиций»,* что «особенно выгодно ввиду неясности обстановки и опасности от огня батарей обороны», и только по мере «развития боя и достижения боевого перевеса обстановка разъясняется, элемент времени приобретает первостепенную важность, а закрытия получают для артиллерии меньшее значение, и ей придется действовать также с *полузакрытых и открытых позиций»,* допускающих более быстрое открытие огня артиллерии и в меньшей степени требующих применения искусственной связи[1].

Очевидно, составители Полевого устава 1912 г. не отдавали себе отчета в том, что применение открытых или полузакрытых позиций не дает никаких преимуществ в смысле нанесения поражения по сравнению с закрытыми позициями, а скорее наоборот, и что наивыгоднейшими в смысле достижения взаимной огневой поддержки и наибольшей площади поражения являются дальности: для 76-мм полевой пушки — не ближе 3 и не дальше 4 верст (3,2—4,3 км); для 107-мм полевой тяжелой пушки — 4—5 верст (4,3—5,3 км) и т. д.[2].

В Полевом уставе 1912 г. нет прямых указаний на основное назначение артиллерии как рода войск. В уставе говорится, что *«все роды войск обязаны поддерживать и выручать друг друга*, а также развивать успех, достигнутый которым-нибудь из них».

Общая задача артиллерии при наступлении и по уставу и по «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» — своим *огнем прокладывать дорогу пехоте* и «облегчать ее боевую работу», т. е., иначе говоря, содействовать атаке пехоты, но не подготавливать ее.

Общим заблуждением при подготовке в тактическом отношении полевой артиллерии являлось то, что в старой русской армии не в достаточной степени считались с прогрессом огнестрельного

---

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою", утв. 28 февраля 1912 г., § 133 и 134.

[2] „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", стр. 153, 154, изд. 1911 г.

оружия, переоценивали могущество полевой 76-мм пушки и не в полной мере учитывали значение гаубиц и тяжелых орудий при наступлении.

Обучение царской русской армии, как и армий прочих государств, велось в духе решительных наступательных действий, поддержанных, но не подготовленных огнем.

Нет сомнений, что «наилучшим способом достижения цели служат действия наступательные»[1] и что необходимо всемерно развивать в армии инициативу и активность. Но при этом не следовало закрывать глаза на неизбежность огромных потерь атакующего от огня обороны, столь могущественного в условиях современной техники.

Проводя доктрину решительного наступления, необходимо было дать армии и соответствующие боевые средства, чтобы не только поддержать атаку огнем, но и обеспечить ее, уничтожив артиллерийским огнем силу обороны.

В Полевом уставе и в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., а также в указаниях офицерской артиллерийской школы проводилась мысль, что артиллерия должна облегчить наступление пехоте (устав), проложить ей путь (наставление), содействовать пехоте и обеспечить ей движение вперед (указания школы). Словом, от артиллерии требовали только поддержки, а не подготовки атаки.

Русские артиллеристы представляли себе поддержку атаки так: артиллерийский огонь должен загнать обороняющегося за закрытия и тем дать возможность атакующей пехоте безопасно продвигаться вперед, пока укрывшаяся пехота противника не может стрелять. При этом рассчитывали, что противник, прятавшийся во время артиллерийского обстрела, подавленный морально и отчасти материально, едва ли будет в состоянии приподняться из-за закрытия и отбить атаку ружейным и пулеметным огнем, когда пехота, подойдя к нему на 200—300 шагов, останется без прикрытия и поддержки своей артиллерии, вынужденной во избежание поражения своих перенести огонь на тылы противника, на его резервы и пр. Расчеты эти далеко не подтвердились даже в маневренный период мировой войны и оказались совершенно ошибочными для позиционной войны.

Исходили из того, что война будет исключительно маневренной, как будто только и думали, что придется атаковать неприятеля, который сам будет обязательно наступать, будет в постоянном движении и никогда не прибегнет, хотя бы и временно, к закрытиям.

Правда, при обучении наступательному бою русской артиллерии ставились, между прочим, и такие задачи, как: а) «уничтожить» неприятельскую пехоту, — но здесь же с оговоркой, выражающей сомнение в возможности уничтожения, — «или во всяком случае заставить обороняющуюся пехоту приткнуться к земле»...;

[1] Устав полевой службы, утв. 27 апреля 1912 г., § 2.

б) «разрушать сооружения, которые, защищая противника, преграждают наше наступление»[1], а в Полевом уставе 1912 г. упоминалось, что для исполнения этих задач «выгодно применять» гаубичные и полевые тяжелые батареи[2].

По французскому уставу (§ 98) предполагалось, что «артиллерия будет уничтожать все, что мешает успешному продвижению пехоты». Но было непростительной иллюзией обольщать себя надеждой, в особенности для французов, не имевших ни полевых гаубиц, ни полевой тяжелой артиллерии, что 75-мм или 76-мм полевыми пушками возможно уничтожить укрывшуюся пехоту или разрушить сооружения, хотя бы полевые окопы самой слабой профили.

В самом начале мировой войны пехота потребовала от артиллерии не только поддержки, но и предварительной подготовки атаки, подготовки длительной, истощающей и могущественной, для выполнения которой необходимы были не только полевые пушки и гаубицы, но и мощные гаубицы возможно большего калибра.

Стрельба русской артиллерии перед мировой войной основывалась на пристрелке пробными выстрелами, дающей возможность путем наблюдения мест разрывов снарядов пристреляться или «захватить цель в вилку», т. е. определить данные для стрельбы (прицел, трубку, угломер), обеспечивающие поражение цели. Методы пристрелки по измеренным отклонениям тогда еще не были разработаны. Подготовка исходных данных для первого выстрела производилась упрощенными способами, и никакой надобности в их уточнении не чувствовалось.

Изданные в 1911 г. официальные Правила стрельбы полевой артиллерии заключали в себе главным образом правила пристрелки и содержали очень мало определенных указаний на методы ведения стрельбы на поражение (см. ч. V).

Не предвидя позиционной войны, русская артиллерия, как французская и германская, не подготавливалась к решению при стрельбе топографических и балистических задач. Впрочем, русской артиллерии некоторые приемы стрельбы, применяемые в позиционной войне, были отчасти известны, так как по инициативе руководителей офицерской артиллерийской школы Гобято и Шихлинского, бывших участников обороны Порт-Артура в русско-японскую войну, школа знакомила свой переменный офицерский состав с техникой стрельбы по укреплениям, пользуясь планом местности, разграфленным на квадраты.

В общем русская полевая артиллерия, подготовленная по Правилам стрельбы издания 1911 г., стреляла во время мировой войны 1914—1918 гг., по отзывам не только своих войск, но и неприятеля, отлично, хотя эти правила не отвечали некоторым требованиям, выдвинутым войной.

---

[1] „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", изд. 1911 г., стр. 137.
[2] Устав полевой службы 1912 г., § 495.

Старыми Правилами стрельбы 1911 г. не предусматривались целеуказания по планшету или фотоплану и по панорамическому снимку, не учитывалась ни баллистическая, ни топографическая, ни метеорологическая подготовка исходных данных для стрельбы, не предусматривалась пристрелка по измеренным отклонениям с помощью летчика-наблюдателя, звуковых засечек и аэростата, в них не имелось основательно разработанных указаний о переносах огня, об огне на поражение целей и пр.

После окончания войны с Японией в течение нескольких лет в русской полевой артиллерии увлекались составлением схем расположения батарей на позиции и в особенности составлением так называемых «панорам» или перспективных набросков впереди лежащей местности, представляющих краткую и наглядную сводку данных, полученных о расположении целей при подготовке стрельбы. Но за три-четыре года до начала мировой войны увлечение «панорамами» прекратилось, так как панорама полезна только для того командира, с наблюдательного пункта которого она составлена; пользование же ею с других наблюдательных пунктов, в особенности удаленных от первого и на пересеченной местности, приводило к путанице, так как панорама, составленная с данного наблюдательного пункта, не соответствовала перспективному виду местности, открывавшемуся с других наблюдательных пунктов.

Правила стрельбы русской артиллерии издания 1911 г., уступая Правилам стрельбы современной артиллерии, были гораздо проще для изучения и применения их на практике стрельбы, а в период подготовки к мировой войне они были совершеннее правил стрельбы и французской и в особенности германской артиллерии.

Даже в 1913 г., т. е. накануне войны, французские артиллеристы еще не имели командирского угломера и буссоли, а в отношении целеуказания и подготовки к открытию огня переживали период попыток, импровизаций и случайных способов, в русской артиллерии давно уже пройденный. Только весной 1914 г. на курсах стрельбы в Малы французы пришли к заключению, что огнем батарей можно управлять на расстоянии, с наблюдательного пункта. Известный французский артиллерист Гаскуэн «сам не без удивления наблюдал за стрельбой трех групп артиллерии, укрытых от ее руководителя и удаленных от него». Французскими правилами стрельбы большое внимание было уделено методам подготовки исходных данных и ведению стрельбы при наличии открытых и маскированных позиций.

В Германии подготовка полевой артиллерии до войны сводилась преимущественно к расположению на открытых позициях и к стрельбе прямой наводкой. Правила стрельбы германской артиллерии были наименее разработанными, и подготовка ее офицеров в отношении стрельбы была наиболее слабой. Неудовлетворительная (особенно в начале войны) стрельба германской артиллерии не компенсировалась даже высокой тактической выучкой и привычкой к взаимодействию с пехотой.

Русская артиллерия в отношении стрелково-технической подготовки шла вообще по более правильной дороге, чем французская или германская.

Согласно «Инструкции для подготовки полевой артиллерии к стрельбе», каждая артиллерийская часть должна была производить практические стрельбы с позиций закрытых, полузакрытых (маскированных) и открытых, упражняясь в стрельбе как по войскам, так и по местным предметам различной степени видимости, укрытия и сопротивления. Но ввиду огромных преимуществ закрытых позиций, на необходимость применения которых указала японская война, русская артиллерия практиковалась в стрельбе предпочтительно с закрытых позиций; к тому же отпуск снарядов (ежегодно отпускалось на легкую батарею по 600 снарядов, в том числе 240 шрапнелей и 360 практических чугунных снарядов, из них 320 взамен шрапнелей и 40 взамен фугасных гранат) не давал возможности достаточно практиковаться в стрельбе с открытых и полузакрытых позиций. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. отдавало явное предпочтение закрытым позициям. «Во всех случаях, когда это допускается обстановкой, — говорилось в наставлении, — следует пользоваться *закрытыми позициями, обеспечивающими артиллерии свободу действия и способствующими ее сохранению в руках начальников*». Лишь при невозможности занять закрытую позицию рекомендовалось «стараться применять позиции полузакрытые» (см. ч. IV).

Открытые позиции, по наставлению, следовало применять в тех случаях, «когда обстановка ясна, цели видны, неприятельская артиллерия подавлена или отвлечена, закрытых или полузакрытых позиций не имеется»... «Артиллерийские начальники должны помнить, — говорилось в наставлении, — что бывают обстоятельства, *когда от артиллерии требуется мужественная и самоотверженная работа на совершенно открытой позиции,* когда батареи обязаны жертвовать собой во исполнение своего основного назначения — поддерживать и выручать войска других родов»[1].

Относительно удаления позиций от противника русская артиллерия придерживалась следующих выводов, сделанных офицерской артиллерийской школой[2]:

1. Занимать позиции возможно ближе к противнику, чтобы получить решительные результаты в кратчайшее время и при наименьшем расходе снарядов, однако не ближе 2 км от пехотных окопов противника, так как при занятии позиции ближе 2 км артиллерия будет сильно и напрасно страдать от ружейного огня.

2. Для удовлетворения принципа взаимной огневой поддержки линия артиллерийских позиций должна быть в 3—3,5 км от линии, занятой противником.

3. Близость занятых артиллерийских позиций будет зависеть от настойчивости наступающего в стремлении двигаться вперед, от местных условий и от сопротивления противника.

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою", 1912 г., § 51, 52.
[2] „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", изд. 1911 г., стр. 155.

4. Артиллерийский огонь действителен на все дальности; поэтому игнорировать стрельбу на большие дальности, когда необходимо поддержать соседние части, не следует; надо только обеспечить наблюдение за разрывами и падением своих снарядов.

В довоенное время русская артиллерия обыкновенно практиковалась в стрельбе на средние дальности — 4—6 км. В стрельбе на большие и малые дальности она практиковалась сравнительно редко, хотя даже младшим офицерам давалась иногда практика стрельбы на предельных шрапнельных дальностях. Введение фугасной гранаты и постановка на прицеле гранатной шкалы допускали дальность стрельбы до 8,5 км. Но гранатную шкалу батареи стали получать уже во время войны, в 1915 г., а потому и ради экономии гранат русская полевая артиллерия проводила практические боевые стрельбы в довоенное время почти исключительно шрапнелью; стрельбы фугасной гранатой имели только показной характер. Этим, а также недостаточной разработкой Правил стрельбы гранатой объясняется менее умелая стрельба этим снарядом (нежели шрапнелью) и даже некоторое недоверие к нему, существовавшее и в первое время войны, особенно в легких и конных пушечных батареях.

В отношении стрельбы на большие дальности в наставлении 1912 г. имелось, между прочим, такое указание[1]: «Следует иметь в виду, что дальний огонь не приводит к решительным результатам и увеличивает расход снарядов». В этом указании сказалось влияние французской артиллерии, которая считала возможным вести стрельбу только на средние и малые дальности.

Основы ведения огня были правильно установлены наставлением 1912 г. В наставлении (§ 76) говорилось:

«Успех боевой работы артиллерии всецело зависит от надлежащего ведения ею огня». Артиллерия ведет огонь *«непременно в видах разрешения определенных боевых задач, по вполне определенным, достаточно важным целям, с дистанций, позволяющих нанести ощутительный вред противнику».*

«Результаты артиллерийского огня сильно повышаются при совместной стрельбе многих частей, *объединенных общим управлением».*

«Командиры батарей могут, под своей ответственностью, самостоятельно перенести огонь для использования выгодных, важных и в то же время скоропреходящих моментов боя. В минуты поддержки атаки своей пехоты и отражения удара противника такие переносы огня безусловно недопустимы»[1].

При боевой подготовке артиллерии важное значение придавалось выбору наблюдательных пунктов, обеспечивающих возможность видеть расположение цели, а следовательно, и стрелять. Наблюдательный пункт считался главной неразрывной частью боевого порядка артиллерии; выбору наблюдательного пункта уделялось гораздо больше внимания, чем выбору огневой позиции.

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою" 1912 г., § 76 и 95.

«Позиция без наблюдательного пункта не есть позиция», — говорилось в наставлении 1912 г.[1]

В отношении производства артиллерийской разведки не замечалось вполне четкой установки и однообразия. Наставление 1912 г. не внесло определенной ясности в разрешение этого вопроса.

В течение нескольких лет после окончания войны с Японией артиллерийская разведка делилась на «дальнюю» и «ближнюю», причем увлекались первой, возлагая на нее функции кавалерийской разведки. Это происходило потому, что в период практических стрельб на полигонах артиллерия, маневрируя отдельно, без других войск, одна выполняла тактические задания за все рода оружия, в том числе и за конницу.

Сведения, полученные подобной дальней артиллерийской разведкой о неприятеле, находящемся в значительном удалении, не могли давать данных для решения вопроса о наивыгоднейшем расположении артиллерии, так как это решение начальник может принять не ранее завязки боя передовыми частями. Дальняя артиллерийская разведка, произведенная до вступления в бой передовых частей, как не отвечающая изменившейся обстановке, являлась преждевременной и бесцельной, а потому от нее отказались.

С 1905 г. все практические стрельбы в офицерской артиллерийской школе и, по ее примеру, в строевых артиллерийских частях производились не иначе, как в условиях тактического задания с маневрированием — с соответствующими изменениями в тактической обстановке по указаниям руководителя. К стрельбе привлекался по возможности весь командный состав того или иного артиллерийского сбора, даже и не стреляющих артиллерийских частей; в школе же обязательно привлекался весь переменный состав обучающихся, причем почти каждый из не участвующих непосредственно в технической стрельбе получал то или иное тактическое назначение: начальника отряда, начальника артиллерии, командира полка и батальона, начальника разведки, адъютанта и пр.; каждый осведомлялся в изменениях тактической обстановки и должен был принимать решение и отдавать соответствующее распоряжение в письменной форме.

Каждая стрельба заканчивалась разбором в поле как в техническом, так и в тактическом отношениях, причем в офицерской артиллерийской школе всегда допускался свободный обмен мнений всех участвующих с конечным, резюмирующим заключением старших руководителей по стрельбе и по тактике. Более сложные и более интересные практические стрельбы, кроме того, подробно разбирались в аудиторной обстановке после тщательной обработки всех данных и затем отчеты о таких стрельбах печатались для всеобщего сведения.

Командный состав, прошедший полный курс школы, основательно в ней повторивший все необходимое старое и усвоивший все новое в технике и тактике артиллерии, являлся проводником

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою", 1912 г., § 53.

теоретических и практических артиллерийских знаний в строевых частях, повышая вместе с тем их боевую подготовку.

В общем основы боевой подготовки русской артиллерии были правильными, что подтвердилось на опыте маневренного периода первой мировой войны. К боевым действиям в позиционных условиях русская артиллерия не была подготовлена.

РУКОВОДСТВА И НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ АРТИЛЛЕРИИ

Разработка руководств и наставлений для артиллерии; порядок их утверждения и проведения в жизнь. Сущность уставов и наставлений, которыми руководствовалась русская артиллерия при подготовке к войне

Одним из существенных условий, обеспечивающих успешность и однообразие боевой подготовки войск, является наличие отвечающих современным требованиям уставов, руководств и наставлений, которыми войска могли бы руководствоваться при обучении и прохождении службы.

В этом отношении царская русская армия, в частности ее артиллерия, находилась в крайне неблагоприятном положении.

Жизнь русской армии почти всегда оказывалась впереди тех уставов и наставлений, которыми армия должна была бы руководствоваться; ей приходилось пользоваться устаревшими законоположениями или частными, неофициальными изданиями, или теми сведениями, которые получал командный состав в училищах, школах и академиях.

При таком ненормальном порядке трудно было проводить «единство взглядов» на тот или иной вопрос сложного военного дела. В особенности трудно было этого достигнуть в артиллерии с подчинением ее начальникам дивизий, большинство которых было недостаточно знакомо со свойствами современной скорострельной артиллерии, с условиями ее боевой службы и лишено было возможности предъявлять к артиллерии соответственные требования за отсутствием официальных руководств.

И если в боевой подготовке артиллерии не было сколько-нибудь заметного разнобоя, то благодаря настойчивому руководству со стороны генштаба и работе офицерской артиллерийской школы, оказывавшей большое влияние на подготовку старшего командного состава в артиллерии.

Разработка и выход в свет официальных положений, наставлений и прочих необходимых руководств с крайним опозданием — обычное явление в старой русской армии. Происходило это, с одной стороны, вследствие неудовлетворительного метода разработки руководств в безответственных комиссиях, с другой — из-за инертности и бюрократизма учреждений военного министерства, бумажных «отписок», перекладывания работы друг на друга и т. п.

До 1910 г. разработкой и изданием всех руководств по артиллерийскому делу ведало одно ГАУ. После реорганизации армии

в 1910 г. в этом деле стало два хозяина: ГУГШ (Главное управление Генерального штаба), в котором должно было сосредоточиться все касающееся организации, мобилизации и боевой подготовки армии и которое взяло на себя составление и издание Устава полевой службы и других руководств общего характера для всех родов войск, а в отношении уставов и руководств для отдельных специальных родов войск — дачу основных заданий, окончательное согласование, редактирование и проведение руководств в жизнь; с другой стороны — ГАУ, разрабатывающее и издающее специальные руководства по технике артиллерийской службы, разрабатывающее проекты наставлений по остальным вопросам артиллерийской службы, в том числе и по вопросам, относящимся к тактике артиллерии.

После 1910 г. издание руководств для артиллерии было поставлено особенно неудовлетворительно. Примеров «волокиты» в этом вопросе было немало.

«Положение об обучении молодых солдат в артиллерии», изданное еще до войны с Японией (в 1901 г.), признавалось устаревшим. В октябре 1912 г. Варшавский военный округ представил в ГУГШ проект нового положения, составленный по его инициативе, находя со своей стороны желательным применять это положение после испытания в 1913/14 учебном году. Военный министр разрешил применить проект в виде опыта в 1913 г. в Варшавском и Киевском округах, но Киевский округ отказался от испытания проекта, так как вел обучение молодых солдат в артиллерии по собственной ускоренной программе. Наконец, в июне 1914 г., через несколько лет после окончания войны с Японией и через полтора года после представления проекта, ГУГШ решило его издать. Новое «Положение об обучении молодых солдат в артиллерии» было напечатано после начала первой мировой войны.

В 1909 г. особая комиссия при ГАУ разработала проект «Положения об учебных командах полевой артиллерии», который по одобрении его Арткомом был передан из ГАУ в 1910 г. в ГУГШ для утверждения[1]. В следующем году ГАУ просило ГУГШ объявить проект к руководству ввиду «крайней необходимости принятия решительных мер для того, чтобы вывести артиллерию из положения, совершенно не обеспечивающего удовлетворительную подготовку фейерверкеров»[2]. Но ГУГШ в апреле 1911 г. вместо утверждения проекта 1909 г. возвратило его в ГАУ для согласования с новым уставом для действий при орудиях обр. 1902 г. Проект с незначительными изменениями был возвращен в ГУГШ в декабре 1911 г.

Через несколько месяцев после того ГУГШ сообщило ГАУ, что проект передан на заключение Варшавского и Киевского округов

---

[1] ЦГВИА, 187—395.

[2] Фейерверкер — звание сержантского состава в артиллерии (командиры орудий, помощники командиров взводов).

и что со своей стороны ГУГШ встречает некоторые возражения против проекта, сущность которых сводилась к следующему:

1) проект должен быть согласован в редакционном отношении с положением об обучении пехоты «в целях объединения уставов и облегчения пользования ими»;

2) нельзя производить в бомбардиры[1] успешно окончивших учебную команду, если нет вакансий;

3) представление к производству в бомбардиры должно исходить не от начальника учебной команды, а от непосредственного начальника в батарее;

4) исключить 26 учебных часов на изучение в учебной команде «отчизноведения» и «географии», так как при краткости времени для прохождения курса это «вредно отзовется на специальной подготовке».

Варшавский и Киевский округа в своих заключениях по поводу проекта разошлись. Препровождая проект с заключениями в ГАУ, ГУГШ потребовало уменьшить число ежегодно обучающихся в учебной команде, что было бы явно в ущерб делу, и не выдавать более достойным ученикам наград в виде книг или денежных пособий.

В январе 1913 г. Артком вновь пересмотрел проект положения об учебных командах со всем накопившимся за три года бумажным материалом, и, наконец, в апреле того же года, т. е. почти через четыре года после составления, положение было утверждено в последней редакции Арткома, почти в той же, в какой оно было разработано комиссией, несомненно, в данном вопросе более компетентной (комиссия была из представителей от строя, от офицерской артиллерийской школы и от генинспарта), чем Артком, канцелярии штабов и управлений[2].

В том же 1913 г. ГУГШ передало в ГАУ на заключение проект «Положения об учебных командах в конной артиллерии», разработанный в Варшавском округе командирами конно-артиллерийских частей. При этом ГУГШ не обратило внимания на увлечение конной артиллерии ездой и кавалерийским делом в ущерб артиллерийскому. По этому поводу Артком высказал следующее: «Артиллерийский комитет никак не может стать на точку зрения, высказанную в проекте конных артиллеристов, что в конной артиллерии *лошадь такое же орудие,* как пушка, что в конной артиллерии есть особая конно-артиллерийская разведка, что цель учебной команды — *дать фейерверкера, сознательно ездящего,* и что, таким образом, считая верховую езду отделом особой важности, надлежит проходить еще и особый теоретический курс ее и в результате отнять от подготовки по артиллерийскому отделу в пользу верховой езды треть времени, а то и более»... и что, наконец, начальник учебной команды должен избираться из старших офицеров, *«предпочтительно из окончивших кавалерийскую школу».*[3]

---

[1] Бомбардир — низшее звание сержантского состава в артиллерии.
[2] ЦГВИА, 183—827.
[3] Там же.

Читая эти строки, можно подумать, что в то время не без основания иронизировали: «В конной артиллерии все было бы хорошо, да мешают ей пушки».

В действительности стремление превратиться в конницу было далеко не общим явлением в конной артиллерии. Технике ведения огня конная артиллерия обучалась наравне с легкой артиллерией и в общем почти не уступала ей в искусстве стрельбы с закрытых позиций, а в стрельбе с открытых позиций несколько превосходила легкую артиллерию.

Новая «Инструкция для подготовки полевой артиллерии к стрельбе» взамен устаревшей, изданной в 1907 г., была разработана в 1910 г. особой комиссией из представителей от строя, инспекции артиллерии и офицерской артиллерийской школы. Инструкция эта была необходима не только для артиллерии, но и для руководства старшим общевойсковым начальникам при проверке ими боевой подготовки подчиненных им артиллерийских частей.

Проект инструкции рассматривался в Арткоме в течение четырех месяцев и был отправлен из ГАУ на заключение ГУГШ лишь в декабре 1911 г., с потерей еще около пяти месяцев. В течение 1912 г. ГАУ обращалось несколько раз в ГУГШ с просьбой ускорить разрешение вопроса об инструкции, и только после непосредственного обращения генинспарта к начальнику Генерального штаба, по прошествии года, получен был ответ, что инструкция представляется на одобрение военного министра и будет объявлена в самом непродолжительном времени.

Инструкция, названная ГУГШ «Наставлением для подготовки полевой артиллерии к стрельбе», была объявлена к руководству в приказе по военному ведомству 21 февраля 1913 г., т. е. ровно через два года после того, как она была составлена комиссией и одобрена генинспартом. Между тем ни Артком, ни ГУГШ никаких сколько-нибудь существенных изменений в проект инструкции не внесли. Напротив, ГУГШ доложило военному министру, что «инструкция заключает в себе достаточно полные указания для подготовки личного состава и целых артиллерийских частей, а также для производства практических стрельб». Но, говорилось в докладе, инструкция должна быть издана ГУГШ, а не ГАУ, так как она относится к обучению и подготовке войск и должна служить к руководству и начальникам дивизий ввиду подчинения им артиллерийских бригад, т. е. является официальным изданием, которым «по принятому порядку ведает ГУГШ»[1].

Наставление, изданное в 1913 г., отражало в себе главнейшие основания, на которых зиждилась боевая подготовка полевой артиллерии. Проводилось оно в жизнь по указаниям инспекции артиллерии, не ожидая официального объявления, еще с 1910 г., а в некоторых частях артиллерии и еще раньше.

Наставление содержало в себе общие указания и пять отделов: 1) подготовка личного состава; 2) подготовка в составе частей;

[1] ЦГВИА, 177—149.

3) практическая стрельба; 4) отчетность; 5) правила проверки подготовки к стрельбе полевой артиллерии.

Обращалось внимание в наставлении на следующее.

1. Практическая стрельба должна дать всему личному составу полное представление о технических и тактических свойствах огня.

2. Каждая артиллерийская часть должна ежегодно стрелять с позиций закрытых, полузакрытых и открытых по войскам и по местным предметам [1].

3. Каждая стрельба выполняется в предположении какой-либо боевой задачи. Лишь отдельные упражнения в данной стрельбе допускались без тактического задания, но число таких упражнений ограничивалось пределами крайней необходимости.

4. Каждой стрельбе предшествует выполнение маневра.

5. Обстановка стрельб должна приближаться к обстановке действительного боя.

6. Боевая задача не ограничивается лишь ведением огня. Каждый стреляющий должен, в силу условий задания, организовать разведку, выбрать наблюдательный пункт и огневую позицию, организовать наблюдение, установить связь между наблюдательным пунктом и батареей, батареей и тылом, подготовить в определенное условиями задачи время данные для открытия огня, организовать управление тылом и пр.

7. Каждое упражнение проводится с самым строгим контролем техники стрельбы.

8. Все артиллерийские части должны по возможности проводить часть стрельб с пехотой и кавалерией [2].

9. Все свободные от службы офицеры должны присутствовать на всех стрельбах и записывать результаты своих наблюдений для сравнения их по окончании стрельбы с данными, полученными с наблюдательных пунктов.

10. Стрельбы продолжаются круглый год как на артиллерийских полигонах, так и вне их. Должно практиковаться также в стрельбах зимних, ночных, по летательным машинам, при помощи показаний летчиков-наблюдателей, по планам и пр.

11. Проверку подготовки к стрельбе командующие войсками в округах должны производить преимущественно на незнакомой местности, так как только при этом условии может быть вполне проверена как техническая, так и тактическая подготовка артиллерийских частей.

Проверка подготовки артиллерии производится в связи с действиями своей пехоты, положение которой должно быть обозначено возможно более наглядно.

Командиры корпусов и начальники дивизий проверяют боевую подготовку артиллерии при очередных занятиях и стрельбах. Они

---

[1] Из-за недостатка снарядов, отпускаемых на практику, это часто не исполнялось, и стреляли, как об этом уже упоминалось, почти исключительно с закрытых позиций.

[2] Стрельбы артиллерии с пехотой и кавалерией почти никогда не проводились во избежание несчастных случаев, которые имели место.

должны организовать совместные занятия, маневры и стрельбы пехоты, артиллерии и кавалерии и тем способствовать взаимному пониманию и сближению всех родов войск [1]. Они прежде всего должны проверять и давать указания в целях усовершенствования тактической подготовки артиллерии и затем уже обращать внимание на технику при содействии начальников (инспекторов) артиллерии корпусов, начальников артиллерийских сборов и начальников учебных артиллерийских полигонов.

12. При проверке артиллерийских сборов генинспартом от соответствующих штабов округов, корпусов и дивизий должны быть командированы представители, обязанные докладывать своим начальникам все замечания и указания, какие будут сделаны генинспартом в отношении подготовки артиллерии.

Приведенных основных положений «Наставления для подготовки полевой артиллерии к стрельбе» вполне достаточно, чтобы судить о том серьезном значении, какое имело своевременное его проведение в жизнь для боевой подготовки артиллерии совместно с другими родами войск. Но наставление запоздало, так как в продолжение одного летнего периода занятий 1913 г., когда войска и высшие их начальники могли им руководствоваться, нельзя было многого достигнуть. Потеря двух годов — 1911 и 1912, в течение которых наставление пролежало без движения в канцелярских недрах ГАУ и ГУГШ, явилась одной из главных причин недостаточного знакомства общевойсковых начальников со свойствами артиллерии и нередко имевшего место отсутствия внутренней связи артиллерии с другими родами войск.

В целях поднятия боевой подготовки артиллерии и укрепления органической связи ее с другими родами войск ГАУ в конце 1911 г. просило ГУГШ провести еще следующие мероприятия:

1) командирование пехотных и кавалерийских частей на все специальные артиллерийские сборы для участия в групповых стрельбах артиллерии;

2) прикомандирование офицеров Генерального штаба к начальникам специальных артиллерийских сборов на все время этих сборов;

3) командирование артиллерийских офицеров на более или менее продолжительные сроки в войска других родов;

4) перевозку за счет казны на учебные полигоны для практических стрельб полного числа орудий с зарядными ящиками для каждой батареи [2].

Просьба ГАУ осталась без ответа ГУГШ, и указанные мероприятия не получили не только осуществления в довоенный период, но и сколько-нибудь достаточного отражения в «Наставлении для подготовки полевой артиллерии к стрельбе» изд. 1913 г.

---

[1] Подобные совместные занятия и стрельбы почти не производились, организовать их вообще не умели.

[2] Обыкновенно разрешалось перевозить восьмиорудийной батарее лишь четыре орудия и два зарядных ящика.

Устав полевой службы, являющийся основой боевой подготовки всех родов войск, был составлен ГУГШ и утвержден лишь в апреле 1912 г., т. е. через семь лет после окончания русско-японской войны.

Такая медлительность объяснялась отчасти тем, что составление устава комиссией — дело вообще трудно выполнимое вследствие разнообразия и подчас противоречивости мнений ее членов. Комиссии нужны не для исполнения работы, а для обсуждения готовой работы, исполненной отдельными авторами. По мнению профессора французской военной академии Гаскуэна, в комиссиях, вырабатывавших французские уставы перед мировой войной, легко возникали «многочисленные коллективные заблуждения», которые «никогда не имели столь дорогих последствий, как в великой войне» (1914—1918 гг.) [1].

В конце 1910 г., т. е. до издания нового Полевого устава, на заключение Арткома поступил отредактированный генералом Беляевым С. Т. проект «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», разработанный комиссией при ГАУ под председательством генерала Слюсаренко, получившего известность удачными действиями подчиненной ему артиллерии в русско-японскую войну. Ввиду долгих и тщетных ожиданий нового Полевого устава от Генерального штаба желание Арткома дать артиллерии главнейший для нее боевой устав было естественным. Но проект этого наставления следовало предварительно согласовать с теми общими тактическими положениями, какие были приняты в основу проекта нового Полевого устава.

«Наставление для боя артиллерии» должно было служить развитием общих тактических положений Полевого устава. Боевое наставление артиллерии, изданное помимо Полевого устава, не могло быть самодовлеющим, не было бы обязательным для других родов войск, без взаимной тесной связи с которыми артиллерия не должна действовать в бою, и могло бы вызвать нежелательные трения в случае несогласования с Полевым уставом. В данном случае единственно правильным представлялось следующее: прежде всего Генеральный штаб должен был издать Устав полевой службы, предъявив в нем определенные основные тактические требования к артиллерии; затем уже сообразно этим требованиям разработать специальное «Наставление для действия в бою артиллерии», строго соответствующее тем тактическим положениям Полевого устава, которые являются общими для всех войск.

В проекте «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», составленном в 1910 г., сильно сказалось влияние доктрины французской артиллерии, во многом не разделяемой офицерской артиллерийской школой и большинством прошедшего школу командного состава полевой артиллерии. В проекте, как и во французском «Наставлении для действия артиллерии в бою», изданном в 1910 г., с одной стороны, было немало отвлеченных рассуждений, главным

---

[1] *Гаскуэн*, Эволюция артиллерии во время мировой войны, стр. 24, ГИЗ, 1921 г.

образом по поводу необходимости проявления инициативы; с другой стороны, сквозило желание все объяснить, все предусмотреть, предвидеть правила чуть ли не на все случаи, что могло бы связать артиллерийских начальников в проявлении личной инициативы, к чему, кстати, они не были склонны.

Передача «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» на рассмотрение Арткома являлась ошибкой, так как большинство членов этого научно-технического учреждения отстало от строевой артиллерийской службы и было чуждо искусству тактики. В результате проект наставления был принят с небольшими поправками подавляющим большинством голосов членов Арткома, несмотря на недостатки проекта и серьезные против него возражения со стороны приглашенных на заседание комитета строевых артиллеристов из более известных участников русско-японской войны (за исключением одного генерала Слюсаренко, голосовавшего за проект), всех представителей офицерской артиллерийской школы и Генерального штаба в лице двух профессоров академии.

По указанию генинспарта Арткому предложено было предварительно до издания «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» согласовать проект наставления с новым Полевым уставом. Согласование потребовало около года, и только 28 февраля 1912 г. это наставление было утверждено, а через два месяца после того был утвержден новый Устав полевой службы.

Новый Полевой устав и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» войска получили осенью 1912 г. и руководствовались ими не более полутора лет до начала мировой войны. В общем издание официального Полевого устава и боевого наставления артиллерии настолько запоздало, что русская артиллерия выступила на войну подготовленной в тактическом отношении, главным образом, на началах, выработанных офицерской артиллерийской школой.

Замечалось некоторое расхождение этих начал с «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою». Во избежание недоразумений в вопросах боевой подготовки артиллерии, к которым могло повести указанное расхождение, было составлено, с согласия генинспарта, под руководством известного в то время артиллериста генерала Краевского М. М. (председателя образованной ГАУ комиссии по составлению руководств артиллерийской службы) и весной 1911 г. издано «Пособие по стрельбе полевой артиллерии» в виде частного, неофициального руководства (впредь до издания официального) [1]. Пособие включало в себя почти весь курс офицерской артиллерийской школы и по технике стрельбы и по тактике артиллерии. Кроме того, в пособии был помещен весьма важный отдел — «Обучение стрельбе», в котором имелись крайне необходи-

[1] „Пособие" составлено группой артиллерийских офицеров: Клейненберг, Гобято, Барсуков, Лукашевич, Снисоков и Добровольский (за исключением Лукашевича, начальника полигона Петроградского военного округа, все остальные были руководителями офицерской артиллерийской школы).

мые для общевойсковых начальников сведения, заимствованные из проекта «Наставления для подготовки артиллерии к стрельбе», тогда еще не утвержденного.

Потребность армии в руководствах для службы была настолько велика, что все издание пособия было распродано в течение двух-трех месяцев, и уже в июне 1911 г. артиллерийские части имели и руководствовались пособием. Многие старшие общевойсковые начальники и большинство начальников дивизий, в подчинение которых тогда только что перешла артиллерия, также пользовались пособием. Это обстоятельство имело серьезное значение, так как начальники дивизий, пользуясь пособием, в своих требованиях, предъявляемых подчиненным им частям артиллерии, не расходились с установками офицерской артиллерийской школы и могли соответственно оценивать свойства современной артиллерии и условия ее боевого применения.

Что касается специальных руководств по технике артиллерийской службы — Правила стрельбы, строевые уставы для действий при орудиях, «Наставление для обучения отдельных команд в артиллерии», «Описания материальной части и приборов артиллерии» и пр., — то составление и издание этих руководств производилось в общем удовлетворительно распоряжением ГАУ, и артиллерийские части обеспечивались ими довольно своевременно. Особенно хорошо было организовано это дело в комиссии генерала Краевского, образованной в 1910 г. ГАУ из представителей от инспекции артиллерии, от офицерской артиллерийской школы и от строевых артиллерийских частей[1]. Комиссия Краевского разрабатывала программы и планы руководств и давала основные указания отдельным авторам, получавшим задание на составление того или иного руководства по программе комиссии; составленные проекты руководств передавались по указанию председателя комиссии на заключение отдельным ее членам, а затем проект с заключением докладывался общему собранию комиссии (по большей части автором проекта), по решению которой проект передавался для окончательной редакции и подготовки к печати одному из членов комиссии.

РАЗРАБОТКА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ И РУКОВОДСТВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В первые годы войны (1914—1915) разработка артиллерийских руководств, наставлений, инструкций и разного рода указаний, главным образом по технической части, производилась распоряжением ГАУ по большей части в состоявшем при ГАУ Артиллерийском комитете. Разработанные наставления и руководства артиллерийской службы утверждались начальником ГАУ, а более важные и относящиеся не только к артиллерии, но и к другим родам войск, например описания образцов стрелкового оружия, бомбометов, ми-

[1] Большинство из них были составителями „Пособия по стрельбе полевой артиллерии" изд. 1911 г.

пометов, наставления и указания по применению химических средств борьбы и пр., утверждались военным министром. Утвержденные наставления и руководства издавались распоряжением ГАУ; об издании объявлялось в приказах по военному ведомству или по артиллерии.

В годы войны (1916—1917) распоряжением ГАУ издавались руководства и наставления только по технической части, но в некоторых случаях — по согласованию и с заключения Упарта. Все же прочие руководства и наставления, касающиеся боевого использования артиллерии, предметов вооружения и новых средств артиллерийской и химической борьбы, необходимость применения которых выявилась в процессе войны, разрабатывались распоряжением Упарта по указаниям полевого генерал-инспектора артиллерии, утверждались начальником штаба верховного главнокомандующего, издавались распоряжением этого штаба и объявлялись в приказах начальника штаба. Для обсуждения более серьезных наставлений и руководств, имеющих отношение ко всем родам войск, например «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», организовывались при Упарте комиссии под председательством полевого генерал-инспектора артиллерии из представителей от войсковых частей и от штаба главковерха.

Во время войны было издано много разных наставлений и руководств артиллерийской службы, множество разных инструкций, указаний и описаний разных предметов вооружения и главным образом новых средств артиллерийской борьбы. Можно указать лишь на некоторые из них. Распоряжением ГАУ были изданы: описания орудий и материальной части, полученных для ТАОН из Англии от завода Виккерса и из Франции от завода Шнейдера; описания орудий тяжелой артиллерии, взятых из крепостей и полученных от морской и береговой артиллерии; описания бомбометов, минометов, ручных и ружейных гранат; описание зенитных орудий системы Тарновского-Лендера; описания средств химической борьбы; указания для применения химических снарядов в бою; проект правил стрельбы по летательным аппаратам (аэропланам и дирижаблям) с объяснительной запиской и проект указаний для стрельбы по воздушным целям из 76-мм полевых пушек на специальных установках (системы Розенберга и др.); описания дистанционных трубок и взрывателей разных систем; описания осветительных средств, оптических и угломерных приборов, прицельных приспособлений, дальномеров и пр. Распоряжением Упарта были изданы: «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», ч. 2-я — «Действия артиллерии»; «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», ч. 2-я — «Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы», ч. 3-я — «Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы», изданные в мае и в июне 1917 г.; «Свойства орудий и краткие указания для их применения», выдержавшие в течение одного года (август 1916 г.— сентябрь 1917 г.) три издания (настолько велика была нужда войск действующей армии в подобных изданиях); «Наставление для применения траншейных орудий»; «Инструкция для стрельбы артил-

лерии при помощи летчиков-наблюдателей»; «Инструкция для совместной работы артиллерии и летчиков», заменённая изданными в декабре 1916 г. и затем в ноябре 1917 г. наставлениями для стрельбы артиллерии при помощи летчиков-наблюдателей; «Инструкция для передачи наблюдений с самолетов»; «Инструкция для применения сигнала цветными звездками»; «Инструкция командиру полевой батареи для стрельбы по самолетам»; «Наставление для применения траншейных орудий ближнего боя» и пр.

Кроме изданий ГАУ и Упарта, в период войны было немало разных наставлений, инструкций, указаний по артиллерийской части, изданных штабами армий и фронтов, например: изданные на Юго-Западном фронте накануне майского наступления 1916 г. (Брусиловский прорыв) брошюры, составленные инспекторами артиллерии генералом Дельвигом и генералом Ханжиным, с указаниями для действий артиллерии при атаке укрепленной позиции; изданные на том же фронте составленные подполковником артиллерии Киреем обстоятельная брошюра «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке», «Добавление» к этим «Выводам» и брошюра «Артиллерия обороны»; составленное подполковником Замбржицким по указаниям и под редакцией командующего 5-й армией генерала Гурко «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» и т. д. Артиллерийские наставления и руководства, издаваемые армиями и фронтами, составлялись по большей части по материалам официальных наставлений и руководств, издаваемых штабом главковерха, но все же в некоторых вопросах отражали личные взгляды авторов и расходились с установками, утвержденными начальником штаба верховного командования, что нарушало единство взглядов и однообразие подготовки армии к боевым действиям. Проявление личной инициативы в составлении руководств для артиллерийской и прочих отраслей службы армии нельзя не приветствовать, но объявлять эти руководства для исполнения войскам не следует до согласования их с изданиями и взглядами высшего командования.

ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская военная литература 900-х годов и периода первой мировой войны богатством не отличалась ни по содержанию, ни по количеству произведений отдельных авторов; особенно бедна была литература по артиллерийским вопросам.

Периодическими изданиями официального характера, рекомендованными циркулярами Главного штаба, были одна газета и несколько журналов, а именно: а) ежедневная газета общего характера (для офицеров всех родов войск) «Русский инвалид», ежемесячные журналы «Военный сборник» и «Военно-исторический сборник» и выпускавшийся четыре раза в год «Журнал ревнителей военных знаний»; б) специальные журналы: для офицеров артиллерии — ежемесячные издания «Артиллерийский журнал» и «Вестник офицерской артиллерийской школы»; для инженерных войск — «Военно-

инженерный журнал»; для пехоты — «Вестник стрелковой офицерской школы»; для кавалерии — «Вестник кавалерийской школы»; для снабженцев — «Интендантский сборник».

Газета «Русский инвалид» помещала главным образом приказы по военному ведомству о производстве в чины, о наградах, назначениях, переводах и перемещениях офицерского состава и поэтому просматривалась офицерами; кроме того, в газете помещались выдержки из важнейших приказов и циркуляров о тех или иных мероприятиях по военному ведомству, не имеющих секретного характера, и изредка статьи оперативно-тактического или военно-исторического характера. «Военный сборник» и «Военно-исторический сборник» помещали статьи русских авторов (почти исключительно из офицеров Генерального штаба) и переводные из иностранных журналов германской и большей частью французской армий по вопросам, относящимся к истории военного искусства, тактике и стратегии. Читателями этих сборников были главным образом офицеры Генерального штаба. «Военный сборник» не пользовался популярностью среди строевых офицеров, по крайней мере среди артиллеристов. «Журнал ревнителей военных знаний» печатал некоторые доклады, которые делались иногда на собраниях общества ревнителей военных знаний, отчеты о дискуссиях и пр. Журнал этот представлял некоторый интерес лишь для членов общества, живших в Петербурге и принимавших участие в собраниях; в провинциальных местах квартирования войсковых частей журнал почти вовсе не был известен.

«Артиллерийский журнал» издавался при Арткоме ГАУ. В журнале помещались статьи по артиллерийским вопросам почти исключительно научно-технического характера и журналы заседаний Арткома ГАУ. Более доступные и более интересующие строевых артиллеристов статьи по вопросам артиллерийской практической стрельбы печатались в журнале редко, еще реже случались заметки по вопросам тактики артиллерии, ее организации и по артиллерийскому снабжению. В батареях «Артиллерийский журнал» читали немногие, главным образом имеющие высшее академическое артиллерийское образование, и нередко в некоторых батареях «Артиллерийский журнал» оставался даже не разрезанным для чтения.

«Вестник офицерской артиллерийской школы» трактовал преимущественно о возникающих в школе более жизненных вопросах, относящихся к стрельбе артиллерии, разведке, наблюдению, связи, выбору и занятию позиций, изредка к боевому использованию артиллерии совместно с другими родами войск. Иногда в «Вестнике», с целью оживления и разнообразия материала, помещались артиллерийские рассказы Егора Егорова (Е. Е. Елчанинова, строевого артиллерийского офицера) беллетристического характера, с большим остроумием и комизмом критикующие те или иные неудачные новшества, вводимые в артиллерию, или с памфлетами на тех или иных начальников, скрывая их фамилии под легко отгадываемыми псевдонимами (например, «Океншнаб» вместо Глазенап и т. п.). «Вестник офицерской артиллерийской школы» печатался в ограниченном ко-

личестве экземпляров и не имел широкого круга читателей; обычными читателями «Вестника» были старшие офицеры батарей — кандидаты на должности командира батареи, готовящиеся к прохождению курса офицерской артиллерийской школы.

Огромное значение боевого артиллерийского снабжения выявилось еще в период войны с Японией в 1904—1905 гг., но вопросами этого снабжения мало интересовались, пока их резко не подчеркнул опыт первой мировой войны в самом ее начале, в 1914 г. В «Интендантском журнале» освещались вопросы только интендантского, т. е. продовольственного, вещевого и денежного довольствия, и помещались статьи по вопросам технологии материалов, требующихся для изготовления предметов интендантского снабжения, но не артиллерийского.

Частными предпринимателями издавались три военных журнала: «Разведчик», «Военный мир» и «Войсковой справочник». Из них довольно широкое распространение в старой русской армии получил еженедельный иллюстрированный журнал «Разведчик», издававшийся известным в то время Березовским, пользовавшимся личным расположением военного министра Сухомлинова. В «Разведчике» помещались беллетристические статьи и рассказы по разным военным вопросам, в том числе и артиллерийским, автором которых являлся по большей части Егор Егоров.

Насколько бедна была русская военная литература по артиллерийским вопросам, можно судить хотя бы по тому, что из рекомендованных Главным штабом в 1908 г. 159 названий разных военных книг только две книги относились к артиллерии: 1) Л. Гобято «Свойства огня и боевая служба артиллерийского дивизиона» и 2) Н. Илькевич «Краткое наставление учителю молодых солдат в артиллерии».

В 1910 г. Главным штабом рекомендовалось для военных библиотек 100 разных изданий, из них по артиллерийской специальности только «Артиллерийский журнал».

Между прочим, в 1910 г. в приказе по военному ведомству № 21 был объявлен весьма ценный для военного историка хронологический перечень походов и военных действий в Маньчжурии во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

В 1912 г. по случаю столетия Отечественной войны 1812 г. было издано наибольшее число военных книг и брошюр. В списке изданий для офицерских и солдатских библиотек, объявленном в циркуляре Главного штаба в 1912 г., внесено было всего 205 изданий, в том числе только 7 изданий специально для артиллерии: 1) «Артиллерийский журнал»; 2) «Вестник офицерской артиллерийской школы»; 3) «Очерки тактики и тактической подготовки артиллерии» Сипигуса (псевдоним); 4) «Совместные действия артиллерии и пехоты в бою» Иванова; 5) «Руководство подготовкой разведчиков-наблюдателей и телефонистов» Илькевича; 6) «Сведения по стрельбе крепостной артиллерии» издания ГАУ; 7) «Сборник сведений по стрельбе береговой артиллерии» издания ГАУ.

Входивший в состав военного министерства комитет по образованию войск с целью объединения материала для чтения солдат объявил циркуляром Главного штаба 28 мая 1908 г. № 92 каталог ротных, эскадронных и батарейных библиотек. На первом месте этого каталога стояли книги так называемого «военно-воспитательного» и «религиозно-нравственного» содержания; авторами последних являлись лица из духовенства.

Для батарейной (солдатской) библиотеки рекомендовалось всего 299 разных книжек и брошюр, из них только одна, относящаяся к артиллерии («Доблести русской артиллерии»). Рекомендованные для чтения солдат для батарейных библиотек издания, в том числе несколько журналов «военно-воспитательного» и «религиозно-нравственного» содержания, носили специфический характер черносотенного «патриотизма» того времени и в артиллерии вообще не имели распространения, за редким исключением. Большинство батарей даже не имело в своих библиотечках многих рекомендованных изданий.

Из появлявшихся изредка изданий других книг по военным вопросам, кроме рекомендованной Главным штабом литературы, лишь некоторые заслуживали внимания. Большинство их издавалось в виде учебных пособий для слушателей военных академий, офицерских школ и военных училищ; немногие служили пособиями при обучении солдат, причем некоторые из них были не только бесполезными, но даже вредными, как, например, составленные полковником Гофманом пособия для обучения солдат полевой артиллерии в виде вопросов и ответов, которые заучивали наизусть слово в слово, не вникая в сущность заучиваемого. Для офицерского состава изданий по артиллерийским вопросам почти не было; только за два-три года до начала мировой войны стали появляться труды по вопросам тактики артиллерии, издававшиеся также в виде неофициальных пособий для военных академий, училищ и офицерских школ: «Тактика артиллерии» преподавателя академии Генерального штаба Кельчевского; статьи и брошюры по тактике артиллерии преподавателя той же академии Б. Геруа и руководителей офицерской артиллерийской школы Л. Гобято и П. Сапожникова; «Записки прикладной тактики» (литографированные) Е. З. Барсукова, изданные офицерской артиллерийской школой для своих слушателей, и немногие другие.

Литература по социально-экономическим и политическим вопросам вообще не имела доступа в военные библиотеки; от такой литературы царское правительство всеми мерами старалось изолировать не только солдат, но и офицеров; почти вся такая литература была запрещена в русской армии. Поэтому нельзя удивляться тому, что офицеры старой русской армии, не исключая офицеров Генерального штаба, в своем огромном большинстве были круглыми невеждами в вопросах экономики и политики, имеющих почти решающее значение для современной стратегии и для дела обороны страны.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА ЛИЧНОГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Руководящими общими указаниями для ведения учебных занятий по боевой подготовке личного состава артиллерии служили официально изданные «План распределения годовых занятий» и «Инструкция для ведения годовых занятий».

Требовалось, чтобы в развитие и уточнение общих плана и инструкции в каждой отдельной артиллерийской части (артиллерийской бригаде, отдельном артиллерийском дивизионе или отдельной батарее) был составлен, сообразуясь с условиями расположения и средств части, свой подробный «план занятий», определяющий последовательность их ведения и приблизительную продолжительность времени каждого отдела обучения.

При составлении плана занятий предлагалось иметь в виду, чтобы расчлененная работа отдельных команд в батареях и их соединениях была направлена к одной определенно поставленной цели: совершенствованию в подготовке артиллерии к боевым действиям.

План годовых занятий артиллерийских частей следовало согласовать с общим планом годовых занятий в дивизии, отдельной бригаде или войсковом соединении, в состав которого входила та или иная артиллерийская часть.

Совместные занятия разных родов войск в любой период обучения требовалось проводить при соблюдении условия, чтобы эти занятия по возможности дополняли и оживляли курсы самостоятельного обучения отдельных родов войск.

План годовых занятий отдельной артиллерийской части, утвержденный начальником войскового соединения, в состав которого она входила (дивизии, отдельной бригады), служил основанием для надлежащей постановки занятий и выработки расписаний занятий в дивизионах, батареях и разных командах.

Требовалось всеми мерами стремиться к тому, чтобы недостаток средств одной части, преимущественно недостаток конского состава,

пополнять средствами других частей. Поэтому расписания занятий дивизионов, батарей и команд, направляющие течение их рабочего дня, должны быть строго согласованы с годовым планом занятий бригады (отдельного дивизиона).

Занятия желательно было вести по расписаниям. Однако при заблаговременном их составлении нельзя все предусмотреть, а потому при непредвиденных обстоятельствах разрешалось допускать частные отступления от расписаний.

Продолжительность каждого занятия по расписанию должна быть достаточной для усвоения обучающимися всего им преподанного, но вместе с тем должна исключать возможность переутомления участников занятий.

Разнообразие занятий в течение дня делает их более привлекательными и менее утомительными.

Непременным условием производительности занятий, в особенности отделов подготовки — в составе частей и практической стрельбы, является правильная постановка руководства упражнениями.

Сущность руководства при обучении артиллерии состояла в том, чтобы расчлененная работа отдельных команд, батарей и их соединений была целесообразно направлена и вела к определенной цели — совершенствованию в стрельбе для наиболее успешного разрешения боевых задач. Для осуществления этого руководители должны были владеть широкими познаниями в военном деле, достаточным служебным опытом, энергией и любовью к делу, а также искусством в образной, живой, доступной форме и в интересной, разнообразной, жизненной и поучительной обстановке передавать обучаемым необходимые сведения и умение применять их на практике.

Руководитель обязан предварительно всесторонне подготовиться к занятию и обставить его так, чтобы возможно чаще вызывать самодеятельность исполнителей, хотя бы главных.

На сложных занятиях, когда один руководитель не может проследить их выполнение во всем объеме, должен быть назначен хорошо осведомленный помощник руководителя.

Перед началом занятий в составе части (или практической стрельбой) руководитель знакомит весь личный состав с исходным положением, в котором по предположению находится часть, и с задачей, которую предстоит решить. Исходное положение должно быть вполне определенное.

По окончании упражнения, состоящего в решении той или иной задачи, а в случае надобности — и в любой момент его исполнения, временно приостанавливая его, руководитель в присутствии всех или тех только лиц, деятельность коих вызвала временную задержку в исполнении задачи, делает разбор, на котором и выясняются все ошибки и промахи.

В некоторых случаях полезно для сохранения интереса к делу и сбережения времени и сил производить на месте упражнений лишь

краткий разбор по существу, откладывая подробный разбор по возвращении домой.

Разбор начинается с докладов исполнителей и бывших при них помощников руководителя для выяснения действий и распоряжений исполнителей, а также мотивов принятых ими решений и заканчивается заключением руководителя. Разбор должен состоять не только в указании ошибок и неправильностей в решении данной задачи, но также в указании положительных и отрицательных сторон исполнения, способов избежать и устранить последние и в указании наиболее целесообразного, по мнению руководителя, решения.

Подготовка строевых частей производится под руководством их командиров и под контролем высших над ними начальников.

Руководство теми занятиями, на которых командиры частей являются исполнителями, лежит на обязанности следующего высшего начальника.

Правильность ведения занятий проверяется соответствующими начальниками во время текущей работы, по возможности без назначения особых осмотров.

Проверяющие определяют:

а) достигается ли общая цель подготовки;

б) правильно ли организована работа по подготовке;

в) нет ли грубых ошибок или отступлений в способе работы;

г) не требуется ли содействия для устранения затруднений в ведении работы.

Годовой план и расписания занятий, программы обучения, руководящие приказы начальствующих лиц по поводу занятий, отметки о несостоявшихся или измененных занятиях и о причинах, их вызвавших, дают необходимый и достаточный материал для суждения о постановке и об успехе подготовки артиллерийских частей.

Об особых видах отчетности, необходимой в некоторых частных случаях, указано ниже.

Ежегодно к 1 декабря инспектор артиллерии корпуса представлял командиру корпуса свое заключение о выполнении частями артиллерии стрельбы и всех подготовительных к ней занятий и о мерах, которые могли бы улучшить в будущем постановку артиллерийского дела в частях. Копия этого заключения представлялась одновременно в Главное артиллерийское управление.

Начальники всех степеней, ведающие подготовкой вверенных им команд и частей артиллерии, обязаны работать не за страх, а за совесть, с полным напряжением сил и способностей. Не боязнь ответственности, а сознание честно исполненного долга службы должно руководить ими в важном и трудном деле подготовки артиллерии к бою.

Кроме знаний и любви к военному делу, они должны быть проникнуты стремлением к единству понятий в общем военном деле (в частности, в деле боевой подготовки артиллерии) и к солидарности в осуществлении единых понятий и военных знаний.

ПОДГОТОВКА РЯДОВЫХ (КАНОНИРОВ, БОМБАРДИРОВ, ФЕЙЕРВЕРКЕРОВ) [1]

Для удобства обучения организовывались разного рода команды.

Батарея организовала команды: а) постоянного и переменного орудийного расчета; б) фейерверкеров; в) телефонистов-сигнальщиков (последние могли обучаться и при управлениях дивизионов).

При дивизионах организовали команды ординарцев-разведчиков и наблюдателей [2].

Организация каких бы то ни было команд, подчиняясь существующим для них положениям, не должна нарушать постоянной готовности артиллерийских частей к бою, почему порядок их формирования должен быть сообразован как с составом отдельной артиллерийской части, так и с условиями ее расквартирования (совместное или разбросанное).

Желательно, чтобы перечисленные команды были всегда по возможности в штатном составе и, как органы наиболее ответственной службы артиллерии, ежегодно пополнялись половиной их штатного состава.

При назначениях в различные команды должны приниматься во внимание физические особенности и личные свойства избираемых людей.

Обучение солдат производилось офицерами, в помощь которым выделялось достаточное число хорошо подготовленных учительских помощников, избираемых из фейерверкеров, бомбардиров и лучших канониров старших сроков службы.

Командиры частей распределяли между офицерами всю работу, охватывающую полный курс обучения, руководили работой и следили за ее выполнением.

Офицеры в порученных им отраслях обучения являлись самостоятельными и ответственными руководителями занятий с личным составом в пределах полученных ими инструкций и указаний командира.

Молодые солдаты, прибывающие в части артиллерии по призывам, ежегодно, обычно осенью, проходили первоначальное воен-

---

[1] Солдаты в артиллерии подразделялись по званиям и служебному положению на следующие категории: 1) канонир (в пехоте — рядовой) — самое младшее звание; 2) бомбардир (в пехоте — ефрейтор) — специалисты: наводчики, телефонисты, лаборатористы, некоторые ездовые и пр.; 3) младший фейерверкер (в пехоте — младший унтер-офицер) — командир орудия; 4) старший фейерверкер (в пехоте — старший унтер-офицер) — помощник командира взвода; 5) фельдфебель — самое старшее звание (по штату один на батарею — теперь старшина батареи).

[2] Кроме того, организовались команды, не имеющие прямого отношения к искусству стрельбы: а) в батареях — молодых солдат, их учителей, ездовых и призываемых из запаса нижних чинов; б) в дивизионах — трубачей; в) в бригадах (отдельных дивизионах) — учебная, подпрапорщиков, учебная кузница, ветеринарно-фельдшерских учеников, музыкантская, обозных, носильщиков, ремонтная.

ное обучение в командах, организуемых при каждой батарее или соответствующем подразделении. «Положение об обучении молодых солдат в артиллерии», изданное в 1901 г., признавалось устаревшим; новое положение утверждено было уже после начала войны (см. выше). Поэтому подготовка молодых солдат производилась по разным программам, инструкциям и руководствам, разрабатываемым в батареях и других артиллерийских соединениях и утверждаемым в штабах корпусов и военных округов. Обучение производилось под руководством офицера, назначаемого из более опытных строевых офицеров (преимущественно старшего офицера батареи), в помощь которому назначались заблаговременно им подготавливаемые учителя молодых солдат, выбираемые из лучших бомбардиров и фейерверкеров. Молодые солдаты обучались строю пешему и при орудиях, гимнастике, обязательным для солдата знаниям основ — устройства своего оружия и материальной части, уставов внутренней службы, гарнизонного и дисциплинарного.

Грамотности солдаты обучались в батарейных и соответствующих им школах под руководством офицеров, назначаемых по большей части из более молодых.

Постоянный состав (три номера на орудие) орудийного расчета (канониры, бомбардиры), пройдя подготовку, должен был:

а) уметь правильно и быстро исполнять обязанности всех номеров при орудии, устанавливать прицельные приспособления, правильно читать величины установок этих приспособлений и уметь производить проверку прицельных приспособлений;

б) уметь наводить орудие при всех условиях и всеми способами, отмечать орудие, давать направление по вспышкам от выстрелов, по поднимающейся от выстрела пыли, по дыму рвущихся снарядов и провешивать направление в разных случаях;

в) уметь брать параллельное направление;

г) знать основательно затвор, его сборку и разборку, знать в главных частях материальную часть артиллерии, уметь обращаться с ней и наблюдать за ее исправным состоянием, уметь чистить, мыть, смазывать орудие, лафет, передок, зарядный ящик;

д) уметь обращаться с боевыми припасами, знать устройство, действие и назначение снарядов, трубок и взрывателей, уметь снаряжать холостые патроны;

е) знать укладку боевого комплекта и запасных частей орудия;

ж) уметь маскироваться и окапываться.

Подготовка солдат *переменного состава* (переводимые, отчисляемые, возвращаемые в батарею) могла ограничиваться объемом курса молодых солдат.

Телефонисты-сигнальщики обучались в батареях или дивизионах. Они должны были:

а) знать устройство телефонов и способы их исправления, способы сращивания и исправления провода, прокладку линии по

земле, на столбах и местных предметах, быть ознакомленными со всеми способами пользования телефоном и проводом;

б) знать установленные способы сигнализации;

в) уметь устанавливать все существующие в батарее штатные приборы.

Разведчики-ординарцы и наблюдатели обучались в дивизионах и, кроме обязанностей телефонистов-сигнальщиков, они должны были быть ознакомлены:

а) с чтением карт и планов, условными знаками, масштабом, ориентировкой на местности по карте и без карты, днем и ночью;

б) с позициями, занимаемыми артиллерией, способами укрытия орудий, передков и зарядных ящиков, устройством и маскировкой наблюдательных пунктов;

в) с признаками ружейного и пулеметного огня, разрывами различных артиллерийских снарядов и наблюдением за их действием;

г) с разведкой местности на походе и при маневрировании, с разведкой противника и позиций;

д) с составлением кроки и простейших перспективных чертежей;

е) с пользованием существующими в батарее штатными приборами;

ж) со службой связи.

Фейерверкеры занимались подготовкой к стрельбе под руководством командира батареи или офицера по его назначению.

Занятия эти состояли: а) в закреплении знания обязанностей орудийного фейерверкера и командира взвода; б) в самостоятельном управлении огнем (было обязательным только для сверхсрочно служащих фейерверкеров и для подпрапорщиков); в) в усвоении порядка питания снарядами; г) в обучении скрытно располагать и перемещать передки и зарядные ящики и держать постоянную связь между тылом и боевой линией.

Предварительная подготовка наиболее грамотных и лучших во всех отношениях солдат к знаниям обязанностей бомбардиров и фейерверкеров производилась в учебных командах, организуемых при управлениях артиллерийских бригад, отдельных артиллерийских дивизионов и других отдельных частей артиллерии.

В учебных командах будущие фейерверкеры не только закрепляли и развивали свои специальные знания артиллерийской строевой службы, изучали топографию (главным образом практиковались в чтении планов и карт и в составлении кроки местности), знакомились с основами тактики, но проходили и некоторые общеобразовательные предметы: элементарную математику, русский язык, географию России, приобретали общие сведения по русской истории и пр. Проект Положения об учебных командах полевой артиллерии, разработанный ГАУ в 1909 г., был утвержден лишь в 1913 г. (см. выше).

Орудийный расчет, специальные команды и низший командный состав фейерверкеров во всех родах русской артиллерии были в общем отлично обучены и хорошо знали свое специальное дело [1].

---

[1] ЦГВИА, 187—398.

Орудийный расчет, в особенности наводчики орудий, и большинство солдат специальных команд состояли из грамотных, отборных по умственному развитию и физической силе людей; все они были хорошо практически подготовлены.

Фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически и в особенности практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира; они быстро и точно исполняли команды по наводке и стрельбе, отлично руководили и следили за исполнением обязанностей расчета при орудиях и зарядных ящиках. Фейерверкеры были незаменимыми помощниками офицеров и служили примером для всех солдат батареи в смысле практического знания службы.

К сожалению, старое увлечение так называемой «словесностью», сводившееся к зазубриванию наизусть и автоматическим ответам на заранее составленные вопросы по разным отделам уставов и описаний материальной части, еще не было изжито в некоторых частях артиллерии и особенно в крепостной.

Так, например, во время опытной мобилизации крепости Осовец в 1912 г.[1] кадровый состав крепостной артиллерии, несмотря на многие неблагоприятные условия — большой некомплект командного офицерского состава, перегруженность солдат разного рода работами и пр., — оказался вполне удовлетворительно подготовленным как в отношении специального артиллерийского дела, так и в смысле ознакомления с другими разнообразными обязанностями крепостной службы. Но наряду с этим обнаружилось излишнее увлечение «словесностью», стрельбой из винтовок и другими второстепенными вопросами службы, включенными в программу обучения.

Признано было тогда же необходимым пересмотреть программы обучения крепостной артиллерии, отбросить все лишнее и понизить требования, предъявлявшиеся к стрельбе крепостной артиллерии из винтовок.

Программы обучения полевой артиллерии, как и крепостной, также следовало пересмотреть и многое в них сократить, обратив внимание на более существенное.

Но до начала мировой войны не были пересмотрены программы обучения ни крепостной, ни полевой артиллерии (см. выше «Руководства и наставления для подготовки артиллерии»).

В артиллерии на учебных занятиях мирного времени, в особенности на практических стрельбах, замечалась дружная продуктивная работа всего личного состава — солдат и офицеров.

---

[1] ЦГВИА, личный архив Барсукова. Отчет об опытной мобилизации крепости Осовец.

ПОДГОТОВКА МЛАДШИХ ОФИЦЕРОВ [1]

Для подготовки и воспитания младшего офицерского состава старой русской армии и ее артиллерии служили кадетские корпуса и военные училища [2].

Кадетские корпуса «имеют целью, — указывалось законоположением о них, — доставить малолетним, предназначаемым к военной службе, общее образование» и служить «приготовительными заведениями для поступления молодых людей в военные училища». Кадетские корпуса имели задачей «доставлять малолетним, предназначаемым к службе в офицерском звании, преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание». С 1912 г. в кадетские корпуса допускалось принимать своекоштными воспитанниками сыновей лиц всех сословий, «кроме сыновей и внуков лиц (мужского и женского пола), родившихся в иудейской вере» [3]. Это положение не распространялось на привилегированный пажеский корпус, в который принимались сыновья и внуки только заслуженных генералов и, как исключение, сыновья высших гражданских чинов или потомки знатных титулованных дворянских фамилий.

Положением о кадетских корпусах требовалось, чтобы система обучения в них была согласована с основными требованиями физического и нравственного воспитания, чтобы путем обучения постепенно развивались умственные способности учащихся и сообщались им «основные знания истины веры и общеобразовательных предметов», необходимых как для дальнейшего специального военного образования, так и для «предстоящей впоследствии служебной и житейской деятельности».

Воспитание в кадетских корпусах имеет главной целью, указывалось законоположением, «...подготовление воспитывающихся юношей к будущей службе государю и отечеству посредством постепенной, с детского возраста, выработки в воспитанниках тех верных понятий и стремлений, кои служат прочною основою искренней

---

[1] Согласно действовавшей в старой русской армии табели о рангах Петра I установлены были следующие офицерские чины (звания): а) обер-офицеры: прапорщик (чин, сохранившийся только на военное время), подпоручик, поручик, штабс-капитан и капитан; б) штаб-офицеры: подполковник (в войсках гвардии этого чина не было; штаб-офицерский чин майора был упразднен в 80-х годах прошлого столетия) и полковник; в) генералитет: генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал (от инфантерии, или пехоты, от кавалерии, от артиллерии).

По штатам полевой артиллерии командиры батарей полагались в чине подполковника; в каждой батарее полагалось иметь младших офицеров (обер-офицеров) по числу взводов (в легкой восьмиорудийной батарее — 4 взводных командира; в мортирной или гаубичной и в конной шестиорудийной батарее — 3 взводных командира) и по одному старшему офицеру (по большей части в чине капитана), являвшемуся помощником и заместителем командира батареи. Командир дивизиона — полковник; командир артиллерийской бригады — генерал-майор.

[2] Свод военных постановлений, 1869 г., кн. XV, изд. 4-е, ЦГВИА.

[3] Приказ по военному ведомству, 1912 г., № 628, ЦГВИА.

преданности престолу, сознательного повиновения власти и закону и чувств чести, добра и правды. Соответственно такой цели, корпусное воспитание должно в каждом из кадет всесторонне развить физические и душевные способности, правильно образовать характер, глубоко укоренить благочестие и верноподданнейший долг и твердо упрочить те нравственные качества, кои имеют первенствующее значение для офицера».

«Совокупные усилия всех преподавателей и воспитателей должны быть постоянно направлены к тому, — говорилось в законе, — чтобы поддержать в каждом воспитаннике здоровье, силу и бодрость тела и духа, строгую дисциплину ума и воли, любознательность и склонность к умственному труду».

В кадетских корпусах преподавались: закон божий, русский, французский и немецкий языки, математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, начала аналитической геометрии), природоведение и естествознание, физика, химия, космография, география, история, законоведение, рисование и чистописание; кроме того, велись внеклассные занятия: строевое обучение, гимнастика, фехтование, плавание, танцы, музыка и пение.

В кадетских корпусах воспитанники получали достаточно хорошее общее среднее образование, особенно в отношении математики; преподавание истории и всех языков было поставлено не совсем удовлетворительно. Юноши, заканчивающие кадетские корпуса, были в общем хорошо подготовлены для прохождения курса военных училищ в отношении как общего образования, так и основных начал строевой подготовки, воспитания в духе воинской дисциплины (но недостаточно сознательной), в духе повиновения власти и закону. Они были воспитаны более или менее удовлетворительно в духе тех нравственных качеств, которые по понятиям того времени имели «первенствующее значение для офицера». Но они были круглыми невеждами в отношении понимания долга гражданина в общественно-политическом отношении, так как всякое, самое малейшее проявление интереса к вопросам экономики, политики, гражданского долга не допускалось среди военных, считалось преступным и каралось законом. В них мало развивалась «любознательность и склонность к умственному труду», почти не развивались душевные способности, обеспечивающие воспитание дисциплины ума и воли, воспитание необходимого воину твердого характера, обеспечивающего безбоязненное проявление инициативы и самодеятельности, особенно остро требующееся в условиях современной боевой обстановки.

В «Своде военных постановлений» 1869 г., изд. 4 (ст. 1020, 1048) указывалось, что военные училища «имеют целью доставить молодым людям, получившим общее образование, военно-воспитательную, строевую и научную подготовку, необходимую для службы в соответствующем роде войск».

Цель военного воспитания юнкеров военных училищ согласно тому же «Своду военных постановлений» заключалась: 1) в глубо-

ком укоренении чувства долга верноподданнического и воинского; 2) в образовании честного, строго исполнительного и мужественного характера; 3) в развитии и упрочении сознания о высоком значении воина, призванного к защите престола и отечества; 4) в прочном усвоении воинской дисциплины и чинопочитания; 5) в поддержании между совоспитывающимися юнкерами духа доброго товарищества, с должною в порядке службы подчиненностью старшим из них по званию.

Обучение в военных училищах согласно общему о них положению должно было сообщать юнкерам основательные знания, теоретические и практические, обладая которыми, выпускаемые из училищ офицеры могли бы не только выполнять с должным успехом предстоящие им служебные обязанности, но и продолжать на службе свое военно-научное образование.

В военных училищах (пехотных и кавалерийских) проходились: 1) военные науки — тактика, военная история, артиллерия, фортификация, военная топография, законоведение и военная администрация; 2) общеобразовательные предметы — русский, французский и немецкий языки, механика и химия (последние два в виде сокращенных курсов); кроме того, закон божий; 3) все отрасли военно-служебной подготовки.

Артиллерийские училища приготовляли молодых людей «для службы в строевых частях артиллерии» и являлись «подготовительными заведениями для Михайловской артиллерийской академии».

Учебный курс военных училищ — двухгодичный, артиллерийских — трехгодичный, т. е. значительно расширенный в отношении математики, химии и в особенности специальных знаний артиллерии. По учебному полному курсу проходимых предметов артиллерийские училища возможно было отнести к высшим учебным техническим заведениям.

В артиллерийских училищах сверх общих военных и общеобразовательных предметов, проходимых в военных училищах, и специального курса артиллерии проходились еще дополнительные предметы по математике: аналитическая геометрия, дифференциальное и начала интегрального исчисления, физика, элементарная механика и обстоятельный теоретический и практический курс химии с уклоном производства пороха и взрывчатых веществ.

В общем в артиллерийских училищах юнкера получали основательную общеобразовательную теоретическую подготовку по физико-математическим предметам и по химии, отличную теоретическую и хорошую практическую специальную военно-научную подготовку, особенно в области знаний артиллерии. Подготовка офицеров, выпускаемых из артиллерийских училищ, справедливо признавалась достаточной для того, чтобы эти офицеры были в полной мере полезными для службы в артиллерии на младших командных должностях.

Однако младший офицерский состав русской артиллерии комплектовался путем производства в офицеры юнкеров не только

артиллерийских училищ, но за недостатком последних и других военных училищ (главным образом пехотных, редко кавалерийских).

Офицеры, выпускаемые в артиллерию из военных училищ, были вообще слабо подготовлены для службы в артиллерии, так как теоретический курс артиллерии проходился в военных училищах в ограниченном размере, на практике специальная артиллерийская служба не проходилась, командирование же выпускаемых в артиллерию юнкеров накануне производства в офицеры на несколько дней в ближайшие расположенные лагерем батареи для ознакомления со строевой артиллерийской службой не приносило почти никакой пользы.

Первое время службы в артиллерии положение молодых офицеров, выпущенных из военных училищ, бывало до некоторой степени довольно тягостным. Им приходилось учиться не только у своих товарищей офицеров, старших по выпуску или произведенных одновременно с ними из артиллерийских училищ, но нередко учиться практически и у подчиненных им фейерверкеров (теперь сержантов) или даже присматриваться к искусной работе при орудии старослужащих бомбардиров (ефрейторов) и канониров (рядовых), чтобы перенимать некоторые приемы их работы и потом обучать этим приемам.

Благодаря тому только, что в артиллерию выпускались из военных училищ наилучшие по успеваемости в науках, более способные юнкера и что в артиллерии исторически сложились хорошие взаимные отношения между офицерами и солдатами, офицеры из окончивших военные училища выходили из неловкого положения довольно скоро и легко. Впоследствии они в общем не уступали в знании строевой артиллерийской службы и практической стрельбы своим товарищам, выпущенным из артиллерийских училищ. Но все же эти последние, за некоторыми исключениями, иногда давали первым чувствовать свое превосходство, по крайней мере в полученном более широком специальном образовании.

Характерной чертой в воспитании и военной подготовке юношества, предназначаемого к тому, чтобы стать в ряды офицерства старой русской армии с ее артиллерией, являлось то, что воспитанников кадетских корпусов и затем юнкеров военных училищ (всех специальностей) в силу классовой розни держали далеко в стороне от солдат. В результате выпускаемые из училищ молодые офицеры не знали, как подступить к солдатам, как их учить, как найти с ними общий тон, побороть их недоверие к офицеру, боязнь его, как держать себя, чтобы пользоваться добрым к себе расположением и уважением со стороны солдат, чтобы они желали и могли поделиться своими интересами с офицером, видели в офицере не только строгого, карающего начальника, но и «отца-командира».

У огромного большинства молодых офицеров всех родов войск старой русской армии, вообще хорошо подготовленных для службы в строю, не было в первое время после выпуска из училища только уменья в обращении с солдатами. Но, беря пример с более опытных,

старших по службе товарищей, молодые офицеры выходили из неприятного положения через некоторое, более или менее непродолжительное время. В особенности скоро осваивались с солдатами и становились хорошими их учителями и начальниками молодые офицеры артиллерии.

Хронический некомплект офицеров в строю артиллерии, чрезвычайно большой в артиллерии крепостной и тяжелой осадного типа, приходилось пополнять выпусками офицеров из пехотных военных училищ до самого начала мировой войны. Между тем офицерам, выпускаемым из пехотных военных училищ, особенно трудно было осваивать требующую специальных технических знаний сложную службу в крепостной и тяжелой артиллерии.

Со времени русско-японской войны Главное артиллерийское управление со своей стороны принимало все зависящие от него меры к созданию новых артиллерийских училищ, так как существовавших двух училищ (Михайловского и Константиновского) было совершенно недостаточно для обеспечения артиллерии хорошо подготовленным по специальности офицерским составом. ГАУ считало крайне необходимым иметь несколько артиллерийских училищ, с тем чтобы увеличить выпуск офицеров, подготовленных для службы как в полевой, так и особенно в крепостной и тяжелой артиллерии, и уменьшить или даже вовсе прекратить выпуск в артиллерию офицеров из пехотных военных училищ. Но предпринимаемые с этою целью ГАУ меры осуществлялись с большими трудностями и с опозданием за отсутствием кредитов, в отпуске которых отказывало финансовое ведомство, поддерживаемое государственным контролем.

Незадолго до начала мировой войны 1914—1918 гг. были образованы лишь 3-е Киевское артиллерийское училище для выпуска офицеров в полевую артиллерию и одно Одесское училище тяжелой артиллерии [1].

О большом некомплекте офицеров крепостной артиллерии можно судить по примеру даже такой важной для обороны России пограничной крепости, как Осовец, отстоявшей от границы с Восточной Пруссией всего лишь в 15—20 км.

Во время опытной мобилизации этой крепости, произведенной в сентябре 1912 г., обнаружилось, что в некоторых ротах крепостной артиллерии не бывало офицеров почти круглый год, и подготовка солдат лежала главным образом на фейерверкерах и подпрапорщиках. Во время опытной мобилизации большинство офицеров исполняло по две, по три обязанности и более. Например, один из ротных командиров крепостной артиллерии был одновременно комендантом форта, командующим батальоном, начальником одного из отделов артиллерийской обороны, заведующим хлебопечением на время мобилизации и временно командиром батальона запасных, при-

[1] ЦГВИА, приказ по военному ведомству, 1912 г., № 395.

званных в крепость для отбывания сборов, т. е. одновременно он должен был исполнять обязанности по шести должностям [1].

Служба в крепостях была так плохо обставлена, была настолько безотрадной, что служить в крепостной артиллерии не желали юнкера не только артиллерийских, но иногда даже и пехотных училищ. Крепостную артиллерию приходилось комплектовать довольно случайным элементом: юнкерами артиллерийских училищ, оказавшимися по физическим качествам непригодными для службы в полевой артиллерии; юнкерами пехотных училищ, для которых нехватало вакансий в полевой артиллерии; офицерами, переводимыми из пехоты, и, наконец, в последнее время перед войной — юнкерами, насильственно выпускаемыми из артиллерийских училищ, что не достигало цели, так как более энергичные и способные все равно находили для себя возможность служить вне крепости.

Служба в тяжелой артиллерии осадно-крепостного типа вследствие большой сложности и чрезвычайного разнообразия материальной части являлась более трудной и ответственной, требовавшей серьезной специальной артиллерийской подготовки, чем служба в полевой артиллерии.

Поэтому по плану мероприятий, составленному ГАУ еще в 1906 г., признавалось необходимым, во-первых, создание *«крепостного»* артиллерийского училища для подготовки офицеров тяжелой артиллерии, во-вторых, улучшение быта офицеров крепостной артиллерии. После нескольких лет канцелярской волокиты мероприятия эти были осуществлены лишь отчасти и в общем настолько запоздали, что до начала войны в 1914 г. не произошло существенного улучшения в пополнении некомплекта тяжелой артиллерии специально подготовленными офицерами. Созданное в Одессе крепостное артиллерийское училище (тяжелой артиллерии) не успело дать ни одного выпуска офицеров до начала войны.

Офицерские занятия в строевых частях артиллерии. Аттестование офицеров. Подготовка офицерского состава не ограничивалась прохождением курса военных училищ. В строевых артиллерийских частях велись, согласно особой инструкции и «Наставлению для офицерских занятий», утвержденному 4 ноября 1909 г., артиллерийские и тактические занятия с офицерами под общим руководством командиров артиллерийских бригад и дивизионов и под непосредственным руководством командиров батарей.

Занятия с офицерами имели целью закрепить имеющиеся у них знания и постоянно поддерживать их на высоте современных военных требований, а также развить умение и навыки решать задачи, выпадающие на долю офицера в разных случаях его боевой деятельности.

Занятия должны были вестись исключительно практически, решением задач, на которых обучаемый ставился в роль исполнителя.

---

[1] ЦГВИА, личный архив Барсукова. Отчет по артиллерийской части опытной мобилизации крепости Осовец, произведенной 17—21 сентября 1912 г.

Занятия велись как в комнате, так и в поле, причем последним придавалось первенствующее значение.

По инициативе офицерской артиллерийской школы в частях артиллерии за три-четыре года до начала войны стали проводиться так называемые артиллерийские поездки (т. е. выезды). Несмотря на несомненную пользу этих поездок для дела боевой подготовки артиллерии, проект «Инструкции для производства артиллерийских поездок» был издан лишь в 1913 г., но до начала войны не был утвержден и потому не получил широкого распространения к руководству в артиллерийских частях.

Согласно проекту инструкции, артиллерийскими поездками назывались занятия в поле командного состава, имеющие целью дать практику в решении задач на местности на все виды боевой деятельности артиллерии. Артиллерийские поездки предусматривались двух видов: на одних изучались отдельные элементы боевой службы артиллерии, как то: разведка артиллерийских разъездов, разведка артиллерийских начальников, занятие и оборудование позиций, целеуказание; на других производились учения по определенному виду боя, причем последние делились на односторонние, производимые против обозначенного противника, и двухсторонние, на которых противником являлась другая артиллерийская часть.

Для каждой поездки составлялось тактическое задание, заключающее в себе сведения о противнике и о своих войсках, направление и цель движения отряда. Поездки производились в предположении, что данный (фиктивный) отряд, в состав которого входит практикующаяся артиллерийская часть, ведет какой-либо определенный вид боя: наступательный, встречный или оборонительный. Поездки начинали в составе батареи (имея в виду батарею в авангарде, в арьергарде и т. п.), потом переходили к поездкам в составе артиллерийского дивизиона и артиллерийской бригады.

Для артиллерийских поездок требовалось необходимое число чинов командного состава, разведчиков-ординарцев и телефонистов-сигналистов, телефонные двуколки, телефоны, приборы, флаги, иногда орудия (обыкновенно от батареи два орудия для обозначения флангов батареи).

Из командного состава назначались, например, при артиллерийских поездках в составе дивизиона: а) руководитель (при командире дивизиона) и помощники руководителя (при командирах батарей); б) командир дивизиона, адъютант при нем, начальники артиллерийских разъездов, командиры батарей и старшие офицеры. Остальные, свободные от назначений, офицеры являлись присутствующими и привлекались руководителем для высказывания своих заключений о ходе поездки и действиях участвовавших лиц.

Руководитель давал командиру дивизиона сведения о противнике и о расположении своих войск, об изменениях в тактической обстановке. Обязанности начальника отряда, в состав которого входил упражняющийся дивизион, исполнял тот же руководитель, если не был назначен особый начальник отряда.

Помощники руководителя играли ту же роль при командирах батарей, при которых состояли, и действовали по указаниям руководителя.

Требовалось, чтобы руководительский состав заранее хорошо ознакомился с местностью и чтобы все учение проводилось по плану, предварительно разработанному руководителем. Однако не рекомендовалось наводить исполнителей на то или иное определенное решение, намеченное руководством, чтобы не лишать их инициативы и самостоятельности в принятии решения.

При двухсторонних учениях считалось полезным произвести предварительно военную игру на планах того участка местности, на котором будет производиться учение, доведя игру до столкновения сторон, после чего полученные данные перенести на местность.

Для объединения и направления к общей цели действий руководителей сторон назначался обязательно главный руководитель двухстороннего учения, которому приходилось регулировать различного рода трения и устранять возникающие недоразумения и от искусства которого зависел в значительной степени успех выполнения учения. Между главным руководителем и руководителями сторон поддерживалась непрерывная и быстро действующая связь.

Задание для двухстороннего учения составлялось главным руководителем при участии руководителей обеих сторон.

При одностороннем учении организовывалось наблюдение за действиями маневрирующего со стороны обозначенного противника. При двухстороннем учении маневрирующие стороны наблюдали за действиями друг друга.

Разбор маневра производился в поле руководителем на основании личных впечатлений и сведений, полученных от своих помощников. Детальный разбор технического характера делался в большинстве случаев в комнатной, аудиторной обстановке.

Организация артиллерийских поездок, особенно двухсторонних, сложна и трудна, но при умелом, опытном и добросовестном руководстве артиллерийские поездки бывали интересными и поучительными.

В офицерской артиллерийской школе артиллерийские поездки нередко совмещались с полевыми тактическими поездками, проводившимися по окончании теоретических занятий, перед началом практических стрельб (обычно в мае в окрестностях г. Луги, в 20—40 км к востоку и к югу от города). При согласованности руководства по общей тактике с артиллерийским руководством подобные совместные полевые поездки бывали особенно полезными, так как при наличии руководителя по общей тактике (из специалистов, получивших академическое образование Генерального штаба), который принимал на себя обязанности главного руководителя, поездки правильно организовывались, протекали и освещались в тактическом отношении, что далеко не всегда имело место при одном специально артиллерийском руководстве.

В строевых артиллерийских частях руководителями занятий с офицерами являлись командиры батарей, дивизионов и бригад.

Командиры батарей вели с офицерами следующие занятия.

1. *Упражнения в примерной стрельбе*, служившие средством для приобретения твердого навыка в применении правил стрельбы к различным случаям обстрела целей и навыка в уставных командах. Особое внимание обращалось на основательное знание правил стрельбы и теоретическое толкование их. Пособием служил курс офицерской артиллерийской школы «Сведения о стрельбе полевой артиллерии», а также изданное в 1911 г. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии».

2. *Решение артиллерийских задач* при помощи кратких таблиц стрельбы и без них. При решении этих задач офицеры знакомились с основными свойствами всех орудий полевой артиллерии и приобретали навык в определении степени укрытия, величины мертвого пространства и т. п.

3. *Занятия на планах (картах) и на местности,* имевшие в виду практику в определении рельефа местности, кругозора, в выборе путей следования, в выборе наблюдательных пунктов и огневых позиций в указанном районе, в определении укрытия от взоров и мертвых пространств и т. п.

4. *Занятия по изучению устройства и пользованию штатными приборами:* угломерами, телефонами, дальномерами, буссолью, зрительными трубами и пр.

Командиры артиллерийских дивизионов вели занятия с офицерами по решению тактических задач на планах и на местности, с отдельными офицерами и группами, руководствуясь «Наставлением для офицерских занятий». При этом особое внимание обращалось на действия артиллерии в боевых столкновениях.

Командиры артиллерийских бригад вели занятия с руководителями с целью объединения их деятельности по ведению всех занятий с офицерами и руководили так называемыми сообщениями (докладами), делаемыми периодически офицерами на разные военные темы согласно «Наставлению для офицерских занятий» изд. 1909 г.

В «Наставлении для офицерских занятий» 1909 г. и в «Пособии по стрельбе полевой артиллерии», изданном в 1911 г., имелось достаточно указаний, чем нужно заниматься, с кем и кому руководить занятиями, но как руководить, какими методами проводить занятия — таких указаний не было; это предоставлялось усмотрению и умению руководителей. Между тем в довоенное время, особенно до 1910—1912 гг., у большинства руководителей не было ни умения, ни опыта, ни достаточных знаний для руководства офицерскими занятиями. Поэтому в деле огневой и особенно тактической подготовки командного состава русской артиллерии руководство, контроль и оценка являлись наиболее слабым местом.

Немало было недочетов даже в методах проведения в артиллерии так называвшихся «подготовительных к стрельбе упражнений». В довоенное время не имелось имитационных средств и совершенно отсутствовала тренировка командного состава артиллерии в стрельбе на миниатюр-полигонах; не применялись и вспышечные поли-

гоны. Имевшийся в батареях еще до русско-японской войны прибор для обучения пристрелке системы Муратова, построенный на началах теории вероятностей, довольно сложный и совершенно не наглядный, почти вовсе не применялся, устарел и был забыт. Мортирка для имитации воздушных разрывов, предложенная Долговым за три-четыре года до начала мировой войны, не привилась в частях полевой артиллерии. Появившийся незадолго до начала войны прибор Гельвиха для пристрелки в виде тиражных таблиц почти не был известен строевым артиллерийским частям.

К 1910—1912 гг. почти все командиры батарей, за редким исключением, и большинство командиров дивизионов были из числа прошедших курс офицерской артиллерийской школы, достаточно знакомые с новейшими достижениями в области техники стрельбы и тактики артиллерии, ознакомившиеся и с методами школы в проведении занятий с офицерами переменного состава. Поэтому занятия с офицерами в строевых частях артиллерии, носившие раньше характер «отбывания номера», постепенно становились более интересными и поучительными, получили другой смысл и имели более серьезное значение для поднятия уровня образования артиллерийских офицеров в специальном техническом отношении, но лишь отчасти и в тактическом.

Несмотря на некоторые предпринятые меры к поднятию образования в тактическом отношении, все же в некоторых строевых частях артиллерии, особенно расквартированных в захолустных городках, местечках и деревнях вдали от крупных штабов, тактические занятия продолжали считаться довольно скучной и бесполезной тратой времени. Происходило это главным образом из-за недостатка в опытных и сведущих руководителях тактическими занятиями. Офицеры Генерального штаба, являвшиеся специалистами в области тактики, наезжавшие иногда в эти захолустья для проверки тактических знаний, несколько неприятно нарушали спокойствие проверяемых офицеров и их непосредственных начальников, в особенности же командиров дивизионов, ответственных за тактическую подготовку, но офицерскому составу артиллерии существенной пользы вообще не приносили и в большинстве случаев за короткий срок пребывания в командировке (обыкновенно несколько часов — от поезда до поезда) не могли внушить доверия ни к себе, ни к проповедуемым ими тактическим принципам. К тому же далеко не все офицеры Генерального штаба могли настолько хорошо руководить тактическими занятиями, чтобы возбудить к ним достаточный интерес. Даже при расквартировании в больших городах, где из совместно расположенных штабов дивизий, корпусов или округов офицеры Генерального штаба привлекались довольно часто к руководству тактическими занятиями в войсках, занятия эти проводились не всегда интересно и поучительно.

Младшие офицеры артиллерии, за малым исключением, в силу многих причин, из которых не последнюю роль играли служебный режим и бытовые условия, не были склонны к самодеятельности, к углублению и расширению своих знаний даже по вопросам своей

специальности; к тому же до получения должности старшего офицера батареи, что случалось в порядке старшинства обычно на пятнадцатом году службы, младшие офицеры чувствовали себя вполне безответственными.

Производимые периодически и эпизодически начальниками и специальными комиссиями проверки знаний младших офицеров зачастую отмечали недостаточное усвоение ими уставов и наставлений, а также вопросов тактики и техники артиллерии. Результаты практических стрельб в свою очередь свидетельствовали о недочетах и в огневой подготовке младших офицеров.

Особенно ярко все это выяснялось проверками знаний офицеров, командируемых в переменный состав артиллерийской офицерской школы, производимыми в школе перед началом теоретического и практического курса. При этом нужно иметь в виду, что в переменный состав школы командировались уже старшие офицеры — кандидаты на получение батареи, прослужившие в строевых частях артиллерии не менее 10—15 лет, и штаб-офицеры (подполковники и полковники) — кандидаты на получение артиллерийского дивизиона или артиллерийской бригады.

Недостаточный интерес к службе, проявляемый в довоенное время многими офицерами старой армии, можно объяснить не только безответственностью по службе младших офицеров, но и существовавшим до 1912 г. порядком производства в чины и повышения по службе за выслугу лет в порядке очереди, не считаясь ни со служебными качествами, ни с отношением офицерства к своим обязанностям. В старой армии нередко бывало, что в батарее добросовестно несли службу, иногда даже с увлечением, только один или два офицера (в том числе старший офицер), на которых командир батареи обычно взваливал большую часть работы; остальные офицеры исполняли свои обязанности кое-как, часто даже манкируя службой. Между тем эти последние, подчас не только бесполезные, но и вредные для службы, производились в следующие чины, получали награды и повышения по службе за выслугу лет наравне с первыми, на работе которых зиждилась вся подготовка батареи.

Лишь с 1906 г., по окончании русско-японской войны, стали вводить первые пять-шесть лет в виде испытания новую систему аттестования офицеров и устанавливать предельный возраст для производства в штаб-офицерские и генеральские чины, и, наконец, в 1912 г. приказом по военному ведомству было объявлено окончательно утвержденное «Положение об аттестовании военнослужащих»[1].

Аттестация должна была давать возможно точную и полную характеристику служебных, физических, умственных и нравственных качеств аттестуемого как военнослужащего, занимающего определенное служебное положение.

---

[1] Приказы по военному ведомству: 1906 г. — № 701; 1907 г. — № 222, 377, 543, 647; 1908 г. — № 82; 1910 г. — № 53 (и циркуляры Главного штаба 1910 г. № 88 и 225); 1912 г. — № 251, 480 и др.

В конечном выводе аттестации распределялись по степеням: 1) отличные; 2) хорошие; 3) удовлетворительные; 4) неудовлетворительные. В соответствии с аттестациями устанавливалось: достоин ли аттестуемый к выдвижению на высшую должность вне очереди или по старшинству, подлежит ли оставлению на занимаемой должности или предупреждению о неполном служебном соответствии, или увольнению от службы. Аттестации составлялись непосредственными начальниками и командирами отдельных частей, но при условии не менее полугодичной совместной службы с аттестуемым.

Аттестации на артиллерийских офицеров должны были иметь заключения инспекторов артиллерии корпусов.

Жалобы могли подаваться только на аттестации, влекущие за собой увольнение от службы, и только старшему над тем начальником, которым утверждена аттестация.

Неправильно аттестующие своих подчиненных начальники могли подвергаться выговорам, исключениям из кандидатских списков для назначения на высшую должность или же увольнению от службы.

Установившийся с 1912 г. определенный порядок аттестования военнослужащих, в связи с участившимися в последние годы перед войной проверками знаний офицеров, оказал полезное влияние на подготовку офицерского состава артиллерии.

В общем младшие офицеры русской артиллерии, состоявшие в кадровом составе действительной службы, оказались удовлетворительно подготовленными к началу мировой войны в специальном техническом отношении, по стрельбе и по тактике артиллерии; подготовка их по общей тактике, обеспечивающая боевую деятельность артиллерии в связи с другими родами войск, была слабой.

Командный состав запаса артиллерии, в особенности так называемые прапорщики запаса артиллерии, был подготовлен неудовлетворительно во всех отношениях — и в тактическом и даже в стрелково-техническом. Прапорщики запаса артиллерии в течение небольшого периода действительной службы приобретали только некоторые обязательные сведения для младшего офицера и по отбытии обязательного срока действительной службы выдерживали экзамен по сокращенной программе знания обязанностей взводного командира артиллерии. Для обновления приобретенных на действительной службе сведений командиры запаса артиллерии периодически призывались на краткосрочные учебные сборы, где им преподавались кое-какие сведения по артиллерии и тактике и давалась небольшая практика по стрельбе, как командирам взводов.

Вообще на боевую подготовку командиров запаса артиллерии уделялось недостаточное внимание. Между тем с объявлением войны в ряды артиллерии действующей армии влилась масса прапорщиков запаса, вследствие чего уровень подготовки артиллерии несколько снизился.

В этом отношении Россия не была единственной. Известный германский артиллерист генерал Роне, указывая на то, что средний комсостав (до командиров батарей включительно) во время войны

будет в большей части состоять из командиров запаса, считал, что ввиду «общепризнанной слабости стрелковой подготовки офицеров запаса» теоретические преимущества шрапнели «не оправдывают практического неумения их использовать», и требовал «исключения или резкого уменьшения числа шрапнелей в боевом комплекте».

Эта оценка, данная Роне подготовке командиров запаса в германской армии, целиком была справедлива и для всех остальных армий, принимавших участие в мировой войне.

ПОДГОТОВКА СТАРШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИИ

Русско-японская война показала, что артиллерист старшего командного состава должен смотреть на себя не только как на машиниста пушкарского цеха, но и как на ответственного, самостоятельно рассуждающего и решающего боевые задачи тактика, обязанного в некоторых случаях боевой обстановки проявлять инициативу на поле сражения.

В этом именно направлении стремились вести в довоенное время боевую подготовку старшего командного состава русской артиллерии, с большим трудом преодолевая его ограниченность тактического кругозора и инертность в отношении проявления личной инициативы.

Важная задача подготовки старшего командного состава лежала главным образом на офицерской артиллерийской школе, через которую проводилось в жизнь все установленное и все новое по части техники, тактики и стрельбы артиллерии.

Большое значение для подготовки командного состава артиллерии в техническом отношении имели Артиллерийская академия и учебные артиллерийские полигоны. В тактическом отношении некоторую роль сыграла Военная академия Генерального штаба.

Офицерская артиллерийская школа имела целью [1]:

1) подготовку артиллерийских капитанов и штаб-офицеров теоретическим и практическим путем к боевому использованию батарей и группы батарей;

2) развитие и совершенствование в артиллерии искусства стрельбы в связи с маневрированием и установлением правильных взглядов на целесообразное применение артиллерийского огня в бою;

3) выработку способов ведения подготовки артиллерии к стрельбе и маневрированию, а также правильных приемов обучения.

Руководители школы для ведения занятий по теории и практике артиллерийской стрельбы избирались из артиллерийских штаб-офицеров с академическим артиллерийским образованием, выдающихся по своим теоретическим и практическим познаниям в артиллерийском деле. Руководители для ведения теоретических и практи-

---

[1] Свод военных постановлений, 1869 г., кн. XV, изд. 4-е. Приказ военного ведомства 1912 г., № 295.

ческих занятий с офицерами переменного состава по общей тактике приглашались начальником школы из офицеров, прошедших курс академии Генерального штаба. Кроме того, начиная с 1905 г. до 1914 г. включительно к школе прикомандировывался на время практических групповых стрельб артиллерийский офицер, также окончивший академию Генерального штаба, в качестве руководителя по составлению тактических заданий для стрельб, по организации и правильному проведению стрельб в тактическом отношении.

В июле 1912 г. приказом по военному ведомству за № 295 новыми штатами школы была установлена должность штатного руководителя по тактике из офицеров Генерального штаба. При школе состояла редакция журнала «Вестник офицерской артиллерийской школы» (см. выше).

В школе было два отдела: полевой и крепостной артиллерии.

В полевом отделе артиллерийской офицерской школы краткая программа преподавания заключалась в следующем:

Теоретическое преподавание:

а) по артиллерии — изучение балистических свойств полевых орудий, действия снарядов, правил стрельбы, инструкций и артиллерийских уставов;

б) по тактике артиллерии — основные свойства артиллерии, организация и боевое применение;

в) по общей тактике — курс прикладной тактики (причем главное внимание обращалось на употребление полевой артиллерии в бою в связи с прочими родами оружия), общие сведения по военной истории;

г) по иппологии — приемка лошадей, ковка, содержание лошади, первая ветеринарная помощь до прибытия врача.

Практические занятия:

а) по артиллерии и по тактике артиллерии — решение задач по таблицам стрельбы, осмотр, сборка, разборка, замена поврежденных частей материальной части, подготовительные к стрельбе упражнения, полевые артиллерийские поездки с выбором позиций и путей следования к ним, упражнения в маневрировании с запряженными орудиями, практическая стрельба с маневрированием;

б) по тактике — решение тактических задач на планах, военная игра, решение задач в поле;

в) по топографии — чтение планов и карт, составление профилей, ориентировка и проверка планов и карт на местности;

г) по иппологии — практика ковки, осмотр и приемка лошади.

Офицеры переменного состава школы командировались для осмотра технических артиллерийских заведений и для присутствия на некоторых опытах главного артиллерийского полигона, которые начальником школы признавались для них особенно полезными.

По штатам школы при ней состояли легкая восьмиорудийная батарея с пеше-горным взводом и конная шестиорудийная батарея с конно-горным взводом.

Сверх этих имеющихся в школе штатных батарей на летний период практических стрельб с маневрированием для обслуживания

полевого отдела к офицерской артиллерийской школе прикомандировывались три артиллерийские бригады, мортирный (гаубичный) дивизион и конная батарея. Начиная с 1912 г. на Лужский полигон школы командировалась учебно-воздухоплавательная рота офицерской воздухоплавательной школы, а с 1913 г. в офицерской артиллерийской школе велось наблюдение с привязного аэростата.

Авиационная часть к офицерской артиллерийской школе не прикомандировывалась за отсутствием удобного аэродрома; вследствие этого в школе не проводилась стрельба с помощью летчиков-наблюдателей, что являлось острым недостатком в работе школы.

В переменный состав полевого отдела школы ежегодно с 20 февраля по 10 сентября командировались из частей полевой артиллерии 108 обер-офицеров (кандидатов на должность командира батареи) и 36 штаб-офицеров (кандидатов на должность командира дивизиона или командира артиллерийской бригады).

После русско-японской войны, в 1906—1908 гг., в офицерскую артиллерийскую школу на летний период занятий, проводившихся тогда на Двинском полигоне, кроме обычного переменного состава из кандидатов на получение батарей и дивизионов, командировались еще старшие артиллерийские начальники из не проходивших в свое время курса школы, не исключая даже престарелых генералов-инспекторов артиллерии корпусов, причем на практические занятия с ними в поле руководителю тактики было вменено в обязанность генерал-инспектором артиллерии обращать исключительное внимание.

С 1909 г. командирование в школу старших артиллерийских начальников прекратилось, в результате чего среди них оказалось в период мировой войны несколько совершенно отсталых от современных требований техники и тактики артиллерии.

Офицерская артиллерийская школа имела в своем распоряжении с 1909 г. обширнейший, хорошо оборудованный полигон возле города Луги, позволявший вести стрельбу с разных направлений на любую дальность, допускаемую полевыми орудиями того времени. Местность полигона под Лугой, весьма разнообразная и пересеченная, была чрезвычайно поучительной как в смысле ведения стрельбы, так и производства наблюдения и разведки, маневрирования и тактического применения артиллерии в бою. Лесистость полигона затрудняла наблюдение и разведку целей, но это имелось в виду при оборудовании полигона (от трудного проще перейти к легкому, чем наоборот), и первоначальная расчистка полигона от леса была так произведена, что умелый разведчик мог всегда найти наблюдательный пункт, с которого открывался широкий кругозор в район расположения целей. Нередко при этом такой наблюдательный пункт оказывался не на вершине возвышенности, а на скатах и даже в низине, несколько в стороне от рощи или кустарника, закрывающего вид на цель с вершины.

Сторонники французской артиллерии, которые еще оставались к началу войны среди некоторых старших командиров русской

артиллерии, учили разведчиков искать наблюдательные пункты, как обязательное правило, на вершинах. По их инициативе даже в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» издания 1912 г. (§ 54) была проведена следующая мысль: «Достоинства наблюдательного пункта в отношении кругозора в огромной степени возрастают с увеличением его превышения, и каждый лишний вершок имеет здесь большое значение».

Руководители офицерской артиллерийской школы, большинство которых являлись противниками сторонников артиллерии французов, доказывали на практике разведки на Лужском полигоне, что, наоборот, и каждый вершок ниже также может иметь большое значение для наблюдательного пункта на пересеченной местности. Правда, наблюдательные пункты оказывались при этом иногда значительно удаленными от места расположения огневой позиции батарей, что затрудняло управление огнем и приводило к необходимости вести стрельбу с помощью боковых или передовых наблюдателей. Но практика в такой стрельбе при трудных условиях была только полезной.

В начале августа каждого года на Лужский полигон по распоряжению военного министра командировалась особая комиссия из представителей от пехоты, кавалерии, артиллерии и Генерального штаба, которая, присутствуя на всех очередных занятиях и практических стрельбах школы, выясняла, насколько работа полевого отдела школы отвечает боевым требованиям.

Крепостной отдел офицерской артиллерийской школы имел назначением[1]:

1) развитие искусства стрельбы в крепостной артиллерии, распространение в ней правильного взгляда на стрельбу при обороне крепости и установление общих однообразных правил производства стрельбы и обучения стрельбе;

2) теоретическую и практическую подготовку старших офицеров крепостной артиллерии к самостоятельному ведению стрельбы с крепостных верков.

В переменный состав крепостного отдела школы ежегодно командировались для прохождения курса на 7½ месяцев, с 1 февраля, 5 штаб-офицеров и 20 капитанов крепостной и тяжелой (осадной) артиллерии.

Крепостной отдел школы своего полигона не имел и на летний период практических стрельб прикомандировывался к одной из крепостей — в последние годы, предшествовавшие войне, чаще всего к крепости Осовец (ближайшей к границе с Восточной Пруссией).

Правильность ведения в полевом и крепостном отделах школы учебного и строевого дела, постановки всех курсов преподавания, практических занятий и в особенности стрельб проверялась генерал-инспектором артиллерии (по большей части стрельб — лично, остальных занятий — через состоящих при нем для поручений специалистов).

---

[1] Приложение к кн. XV Свода военных постановлений 1869 г., изд. 4-е.

Офицерская артиллерийская школа, согласно положению о ней, подчинялась непосредственно начальнику ГАУ, а не генерал-инспектору артиллерии [1]. В то же время офицерская стрелковая школа (пехотная) подчинялась инспектору стрелковой части в войсках, а офицерская кавалерийская школа состояла в непосредственном подчинении военному министру генералу Сухомлинову, который раньше сам был начальником офицерской кавалерийской школы.

Подчинение офицерской артиллерийской школы начальнику ГАУ, а не генерал-инспектору артиллерии являлось одной из странных аномалий законоположений того времени. По закону, генинспарт не имел права ни наблюдать, ни проверять деятельность ГАУ, начальник которого ни в каком отношении ему не подчинялся. Поэтому генинспарт формально не мог бы проводить непосредственно через школу никаких мер по усовершенствованию обучения и боевой подготовки артиллерии. Фактически же офицерская артиллерийская школа работала под контролем генинспарта, а не начальника ГАУ.

Офицерская артиллерийская школа систематически проводила в жизнь все достижения в области техники стрельбы и тактики артиллерии, как твердо установившиеся, так и новейшие.

Переменный состав школы в первые три месяца командирования проходил теоретический курс, на май командировался на полевые поездки в окрестности Луги для практики в решении тактических задач на местности, затем в течение трех месяцев проводилась практическая стрельба по тактическим заданиям на полигоне под Лугой в составе отдельных батарей, дивизионов и группы дивизионов.

Стрельбы школы имели целью выработать в переменном составе навык своевременно развивать действительный огонь с правильно выбранной позиции, против верно намеченной цели и дать ему полное представление об артиллерийском огне и его свойствах как технического, так и тактического характера.

Техническая сторона стрельбы состояла в правильном наблюдении выстрелов, в быстром и верном определении всех данных для стрельбы по различным целям — в возможно разнообразных условиях и при стрельбе различными снарядами.

Русско-японская война указала на крайнюю необходимость основательной подготовки командного состава артиллерии в тактическом отношении. В 1905 г. в офицерскую артиллерийскую школу был командирован из ГАУ на период практических стрельб, проводившихся тогда на полигоне в окрестностях города Двинска, окончивший академию Генерального штаба офицер, который после академии преподавал тактику, служил несколько лет в строю и был первым инициатором проведения на Клементьевском полигоне Московского округа практических стрельб артиллерии в условиях тактического задания [2]. По распоряжению генерал-инспектора артиллерии этот офицер был обязан оказывать содействие артилле-

[1] Свод военных постановлений 1869 г., кн. 1, изд. 4-е.

[2] Капитан Барсуков (автор этого труда), работавший тогда в ГАУ. — *Ред.*

рийским руководителям по стрельбе в правильной постановке тактических заданий для групповых стрельб с маневрированием, проводившихся в офицерской артиллерийской школе, в расположении на полигоне целей для стрельбы в соответствии с заданием, а также в целесообразном объяснении командованию стреляющих частей артиллерии первоначальной тактической обстановки и последующих в ней изменений; офицер этот как руководитель тактики обязан был присутствовать при разборах проводившихся стрельб и высказывать свое заключение.

Работа этого офицера была признана полезной, и по распоряжению генерал-инспектора артиллерии он командировался в офицерскую артиллерийскую школу на время групповых стрельб ежегодно до 1914 г. включительно, несмотря на то, что с 1912 г. штатом школы была установлена должность постоянного руководителя тактики [1], на которую был назначен полковник Генерального штаба. На штатного руководителя по тактике, кроме указанных выше обязанностей, возлагались еще: а) организация и ведение занятий по тактике с офицерами постоянного состава школы; б) содействие помощнику школы в объединении взглядов и работы руководителей (не штатных) по тактике всех партий офицеров переменного состава школы; в) сообщение общих сведений по военной истории.

Тактическая сторона стрельбы обнимала собой разведку, маневрирование, выбор, занятие, оборудование и перемену позиций, применение техники огня в соответствии с условиями тактической обстановки.

Все стрельбы проводились по боевым заданиям при тактической обстановке, но в первоначальных стрельбах при упражнениях отдельных слушателей школы преследовались иногда исключительно технические стороны стрельбы; на дивизионах же и групповых стрельбах главное внимание обращалось на тактическую сторону.

Каждой стрельбе, как общее правило, предшествовало выполнение походного движения или маневра (при дивизионных и групповых стрельбах — обязательно; при батарейных первоначальных учебных стрельбах — не всегда).

Обстановка стрельб, насколько было возможно, приближалась к обстановке действительного боя.

Руководитель по тактике, предварительно обсудив при участии начальника школы или его помощника и других руководителей план предстоящей стрельбы и лично изучив совместно с начальником полигона школы местность и обстановку, составлял общую тактическую задачу, которая служила исходной данной для производства маневра и стрельбы, а также для мишенного оборудования полигона. Мишенное оборудование производилось согласно указаниям начальника полигона, согласованным с руководителем тактики.

Мишенная обстановка должна была с достаточной полнотой отвечать тактическому заданию, изображая боевой порядок против-

---

[1] ЦГВИА, приказ по военному ведомству, 1912 г., № 295.

ника, с соблюдением надлежащих размеров по фронту и в глубину. Части своих войск (передовые линии их боевого порядка) в некоторых случаях также изображались мишенями или опознавательными сигналами.

В полевом отделе школы к дивизионным и групповым стрельбам привлекался весь переменный состав обучающихся, причем почти каждый из не участвующих непосредственно в технической стрельбе получал то или иное тактическое назначение: начальника отряда, начальника артиллерии отряда, командира полка и батальона, начальника разведки, начальника связи, адъютанта и пр. Начальнику отряда своевременно вручалось общее тактическое задание, в развитие которого он должен был сделать соответствующие распоряжения в порядке подчиненности. К исполняющему обязанности начальника отряда и к прочим более ответственным исполнителям маневра и стрельбы назначались руководители в роли посредников (обязанности посредника при начальнике отряда принимал на себя обычно руководитель тактики, составивший задание).

Сведения, даваемые исходной задачей и мишенным оборудованием полигона, своевременно сообщались и дополнялись руководителями (посредниками) словесно или — предпочтительно — путем письменных донесений, приказаний, просьб об оказании содействия и т. п. Каждый исполнитель должен был принимать решение в соответствии с изменением обстановки и отдавать распоряжение в письменной форме. Таким путем достигалась практика в решении тактических задач на местности в обстановке боевой стрельбы и практика в составлении приказаний и донесений.

Офицерская артиллерийская школа всеми мерами противодействовала пережитку прошлого — стремлению провести маневр и стрельбу, как говорили, «гладко» (с так называемым «втиранием очков» начальству), посредством заранее составленных расписаний или указаний хода маневра и стрельбы, что, разумеется, не могло иметь места в действительной боевой обстановке. Изменение тактической обстановки в развитие общей идеи поставленной задачи обусловливалось руководителями школы лишь постольку, поскольку такое развитие оправдывалось действиями исполнителей маневра и стрельбы и достигнутыми ими результатами. Возникающие при этом трения между исполнителями и руководителями считались поучительными, так как они обнаруживали и выясняли попутно значение самостоятельных решений (инициативы) исполнителей.

Посредником при слушателе, исполняющем обязанности старшего артиллерийского начальника, назначался один из старших штатных (артиллерийских) руководителей школы, который являлся ответственным за ход маневра и стрельбы. В случае ошибок исполнителей старший руководитель (посредник) мог или продолжать маневр (стрельбу), если находил поучительным показать последствия ошибок, или приостановить стрельбу (маневр), или совершенно прекратить, когда ее продолжение теряло поучительность и представлялось напрасной тратой снарядов и времени.

Каждая стрельба заканчивалась разбором в поле как в техническом, так и в тактическом отношениях; при этом всегда допускался самый широкий свободный обмен мнений всех участвующих с конечным, резюмирующим заключением старших руководителей по стрельбе и по тактике. Более сложные и интересные стрельбы подробно разбирались не только в поле, но и в аудиторной обстановке после обработки всех данных, и затем отчеты о таких маневрах (стрельбах) печатались для общего сведения в «Вестнике артиллерийской школы» или в «Артиллерийском журнале», а иногда в виде отдельных брошюр.

За отсутствием на Лужском полигоне пехоты и конницы офицерской артиллерийской школе приходилось при производстве стрельб с маневрированием довольствоваться мишенной обстановкой и воображать боевые действия не только противника, но и своих войск, что являлось отрицательной стороной подготовки переменного состава школы. В школе не бывало упражнений в изучении действительных пехотных и кавалерийских целей, какие применялись во французской артиллерии. Лужский полигон по своим размерам и оборудованию давал возможность производить маневрирование с боевой стрельбой отряда в составе около дивизии пехоты с артиллерией и конницей, но такая стрельба с маневрированием совместно с пехотой и конницей произведена была в офицерской артиллерийской школе лишь однажды за период 1908—1914 гг. При этом стрельба была организована довольно неудачно и представляла мало поучительного, так как в результате свелась к отдельным боевым учебным стрельбам артиллерии, пехоты и спешенной кавалерии без связи друг с другом в исполнении тактического задания.

Во всяком случае старший командный состав русской артиллерии, прошедший курс полевого отдела офицерской артиллерийской школы, основательно в ней повторивший все необходимое старое и усвоивший все новое в технике и тактике артиллерии, являлся проводником теоретических и практических артиллерийских знаний в строевых частях, повышая вместе с тем их боевую подготовку.

Поднимая общую боевую подготовку командного состава артиллерии, школа стремилась перевоспитать его в смысле желательного проявления личной инициативы, в смысле способности быстро ориентироваться в изменениях боевой обстановки и безбоязненно принимать самостоятельные решения для достижения успеха в бою путем могущественного содействия артиллерийского огня.

Ничего подобного не было во французской артиллерии, которая в годы, предшествовавшие первой мировой войне, считалась в некоторых военных кругах чуть ли не лучшей в мире, — очевидно, по недоразумению, в результате недостаточно продуманного знакомства с ней.

Из отчетов выдающихся русских артиллеристов (из руководителей офицерской артиллерийской школы), командированных во Францию весной 1913 г., т. е. всего лишь за год до начала мировой войны, можно убедиться, что французская артиллерия тогда не

только не опередила, но значительно отстала от русской полевой артиллерии в отношении подготовки командного состава[1].

Штаб-офицерские артиллерийские курсы в Мальи, соответствовавшие офицерской артиллерийской школе, задавались весьма скромной целью: показать командирам артиллерийских групп на практике способы выполнения ими задач, которые могут быть возложены на них в различных боевых положениях. Поэтому групповые стрельбы с маневрированием, проводившиеся на курсах в Мальи, служили скорее иллюстрацией к некоторым статьям французского устава, чем практикой для командиров в управлении группами батарей в бою.

Каждое упражнение на курсах в Мальи задавалось на какой-нибудь определенный случай, предусмотренный уставом, и предпочтительно для действия отдельной небольшой артиллерийской группы (в составе трех батарей), а не действующей в связи с другими группами. В большинстве случаев руководитель весьма искусно наводил упражняющегося на тот путь решения, который казался верным самому руководителю; поэтому, если распоряжения командиров стреляющих групп и бывали целесообразны, то по существу не самостоятельны. Во время хода маневра и стрельбы руководители постоянно вмешивались в распоряжения командиров стреляющих групп, желая то или иное подчеркнуть или исправить ошибку и т. п.

Продолжительность курсов в Мальи — 2—3 недели (в русской офицерской артиллерийской школе — 7 месяцев) — была настолько кратка, что на артиллерийских курсах во Франции больше показывали и рассказывали, чем учили и вырабатывали практические навыки.

Разборы стрельб с маневрированием на полигоне в Мальи сводились к подробным лекциям по тому или иному определенному вопросу устава, но читаемым не в аудиторной обстановке, а на местности, под свежим впечатлением исполненного маневра и стрельбы.

Роль начальника отряда на стрельбах с маневрированием в Мальи исполнял прикомандированный пехотный офицер. Артиллерийские офицеры переменного состава курсов упражнялись только в обязанностях, соответственных занимаемым ими должностям, тогда как в русской школе смотрели на это шире и практиковались не только в обязанностях своей должности, но готовились и к следующей высшей должности.

Оборудование французских полигонов не только в Мальи, но и Шалонского, на котором побывали русские артиллеристы, отсутствовало; не было ни подъемных, ни движущихся, ни вспышечных мишеней. Обыкновенные мишени ставились только для технических стрельб. Стрельбы с тактическим заданием производились вообще без мишеней. На полигонах были поставлены только столбы-вышки для пользования ими как ориентирами при указании воображаемых целей.

---

[1] ЦГВИА, 179—057.

Задачи ставились в таком роде: «Обстрелять артиллерию за таким-то гребнем, левее южного знака на столько-то делений, фронт цели столько-то делений».

Французская артиллерия приучалась, таким образом, стрелять по местным предметам, не видя цели и не принимая мер к ее розыску, уяснению и изучению.

При стрельбе по воображаемым батареям французская артиллерия обычно обстреливала определенную Правилами стрельбы полосу за прикрывающим гребнем, не считаясь с тем, находилась ли неприятельская артиллерия в районе этой полосы или нет. От такого способа стрельбы *наудачу* русская артиллерийская школа отказалась задолго до начала мировой войны.

На полигоне в Мальи не производилось передовой разведки, так как и некому было ее производить, и нечего было разведывать: не было никаких мишеней, изображающих противника. Обычно сам командир стреляющей группы производил разведку (в большинстве случаев открыто, так сказать, формально) и выбор наблюдательных пунктов для себя и для командиров батарей; он же обязан был, согласно уставу, выбрать огневые позиции для всех батарей своей группы, указать даже способы их занятия, интервалы между батареями, степень их укрытия и пр. На командире батареи лежала только техника ведения огня, во всем остальном он был лишен самостоятельности; проявление им инициативы не требовалось и не поощрялось.

В распределении батарей группы по целям было стремление обстреливать большое число целей меньшим числом орудий, что приводило вообще к нежелательному рассеиванию огня. Замечался даже шаблон: заранее две батареи группы назначались для предполагаемой борьбы с артиллерией противника и ставились на позицию вместе, почти рядом, а третья батарея — для обстреливания пехоты и располагалась в стороне, имея в виду фланкирование неприятельской пехоты или фланкирование подступов к прикрывающему свою артиллерию гребню, с целью уменьшения мертвого пространства.

Вообще у французов обращалось большое внимание на достижение косоприцельного огня, что являлось положительной стороной подготовки их артиллерии.

Огневые позиции для батарей избирались почти исключительно полузакрытые (маскированные) на высотах с весьма пологими скатами, что противоречило принципу преимущественного расположения на закрытых позициях, проповедуемому самими французами.

Наблюдательные пункты допускались близко от батарей, причем обыкновенно два командира батарей располагались вместе с командиром группы, а нередко при нем находились все три командира батарей, что в русской артиллерии признавалось крайне нежелательным, и при командире дивизиона находился обычно только один командир батареи.

Во французской артиллерии бывали специальные упражнения в изучении действительных пехотных и кавалерийских целей (изучение действительных артиллерийских целей, повидимому, не произ-

водилось). Хотя упражнения эти проводились отдельно от практических стрельб, но все же такие упражнения были безусловно полезными, и приходится сожалеть, что в русской артиллерии они не применялись.

На полигоне в Мальи специально командированная туда пехота проделывала показные упражнения в наступлении на совершенно открытой, полузакрытой или сильно пересеченной местности. Артиллерийские офицеры курсов Мальи во время этих упражнений находились со своими артиллерийскими и пехотными руководителями на наблюдательных пунктах, откуда, следя за наступлением пехоты, оценивали случаи, когда выгодно было бы обстрелять ее артиллерийским огнем.

При этом подчеркивалось: во-первых, трудность взять под артиллерийский огонь видимые части пехоты, появляющиеся мелкими группами и на ничтожные промежутки времени; во-вторых, стремление пехоты накапливаться и задерживаться на рубежах и за местными предметами, дающими укрытие от взоров и лишь минимую безопасность от поражения артиллерийским огнем. Тут же артиллеристы указывали средства поражения, способы стрельбы, род снарядов и пр.

Русская армия с ее артиллерией готовилась к маневренным действиям предстоящей войны, главным образом к наступательным боевым действиям; причем в довоенное время встречный бой считался нормальным видом маневренных столкновений. Офицерская школа старой русской артиллерии обращала главное, почти исключительное внимание на подготовку к действиям в условиях встречного боя (см. ч. IV).

Утвержденными в 1912 г. Уставом полевой службы и «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» указывалось, что при встрече с противником очень важно *«предупредить его в развертывании боевого порядка, дабы захватить почин в действиях»*, что при завязке боя действия артиллерии авангарда должны быть *«дерзки, быстры, решительны»*, что артиллерийские начальники в условиях встречного столкновения с неприятелем должны уметь быстро оценивать обстановку, «быстро принимать решения и энергично приводить их в исполнение».

Офицерская артиллерийская школа учила и на своих практических групповых стрельбах с тактическим заданием настоятельно подчеркивала, что задача артиллерии во встречном бою — *быстрое достижение огневого превосходства над противником* с целью сковать его маневр, прикрыть развертывание своих войск, поддержать и обеспечить успех их удара; что успех встречного боя обеспечивается *быстротой развертывания и вступления в бой подавляющего количества более сильной артиллерии*, проявлением самой широкой энергии и почина со стороны артиллерийских начальников, тесной и непрерывной связью с пехотой, знанием и пониманием свойств и задач пехоты всеми артиллеристами.

В довоенное время, в 1905—1913 гг., при составлении тактических заданий для практических групповых стрельб офицерской ар-

тиллерийской школы на Двинском и на Лужском (Сергиевском) полигонах руководствовались приведенными указаниями устава и наставления, а также основными тенденциями тактики ведения боя, настоятельно проводимыми в жизнь генеральными штабами всех армий, в первую очередь германской и следовавшей за ней русской.

Отдел тактики «Употребление войск на войне» находится в постоянном брожении, так как жизнь идет вперед и мысль человеческая стремится к прогрессу в области тактики, чтобы не отставать от прогресса техники, чрезвычайно быстро и непрерывно совершенствующей вооружение армии и другие средства ее борьбы. Брожение мысли в области тактики, вызванное прогрессом в области техники, отражается на приемах и способах ведения боя, представляющего явление бесконечно разнообразное вообще, но, как признавалось в то время, лишь «по своему внешнему содержанию», а не «по своему внутреннему значению».

«Наполеоновская тактика покоится на незыблемых основаниях, на которые не могут повлиять никакие изменения в вооружении войск», — так утверждал генерал М. И. Драгомиров, авторитет которого признавался в старой русской армии непоколебимым.

В германской армии еще в 80-х годах прошлого столетия, по опыту франко-прусской кампании 1870—1871 гг., твердо установилось положение: «*атака с фронта трудновыполнима, почти невозможна; необходимо главными силами действовать на один или на оба фланга, придерживая противника с фронта возможно меньшими силами*»[1].

Основы и приемы тактики Наполеона признавались незыблемыми, как построенные на природе, на свойствах предметов и явлений. В русской академии Генерального штаба некоторые положения тактики Наполеона изучались в подлинных его выражениях:

1. «Сосредоточение масс на решительном, наиболее чувствительном для противника, пункте, полное пренебрежение второстепенными целями или выделение для них лишь слабых сил».

2. «Наступление клином по одному операционному направлению, прямо к флангу противника, не обнажая своих, но угрожая сообщениям противника, предусматривая сосредоточение сил не до боя, а на поле сражения».

3. «Следует обходить; форма боя предрешается уже самым порядком наступления армии».

4. «После того, как передние корпуса начали бой, их следует оставить в покое, не интересуясь их шансами; полководец не должен легко удовлетворять их просьбы о подкреплении»[2].

Тактические задания для групповых стрельб русской офицерской артиллерийской школы составлялись, придерживаясь следующей общей схемы ведения наступательного боя при встречных столкновениях значительных сил:

1. Действия кавалерии предшествуют наступлению; путем смелого, самого *интенсивного разведывания* она определяет группи-

[1] *Б. Колюбакин*, Ведение боя на почве постановки вопроса в германской армии. С.-Петербург, 1906 г.

[2] Там же.

ровку сил и направление движения встреченного противника, а если он остановился, то его расположение, общее протяжение по фронту и фланги его позиции, выясняет подступы к позиции, пути и способы для скрытого подхода к флангам неприятеля и по возможности к выходу в его тыл. На кавалерию возлагалось также действие на сообщения и на тылы противника, разрушение железных дорог и других сообщений, задержка подходящих подкреплений, наблюдение укрепленных пунктов и пр. Для обеспечения успеха выполнения указанных задач кавалерии придавалась конная артиллерия.

2. Авангард, следующий за кавалерией, входит немедленно в соприкосновение с войсками противника, оттесняет его передовые части, быстро развертывается, преимущественно на фронте, расположенном не против фронта противника, намеченного для нанесения решающего удара, а в стороне, на противоположном фланге этого фронта, чтобы отвлечь туда внимание и силы неприятеля. Основная задача авангарда — образовать устойчивый заслон, устроив укрепленный опорный участок на захваченных удобных для обороны гребнях высот, опушках леса, в селениях и у других местных предметов, привлечь на себя силы неприятеля огнем, в начале боя особенно оживленным артиллерийским, и частными переходами в атаку, чтобы скрыть маневрирование позади себя главных сил своих войск. Под прикрытием устойчивого заслона, образуемого авангардом, главные силы получают возможность безопасно и без помехи со стороны неприятеля свернуть с пути следования, выдвинуться в стороны и действовать на тот или другой фланг или даже, по обстоятельствам, и на оба фланга противника. Авангард, энергично завязав бой, продолжает интенсивно вести его, пока противник не обнаружит себя, развернется и не перейдет к обороне; затем авангард продолжает бой уже уклончиво, затягивает его, чтобы дать время своим войскам развернуться в назначенном направлении, а когда это будет исполнено, авангард при самом энергичном огневом содействии артиллерии вновь оживляется, чтобы не дать противнику ни времени, ни возможности изменить принятое им расположение и группировку своих сил, в том числе, быть может, уже притянутых им к боевой линии резервов.

3. Артиллерия — главная ее масса или, как называли ее немцы, «большая центральная батарея» — развертывается на фланге авангарда и почти всегда на фланге, противоположном расположению батарей авангарда.

Выезду артиллерии на огневые позиции предшествует тщательная и довольно продолжительная рекогносцировка начальника артиллерии с командирами дивизионов и батарей, в течение которой батареи выжидают на позиции, укрытой от наблюдения противника. По окончании рекогносцировки батареи быстро, скрытно и по возможности одновременно занимают огневые позиции и немедленно открывают огонь.

«Большая батарея», в зависимости от обстановки, своим выездом на огневые позиции иногда упреждала развертывание своего

авангарда и занимала позиции под прикрытием огня авангардных батарей и придаваемой ей кавалерии.

«Большой центральной батарее» немцы придавали большое значение, и не только для массированной огневой подготовки, но и «предназначали ее для заполнения, для смыкания того промежутка, который естественно образуется в центре принимаемого здесь атакующим охватывающего расположения, расположения тонкого, вследствие расхождения на оба фланга» (так объясняет Пьеррон в своем труде «Les reconnaissances »)[1]. Таким образом, главная масса артиллерии, или «большая батарея», образовала центр фронта развертывающихся для наступления и атаки своих войск, своим огнем прикрывала их развертывание и служила, так сказать, скелетом или основой для всех последующих их маневрирований.

На фланге, противоположном «большой батарее» или авангарда, возможно скрытно располагались и маневрировали войска, предназначенные для обхода или охвата того или другого фланга неприятельского расположения, т. е. для *производства главного удара*. При наличии достаточных сил немцы выделяли на наружный фланг авангарда, или «большой батареи», со стороны которого не направлялись главные силы для нанесения решающего удара, еще другую группу войск, своим наступлением и атаками отвлекавшую внимание и силы противника к флангу, по которому не предполагалось наносить главный удар.

Выбор района для нанесения главного, решающего удара обусловлен был, по большей части, удободоступностью местности, допускающей близкий подступ к расположению неприятеля и возможное укрытие от его огня.

В общем схема ведения наступательного боя, по тактическим воззрениям довоенного периода, т. е. до начала мировой войны, выражалась в следующем: завязка боя авангардом и прочное его утверждение перед фронтом обороны при самом энергичном и мощном огневом содействии артиллерии, привлечение авангардом на себя внимания и сил обороны и ведение им затяжного боя для прикрытия маневрирования главных сил; внезапный выезд на огневые позиции большей части артиллерии (сведенной в «большую батарею») и открытие ею сильнейшего огня первоначально для поддержки авангарда и по району расположения противника, не намечаемому для нанесения решающего удара, а затем, когда завершится обходный маневр войск, направленных для главного удара, внезапный перенос массового сосредоточенного, по возможности флангового или косоприцельного, огня большей части артиллерии по выбранному участку атаки; ряд демонстраций и ложных атак, направленных в сторону, противоположную этому участку; внезапный скрытный подход главных сил к выбранному для главного удара флангу неприятеля и, наконец, общая стремительная, по возможности одновременная, атака всеми силами.

---

[1] *Б. Колюбакин*, Ведение боя на почве постановки вопроса в германской армии, С.-Петербург.

Весь боевой порядок атакующих сил принимает вид охватывающего полукружия, как показано на схеме 1, причем «большая центральная батарея» образовала связующее звено между авангардом и главными силами, направленными для нанесения главного удара.

Приблизительно по подобной схеме производились в то время общевойсковые маневры в германской армии, и по такой же схеме германцы проводили многие встречные бои на русском фронте в маневренный период войны 1914—1918 гг.

Русский Генеральный штаб имел достаточно полные сведения о маневрах, проводившихся в германской армии в довоенное время, но сведения эти мало учитывались русским командованием и не получили широкого распространения. Общевойсковое командование русской армии в общем почти не придерживалось указанной схемы ни на маневрах мирного времени, ни в маневренных операциях встречных сражений первого года мировой войны. Групповые стрельбы с тактическим заданием проводились в офицерской артиллерийской школе по большей части по указанной схеме. Русская артиллерия в маневренный период мировой войны стремилась действовать при встречных боевых операциях согласно тому, как ее учили в мирное время, но боевые действия ее не могли быть самостоятельными, ни в каком случае не могли быть отделимы от действий пехоты и других войск; и если стремления артиллерии не осуществлялись, то не по ее вине, а вследствие того, что *боевые действия артиллерии в полной мере зависели от указаний и распоряжений общевойскового командования, которое ставило задачи для исполнения подчиненной ему артиллерии.*

Офицерская артиллерийская школа в своих практических групповых стрельбах с тактическим заданием стремилась внести в сознание подготавливаемого ею командного и начальствующего состава ту основную мысль, что *артиллерия должна своим огнем прикрыть и обеспечить успех наступления и атаки своих войск.* В этом направлении составлялись задания стрельб, которые исполнялись на практических стрельбах. В общем задания составлялись применительно к показанному на схеме 1, в объяснение которой приводятся следующие основные соображения.

Подход к району боевых действий и к исходному рубежу совершается под прикрытием высылаемых вперед и в стороны войсковых охраняющих частей, используя скрытые пути подхода.

Авангард. Задача — предупредить неприятеля в развертывании, заставить его остановиться и обратиться к обороне, с тем чтобы открыть путь наступлению своих войск, обеспечить им наивыгоднейшие условия для перехода в боевой порядок и для успешного ведения боя.

Задача артиллерии авангарда — быстрое достижение огневого превосходства над противником, чтобы сковать его маневр, прикрыть развертывание своих войск, поддержать и обеспечить успех их удара.

С этой целью в авангард назначалась сильная артиллерия, преимущественно 76-мм и 107-мм пушки. Опыт мировой войны указал

на необходимость иметь в авангарде не только дальнобойную пушечную артиллерию, но и преимущественно 122-мм гаубицы, чтобы выбивать неприятеля из-за закрытий и разрушать его окопы, что не по силам для 76-мм пушек.

Схема 1. ПБО — правый боковой отряд, ЛБО — левый боковой отряд, АБ — батарея авангарда, АББ — артиллерия большой батареи, КПР — кавалерийское прикрытие большой батареи, ОР — общий резерв.

Главные силы назначались для поражения неприятеля и в большинстве случаев разделялись на две группы (колонны) и артиллерию.

а) *Артиллерия* — корпусная и вся тяжелая («большая центральная батарея», как называли немцы), а по сформировании в конце 1916 г. «тяжелая артиллерия особого назначения» (ТАОН) — быстро выдвигалась на поддержку авангарда из колонны главных сил и под прикрытием авангарда и придаваемых артиллерии охраняющих частей, по большей части конных (теперь танки), располагалась на широком фронте в районе, прилегающем к одному из флангов участка, занимаемого авангардом, имея при этом в виду возможность вести с огневых позиций расположения артиллерии сосредоточенный, предпочтительно фланговый или косоприцельный, огонь по участку неприятельского расположения, куда решено главным командованием направить главный удар. Первоначально артиллерия вела огонь по тем войскам противника, которые более угрожали авангарду, с тем чтобы облегчить атаки последнего и заставить неприятеля перейти к обороне или отходить. В то же время артиллерия ведет пристрелку по целям, находящимся в районе, намеченном для главного удара, отдельными батареями или орудиями, чтобы одновременной пристрелкой многих батарей не указать противнику направление главного удара, а также не мешать пристрелке друг друга. По достижении исходного рубежа и развертывании в боевой порядок главных сил (левая группа войск на схеме 1) почти вся артиллерия — не только главных сил, но по возможности и часть батарей авангарда — внезапно для неприятеля открывала сосредоточенный огонь по участку главного удара, чтобы подготовить атаку.

б) *Правая группа* (колонна) войск, по большей части из кавалерии с конной артиллерией (теперь главным образом танки, самоходные орудия, моторизованная пехота, автоматчики), направлялась через д. Ивановка (см. схему 1) на д. Петровка для удара в тыл противника, с охватом и глубоким обходом его левого фланга. При этом выдвижение правой группы рассчитывалось по времени так, чтобы она начала наступление для удара в обход левого фланга неприятеля ранее, чем закончится подход к исходному рубежу и развертывание левой группы, имея при этом в виду ввести неприятеля в заблуждение относительно направления главного удара и побудить его подтянуть свои резервы к своему левому флангу. О таком своем намерении старший общевойсковой начальник не должен был ставить в известность командующего правой группой, с тем чтобы этот последний действовал с полной энергией, считая поставленную ему задачу важнейшей — нанести противнику главный, решающий удар в его левый фланг и в тыл.

в) *Левая группа* (колонна), т. е. главные силы, — большая часть пехоты со своей дивизионной артиллерией (полковой и другой малокалиберной артиллерии в то время не было), с придачей некрупных соединений конницы и специальных военно-инженерных войск. Задача левой группы — главный, решающий удар на важнейший правый фланг противника в направлении на д. Путятино (см. схему 1) с выходом на его сообщения, завершаемый окружением неприятеля, в соединении с правой своей группой.

Общий резерв — в распоряжении старшего общевойскового начальника — в составе не более одной десятой части всех сил пехоты и конницы, но без артиллерии, которая вообще в резервы не выделялась, с тем чтобы с самого начала боя возможно было обрушиться на противника всей силой артиллерийского огня всех частей артиллерии, достигнуть сразу огневого превосходства над противником и обеспечить огневое превосходство во все время от начала до конца боя. Общий резерв назначался для развития и закрепления успеха в решающем направлении главного удара, а также для необходимой поддержки атакующих войск на других более важных направлениях и вообще «для противодействия случайностям боя», как говорилось в прежних учебниках тактики. Общий резерв располагался, по большей части, за одним из флангов боевого порядка авангарда, ближайшим к направлению главного удара, и расходовался исключительно по приказу старшего общевойскового начальника.

Ниже приводятся примеры заданий для групповых стрельб офицерской артиллерийской школы на Двинском полигоне в 1906—1907 гг. (см. схему 2, план Двинского полигона в масштабе 1 верста в дюйме)[1].

Задание для стрельбы 11 августа 1905 г. (8 легких батарей — 76-мм легких пушек 64; конная батарея — 76-мм конных пушек 6; пехоты 16 батальонов; кавалерии 12 эскадронов; пехоты и кавалерии в действительности не было).

Накануне стрельбы 10 августа сообщались: а) диспозиция — Двинскому отряду (копия прилагается), всему руководящему персоналу школы и тем офицерам переменного состава школы, которые назначались исполнителями обязанностей: начальника отряда (старшего общевойскового начальника), начальника конницы, начальников авангарда и главных сил, начальника артиллерии (командира артбригады или старшего артначальника), командиров дивизионов, легких и конной батарей; б) ход маневра (копия прилагается) — только руководящему персоналу школы с приложением схемы расположения мишеней (копии схемы мишеней нет; на схеме мишени обозначались номерами, а на местности — флагами, макетами целей, вспышками, постройками из досок и фанеры, как, например, упоминаемый в ходе маневра „Белый дом", подвижными мишенями с макетами, изображающими всадников, и пр.).

Задание и ход маневра составлялись руководителем тактики (автором этого труда) по указанию и соглашению с начальником школы (генерал-лейтенантом Синицыным) и его помощником (полковником Дельвигом), затем обсуждались в собрании всех руководителей школы под председательством начальника школы. Мишенная обстановка создавалась по соглашению руководителя тактики с помощником начальника школы и под непосредственным руководством начальника полигона школы (полковника Синеокова) и его помощника (капитана Майдель).

Перед началом маневра и стрельбы — рано утром в день стрельбы или накануне вечером (в данном случае 10 августа в 16 — 18 часов) — все руководители с помощником начальника школы и начальником полигона, имея при себе задание со схемой мишеней, выезжали в поле и на местности знакомились с заданием и мишенной обстановкой, обменивались мнениями о ходе предположенного маневра, обозревая местность с более вероятных наблюдательных пунктов, которые могут быть избраны исполнителями маневра и стрельбы (в данном случае 11 августа). Во время маневра и стрельбы руководитель тактики, составивший задание, находился при старшем артиллерийском руководителе, с которым обменивался мнениями о необходимости изменения тактической обста-

[1] ЦГВИА, личный архив Е. З. Барсукова, дело № 3.

новки и хода маневра и стрельбы в зависимости от действий исполнителей, но отнюдь не направляя их действия по плану, предусмотренному заблаговременно составленным ходом маневра; имея это в виду, на полигоне устанавливались запасные цели, сверх указанных в „ходе маневра“ (вспышечные батареи, звуковые батареи, петардные или орудие в блиндаже, стреляющее холостыми зарядами, внезапно появляющиеся подъемные цели, изображающие перебегающие цепи противника, подвижные мишени, изображающие кавалерию и пр.), которые задавались исполнителям в соответствии с изменением обстановки.

Копия

ДИСПОЗИЦИЯ

ДВИНСКОМУ ОТРЯДУ

№ . . .

(Карта окрестностей г. Двинска 250 саж. в дюйме)

Бивак
у кр. Двинск

10 августа 1906 г.
9 час. пополудни

План Двинского полигона

Значительные силы противника сосредоточиваются у ст. Вышки (железная дорога Двинск — Петербург). Небольшие его части находились сегодня около полудня у д. Ст. Зеленая Пуща, Оборун и Ликснянка; неприятельские разъезды соприкасаются с нашими на линии дороги из Сл. Мостовая в д. Крыжовка.

Правее (восточнее) нас бивакирует у ф. Черепово отряд генерала А. и завтра с 6 час. утра начнет марш к ст. Вышки по шоссе от г. Двинск в Петербург.

Вверенному мне отряду завтра, 11 августа, совершить наступательный марш к ст. Вышки.

1. Конница

Генерал-майор Ж.

1-й и 2-й драг. полки	10 эск.
Конная батарея школы	6 ор.
Итого	10 эск., 6 кон. ор.

1. Выступить в 6 час. утра через д. Адетун по Оборунской дороге с целью захватить переправы через р. Ликснянку у д. Оборуны и д. Ликснянка.

2. Авангард

Полковник С.

1-й пех. полк	4 бат.
1-й сводн. арт. див.	16 ор.
2-й драг. полк	1 эск.
Итого	4 бат., 16 ор., 1 эск.

2. Выступить в $6^1/_2$ час. утра через д. Адетун, д. Оборуны, д. Ст. Зеленая Пуща, д. Рубенишки и Нов. Токари к ст. Вышки. Поддерживать связь с отрядом генерала А.

3. Главные силы

Под моим начальством

2-й, 3-й и 4-й пех. полки . . .	12 бат.
2-й и 3-й сводн. арт. див. . . .	48 ор.
2-й драг. полк	1 эск.
Итого	12 бат., 48 ор., 1 эск.

3. Выступить за авангардом в 8 час. утра. Ближайшее охранение колонны главных сил на марше возлагаю на командиров 2-го и 4-го пех. полков.

Чертилъ Капитанъ Майдель
1906 г.

Схема 2 (часть VI)

4. Авангарду выслать боковые отряды: правый — вдоль СПБ-Варшавской железной дороги и левый — по дороге на д. Ликснянка.

5. Большой привал и ночлег, ввиду возможного столкновения с противником на марше, — по особому распоряжению.

6. Артиллерийским паркам и обозам 2-го разряда, под прикрытием батальона 5-го пех. полка, выступить за главными силами в 11 час. утра.

7. Донесения присылать в голову колонны главных сил.

8. Заместители: генерал-майоры Х. и С.

9. Командиру 1-го драгунского полка нарядить для сбора сведений о противнике три офицерских разъезда, по взводу всадников каждый, начальникам которых прибыть ко мне сегодня к 11 час. вечера за получением заданий.

10. Завтра перед выступлением в поход приготовить в походных кухнях обед.

Приложение. Схема 3 — Распределение войск по колоннам на походе.

Начальник Двинского отряда
генерал-майор *Д.*

Подполковник *Барсуков.*

Копия

ХОД МАНЕВРА

(предполагаемый)

для бригадной (групповой) стрельбы 11 августа 1906 г.

(Схема 2 — План Двинского полигона, схема мишеней)

I период

Кавалерийское столкновение. Успех нашей конницы, захват ею Лысой горы. Встреча нашей конницы с неприятельской пехотой (см. мишени №1, красные флаги). Переход нашей конницы к обороне на захваченной Лысой горе.

II период

Конная батарея занимает огневую позицию и открывает огонь для обороны Лысой горы. Наша конница спешивается, занимает для обороны Лысую гору и сопку с рощей у Белого дома (к северо-востоку от Лысой горы). Пехота противника (цели № 1) переходит в наступление против нашей конницы.

После открытия огня нашей конной батареей по неприятельской пехоте (№ 1) показать ответный огонь батареи противника (мишенная батарея № 2 со вспышками).

По усмотрению руководителя при артдивизионе авангарда показать еще неприятельскую батарею (мишени № 3), открывшую огонь по Лысой горе, и пехоту противника (цель № 5 с красно-белыми флагами), атакующую нашу спешенную конницу.

Вызов на позицию нашего авангардного артдивизиона

Задача артиллерии — остановить атаку противника на Лысую гору со стороны Редут, Белая мельница (мишенная) и гора Дальняя.

Пехота авангарда быстро развертывается в боевой порядок и получает задачу: 2-й батальон — занять Лысую гору и Белый дом, сменив занимающую их конницу, которая отходит в резерв за левый фланг авангарда, за исключением конной батареи, которая временно остается на занятой огневой позиции и продолжает вести огонь по неприятелю; 1-й батальон — наступать в направлении Белого дома и захватить этот дом; 4-й батальон — в резерв за левый фланг.

Приложение к диспозиции №5

Схема походного движения Двинского отряда (силою 16 батал., 8 пеш. батар., 12 эск., 1 кон. батар.)

Групповая стрельба 11 августа 1906 г.

Схема 3

III период

Приезд к авангарду начальника Двинского отряда с начальником артиллерии (командиром артиллерийской бригады)

Начальник авангарда докладывает им обстановку, и к этому времени артиллерийский руководитель показывает им открытие огня еще трех неприятельских батарей (мишени № 6, 7 и 8) по нашей пехоте, а затем и по нашей артиллерии; причем огонь артиллерии противника по нашей пехоте не ослабевает, в особенности по пехоте, занимающей рощу с Белым домом.

После распределения по целям огня наших батарей, занявших огневые позиции, показывается неприятельская пехота (цель № 9), наступающая в охват нашего правого фланга (атака пехоты № 9 показывается позже, когда займет позицию хотя бы один из артдивизионов главных сил).

Начальник отряда требует немедленного вызова на позицию артиллерии главных сил под прикрытием конницы, чтобы выручить наш атакованный авангард и заставить противника остановиться до подхода и развертывания главных сил.

IV период

Выезд на позицию артиллерии главных сил

Первому открывшему огонь артдивизиону показываются неприятельские батареи (мишени № 6, 7, 8), отвечающие на его огонь. Артиллерийский огонь противника по нашей пехоте почти прекратился. Неприятельская пехота (№ 9) начала атаку на Белый дом и Лесистую сопку; батареи противника (№ 2 и 3) продолжают перестрелку с батареями нашего авангарда. Атаку пехоты № 9 показать отбитой нашим артиллерийским огнем (если исполнители будут удачно стрелять по пехоте № 9) или ружейно-пулеметным огнем, по указанию руководителя маневра и стрельбы.

Артдивизиону, открывшему огонь позже, показываются перестреливающиеся с нами батареи противника и его пехота (цели № 9 и 10).

Примечание. Проходящие цели показываются по распоряжению руководителей-посредников при командирах дивизионов и батарей — в соответствии с действиями исполнителей и изменениями обстановки: а) батарея № 14 со вспышками; б) пехота у Красной мельницы (мишенной), открывшая огонь по нашим разведчикам; в) пехота № 14 и 15, роющая окопы и прекратившая окопные работы, если по ней будет открыт удачный огонь нашей артиллерии; г) атакующая пехота № 9, и если исполнители не откроют по ней артиллерийский огонь, то заставить открыть огонь по ней вмешательством начальника отряда (или старшего руководителя-посредника).

V период

Переход наших войск в наступление и общая атака

Показываются старшим руководителем-посредником в зависимости от действий исполнителей и сложившейся обстановки: батареи противника № 2, 3 и 4 постепенно одна за другой прекращают огонь; его пехота № 1, 5, 9 и 10 отступает к Оборунскому лесу; пехота нашего авангарда продвигается вперед (например, занимает район, в котором находились части противника, показанные под № 5, 1 и 9).

Пехота наших главных сил развернулась впереди и вправо (восточнее) своей артиллерии и начала наступление на д. Песочная (обозначена мишенями) с охватом левого фланга противника (цели № 14, 15, 16).

Кавалерия с конной батареей направлена на оз. Жидовское, Кокин дв. и д. Ликснянка для удара в правый фланг и тыл противника.

Общий резерв сосредоточивается у Мишенного дв. за нашим правым флангом.

Неприятельские батареи № 6, 7 и 8 стреляют по нашей пехоте урывками, если по ним ведет наша артиллерия удачный огонь; в противном случае их огонь сильно поражает нашу пехоту, мешая ей наступать.

Начальник отряда (старший общевойсковой начальник и его руководитель-посредник) решает нанести противнику главный удар в направлении д. Песочная (мишенная), высот с отметками 54 и 54,7, с обходом его левого фланга и приказывает начальнику артиллерии приложить все усилия для поддержки атаки артиллерийским огнем (в то время не практиковались в предварительной подготовке атаки артиллерийским огнем).

Наша пехота начала энергичное наступление по всему фронту на цели № 14, 15 и 16 (деревню) с охватом левого фланга противника; общий резерв направляется в обход противника, занимающего высоты 54 и 54,7. Показываются батареи неприятеля № 11 и 12, открывшие сильный огонь по нашей пехоте. Неприятельские батареи № 11 и 12 на закрытой позиции, петардные (направление к месту их расположения определяется по звуку петард и отчасти по дыму вспышек) сильно поражают нашу наступающую пехоту. Батареи № 6, 7 и 8 стреляют по нашей пехоте слабо.

Проходящие цели (мишени) показываются руководителями-посредниками командирам дивизионов и батарей:

а) перенос огня неприятельской артиллерии на наши батареи, как бы в наказание в том случае, если они обнаруживают себя наблюдателям противника или производят открытый переезд на другую позицию, или открыто выезжают на позицию;

б) огонь артиллерии противника по нашему наблюдательному пункту, если он занят без необходимых мер укрытия и маскировки;

в) разрешать своим батареям предварительную пристрелку (соблюдая экономию снарядов) по целям № 14, 15, 16 и высотам 54 и 54,7, особенно по д. Песочная (мишень № 16), с тем чтобы подготовить сосредоточение огня по ним;

г) сообщать своим батареям донесения, как бы полученные от своей пехоты, о частных ее атаках, о замеченных ею огневых позициях артиллерии противника, его наблюдательных и командных пунктах, о местах сосредоточения его резервов, о войсковых колоннах на походе и пр.

Примечание. На стрельбах в первые четыре периода расходовать снаряды экономно, с таким расчетом, чтобы они оставались для стрельбы на последний, V период.

10. VIII. 1906 г.
Двинский полигон

Подполковник *Барсуков.*

Приводится другой пример проекта задания (в копии) для стрельбы группы батарей 19 августа 1906 г. по 6-му направлению Двинского полигона офицерской артиллерийской школы.

Обстановка к ночи накануне стрельбы
(сообщается руководителям всем и ответственным исполнителям маневра и стрельбы)

ПРИКАЗАНИЕ
ЛИКСНЯНСКОМУ ОТРЯДУ
№

Бивак
у д. Ст. Зеленая Пуща

18 августа 1906 г.
10 час. вечера

План Двинского полигона 1 вер. в дюйме (схема 2) **и 3-верстная карта окрестностей г. Двинска**

На вверенный мне отряд возложена задача овладеть крепостью-складом Двинск. Бивакирующему к востоку от нас (в 4 верстах) у д. Малиновка отряду полковника А. приказано захватить переправу через Западную Двину у Двинска; отряд полковника А. завтра с 7 часов утра продолжает наступление к Двинску по СПБ-Варшавскому шоссе.

Наше сторожевое охранение — по р. Ликснянка от моста на дороге в д. Оборуны до моста на СПБ-Варшавской железной дороге.

Наши сторожевые разъезды соприкасаются с неприятельскими на линии д. Оборуны, Гроб, д. Крыжовка.

Сторожевое охранение противника замечено на линии озер Светлое, Глухие. Неприятельский отряд, силою около 8 батальонов с несколькими орудиями, выступил сегодня из Двинска в северо-восточном направлении и расположился на ночлег в районе оз. Плотичка.

Вверенному мне отряду завтра, 19 сего августа, продолжать наступление с целью овладения крепостью-складом Двинск.

1. Конница

Полковник Ж.

1-й драг. полк	6 эск.
2-й драг. полк	4 эск.
Конная батарея школы	6 ор.
Итого	10 эск., 6 кон. ор.

2. Авангард

Полковник Г.

1-й пех. полк	3 бат.
2-й драг. полк	1 эск.
1-я бат. 1-й резервной арт. бр.	6 ор.
Итого	3 бат., 1 эск., 6 л. ор.

3. Главные силы

Полковник К.

1-й пех. полк	1 бат.
Батарея школы	4 ор.
4-я бат. 23-й арт. бр.	6 ор.
2-й пех. полк	4 бат.
3-й пех. полк	2 бат.
2-й драг. полк	$^1/_2$ эск.
Итого	7 бат., 10 л. ор., $^1/_2$ эск.

I. Выступить с рассветом через д. Песочная (мишенная) и Гроб и далее к югу по Оборунской дороге с целью овладеть Лысой и Каторжной горами и тем обеспечить прохождение нашего отряда через лесисто-болотистое дефиле (ограниченное: р. Ликснянка — на севере; линией гора Дальняя, Мишенный дв. — на юге; Оборунской дорогой — на западе; СПБ-Варшавской железной дорогой — на востоке).

2. Выступить в $8^1/_2$ час. утра через д. Лесника (что возле моста СПБ-Варшавской железной дороги, через р. Ликснянка), д. Песочная (мишенная) и Гроб и далее по Оборунской дороге в направлении на Стар. Форштат.

3. Выступить за авангардом в $9^1/_2$ час. утра. Ближайшее охранение колонны на марше возлагается на командира 2-го пех. полка. Поддерживать связь с колонной полковника А.

4. Авангарду выслать боковые отряды: правый — по Оборунской дороге до г. Дальняя и затем по Ликснянской дороге; левый — вдоль СПВ-Варшавской железной дороги.

5. Большой привал и ночлег, ввиду возможного столкновения с противником на марше, — по особому распоряжению.

6. Артиллерийскому парку и обозам 2-го разряда оставаться у д. Нов. Зел. Пуща до особых распоряжений.

7. Я буду при главных силах — в голове колонны, куда и присылать донесения.

8. Заместители — полковники Д. и К.; из них первому (начальнику артиллерии отряда) находиться при мне.

9. Командиру 2-го драгунского полка нарядить для сбора сведений о противнике два офицерских разъезда, по взводу каждый, начальникам которых прибыть ко мне к $11^1/_2$ час. вечера за получением указаний.

10. Завтра перед выступлением в поход приготовить в походных кухнях обед и взять его с собой.

Начальник Ликснянского отряда,
генерал-майор *А.*

Примечание. Место и время сбора для начала маневра 19 августа будут указаны в приказе по артиллерии Двинского лагерного сбора.

Подполковник *Барсуков.*

Копия

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ХОД МАНЕВРА НА СТРЕЛЬБЕ ГРУППЫ БАТАРЕЙ ПО 6-му НАПРАВЛЕНИЮ ДВИНСКОГО ПОЛИГОНА 19 АВГУСТА 1906 г.

См. схему мишеней (схема 4)

1. Неудачный для нашей конницы бой за Дальнюю гору, занятую как передовой опорный пункт пехотой (цель № 1) и артиллерией противника (цель № 2).

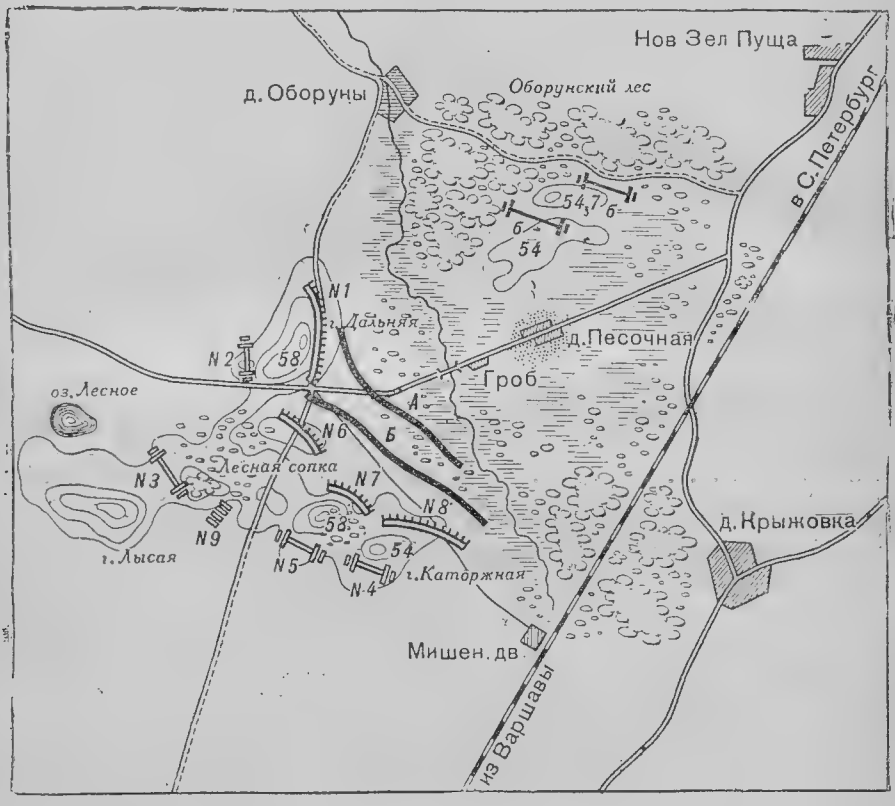


Схема 4. Приложение к ходу маневра — стрельбы офицерской школы 19 августа 1906 г.

2. Выручка нашей конницы авангардом и взятие им Дальней горы.

3. Остановка пехоты нашего авангарда на Дальней горе (показана белыми флагами) под сильным ружейным и пулеметным огнем из неприятельских окопов (цель № 6). Успешный огонь батарей противника (цели № 4 и 5, причем № 4 вспышечная) по нашей конной и авангардной батареям.

4. Прибытие к авангарду начальников отряда и артиллерии. Подход к полю боя главных сил; выезд на позицию артиллерии главных сил. Поддержка авангардной и конной батарей огнем батарей главных сил. Развертывание в боевой порядок и наступление пехоты главных сил: правая колонна — 3 батальона на г. Дальняя; левая колонна — 3 батальона на Каторжную гору для атаки неприятельской пехоты в окопах (цели № 7 и 8); общий резерв — 4 батальона в версте южнее д. Лос в лесу возле СПБ-Варшавской железной дороги. Наступление имеет первоначальной целью вызвать огонь неприятеля по всему фронту и тем определить фронт и протяжение позиции противника.

5. Остановка наступления нашей пехоты на близкой к противнику линии (показана белыми флагами во втором ряду — за первым рядом) под сильным огнем неприятельской батареи (цель № 3), частью под ружейным и пулеметным огнем из окопов (цели № 6, 7 и 8), а в том случае, если батареи противника № 4 и 5 не сильно поражаются нашими батареями, то наша пехота поражается огнем и батарей № 4 и 5.

6. Выяснение обстановки и план атаки: главный удар в направлении на Лысую гору наносят правая колонна и общий резерв, который подтягивается к правому флангу правой колонны,— всего 7 батальонов; левая колонна атакует окопы № 7 и 8; конница с конной батареей направляется в обход правого фланга противника на Каторжную гору, с задачей содействовать общей атаке и привлечь резервы противника к его правому флангу. Задача артиллерии — огневое содействие успеху атаки, причем вводились данные: наша пехота, направленная для атаки Лысой горы, несет большие потери от фланкового огня неприятельских батарей № 4 и 5, если эти батареи не были приведены к молчанию огнем нашей артиллерии, а также от ружейно-пулеметного огня из окопов № 6, 7 и 8, если эти окопы не под огнем нашей артиллерии; по нашим левым батареям ведет огонь неприятельская батарея № 3, укрытая Лесистой сопкой (см. схему 4).

7. Положение нашей пехоты (белые флаги и вспышки), остановленной огнем из окопов № 6, 7 и 8 и батареи № 4, если эти окопы и батарея не поражаются или слабо поражаются нашей артиллерией. Наша пехота, атакующая окопы № 6, не поддерживается своей артиллерией, занимающей позицию за пехотой и не имеющей возможности стрелять через головы своей пехоты, чтобы поражать противника в окопах № 6 фронтальным огнем.

Показывается подход резервов противника (цель № 9). Неприятельская батарея № 3 продолжает вести огонь по нашей артиллерии — слабый или сильный, судя по обстановке и действиям нашей артиллерии.

В зависимости от того, какие решения и распоряжения последуют со стороны исполнителей маневра-стрельбы и какие результаты возможно предвидеть от боевых действий нашей стреляющей артиллерии, старший руководитель дает указания о том, что началась общая атака, успешная или неудачная, или о том, что наша пехота не продвигается вперед и что неприятель переходит в наступление.

Примечание. Руководителям-посредникам: обращать внимание на выбор и занятие наблюдательных пунктов и огневых позиций, укрытие наблюдательных пунктов, орудий, передков, зарядных ящиков, укрытие переездов, питание батарей снарядами; сообщать исполнителям требование пехоты поддержать ее огнем или выручить; показывать проходящие цели; обращать внимание на технику ведения стрельбы и т. п.

Подполковник *Барсуков.*

18. VIII. 1906 г. Двинский полигон

Приводится еще один пример из практики офицерской артиллерийской школы маневра и стрельбы дивизиона артиллерии, проведенных на Двинском полигоне в течение четырех дней 5—8 августа 1907 г., причем 5 и 6 августа была произведена полевая артиллерийская поездка без стрельбы, а 7 и 8 августа поездка закончилась стрельбой. Подобные полевые поездки с маневрированием и стрельбой бывали весьма поучительны и полезны, но проводились редко за недостатком времени.

Копия

ЗАДАНИЕ

НА ДИВИЗИОННУЮ СТРЕЛЬБУ С МАНЕВРИРОВАНИЕМ ОТ г. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ И д. КРЫЖОВКА 5, 6, 7 и 8 АВГУСТА 1907 г.

План Двинского полигона (см. схему 2)

Наша дивизия, высадившись у ст. Юзефово (СПБ-Варшавской железной дороги), наступает двумя колоннами через д. Крыжовка и д. Жулика на ст. Ликсна (Риго-Орловской железной дороги). Противник занимает позиции на высотах Двинского полигона.

Примечание. Задание исполнялось артдивизионом только правой колонны дивизии.

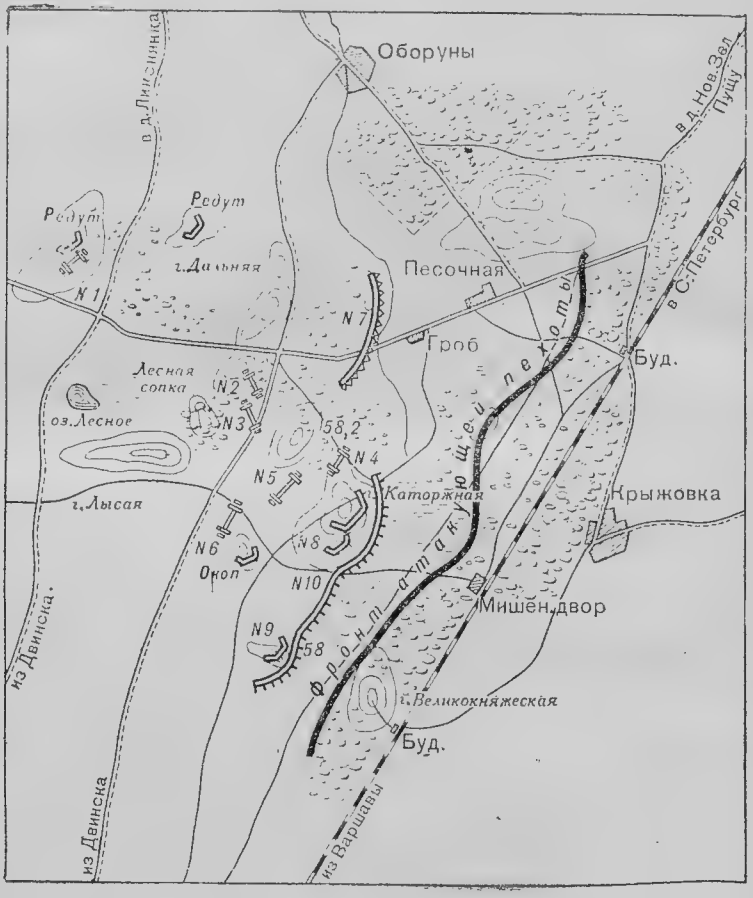


Схема 5. Распределение мишеней на первый день. К заданию на стрельбу с совершением маневра офицерской артиллерийской школы 5, 6, 7 и 8 августа 1907 г.

I. Первый день. Артиллерийская поездка 5 августа 1907 г.

(Распределение мишеней на первый день — см. схему 5)

Наши наступающие авангарды (правой колонны дивизии — от д. Крыжовка; левой колонны дивизии — от д. Жулика), перейдя линию СПБ-Варшав-

ской железной дороги у д. Крыжовка и у горы Великокняжеская, были остановлены в 8 час. утра артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника, занявшим фронт — высота 58, гора Каторжная, д. Песочная (мишенная).

Начальники авангардов развертывают свою артиллерию в боевой порядок для поддержки атаки своей пехоты.

II. Второй день. Артиллерийская поездка 6 августа 1907 г.

(Распределение мишеней на второй день — см. схему 6)

К вечеру второго дня, 6 августа, нашим авангардам удалось оттеснить неприятеля на его главную позицию на линию гора Лысая, гора Дальняя. Наша наступающая пехота заняла фронт Окоп, высота 58,2 и Гроб.

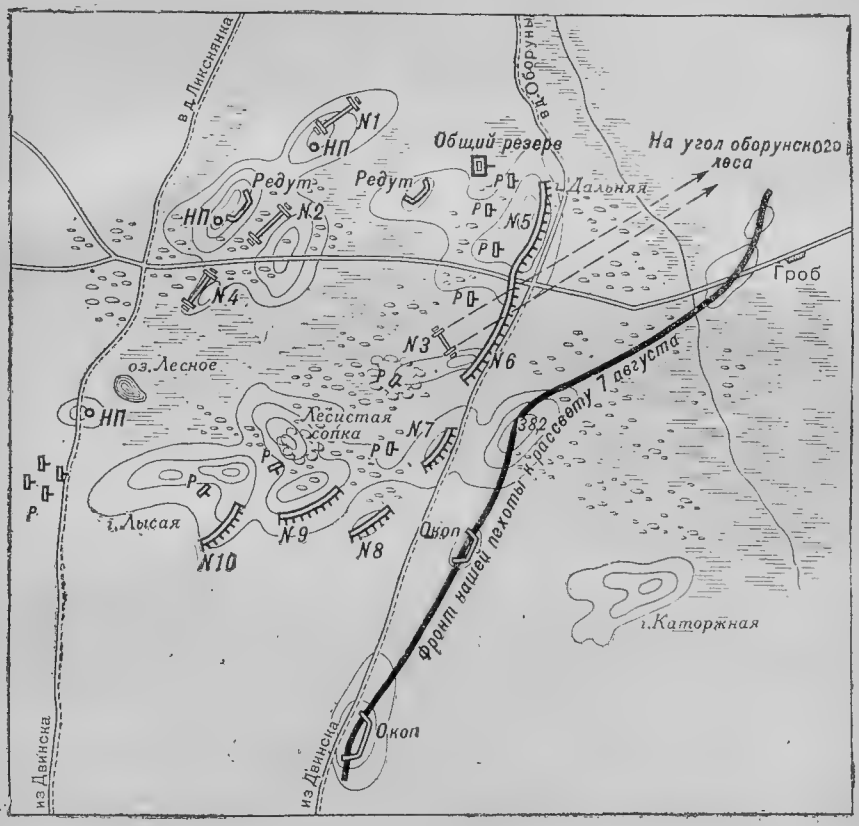


Схема 6. Распределение мишеней на второй и третий день (6 и 7 августа 1907 г.).

Начальник дивизии решает атаковать противника на рассвете следующего дня, приказывает артиллерии подготовить позиции для боя и занять их к рассвету следующего дня, 7 августа.

III. Третий день. Стрельба дивизиона артиллерии правой колонны дивизии 7 августа 1907 г.

(Распределение мишеней на третий день — см. схему 6)

До рассвета 7 августа батареи правой колонны дивизии занимают позиции, выбранные накануне, т. е. к вечеру 6 августа.

Задача артиллерии — поддержать артиллерийским огнем нашу пехоту, атакующую главную позицию противника.

IV. Четвертый день. Бригадная стрельба постоянного состава офицерской артиллерийской школы 8 августа

Продолжение дивизионной стрельбы 7 августа

(Мишенная обстановка на четвертый день — см. схему 7)

Произведенная нами вчера (на третий день боя) атака на гору Дальняя успеха не имела; к вечеру 7 августа наша пехота отошла до линии Окоп, высота 58,2, Гроб, юго-западная опушка Оборунского леса; наша артиллерия осталась на прежних позициях, занятых на рассвете 7 августа.

Сегодня в ночь на 8 августа левая колонна нашей дивизии овладела Лысой горой; оборонявший ее неприятель отошел в северо-западном направлении на Редут; гора Дальняя осталась в руках противника.

Задача правой колонне дивизии — при содействии левой колонны дивизии, наступающей от Лысой горы, сбить противника, занимающего гору Дальняя

Предполагаемый ход маневра 8 августа 1907 г.

(исключительно только для руководителей-посредников)

1. Начальник правой колонны дивизии решает для атаки противника, обороняющего гору Дальняя, направить: с фронта — 1-й пех. полк; с левого фланга в обход этого фланга от Оборунского леса — 2-й и 3-й батальоны 2-го пех. полка; с правого фланга противника в охват этого фланга, действуя в связи с левой колонной дивизии, наступающей от Лысой горы,— 4-й батальон 2-го пех. полка; общий резерв — 1-й батальон 2-го пех. полка за 2-м и 3-м батальонами для поддержки их атаки в обход противника, обороняющего гору Дальнюю, с севера и северо-запада. Дивизиону своей артиллерии начальник правой колонны ставит задачу — содействовать атаке горы Дальняя огнем, сосредоточенным в северном ее районе, куда направляется главный, решающий удар.

Цели: № 4 — пехота противника в окопах на Дальней горе; № 3 — батарея, фланкирующая подступы к Дальней горе с востока; № 1 — батарея, фланкирующая подступы к Дальней горе с севера.

2. Движение левой колонны дивизии от Лысой горы для атаки правого фланга неприятеля, занимающего Дальнюю гору, остановлено сильным огнем батарей противника № 2 и 5.

3. Контратака пехоты противника на Лысую гору (цели № 6, 7 и 8, затем № 9 и 10) отбивается при содействии огня нашей артиллерии (сообщается просьба начальника левой колонны дивизии к ближайшей артиллерии правой колонны выручить его пехоту, атакованную неприятельской пехотой (цель № 10) и попавшей под уничтожающий огонь артиллерии противника (цель № 5).

Схема 7. Распределение мишеней на четвертый день (8 августа 1907 г.)

4. Взятие Дальней горы правой колонной дивизии (если действия артиллерии этой колонны будут признаны руководством успешными). Возобновление атаки левой колонны дивизии. Отступление противника к высоте 54 с Редутом под прикрытием огня неприятельских батарей № 1 и 5 и контратак пехоты противника (цели № 6, 7, 8, 9 и 10).

Подполковник *Барсуков*.

4. VIII. 1907 г.

Двинский полигон

Офицерская артиллерийская школа с 1908 г. практические стрельбы стала проводить на своем Сергиевском полигоне возле г. Луги (с 1918 г. Лужский полигон АККУКС, теперь Полигон ордена Ленина краснознаменной высшей офицерской артиллерийской школы), занимающем обширный район на весьма пересеченной местности, позволяющей вести стрельбы с разных направлений группами до 12—18 батарей и разнообразить тактические задания. Отчеты о проведенных стрельбах офицерской артиллерийской школой ежегодно представлялись на обсуждение Артиллерийского комитета ГАУ. Описания более интересных и поучительных групповых стрельб с маневрированием по тактическим заданиям, в особенности проведенных в присутствии генерал-инспектора артиллерии, по указанию которого составлялись задания для стрельб, лично им проверяемых, издавались в виде печатных брошюр и рассылались в части артиллерии для сведения и руководства.

Тактические задания для групповых стрельб с маневрированием на Лужском полигоне составляли, руководствуясь приблизительно теми же соображениями, какие служили основой для тактических заданий стрельб с маневрированием на Двинском полигоне в 1906—1907 гг., примеры которых приведены. Но задания для стрельб на Лужском полигоне представляют гораздо больший интерес и поучительность по сравнению с заданиями стрельб на Двинском полигоне. Примеры заданий для стрельб с маневрированием офицерской артиллерийской школы на Лужском полигоне будут приведены по разыскании необходимых архивных материалов; если же отыскать такие материалы не удастся, то будет приведен пример общего характера по памяти автора этого труда как бывшего руководителя тактики офицерской артиллерийской школы, составлявшего задания для стрельб с маневрированием и работавшего на Двинском и Лужском полигонах школы в 1905—1914 гг. по поручению генерал-инспектора артиллерии.

Старший командный состав русской полевой артиллерии, прошедший курс офицерской артиллерийской школы, был обучен, за немногими исключениями, к началу войны искусству стрельбы с закрытых позиций в совершенстве и довольно хорошо разбирался в тактических вопросах применения артиллерии в бою.

Для заканчивающих курс офицерской артиллерийской школы аттестация в знании и понимании тактики имела такое же первенствующее значение, как аттестация по искусству в стрельбе; неспособные к практическому пониманию тактики, как и неспособные к стрельбе не получали ни батарей, ни дивизионов и переводились на службу в артиллерийские парки или на административные должности. Таким путем в годы, предшествовавшие войне, стремились подбирать старший командный состав русской артиллерии, чтобы он был теоретически и главным образом практически вполне сведущим и в техническом и тактическом отношениях.

Большое влияние на подбор старшего командного состава оказывал генерал-инспектор артиллерии, так как без его заключения не производилось ни одно назначение на должность командира ба-

тареи и выше. Он мог давать правильную служебную оценку старшему командному составу артиллерии, так как постоянно знакомился с его деятельностью, проверяя, по большей части, лично или иногда через чинов, состоящих при нем для поручений, боевую подготовку артиллерии и бывая ежегодно на практических стрельбах большинства артиллерийских частей, а на стрельбах офицерской артиллерийской школы — не менее двух раз в год.

В старой русской армии относительно мало уделялось внимания крепостной артиллерии вообще и в частности крепостному отделу офицерской артиллерийской школы. Это обстоятельство в связи с недостатком хороших руководителей в крепостном отделе школы (выдающиеся специалисты по крепостной артиллерии бывали довольно редким исключением) послужило одной из основных причин сравнительно слабой подготовки старшего командного состава тяжелой крепостной и осадной артиллерии как в отношении тактики, так даже и в отношении техники стрельбы. Особенно слаба была подготовка командиров в сухопутных крепостях; береговая артиллерия стреляла довольно хорошо. Старший командный состав полевой тяжелой артиллерии также был слабо подготовлен, особенно в тактическом отношении, так как в первое время формирования этой артиллерии он комплектовался из офицеров крепостной и осадной артиллерии.

Весьма неблагоприятно отражалась на подготовке командиров крепостной артиллерии неудовлетворительность полигонов в районах сухопутных крепостей, где проводились стрельбы.

Крепостной отдел офицерской артиллерийской школы в последние перед войной годы вел практические стрельбы на полигоне крепости Осовец. В период стрельб этот отдел обслуживала осовецкая крепостная артиллерия, которая, следовательно, имея большую практику под руководством офицеров крепостного отдела, могла стоять в отношении искусства стрельбы и специальной подготовки выше артиллерии других крепостей. Но, как показала практическая стрельба во время опытной мобилизации крепости Осовец осенью 1912 г., командный состав артиллерии в этой крепости оказался недостаточно хорошо подготовленным в отношении стрельбы.

Малая поучительность стрельбы, проведенной в крепости Осовец во время опытной мобилизации, объяснялась не только слабой подготовкой старшего командного состава, но и неудовлетворительностью полигона Осовецкой крепости, представляющего узкую полосу поросшего кустарником болота, ограниченную справа железной дорогой, слева — деревней Сосна, расстояние между которыми было около 2 км; при этом безопасная зона для стрельбы получалась в виде щели шириной лишь около 425—640 м (200—300 саженей).

Приблизительно в таком же положении в отношении полигонов для стрельбы находились и другие русские сухопутные крепости.

Между тем боевая подготовка крепостной артиллерии могла бы быть в полной мере обеспеченной лишь при том обязательном условии, если бы она практиковалась в стрельбе со всех возможных

вероятных ее боевых позиций, по всем направлениям, откуда противник мог появиться перед крепостью.

С целью повышения боевой подготовки крепостной артиллерии признавалось необходимым, между прочим, преобразовать крепостной отдел в самостоятельную крепостную офицерскую артиллерийскую школу, в которой мог бы подготавливаться старший командный состав тяжелой артиллерии вообще: крепостной, осадной и полевой тяжелой. На организацию такой школы ГАУ испрашивало кредит еще в 1906 г., но по недостатку денежных средств это мероприятие не было осуществлено до начала первой мировой войны.

Артиллерийская академия имела задачей предоставить офицерам специальное высшее артиллерийское образование[1].

Академия состояла из трех курсов: двух основных и дополнительного. Основные курсы предназначались для распространения высших специальных знаний в войсковых частях артиллерии; дополнительный курс — для офицеров, готовившихся к службе по инженерной технической артиллерийской части, а также к ученой и учебной деятельности по артиллерии.

Артиллерийская академия являлась полезной для строевых артиллерийских частей в смысле распространения среди них специальных высших артиллерийских сведений по части стрельбы и техники, но в отношении знаний тактического характера она почти ничего не давала, так как преподавание в академии имело несомненный уклон в сторону техники, а не тактики. В артиллерийской академии такие военные науки, как стратегия, тактика, фортификация, история военного искусства, военная администрация, относились к вспомогательным предметам, тогда как все отделы артиллерии, теоретическая и практическая механика, технология, химия являлись главными предметами академического курса; высшая математика, физика, французский и немецкий языки относились к вспомогательным предметам.

Офицеры, окончившие два основных курса артиллерийской академии, но не проходившие дополнительного курса, перечислялись из академии в строевые части артиллерии. Но таких офицеров было вообще немного; кроме того, обычно большинству из них предоставлялось право служить впоследствии по артиллерийской технической, административной, учебной и ученой части, куда они и переводились из строевых частей.

Офицеры, успешно окончившие академию с дополнительным курсом, назначались в технические артиллерийские заведения, артиллерийскими приемщиками на заводы, выполняющие артиллерийские заказы, и по технической, ученой и учебной части — в Артком ГАУ, Управление генерал-инспектора артиллерии, главный и окружные артиллерийские полигоны, заведующими практическими занятиями крепостной артиллерии, в артиллерийские училища, академию и другие военно-учебные заведения.

Многие офицеры, окончившие полный курс артиллерийской академии, возвращались из учреждений в строй, особенно после 1910 г.,

---

[1] Свод военных постановлений 1869 г., кн. XV, изд. 4-е.

когда строевые офицеры артиллерии стали материально обеспечиваться лучше офицеров инженерно-технической службы, получивших высшее артиллерийское образование.

В большинстве случаев офицеры, имевшие академическое артиллерийское образование, являлись весьма полезными для строевых частей в смысле распространения и проведения в жизнь полученных ими специальных знаний. Но более выдающиеся из них назначались руководителями в офицерскую артиллерийскую школу и начальниками учебных артиллерийских полигонов, и в строевых артиллерийских частях их оставалось немного. Еще меньше их осталось в строю артиллерии во время мировой войны, так как многие получили высшее назначение по административно-технической артиллерийской службе или были отозваны из строя для инженерно-технической службы в технические артиллерийские заведения или на заводы, мобилизованные для изготовления предметов боевого снабжения.

В общем артиллерийская академия в той организации, какую она имела в 1914 г., подготовляла не старших строевых командиров артиллерии, а инженеров артиллерийской техники, из числа которых вышло немало известных выдающихся специалистов — деятелей науки и артиллерийской техники, инженеров и изобретателей. Что же касается возлагаемой на академию задачи распространения высших артиллерийских знаний в войсках, то эта задача достигалась в ограниченной степени.

Академия Генерального штаба [1] (Николаевская военная академия) имела целью «давать офицерам высшее военное образование». Корпус офицеров Генерального штаба комплектовался офицерами, окончившими военную академию по первому разряду.

Для поступления в академию требовалось выдержать проверочные экзамены предварительно при штабе округа и затем при академии по следующим предметам: строевым уставам, тактике, артиллерии, фортификации, военной администрации, топографическому черчению, математике (арифметике, начальной алгебре, геометрии, прямолинейной тригонометрии), политической истории, географии, русскому языку, одному из иностранных языков — немецкому, английскому или французскому.

К вступительным экзаменам допускались только офицеры, прослужившие в офицерских чинах не менее шести лет в строю (до 1912 г. допускались к экзаменам офицеры, прослужившие в строю не менее трех лет).

В военной академии, как и в артиллерийской, было два класса — младший и старший (продолжительностью по одному году в каждом классе) — и дополнительный курс, на который переводились офицеры, окончившие два класса академии по первому разряду и предназначаемые для службы в Генеральном штабе. На дополни-

---

[1] ЦГВИА, Свод военных постановлений 1869 г., кн. XV, изд. 4-е. Приказ по военному ведомству 1912 г. № 175. Циркуляр Главного штаба 1912 г. № 33.

тельном курсе эти офицеры обязаны были успешно исполнить и защитить дипломные работы на три темы: стратегическую, тактическую и статистическую или по организации тыла армии.

Окончившие военную академию офицеры получали академический нагрудный знак, годовой оклад жалованья, четырехмесячный отпуск с сохранением содержания и право перевода из своих в другие части войск и из одного рода войск в другой. Однако правом перевода в другую часть окончившие академию офицеры фактически не могли воспользоваться, так как против этого обычно возражало общество офицеров той части, в которую они желали перевестись, ибо, занимая освобождающиеся вакансии, они тем самым мешали продвижению по службе офицерам, состоявшим в кадрах данной войсковой части. Кроме указанных преимуществ, офицеры, окончившие академию по первому разряду и предназначавшиеся к зачислению по Генеральному штабу, награждались еще орденом не в порядке очереди или получали второй годовой оклад жалованья.

Офицеры, окончившие военную академию по первому разряду и успешно исполнившие работы на дополнительном курсе, причислялись к Генеральному штабу; прочие окончившие академию офицеры отчислялись в свои части.

Офицеры, прошедшие курс военной академии, получали высшее общее военное образование и были хорошо подготовлены к специальной службе в Генеральном штабе, в особенности к службе в войсковых штабах — от штаба дивизии и выше.

Окончившие военную академию офицеры, отчисляемые в строевые части, по большей части недолго в них оставались и переводились на службу по административной или учебной части в штабы, военные управления и учебные заведения, как это бывало и с офицерами, зачисляемыми в строевые части артиллерии, окончившими два основных курса артиллерийской академии, но не проходившими дополнительного курса.

Отчисленные по окончании военной академии в строевые части офицеры приносили в общем немало пользы в смысле ознакомления строевых частей с полученными ими в академии общими сведениями военной науки, особенно в отношении прикладной тактики и применения ее на практике. В строевых частях артиллерии этим офицерам поручалось делать доклады по вопросам тактики, стратегии и военной истории, помогать руководству или самостоятельно руководить практическими занятиями по тактике и военной топографии, составлять тактические задания для практических стрельб и пр.

К офицерской артиллерийской школе был прикомандирован для организации и проведения стрельб в тактическом отношении офицер, окончивший военную академию (см. выше)[1]. Этот офицер по окончании академии возвратился в строй и почти три года прослужил в своей батарее, а на время специальных артиллерийских сборов на Клементьевском полигоне Московского военного округа еже-

[1] Автор этого труда. — *Ред.*

годно прикомандировывался в распоряжение начальника сборов, чтобы по своей инициативе составлять тактические задания для стрельб, руководить постановкой целей и соответственным оборудованием полигона, помогать командованию в целесообразном осуществлении практических стрельб в тактическом отношении, принимать участие в разборе и оценке тактической стороны проведенных стрельб.

Инициатива убежденного сторонника безусловной необходимости боевой подготовки артиллерии не только в отношении искусства техники стрельбы, но и обязательно в тесной зависимости и непосредственной связи с требованиями тактики, с требованиями, предъявляемыми к артиллерии пехотой и другими родами войск, была одобрена генерал-инспектором артиллерии. По его распоряжению практические стрельбы артиллерии стали проводиться с заданиями и в условиях тактической обстановки в офицерской артиллерийской школе и на артиллерийских полигонах не только Московского, но и всех других военных округов.

УЧЕБНЫЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОЛИГОНЫ

Учебные артиллерийские полигоны существовали во всех военных округах. На начальников полигонов возлагалась ответственная обязанность способствовать правильной и однообразной постановке дела обучения стрельбе всех полевых батарей округа [1].

В целях приближения деятельности артиллерийских полигонов к общевойсковым задачам начальники полигонов, согласно новому «Положению об артиллерийских полигонах», объявленному в приказе по военному ведомству 26 июня 1912 г. за № 314, были подчинены начальникам штабов округов; до того времени они подчинялись начальникам артиллерии округов, утратившим с 1910 г. (см. выше ч. 1 о реорганизации армии 1910 г.) отношение к строевым частям артиллерии и сохранившим за собой функции лишь по заведыванию артиллерийским снабжением округа.

«Положение об артиллерийских полигонах», утвержденное в 1912 г., сводилось к следующему:

1. В каждом военном округе содержались артиллерийские полигоны для проведения стрельб полевой артиллерии и тех опытов, которые могли быть поручены полигонам ГАУ. Кроме постоянных артиллерийских полигонов, для проведения стрельб могли избираться и временные полигоны.

2. Каждый артиллерийский полигон имел для своего оборудования мишенное имущество, состоявшее из различного рода предметов и сооружений, непосредственно относящихся к стрельбе.

3. Для заведывания артиллерийскими полигонами в каждом военном округе назначались начальники артиллерийских полигонов, избиравшиеся из штаб-офицеров полевой артиллерии (командиров артиллерийских дивизионов или командиров батарей), окончивших

[1] Приказ по артиллерии 1905 г. № 109, журнал Арткома ГАУ 1906 г. № 315; Приказ по военному ведомству 1912 г. № 314.

артиллерийскую академию, офицерскую артиллерийскую школу и командовавшие батареями не менее двух лет.

Начальник полигона подчинялся непосредственно начальнику штаба округа. По специальным же вопросам своей деятельности он пользовался правом входить в непосредственное сношение с ГАУ.

На время специального артиллерийского сбора для проведения практической стрельбы начальник полигона находился в распоряжении начальника артиллерии этого сбора.

4. Распределение заведывания полигонами округа предоставлялось усмотрению начальника штаба округа. На те полигоны, которые не имели своего штатного начальника, назначались на лагерное время для выполнения обязанностей начальника полигона в отношении оборудования поля заместители начальника артиллерийского полигона из числа штаб- или обер-офицеров артиллерии.

5. Программы и расписания ежегодных летних специальных артиллерийских занятий составлялись инспекторами артиллерии корпуса при участии начальника артиллерийского полигона и утверждались командующим войсками округа.

6. Начальник артиллерийского полигона был обязан:

а) непосредственно руководить оборудованием того полигона, на котором постоянно пребывал, а также руководить и иметь наблюдение за оборудованием тех полигонов округа, которые не имели своего постоянного начальника полигона;

б) содействовать инспекторам артиллерии в правильной и однообразной постановке дела обучения стрельбе батарей округа, в осмотре и проверке ими содержания в частях материальной части артиллерии;

в) участвовать в ежегодной проверке офицеров батарей в подготовленности их к стрельбе, а также в испытании офицеров других родов войск, предназначаемых к переводу в артиллерию;

г) делать сообщения в строевых частях по вопросам тактики и техники стрельбы артиллерии;

д) участвовать в обсуждении ежегодных предположений и программ практических стрельб для всех частей полевой артиллерии округа, в составлении расписаний стрельб для частей, сосредоточенных в каждом специальном артиллерийском сборе, в составлении программ и расписаний совместных занятий полевой артиллерии с саперными войсками и присутствовать на этих занятиях, в составлении программ занятий с войсковыми начальниками, командируемыми на полигоны для ознакомления с артиллерийским делом, а также оказывать содействие войсковым начальникам в выполнении этих программ занятий, участвовать в разборе стрельб и маневров, в распределении поля между разными родами войск при совместном их расположении, участвовать в комиссиях по обсуждению годовых отчетов по стрельбе и подготовительных к ней занятий в частях артиллерии округа;

е) способствовать инспекторам артиллерии в организации специальных стрельб (зимних, на незнакомой местности, с маневрированием и т. п.);

ж) лично проводить боевые стрельбы, преимущественно группового характера;

з) быть ответственным за надлежащее оборудование подведомственных ему полигонов;

и) посещать ежегодно, в период специальных артиллерийских сборов, все подведомственные ему полигоны, присутствуя на очередных стрельбах и направляя деятельность своих заместителей;

к) ежегодно к 1 декабря представлять в ГАУ, генерал-инспектору артиллерии и в штаб округа доклады о нуждах полигонов в отношении наилучшего их оборудования для повышения успеха артиллерийской подготовки.

Влияние начальников полигонов на подготовку старшего командного состава полевой артиллерии сказывалось главным образом в периоды артиллерийских сборов для проведения практических стрельб на полигонах; в остальное время года начальники полигонов, вообще говоря, бывали настолько редко в строевых артиллерийских частях, что не могли оказывать сколько-нибудь заметного влияния на их боевую подготовку. На начальников полигонов возлагалось так много обязанностей, что они не успевали с ними справляться. Даже во время артиллерийских сборов они не в состоянии были присутствовать на всех практических стрельбах, в особенности при наличии в округе нескольких полигонов. Согласно настоятельному желанию многих высших артиллерийских начальников, ГАУ неоднократно возбуждало вопрос о необходимости иметь штатных начальников на каждом артиллерийском полигоне, но до самого начала мировой войны некоторые полигоны в округах оставались без штатных начальников. Начальникам окружных полигонов приходилось многие свои обязанности передоверять своим заместителям, которые в большинстве случаев не пользовались достаточным авторитетом, особенно, если они были ниже в чине, а также если не проходили курса офицерской артиллерийской школы и не командовали батареями.

Наконец, многие из артиллерийских учебных полигонов оставались до начала войны совершенно неудовлетворительными по своим размерам, не позволявшим вести стрельбу на предельные дальности из современных полевых орудий, не говоря уже об орудиях полевой тяжелой артиллерии и тем более о тяжелых орудиях осадного типа. Большинство полигонов не давало возможности разнообразить стрельбу и вести ее с разных направлений. Даже считавшийся лучшим Двинский полигон (Виленского военного округа), по своим размерам и рельефу более отвечавший современным требованиям, был крайне стеснен в отношении стрельбы с разных направлений, находясь в углу между железными дорогами, расходящимися от Двинска в двух направлениях: в северном — на Петроград и в северо-западном — на Ригу. Почти на всех полигонах песчаный или болотистый грунт затруднял маневрирование артиллерии. Ружейные стрельбища для пехоты на некоторых полигонах также затрудняли производство артиллерийской стрельбы. Оборудование полигонов оставляло желать много лучшего, за исключением Лужского

полигона офицерской артиллерийской школы, довольно хорошо оборудованного; большинство полигонов не имело ни бетонированных блиндажей для наблюдателей, ни подземного кабеля для связи руководителей между собой и с наблюдателями в расположении мишеней, ни механических подъемных и подвижных мишеней, ни подъездных железнодорожных путей узкой колеи с подвижным составом и пр. Несмотря на все это, на многих артиллерийских полигонах, особенно же на Лужском, было хорошо поставлено наблюдение за результатами каждого выстрела полигонными наблюдателями, располагавшимися обычно на флангах района постановки целей (мишеней). Это давало возможность руководителю стрельбы, в случаях сомнений в правильности наблюдений разрывов снарядов, произведенных с наблюдательного пункта стреляющего командира, получать совершенно точные данные (по дальности и высоте разрыва) от полигонного наблюдательного пункта.

ГАУ еще с 1900 г., со времени начала перевооружения полевой артиллерии скорострельными дальнобойными орудиями, признавало, что расширение существовавших полигонов или замена их новыми, более обширными и более удобными, не терпит отлагательства. Но это крайне необходимое мероприятие осуществлялось крайне медленно, встречая препятствия с разных сторон: финансовое ведомство возражало, как всегда, вследствие недостатка ресурсов государственного казначейства; землевладельцы противодействовали отчуждению у них земли или запрашивали за свои земли непомерно высокие цены; канцелярии затягивали разрешение вопросов, придираясь «к букве закона» или просто ради привычной для них «волокиты», и т. д.

В Киевском военном округе был только один более или менее пригодный для стрельбы полигон.

Одесский военный округ вовсе не имел своих артиллерийских полигонов. Артиллерия этого округа стреляла на арендованных у частных владельцев полях. Арендная плата за эти поля ежегодно росла, причем владельцы полей грозили прекратить в недалеком будущем сдачу их в аренду.

Артиллерийские части прилагали все усилия, чтобы проводить стрельбы для большей их поучительности на незнакомой местности вне полигонов, пользуясь для этого паровыми полями крестьян. Но во многих местах крестьяне переходили на отрубное хуторское хозяйство, почему в скором времени артиллерия оказалась бы не в состоянии находить для себя случайные полигоны и была бы обречена проходить курс стрельбы на малопоучительных или даже совершенно непригодных для современной артиллерии полигонах.

Для артиллерии вопрос о полигонах являлся чрезвычайно важным и обострился настолько, что дальнейшее промедление в его решении могло иметь роковые последствия. Уже тогда, приблизительно за пять лет до начала войны, полевые тяжелые артиллерийские дивизионы и части крепостной (осадной) артиллерии, перевооруженные новыми дальнобойными орудиями, не могли практиковаться в стрельбе, отвечающей свойствам этих орудий. О приме-

нении своих новых орудий в боевой обстановке они впервые узнали во время войны, встретившись лицом к лицу с врагом.

Многие земельные участки, выбранные артиллеристами под полигоны как у частных владельцев, так даже и в угодьях министерства земледелия, ускользали из рук военного ведомства из-за весьма высокой оценки. Почти все выбранные казенные участки были покрыты ценным лесом, который пришлось бы при переходе в военное ведомство вырубить, причем казна понесла бы убытки. Но эти убытки были бы ничтожными по сравнению с расходами, которые понесла бы казна при покупке частновладельческих участков, а главное — по сравнению с тем вредом, который приносило обороне государства отсутствие удовлетворительных полигонов и учебных полей для стрельбы [1].

Несмотря на многие неблагоприятные условия, учебные артиллерийские полигоны в лице их начальников играли значительную роль в надлежащей боевой подготовке командного состава артиллерии и лишь некоторую роль — в процессе обучения строевых частей артиллерии. Особенно велико было значение полигонов в выработке так называемого общего «артиллерийского языка», чем по справедливости могли гордиться русские артиллеристы [2].

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И СПОРТ

В строевых артиллерийских частях, как и вообще в старой русской армии, физическая подготовка личного состава считалась второстепенным делом. В огромном большинстве строевых частей на физическую подготовку не смотрели как на средство, необходимое для укрепления организма, для развития силы и ловкости, способствующих перенесению всякого рода лишений, неизбежных на войне, обеспечивающих преодоление встречающихся препятствий и пр.

Русские войска, в том числе артиллерия, должны были обучаться гимнастике согласно существовавшему «Наставлению для обучения войск гимнастике», утвержденному 4 ноября 1910 г. (приказ по военному ведомству 1910 г. № 622). По этому наставлению гимнастика являлась одной из обязательных отраслей военного обучения. Ею должны были заниматься ежедневно короткое время по утрам (день начинался с гимнастики, как и теперь с «утренней зарядки») и изредка в особо отводимые часы, но в большинстве случаев гимнастикой занимались лишь для «отбывания обязательного номера», как довольно скучной и считающейся некоторыми командирами даже ненужной забавой.

В артиллерии гимнастикой занимались обыкновенно только с молодыми солдатами, причем на этих занятиях офицеры редко присутствовали. Начальствующие лица при проверке подготовки вверенных им частей почти не интересовались постановкой в них занятий гимнастикой.

---

[1] ЦГВИА, 338—306.

[2] Обязанности должностных лиц артиллерийских полигонов были изложены в руководстве „Поле и цели“ и в „Положении об артиллерийских полигонах“.

Года за три-четыре до начала войны в войсках пехоты и кавалерии, особенно в гвардейских, занятия гимнастикой оживились. Стали до некоторой степени даже увлекаться массовыми гимнастическими упражнениями под музыку, так называемой «сокольской гимнастикой», но главным образом показной ее стороной, как красивым зрелищем строго дисциплинированной войсковой части, стройно исполняющей под музыку по команде, как один человек, гимнастические упражнения. Но это увлечение артиллерии почти не коснулось.

Никаких упражнений в гимнастических играх в артиллерии вообще не бывало; солдаты играли иногда только «в городки».

В 1910 г. циркуляром Главного штаба была рекомендована вышедшая вторым изданием брошюра Н. Я. Гердта «Легкая атлетика и атлетические игры для войск», однако большинству строевых частей артиллерии эта брошюра не была известна.

Офицеры артиллерии, за весьма редким исключением, гимнастикой вообще не занимались.

Для повышения квалификации офицеров — любителей гимнастического спорта были организованы в военных округах курсы физической подготовки и существовала в Петербурге Главная гимнастическо-фехтовальная школа, покровительствуемая военным министром и непосредственно ему подчиненная (приказ военного ведомства от 16 августа 1912 г. № 426). Проходили эту школу немногие офицеры, предпочтительно из войск гвардии и кавалерийских частей.

Конный спорт процветал в кавалерийских и казачьих частях и в конной артиллерии старой армии. Установлены были обязательные скачки с препятствиями на призы; денежные суммы на выдачу призов отпускались казной. В офицерской кавалерийской школе, которую проходили многие офицеры и конной артиллерии, и во многих строевых частях кавалерии устраивались парфорсные конные охоты с гончими собаками, скачки (гонки) по бумажному следу, так называемые «конкур-иппики» с вольтижировкой и джигитовкой, по большей части кавказских казаков, и прочие конские состязания.

Скачки, устраиваемые разными скаковыми обществами (главным образом не ради развития этого спорта, а в целях наживы на азартной игре — «тотализатор»), признавались верхами царской армии полезным для кавалерии спортом. В целях поощрения этого спорта разрешались отпуска офицерам кавалерии и конной артиллерии, желающим принять участие в спортивных конных упражнениях. Но офицерские скачки должны были устраиваться обязательно с препятствиями, так называемые «стипль-чезы»; офицерские гладкие скачки не допускались [1].

Офицеры легкой артиллерии организовывали иногда скачки по личной инициативе в своих частях на собственные средства; к участию в офицерских скачках кавалерии и конной артиллерии они не допускались.

[1] Приказы по военному ведомству 1908 г., № 263 и 1910 г., № 669.

Верховая езда офицеров и солдат в легкой артиллерии была поставлена в общем хорошо; верховая езда в конной артиллерии не уступала езде в кавалерии.

Для поощрения солдат-ездовых в их искусстве езды и управления лошадьми в запряжке устраивалась в легкой и конной артиллерии состязательная езда на призы в запряженных орудиях: 1) фигурная (фигуры обозначались поставленными на местности колышками), причем фейерверкер — командир орудия — и ездовые, следующие за ним, должны были так провести орудие по обозначенной фигуре, чтобы не задеть и не свалить поставленные колышки; 2) езда в запряженных орудиях на пересеченной местности с преодолением представляемых ею естественных препятствий в виде канав, рытвин, оврагов, ручьев и пр.

Езда на призы с запряженными орудиями приносила, несомненно, большую пользу в деле искусства вождения орудия фейерверкерами и ездовыми артиллерии.

ПОДГОТОВКА В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ОТНОШЕНИИ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ

Общевойсковые начальники получали теоретические сведения по артиллерии при прохождении ими в свое время курсов в военных училищах, офицерских школах и некоторые из них — в военных академиях. В зависимости от того, когда и где они проходили военно-образовательный курс, уровень артиллерийских знаний общевойсковых начальников был крайне разнообразен и в общем невысок; главным образом потому, что техника артиллерии быстро двигалась вперед и от нее отставали даже многие артиллерийские начальники, не говоря уже о других.

Практическое ознакомление с артиллерией общевойсковых начальников в старой русской армии вообще было недостаточным, и оно осуществлялось: путем подчинения общевойсковым начальникам артиллерии с возложением на них ответственности за ее боевую подготовку; путем совместных маневров и стрельб артиллерии с другими родами войск; путем прикомандирования общевойсковых начальников к артиллерии для временной совместной службы, командирования их на артиллерийские полигоны на время более поучительных групповых стрельб и пр.

До 1910 г. полевая артиллерия не была подчинена начальникам дивизий, в состав которых она входила. Этим объяснялось главным образом незнакомство с артиллерией старших общевойсковых начальников, в мирное время за нее тогда не ответственных и потому мало ею интересующихся. Периодически происходившее в то время ознакомление с артиллерией старших пехотных начальников и офицеров Генерального штаба носило поверхностный характер и не могло приносить сколько-нибудь существенной пользы. Войсковые маневры давали только некоторую практику штабам в отдаче распоряжений и приказаний и в организации связи, но на подготовку общевойсковых начальников в артиллерийском отношении, да и

на тактическую подготовку войск вообще не оказывали почти никакого влияния.

Старшие общевойсковые начальники, за исключением единственного генерала Иванова, командира корпуса из артиллеристов (в мировую войну главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта), да и большинство старших артиллерийских начальников обнаружили во время русско-японской войны 1904—1905 гг. незнакомство со свойствами скорострельной дальнобойной артиллерии и применением ее в бою. Общевойсковые начальники, по большей части, не вмешивались в боевую работу артиллерии; если же иногда распоряжались ею в бою, то часто весьма неудачно, заставляя занимать открытые позиции, стрелять по целям, не заслуживающим внимания для огня артиллерии или недостижимым для него по дальности расстояния или по прочности сооружений, не поддающихся разрушению снарядами полевых пушек; многие из них имели обыкновение, крайне неблагоприятное для достижения успеха в бою, оставлять в резерве с пехотой значительную часть артиллерии, причем после она вводилась в бой с опозданием или вовсе не успевала и обречена была на бездействие. Осадная артиллерия по распоряжению старших начальников из опасения потери тяжелых орудий при отступлении нередко преждевременно убиралась с позиции (под Ляояном 28 осадных орудий были убраны с занимаемой ими позиции в Телин, не сделав в бою ни одного выстрела). Отсутствие взаимного понимания между общевойсковыми и артиллерийскими начальниками и внутренней органической связи артиллерии с пехотой приводило к тому, что в русско-японскую войну артиллерия в бою вела так называемое «артиллерийское состязание» в назначенное для подготовки атаки время и часто бездействовала во время атаки, оставляя без огневой поддержки свою пехоту в самые тяжелые для нее моменты боя.

В военной литературе в числе отрицательных сторон подготовки старой русской армии указывалось, что среди специальных родов войск (в том числе артиллерии) проявлялось стремление выделиться из общевойсковой организации в особые ведомства, что облегчает специальные достижения, но демилитаризует род войск, лишает знакомства с ним армию и затрудняет ее боевое применение.

Несомненно, такое стремление было, и особенно сильное до русско-японской войны, когда действительно артиллерия составляла особое «артиллерийское ведомство», находившееся под «высоким» покровительством своего специального начальства, возглавлявшегося лицами царской фамилии, непосредственно подчинявшимися самому царю.

Офицеры Генерального штаба, которыми преимущественно комплектовался кадр высших общевойсковых начальников, составляли, за немногими исключениями, обособленную от войск корпорацию, смотревшую несколько свысока на строевых. Служили они в штабах и военных управлениях, отбывая по большей части в чине капитана, т. е. вскоре после окончания академии, годичный цензовый срок (с 1901 г. — двухгодичный срок) командования ротой или эскадро-

ном, но не батареей. Отбывать ценз офицеры Генерального штаба старались в тех же строевых частях, в которых они служили до поступления в академию. Это удавалось офицерам, служившим ранее в гвардейских частях пехоты и кавалерии. Что же касается офицеров Генерального штаба из служивших ранее в артиллерии, а такие составляли большинство, то им приходилось отбывать ценз командования ротой (бывшие офицеры конной артиллерии отбывали ценз командования эскадроном) в совершенно незнакомых и даже чуждых им строевых частях, где нередко смотрели на них как на непрошенных гостей, причем штатные командиры рот (эскадронов) иногда открыто высказывали опасения, как бы заместившие их временно офицеры Генерального штаба не испортили боевую подготовку. Офицеры Генерального штаба из бывших артиллеристов, не говоря уже о бывших пехотинцах и кавалеристах, не отбывая никакого обязательного цензового срока службы в артиллерии, теряли с ней связь и отставали в своих знаниях от современных достижений тактики и техники артиллерии.

Высшее начальство русской армии, выходившее главным образом из корпорации Генерального штаба, редко снисходило до низов армии, не знало и не понимало этих низов. Генеральный штаб, а также другие высшие штабы и управления военного министерства почти не знали жизни армии, мало ею интересовались и не столько служили ей, сколько считали, что она должна служить им. С другой стороны, и они не пользовались ни авторитетом, ни доверием в строевых частях армии.

Среди строевых артиллеристов того времени нередко можно было услышать по адресу ГАУ, что оно является «главным артиллерийским затруднением». А для характеристики Генерального штаба приведем мнение о нем одного из выдающихся высших артиллерийских начальников, высказанное им в свидетельском показании верховной следственной комиссии по делу военного министра генерала Сухомлинова [1].

«Я пришел давно уже к убеждению, что отличительными чертами русского Генерального штаба являются:

1) Изумительно скудные познания в области различных военных специальностей (в особенности артиллерийской), а зачастую и в своем прямом деле.

2) До дерзости смелое и безапелляционное руководство всяким делом, хотя бы и вовсе незнакомым, с постоянным стремлением всем распоряжаться, хотя бы к этому и не было надобности.

Эти основные черты нашего Генерального штаба, составляющие издавна большое горе русской армии и, в чем я глубоко убежден, оцениваемые одинаково со мною всеми без исключения ее строевыми чинами (а иногда и лучшими представителями Генштаба), я мог бы установить, приведя какое угодно количество примеров.

---

[1] ЦГВИА, дела Верховной следственной комиссии о несвоевременном и не достаточном обеспечении армии предметами воинского снабжения.

Такими общими чертами, присущими вообще корпорации Генерального штаба, можно охарактеризовать и ту сторону деятельности генерал-адъютанта Сухомлинова, о которой я упомянул при моем словесном показании, как о составлявшей постоянные затруднения в работе ГАУ»[1].

Недочеты мирной подготовки начальствующего высшего состава и Генерального штаба царской русской армии ярко обнаружились во время русско-японской войны на полях в Маньчжурии, столь обильно политых русской кровью в интересах империализма.

Однако в 1905—1914 гг., т. е. спустя восемь лет после русско-японской войны, в старой русской армии было сделано немного в отношении артиллерийской подготовки общевойсковых начальников.

На теоретическую подготовку по тактике артиллерии было обращено некоторое более серьезное внимание в военных училищах, офицерских школах и военной академии, но подготовка эта не имела прочных устоев ввиду той неопределенности тактической мысли, какая замечалась до самого начала и отчасти даже в самом ходе войны 1914—1918 гг.

Еще с 1906 г. со стороны военного министерства, по инициативе инспекции артиллерии, признававшей вредное стремление артиллерии к обособленности, принимались меры к сближению и слиянию артиллерии с другими родами войск. Но проводимые меры осуществлялись крайне медленно и далеко не в полной мере. Среди них важнейшими мерами являлись такие (утвержденные в 1910 г.), как подчинение артиллерии начальникам дивизий и подчинение генерал-инспектору артиллерии военному министру (см. выше, ч. 1). С 1906 г. же производилось прикомандирование к учебным артиллерийским сборам на время практических стрельб офицеров Генерального штаба и старших общевойсковых начальников, но оно приносило мало пользы в смысле поднятия их подготовки в артиллерийском отношении. Полезнее было бы командировать офицеров Генерального штаба, хотя бы на годичный срок, в строевые части артиллерии для командования батареями или дивизионами или прикомандировывать их к офицерской артиллерийской школе для прохождения курса школы. В 1908—1914 гг. бывали единичные случаи как исключение прикомандирования к офицерской артиллерийской школе на период групповых стрельб с тактическим заданием офицеров Генерального штаба по их личному желанию. Что же касается общевойсковых начальников, то для повышения их подготовки в артиллерийском отношении было бы единственно полезным прикомандирование их к офицерской артиллерийской школе на период групповых стрельб, с привлечением к исполнению обязанностей на этих стрельбах начальников отрядов и командиров общевойсковых подразделений.

---

[1] Вспоминаются слова профессора академии Генштаба генерала Михневича, когда он на своей вступительной лекции предупреждал слушателей не быть впоследствии похожими на общий тип офицера Генерального штаба того времени (1890-е годы), который „знает кое-что обо всем и ничего о чем-нибудь".

По особому «Наставлению для офицерских занятий», изданному в 1909 г., ознакомление общевойсковых начальников с артиллерией производилось во время специальных артиллерийских сборов. Но ознакомление это носило довольно случайный и нередко безрезультатный характер. Обыкновенно оно производилось в течение лишь нескольких дней и в большинстве случаев сводилось к рассказу и показу технических элементов артиллерийского дела вместо основательного знакомства с тактическими свойствами современной артиллерии и ее применением в бою.

Вопрос о необходимости изменения принятого порядка ознакомления с артиллерией поднимался неоднократно. Особенно в 1912 г. настаивали на этом и на изменении «Наставления для офицерских занятий» издания 1909 г. штабы Петербургского и Киевского военных округов [1].

Киевский округ признавал необходимым для практического ознакомления с условиями боевой стрельбы и маневрирования артиллерии командировать на полигоны не только генералов, но и командиров полков, хотя бы и не из бывших в Генеральном штабе, а также командиров отдельных частей инженерных войск. Срок командирования Киевский округ желал сократить до 10—14 дней. На время производства маневрирования со стрельбой артиллерии совместно с другими родами войск Киевский округ считал полезным в помощь старшим начальникам не назначать офицеров Генерального штаба, так как они из помощников в большинстве случаев превращались в замаскированных руководителей маневра в ущерб практике командиров частей. Командование Киевского округа было в этом вопросе иного мнения, чем генерал-инспектор артиллерии, который, наоборот, признавал необходимым командирование офицеров Генерального штаба в помощь начальникам специальных артиллерийских сборов на все время этих сборов.

Большинство общевойсковых начальников мало интересовалось артиллерией даже и после 1910 г., когда полевая артиллерия (легкая и конная) была подчинена начальникам дивизий, и вовсе не следило за развитием быстро шагающей вперед артиллерийской техники.

В общем, несмотря на горький опыт русско-японской войны, в старой русской армии в период ее подготовки к новой войне сделано было далеко не все возможное и необходимое для подготовки в артиллерийском отношении старших общевойсковых начальников.

В результате общевойсковые начальники, мало знакомые со свойствами современной артиллерии и с условиями ее целесообразного боевого применения, оказались настолько не подготовленными в артиллерийском отношении к началу мировой войны, что нередко даже не отдавали себе отчета и не знали, что им делать с подчиненной им артиллерией, и часто, особенно в начале войны, в маневренный ее период, предоставляли артиллерии полную свободу действий, отделываясь при постановке ей боевых задач привычной

[1] ЦГВИА, 185—935.

в старой русской армии стереотипной фразой, общепринятой и постоянно встречающейся в приказах для боя: «Артиллерии оказывать содействие огнем».

Подобная формулировка приказов при постановке задач артиллерии была обычной и на практических стрельбах с тактическим заданием в мирное время, не исключая учебных занятий офицерской артиллерийской школы, которая, впрочем, в данном случае преследовала и учебную цель: заставить исполнителя задачи самостоятельно оценить тактическую обстановку и принять решение, по каким целям и какую вести стрельбу.

Составители «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» издания 1912 г. руководствовались необходимостью не связывать свободу действий исполнителей уставными положениями, а также имели в виду, как это видно из предисловия к Наставлению, соблюдение начал, заложенных в основу прежних уставов, и более всего уделяли особое внимание завету Петра Великого: *«не держаться Устава, яко слепой стены»*.

Отчасти вследствие указанных соображений, отчасти из-за особенностей личного характера некоторых составителей Наставления редакция его отличается кое-где расплывчатостью, подчас неясностью и даже неопределенностью выражения идей тактики артиллерии, хотя по существу и обоснованных на опыте русско-японской войны.

Начальствующий и командный состав русской артиллерии, вообще довольно слабо и неохотно разбиравшийся в тактических вопросах, недостаточно ясно и твердо усвоил мысли Наставления и Устава полевой службы 1912 г., правильные по существу. Что же касается общевойсковых начальников, то они, как уже упоминалось, вышли в 1914 г. на войну со смутным представлением о свойствах современной им артиллерии и о ее боевом использовании, причем огромному большинству их действия артиллерии в бою мыслились лишь в рамках дивизии.

Нецелесообразное, а иногда даже прямо преступное использование артиллерии в бою, не отвечающее основным ее свойствам, старшими общевойсковыми начальниками бывало нередким исключением не только в русско-японскую войну, но и во время мировой войны 1914—1918 гг.

СОВМЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИИ С ДРУГИМИ РОДАМИ ВОЙСК

Залог успеха боевых действий армии зиждется на взаимной выручке в бою, на взаимном понимании, взаимодействии и на доверии друг к другу различных родов войск. Между тем в царской русской армии наблюдалась, особенно в мирное время, рознь, а в некоторых случаях и прямая вражда между отдельными родами войск. Причиной этого крайне нежелательного явления служило главным образом различие классового (сословного) состава офицерства и неправильное воспитание военной молодежи:

По данным военно-статистического ежегодника за 1912 г. сословность офицерства русской армии выражалась в процентах:

	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров
Потомственных дворян	87,45	71,46	50,36
Потомственных почетных граждан .	7,72	10,53	14,44
Духовного звания	1,39	4,22	3,60
Купеческого звания	0,75	2,31	3,61
Крестьян и мещан	2,69	11,48	27,99

В среднем состав русского офицерства выражался в таком виде в процентах: дворян 69,76, почетных граждан 10,89, духовного звания 3,07, купеческого звания 2,23, крестьян и мещан 14,05.

Большинство офицеров старой русской армии первоначальное военное воспитание получало в закрытых военно-учебных заведениях (см. выше) — в кадетских корпусах (временно в 1870-х годах, в период реформ Александра II, реорганизованных в военные гимназии) и в привилегированном аристократическом пажеском корпусе. В кадетские корпуса до 1913 г. принимались сыновья дворян, преимущественно военных, иногда в виде исключения сыновья военных священников. Только в конце 1912 г. (приказ военного ведомства 15 ноября 1912 г. № 628) разрешено было допускать к приему в кадетские корпуса «сыновей лиц всех сословий своекоштными на остающиеся свободными вакансии по конкурсному испытанию, за исключением родившихся в иудейской вере, которые не допускались». Эта запоздалая и половинчатая мера не могла оказать никакого влияния на изменение сословного состава офицеров до начала мировой войны. Что же касается пажеского корпуса, шефом которого был сам царь, то на прием в этот корпус с зачислением в царские пажи, что считалось большой честью, имели право только сыновья генералов или внуки полных генералов от инфантерии, кавалерии и артиллерии; в виде редкого исключения принимались в пажеский корпус потомки старинных русских, польских или грузинских княжеских родов.

По окончании кадетских корпусов воспитанники обычно разбивались на три группы и расходились по разным военным училищам и потом в жизни почти не встречались, за исключением редких в мирное время маневров из всех родов оружия. Одна группа из более способных к математике уходила в специальные артиллерийские и инженерные училища; другая из более состоятельных классов уходила в кавалерийские училища; третья —

в военные пехотные училища. При пажеском корпусе имелись свои два специальных класса, в которых проходился курс военных училищ.

Каждое из военных училищ, и в особенности пажеский корпус, жило своей обособленной жизнью, по своим, по большей части довольно странно, даже нелепо сложившимся, традициям, особенно в Николаевском кавалерийском училище. При этом, вообще говоря, специальные артиллерийские и инженерные училища считали себя выше других по образованию, кавалерийские считали себя выше по роду своей службы на коне, пехотные не без зависти смотрели на остальных. Общая зависть юнкеров всех военных училищ к пажам усугублялась правом пажей, несмотря на успехи в науках, выходить по собственному желанию во все рода оружия, не исключая артиллерии и инженерных войск, и при производстве в офицеры становиться автоматически выше офицеров, произведенных из юнкеров.

Известно, что от зависти до вражды — один шаг. Некоторая отчужденность друг от друга замечалась среди юнкеров даже однородных военных училищ. Например, юнкера старейшего Михайловского артиллерийского училища считали себя выше юнкеров Константиновского такого же артиллерийского училища, но преобразованного из бывшего пехотного училища; старейшее Николаевское кавалерийское училище считало себя выше Тверского, преобразованного из юнкерского кавалерийского училища, и т. п. Из-за отчужденности училищ, отсутствия между ними органической связи проистекала рознь, даже подчас пренебрежение юнкеров, а затем и офицеров разных училищ друг к другу.

Сословное различие офицерства, казалось бы, не могло играть большой роли во взаимоотношениях офицеров, так как большая их часть — около 70% — принадлежала к дворянскому сословию. Но в действительности сословная рознь имела место среди офицерства, так как гвардия комплектовалась офицерами почти исключительно из дворян, за ней следовали кавалерия и специальные технические войска, офицерство же не из дворян служило главным образом в армейской пехоте. Наконец, в самом дворянском сословии наблюдалась нередко острая рознь между знатным титулованным или более состоятельным дворянством из крупных помещиков, служившим преимущественно в гвардии или отчасти в армейской кавалерии, и обедневшим дворянством из мелкопоместных земельных владельцев и неимущим дворянством из военных и чиновничьих семейств, служившим по большей части в армейской пехоте и в специальных войсках.

Рознь в офицерской среде и между отдельными родами войск, воспитание командного состава в страхе перед ответственностью, отчужденность от войск высших начальников и Генерального штаба — все это приводило к взаимному недоверию и неправильному пониманию долга в отношении взаимной выручки, к инертности в случаях необходимости проявления личной инициативы в боевой обстановке.

Командование старой русской армии сознавало крайне неотложную необходимость установления органической связи артиллерии с другими родами войск, их взаимного сближения и знакомства между ними, что могло быть достигнуто путем совместной подготовки артиллерии с другими родами войск. Но достижения в этой области были невелики, и в этом отношении царская армия к 1914 г., началу мировой войны, не особенно далеко ушла вперед по сравнению с тем состоянием, в каком она была в период войны с Японией в 1904—1905 гг.

После подчинения полевой артиллерии начальникам дивизий в 1910 г. неоднократно, хотя недостаточно энергично, и по инспекции артиллерии и по Арткому ГАУ возбуждались вопросы через ГУГШ о необходимости совместных занятий и стрельбы артиллерии с другими родами войск, о необходимости издания официальных инструкций, наставлений, уставов, которыми могли бы пользоваться все войсковые части, а не только артиллерия, которая специальные свои руководства, по большей части по техническим вопросам службы, имела. Но высшее военное командование реагировало на эти начинания в общем слабо и с большим опозданием.

По окончании русско-японской войны строевые начальники и командующие войсками военных округов ежегодно, до 1913 г. включительно, в своих отчетах о практической стрельбе полевой артиллерии указывали, как на недочет боевой подготовки, на непривлечение частей других родов войск к участию в групповых практических стрельбах артиллерии и со своей стороны признавали необходимым установить *как обязательное правило выполнение групповых стрельб артиллерии при участии других родов войск* [1].

Групповые стрельбы артиллерии совместно и в связи с пехотой (групповые стрельбы конной артиллерии — с конницей) имели огромное значение в смысле правильности и согласованности взаимных действий различных родов войск, а также в смысле масштаба времени боевых действий, который на групповых стрельбах одной артиллерии, без участия пехоты или кавалерии, обыкновенно отсутствовал.

Тактическая часть решения задачи на групповых стрельбах одной артиллерии, без других родов войск, являлась как бы проверкой начальника отряда, назначаемого руководителем стрельбы из своих артиллеристов (притом отряда, в действительности не существующего, а воображаемого, в составе которого имелась только одна артиллерия), в знании Устава полевой службы и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», а также в знании уставов других родов войск, но не практикой в управлении войсками в боевой обстановке. Распоряжения исполняющего обязан-

[1] ЦГВИА, 177—149 и 187—398.

ности начальника отряда из артиллеристов, хотя, быть может, и правильные теоретически, являлись фиктивными и для него самого и для всего личного состава, принимавшего участие в стрельбе и маневре частей артиллерии, мало интересными и мало поучительными. Руководитель постепенно, в ходе маневра и стрельбы, рисовал начальнику отряда боевую обстановку (не всегда соответственную и целесообразную — в зависимости от знаний тактики и общих военных способностей руководителя-артиллериста), в большинстве случаев весьма слабо иллюстрируемую мишенями (в зависимости от оборудования полигона и знания тактики начальником полигона и его помощниками), причем, в сущности, только один руководитель и переживал обрисованную им обстановку, так как для прочих участников маневра и стрельбы она была ненаглядна и почти совершенно неизвестна.

В техническом отношении при отсутствии пехоты нельзя было организовать и проверить связь артиллерии с пехотой, организовать стрельбу при помощи передовых наблюдателей, находящихся при передовых частях боевого порядка пехоты, и изучить вопрос о той пользе, какую могут оказать передовые наблюдатели для артиллерии, а в частности, и для пехоты, урегулировать и прочно обосновать некоторые вопросы артиллерийской разведки, которая в действительном бою не может работать впереди своей пехоты (на практических стрельбах разведка доходила до условной линии, которую обозначал на плане руководитель, не считаясь с возможным положением пехоты, так как ее не было), выяснить вопросы подчиненности артиллерии начальникам боевых участков пехоты, выяснить вопросы переподчинения артиллерии и многие другие.

Строевые части артиллерии и Артком РАУ возлагали надежды на офицерскую артиллерийскую школу, которая могла, по их мнению, дать указания по вопросу применения передовых наблюдателей ввиду ее большого опыта в проведении стрельб. В школе, действительно, велись стрельбы с применением передовых наблюдателей, которые заблаговременно размещались в прочных блиндажах, построенных в районе предполагаемых передовых линий своей воображаемой пехоты, связанных подземными телефонными кабелями с некоторыми наблюдательными пунктами в районе стреляющих батарей. Но в школе на стрельбах пехоты не было, никаких передвижений с пехотой передовых наблюдателей не могло быть, никаких сведений или запросов от пехоты ни к передовым наблюдателям, ни к стреляющей артиллерии поступать не могло. Передовые наблюдатели должны были только воображать действия своей несуществующей пехоты, как и действия противника. В результате роль их сводилась к обычному техническому корректированию стрельбы батарей с передового наблюдательного пункта.

Такой опыт офицерской артиллерийской школы не мог дать сколько-нибудь ценных данных для разработки правил действия артиллерии с помощью передовых наблюдателей, находящихся при пехоте.

Пехота была крайне необходима офицерской артиллерийской школе не только для указанной цели, но и для целесообразности всей ее работы по подготовке старшего командного состава артиллерии, для устранения некоторой существовавшей предвзятости и односторонности в этой подготовке, что являлось почти неизбежным при отсутствии в школе пехоты и конницы — тех главных родов войск, для боевого обслуживания которых артиллерия предназначается. Пехота не придавалась школе ни для совместных занятий, как это делалось у французов, ни для совместной стрельбы с маневрированием.

В строевых частях совместные стрельбы артиллерии с пехотой если и производились изредка, то (во избежание несчастных случаев поражения пехоты от преждевременных разрывов снарядов или при ошибочных направлениях орудийных выстрелов) по особым, даже излишне осторожным правилам и в условиях, совершенно непохожих на боевую обстановку. Это были не совместные стрельбы с маневрированием в смысле практики в согласованности и связи взаимных боевых действий пехоты с артиллерией, а одновременная практика в боевой стрельбе пехоты и артиллерии, причем каждая вела свою стрельбу сама по себе, почти независимо от другой, хотя и рядом друг с другом. Поучительность таких стрельб была весьма сомнительной.

Совместные стрельбы артиллерии с другими войсками производились сравнительно чаще в отдаленных военных округах — на Дальнем Востоке и в Туркестане — и в некоторых пограничных военных округах. Только к 1912 г., и то лишь в одном Варшавском военном округе[1], привлечение пехоты к маневрированию и совместным стрельбам с артиллерией получило довольно широкое распространение, и в общем в этом отношении был достигнут довольно значительный успех.

Отсутствием официальных утвержденных правил производства практической стрельбы артиллерии с маневрированием в составе других родов войск возможно объяснить несчастные случаи во время таких стрельб, имевшие место в годы, предшествовавшие войне. Так, например, в приказе по военному ведомству 15 апреля 1912 г. было объявлено, что во время производства одной батареей боевой стрельбы с маневрированием имел место случай попадания артиллерийских снарядов в находившуюся впереди пехоту, последствием чего явилось поражение 42 человек. Причины — неточная передача и выполнение приказания руководителя маневра и отсутствие надлежащей связи между пехотой и артиллерией, а также между стреляющей батареей и ее командиром. Приказом обращалось внимание на то, чтобы при производстве маневров с боевой стрельбой начальствующие лица строго следили за тем, чтобы перед началом стрельбы была установлена надежная связь маневрирующих частей как с начальником отряда, так и между собой.

---

[1] ЦГВИА, 177—149, „Журнал Артиллерийского комитета", 1913 г., № 464.

С 1910—1911 гг., в особенности после издания «Пособия по стрельбе полевой артиллерии», в русской армии стал замечаться некоторый сдвиг в смысле проявления большего интереса к артиллерии со стороны старших общевойсковых начальников. Нужно, однако, иметь при этом в виду, что они находились в довольно затруднительном положении, став перед вопросом, чем же руководствоваться при подготовке артиллерии, так как, кроме «Пособия», изданного частным порядком, они долгое время не имели никаких официальных наставлений, уставов и положений, определяющих основы подготовки и их отношение к подчиненной им артиллерии.

Наконец, в 1913 г., с изданием официального «Наставления для подготовки полевой артиллерии к стрельбе», в котором имелись определенные указания, по каким правилам обязаны проверять боевую подготовку артиллерии общевойсковые начальники, эти последние должны были вплотную подойти к руководству в тактическом и строевом отношениях подчиненной им артиллерией и вместе с тем ближе познакомиться со свойствами и особенностями ее службы.

В «Наставлении для подготовки полевой артиллерии к стрельбе» имелись, между прочим, правила производства практической стрельбы артиллерии с маневрированием в составе других родов войск.

Правила эти сводились к следующему:

1. Тактическое задание для стрельбы с маневрированием всех родов войск должно состоять из несложного и короткого предположения наступательного или встречного боя.

2. Стрельбы с маневрированием предпочтительно производить на незнакомой местности.

3. Старший начальник (руководитель) маневра со своими помощниками и начальником полигона производит заблаговременно подробный осмотр отводимого для маневра и стрельбы участка, составляет предположение для маневра и указывает такой порядок установки различных мишеней, чтобы маневрирование имело наибольшую поучительность.

4. Участвующий в маневре отряд выводится по возможности в составе военного времени. К участию в маневре привлекается личный состав полевых артиллерийских парков — для работы по их специальности (по доставке боевых припасов).

5. Тактическое задание сообщается начальнику отряда настолько заблаговременно, чтобы успеть сделать все необходимые распоряжения, какие он сделал бы при действительной боевой обстановке.

6. С момента получения задания начальник отряда ведет маневрирование самостоятельно, сообразно с исходными данными и дальнейшими сведениями о действиях противника, даваемыми начальнику отряда старшим руководителем, а также донесениями разведчиков, наблюдателей и подчиненных младших начальников.

7. Ход маневра следует вести возможно ближе к обстановке действительного боя.

8. Весьма полезно стрельбы с маневрированием всех родов войск производить во время двухсторонних маневров, после столкновения противных сторон. При этом войска одной стороны заменяются мишенями, после чего продолжается маневр с боевыми выстрелами.

9. Движение и работа войск под траекториями артиллерийских снарядов — дело обыкновенное и необходимое. Во избежание же несчастных случаев войсковым частям и отдельным людям воспрещается находиться: а) *в направлении стрельбы* — под траекториями артиллерийского огня на дальностях меньших 1 700 м; при дальностях свыше 1 700 м на ровной и открытой местности — впереди орудий и перед местами падения (разрывов) снарядов ближе 600—700 м; б) *в направлении, перпендикулярном к направлению стрельбы,* при шрапнельном огне — на всех дальностях (на открытой местности) ближе 300 м (а для гаубиц — 700 м) от направления крайних выстрелов; в) в тылу мишеней (вне закрытия) во время всякой стрельбы.

10. Перед атакой передовыми частями должны выбрасываться опознавательные флаги или другие сигналы.

11. Артиллерия должна внимательно и непрерывно следить за действиями своих войск и немедленно прекращать или переносить огонь по более дальним целям в случаях опасного положения впереди находящихся войск.

12. Во избежание путаницы и несчастных случаев необходимо: ясное и твердое усвоение всеми помощниками старшего руководителя сущности задачи и желаемого развития хода маневра; установление надежной и быстрой связи между руководителем, его помощниками и начальниками участвующих в маневре частей; непременная проверка командирами изменяемых установок прицелов, угломеров, трубок и пр.

13. Старший руководитель по окончании маневра, получив общий доклад начальника отряда о стрельбе и выслушав доклады прочих ответственных исполнителей, делает разбор маневра на основании доложенных сведений и личных наблюдений.

«Наставление для подготовки полевой артиллерии к стрельбе», изданное в 1913 г., было разослано в артиллерийские части за несколько месяцев до начала войны, а общевойсковым начальникам, вероятно, вовсе не было выслано.

При таких условиях, а также ввиду незначительности времени, остававшегося до начала войны, нельзя было достигнуть сколько-нибудь заметных положительных результатов в отношении совместной подготовки артиллерии с другими родами войск.

«Наставление для подготовки полевой артиллерии к стрельбе» было издано ГУГШ лишь после того, как Артком ГАУ, по указанию генинспарта, настоятельно просил ГУГШ обратить внимание на безусловную необходимость более широкого применения двух-

сторонних маневров с холостыми патронами, при участии всех родов войск.

Отсутствие на групповых артиллерийских стрельбах других войск, в особенности пехоты, неблагоприятно отражалось на тактической и даже технической стороне боевой подготовки артиллерии.

Некоторые командующие войсками военных округов со своей стороны указывали в своих отчетах, представляемых военному министру и царю, на многие отрицательные стороны подготовки армии в артиллерийском отношении.

Так, например, в отчете за последний перед войной 1913 год командующего войсками Варшавского военного округа, в котором боевая подготовка войск стояла вообще выше, чем в других округах, приведены следующие замечания [1]:

1. При совместной боевой стрельбе дивизиона 2-й артиллерийской бригады с пехотой отмечались: неопределенность тактического задания, ход маневра необоснованный, действия маневрирующего отряда являются как бы решенными заблаговременно. В действиях пехоты и артиллерии нет связи для достижения общей цели: каждая производит свою стрельбу самостоятельно, и пехота не могла познать, какого же огневого действия она может ожидать от артиллерии. Батареи заняли позицию в одну линию рядом и могли стрелять строго перед собой или только рассеивать огонь, а не сосредоточивать или охватывать своим огнем части противника [2]; батареи не могли ни подготовить атаку, ни защитить свою пехоту, ни вообще маневрировать своим огнем. Словом, артиллерия не могла бы принять действительного участия в бою. Маневр был проведен без ясно выраженного руководства и по результатам не мог быть поучителен как в тактическом, так и в техническом отношении.

2. В 6-м армейском корпусе при маневрировании артиллерии с другими родами войск замечается *отсутствие личной инициативы* в ожидании обязательных указаний со стороны начальников отрядов. В тактических занятиях офицеров артиллерии в большинстве случаев нет надлежащего опыта и необходимой постановки.

3. В 6-й пехотной дивизии в наступательном бою связь артиллерии с начальником отряда, а следовательно, и управление огнем хромают, так как *на полигонах артиллерии негде научиться держать связь с начальником, находящимся в движении, а на кратковременных подвижных сборах приходится главное внимание уделять пехоте*. Артиллеристы неохотно занимают открытые позиции и применять их на практике почти утеряли способность.

---

[1] ЦГВИА, 187—398.

[2] В офицерской артиллерийской школе проводилось рассредоточенное, преимущественно уступчое, расположение батареи на позиции: для сосредоточения огня влево уступы слева, и наоборот.

4. В 6-й кавалерийской дивизии отсутствие кавалерийских частей при движении, маневрировании и занятии позиций на боевых стрельбах конной артиллерии не дает должной боевой картины, а масштабы времени и пространства являются до крайности условными; вся тактическая часть является не практикой в обучении управлению войсками в бою, а как бы проверкой на словах знания артиллерийскими начальниками Устава полевой службы и знакомства их с уставами других родов войск.

Что же касается специальной подготовки артиллерии по стрельбе, то по этому поводу в приказе командующего войсками Варшавского военного округа от 3 (16) августа 1913 г. за № 193 говорилось: «Вся стрельба велась умело, живо и уверенно, с отличными результатами»[1].

В приказе командующего войсками Приамурского военного округа от 15 (28) декабря 1913 г. за № 814 говорилось[2]:

«Правильной системы в обучении и подготовке артиллерии не видно, руководство старших начальников (командиров корпусов, начальников дивизий, инспекторов артиллерии, командиров артиллерийских бригад) в большинстве случаев отсутствует. Инспекторы артиллерии корпусов, увлекаясь строевой подготовкой (за что ответственны начальники дивизий), допускали пробелы и недочеты в специальной артиллерийской и технической подготовке»

Артиллерия Приамурского округа, как говорилось в приказе, «не дает уверенности в том, что она может нанести своим огнем действительное поражение противнику при различных условиях обстановки».

В устранение указанных недочетов командующий войсками Приамурского округа, между прочим, приказал: 1) вести занятия строго согласно уставам, наставлениям, инструкциям; 2) стрельбы вести, как это требовалось «Наставлением для подготовки полевой артиллерии к стрельбе», при обстановке, близкой к действительному бою, чтобы каждой стрельбе предшествовал маневр; на стрельбах требовать не только технического, но также главным образом и тактического исполнения, учитывая цель, обстановку, положение своей пехоты, что *почти всегда упускается из виду артиллерией;* 3) стрельбы на поражение сообразовывать с тактическим положением своей пехоты и с данной артиллерии задачей, допуская ударный и шрапнельный огонь на предельные дистанции, но для батарей сопровождения пехоты шрапнельный огонь на дистанции 2 130—640 м (1 000—300 саж.) и ближе и в большинстве случаев с позиций открытых или полузакрытых, с минимумом времени для пристрелки.

Из отчета по Иркутскому военному округу можно привести следующие замечания[3]:

---

[1] ЦГВИА, 187—398.
[2] Там же.
[3] Там же.

Стрельба артиллерии в общем хороша.

В тактическом отношении на произведенной стрельбе с маневрированием замечено много недочетов, как то: боевой участок, указанный для артиллерии начальником отряда, крайне стеснял действия артиллерии, но начальник артиллерии о неудобствах указанного ему участка не доложил старшему начальнику; связь начальника отряда со своей артиллерией отсутствовала, за все время боя начальник отряда не дал своевременно ни одной задачи артиллерии; артиллерийские начальники выезжали на рекогносцировку далеко вперед, не имея прикрытия и не считаясь с расположением своей пехоты, и т. д.

Мысль о необходимости совместного маневрирования и стрельбы артиллерии с другими родами войск недостаточно настойчиво осуществлялась в царской русской армии.

Совместная подготовка артиллерии с другими войсками, во многом зависящая от подготовки в артиллерийском отношении общевойсковых начальников, признавалась незадолго до начала войны совершенно неудовлетворительной. Неоднократно обращалось на это внимание и со стороны инспекции артиллерии и со стороны некоторых войсковых начальников, но высшее командование продолжало оставаться равнодушным к этому важному вопросу боевой подготовки армии и никаких существенных мер со своей стороны не принимало.

Артком ГАУ, по распоряжению генерал-инспектора артиллерии, неоднократно просил ГУГШ ускорить издание официальной инструкции для маневрирования с боевой стрельбой отрядов из всех родов оружия[1]. Лишь в конце марта 1914 г. было утверждено вновь составленное «Наставление для занятий войск во время общего и подвижного сборов», т. е. настолько поздно, что им вовсе не пришлось руководствоваться войскам, так как вместо летних сборов началась война.

Этим наставлением предусматривались: а) показные учения для взаимного ознакомления разных родов войск; б) односторонние и двухсторонние тактические занятия (маневры) подразделений полка, бригады и дивизии с придачей артиллерии; в) односторонние тактические занятия с боевой стрельбой; г) двухсторонние маневры крупными частями войск из всех родов оружия с придачей всякого рода вспомогательных технических средств. Но и в этом наставлении, оставшемся, впрочем, только на бумаге, не предусматривалось командирование частей пехоты и конницы на все артиллерийские сборы для участия в групповых стрельбах с тактическим заданием, на чем в течение нескольких лет многие войсковые начальники, в особенности артиллеристы, тщетно настаивали, и в первую очередь усиленно настаивал генерал-инспектор артиллерии.

---

[1] ЦГВИА, 177—149.

В общем, в старой русской армии, несмотря на тяжелый опыт русско-японской войны, почти ничего не было предпринято для крайне необходимого установления прочной органической связи артиллерии с другими родами войск и для взаимного их понимания.

Общность интересов в совместной службе артиллерии с другими войсками, обеспечивающая их взаимодействие в бою, была мало заметна до самого начала первой мировой войны.

Непрочность связи и взаимной поддержки, непрочность взаимодействия артиллерии с другими родами войск давала себя чувствовать в ходе войны, особенно в первый, маневренный ее период, хотя не так сильно, как это случалось в русско-японскую войну.

ГЛАВА III

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1914—1917 гг.

ПОДГОТОВКА ЛИЧНОГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИИ

К началу мировой войны 1914—1918 гг. личный состав русской артиллерии оказался отлично подготовленным в техническом отношении к ведению стрельбы, за редким исключением — среди некоторых старших артиллерийских начальников, по большей части престарелых, случайно остававшихся в рядах строевых частей артиллерии (многие из них были в начале войны отчислены в тыловые учреждения или уволены в отставку), а также среди офицеров, призванных по мобилизации из запаса. Подготовка же в тактическом отношении командного состава артиллерии, в особенности старших артиллерийских начальников, оказалась вообще довольно слабой; отчасти в результате этого проявление в необходимых случаях целесообразной личной инициативы не было обычным явлением среди русских артиллеристов во время войны. Что же касается подготовки пополнений офицеров и солдат артиллерии во время войны, то она в общем была неудовлетворительной.

Подготовка пополнений личного состава артиллерии производилась главным образом в глубоком тылу при запасных частях и отчасти в тыловых районах театра военных действий.

Согласно Положению от 5 (18) января 1916 г.[1], наблюдение «за подготовкой на театре военных действий личного состава артиллерийских пополнений» возлагалось на полевого генерал-инспектора артиллерии. Он же должен был наблюдать и проверять боевую подготовку личного состава артиллерийских пополнений в запасных частях, находящихся вне театра военных действий, в ведении военного министерства, так как за ним сохранялись во время войны его обязанности, установленные приказом по военному ведомству 1910 г. за № 664.

Но со стороны полевого генинспарта не было обращено в период войны должного внимания на подготовку артиллерийских пополнений как на фронте, так и особенно в глубоком тылу. Во время войны он не инспектировал запасные артиллерийские части, в которых производилась подготовка пополнений, а командируе-

[1] ЦГВИА, приказ верховного главнокомандующего, 1916 г., № 21

мые им лица изредка заглядывали в запасные части, но лишь попутно, при исполнении какого-либо другого основного поручения, причем доклады их о состоянии запасных частей артиллерии оставались почти без внимания.

В этом отношении в пехоте действующих армий дело было поставлено лучше. Состоявший для поручений при начальнике штаба главковерха генерал Искрицкий неоднократно, начиная с осени 1915 г., командировался для осмотра частей пехоты в отношении пополнений офицерским составом и солдатами, конским составом, предметами вооружения, обмундирования и снаряжения, обозом, инженерным имуществом, средствами связи, а также в отношении боевой подготовки, санитарной части и пр. На доклады Искрицкого о результатах его командировки наштаверх генерал Алексеев обращал достаточное внимание, и по его приказанию по этим докладам делались соответствующие распоряжения[1].

Запасные артиллерийские части были предоставлены, в сущности, сами себе, так как начальники окружных артиллерийских управлений, которым они подчинялись, были перегружены работой по артиллерийскому снабжению, считали эту работу более ответственной и относились к постановке дела в запасной артиллерии в общем поверхностно.

Определенного плана боевой подготовки артиллерийских пополнений, которым должны были бы руководствоваться все запасные артиллерийские части, не существовало. Подготовка производилась разно и, в зависимости от сложившихся условий, где лучше, где хуже.

Артиллерия действующих армий получала пополнения в большинстве случаев недостаточно хорошо подготовленными и должна была завершать подготовку, а иногда почти полностью сама подготавливать пришедшие пополнения в боевых условиях.

Неудовлетворительность подготовки пополнений нельзя было ставить в вину запасным артиллерийским частям, которые были поставлены в столь неблагоприятные условия, что большего и невозможно было достигнуть.

Военное министерство (Главный штаб), распределяя призванных по мобилизации из запаса людей, не особенно считалось со специальностью призываемых на прежней их службе в кадровом составе.

В начале войны много бывших артиллеристов, призванных из запаса, не исключая фейерверкеров, бомбардиров-наводчиков, телефонистов, ездовых и других специалистов, которые были бы очень нужны для формируемых артиллерийских частей, попало в пехоту и было потеряно для артиллерии. Призываемых по мобилизации бывших артиллеристов приходилось направлять в пехоту главным образом вследствие переполнения призываемыми артиллерийских запасных частей. С 1915 г., с увеличением числа запасных батарей с 35 до 54, положение несколько улучшилось, но с 1915 г.

[1] ЦГВИА, 80—253, л. 151 и др.

в запасные батареи поступали солдаты не из запаса, к тому времени уже значительно несякшего, которым нужно было только напомнить обязанности службы, а в большинстве случаев новобранцы, требовавшие обучения всему вновь. Между тем командный состав запасных артиллерийских частей состоял преимущественно из артиллерийских офицеров, признанных по состоянию здоровья негодными для строевой службы, или назначенных из отставки в ополченские части стариков, т. е. из таких офицеров, для которых служба в строю была уже тяжела и особенно в тех неблагоприятных условиях, в каких в значительной степени оставались артиллерийские запасные части и после 1915 г.

Все это приводило к тому, что пополнения, отправляемые из запасных батарей в действующую армию, оказывались слабо подготовленными к боевым действиям. В особенности слабой была подготовка пополнений для полевой легкой гаубичной и для тяжелой (всех калибров) артиллерии, так как для первой и по организации 1915 г. оставалось прежнее недостаточное число запасных батарей — лишь 5, тогда как к концу войны в армии состояло 223 действующие полевые гаубичные батареи (см. т. I, ч. 1), а для тяжелой артиллерии вовсе не имелось своего специального запаса, пока не были сформированы: в конце 1915 г. — 1-й запасный тяжелый артиллерийский полк из остатков крепостной артиллерии и весной 1916 г. — 2-й запасной тяжелый артиллерийский полк. Что же касается пополнений для конной артиллерии, то подготовка этих пополнений также была слабой вследствие ограниченного числа запасных конных батарей — всего 3 запасные на 126 действующих конных батарей.

Уровень боевой подготовки офицерского состава артиллерии, стоявший к началу войны довольно высоко, особенно в отношении искусства стрельбы, значительно понизился в период войны.

Некомплект офицеров в артиллерии стал особенно остро чувствоваться с 1916 г. в связи с многочисленными формированиями артиллерийских частей, потребовавшими много офицеров. Острее всего давал себя знать в артиллерии недостаток офицеров для замещения должностей командиров батарей и выше.

Между тем существовавшая в мирное время организация подготовки офицерского состава артиллерии была нарушена с началом войны. Из артиллерийских и других военных училищ, служивших для подготовки младших офицеров, стали производить во время войны ускоренные выпуски офицеров, прошедших сокращенный, в несколько месяцев, курс теории и практики военного дела, т. е. недостаточно подготовленных к исполнению своих обязанностей. К тому же оставляло желать лучшего и качество преподавательского состава училищ, набираемого нередко из случайных, оказавшихся свободными в тылу офицеров, по большей части признанных по состоянию здоровья негодными для службы в строю, или из офицеров, служивших в тыловых военных учреждениях; большинство же постоянных штатных преподавателей было откомандировано из военных училищ в действующую армию

В результате прибывавшие в артиллерию на пополнение некомплекта офицеры ускоренных выпусков из военных училищ оказывались подготовленными гораздо слабее офицеров, закончивших полный курс тех же училищ. Что же касается прапорщиков, произведенных в мирное время при окончании обязательного срока службы в армии из вольноопределяющихся с средним или высшим образованием и призванных в артиллерию по мобилизации из запаса, то их подготовка была еще много слабее подготовки офицеров ускоренных выпусков из военных училищ. Между тем во время войны прапорщики запаса составляли значительный процент среди младших офицеров артиллерии. Офицеры других родов войск, которых приходилось переводить в артиллерию на пополнение некомплекта, совершенно не имели специальной артиллерийской подготовки и знакомились с артиллерийской службой путем боевой практики.

Подготовка в офицерской артиллерийской школе офицеров для замещения должностей командиров батарей и артиллерийских дивизионов была на время войны прекращена. В результате этой ошибки недостаток подготовленных кандидатов для замещения должностей командиров батарей и дивизионов стал чувствоваться со второго года войны и чрезвычайно остро с 1916 г.

С самого начала войны приостановлены были учебные занятия и в Артиллерийской академии; все слушатели академии, не исключая слушателей старшего, последнего курса, которым до окончания академии оставалось несколько месяцев, были откомандированы в свои части в действующую армию. Но ввиду того что война приняла затяжной характер, а для работы в военной промышленности нехватало артиллерийских инженеров-технологов, учебные занятия в Артиллерийской академии были возобновлены, начиная с первого курса, который был укомплектован в большинстве прапорщиками запаса из студентов высших технических учебных заведений. Что же касается слушателей офицеров, откомандированных из академии в свои части в начале войны, то в 1917 г. решено было возвратить их в академию для окончания курса, но возвратились из них лишь некоторые, остальные были потеряны для академии.

Прибывавшие в войсковые артиллерийские части действующей армии офицеры пополнения доучивались в условиях боевой обстановки, что было вообще крайне трудно и нередко даже невозможно.

Пополнения солдат, прибывавшие в артиллерию действующей армии, доучивались в батареях и дивизионах сравнительно легко.

Во все время войны степень боевой подготовки русской артиллерии, несмотря на приобретаемый боевой опыт, вообще понижалась, неизменно оставаясь, однако, сравнительно гораздо выше подготовки других родов войск и в особенности пехоты.

В действующей армии попытки поднять боевую подготовку войск, в особенности командного состава, начались в начале войны, уже с осени 1914 г. Так, например, приказом 1-й армии 17 октября 1914 г. предлагалось:

«Использовать свободное время на строевое и тактическое обучение войск, имеющих в своих рядах большой процент запасных. Это особенно важно для второочередных.

Офицеров артиллерии для тактических занятий распределять по соответствующим полкам пехоты и конницы, обратив особое внимание на взаимодействие всех родов войск...

Боевой опыт обнаружил слабую дисциплину в строю, малую сплоченность и слабую тактическую подготовку частей — с недостатком у солдат сведений по стрелковому делу (пехота часто стреляет через головы неприятеля)».

Приказом главнокомандующего Северо-Западным фронтом от 19 того же октября подтверждалась необходимость ориентировать подчиненных в обстановке и ставить им ясные, определенные задачи. «Батальонные и ротные командиры, не говоря уже о нижних чинах, идут в бой совершенно вслепую»,— говорилось в приказе [1].

В приказе войскам 4-й армии от 18 апреля 1915 г. указывалось в отношении боевой подготовки следующее:

«Война есть экзамен уже сделанному, переучивать поздно, а потому надлежит требовать точного проведения в жизнь действующих уставов и из них особенно полевого.

Не подлежит сомнению, что кадровые и боевые офицеры не нуждаются ни в каких указаниях, но вновь прибывающие офицеры ускоренных выпусков нуждаются в первое время в тщательном руководстве. С ними необходимо проходить под руководством старших офицеров практически все, что относится к прямым их обязанностям по всем отделам полевой службы.

Богатый опыт, приобретенный старшими офицерами, должен быть использован для подготовки младших, причем не следует увлекаться мелочами и ограничиваться только безусловно необходимым и существенным».

В маневренный период войны, в 1914—1915 гг., пока кадровый состав артиллерии еще достаточно сохранялся и не был значительно ослаблен боевыми потерями и многочисленными новыми формированиями артиллерийских частей, на фронте действующей армии не проявлялось никаких существенных попыток к поднятию боевой подготовки артиллерии. Только в периоды боевого затишья в артиллерийских частях, отводимых в тыл на отдых, производились иногда строевые занятия при орудиях, верховая езда и пр., как это делалось и в мирное время, причем главной целью этих занятий было повышение подготовки пополнений, приходивших из запасных артиллерийских частей.

В позиционный период войны, с 1916 г., когда при штабе верховного главнокомандующего была создана должность полевого генерал-инспектора артиллерии, было обращено внимание на необходимость переподготовки артиллерии в соответствии с условиями борьбы за укрепленные полосы и с вновь появившимися во время

[1] ЦГВИА, 812, лл. 170, 175.

войны средствами артиллерийской, воздушной и химической борьбы (последняя была отнесена в то время к артиллерийским средствам — см. т. I, ч. 2).

В 1916—1917 гг. Управлением полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем (Упарт) были разработаны и изданы соответствующие наставления, указания и руководства, служившие пособием для переподготовки артиллерии. Кроме того, в те же годы распоряжением Ставки главковерха, по представлениям Упарта, были созданы разные специальные курсы и школы для переподготовки артиллерии.

Непосредственное руководство и наблюдение за переподготовкой возлагалось на соответствующих строевых начальников. Высшее руководство и проверка переподготовки артиллерии на местах в сущности отсутствовали во время войны. Выше говорилось, что согласно «Положению о полевом генерал-инспекторе артиллерии» на него возлагалось наблюдение за боевой подготовкой артиллерийских частей, личного состава артиллерийских пополнений и вновь сформированных артиллерийских частей, и он был обязан производить лично или через состоящих при нем для поручений начальника и чинов Упарта осмотр и проверку артиллерийских частей. Но Ставка главковерха, в лице полевого генинспарта, ограничивалась по большей части письменными указаниями по вопросам подготовки артиллерии. Иногда только командировались от Упарта специалисты для инструктажа в той или иной области артиллерийской техники, по большей части в области вновь организуемой химической борьбы. Лично сам полевой генерал-инспектор артиллерии с некоторыми сотрудниками или начальником Упарта или по его назначению особые комиссии выезжали на фронт в течение 1916—1917 гг. не более 10 раз, по большей части для расследования в артиллерийском отношении причин той или иной крупной боевой неудачи, причем о результатах расследования с заключением полевого генинспарта, а нередко и с заключением начальника штаба главковерха сообщалось высшему командованию на фронтах действующей армии.

По распоряжению полевого генинспарта сотрудниками Упарта или специально образованными комиссиями с представителями от штаба главковерха и от инспекции артиллерии на фронтах действующей армии были составлены, как выше упоминалось, и объявлены для руководства войскам: «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», ч. II и III (действия артиллерии при прорыве и обороне укрепленной полосы), являвшееся основным боевым руководством, «Наставление для стрельбы артиллерии при помощи летчиков-наблюдателей», «Инструкция для передачи наблюдения с самолетов», «Инструкция для применения сигналов цветными звездками», много разных инструкций и наставлений по химической борьбе и пр.

В строевых частях артиллерии получаемые из Ставки главковерха наставления, руководства и указания прорабатывались среди офицеров под контролем командиров артиллерийских бригад и ди-

визионов. Офицеры под непосредственным руководством своих командиров батарей ознакамливали с новыми наставлениями и руководствами подчиненных им солдат, главным образом фейерверкеров (низший командный состав в артиллерии), поскольку это было для них необходимо. Постепенно приобретенный боевой опыт, как зафиксированный указанными новыми наставлениями и руководствами, так и не зафиксированный, усваивался практическим путем. Что же касается уставов, наставлений и разных правил и инструкций довоенного времени, то они проводились в жизнь на боевой практике как общеизвестные, и если с ними теоретически и ознакамливались во время войны, то лишь прибывающие вновь в части артиллерии пополнения солдат и офицеров, причем это делалось обычно в периоды боевого затишья на фронте или в случаях нахождения той или иной артиллерийской части в тылу на отдыхе или по другим причинам.

Сколько-нибудь планомерных занятий по обучению артиллерии по определенным программам, составленным для отдельных отраслей артиллерийской службы, в сущности, не проводилось во все время войны, по крайней мере, в строевых частях артиллерии, находившихся на фронте. Артиллеристы, как и прочие военные того времени с Генеральным штабом во главе, были убеждены в том, что война будет кратковременной, что во время войны не только не потребуется переучивать войска, но не нужно будет освежать в памяти и повторять с ними что-либо из того, чему они были обучены в мирное время. Артиллеристы считали, как это говорилось в приведенном выше приказе командующего 4-й армией, что война является экзаменом уже выученного в мирное время и что во время войны «переучивать поздно».

В маневренный период войны, когда части артиллерии действующей армии постоянно находились в состоянии похода или в боях, нельзя было и думать о каких-нибудь регулярных занятиях по их обучению, по укреплению или поднятию боевой подготовки артиллерии; к тому же в этом в первое время войны артиллерия и не нуждалась, так как вышла на войну достаточно хорошо подготовленной. В маневренный период войны приходилось вести занятия только по обучению пополнений, приходивших из запасных артиллерийских частей недостаточно подготовленными, и при этом только, как об этом упоминалось, в частях артиллерии, отводимых на отдых в тыл армий.

В позиционный период войны продолжительное стояние на одном и том же месте и выпадавшие иногда случаи долгого боевого затишья позволяли периодически вести занятия в артиллерии по всем отраслям строевого обучения — при орудиях, верховой езде и пр.,— по повышению подготовки офицеров в отношении стрельбы, тактики в позиционных условиях борьбы и т. д. В артиллерии, расположенной на боевых позициях, занятия эти носили случайный характер и производились по большей части по инициативе отдельных лиц командного состава, разнообразно, где лучше, где хуже, и обычно без указаний и руководства старших

начальников. В артиллерии же, находившейся в тыловых районах фронта и в частях артиллерии, формировавшихся в глубоком тылу, занятия проводились систематически по определенным программам, более интенсивно, чем в мирное время, и под наблюдением, а иногда и под непосредственным руководством старших артиллерийских начальников (например, под руководством командира 2-го запасного тяжелого артиллерийского полка, при котором формировались тяжелые батареи, вооружаемые орудиями новейших образцов, получаемыми главным образом из Франции и Англии).

Не говоря уже о безусловной необходимости обучения артиллерийских пополнений в запасных артиллерийских частях и личного состава вновь формируемых частей артиллерии, строевые и прочие учебные занятия необходимы были и во всех остальных артиллерийских частях, в том числе находившихся на боевых позициях, для поддержания на известном уровне как боевой подготовки, так и дисциплины, расшатывавшейся прежде всего от безделья и скуки в условиях так называемого «позиционного сиденья». В частности, верховая езда и проездки лошадей в частях полевой артиллерии были необходимы для сбережения конского состава.

Необходимость ведения регулярных учебных занятий во всех строевых частях артиллерии учитывалась артиллерийским командованием, но осуществить такие занятия в условиях боевой обстановки на позициях было крайне трудно, а нередко и невозможно; поэтому в батареях на фронте занятия велись лишь по мере возможности, в зависимости от энергии и проявления личной инициативы ближайших командиров, иногда даже младших офицеров батарей.

Систематическое обучение удалось организовать только в тыловых формируемых артиллерийских частях, в особенности в частях тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН), на боевую подготовку которых было обращено самое серьезное внимание. Даже в 1917 г., после Февральской революции, в частях ТАОН велись занятия регулярно по установленным программам — и с офицерами, и с разными командами солдат-специалистов (разведчиков, наблюдателей, связистов, телефонистов, наводчиков, орудийных фейерверкеров и т. д.), и с полным составом батарей и дивизионов, которому давалась практика в маневрировании и стрельбе. Хорошая боевая подготовка частей ТАОН вполне оправдала себя отличными боевыми действиями ТАОН в период июльских операций 1917 г. на Юго-Западном и на Западном фронтах (см. ч. VII).

Согласно приказу Ставки главковерха[1], последовавшему по представлению Упарта, была сформирована в мае 1917 г. при управлении начальника ТАОН для подготовки личного состава полевая артиллерийская школа, имевшая назначением: а) подготовку командиров дивизионов и батарей, практическое изучение способов устройства позиций, наблюдательных пунктов, снарядохранилищ

[1] ЦГВИА, приказ Ставки 13 мая 1917 г., № 277.

и пр., ознакомление с новейшими приемами борьбы, взятыми из опыта войны, и выработку общего взгляда на методы ведения боя артиллерией за укрепленные позиции и в условиях полевой маневренной войны; б) производство опытов, составление таблиц и правил стрельбы из орудий новейших образцов; в) подготовку артиллерийских наблюдателей с самолетов, обучение их разведке целей, правильной передаче наблюдений при стрельбе по целям, встречающимся в боевой обстановке, корректированию огня своих орудий, фотографированию неприятельских позиций, чтению полученных снимков, развертыванию их в планы и стрельбе с самолетов из пулемета; г) подготовку артиллерийских наблюдателей с аэростатов в отношении корректирования огня и наблюдения за полем; д) подготовку офицеров к управлению работой приемных радиостанций во время корректирования стрельбы; е) подготовку специалистов связи.

К школе ТАОН было придано: 2 артиллерийских авиационных отделения с 4 приемными радиостанциями, 1 воздухоплавательный отряд, 4 пушки 152-мм в 120 пудов, 8 пушек 76-мм обр. 1902 г., 4 горные 76-мм пушки обр. 1909 г. и 2 гаубицы 122-мм; кроме того, прикомандировывались части тяжелой артиллерии.

Продолжительность курса школы для командиров дивизионов и батарей — 4 недели, для наблюдателей — около 6 недель.

Таким образом, полевая офицерская артиллерийская школа при ТАОН должна была обслуживать не только ТАОН, но и прочую полевую и тяжелую артиллерию и по своему назначению могла до некоторой степени быть заместительницей офицерской артиллерийской школы мирного времени. Впрочем, курс школы ТАОН пришлось значительно сократить, ограничив его главным образом практической подготовкой в области новых условий, выдвинутых позиционной войной.

Так или иначе, создание школы ТАОН вызывалось действительной необходимостью повышения боевой полготовки комсостава артиллерии. Деятельность офицерской артиллерийской школы была прекращена в расчете на кратковременность войны, но раз война приняла затяжной характер, необходимо было работу названной школы восстановить и периодически проводить в ней хотя бы сокращенную подготовку командного состава, в особенности вновь назначаемого в ряды артиллерии действующей армии. Надо полагать, что при существовании офицерской артиллерийской школы во время войны подготовка артиллерии в отношении искусства стрельбы не понизилась бы настолько, как это давало себя знать уже со второго года войны.

Школа ТАОН была организована несколько раньше официального ее оформления приказом Ставки, но все же существование этой школы было так кратковременно, что она не успела развернуть в полной мере своей работы и в общем принесла сравнительно немного пользы, что можно объяснить также и не совсем удачным подбором ближайших руководителей школы.

В сентябре 1917 г. при офицерской школе ТАОН были сформированы: 1) авиационно-артиллерийское отделение в составе 6 самолетов, которое назначалось для производства полетов, связанных с выполнением задач школы ТАОН по корректированию стрельбы и подготовке наблюдателей; 2) авиационно-радиотелеграфное отделение — для обучения офицеров переменного состава школы радиотелеграфному делу и практическому его применению на самолетах для корректирования стрельбы.

В начале ноября того же (1917) года приказом Ставки продолжительность прохождения курса школы ТАОН была значительно увеличена — с 4—6 недель до 2 месяцев для всех слушателей переменного состава — командиров батарей и дивизионов и для наблюдателей [1].

Для подготовки фейерверкеров и специальных команд — разведчиков, телефонистов и других специалистов из солдат — начальнику ТАОН предложено было в августе 1917 г. образовать при артиллерийских бригадах, вошедших в состав ТАОН, учебные команды [2].

Приказом начальника штаба главковерха 24 ноября 1917 г. полевая офицерская артиллерийская школа ТАОН была расформирована [3].

В целях обеспечения искусства стрельбы по воздушному флоту при помощи воздушного наблюдения были сформированы в 1917 г. на Северном и на Юго-Западном фронтах (по объявленным одновременно штатам и положению) курсы стрельбы по воздушному флоту, имевшие назначением [4]: а) теоретическое и практическое обучение офицеров полевой артиллерии стрельбе по воздушному флоту, имея в виду, что окончившие курсы офицеры должны явиться передатчиками полученных сведений и организаторами воздушной обороны в войсках; б) надлежащую подготовку личного состава вновь формируемых батарей для стрельбы по воздушному флоту; в) ознакомление обучающихся с организацией специальных команд службы связи и наблюдения при стрельбе по воздушному флоту; г) установление тесного взаимодействия артиллерии и авиации при совместной борьбе с воздушным флотом противника; д) ведение опытов и разработку новых способов и правил стрельбы по воздушному флоту; е) выработку способов ведения подготовительных к стрельбе упражнений и правильных приемов обучения; ж) ведение испытаний вновь предлагаемых приборов и приспособлений.

В переменный состав для прохождения курсов стрельбы по воздушному флоту командировалось по 20 командиров батарей и артиллерийских офицеров на 3 недели. Курсы подчинялись непосредственно инспектору артиллерии армий фронта. Полевой инспектор

---

[1] Приказы Ставки 8 и 12 ноября 1917 г., № 497 и 891.
[2] Приказ Ставки 7 августа 1917 г., № 775.
[3] Приказ Ставки 24 ноября 1917 г., № 938.
[4] ЦГВИА, приказы Ставки 30 апреля, 8 сентября, 23 октября, 6 декабря 1917 г. № 256, 494, 785 и 999.

артиллерии при главковерхе должен был объединять деятельность курсов, образованных на разных фронтах.

Курсы стрельбы по воздушному флоту, сформированные на Северном фронте, расположенные возле города Двинска, были переформированы в октябре 1917 г. в офицерскую школу стрельбы по воздушному флоту. При школе была сформирована своя зенитная батарея в составе 12 орудий на позиционных (неподвижных) установках, из которых только 4 орудия были обр. 1914 г., т. е. специальные 76-мм зенитные пушки системы Тарновского-Лендера, остальные 8 орудий — приспособленные для противосамолетной стрельбы 76-мм пушки (4 пушки обр. 1900 г. и 4 пушки обр. 1902 г.). Школа эта имела такое же назначение, как и курсы, но с изменением только в том смысле, что на обучающихся возлагалось не ознакомление, а изучение организации службы специальных команд — прожекторной, связи и наблюдения,— изучение материальной части приборов и способов их применения. Срок обучения был установлен в 1½ месяца. В переменный состав школы для прохождения курса командировалось от всех фронтов 15 артиллерийских офицеров, 10 офицеров от пулеметных команд и по 2 солдата на каждого офицера.

Начальник Упарта представил тогда же, 19 октября 1917 г., доклад наштаверху о неудобстве размещения школы для стрельбы по воздушному флоту в Двинске ввиду: а) отсутствия целей для стрельбы; так как противник будет избегать производить полеты в районе расположения школы, как избегал совершать полеты в районе Двинска в течение двух учебных периодов расположения там курсов Северного фронта, с одной стороны, вследствие рациональной постановки дела стрельбы по воздушным целям на курсах, с другой стороны, вследствие умышленного сокращения полетов немцами с целью парализовать деятельность курсов, существование которых для них не было секретом; б) невозможности надлежащего оборудования школы, размещения и устройства полигона вследствие близости боевой линии; в) зависимости устойчивости размещения школы от стратегической обстановки, могущей вызвать прекращение деятельности школы при изменениях фронта, и невозможности спокойной работы при таких условиях; г) отсутствия постоянного контакта с определенными авиационными частями, затрудняющего выработку методов и приемов борьбы с воздушным флотом противника, а также установление основ тесного взаимодействия противосамолетной артиллерии и авиации.

Ввиду этого начальник Упарта, согласно с мнением начальника авиации и воздухоплавания при штабе главковерха, полагал сформировать единую офицерскую школу стрельбы по воздушному флоту в Евпатории, где в то время формировалась авиационная школа, имевшая специальной целью тактическую и боевую подготовку летчиков. Такому расположению школы способствовали и климатические условия Евпатории, допускающие беспрерывное ведение занятий в течение почти круглого года.

В школе в Евпатории предполагалось производить теоретическую подготовку офицеров переменного состава, вести подготовительные к стрельбе упражнения по своим самолетам и практические стрельбы по искусственным воздушным целям (в Двинске имелось в виду, помимо теоретической подготовки, давать главным образом практику стрельбы по неприятельским самолетам).

Помещения, отводимые в Евпатории офицерской артиллерийской школе стрельбы по воздушному флоту, отвечали своему назначению.

Одновременно с формированием этой школы упразднялись курсы стрельбы по воздушному флоту Юго-Западного фронта, причем необходимая часть личного состава этих курсов обращалась на сформирование управления школы.

На формирование батарей школы обращался личный состав 7-й отдельной позиционной батареи для стрельбы по воздушному флоту, находившейся в 6-й армии, и отдельной пулеметной команды для стрельбы по воздушному флоту, находившейся в 5-й армии[1].

Наштаверх изъявил согласие на осуществление предложения начальника Упарта. Офицерская школа стрельбы по воздушному флоту стала формироваться в Евпатории с конца ноября 1917 г. под руководством Тарновского.

Успех стрельбы по воздушному флоту ввиду больших трудностей, какие она представляет, зависит не только от командира стреляющей батареи и от точности приборов, при помощи которых ведется стрельба, но и от всего личного состава батареи — офицеров и солдат, от которых, между прочим, требуются гибкость и быстрота соображения. Поэтому в офицерской школе стрельбы по воздушному флоту (или, как ее стали называть, в «зенитной школе») было обращено внимание не только на подготовку офицеров, но и на подготовку солдат как инструкторского кадра.

Предполагалось, что 12-орудийная батарея школы с двумя пулеметными и одним прожекторным взводом сможет пропускать во время войны в течение двухмесячного курса до 300 солдат.

В дальнейшем, по окончании войны, предполагалось всех «зенитчиков», уходящих в запас, держать на особом учете и периодически призывать ежегодно на двухнедельный срок на службу в батареи для стрельбы по воздушному флоту с целью ознакомления с новыми требованиями для тренировки.

Начальник школы для стрельбы по воздушному флоту Тарновский, придававший большое значение противовоздушной обороне, докладывал в то время начальнику Упарта о безусловной необходимости иметь в составе армии возможно большее число зенитных батарей, причем в мирное время значительное число их иметь в полном составе по штатам военного времени и расквартировывать их ближе к границам в виде, так сказать, артиллерийской воздушной пограничной стражи; остальные же зенитные батареи иметь в мирное время в кадровом составе, достаточно сильном,

---

[1] ЦГВИА, 683, *лл.* 340 — 341.

с тем, чтобы они могли быстро развернуться при первом реальном признаке войны и еще до ее начала быть в готовности отразить совместно с истребительной авиацией воздушное нападение противника.

Для образования в артиллерийских частях кадра опытных наблюдателей для корректирования стрельбы с самолетов, согласно приказу Ставки [1], разработанному Упартом в августе 1916 г., к каждому корпусному авиационному отряду прикомандировывались на 6 недель по 2 артиллерийских офицера из более опытных и сведущих в артиллерийской стрельбе (в чине не ниже поручика). Для наблюдения и корректирования стрельбы с привязных аэростатов прикомандировывались к воздухоплавательным ротам по 2 артиллерийских офицера на каждую воздухоплавательную станцию. Приказом была объявлена программа теоретических и практических занятий с артиллерийскими офицерами, прикомандированными к авиационным отрядам и воздухоплавательным ротам.

Временное положение об офицерах артиллерии, командируемых в авиационные отряды для исполнения обязанностей артиллерийских наблюдателей, было объявлено к руководству несколько позже — в марте 1917 г. На этих офицеров возлагались специальная разведка по указаниям артиллерийских начальников и корректирование артиллерийской стрельбы с самолетов [2].

Приказом Ставки 8 сентября 1917 г. были сформированы на каждом фронте, кроме Кавказского, курсы стрельбы при помощи наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов. Курсы эти подчинялись непосредственно на каждом фронте инспектору артиллерии армий фронта.

Назначение курсов: а) подготовка комсостава артиллерии к стрельбе при помощи самолетов и привязных аэростатов; б) подготовка наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов из артиллерийских офицеров, обучение их фотографированию с самолетов и обращению с радиотелеграфом и радиотелефоном; в) ознакомление артиллеристов с авиацией и авиаторов со стрельбой артиллерии (первое — для целесообразного использования воздушного наблюдения при корректировании стрельбы, второе — для сознательной работы на артиллерию); г) выработка наилучших способов и приемов в отношении предварительной разведки, связи с землей и корректирования стрельбы с самолетов; д) подготовка комсостава артиллерии к организации широкого и согласованного наземного и воздушного наблюдения, а равно выработка приемов сводки и обработки полученных данных наблюдения и разведки.

Состав курсов: личный состав, постоянный и переменный, полевая легкая батарея, 2 тяжелых орудия, корпусной авиационный отряд, радиотелеграфное отделение и воздухоплавательный отряд.

В переменный состав командировалось 20 командиров батарей и 20 младших офицеров, предназначенных в наблюдатели с само-

---

[1] Приказ Ставки 31 августа 1916 г., № 1226.
[2] Приказ Ставки 24 марта 1917 г., № 36.

летов и привязных аэростатов. Срок обучения — 2 месяца (теоретические и практические занятия).

Для практических занятий по аэрологии, аэронавигации, фотографии и пулемету при курсах имелись аэрологическая станция, аэронавигационный и фотографический кабинеты и пулеметная команда.

В начале декабря 1917 г. приказом Ставки были ликвидированы курсы стрельбы при помощи наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов, сформированные на Западном фронте; курсы, сформированные на других фронтах, оставались до конца войны.

Для подготовки траншейной артиллерии приказом Ставки 8 сентября 1917 г. в каждой армии, за исключением Кавказского фронта, были сформированы курсы траншейной артиллерии, подчиненные инспарту армии.

Назначение траншейных курсов: обучение личного состава полковых команд траншейных орудий бомбометному и минометному делу и подготовка инструкторов в полках по метанию ручных гранат.

Постоянный состав курсов имел три отделения: минометное, бомбометное и гренадерское. В переменный состав командировалось возможно больше офицеров и унтер-офицеров — от каждого полка не меньше двух офицеров и все унтер-офицеры состава полковых команд траншейных орудий (в команде состояло по 2 старших и по 6 младших унтер-офицеров — приказ 1916 г., № 716). Срок прохождения курса по всем трем отделениям — 2—3 недели. Пособиями при прохождении курса по специальной программе служили составленные Упартом «Наставление для применения траншейных орудий ближнего боя» (изд. 2-е) и «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», ч. II и III, а также изданные ГАУ описания материальной части минометов, бомбометов и ручных гранат[1].

Между прочим, можно упомянуть, что во время мировой войны высшему командованию русской армии пришлось принимать особые меры к надлежащему обучению союзной румынской армии, в особенности ее плохо подготовленной артиллерии.

В апреле 1917 г., по приказу верховного главнокомандующего, при управлении инспектора артиллерии Румынского фронта была образована так называемая русская артиллерийская миссия, прикомандированная к штабу румынской армии. Согласно положению об этой миссии, в круг ее деятельности входило: распространение в частях румынской артиллерии методов современного боя, обучение личного состава румынской артиллерии, обучение ее командного состава способам использования артиллерии в бою, вопросы организации и боевой подготовки артиллерии. В состав миссии было назначено несколько лучших боевых офицеров русской артиллерии во главе с выдающимся боевым командиром одной из артиллерийских бригад генерал-майором Маем[2].

---

[1] Приказ Ставки 8 сентября 1917 г., № 495.
[2] ЦГВИА, приказ Ставки 23 апреля 1917 г., № 177.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., которым должны были руководствоваться русская артиллерия и ее начальники, подчеркивало в предисловии, что наставление, давая руководящие указания для работы артиллерии и указывая приемы для ее действия, *«требует от артиллерийских начальников высокой тактической подготовки понимания потребностей и приемов действий войск других родов, уменья правильно и быстро применять общие принципы к условиям изменчивой обстановки»*.

В общих указаниях наставления также подчеркивалось, что каждый артиллерийский начальник *«обязан уметь принимать, не колеблясь перед риском ответственности, самостоятельные решения, когда этого требует быстрое изменение обстановки»*, и что это требуется тем чаще и тем в большей степени, чем выше стоит начальник и чем больше артиллерии ему подчинено.

Но высшее командование царской русской армии, проводя в армии доктрину активности, не подготовило соответственно личный командный состав ни в духе безбоязненного проявления инициативы, ни в сознании долга взаимной выручки.

Отсутствие в царской армии единого взгляда на боевую подготовку и на методы ведения боевых действий отрицательно влияло на единство военной мысли и воли, столь необходимое для обеспечения боевого успеха.

Среди довольно многих артиллеристов того времени укоренилась мысль, что их дело — только уметь стрелять, а тактика их мало касается. Такое мнение встречалось даже среди прошедших курс офицерской артиллерийской школы командиров батарей и высших артиллерийских соединений, несмотря на стремление школы убедить своих слушателей в том, что знание тактики имеет для артиллериста не менее важное значение, чем умение стрелять. Офицерская артиллерийская школа настойчиво проводила мысль, что, во-первых, артиллерист, обладающий оружием, дающим возможность наносить внезапно поражение на большие дальности («дальнобойность и повсюдубойность», как говорилось в прежних учебниках тактики артиллерии), должен иметь в виду не только частные нужды отдельных пехотных подразделений, которым он помогает, но и те цели, которые представляются общими по их значению и которые требуют сосредоточенных и объединенных действий артиллерии; во-вторых, для правильной оценки значения этих общих целей и для принятия целесообразного решения артиллерист должен быть широко образованным в тактическом отношении и должен свободно разбираться в сложной изменчивой обстановке современного боя; в-третьих, артиллерист должен не только уметь свободно читать карту, но и обладать в совершенстве способностью ориентироваться на любой незнакомой местности.

Значительный процент командного состава русской артиллерии имел боевой опыт русско-японской войны, что являлось большим

преимуществом. Русские артиллеристы, помимо свойственного им большого искусства стрельбы, чрезвычайно умело применялись к местности при выборе позиции и при достаточных средствах связи очень хорошо организовали службу наблюдения, не особенно считаясь с удалением наблюдательных и командных пунктов от огневых позиций батарей.

Серьезным недостатком боевого применения русской артиллерии являлось отсутствие прочного взаимодействия ее с пехотой и в общем слабая маневренность артиллерии, что неблагоприятно отражалось на успехе боевых действий. Указанный недостаток объясняется, во-первых, тем, что вопрос взаимодействия артиллерии с пехотой не был твердо регламентирован русскими боевыми уставами того времени и не был выработан довоенной маневренной практикой, во-вторых, слабой тактической подготовкой русской артиллерии и громоздкостью организации ее легких батарей, состоявших в первое время войны из 8 орудий, в-третьих — самое существенное — неумением общевойсковых начальников распорядиться использованием своей артиллерии.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою», утвержденное в феврале 1912 г., было разослано в войска лишь в конце того же года, т. е. появилось в войсках слишком поздно. При условиях дислокации русской армии, широко разбросанной в Европе и в Азии от реки Вислы до Тихого океана и от тайги Сибири до Афганистана, двухлетний срок до начала войны был весьма недостаточным для того, чтобы руководящие идеи названного наставления могли проникнуть в толщу армии и быть ею хорошо освоены. Даже артиллерия не успела достаточно изучить наставление к началу войны; что же касается общевойсковых начальников, то они совсем не знали этого наставления, а некоторые из них и не слыхали о нем.

Общевойсковые начальники вышли на войну со смутным представлением о свойствах современной им артиллерии и о боевом ее использовании, причем действия артиллерии в бою мыслились ими в общем лишь в пределах дивизии.

В первый период войны артиллерия в большинстве случаев дробилась побатарейно, и ее огонь носил характер индивидуального огня отдельных батарей. Постепенно действительность боевых столкновений заставила осознать необходимость объединенного управления огнем многих батарей и даже масс артиллерии в руках одного артиллерийского начальника, с тем чтобы путем сосредоточенного мощного артиллерийского огня решать главные задачи, поставленные артиллерии общевойсковым командованием.

Относительно обязанностей и взаимоотношений артиллерийских и общевойсковых начальников в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. имелись следующие общие указания:

«Начальник отряда ответствует за целесообразное употребление артиллерии в бою, за правильность постановки ей задач; начальник артиллерии — за правильность работы артиллерии, за вы-

бор и применение средств для решения задач, ей поставленных» («Наставление» 1912 г., § 8).

Разделение обязанностей между начальником стрелка и начальником артиллерии, изложенное в приведенной редакции, можно было понимать за указание наставления (большинство артиллеристов так и понимало) на то, что начальник артиллерии отвечает только за техническую сторону использования артиллерии в бою и что использование артиллерии в тактическом отношении его не касается.

В последующем изложении обязанностей начальника артиллерии в наставлении имелись некоторые указания на то, что начальник артиллерии отвечает и за боевое использование артиллерии в тактическом отношении, но эти указания недостаточно определены.

В довоенное время не было тесной органической связи между артиллерийскими и общевойсковыми начальниками, вследствие чего к началу войны не успела еще достаточно окрепнуть внутренняя связь артиллерии с другими родами войск, являющаяся залогом необходимого их боевого взаимного содействия и боевого содружества. В результате во время войны, особенно в маневренный ее период, совместные боевые действия артиллерии и пехоты далеко не всегда были согласованы. Не было обычным явлением в бою то, что пехота наступает, а артиллерия уничтожает своим огнем все преграды и препятствия по пути движения своей пехоты, будь то ружейный, пулеметный или орудийный огонь, будь то искусственные препятствия и фортификационные сооружения противника. Словом, не было того, к чему подготавливалась артиллерия в мирное время и что практиковалось на полигонных стрельбах артиллерии, впрочем, без пехоты, которая только воображалась.

Один известный артиллерист того времени в своем отчете о результатах его командировки в Галицию в начале войны, в 1914 г. [1], отметил, что главнейшей причиной большого расхода боеприпасов является «неумелое применение в бою современной полевой артиллерии и в тактическом и в техническом отношениях со стороны войсковых начальников и отсутствие сведущего руководства в боевой работе артиллерии». По его заключению, «тактическое применение артиллерии, находящееся в руках войсковых начальников, оставляло желать очень многого».

Что же касается старших артиллерийских начальников, то управления артиллерией со стороны командиров артиллерийских бригад и отчасти со стороны командиров дивизионов не замечалось. Последние только после четырех месяцев войны стали получать более широкую возможность управлять боевой работой артиллерии своих дивизионов, а командиры бригад в большинстве случаев попрежнему не принимали почти никакого участия в этой работе.

---

[1] ЦГВИА, личный архив Барсукова, отчет Карачана.

В еще большей мере были устранены от руководства действиями артиллерии инспектора артиллерии корпусов, главной обязанностью которых (согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время») являлась лишь забота о питании артиллерии боеприпасами.

Батареи и дивизионы, обычно разбросанные в первое время маневренной войны по мелким боевым участкам, подчиненные командирам полков и командирам пехотных бригад, нередко получали от них несоответствующие задачи.

Начальники боевых участков заставляли свою артиллерию открывать огонь по целям, не имеющим тактического значения, как небольшие группы людей, разъезды, местные предметы, не занятые противником, и пр.; артиллерия должна была стрелять по невидимым для нее целям, существование которых в данном месте сообщалось пехотой, причем в большинстве случаев сообщаемое ею грешило неточностью: отдельные малочисленные группы людей принимались за колонны, обозы — за артиллерию и т. п. Артиллерии приходилось стрелять по целям, существование которых в данном месте лишь подозревалось (в лесу, в лощине, за гребнем высот), и обстреливать площади более или менее значительных размеров (как это делала французская артиллерия и что запрещалось на практических стрельбах русской артиллерии в мирное время). В данном случае и полевая тяжелая артиллерия не представляла исключения; иногда ее также применяли для обстреливания обозов в тылу противника и площадей, на которых нередко отсутствовали цели, требующие обстрела артиллерийским огнем.

Артиллерию заставляли стрелять в условиях невозможности получить материальный результат, как, например, обстреливание шрапнелью глубоких окопов, снабженных козырьками, а также вести стрельбу ночью без предварительной пристрелки данных для стрельбы засветло и обстреливать по ночам те места, где днем были замечены окопные работы противника, без всякой уверенности, что он в них находится.

Артиллерия должна была вступать в состязание с неприятельской артиллерией, хотя бы и совершенно скрытой от наземного наблюдения; она своим огнем «нащупывала» невидимые батареи противника и пыталась привести их к молчанию, но за отсутствием средств воздушного наблюдения и звукометрических приборов попытки эти в большинстве случаев сводились к напрасной трате снарядов.

Случалось даже в начале войны, что пехота просила артиллерию подготовить атаку огнем, предъявляя к ней требование «стрелять» и обещая «потом», по окончании подготовки, перейти в наступление. И вот артиллерия вела огонь, опустошала свои зарядные ящики, растрачивая боеприпасы, а пехота не двигалась и продолжала бездействовать.

Желание пехоты, поддерживаемое многими общевойсковыми начальниками, так сказать, «выехать на артиллерии» сказывалось

всюду довольно резко, особенно после того, как боевая подготовка пехоты заметно ослабевала по мере поступления в ее ряды новых пополнений на замену убитых и раненых.

Наконец, со стороны войсковых начальников предъявлялись к артиллерии настойчивые требования стрельбы для морального впечатления, для звукового и зрительного эффекта, и притом иногда совершенно независимо от того, имеются ли цели, требующие обстрела артиллерийским огнем, и могут ли быть получены от обстрела какие-либо результаты.

В отчете упомянутого артиллериста приводится пример, когда от артиллерии, действовавшей под крепостью Перемышль в 1914 г., потребовался самый сильный огонь только потому, что в то время было отбито наступление противника на Варшаву и надо было, как говорили, «поддержать наши армии и показать осажденному в крепости противнику, что предполагается его штурмовать».

С октября-ноября 1914 г. вследствие недостатка боеприпасов действия артиллерии стали недостаточно успешными. Это послужило поводом для войсковых начальников к обвинению артиллерии в неумелой боевой работе и к отстранению многих артиллерийских начальников и командиров от руководства боевыми действиями подчиненной им артиллерии и, мало того, даже к тому, что чуть ли не каждый войсковой начальник не ограничивался постановкой задач артиллерии, хотя и был мало осведомлен о боевых и технических ее свойствах, но непременно хотел *сам учить* свою артиллерию, как ей надо стрелять, нередко считая при этом, что ураганный огонь является нормальным видом огня артиллерии.

От руководства боевой работой артиллерии отстранялись иногда даже те артиллерийские начальники, которые руководили обучением подчиненной им артиллерии в мирное время, а это приводило к тому, что происходившие ошибки в действиях артиллерии оставались без исправления, не устранялись и повторялись все чаще и чаще.

Артиллерия, воспитанная в мирное время своими прямыми артиллерийскими командирами на известных целесообразных основах, должна была в некоторых случаях эти основы забывать и действовать по приказаниям, часто несоответственным, своих новых, а иногда и случайных войсковых начальников, нередко совершенно незнакомых с началами боевого обучения артиллерии.

В период осенних операций 1914 г. русских армий на Юго-Западном фронте среди нескольких корпусов только в одном инспектор артиллерии корпуса не был отстранен от руководства артиллерией. Командир этого корпуса считал своего инспектора артиллерии не только «снабжателем», как установлено было «Положением о полевом управлении», но оставил за ним обязанности по наблюдению за боевой работой артиллерии и руководству ею. Инспектор артиллерии этого корпуса проводил много времени на позициях, находил время и возможность «поговорить» и «убе-

дить» начальников дивизий и командиров пехотных полков изменить или отменить их распоряжения, если они делали ошибки в боевом применении артиллерии. Командир корпуса всегда поддерживал своего инспектора артиллерии и предоставлял ему решать его именем все специальные артиллерийские вопросы. В результате такой объединенной и дружной работы командира корпуса со своим инспектором артиллерия корпуса получала боевые задачи, отвечающие ее свойствам, и успешно разрешала их с небольшой сравнительно затратой боеприпасов; взаимодействие артиллерии и пехоты в данном корпусе было обеспечено в достаточной степени.

Со стороны артиллерийских начальников не замечалось достаточно энергичного противодействия к исполнению даваемых артиллерии несоответственных задач, что можно поставить им в упрек. По поводу исполнения подобных задач в отчете артиллерийского генерала, командированного на Юго-Западный фронт в 1914 г., говорилось, между прочим: «Повидимому, артиллерия забыла уроки мирного времени в этом отношении и ее обучали всегда именно так не поступать». Большинство артиллерийских начальников не обладало достаточным гражданским мужеством, чтобы доложить своему высшему начальству о несоответствии свойствам артиллерии поставленных ей задач, и нередко «беспрекословно», как говорилось в прежних уставах, исполняло подчас прямо даже нелепые приказания, приводившие не только к напрасной трате снарядов, но к боевым неудачам, сопровождавшимся большими потерями в людях.

Некоторым оправданием для артиллерии в нерешимости противодействовать исполнению даваемых ей неправильных задач может служить недостаток надлежащего воспитания ее командиров как результат общего воспитания царской русской армии в духе беспрекословного повиновения начальству на принципе: «Не сметь своего суждения иметь».

Артиллерию не без основания упрекали в том, что в маневренный период войны, особенно в ее начале, артиллеристы иногда злоупотребляли применением беглого огня и всегда вели пристрелку батарейными очередями (да еще при восьмпорудийных батареях), как это обычно бывало на практических стрельбах в мирное время, тогда как во многих случаях можно было пристреливаться полубатареями, взводами и даже отдельными орудиями, причем значительно сократился бы расход боеприпасов, затрачиваемых на пристрелку.

В более серьезный упрек русским артиллеристам, главным образом некоторым старшим артиллерийским начальникам, можно поставить то, что иногда не только общевойсковые и пехотные начальники, но и они сами ставили своей артиллерии несоответственные задачи в развитие общей боевой задачи, поставленной высшим командованием, или избирали по своей инициативе для стрельбы цели, не отвечавшие тактической обстановке или даже не отвечавшие свойствам орудий.

Приведем некоторые отрицательные примеры из боевой практики, подтверждающие случаи нецелесообразных распоряжений артиллерийских начальников.

В записной книжке инспектора артиллерии Юго-Западного фронта Дельвига[1] имеются копии двух его замечаний, сделанных им в начале октября 1914 г., а именно:

1. Командиру 3-го дивизиона 4-й артиллерийской тяжелой бригады:

«Командир корпуса категорически запретил обстреливание города Ярослава. Вашу стрельбу по башне костела, где *предполагался* (?) неприятельский наблюдательный пункт, считаю бесцельным вандализмом и показывающую непонимание тактики, так как в Ярославе много крыш, могущих быть наблюдательными пунктами. Тратить на это дело 6-дм. бомбы (152-мм гранаты) нельзя. Мне стыдно за эту стрельбу и за Вас.

... Г.-м. Клейненберг застал одну из Ваших батарей, стреляющую очередями, и приказал вести огонь одиночными выстрелами. Видимо, Ваш командир 6-дм. батареи еще недостаточно усвоил себе задачи тяжелой артиллерии...»

2. Командиру 42-й артиллерийской бригады:

«Командир 3-го дивизиона 4-й тяжелой арт. бригады мне донес, что стрельба по башням костела была им произведена по Вашему приказанию, переданному адъютантом 1-го дивизиона 42-й арт. бригады... словами: «р а з р у ш и т ь обе башни костела, где предполагается неприятельский наблюдательный пункт», и что вообще с 4 октября все стрельбы дивизиона производились по Вашему приказанию. Сообщаю, что командиром корпуса было категорически приказано не обстреливать города Ярослава».

По поводу основного назначения артиллерии и взаимодействия ее с пехотой тот же Дельвиг сообщал инспектору артиллерии 28-го корпуса в записке от 11 января 1915 г.[2]: «... Какая цель сосредоточения огня вне Вашего фронта? — и до начала продвижения пехоты?... Примем за основу всего: тесную связь артиллерии с пехотой и задачу артиллерии опрокинуть все, что мешает движению пехоты вперед... Неизбежное пристреливание всех батарей, конечно, должно быть выполнено до начала продвижения пехоты. Батареи, не пристрелянные, готовыми считаться не могут... А во всем остальном только совместная работа огня артиллерии и движения пехоты дает успех...»

Приведенные примеры относятся к маневренному периоду войны, но они повторялись и в позиционный период, особенно в первой половине 1916 г., когда при Ставке главковерха уже существовал полевой генерал-инспектор артиллерии с Упартом, но его мероприятия по упорядочению артиллерийской части в действующей армии еще не успели пройти в жизнь.

Наиболее ярким примером крайне нецелесообразного исполь-

---

[1] ЦГВИА, 57—799, Записная книжка Дельвига (продолжение), стр. 16 и 17.
[2] ЦГВИА, 57—799, Записная книжка Дельвига (продолжение), стр. 32.

зования артиллерии и несоответственной постановки ей задач, не отвечающих основным ее свойствам, служит применение русской артиллерии на Западном фронте в операции у озера Нарочь 18—28 марта 1916 г. (подробное исследование действий артиллерии в этой операции см. ниже, ч. VII).

Приведем выдержки из телеграмм командующего армией Плешкова, указывающие на то, что высшее командование не понимало свойств артиллерии и ставило ей невыполнимые задачи или такие, какие не могли привести к положительным результатам, несмотря на огромный расход снарядов. Телеграммы относятся к мартовской операции:

18 марта 1916 г. «...Приказываю: первое, всей артиллерии вести наступающей ночью и с утра завтра сосредоточенный огонь по строго указанным ей целям, усилив огонь к полудню до возможного и доведя его к двум часам дня до урагана».

20 марта 1916 г. «...Приказываю: первое, продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы; второе, когда скажутся результаты огня нашей артиллерии и по моему особому приказанию, корпусам атаковать неприятеля».

21 марта 1916 г. «...Первое, с 4 часов утра должен вестись ураганный огонь, второе, в 5 часов утра должна начаться атака...»

25 марта 1916 г. «...Второе, всей артиллерии в час ночи усилить огонь до возможного, к трем часам довести огонь до урагана и тогда же перенести его на ближайший тыл неприятеля. Третье, в три часа ночи, прикрываясь артиллерийским огнем, корпусам атаковать неприятеля».

Все эти ни с чем несообразные и крайне неопределенные приказания командования армии исполнялись артиллеристами беспрекословно, хотя они не могли не понимать, что стрельба их, в особенности стрельба ночью, будет безрезультатной и вызовет только бесполезную большую затрату боеприпасов. Старшие артиллерийские начальники не пытались даже доложить высшему командованию, что поставленные артиллерии задачи не отвечают ее свойствам и потому невыполнимы. Мало того, некоторые из них (как увидим ниже, см. ч. VII) поставили своим подчиненным артиллерийским частям, в развитие задач, полученных от общевойскового командования, частные задачи, еще менее сообразные и крайне неудовлетворительные ни в тактическом, ни даже техническом отношениях.

Произведенное полевым генерал-инспектором артиллерии расследование действий артиллерии в мартовской операции 1916 г. обнаружило, что, несмотря на продолжительный кровавый опыт войны, давший немало ценных указаний и подтвердивший большинство основных положений в отношении применения в бою артиллерии, настойчиво проводимых в жизнь еще в мирное время, все же многие старшие общевойсковые и пехотные начальники и даже некоторые старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии при наименьшей затрате снарядов.

ВОСПИТАНИЕ И МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК

Воспитание старой русской армии основывалось на дисциплине, сущность которой заключалась в беспрекословном повиновении приказаниям начальства, и на механическом исполнении без рассуждений воинских уставов.

Моральное воспитание солдат старой русской армии сводилось, по существу, к зазубриванию фраз: «Царь есть помазанник божий», «Солдат есть слуга царя и отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних», «Звание солдата высоко и почетно: он служит для чести, славы и пользы царя и отечества», «Солдат должен терпеливо переносить голод, холод и все нужды солдатские и быть готовым жертвовать жизнью за веру, царя и отечество» и т. п. Фразы эти заучивались обычно без объяснений внутреннего их содержания.

В царской русской армии не только солдатская масса, но и офицерство тщательно оберегались от всякого соприкосновения с политико-экономическими вопросами. Малейшее проявление в армии интереса к вопросам социально-политического порядка строго преследовалось.

В старой русской армии воинская доблесть, воспитание воли у подчиненных вырабатывались по преимуществу методами устрашения, доходившего иногда до уничтожения личности.

Исключительное значение для боевого воспитания личного состава армии играют воинские традиции и истории воинских частей. В старой русской армии большинство командования понимало, что для преемственности боевого духа и правильного воспитания личного состава почетная роль принадлежит истории и традициям воинских частей. Но создавались истории только привилегированных гвардейских частей и лишь немногих старейших гренадерских и армейских, созданных еще при Петре Великом или особо отличившихся в Отечественную войну 1812 г.

В войсках царской армии не бывало общих собраний личного состава для ознакомления с международным положением, с экономическим состоянием страны и пр., не велось никакой агитации с целью поднятия духа войск и воспитания в них воинской доблести.

Однако, несмотря на стремление царского правительства поставить армию «вне политики», среди солдатской массы и некоторой части офицерства, особенно в артиллерии и в специальных технических войсках, издавна зародилось, постепенно росло и ширилось понимание того, что армия стоит не вне политики, а служит орудием в руках царского правительства для подавления угнетенных классов внутри страны и для осуществления империалистических стремлений. Этому пониманию способствовали влияние общественно-политических событий, развертывавшихся внутри страны, проникновение в армию революционных идей, несостоятельность царского правительства в вопросах обороны страны, резко проявившаяся в русско-японскую войну, классовые противоречия в недрах самой армии, дисциплина, внедряемая под страхом наказания, и т. д.

Неспособность царского правительства организовать оборону подтвердилась в первых же боевых столкновениях на фронте мировой войны, еще в 1914 г., когда боевые неудачи русской армии обнаружили слабость боевой подготовки крупных ее соединений и неумелое руководство войсками со стороны старших начальников, недостаточное обеспечение армии предметами военного снабжения, в особенности боеприпасами. Постепенно война вскрывала и другие язвы царского режима. В армии стали распространяться небезосновательные слухи, что представители помещичьей буржуазии и промышленности, земств и городов, не исключая некоторых членов Государственной думы, прикрываясь лозунгами «спасения родины», наживались на прибылях от военных заказов, что карьеризм, интриганство и личные интересы являлись отличительными свойствами некоторых представителей высшего командования. Неисчислимые потери, понесенные в боях войсками, раскрывали перед ними истинный смысл войны. Огромная убыль людей и вызванное ею обновление личного состава необученными пополнениями из запасных частей или забывшими службу ополченцами не могли не сказаться отрицательно на боеспособности армии.

Моральное и физическое переутомление личного состава армии, стремление к скорейшему окончанию войны становились все более и более заметными. В условиях все возраставшего недовольства солдатской массы революционная агитация находила благодатную почву. Участились случаи отказа выполнять приказы и случаи расправы солдат с начальниками, отличавшимися жестокостью в обращении с подчиненными.

Начальник штаба Юго-Западного фронта сообщал 26 мая 1915 г.: «...войсками активно воспринимается пропаганда против войны, призывы к свержению правительства, отобранию земли у помещиков и т. д. ... Причем уже имели место случаи отказа итти на позиции, бросания оружия и патронов и массовой сдачи в плен».

По словам бывшего начтаверха генерала Деникина, «один видный социалист и деятель городского союза, побывав впервые в армии в начале 1916 г., был крайне поражен, с какой свободой всюду, в воинских частях, на офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о непригодности правительства, о придворной грязи».

Командование фронтов и армий пыталось принимать меры для оздоровления упавшего «духа войск». Главком Юго-Западного фронта указывал «на единственную радикальную меру борьбы с преступными веяниями — добиться возможно большего общения офицеров и вообще начальников всех степеней с нижними чинами» [1].

Кровопролитные операции 1916 г. — мартовская у озера Нарочь и др. — закончились тяжелыми поражениями и огромными потерями русской армии. Общее озлобление солдатской массы резко усиливалось. В армии понимали безрассудное обращение с войсками незадачливого командования, бросавшего их не в бой, а

[1] ЦГВИА, дело № 17659, лл. 1279—1280

«на убой». Непрерывно росло недовольство и среди офицеров русской армии.

Моральное состояние войск русской армии ярко описано начальником штаба 1-й стрелковой дивизии полковником Морозовым в письме, адресованном наштаверху генералу Алексееву, содержание которого генерал Алексеев сообщил всем главнокомандующим фронтами в своем письме от 3 мая 1916 г. за № 2468[1].

Письмо полковника Морозова является справедливым обвинением руководства царской армии. Приводим его почти целиком, лишь с незначительными сокращениями.

«Даже посторонним лицам уже бросается в глаза, — пишет Морозов, — что войскам нехватает той уверенности в своих начальниках, того обаяния личности вождей, на которых прежде всего зиждется духовная мощь армии... Яд недоверия не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что лицу, хорошо знающему ее действительное настроение, трудно назвать даже три, четыре имени популярных и пользующихся доверием войск старших начальников... Одни начальники, по заявлению войск, до сих пор совершенно не показываются среди них. Другие, формально исполняя данные на этот счет свыше указания, бывают в частях, но исключительно с карательными и инспекторскими целями, неизменно сопровождая свои посещения выговорами, наказаниями, резким разделыванием подчиненных на месте и в приказах, отталкивая от себя офицеров и солдат...

Даже командиры полков жалуются, что старшие начальники не удостаивают их ни вниманием, ни откровенной сердечной беседой. О младших чинах и говорить нечего... Еще громче и сильнее звучат тоже повсеместные жалобы, что старшие начальники не считаются с обстановкой современного боя, не входят в положение войск и потому или возлагают на них задачи явно невыполнимые, или ставят части в явно невыгодные, сравнительно с противником, условия борьбы... В самых сильных и резких выражениях жалуется пехота, что ее систематически и безжалостно посылают на верный расстрел атаковать сильно укрепленные позиции с недостаточной артиллерийской подготовкой. Старшие начальники оставляют без внимания донесения самых испытанных командиров и упорно шлют пехоту на верную гибель, требуя для подтверждения донесения о больших потерях, которых почти всегда можно было бы избежать при более сердечном отношении к войскам и доверии к людям испытанной опытности и доблести.

В погоне за выигрышем пустого пространства начальники заставляют войска занимать слабые невыгодные позиции, не позволяя иногда отнести окоп из болота на 300—400 шагов назад, а в маневренной войне в той же погоне за упорным удержанием нескольких верст изматывают в неравных боях передовые части, а затем по частям подходящие резервы вместо того, чтобы усту-

[1] ЦГВИА, дело № 444, лл. 125—132.

пить пространство, спокойно сосредоточить войска, а затем нанести удар...

Горькое чувство охватывает пехоту, когда после первой неудачной атаки ее посылают в новые и новые, также неподготовленные атаки, угрожая тягчайшими наказаниями и расстрелом с тыла. В обороне при явной невозможности держаться отдают пользующееся столь печальной в армии славой приказание «держаться во что бы то ни стало».

Войска не страшатся гибели. Но войска не мирятся с ненужной гибелью своих братьев...

Всю войну мог только восхищаться доблестью нашей пехоты тот, кто видел ее в самом огне боя, а не составлял о ней мнения по тыловым беглецам... С горечью занимается пехота невыгодными для себя сравнениями, указывая, что конницу отводят на отдых при мало-мальски заметном утомлении лошадей, пехоту же оставляют в боевой линии при самых тяжелых нервных потрясениях. Уверяет пехота, что ее потери интересуют высшие штабы и начальников только с точки зрения уменьшения числа штыков и необходимости их пополнения, а мало кто отдает отчет в том, что главное зло всякой неудачной операции заключается в упадке духа войск, в падении их веры в начальников и в свои силы...

Далеко от войск начальники, по уверению офицеров, совершенно не умеют разбираться ни в настроениях войск, ни в обстановке... Младшие начальники, начиная с командиров полков, если и понимают обстановку боя, то или не могут, или не осмеливаются откровенно донести о ней старшему начальнику. По уверению войск, некоторые младшие начальники даже добиваются больших потерь, ибо у нас не установилось принципа, что большие потери, свидетельствуя положительно только о доблести войск, в то же время являются отрицательным показателем способностей и умения их начальников. И когда после одинаково неудачной атаки представляется к награждению начальник, уложивший свою часть в безнадежной операции, и отрешается имевший мужество доносить о невыполнимости поставленной ему задачи, то толки войск о выгодности недостаточно бережливого отношения к человеческой крови приобретают особенно страстный характер. Пехота заявляет открыто и громко, что ее укладывают умышленно, при желании получить крест или чин, что на потерях пехоты в неподготовленных операциях начальники хотят создать себе репутацию лиц с железным характером...

В своей среде, в обществе, в вагоне среди случайной публики открыто и громко заявляют офицеры, что начальники не любят своих войск, не жалеют их, думают не о деле, а только о своей карьере, льготах, выгодах, собственной безопасности. Обвиняют начальников уже не только в неспособности, непродуманности операции, неумении, а много хуже всего этого — в злой воле, недобросовестности, небрежности, преступности, отсутствии всякой заботливости о людской крови...

Самое гнетущее впечатление производят на войска постоянные

угрозы взысканиями, отрешением, преданием суду за неисполнение мельчайшего из требований начальства, противоречащего подчас уставу и практике боя, лишающего младшего даже прав, предоставленных ему высочайшей властью...

Не может водить войска к победам тот, в чье искусство, доблесть, доброжелательство не верят эти войска, к чьим приказаниям относятся они скептически. Горько ошибается и ныне тот, кто думает насильно, страхом наказания двигать войска в бой подобно машинам. Страх пули и снаряда всегда сильнее самой жестокой угрозы с тыла. Техника нынешняя ничего не изменила в этом отношении...»

Главнокомандующие армиями фронтов, которым наштаверх генерал Алексеев дал на заключение выдержки из письма Морозова, отрицали наличие угрожающих настроений в войсках, правдиво обрисованных Морозовым и признаваемых генералом Алексеевым.

Главком Западного фронта генерал Эверт ответил Алексееву, что «по исторически сложившимся условиям Россия поставлена в необходимость бороться с техникой врагов кровью своих сынов и притом кровью более обильной, чем когда-либо...» Свою теорию Эверт упорно претворял в жизнь. Наступление армий Западного фронта в мартовской операции 1916 г. (см. ниже, ч. VII) так охарактеризовано германским генералом Фалькенгайном: «...Атаки русских продолжались с исключительным упорством до начала апреля, но их можно было скорее назвать кровавыми жертвоприношениями, чем атаками...»

В большинстве боевых столкновений во время мировой войны высшее командование русской армии направляло пехоту в атаку в густых линейных строях без достаточной артиллерийской подготовки и поддержки, видя в этом проявление со стороны пехоты «бессознательной храбрости». Между тем войска видели в этом преступное невежество своего командования, пытавшегося их кровью и жизнью восполнить слабость технического оснащения армии.

Летом 1916 г. в России ясно обозначился кризис железнодорожного транспорта, недостаток продовольствия, металлов, топлива, рабочих, а в связи с этим создалась серьезная угроза полного паралича русской военной промышленности.

Начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский в письме к начальнику Упарта Ставки подчеркнул, что угрожающее положение, в каком тогда очутилась Россия, является следствием полного развала государственной власти и экономической жизни страны. Наштаверх генерал Алексеев пытался принять особые меры к установлению в тылу «объединенной твердой власти» взамен созданных там многочисленных безответственных совещаний, комиссий и общественных организаций, никем не объединяемых и вносивших лишь разложение в управление тылом, и 28 июня 1916 г. представил Николаю II записку об учреждении в глубоком тылу должности верховного министра государственной обороны [1].

---

[1] ЦГВИА, личный архив Барсукова, см. приложение ко второму тому, ч. 3-я.

Записка Алексеева вызвала серьезные возражения в правительственных кругах, со стороны председателя Государственной думы Родзянко и в особенности со стороны царицы, под влиянием известного проходимца Распутина. Особым указом Николая II диктаторские полномочия во внутренних областях государства возложены были на бездарного председателя совета министров Штюрмера, что вполне отвечало намерениям царицы.

На страну стала быстро надвигаться катастрофа. Железнодорожный транспорт окончательно разваливался. Подвоз хлеба, добыча и подвоз угля, металлов, топлива прекращались. В октябре 1916 г. снабжение действующей армии, в особенности артиллерийское, стало критическим; на заводах разрастались забастовки; подача боеприпасов сильно сократилась. Расшатавшаяся и обанкротившаяся государственная машина царской России неудержимо катилась к гибели.

Во второй половине 1916 г. на фронте наступило затишье. Русские войска, просидевшие полгода в бездействии, отдохнули и, как казалось с внешней стороны, пришли относительно в порядок; что же касается артиллерии, то она окрепла и значительно усилилась благодаря сформированию новых частей артиллерии и особенно формированию тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). Но недоверие и ненависть армейской массы к царскому правительству, нежелание продолжать войну, затеянную в интересах империалистов, не только не ослабели, но в значительной степени разгорались.

К 1917 г. русская армия в основном представляла собой революционно настроенную массу, проникнутую стремлением прекратить войну, обратить свое оружие против угнетателей народа, против правительства, приведшего родную страну к войне, к нищете и разорению.

В начале января 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский дал следующую оценку подчиненным ему войскам: «Во время последних боев под Ригой имели место крайне прискорбные и нетерпимые в армии случаи уклонения и даже отказа нижних чинов некоторых полков итти в бой...»

После февральской революции упадок дисциплины и разложение армии быстро прогрессировали.

Генерал Алексеев, назначенный главковерхом, сообщал 22 марта 1917 г. военному министру Временного правительства Гучкову, что события последних дней резко изменили обстановку, что Балтийский флот небоеспособен, что разложение тыла идет быстрым темпом и волна разложения докатывается уже до окопов, что близок «час, когда отдельные части армии станут совершенно негодными к бою». «Упадок духа, замечаемый в офицерском составе,— писал далее Алексеев,— не обещает победы».

Военный министр Гучков со своей стороны сообщал Алексееву тогда же, в марте 1917 г., о невозможности формирования в намеченные сроки артиллерийских и прочих войсковых частей, так

как: «1) Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов... 2) Начавшееся разложение запасных частей внутренних округов прогрессирует... и запасные части не обладают необходимой моральной и боевой подготовкой... 3) Так же безнадежно стоит вопрос и о пополнении конского состава армии... Намеченные реквизиции лошадей в округах пришлось прервать... дабы не обострять настроение населения и не помешать своевременному обсеменению полей, тем более что сбор лошадей, при нынешнем транспорте и необеспеченности фуражом, привел бы их лишь к бесцельной гибели на сборных пунктах» [1].

И все же империалистические вожделения русской буржуазии и нажим союзников заставили Временное правительство продолжать войну.

При разрешении вопроса о продолжении войны и переходе в наступление русское главное командование проявило крайнюю нерешительность, граничащую с растерянностью. Генерал Алексеев, сообщивший Гучкову в марте, что состояние армии «не обещает победы», через несколько дней (12 апреля 1917 г.) писал ему же: «...как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям союзников» [2].

На совещании главнокомандующих 14 мая 1917 г., съехавшихся в Ставке для обсуждения вопроса о переходе в наступление, совершенно определенно выяснилось, что русская армия не желает продолжать войну и требует «мира во что бы то ни стало»[3].

Главковерх Алексеев на совещании подчеркнул, что союзники настойчиво требуют наступления русской армии. «Мы еще имеем месяц,— сказал в заключение Алексеев,— чтобы всеми мерами оздоровить армию».

Главнокомандующие решили, что необходимо наступать, несмотря на то, что армия воевать не желает и на ожидаемое Алексеевым «оздоровление» рассчитывать нельзя.

Наступление началось 1 июля 1917 г. на Юго-Западном фронте. Для прорыва укрепленной позиции австро-германцев сосредоточены были отборные части пехоты и сохранившая порядок, стремившаяся разгромить противника своим огнем сильная артиллерия, в том числе вновь сформированная тяжелая артиллерия особого назначения. Однако, несмотря даже на небывало могущественную артиллерийскую подготовку, вполне обеспечивавшую атаку пехоты, и на моральную подготовку наступления, которую правительство Керенского пыталось провести, наступление русских войск провалилось. Задуманная командованием Юго-Запад-

---

[1] ЦГВИА, дело Ставки № 540.

[2] Там же.

[3] Протокол совещания главнокомандующих 1 (14) мая 1917 г. в Могилеве на Днепре. Приложение 6 к труду А. М. Зайончковского „Кампания 1917 г.".

ного фронта новая наступательная операция даже не началась из-за отказа пехоты итти в бой.

Наступление Северного и Западного русских фронтов, начавшееся 21—23 июля, также остановилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неустойчивость мысли правящих кругов царской России в отношении подготовки армии к предстоящей войне с Германией и Австро-Венгрией, несомненно, сказалась и на боевой подготовке русской артиллерии.

Организация высшего управления армией с ее артиллерией отличалась неопределенностью.

Высшее командование русской армии в лице ее военного министра генерала Сухомлинова и начальника Генерального штаба совершенно не интересовалось боевой подготовкой артиллерии, да отчасти и не считало себя вправе вмешиваться в это дело, так как возглавлял артиллерию (в строевом отношении) генерал-инспектор ее, принадлежавший к царской фамилии.

Генерал-инспектор артиллерии оказывал самостоятельное доминирующее влияние на боевую подготовку артиллерии, что, с одной стороны, приводило до некоторой степени к вредной ее обособленности от других войск — в отдельное, так сказать, «артиллерийское ведомство»; с другой стороны, было полезным для технической ее подготовки в отношении искусства стрельбы.

За год до начала войны по заключению генинспарта, выраженному в его докладе царю (25 марта 1913 г., № 173), артиллерийское дело в общем «стоит на должной высоте, хотя процент неудовлетворительных стрельб увеличился и артиллерийская подготовка в некоторых частях стала понижаться»[1]. Это заключение относилось к полевой артиллерии (легкой, конной и полевой тяжелой). Что же касается частей крепостной артиллерии, то они были далеко не на должной высоте, за исключением только кронштадтской и очаковской крепостной артиллерии, осмотренной генинспартом в 1912 г. и оказавшейся в порядке.

Недостаточно удовлетворительная подготовка некоторых частей полевой и крепостной артиллерии объяснялась главным образом неправильностью организации.

Командующие войсками в округах не в состоянии были лично руководить специальным артиллерийским делом, а в их распоряжении не было авторитетных сведущих артиллеристов (инспекторов или начальников артиллерии округа), могущих объединить руководство подготовкой всей артиллерии в округе.

Русская артиллерия вышла на фронт мировой войны 1914—1918 гг. в общем с очень хорошо подготовленным личным составом солдат и офицеров, особенно в специальном техническом отношении искусства стрельбы. Но среди высшего начальствующего состава артиллерии оставалось к началу мировой войны еще не-

[1] ЦГВИА, ' 338—306.

мало лиц, значительно отставших от современных требований тактики и отчасти даже по технике стрельбы.

Специальная подготовка русской полевой артиллерии в отношении искусства стрельбы с закрытых позиций доведена была к началу войны до совершенства. Стреляла она отлично и в достаточной степени хорошо умела использовать свой огонь, но в тактическом отношении артиллерия была подготовлена довольно слабо.

Искусные действия русской артиллерии в период маневренной войны 1914 г. получили должную высокую оценку не только со стороны своей пехоты, но и со стороны противников, вызывая удивление австро-германцев.

Подготовка во время войны пополнений личного состава, прибывавших в части артиллерии действующей армии из внутренних военных округов, была в общем неудовлетворительной. Тем не менее все же уровень подготовки артиллерии действующей армии оставался на должной высоте, что и подтвердилось весьма удачными действиями русской артиллерии в июльских операциях 1917 г.

Подготовка в артиллерийском отношении общевойсковых начальников оставляла желать много лучшего. Проявление с их стороны некоторого интереса к артиллерии замечается со времени перехода артиллерии в подчинение начальникам дивизий, т. е. с 1910 г. Только с изданием «Наставления для подготовки артиллерии к стрельбе» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», т. е. с 1913 г., общевойсковые начальники переходят к руководству подчиненной им артиллерией в строевом и тактическом отношениях (технической подготовки в искусстве стрельбы они не касались). Но их руководство подчиненной им артиллерией, не объединяемое высшим командованием, не успело к началу войны сказаться в положительной степени.

В царской русской армии не было должного единения и органической связи артиллерии с другими родами войск, что можно объяснить некоторой обособленностью от них артиллерии и рознью среди офицерства разных родов войск, передававшейся солдатской массе, а также весьма редко и малопоучительно производившимися в мирное время совместными занятиями артиллерии с пехотой и другими войсками.

Но в общем русская артиллерия прошлой мировой войны 1914—1918 гг. стояла на должной высоте своего боевого назначения. Благодаря своему мастерству и боевой доблести русские артиллеристы показали, какое огромное могущественное значение в современных условиях войны представляет столь мощное оружие уничтожения и разрушения, как артиллерия.

Русская артиллерия в первую мировую войну вписала немало ярких и славных страниц в историю русского военного искусства, несмотря на довольно бездарное руководство общевойскового командования и некоторых старших артиллерийских начальников, какие бывали на русском фронте в ту войну.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРТИЛЛЕРИИ

ГЛАВА I

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ[1]

Мировая война 1914—1918 гг. возникла как неизбежное следствие противоречий между враждебными друг другу группировками империалистических государств; она была логическим результатом борьбы этих государств, преследовавших свои захватнические цели, стремившихся главным образом к увеличению прибылей капиталистов.

Военные операции первой мировой войны раскинулись на трех материках — в Европе, Азии, Африке и на двух океанах — Атлантическом и Тихом, охватив до полутора миллиарда человек земного шара. Европа явилась основной ареной первой мировой войны.

К военной конвенции, заключенной между Россией и Францией в 1892 г., присоединилась Англия, и в 1907 г. было оформлено «тройственное согласие», или Антанта, — союз Англии, Франции и России. «Тройственное согласие» противопоставлено было «тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии. Но последняя уже во время войны, в 1915 г., изменила «тройственному союзу» и присоединилась к Антанте, увлеченная обещаниями удовлетворить стремления Италии к обладанию областями Австро-Венгрии с итальянским населением и отчасти под давлением экономического гнета Франции и Англии.

«Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и поэтому в нее оказались

---

[1] Источники: ЦГВИА, дела 173—432, 248—282, 137—342, 137—339, 106—196, 84—317, 137—314, 137—342, 137—323, 137—364, 138—858, 106—198, 200—260, 139—934, 140—908, 143—927, 84—112, 14—558, 28—369, 13—123, 13—127, 13—132, 13—136, 14—155, 13—129; ВИА, дела 709, 7055, 3431. *Генеральный штаб РККА*, „Восточно-Прусская операция", Сборник документов, ГВИЗ, 1939 г. *А. Зайончковский*, Мировая война, ГВИЗ, 1924 г. *Е. Барсуков*, Русская артиллерия в мировую войну, т. II, ГВИЗ, 1940 г. *А. Коленковский*, Маневренный период первой мировой империалистической войны, ГВИЗ, 1940 г. *Радус-Зенкович*, Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г., Москва, 1921 г. *Г. Иссерсон*, Канны мировой войны, ГВИЗ, 1926 г. *В. И. Ленин*. Соч., т. XV, стр. 165; т. XVIII, стр. 61, 207; т. XIX, стр. 134—139, 280—282. „История Всесоюзной Коммунистической Партии", Краткий курс, стр. 154—157, 162.

в дальнейшем втянутыми Япония, Соединенные Штаты Америки и ряд других государств» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 155).

Россия в начале XX века подпала под зависимость англо-французского капитала. Русская металлургия, каменноугольная и нефтяная промышленность приблизительно на 70% зависели от иностранного капитала. Миллиардные займы, заключенные царским правительством во Франции и Англии, поставили Россию в положение «данницы этих стран», обязавшейся выступить в войне с «тройственным союзом» на стороне Антанты. Помимо этих обязательств, были и другие причины, побудившие Россию выступить в войне: во-первых, традиционное ее стремление к выходу в Средиземное море и в связи с этим стремление к разделу Турции, завоеванию Дарданелл и захвату Константинополя; во-вторых, необходимость освободиться от русско-германского торгового договора 1904 г., вырванного у России в тяжелую для нее годину войны с Японией, дававшего немцам неисчислимые экономические преимущества за счет русского народа; вековая вражда с немцами за влияние на Балканах; необходимость вооруженного отпора наглому стремлению Германии отнять у России Украину, Польшу, Прибалтику...

Вспыхнувшая в июле 1914 года война не была неожиданной для империалистов. Они усиленно к ней готовились задолго до ее начала, стремясь «развязать войну» в наиболее выгодных условиях для своей страны. Но характерно то, что ни одна из готовящихся стран не учитывала в достаточной мере уроков русско-японской войны, не предусматривала тех грандиозных масштабов, которые война приняла. Как известно, будущая война тогда представлялась кратковременной, решаемой исключительно маневренными, наступательными операциями, которые приведут к генеральному маневренному сражению; предполагалось, что в результате такого сражения один из противников будет уничтожен и лишен способности продолжать войну.

Соответственно этому представлению о характере предстоящей войны велась и подготовка к ней как в отношении оперативно-тактическом, так и материально-техническом. Основой тактики считалось наступление в условиях маневренного встречного боя, обороной почти пренебрегали; сила артиллерийского и ружейно-пулеметного огня недооценивалась, пехота воспитывалась, особенно германская, в духе пренебрежения к огню. Нормы расхода боеприпасов, рассчитанные по опыту русско-японской войны, совершенно не отвечали действительности; установленные мобилизационные запасы предметов боевого снабжения рассчитаны были по указанным ошибочным нормам лишь на несколько месяцев ведения войны; промышленность не была подготовлена для своевременного и достаточного пополнения расхода запасов боевого снабжения, оказавшегося чрезмерным в действительности, совершенно не предусмотренным мобилизационными соображениями при подготовке к войне.

Россия в отношении численности артиллерии (к началу войны она имела лишь 6 848 легких и 240 полевых тяжелых орудий) значительно уступала Германии, на вооружении армии которой состояло к началу войны 7 312 легких и 2 076 тяжелых орудий. В отношении численности вооруженных сил вообще, к окончанию первой мобилизации 1914 г., Россия (около 5 460 000 человек) превосходила Германию (3 822 000 человек).

В отношении боевой подготовки войск, в особенности в отношении подготовки высшего начальствующего состава, германская армия имела некоторое преимущество перед русской армией, но не в отношении личного состава русской артиллерии, боевая подготовка которой, в особенности в отношении искусства стрельбы с закрытых позиций, стояла гораздо выше подготовки германской артиллерии.

На стороне Германии благодаря широко развитой сети железных дорог было большое преимущество в отношении сроков сосредоточения и развертывания войск, а также свободы их маневрирования в районе военных действий и маневрирования резервами внутри страны. Тогда как развертывание русской армии, ее маневрирование на театре войны и снабжение всем необходимым обычно запаздывали как из-за огромных пространств России, слабости развития сети железных дорог, так и по несоответствию тому и другому территориальной системы комплектования армии, введенной при военном министре Сухомлинове за два-три года перед началом войны.

Планы войны. В результате союзного договора 1891 г. и военных конвенций 1894 и 1912 гг., которыми Россию крепко связала Франция, опасавшаяся изолированного разгрома ее Германией, русская армия, так сказать купленная французскими займами, вынуждена была принять такой план начальных боевых операций, который был выгоден прежде всего французскому командованию. При этом Россия и Франция не установили вполне определенного плана совместных действий, а периодически изменяемые военные конвенции только связывали стратегическую свободу русских армий. Важный вопрос объединения **верховного командования** союзных армий — русской и французской — не был решен, о нем умалчивали.

В основу общего плана положена была военная конвенция 1892 г., принявшая к 1914 г. благодаря уступчивости русского начальника Генерального штаба Жилинского следующую форму.

Армии России и Франции должны действовать наступательно, энергично и по возможности одновременно. Союзники должны начать наступление одновременно с двух сторон, применяя максимум комбинированных усилий. Россия должна выставить к 15-му дню мобилизации против Германии 800 000 войск и немедленно начать наступление.

Удар направляется обоими союзниками к жизненному центру Германии, причем в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии наиболее выгодным направлением наступления для

русской армии признавалось наступление с юга, т. е. от р. Нарев на Алленштейн, а в том случае, если немцы сосредоточат свои главные силы в районе крепостей Торн-Познань, русским надлежало наносить удар прямо на Берлин.

В конвенции признана была необходимость одержать решительный успех возможно скорее, так как только при этом условии немцам будет затруднена переброска сил с одного фронта на другой; в конвенции указывалось, что французская армия должна иметь численное превосходство перед противником и что этого возможно достигнуть, если русская армия отвлечет на себя возможно больше немецких сил.

Собственные интересы России требовали энергичного наступления в начале войны против Австро-Венгрии и быстрейшего ее разгрома; кстати этого было сравнительно легко достигнуть. На границах же с Германией для русских предпочтительнее было ограничиться стратегической обороной, а после победы над Австро-Венгрией русские силы могли быть обращены против Германии, и как раз именно в то критическое для нее время, когда главные ее усилия были бы направлены на запад против Франции и Англии. В действительности же, подчиняясь требованиям англо-французского капитала, русский Генеральный штаб обязался начать войну с быстрейшего наступления против Германии, что повлекло за собой непоправимые ошибки в начальных операциях русских армий.

По плану русского Генерального штаба на германский фронт Восточной Пруссии предназначалось две армии, т. е. около 0,4 всех сил, выдвигаемых на западную границу России. Армии эти должны были развернуться: 1-я армия на линии Ковно, Друскеники, 2-я армия на линии Гродно, Белосток, Ломжа, а затем, взяв в клещи германскую армию, оставленную для защиты Восточной Пруссии, овладеть этой последней с целью создать выгодное исходное положение для дальнейших действий.

По плану германского генерального штаба войскам, сосредоточенным в Восточной Пруссии, ставилась для первого периода кампании задача оборонительного характера: задержать наступление русских в Восточную Пруссию и к нижней Висле до переброски сюда главных сил с границы Франции, что предполагалось осуществить, начиная с 40-го дня мобилизации, т. е. после завершения разгрома Франции. В Восточной Пруссии сосредоточивалась 8-я германская армия из четырех корпусов с войсковыми частями, выделенными из крепостных гарнизонов, и с одной кавалерийской дивизией; всего около 16—20 дивизий.

Восточная Пруссия издавна слыла за богатую сельскохозяйственную провинцию, весьма ценную для Германии, в особенности в отношении разведения высоких пород скота и образцового коневодства. К тому же она представляла довольно живописный уголок природы с множеством холмов, лесов и озер, омываемый на севере Балтийским морем со многими благоустроенными населенными пунктами — хуторами (фольварками) и городками, по-

крытый густой сетью хороших дорог и шоссе. Населенные пункты расположены близко друг к другу — расстояние между крупными населенными пунктами 5—10 *км*, между мелкими — еще меньше. Многие населенные пункты расположены вдоль оборонительных рубежей, по берегам небольших рек и оврагов, по опушкам рощ и лесов. Немцы уделяли большое внимание обороне населенных пунктов и усиливали их оборону разного рода препятствиями.

Очертание границ Восточной Пруссии, вдававшейся клином в пределы России с запада, ставило в невыгодные условия оборону этой провинции, так как защитники ее могли быть охвачены превосходными силами русских с двух сторон — с северо-востока и юго-востока. Границы Восточной Пруссии с Россией были довольно открыты и в общем мало защищены естественными преградами.

Искусственные укрепления вблизи границы с Россией ограничивались крепостью Летцен, построенной на перешейке между озерами Дарген и Левентин, и линией блокгаузов, пересекавшей Иоганнисбургскую рощу. Цитаделью Восточной Пруссии в ее северо-западном углу являлась сильная крепость Кенигсберг, служившая ее главной защитой и опорой как со стороны суши, так и со стороны моря. Восточную Пруссию от остальной части Германии отделяла р. Висла с крепостями на ней — Данциг, Мариенбург, Грауденц, Кульм и Торн, которые назначались для обороны Центральной Германии в случае занятия Восточной Пруссии русскими, и потому не могут быть причислены к системе укреплений этой последней. На кратчайших путях к Кенигсбергу, с востока и юга, отсутствовали какие бы то ни было искусственные укрепления. Лишь линия Мазурских озер, укрепленная крепостью Летцен, фортом Бойен и блокгаузами в Иоганнисбургской роще, обеспечивала правый фланг германских войск, развертывающихся севернее озер.

Мазурские озера в юго-восточном углу Восточной Пруссии давали крупные преимущества ее обороноспособности. Эти глубокие, частые, с лесистыми и болотистыми берегами озера, тянувшиеся в меридиональном направлении на протяжении до 80 км и отделенные друг от друга узкими перешейками, приспособленными к обороне, представляли серьезные препятствия для движения русских войск с востока на запад. Обход же озер с севера и юга ставил наступающего в условия изолированно действующих друг от друга двух групп. При этом, так как сами озера представляли собой, так сказать, щит, под покровом которого германские войска могли маневрировать по внутренним операционным линиям, то каждая из наступающих групп могла быть подвержена атаке ранее, чем соединится с другой.

Эти условия местности легли в основу обороны Восточной Пруссии немцами по идее бывшего начальника их большого генерального штаба графа Шлиффена, который считал, что время, необходимое русским армиям, чтобы соединиться к западу от озер-

ного района, будет достаточным для уничтожения одной из русских армий ранее, чем к ней на помощь подоспеет другая.

Наконец, с военной точки зрения исключительно важное значение приобретала необычайно развитая в Восточной Пруссии сеть железных дорог, позволявшая производить переброску войск решительно во всех направлениях и во все пункты близ границы от Торна до Тильзита. Многочисленные воинские платформы, нередко длиной в несколько километров, были построены в наиболее важных узловых пунктах, лежащих вблизи границы с Россией, что имело огромное значение, облегчая погрузку и подвоз германских войск.

В общем, Восточная Пруссия была обращена немцами в сильный укрепленный плацдарм для войны с Россией. На правом фланге этот плацдарм закреплялся системой Летценских укреплений, которые совместно с пересеченной местностью Мазурских озер не только давали преимущество обороне мелких отрядов, но и разбивали действия русских армий, вторгавшихся в Восточную Пруссию с северо-востока и с юго-востока. На левом фланге плацдарм прикрывался крепостью Кенигсберг.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

Германский генеральный штаб предполагал, что русские армии, вследствие медленности их мобилизации и сосредоточения смогут начать активные действия главными своими силами не ранее как через шесть недель после начала мобилизации. Поэтому немцы считали, что в течение этого срока для обороны Восточной Пруссии достаточно будет одной армии генерал-полковника Притвица, численностью около 200 тысяч бойцов и 800 орудий.

Но русское командование было связано обязательствами своего правительства перед французскими союзниками. И когда со стороны германских армий, наступавших через Бельгию, нависла серьезная угроза для Франции, то французское правительство потребовало от России немедленного выполнения ее обязательств.

Русские войска к тому времени еще не закончили сосредоточение к границе. Артиллерия подвозилась очень медленно. Тылы были неорганизованы. Словом, русская армия была еще далеко не готова к наступлению. Между тем, французский посол Морис Палеолог, ссылаясь на категорические требования из Парижа, настоятельно добивался перехода русских армий в наступление.

Русский верховный главнокомандующий телеграфировал 10 августа главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу Жилинскому: «Необходимо нам, в силу союзнических обязательств, поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил. На основании изложенной обстановки... армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться

к тому, чтобы в ближайшее время... перейти в спокойное и планомерное наступление».

Директивой от 10—12 августа верховный главнокомандующий указал Северо-Западному фронту на переход в наступление 13 августа (14-й день мобилизации) с целью охватить противника в Восточной Пруссии с обоих флангов и отрезать его от Кенигсберга и Нижней Вислы.

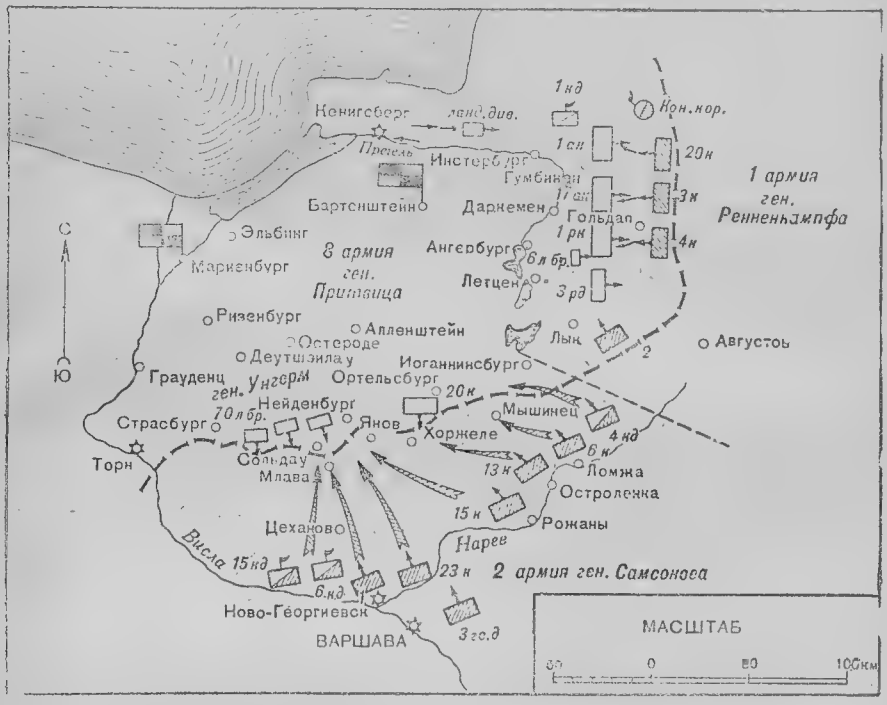


Схема 1. Развертывание 8-й германской, 1-й и 2-й русских армий.

На германском фронте, против Восточной Пруссии, развернулись две русские армии (схема 1): 1-я армия генерала Ренненкампфа, в составе трех с половиной корпусов с несколькими второочередными дивизиями, и пять с половиной кавалерийских дивизий, по Неману на фронте Ковно — Олита с выдвинутыми вперед прикрывающими частями; 2-я армия генерала Самсонова, в составе четырех с половиной корпусов и трех кавалерийских дивизий, на фронте Августов—Остроленка—Ново-Георгиевск, имея кавалерию перед фронтом и на флангах. Кроме того, для прикрытия 2-й армии со стороны Торна в состав ее были назначены: 1-й корпус, сосредоточенный в Ново-Георгиевске, и гвардейский — в Варшаве.

Обе русские армии развернулись без стратегических резервов, с открытым промежутком между ними около 45 км против Летценского укрепленного района Мазурских озер. Армии были, считая второочередные дивизии 1-й армии, почти одинаковой силы, но Неманская 1-я армия была более сосредоточена—на фронте около 65 км, а Наревская 2-я разбросана на фронте до 220 км.

Армии охватывали Восточную Пруссию с северо-востока и с юга, и хотя к началу операций (17—19 августа) численность их не доходила до 75% полного состава, все же они имели некоторое превосходство над германскими силами, в особенности в кавалерии. Превосходство в численности русских сил было в сущности ничтожным, если учесть еще форсированное движение армии Самсонова к прусской границе при самых тяжелых условиях, что должно было повлечь за собой большое уменьшение рядов в корпусах 2-й армии.

В общем, приблизительно против девяти русских корпусов, привязанных благодаря слабому развитию рельсовых путей к тому определенному направлению, на которое они были поставлены, немцы сосредоточили около шести с половиной корпусов, но оборонявших сильный плацдарм и опиравшихся на богатую сеть железных и шоссейных дорог.

Командующий 8-й германской армией Притвиц, опираясь на Летценский укрепленный район, развернул один корпус фронтом к р. Нареву, примерно от Млавы до Виленберга, другой — фронтом к р. Неману, примерно между Гольдап-Гумбинен, а остальные части своей армии оставил в стратегическом резерве в районе Ангербург—Алленштейн—Мариенбург, применив их расположение к узловым станциям железных дорог для быстрой переброски в разных направлениях в зависимости от обстановки (см. схему 1).

По директиве главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского указывалось:

1-й армии перейти границу 17 августа и с линии Владиславов - Сувалки наступать на фронт Инстербург — Ангенбург в обход Мазурских озер с севера и с охватом левого фланга противника, причем подчеркивалась необходимость возможно глубже охватить левый фланг немцев на р. Ангерап с целью отрезать их от Кенигсберга.

2-й армии начать наступление 18 августа с исходной линии своего развертывания Августово — Ломжа — Остроленка и Ново-Георгиевск и наступать на фронт Руджаны — Пассенгейм и далее Растенбург — Зеебург во фланг и тыл линии Мазурских озер.

Таким образом, обе русские армии нацеливались на охват узкой полосы к северу от озер, где в действительности противник сосредоточил большую часть своих сил против Ренненкампфа на р. Ангерап, но такое развертывание германцев оказалось *случайным*, так как они не верили в возможность наступления русских от Нарева.

При задуманном окружении немцев к северу от Мазурских озер главная роль выпадала на 2-ю русскую армию, которая

должна была отрезать противнику путь отступления, и чем более углубился бы Притвиц к востоку, тем было бы выгоднее для Жилинского. Это требовало замедления наступления армии Ренненкампфа и ускорения движения армии Самсонова. Вышло же наоборот: армия Ренненкампфа была не только развернута ближе к границе и более сосредоточена, но и начала наступление на сутки раньше 2-й армии. И это еще раз подтверждает тот факт, что русское верховное командование при начале войны менее беспокоили стратегические соображения, чем желание скорее помочь Франции.

Генерал Самсонов считал нецелесообразным направление его 2-й армии строго на север; оно вызывало большое беспокойство с его стороны, так как, кроме идейного несогласия, здесь имели место и заслуживающие внимания опасения за левый фланг его армии, который был открыт для удара германских войск, находившихся в глубине восточно-прусского театра. В результате этих опасений и несогласия между Самсоновым и Жилинским происходил ряд нежелательных трений: первый тянул свою армию на запад, второй тянул ее на северо-восток и на восток. Трения окончились компромиссным решением, благодаря которому 2-я армия расползлась по мере сближения с противником в разные стороны.

Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц решил заслониться против маловероятного, по его мнению, наступления русских со стороны Нарева 20-м корпусом и приданными к нему частями, а все остальные силы сосредоточить на р. Ангерап против русской Неманской армии. Против Ренненкампфа он собрал не менее четырех корпусов (1-й и 27-й армейские и 1-й резервный корпуса, 3-ю резервную дивизию, 2-ю и 6-ю ландв. бригады и гарнизон Кенигсберга), бо́льшую часть которых Притвиц решил сгруппировать к своему левому флангу, чтобы дать активный отпор русскому наступлению.

В соответствии с указанными соображениями 8-я германская армия развернулась на фронте примерно Гольдап — Мильвишкен, имея два корпуса к северу и к югу от Гумбинена, с обеспеченными флангами: на правом — укрепленным районом Летцена и на левом, у Краупишкен, — кавалерийской дивизией и бригадой Тильзитского гарнизона, имея в тылу за левым флангом крепость Кенигсберг.

ГУМБИНЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

(схемы 1 и 2)

1-я русская армия 16 августа 1914 г. достигла исходной линии Владиславов — Сувалки, имея конную группу в четыре с половиной дивизии генерала Хана Нахичеванского на правом фланге и одну кавалерийскую дивизию генерала Гурко на левом. Корпуса развернулись в одну линию, не дождавшись присоединения к ним второочередных пехотных дивизий, на широком фронте около 80 км почти равномерно, имея незначительное уплотнение (20-го и 3-го корпусов) по обе стороны железной дороги Ковно—Кенигсберг.

Схема 2. Гумбиненское сражение 20 августа 1914 г. Положение сторон к 16 часам.

На другой день, 17 августа, армия перешла границу и после удачного для русских столкновения с авангардом Притвица у Шталюпенена продолжала движение к Гумбиннену. Марш-маневр армии совершался в прежнем порядке корпусов, но с постепенным сближением к центру, так что при подходе к Гумбиннену армия занимала фронт уже около 55 км, приблизительно от Куссена на севере до очищенного немцами Гольдапа на юге. Задача охвата противника с севера осуществлялась указанным сближением 20-го и 3-го корпусов около железной дороги и главное — наличием на правом фланге четырех с половиной кавалерийских дивизий.

Ночь накануне боя 17 августа прошла спокойно. В сторожевом охранении русских корпусов, стоявшем вдоль русско-прусской границы и местами перешедшем ее, происходили только небольшие перестрелки с разведчиками и дозорными немцев.

В штабе 1-й армии о противнике было известно, что линия Пилькален — Шталюпенен — Гольдап и Ромнитенская пуща заняты пехотой из состава 1-го германского корпуса и что разъезды немцев местами проникли на русскую территорию. В районе Пилькален был обнаружен конный отряд немцев с артиллерией и пулеметами. Более подробных сведений о неприятеле не было. Русские войска, вступая в Восточную Пруссию, в сущности, не знали сколько-нибудь определенно, какие силы немцев против них, где именно и как расположены и где подготовлены противником позиции для встречи русских. Чрезвычайно сильная конница 1-й русской армии не произвела разведки неприятеля, находящегося перед фронтом армии. Впрочем, такая задача не была поставлена коннице командованием, по распоряжению которого она должна была действовать на флангах. И хотя, между прочим, ей было указано «скрыть направление движения корпусов армии и помешать угону подвижного состава на железных дорогах», но, находясь не перед фронтом наступающих корпусов, а далеко на флангах армии, конница не могла выполнить это указание.

Встречный бой 17 августа в значительной мере носил характер неожиданного как в отношении столкновения с противником, так отчасти и в отношении взаимодействия соседних колонн корпусов и дивизий, так как связь между ними не была в должной мере налажена. К тому же распоряжений, регулирующих переход частями границы и указывающих на вероятность вступления их в бой с немцами, никаких от командующего 1-й армией не исходило.

Утром 17 августа 1-я армия стала переходить государственную границу: дивизии 3-го корпуса — между 8 и 9 часами; дивизии 20-го корпуса — между 12 и 13 часами; полки 40-й дивизии — после 11 и до 12 часов; 30-я дивизия — между 13 и 14 часами. Прочие дивизии армии находились на прусской территории уже с 16 августа.

Русские войска, переходя границу в разное время и не имея достаточно организованной связи между собой, вступили в бой не одновременно и могли подвергнуться ударам со стороны противника по частям.

Наибольшая тяжесть боя выпала на выдвинувшийся вперед 3-й корпус, атаковавший главную группу германских сил. Подоспевшая ему на помощь 29-я пехотная дивизия также вела довольно серьезный бой. Прочие части армии или имели незначительные стычки с противником, или наступали без боя. При этом 4-й корпус несколько уклонился к югу, потерял связь с соседним 3-м корпусом и оголил его левый фланг, чем неприятель не замедлил воспользоваться, охватив фланг.

Благодаря помощи 29-й дивизии, 3-й корпус с боем продвигался вперед и к 16 часам овладел линией Малиссен — Кальвейчен — Допенен — Занзейчен, охватив фланг неприятеля и угрожая его тылу в направлении на Гаванен. Немцы (части 1-й германской дивизии) стойко удерживались на фронте Шталюпенен — Гавенен, развивая сильнейший ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Действие огня германской тяжелой артиллерии было особенно чувствительным для наших войск, не привыкших к нему и не имевших тогда в своем составе не только тяжелой артиллерии большой мощности, но и полевой тяжелой артиллерии (107-мм пушек и 152-мм гаубиц).

В промежуток около 20 км, образовавшийся между 27-й дивизией на левом фланге 3-го корпуса и оторвавшейся от нее 40-й дивизией на правом фланге 4-го корпуса, бросился отряд немцев и атаковал во фланг и в тыл левофланговый Оренбургский полк, который, понеся огромные потери (почти весь погиб), отошел к границе с некоторыми частями 27-й дивизии.

Правофланговая 28-я пехотная дивизия, не встречая сопротивления, к вечеру заняла Вилюнен.

Прикрывавшая правый фланг армии отдельная кавалерийская бригада генерала Орановского заняла без боя Шиленен.

Конный корпус генерала Хана Нахичеванского, получивший задачу разгромить неприятеля в его тылу в районе Инстербурга, задачи не выполнил и, не оказав содействия ведущим горячий бой соседним пехотным дивизиям, стал на ночлег западнее Пилькалена.

На левом фланге армии 30-я дивизия, 5-я стрелковая бригада и 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко, продвигаясь с боем, заняли к вечеру 17 августа Дубенинкен — Ковален — Гусен.

Неудача 105-го пехотного полка привела к отходу не только 27-й дивизии, понесшей большие потери (63 офицера, 6 664 солдата и 12 пулеметов), но и к приостановке успешных действий 25-й дивизии, а также дальнейшего наступления всей 1-й армии до 14 часов 18 августа, что дало возможность немцам спокойно отойти.

Несмотря на то что операция наступления в Восточную Пруссию была в общем подготовлена плохо, первые столкновения с немцами можно считать удачными для русских войск, показавших превосходные боевые качества. Русская пехота действовала смело и решительно, артиллерия проявила большое искусство в стрельбе.

Командир 1-го германского корпуса доносил о победе с захватом трех тысяч русских пленных, но в действительности никакого

стратегического успеха немцы 17 августа не имели, так как в ночь на 18 августа германские войска отошли в общем направлении к Гумбинену, отдав в руки русским полосу восточно-прусской территории глубиной не менее 30 км.

Отход немцев был обнаружен лишь на другой день, 18 августа. Поэтому, а также вследствие необходимости привести в порядок некоторые части, русские двинулись вперед лишь с 14 часов и достигли в этот день беспрепятственно линии Мальвишкен — Шталюпенен — Пилюпенен — Раковкен. Некоторое сопротивление встретил только конный корпус Хана Нахичеванского у Мальвишкен, откуда ему пришлось выбить части германской спешенной конницы и самокатчиков. Кавалерийская бригада генерала Ореховского оставалась на дневке у Шиленен.

Командующий 1-й армией генерал Ренненкампф поставил задачу своим войскам на 19 августа занять фронт Ушбален — Пусперн — Соденен — Гольдап, а на 20 августа назначил дневку.

Однако правофланговые 28-я и 29-я дивизии армии, а также конница Хана Нахичеванского ввязались в бой с немцами уже 19 августа, а 20 августа вместо отдыха и дневки на рассвете началось первое крупное сражение минувшей мировой войны на фронте Гумбинен — Гольдап, исход которого спутал карты Германии в ведении войны не только на русском фронте, но отчасти и на французском.

Командующий 8-й германской армией Притвиц решил перейти в наступление 20 августа (в день, когда Ренненкампф дал дневку своей армии), чтобы разгромить 1-ю армию, пока 2-я армия Самсонова не успела еще перейти в наступление. С этой целью германское командование решило направить главный удар на правый фланг русских, и, чтобы обойти этот фланг, германцы к северу от Гумбинена сосредоточили большой кулак.

По распоряжению Притвица, 1-й германский корпус с дивизией конницы был собран севернее Гумбинена; 17-й корпус перевезен из района Млавы в районе южнее Гумбинена — 35-я дивизия к северу, а 36-я дивизия к югу от Вальтеркемена; около трех ландверных дивизий перевезены из района Тильзита и Кенигсберга в район Краупишкен; части 1-го резервного корпуса двинуты на Гольдап; некоторые части 20-го корпуса притянуты также в район Гумбинена.

Гумбиненское сражение является интересным примером встречного столкновения не только армий почти равной силы, но и одинаково сгруппированных. У обеих армий по два корпуса было сосредоточено в районе Гумбинена, а южные фланги были разрежены. В районе Гумбинена было сосредоточено против двух русских — 20-го и 3-го корпусов два германских — 1-й и 17-й; у обеих сторон южные фланги более слабые; на северном фланге у русских конная масса Хана Нахичеванского, против которой немцы имели лишь одну кавалерийскую дивизию [1].

[1] ЦГВИА дела 137—342, 106—196, 137—304.

Русские 20-й и 3-й корпуса утром 19 августа двинулись вперед, чтобы занять указанный им фронт Ушбален — Пусперн — Соденен.

Конный корпус Хана Нахичеванского наткнулся на части 2-й ландверной бригады немцев, атаковал их и отбросил за р. Инстер. Но с наступлением темноты Хан Нахичеванский прекратил бой, не преследовал немцев и отвел свой корпус на ночлег к д. Линденталь, оставив открытыми пути в обход правого фланга своей 1-й армии.

Кавалерийская бригада Орановского к ночи 19 августа пришла в район д. Спулен, чтобы здесь выполнять поставленную ей задачу — охранять правый фланг армии.

Правофланговая 28-я пехотная дивизия 20-го корпуса с утра 19 августа наткнулась на части 1-го германского корпуса, занимавшие укрепленную позицию на фронте Покальнишкен — Нибудшен, причем 109-й полк дивизии, выдвинувшийся вперед и подставивший свой правый фланг, подвергся атаке и отошел к д. Мингштимен; прочие части дивизии удерживались на линии Ушбален — Бракупенен.

Командир 20-го корпуса генерал Смирнов не придавал серьезного значения событиям в 28-й дивизии, и под впечатлением удачи боя 17 августа считал, что немцы продолжают отход, прикрываясь только конницей, и решил продолжать движение на Ушбален — Бракупенен — Пусперн, чтобы ударить в правый фланг неприятеля и отбросить его к северу на лес и на армейскую конницу Хана Нахичеванского.

29-я пехотная дивизия 20-го корпуса продвигалась 19 августа вперед на Пусперн — Кармонен организованно: главные силы шли в середине с авангардом впереди, а по сторонам шли сильные боковые отряды из пехоты, артиллерии и конницы. Около 15 часов по авангарду дивизии немцы открыли артиллерийский огонь. Дивизия развернулась и с боем продвинулась на линию шоссе Балинен — Ворупенен, где стала закрепляться.

Дивизии 3-го корпуса — 25-я и 27-я — без особых препятствий заняли назначенную им линию Тракенен — Енцунен, выдвинув авангарды на линию Содинелен — Варшлеген, а охранение к р. Роминте.

Временно подчиненная командиру 3-го корпуса 40-я дивизия беспрепятственно заняла район Согинтен — Балупенен.

Находящиеся на левом фланге 1-й армии части к вечеру 19 августа продвинулись: 160-й пехотный полк — в д. Роминтен, 30-я дивизия — в окрестности г. Гольдап, 5-я стрелковая бригада — в район Иоганнисбург, 1-я кавалерийская дивизия оставалась на месте, разведывая в полосе Даркемен — Арис — Лык — Августов.

Командир 3-го русского корпуса отдал 19 августа приказ, согласно которому дивизии на другой день к 5 часам утра должны были занять: 25-я — район Пусперн — Ширгупенен — Зодинелен; 27-я — район Матишкемен — Варшлеген; 40-я — район Зоденен; охранение, выставленное по р. Роминте, вперед не продвигать.

Сведения о противнике, имевшиеся у обеих сторон к вечеру накануне Гумбиненского сражения, мало отвечали действительности.

Командующий 8-й германской армией Притвиц предполагал, что перед германским корпусом слабые силы русских, наступающие в северо-западном направлении для нанесения удара во фланг германского 1-го корпуса, расположенного несколько впереди и севернее 17-го корпуса. С целью оказания своевременной помощи 1-му корпусу, Притвиц приказал наступать: 35-й дивизии на Аугступенен, 36-й — на Вальтеркемен. На левом фланге 1-го корпуса был образован кулак из частей корпуса, из частей ландверных дивизий и всей конницы, которым была поставлена задача — охватить правый фланг 20-го русского корпуса и ударить в его тыл. Для занятия исходного положения 35-й дивизии пришлось сделать более 20 км утомительного ночного марша, а некоторым полкам 36-й дивизии пришлось совершить походом до 90 км в два дня 18 и 19 августа. Части 1-го резервного корпуса были выдвинуты ночью из района Даркемен на Ромингтен и Гольдап.

Для охранения правого фланга армии был выдвинут к Бенкгейму 2-й резервный полк.

На фронте 1-й русской армии ночь на 20 августа прошла в общем спокойно, за исключением правого фланга 28-й дивизии, где все время продолжалась перестрелка.

На рассвете 20 августа, согласно приказу командующего 8-й германской армией генерала Притвица, началось большое Гумбиненское сражение.

Германцы объединенными силами нескольких пехотных и кавалерийских дивизий из состава 1-го корпуса обрушились на правофланговую 28-ю русскую дивизию, обошли ее и после тяжелого упорного боя принудили ее отойти на восток, причем части ее заняли к вечеру линию Колбасен — Тутшен. Затем немцы решили повторить такой же маневр со следующей соседней 29-й русской дивизией. Части их 1-го корпуса, действовавшие против 28-й дивизии, остановились, пройдя около 20 км по шоссе Гумбинен — Куссен, а их 1-я кавалерийская дивизия распространилась на восток до Пилькалена и на юг до деревень Виткампен, Грибен, Швиргален в направлении на Шталюпенен, производя панику в тылах 20-го русского корпуса. Русская отдельная кавалерийская бригада генерала Орановского, получившая задачу — охранение правого фланга армии, отошла к Шиленен, где простояла весь день боя 20 августа, не давая никакого отпора обходящему противнику. Как только части 1-го германского корпуса поднялись из своих окопов и пошли густыми колоннами в атаку против 29-й русской дивизии, они попали под губительный огонь русской артиллерии, понесли огромные потери, остановились и залегли, а потом начали в беспорядке отходить. Таким образом, 29-я русская дивизия стойко отбила все атаки частей 1-го германского корпуса, но чтобы обезопасить свой правый фланг, ставший угрожающим

вследствие отхода соседней 28-й дивизии, отошла к вечеру немного к востоку на линию Кумельн — Шоршинелен.

Командир 17-го германского корпуса, расположенного южнее 1-го корпуса, генерал Макензен, около 9 часов утра 20 августа получил сообщение об успехе первоначальных действий 1-го корпуса и об отступлении под его давлением 28-й русской дивизии. Намереваясь развить успех, достигнутый 1-м корпусом, и осуществить вместе с ним шлиффеновские клещи, Макензен усилил свою правофланговую 36-ю дивизию одним полком и батареей и бросил свои войска в атаку в охват левого фланга русских в общем направлении на Энцунен. При этом он плохо представлял себе расположение и силы атакуемых русских частей, так как разведка дала ему неправильные сведения. Отход русских сторожевых частей Макензен принял за отступление главных сил противника. Части 35-й и 36-й германских дивизий 18-го корпуса атаковали 25-ю, 27-ю и 40-ю русские дивизии.

Авангард 25-й дивизии подвергся неожиданному нажиму превосходных сил 35-й германской дивизии и стал отходить от Зодинелен, чем поставил в трудное положение не только другие части 25-й дивизии, но и правый фланг соседней 27-й дивизии. Германские части 35-й дивизии к 14—15 часам доходили почти до дороги из Ширгупенен в Ионасталь. Однако благодаря упорству правофлангового полка 25-й дивизии, отличным действиям батарей 25-й артиллерийской бригады и 3-го мортирного дивизиона, встретивших атаку немцев сосредоточенным уничтожающим огнем, а также стойкости и помощи 27-й дивизии, 25-я дивизия удержала напор немцев и к вечеру восстановила положение, захватив много пленных.

Что касается 27-й русской дивизии, то она не отошла ни одного шага, несмотря на временный отход соседей справа и слева — частей 25-й и 40-й дивизий, отбила все атаки немцев, уничтожив их два полка совершенно и нанеся огромные потери еще трем полкам. В конце боя она перешла в решительное общее наступление и овладела полем сражения, захватив 12 орудий, 24 зарядных ящика, более 1 000 пленных, много оружия и другого военного имущества. В сражении 20 августа 27-я русская дивизия явилась тем камнем чрезвычайной твердости, о который разбились главные усилия немцев.

Уже в середине дня 20 августа стало очевидно, что неудача постигла войска немцев, а около 16 часов они стали отступать, местами в большом беспорядке.

На левом фланге 1-й русской армии части 40-й дивизии и 30-я дивизия, направленные утром 20 августа командиром 4-го корпуса на Даркемен, столкнулись с частями 1-го германского резервного корпуса на фронте Кяутен, Курненен, Вилькатшен и удержались на указанной линии до вечера, когда немцы отошли. Действующая в районе юго-западнее Гольдап 5-я стрелковая бригада фактического участия в бою 20 августа не приняла. Оставшаяся на прежнем месте к югу от Гольдапа 1-я кавалерийская дивизия

генерала Гурко продолжала разведку на левом фланге своей армии.

Проиграв сражение 20 августа, генерал Притвиц отчаялся остановить наступление русских. Вечером того же дня он получил тревожное известие о том, что авангарды 2-й русской армии генерала Самсонова, наступавшей в Восточную Пруссию с юго-востока, атаковали находящиеся там германские войска и заставили их отступить внутрь страны, открывая таким образом для русских тыл 8-й германской армии.

Наступила ночь, когда Притвиц подписал приказ об отступлении своей армии к Нижней Висле. Желая спасти живую силу армии, Притвиц решился пожертвовать всей Восточной Пруссией и отдать ее русским с главным городом-крепостью Кенигсбергом на берегу Балтийского моря.

Перейдем к более подробному описанию боевых действий войск 1-й русской армии в Гумбиненском сражении.

Действия русской конницы. Директивой 15 августа коннице генерала Хана Нахичеванского предписывалось: «выступить на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбинена с севера». Таким образом армейское главное командование не поставило ясной и определенной задачи Хану Нахичеванскому, предоставляя ему свободу действий.

К утру 19 августа генерал Хан Нахичеванский получил сведения о том, что из Тильзита перевозится немецкая пехота с артиллерией на станцию Шилен, откуда следует походным порядком на Краупишкен.

Хан Нахичеванский принял правильное решение: двинуться в направлении Краупишкен с целью произвести разведку и отбросить немцев, угрожающих флангу армии, за р. Инстер.

Конный корпус Хана Нахичеванского выступил в 9 часов утра 19 августа тремя колоннами: а) правая — сводная кавалерийская дивизия — на Мешкен, б) средняя — 1-я гвардейская кавалерийская дивизия — на Гиренен, в) левая — 2-я гвардейская кавалерийская дивизия — на Краупишкен. Дивизиям поставлена была общая задача — захват переправ через р. Инстер.

Около $11^1/_2$ часов утра головные части конного корпуса, подходя к линии Пилькален — Гирелишкен — Спиргинен, наткнулись на сторожевые части немцев, причем головной отряд 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, шедшей по шоссе из Гумбинена в Краупишкен (на р. Инстер), при подходе к Опелишкен (около 8 км юго-восточнее Краупишкен) был встречен ружейным огнем пехоты, спешился и завязал перестрелку. Подошедшие на поддержку головного отряда части авангарда развернулись в боевой порядок, спешились и открыли огонь. Шедший в авангарде взвод конной артиллерии занял огневую позицию севернее шоссе у д. Опелишкен и также открыл огонь, но едва только он выпустил первую очередь снарядов, как на него в 12 ч. 45 м. обрушился сильный огонь взвода немецкой артиллерии со стороны д. Каушен, а затем и батарей из районов Краупишкена и Тутельна (в 3 км

северо-западнее д. Опелишкен); авангардному конно-артиллерийскому взводу пришлось временно замолчать.

В то же время немецкая пехота развивала сильный огонь со стороны Тутельна и Каушена, а в районе Пилькалена обнаружилось усиление пехотной цепи с видимым стремлением охватить левый фланг 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Начальник дивизии усилил ведущий бой авангард подошедшими частями главных сил, а затем всю свою дивизию развернул в боевой порядок и стал наступать при огневой поддержке конных батарей (10 орудий). Батареи эти стали на позицию в районе д. Шупинен и, открыв около 14 часов интенсивный огонь по неприятельским батареям у Каушена и Тутельна, вскоре заставили их замолчать.

Около 15 часов подошла 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, спешилась и частью влилась в боевой порядок 2-й дивизии, частью удлинила фронт вправо (к северу).

Бой разгорался по всему фронту Пилькален — Спиргинен — Раудонаген. Наступление продолжалось. Главная тяжесть боя выпала на 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию.

Германская пехота занимала оба берега р. Инстер на фронте около 8 км по линии Каушен — Мешкен — Лаугален.

Спешенные части 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий медленно подвигались с боем вперед, а сводная кавалерийская дивизия, развернувшаяся на фронте Спиргинен — Раудонаген, оставалась пока (около 15 часов) на месте. Все части русской конницы несли большие потери от огня немцев; особенно велики были потери в частях 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, попавших под косоприцельный огонь взвода германской артиллерии, возобновившего стрельбу со стороны Каушен. Тогда, около 16 часов, на этот взвод командир одного из эскадронов конного гвардейского полка (1-й гвардейской кавалерийской дивизии) бросился со своим эскадроном в конном строю в атаку. Атака была настолько неожиданной и стремительной, что немцы успели встретить ее лишь единственным орудийным выстрелом и слабым ружейным огнем пехотного прикрытия. Эскадрон захватил немецкие орудия. За эскадроном конного гвардейского полка бросились в атаку ближайшие спешенные части, и весь боевой порядок 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий двинулся вперед.

Немцы не выдержали стремительной атаки русских спешенных кавалеристов и начали отступать.

Весть о боевых успехах конной гвардии и взятии германских орудий быстро распространилась по всему фронту и в частях сводной кавалерийской дивизии, которые перешли в наступление и заняли Мешкен. Все три конные батареи сводной кавалерийской дивизии, занимавшие закрытую позицию севернее д. Спиргинен[1],

[1] Эти батареи при завязке боя авангардом сводной кавалерийской дивизии выскочили на открытую позицию севернее Спиргинен, чтобы своим огнем поддержать авангард, остановленный огнем противника с левого берега р. Инстер, но оказались в сфере ружейного огня немцев и принуждены были отойти несколько назад на закрытую огневую позицию.

откуда вели огонь по пехоте и батарее противника, замеченным в районе Краупишкен, переехали вперед на позицию за высотой южнее д. Мешкен и открыли огонь по германской пехоте, занимавшей деревни на левом берегу р. Инстер.

В результате боя 19 августа конница Хана Нахичеванского отбросила за р. Инстер 2-ю германскую ландверную бригаду (5 батальонов, 2 эскадрона, 12 орудий), взяв 2 орудия и 4 зарядных ящика и захватив переправы через р. Инстер у Краупишкен, Мешкен и Лаугален. Однако русская конница через Инстер не переправилась и на г. Инстербург для действия в тыл главных сил немцев не пошла. Хан Нахичеванский прекратил бой и донес командующему армией, что наступившая темнота и сильный огонь некоторых неприятельских частей с правого берега р. Инстер, затрудняющие переправу, а также израсходование боевых припасов — все это «лишало возможности преследовать». Он не решился на вполне возможный быстрый и глубокий обход, который заставил бы германскую ландверную бригаду не только отступить, но и открыть левый фланг своей армии под удары русской конницы. Вместо использования достигнутого успеха в бою у Краупишкен, Хан Нахичеванский отвел свой конный корпус на ночлег в район д. Линденталь (на несколько километров к северо-востоку от поля боя), оставив открытыми пути к флангу и в тыл 20-го русского корпуса и даже не ориентировав достаточно начальника соседней 28-й пехотной дивизии.

Успех, одержанный русской конницей в бою под Краупишкен, оказался не только бесполезным, но даже крайне неблагоприятным для 1-й русской армии, так как ландверная бригада немцев свою задачу выполнила, несмотря на постигшую ее неудачу в бою: она прикрыла левый фланг и тыл своей армии, притянув на себя на весь день 19 августа главную массу русской конницы (70 эскадронов с 42 конными орудиями) и расстроив ее настолько, что она бездействовала на другой день 20 августа, когда разыгрывалось сражение под Гумбиненом, и допустила «хозяйничание» в тылу своего 20-го корпуса 1-й германской кавалерийской дивизии.

Успех русской конницы в бою 19 августа был куплен дорогой ценой потерь убитыми и ранеными: 45 офицеров, 429 солдат и 369 лошадей, в том числе конный и кавалергардский гвардейские кавалерийские полки потеряли более половины своих офицеров, 129 солдат и 83 лошади.

Бой у д. Краупишкен был выигран благодаря самоотверженности русских кавалеристов, не останавливающихся перед потерями, а также благодаря силе огня и уменью русской конной артиллерии вести стрельбу. Немцы, уходя за р. Инстер, оставили на поле боя много убитых и тяжело раненых. По показанию пленных немцев, действие русских конных батарей произвело на немцев «удручающее впечатление и было ужасно». В этом бою русские конные батареи израсходовали много снарядов; наименьший расход в одной из батарей — 510 снарядов, т. е. более половины батарейного боевого комплекта.

Бой 19 августа представляет интересный и редкий в истории мировой войны 1914—1918 гг. пример атаки конницей пехоты, готовой к обороне[1]. Опыт этого боя подтверждает, что хорошая конница может решать всякие боевые задачи даже в современных условиях состояния военной техники, подтверждает также и старую истину, что «история кавалерии есть история ее начальников». Среди кавалерийских начальников русской армии мировая война 1914—1918 гг. не обнаружила ни одного выдающегося, талантливого боевого кавалериста. Не был таким талантливым начальником конницы и генерал Хан Нахичеванский.

Вот старый ответ на вопрос, почему конный корпус лучших полков русской гвардейской кавалерии не оправдал возлагавшихся на него надежд в Гумбиненском сражении, несмотря на проявленные им отличные боевые качества, в особенности на проявленное искусство стрельбы конной артиллерии, всегда являвшейся могущественной помощницей конницы, обеспечивающей ее боевой успех и неоднократно выручавшей ее из тяжелого положения в бою.

Хан Нахичеванский направил для фронтального наступления и атаки все свои дивизии, вместо того чтобы, образовав заслоны с фронта, главную часть сил (2—3 дивизии) направить в обход Краупишкен и разрушить поглубже железные дороги от Тильзита на Инстербург и Шталюпенен. Удар конницы в тыл, несомненно, оттянул бы неприятеля от правого фланга 1-й русской армии. Во всяком случае следовало бы, отбросив ландверную бригаду на правый берег р. Инстер, удерживать в своих руках путь к флангу своей армии.

Конница Хана Нахичеванского после геройского, однако, совершенно бесполезного в стратегическом отношении единоборства 19 августа у Краупишкен с ландверной бригадой Тильзитского гарнизона отошла назад и участия в Гумбиненском сражении не принимала. В течение всего 20 августа, когда русская 28-я дивизия, охваченная немцами с правого фланга, таяла в неравном бою, Хан Нахичеванский оставался в полном бездействии и, как сам мотивировал: «делал дневку для пополнения своих огнестрельных припасов, которые еще не прибыли». При этом он даже не пол-

---

[1] В том же бою 19 августа 1914 г. произошел другой эпизод, показывающий возможность успешной конной атаки против пехоты с артиллерией даже при весьма неблагоприятных условиях, но если эта атака будет неожиданной для неприятеля и будет произведена с непоколебимой решимостью и быстротой, как и описанная атака эскадрона конного гвардейского полка.

Долина р. Инстер представляла широкий — около километра — мокрый луг, доступный лишь для пеших людей. Через реку было несколько бродов и мостов, к которым вели узкие, длинные гати.

Командир 5-го эскадрона Новороссийского кавалерийского полка со своим эскадроном в колонне по шести галопом по гати ворвался на противоположный берег р. Инстер и бросился в атаку на немцев у д. Брейтенштейн. Немцы не выдержали атаки и, как только увидели стремительно мчавшихся против них ведатаку русских кавалеристов, разбежались в панике, бросив 2 или 4 орудия.

держивал связи с начальником 28-й дивизии, который не знал, где прикрывающий его конный корпус и что он делает.

Бездействовал и генерал Орановский, который вместо прикрытия правого фланга и тыла своей армии, отвел подчиненную ему отдельную кавалерийскую бригаду на восток более чем на 30 км и расположился на отдых в районе д. Шиленен, объяснив свое бездействие в донесении начальнику штаба армии, между прочим, тем, что... «конский состав сильно истощен, боевые силы эскадронов лишь 70—80 коней», и закончив донесение словами: «прошу ориентировки».

Действия русских армейских корпусов

(схема 2)

20-й корпус. В состав корпуса входили 28-я и 29-я пехотные дивизии с 28-й и 29-й артиллерийскими бригадами, боевые действия которых происходили в районе к востоку от шоссе из Гумбинена в Краупишкен, ограниченном на севере шоссе из Пилькалена в Краупишкен, на юге шоссе из Шталюпенена в Гумбинен и на востоке шоссе из Шталюпенена в Пилькален.

28-я **дивизия.** Начальник дивизии в течение всего дня боя 19 августа, несмотря на полную неудачу наступления полков его дивизии и серьезные потери, причиненные неприятельской артиллерией 109-му и 110-му полкам, не уяснил себе обстановки и в сущности не руководил боевыми действиями своих полков. Он доносил командиру корпуса, что против него, видимо, лишь спешенная конница, и сообщал в 18 часов Хану Нахичеванскому, что «повидимому, артиллерия противника подавлена», и командиру 110-го полка, что «против нашего фронта, вероятно, две батареи и немного спешенной кавалерии».

Между тем, разведчики выяснили, что противник занимает сильно укрепленную позицию с проволочными заграждениями на фронте Покальнишкен — Варкален и что силы его не менее полка пехоты при 4—6 батареях. Тяжелые неудачи, постигшие авангарды 28-й дивизии, указывали начальнику дивизии, что он встретился не со спешенной конницей немцев, а с превосходящими его силами из пехоты с артиллерией и конницей.

Авангард левой колонны 28-й дивизии завязал 19 августа бой с немцами на фронте Бракупенен — Ванагупхен. На авангардную 4-ю батарею 28-й артиллерийской бригады обрушилась германская тяжелая артиллерия. Командир 2-го дивизиона той же бригады, получив сведения от артиллерийской разведки и выяснив обстановку в авангарде, выбрал вместе с командирами своих 5-й и 6-й батарей закрытую позицию в 1,5 км к северо-востоку от Бракупенен. Единственным наблюдательным пунктом, с которого были ясно видны позиции неприятельской пехоты и трех немецких батарей, могла служить высокая водокачка в Бракупенен. Пришлось поместить офицера-наблюдателя на этой водокачке, хотя она была

ясно видима и немцам. После нескольких очередей беглого огня русской 5-й батареи ближайшая германская батарея, тщетно пытавшаяся пристреляться по невидимым для нее русским батареям, вынуждена была замолчать и не могла уйти с занятой ею позиции, так как пытавшиеся подойти к ней передки были разбиты огнем русской артиллерии и рассеяны по полю. Русская 6-я батарея открыла огонь по другой германской батарее, люди орудийного расчета которой, попав под губительный огонь, через несколько минут отбежали прочь от своих орудий. Затем и 5-я и 6-я батареи обрушились на стоявшую левее тяжелую германскую батарею и заставили ее также временно замолчать.

Не видя хорошо укрытых русских батарей, германская артиллерия развила сильнейший огонь по Бракупенен и, в частности, по водокачке, догадавшись, очевидно, что на ней помещается русский наблюдатель. К вечеру 19 августа водокачка загорелась, и ее пришлось покинуть.

Русские батареи 1-го дивизиона 28-й артиллерийской бригады, расположенные за правофланговым 109-м полком 28-й дивизии, не могли подавить огня более сильной неприятельской артиллерии и принуждены были молчать. К вечеру 19 августа они отошли к северу от Шуркляукена за шоссе.

Роты 109-го полка, понеся большие потери от огня, лишившись своего командного состава и не поддержанные действительным огнем своей артиллерии, не могли выдержать контратаки более сильных немцев. Остатки их, всего около двух с половиной рот, отошли к вечеру к Шуркляукену, а затем под давлением продолжавших наседать немцев, светивших прожекторами и развивавших сильный огонь, продолжали ночью свой отход на восток.

Только около 20 часов вечера начальник 28-й дивизии стал опасаться за свой правый фланг, видя действительную обстановку и гибель почти всего своего 109-го полка. В ночь на 20 августа, между 3 и 5 часами, он посылает ряд записок, указывая на серьезность своего положения. Командиру корпуса он доносит: «Прошу обратить внимание на серьезность положения на моем правом фланге»... Начальнику 29-й дивизии он пишет: «На смену 109-го полка посылаю 111-й полк. Очевидно, против моего правого фланга большие силы противника. Положение серьезное... Прошу энергичного содействия вскорости». Генералу Орановскому он пишет: «Опасаясь охвата моего правого фланга, я выслал к Ушбалену 111-й полк; остатки 109-го отвел в резерв. Прошу самого энергичного содействия в смысле обеспечения моего правого фланга на случай боя сегодня. Ваше направление на Мальвишкен». Но ни ночью, ни днем 20 августа начальник 28-й дивизии не отдал общего боевого приказа, формулирующего боевые задачи полков его дивизии и согласующего их действия. Рассвет 20 августа застал полки 28-й дивизии, очевидно, даже не знающими, наступает ли дивизия или обороняет какой-либо рубеж. Между тем обстановка указывала на необходимость 28-й дивизии

принять сначала и прежде всего устойчивое положение на каком-либо рубеже и окопаться на нем.

20 августа 1-й германский корпус, подкрепленный частями кенигсбергского гарнизона, перешел в наступление в охват правого фланга 1-й русской армии.

В 4 часа начался сильный артиллерийский огонь легких и тяжелых германских батарей, засыпавших снарядами район расположения полков 28-й дивизии. Батареи 28-й артиллерийской бригады, несмотря на их доблесть и геройство, на готовность жертвовать собой, чтобы спасти свою пехоту, оказались не в силах подавить артиллерийский огонь немцев, и в восьмом часу утра почувствовалось сильное давление наступавшей германской пехоты.

Под страшным огнем немцев наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров русская пехота 28-й дивизии стала отходить за линию своей артиллерии.

Перед фронтом русских батарей 2-го дивизиона 28-й артиллерийской бригады (ночью авангардная 4-я батарея присоединилась к дивизиону и стала правее 5-й и 6-й батарей), стоявшего восточнее Бракупенена, приблизительно в 1 км тянулось шоссе. Сплошной гром и гул артиллерийских выстрелов и разрывающихся снарядов заглушал отдельные выстрелы, ружейной и пулеметной трескотни слышно не было, но, отходя, пехота 28-й дивизии прошла за линию своей артиллерии. Германская пехота пошла в атаку на русские батареи, и как только на шоссе хлынула, насколько хватал глаз, серая волна густых немецких колонн, русские батареи открыли по ним беглый огонь. Шоссе заволоклось дымом от разрывающихся шрапнелей, а когда дым рассеялся, белая полоса шоссе стала серой от массы трупов. Вторая волна людей в остроконечных касках — снова беглый огонь и масса трупов. Но в то же время над русскими батареями пролетел германский самолет с черными крестами и выехала на открытую позицию неприятельская батарея. Германская артиллерия стала обстреливать русские батареи массовым губительным огнем, все покрылось черным дымом от разрывающихся снарядов. Под прикрытием артиллерийского огня немецкая пехота надвигалась на русские батареи и обходила справа 4-ю батарею, в тылу которой вскоре затрещал пулемет. Картечный огонь, которым 4-я батарея встречала атакующих ее немцев, замолк: на батарее уже была германская пехота — батарея погибла. Против фронта 5-й и 6-й батарей немцы подошли на 500—600 шагов и стреляли по батареям лежа; батареи все еще били по ним, но уже редким огнем, так как комплект пушечных патронов иссяк. Германская артиллерия прекратила огонь, чтобы не поражать своей пехоты, подошедшей к батареям. Ружейные пули свистели по всем направлениям, поражая орудийный расчет. Все же 5-я батарея успела отойти, но передки 6-й батареи не подавались, и гибель ее казалась неизбежной. Командир 6-й батареи, выпустив последние три патрона, приказал вынуть кинжалы и револьверы и ждал штыковой атаки. Неожиданно примчались на полном карьере передки 5-й батареи, подхватили ору-

дня 6-й батареи [illegible] позиций. 6-я батарея была спасена. Остались у немцев только орудия 1-й батареи, помочь которой уже было невозможно. Немцы, понесшие огромные потери от артиллерийского огня, остались на поле боя и прекратили наступление против русской 28-й дивизии.

Описанные действия 2-го дивизиона 28-й артиллерийской бригады, прикрывавшего отход своей пехоты и остановившего наступление немцев, показывают, как русские артиллеристы, выполняя свой долг, поддерживали и выручали пехоту, жертвуя собой ради ее спасения.

К 11 часам утра отход 28-й дивизии принял общий характер. Начальник дивизии ищет помощи у начальника 29-й дивизии. «28-я дивизия в чрезвычайно тяжелом положении. Еле держусь. Потери большие. Усердно прошу немедленно двинуться мне на помощь» ... «Еще раз убедительно прошу поддержать меня. Держаться больше не могу. Справа обходят. Резерва нет».

Отступление 28-й дивизии, никем не регулируемое, приняло хаотические формы.

Пехота немцев преследовала отступавших только километра на два из шоссе Бракупенен — Пилькален, но конница их (1-я и 2-я кавалерийские дивизии) безнаказанно работала в тылу отступавших, действуя небольшими частями в общем направлении на Пилькален, который вечером 20 августа оказался в ее руках.

В реляции начальника 28-й дивизии говорится, что «после атаки неприятельской конницей некоторые части, расстроенные потерями..., стали отходить в различных направлениях и в конечном результате оказалось: рота 110-го полка с командиром полка в г. Владиславове; разрозненные части 111-го полка направились к Вержболову, причем знамя было отвезено коменданту крепости Ковно; части 112-го полка остановились и по указанию штаба 3-го корпуса заняли позицию у Шталюпенена; 1-й дивизион 28-й артиллерийской бригады — в Вержболово, 2-й дивизион прибыл в Шталюпенен; остатки 109-го полка с двумя сводными ротами 111-го полка и одной ротой 112-го полка заняли позицию на линии Колбасен — Тутшен».

Словом, 28-я дивизия за немногими исключениями рассыпалась. Между тем, разъезд, посланный в направлении Бракупенен, донес в 15 ч. 50 м.: «Наша пехота и обозы миновали линию Брушен — Тутшен. Огонь почти прекратился, стреляла одна тяжелая батарея от Радшена. Наступление неприятеля не наблюдалось. В Брушене (недалеко от Калбасена) небольшие силы спешенной конницы, у Эйменишкен (в 2 км к юго-западу от Калбасена) противника нет».

За бои 19 и 20 августа 28-я дивизия понесла следующие потери: офицеров 104, солдат 6 945, пулеметов 23, орудий 8.

Начальник 28-й дивизии в боях 19 и 20 августа нарушил основные принципы управления войсками вообще, не отдав даже приказа, ясно ставящего боевую задачу частям своей дивизии. Вследствие этого боевая работа частей 28-й дивизии носила случайный

и весьма несогласованный характер, с нарушением азбучных правил ведения встречного боя.

Начальник 28-й дивизии, когда обнаружилось наступление превосходных сил противника и дивизия стала отходить под давлением немцев, вместо того чтобы хоть взять в руки управление своими войсками, ищет неосуществимой помощи у начальника соседней 29-й дивизии и командира 20-го корпуса.

Несомненно, что немалую отрицательную роль в неудаче 28-й дивизии сыграла армейская конница правого фланга генерала Хана Нахичеванского и генерала Орановского, бездействовавшая в день Гумбинненского сражения 1-й русской армии и даже не ориентировавшая начальника 28-й дивизии в обстановке.

29-я дивизия. Весь день 19 августа 29-я дивизия наступала с боем при поддержке артиллерии дивизии, под сильным огнем германской артиллерии. К 22 часам вечера бой прекратился. Войска дивизии окопались на линии Пуспери — Балинен, около 10 км западнее шоссе из Шталюпенена в Пилькален. Ночь на 20 августа прошла относительно спокойно. С рассветом огневой бой возобновился. К 9 часам бой разгорелся, и в это время начальник 29-й дивизии пишет начальнику соседней 25-й дивизии: «Веду упорный бой на фронте Балинен, Шпринген и Антширгесерн. Деревни Балинен, Ворупенен и Антширгесерн заняты нами. Но деревни Шпринген, Бумбельн и Нибудшен сильно укреплены и заняты неприятелем. Веду против них усиленную подготовку, после чего они будут штурмованы. Начдив 28 сообщил, что на него напирают значительные силы и что кавалерия Хана Нахичеванского не может оказать содействия. Начдив 28 просит моего содействия. Таковое могу оказать не раньше захвата упомянутого укрепленного района. Прошу вас, если по обстановке возможно, движением в тыл Нибудшена поддержать мою атаку».

Занятых немцами деревень Шпринген, Бумбельн и Нибудшен взять 29-й дивизии не удалось, а около 14 часов немцы сами перешли в наступление на Ворупенен, направляя главный свой удар на правый фланг 29-й дивизии. Начальник 29-й дивизии опять обратился с просьбой к начальнику 25-й дивизии поддержать его в направлении на Блеккен, откуда немцы повели решающий удар на 29-ю дивизию.

25-я дивизия не могла поддержать 29-ю, так как сама была атакована немцами.

В 17 часов положение 29-й дивизии стало угрожающим, так как правый фланг ее оказался обнаженным вследствие отступления соседней 28-й дивизии. Начальнику 29-й дивизии пришлось отвести свои части несколько назад к востоку. К вечеру 20 августа части 29-й дивизии заняли и удержали за собой фронт Кумельн — Шоршилен. Таким образом, 29-я дивизия отошла, выполняя свой план, причем лишь настолько, чтобы обеспечить себя от обхода противником.

3-й корпус (схема 2). В состав корпуса входили 25-я и 27-я пехотные дивизии с 25-й и 27-й артиллерийскими бригадами и вре-

менно приданная корпусу 40-я пехотная дивизия с 40-й артиллерийской бригадой. Боевые действия 3-го корпуса происходили в районе левее (южнее) района действий 20-го корпуса, ограниченном на севере шоссе Вержболово — Шталюпенен — Гумбинен, на западе р. Ромнита, на юге лесом Ромнитен.

25-я дивизия. К вечеру 19 августа 25-я дивизия расположилась на ночлег главными силами в районе Калпакен — Гурчен, выдвинув вперед два авангарда.

Левый авангард (два батальона 100-го пехотного полка) продвинулся к Зодинелен и выставил охранение к р. Ромнита в районе Аугегупенена, где вошел в связь с охранением соседней 27-й дивизии.

Правый авангард (батальон 97-го пехотного полка), подойдя к д. Байчен, был встречен артиллерийским и ружейным огнем противника, развернулся и завязал перестрелку, причем к нему на поддержку подошли батальоны 97-го полка и 1-й дивизион 25-й артиллерийской бригады.

С темнотой перестрелка прекратилась, поддержки были отведены на отдых к главным силам дивизии, а правый авангард занял линию охранения приблизительно в 3—4 км восточнее Гумбинена. При этом левый авангард оказался выдвинутым уступом вперед почти на 3 км и между ним и правым авангардом остался совершенно неохраняемый участок протяжением около 2,5 км.

Командир 3-го корпуса в 22 ч. 20 м. 19 августа отдал приказ: «Ввиду утомления войск и необходимости подтянуть тыловые учреждения и пополнить запасы, командарм приказал продвинуться вперед лишь настолько, насколько это возможно при условии не вступать в упорный бой с неприятелем. 20 августа корпусу занять фронт Пусперн — Ширгупенен — Матишкемен — Зоденен.

а) 25-й дивизии к 5 часам утра занять район Пусперн — Ширгупенен.

б) 27-й дивизии к 5 часам утра занять район Матишкемен — Варшлеген.

в) 40-й дивизии к 5 часам утра занять район у Зоденен.

Районы, указанные в п. «а», «б» и «в», должны быть заняты главными силами. Охранение оставить на месте».

Приказ этот не был получен в дивизиях своевременно.

В 25-й дивизии ночь на 20 августа прошла в общем спокойно, но немцы освещали всю ночь расположение правого авангарда прожекторами и от времени до времени открывали огонь.

Части 25-й дивизии в 5 часов утра начали движение, чтобы занять указанный им район. Около 6 часов утра перед сторожевым охранением 100-го полка (левого авангарда) и перед соседней 27-й дивизией появились передовые части наступающей 35-й германской дивизии (17-го корпуса), под давлением которых охранение стало отходить. Вскоре влево в 27-й дивизии начался

артиллерийский огонь, а с 7 часов утра неприятельская артиллерия стала обстреливать район Зодинелена, занятый сторожевыми частями 100-го полка.

Затем при содействии сильного огня артиллерии (12 полевых батарей, в том числе 9 пушечных и 3 гаубичных) немцы начали атаку подходившей к району Пуспери — Ширгупенен по частям 25-й дивизии, в составе которой имелось лишь 8 полевых батарей (в том числе 6 пушечных и 2 гаубичных). Бой разгорелся между 10 и 12 часами. Наступавшая на д. Ширгупенен 87-я бригада германской 35-й дивизии потеснила центр русской 25-й дивизии, отошедшей в район Ионасталь. Одновременно немцы, атаковавшие в направлении на Зодинелен, заставили отойти несколько назад левофланговые части 25-й дивизии и правофланговые части 27-й соседней дивизии, причем последние образовали новый фронт в северо-западном направлении. Атаковавшая 87-я пехотная бригада германцев оказалась в мешке.

Русская артиллерия не замедлила этим воспользоваться и по своей инициативе стала простреливать оказавшуюся в мешке немецкую пехоту, наступавшую густыми цепями и даже колоннами, с двух сторон: двумя батареями 25-й артиллерийской бригады с севера и двумя батареями 27-й артиллерийской бригады с юга, причем последним пришлось переменить для этого фронт почти на 60°. Около 15 часов немецкая пехота, понеся огромные потери, в том числе почти всех офицеров и унтер-офицеров, сначала залегла, а затем, не выдержав убийственного огня русских батарей и пулеметов, дрогнула и стала в беспорядке отходить назад, очищая поле сражения.

Начальник 25-й дивизии отдал приказ о переходе дивизии в решительное наступление. Но полки дивизии, сильно пострадавшие в бою (100-й полк потерял в утреннем бою около 2 000 человек и командира полка), уже почти не представляли реальной боевой силы. Только два батальона 99-го полка, не пострадавшие в бою, продвигались вперед за отходящими и бегущими немцами. Германская артиллерия, превосходящая русскую числом и калибром орудий, прикрывавшая отступление своей пехоты, развила такой сильный огонь, что преследование и контрнаступление русской пехоты приостановилось.

При выходе из боя 20 августа немцы понесли огромные потери и главным образом вследствие смелого и отличного действия русской артиллерии. Батареи 2-го дивизиона 25-й артиллерийской бригады два раза переезжали вперед за своей пехотой и работали в сфере ружейного огня неприятеля. В Гумбиненском сражении 20 августа артиллерии 25-й дивизии приходилось действовать большей частью по собственной инициативе, так как общевойсковое командование не давало ей определенных задач. Так, например, о действии того же дивизиона в начале сражения командир 25-й артиллерийской бригады говорит в своей реляции: «Ввиду неопределенности обстановки дивизион долго не мог занять определенную позицию и, переменив их три, наконец, занял четвертую

позицию к востоку от д. Шпиргунен, где и открыл огонь в 10 ч. 30 м. утра по неприятельской батарее».

Довольно значительную роль сыграл в преследовании немцев начальник пулеметной команды 99-го полка, который доносил следующее: «Около 5 (17) часов дня немцы двинулись колонной на наш правый фланг; впереди шли знамена с двумя ассистентами-офицерами. Определив расстояние дальномером, 14 моих пулеметов открыли огонь через головы своих. 2 000 шагов дали недолет, и с прицелом 23 и 24 мы перешли на поражение. Поддержанные батареей 3-го мортирного дивизиона, пулеметы в 5 минут уничтожили эту колонну, положив около 1 500 человек».

Около 18 часов начальник 25-й дивизии получил распоряжение командира корпуса: «ограничить преследование противника огнем». Дивизия отошла на ночлег в район Ионасталь.

В ночь 20 августа 25-я дивизия потеряла 35 офицеров и 3 145 солдат.

Бой 20 августа был для 25-й дивизии, кроме 97-го полка, неудачным в тактическом отношении. Основной причиной неудач следует считать отсутствие или запоздание управления со стороны начальника дивизии.

При встречном столкновении с противником начальник обязан, прежде всего, согласовать усилия всех своих частей с целью развития их в одном определенном направлении. Между тем, части 25-й дивизии не только начали бой без всякой связи друг с другом, но и продолжали его так до вечера.

Если бой под Гумбиненом 20 августа не окончился для 25-й дивизии крупной неудачей, то только благодаря устойчивости 97-го полка и существенной поддержке соседней 27-й дивизии, оказанной 25-й дивизии в трудную минуту, а также благодаря отличному согласованному действию артиллерии 25-й и 27-й дивизий.

27-я дивизия. К вечеру 19 августа 27-я пехотная дивизия заняла главными силами район Энцунена, выдвинув авангард к Варшлегену. Сторожевое охранение продвинулось к р. Ромнита, где заняло линию от Аугступенена до Вальтеркемена. Продвижение совершалось без сопротивления со стороны противника, но западнее р. Ромнита русским разъездам не удалось проникнуть, так как район западного берега р. Ромнита кишел немецкими пешими и конными дозорами.

Вечер и ночь прошли спокойно; до 5 ч. 30 м. утра в охранении была лишь редкая перестрелка. Ничто не обнаруживало скорого наступления немцев.

Около 3 часов ночи 20 августа командир 3-го корпуса сообщил начальнику 27-й дивизии, что получено сведение о сосредоточении немцев против 3-го корпуса, и приказал выдвинуть дивизию для прочного занятия района Матишкемен — Варшлеген. Около 7 часов части 27-й дивизии начали занимать указанные им места. Правее располагалась 25-я дивизия, левее — 40-я. Но еще ранее, около 6 часов утра, немцы неожиданно напали на левую сторо-

жевую роту со стороны Вальтеркемена и уничтожили две сторожевые заставы (от роты осталось человек 60—70). В то же время замечено было движение колонны противника из-за р. Ромнита. Охранение завязало оживленную перестрелку и стало постепенно отходить. К 8 часам сторожевое охранение 27-й дивизии было оттеснено. Немецкая артиллерия непрерывно стреляла из-за р. Ромнита.

Около 9 часов началось наступление германской пехоты: правофланговая 70-я бригада 35-й германской дивизии против центра и правого фланга 27-й русской дивизии; 71-я бригада 36-й германской дивизии против левого фланга 27-й дивизии. Сначала немецкая пехота продвигалась перебежками по отделениям, искусно пользуясь холмистой местностью; появлявшиеся же густые цепи немцев несли большие потери от огня 1-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады. Подойдя приблизительно на 1000 шагов к окопавшейся русской пехоте, немцы порывисто бросились вперед, но могли пробежать не более 200—300 шагов и вынуждены были залечь вследствие огромных потерь от ружейного и пулеметного огня русских.

Неудачный стремительный первый штурм заставил немцев подготавливать следующую атаку огнем всех видов. В 13-м часу они повели наступление против правого фланга 27-й дивизии, стараясь расширить мешок между частями 27-й и 25-й дивизий, в котором очутилась их 87-я пехотная бригада. Правый фланг 27-й дивизии, немного осадив назад, прочно держался, благодаря огневой поддержке 2-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады, действовавшего с большим искусством с закрытой позиции.

Командир 105-го Оренбургского пехотного полка так описывал действия 6-й батареи названного дивизиона:

«Густым цепям противника, наступавшим на мой правый участок и на части 25-й дивизии, 6-я батарея наносила громадные потери и благодаря этому 100-й полк (25-й дивизии), два раза отступавший, снова переходил в наступление, и немцы не могли произвести охвата участка, занимаемого 105-м полком. Опушка рощи, занятая тремя ротами оренбуржцев, обстреливалась сильным артиллерийским огнем немцев, под прикрытием которого неприятельская пехота вела атаку на лес, но 6-я батарея успевала переносить и сюда свой губительный огонь и заставила противника спешно отступить».

Около 15 часов немцы вновь пытались атаковать центр и левый фланг 27-й дивизии. Германская 70-я бригада (36-й дивизии), наступавшая на Матишкемен, ввела в бой все свои резервы, но не могла продвинуться вперед. Для ближайшей поддержки атаки две немецкие батареи выехали карьером на открытую позицию в 1 200 шагах от окопавшейся цепи русской пехоты, но они успели сделать лишь один выстрел и были совершенно уничтожены огнем батарей 1-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады, а также ружейным и пулеметным огнем русской пехоты. Разгром батарей оборвал сразу наступление немцев против центра 27-й дивизии.

Перешедший в контратаку 108-й пехотный полк захватил материальную часть, оставшуюся от двух погибших германских батарей, в составе 12 пушек и 24 зарядных ящиков.

Наступление немцев против левого фланга 27-й дивизии продолжалось. Германская пехота пошла здесь в атаку стройными линиями густых цепей, соблюдая равнение, под командой начальников, из которых некоторые ехали верхом среди рядов своих войск. Русская артиллерия подпустила немцев на расстояние действительного выстрела и затем обрушилась на них ураганным уничтожающим огнем. Стройность атаки исчезла. Немецкая пехота сильно поредела, разбилась на отдельные группы и залегла.

Между 15 и 16 часами наступление 17-го германского корпуса остановилось на всем фронте. Немецкая пехота залегла на ровной, открытой местности и несла большие потери от артиллерийского, пулеметного и ружейного огня русских.

Русская артиллерия занимала хорошо укрытые позиции, а потому была неуязвима для расположенной за р. Ромнита германской артиллерии, тщетно пытавшейся подавить огонь русских батарей, чтобы спасти свою пехоту.

Вскоре начался отход германской пехоты, начиная с ее правого фланга. Стали уходить сначала отдельные люди, а затем все боевые линии немцев неудержимой волной хлынули назад.

Русская пехота перешла в контрнаступление, но не могла развить в полной мере достигнутый успех, так как по ней был открыт жестокий огонь всей германской артиллерии, прикрывавшей беспорядочный отход своей пехоты.

Около 17 часов командир 17-го германского корпуса отдал приказ об отступлении. Под прикрытием сильного огня 28 батарей, из которых было 6 легких гаубичных и 4 тяжелых гаубичных, германский корпус отошел за р. Ромнита, не преследуемый русскими.

В бою 20 августа части 27-й дивизии понесли сравнительно небольшие потери: 21 офицер и 950 солдат.

Успешные действия 27-й дивизии в Гумбиненском сражении объясняются спокойным мужеством солдат и офицеров и главным образом методичностью всех распоряжений командного состава дивизии, простотой, ясностью и определенностью задач, которые ставились полкам, батальонам и артиллерии, а также хорошо организованной связью.

Опыт Гумбиненского сражения 3-го русского и 17-го германского корпусов представляет положительный пример искусных маневренных действий русской пехоты и особенно русской артиллерии во встречном столкновении, а также искусных и оборонительных действий русской артиллерии.

При завязке боя решительное наступление германской пехоты, прикрываемое сильным артиллерийским огнем, заставляет русские дивизии перейти к обороне. Умелые энергичные действия русской артиллерии останавливают немецкую пехоту, буквально скашивая на некоторых участках целые ее линии своим огнем (на близких дистанциях совместно с пулеметным и ружейным огнем пехоты).

Перед фронтом русской 27-й пехотной дивизии немцы оставили более 2 000 убитыми, многие из них были убиты ружейными пулями в голову.

Бой 20 августа под Гумбиненом 27-й русской дивизии отличался полной согласованностью действий артиллерии и пехоты. Ряд донесений, извещений и полевых записок подтверждает это.

Так, например, в записке командира одной из рот 106-го пехотного полка к командиру ближайшей к нему батареи 2-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады говорилось: «В полутора или версте от нас стоит батарея неприятеля. У нас ее хорошо видно, но точно указать место не можем; благоволите прислать своего разведчика с моим посыльным».

Командир батареи ответил: «Сейчас».

Русская артиллерия 3-го корпуса по числу и мощности орудий (18 легких пушечных и 4 легких гаубичных батареи) была слабее германской артиллерии (28 батарей, в том числе 4 тяжелых гаубичных), а потому не могла заставить замолчать немецкие батареи. Но, как мы видели, русская артиллерия не замедлила воспользоваться благоприятным случаем, чтобы уничтожить две немецкие батареи, выехавшие на открытую позицию для спасения своей пехоты.

Почти все действия русской артиллерии происходили, как это и должно быть во встречном бою, по инициативе командиров батарей и других артиллерийских соединений, способных быстро разбираться в изменчивой обстановке боя и понимавших задачи и положение пехоты. В приказе для боя командира 3-го корпуса об артиллерии даже не упоминается. Повидимому, ей предоставлялось действовать по своему усмотрению (в приказе не было даже фразы: «артиллерии содействовать пехоте своим огнем», как обычно указывалось в то время в приказах для боя), но артиллерия должна была иметь в виду во всех случаях свою обязанность — оказание огневой поддержки и помощи своей пехоте. Артиллерия почти не получала заданий не только от общевойсковых, но и от своих ближайших пехотных начальников. В бою 20 августа управление артиллерией 3-го корпуса не было объединено. Легкие пушечные батареи оставались при своих дивизиях; к ним же приданы были легкие гаубичные (мортирные) батареи. Однако в сражении у Гумбинена действия русской артиллерии не были разрозненными. Наряду с широким проявлением инициативы со стороны командиров батарей и самостоятельными действиями отдельных батарей, управление огнем в необходимых случаях объединялось в руках командиров дивизионов, а иногда и в руках командиров артиллерийских бригад. Так, например, огонь батарей 27-й артиллерийской бригады, имевших отличный обзор с наблюдательных пунктов и обстрел на дальность 3—4 км, сосредоточивался распоряжением командиров дивизионов и бригад последовательно (до 24 орудий на 1 км обстреливаемого фронта) по наступающей германской пехоте, благодаря чему она жестоко расстреливалась и несла огромные потери. Особенно сильно пострадала 71-я бригада

36-й германской дивизии, атаковавшей левый фланг 27-й пехотной дивизии; жалкие остатки этой бригады бежали с поля сражения.

Чрезвычайно поучительным примером проявления целесообразной инициативы служит описанный выше случай расстрела попавшей в мешок 87-й германской пехотной бригады русскими батареями с двух флангов — с севера батареями 25-й артиллерийской бригады и с юга батареями 27-й артиллерийской бригады, причем последние, по почину своих ближайших начальников, значительно изменили фронт своих огневых позиций, чтобы своим почти фланговым и, следовательно, более сильным огнем поддержать соседние части даже не своего боевого участка и не своей дивизии, обрушиваясь на вклинившихся в наше расположение немцев убийственным перекрестным огнем вместе с батареями 25-й артиллерийской бригады.

Русские батареи, будучи хорошо укрытыми, огонь свой не прекращали во все время боя 20 августа и были неуязвимы для более сильной германской артиллерии, которая неоднократно пыталась подавить огонь русских батарей, чтобы обеспечить наступление и атаку своей пехоты. Но в тех случаях, когда русская пехота переходила в наступление и выяснялся ее боевой успех, германская артиллерия весь свой огонь сосредоточивала на русской пехоте и не позволяла ей развить достигнутый ею успех, а более слабая русская артиллерия не в состоянии была оказать действительное противодействие немецким батареям.

Расход снарядов русской артиллерии 3-го корпуса в бою 20 августа был большой по тому времени: например, один 1-й дивизион 27-й артиллерийской бригады в один день боя с 9 до 16 часов израсходовал около 10 000 патронов, т. е. до 400 патронов на 76-мм полевую пушку.

В общем, благодаря целесообразности управления командования, связности и методичности действий слабая по составу 27-я пехотная дивизия (менее 8 000 штыков), потерпевшая всего лишь за три дня перед сражением у Гумбиннена серьезную неудачу при переходе границы Восточной Пруссии (потеряла около 6 000 человек) и не имевшая ни одного тяжелого орудия, — не только выдержала в бою 20 августа двенадцатичасовой натиск превосходных сил немцев, но частичным переходом в наступление развила свой успех, захватив поле сражения, серьезные трофеи и пленных.

4-й корпус (схема 2). В состав корпуса входили 30-я и 40-я пехотные дивизии с 30-й и 40-й артиллерийскими бригадами и 5-я стрелковая бригада с ее артиллерией; корпусную артиллерию составлял 4-й мортирный (гаубичный) дивизион. Но накануне сражения 20 августа корпус был ослаблен, так как временно приказом по 1-й армии были подчинены: 40-я дивизия с ее артиллерией — командиру 3-го корпуса, а 5-я стрелковая бригада с ее артиллерией — начальнику 1-й кавалерийской дивизии генералу Гурко.

40-я дивизия. К вечеру 19 августа главные силы дивизии (157-й и 159-й пехотные полки с 16 пушками и 6 гаубицами) перешли в район Зоденен, выдвинув вперед авангард (158-й полк с 16 пушками), который к 22 часам выставил охранение к р. Ромнита на линии Вальтеркемен и южнее до Вальдаукадель. Для охранения левого фланга дивизии было выслано два батальона 157-го полка с 8 орудиями к д. Балюпенен.

Дивизия совершила все передвижения без соприкосновения с противником. Ночь с 19 на 20 августа протекла спокойно.

Около 3 часов ночи начальник 40-й дивизии получил неопределенное приказание командира 3-го корпуса: «Занять главными силами к 5 час. утра район Зоденена». После выяснения по телефону в 4 ч. 30 м. по дивизии было отдано другое приказание: «Выслать к 5 час. утра два батальона в д. Зоденен, где им приступить к укреплению позиции фронтом на запад на шесть батальонов с тремя батареями».

Приказание это даже не было получено к 5 часам. Поэтому два батальона 159-го полка прибыли в район Зоденен лишь около 9 часов и ко времени наступления немцев не имели достаточно времени ни окопаться, ни вообще организовать оборону как следует. Между прочим, во время ночных передвижений две роты 159-го полка заблудились и попали к д. Вашлаген, где остались в боевом участке 108-го полка 27-й дивизии.

Ружейная перестрелка в сторожевом охранении на р. Ромнита началась с 4 часов утра, а к 8 часам обнаружилось наступление немцев, переправившихся через р. Ромнита. Охранение 40-й дивизии начало постепенно отходить.

В десятом часу немцы открыли артиллерийский огонь сначала по отходящему охранению, а затем по району Качалекен — Кубилен (около 3 км западнее Зоденен). Русская артиллерия открыла ответный огонь.

Между 9 и 10 часами утра первый натиск немцев на соседнюю 27-ю дивизию захватил и район д. Зоденен, т. е. участок 159-го полка. Немцы открыли сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, наносивший значительные потери 159-му полку и сразу выведший из строя многих офицеров. В свою очередь русские открыли энергичный огонь всех видов, особенно убийственный артиллерийский; немцы, наступавшие густыми цепями, стали таять и, не дойдя до боевой линии русских, залегли.

В одиннадцатом часу утра бой на фронте 40-й дивизии с обеих сторон принял характер огневого. Вскоре огонь германской артиллерии усилился—к 6—8 легким батареям присоединились 1—2 батареи тяжелых гаубиц. При содействии огня своей артиллерии немцы несколько раз пытались сблизиться на дистанцию атаки, но всякий раз были останавливаемы огнем русских.

Около 15 часов немцы повели свой последний удар на соседнюю 27-ю дивизию и в связи с этим вновь стали решительно наступать и на 40-ю дивизию. Немцы встретили дружный отпор — дело доходило местами до штыковых схваток. По 158-й полк

(в центре 40-й дивизии) не выдержал сильного натиска немцев и стал подаваться назад. Затем не выдержал атаки немцев и 159-й полк и стал в свою очередь отходить, обнажив левый фланг 27-й дивизии.

Начальник 40-й дивизии выдвинул на поддержку отходивших последние батальоны своего дивизионного резерва, действиями которых при поддержке огня своих батарей удалось сначала задержать отход, а затем перейти в контрнаступление. С продвижением вперед части 40-й дивизии захватили поле боя с большим числом раненых, брошенного оружия и другого имущества; взяты были пленные: убитых на поле сражения немцев осталось более 1 000 человек.

При вторжении в Восточную Пруссию 160-й пехотный полк был отделен от 40-й дивизии и отправлен южнее через Ромнитенский лес. Не встретив неприятеля 19 августа, полк вышел из леса и заночевал у д. Ромнитен, а утром 20 августа был направлен на Вальтеркемен для удара во фланг немцам и для содействия своей дивизии.

Около 12 часов дня части 160-го полка подошли к д. Кяутен (на западном берегу р. Ромнита). В это время севернее и юго-западнее гремела артиллерийская канонада на фронте 40-й и 30-й дивизий. Ближе была расположенная левее (южнее) 30-я пехотная дивизия. Поэтому батарея, находившаяся при 160-м полку, выехала на позицию и открыла огонь во фланг немцам, наступавшим против 118-го полка 30-й дивизии, чем облегчила положение правого фланга 30-й дивизии. Однако командир 160-го полка не проявил достаточной активности и не развил энергичных действий в обход левого фланга германцев, действовавших против 30-й дивизии, а такой обход, несомненно, имел бы большое, почти решающее значение.

Случайно к командиру одного из батальонов 160-го полка попала записка начальника штаба 30-й дивизии, адресованная командиру 160-го полка, в которой он просил правофланговой бригаде 30-й дивизии, наступавшей на фронт Зеберг — Кудерн (северо-западнее Гольдап), «оказать содействие ударом в левый фланг немцев». Командир батальона по личной инициативе сбил бывших на его пути немцев и стал с боем успешно продвигаться вперед, охватывая левый фланг немцев, ведущих бой против 30-й дивизии.

Командир 160-го полка, учитывая совершенно правильное решение своего командира батальона, сначала поддержал его, подкрепив его одним батальоном, однако удержав в своем резерве пять с половиной рот с двумя пулеметами, но с наступлением темноты приказал своим выдвинувшимся вперед батальонам отойти обратно в район д. Кяутен.

В общем бой 20 августа был тяжелым для 40-й дивизии, начальник которой в 21 час донес: «Бой длился больше 12 часов. Войска дрались стойко. Благодаря запасным происходили некоторые заминки, которые не будут иметь места в будущих сражениях, когда каждый исполнит свой долг до конца».

40-я пехотная дивизия понесла 20 августа следующие потери: 31 офицер и 2 022 солдата.

Для 40-й дивизии бой 20 августа явился совершенно неожиданным. Части дивизии рассчитывали отдохнуть, а им пришлось сражаться. При этом начальник 40-й дивизии не был в достаточной степени ориентирован в обстановке, в результате чего у него явилась боязнь за свой левый фланг и нерешительность действий. Он не сделал распоряжений, которые объединяли бы усилия дравшихся частей дивизии в достижении одной ясно поставленной цели. Следствием этого была разрозненность действий частей дивизии, приведшая их первоначально к пассивности, а затем частично и к неудаче.

Между тем левому флангу 40-й дивизии в сущности ничто не угрожало и правильным решением был бы энергичный переход в наступление к р. Ромнита с сосредоточением удара на Вальтеркемен.

Важную роль в сражении мог сыграть 160-й полк, оказавшийся в чрезвычайно выгодном исходном для боя положении, но командир полка не оценил правильно обстановки и не принял необходимого решения. В этом виновата отчасти двойственность подчинения, в которую он был поставлен распоряжением командования.

ТАННЕНБЕРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ

У Танненберга в 1410 г. произошло историческое сражение, в котором наголову были разбиты немецкие тевтонские рыцари объединенными силами русских, поляков и литовцев. Более пяти веков прошло после того и в августе 1914 г. восточнее того же Танненберга в районе Грюнфлисского леса разыгралась трагедия 2-й русской армии генерала Самсонова (схемы 3, 4, 5 и 6).

В то время когда в Восточной Пруссии вследствие отступления к Висле 8-й германской армии, потерпевшей поражение в Гумбиненском сражении, царило настроение моральной подавленности и даже полной растерянности, происшедшие события объективно воспринимались холодным оперативным рассудком в главной квартире действующей германской армии, а прибывшие 23 августа на смену Притвица в штабквартиру 8-й германской армии генералы Гинденбург и Людендорф, приостановившие отступление своей армии еще накануне — вечером 22 августа, разрабатывали свой грандиозный по замыслу и вместе с тем весьма рискованный план операции по окружению и разгрому 2-й русской армии Самсонова. Для успешного осуществления их плана оперативная обстановка складывалась в те дни чрезвычайно благоприятно.

Ко времени прибытия Гинденбурга и Людендорфа на Восточный фронт русская армия Ренненкампфа, очень медленно следуя за отступавшими после Гумбиненского сражения немцами и теряя с ними соприкосновение, не достигла еще Инстербурга, а Наревская 2-я армия Самсонова дошла до линии Ортельсбург—Нейденбург—Соль-

тау, уклонившись несколько от 135° от направления на Растенбург — Зеебург, заданного ей фронтовым командованием.

23 августа 8-я германская армия отступала к Висле приблизительно на высоте Инстербурга, где была приостановлена распоряжением Людендорфа, и только 1-й корпус грузился для отправки в тыл. Находившийся у Сольдау 20-й германский корпус с приданными к нему частями отходил под натиском авангардных частей армии Самсонова к северу и расположился восточнее Гильгенбурга (схема 3).

В тот же день Людендорфу был доставлен приказ, найденный на убитом русском офицере. Из этого приказа ясно усматривалось намерение русского командования в отношении ведения операции в Восточной Пруссии и расположение русских сил к тому времени. Вероятно, с этого же дня Людендорфу ежедневно доставлялись русские директивы, передаваемые по радио и легко расшифровываемые. По воспоминаниям бывших сотрудников штаба Людендорфа, он с особым нетерпением ожидал этих радио, не отдавая до их получения распоряжений на следующий день. Имея в виду такие условия ориентировки в обстановке, становится понятным то «завидного размаха дерзновение, с которым Гинденбург бросил на карту свою армию и которое так восхищает всех истинных военных»[1].

Гинденбург распоряжался маневром действий против армии Самсонова на основании русских директив, сообщаемых ему по радио.

В распоряжении Гинденбурга ко времени его прибытия в Восточную Пруссию оказалась, кроме 20-го корпуса и частей 1-го и 17-го корпусов, отступавших перед Ренненкампфом, еще весьма сильная, способная к наступательным действиям группа войск из состава гарнизонов привисляпских крепостей, выдвинутая к востоку от Торна.

Вопросы, беспокоившие Гинденбурга, сводились к тому, во-первых, чтобы 20-й корпус, оперировавший против фронта Самсонова, мог выдержать наступление частей 2-й русской армии в течение нескольких дней, пока нависшие на флангах Самсонова группы германских войск завершат маневр по захвату русских в «шлиффеновские клещи», и к тому, во-вторых, чтобы перекидываемым на наревский фронт германским войскам удалось оторваться от армии Ренненкампфа.

Выше указывалось на разногласие между командованием 2-й русской армии и Северо-Западного фронта в отношении общего направления операции: генерал Самсонов, желая глубже захватить отступавших перед Ренненкампфом немцев и лучше обеспечить свой левый фланг от группы крепостных гарнизонов, тянул свою армию на запад, а генерал Жилинский направлял 2-ю армию на север и даже на восток, в тыл немцев, действующих против Ренненкампфа.

Армия Самсонова, состоявшая из четырех с половиной корпусов и трех кавалерийских дивизий (2-й корпус был передан в 1-ю армию, а из 23-го корпуса оставалась у Самсонова только одна пехотная

[1] *А. Зайончковский*, Мировая война, Москва, 1924 г., стр. 100, 101.

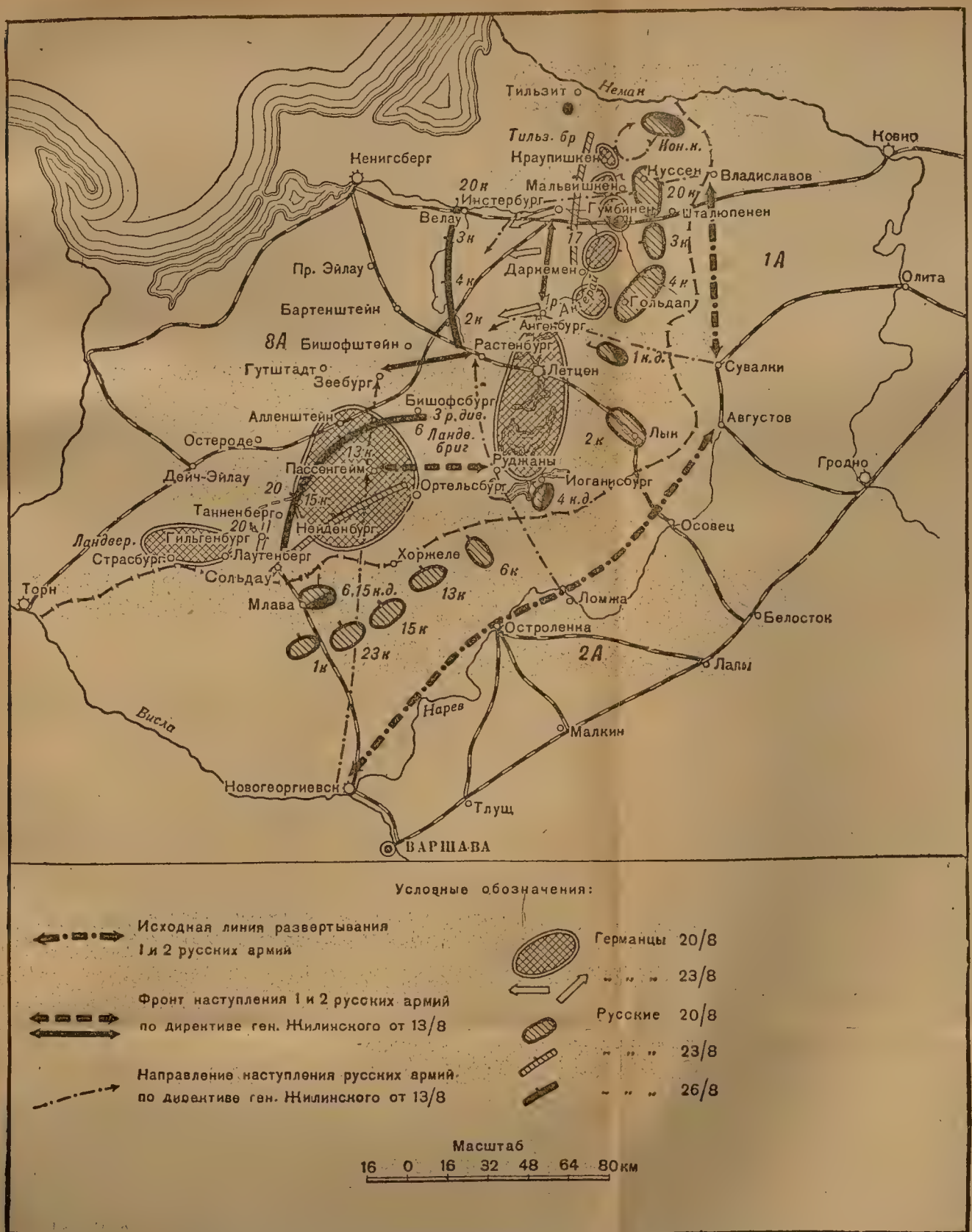


Схема 3. Действия войск в Восточной Пруссии с 20 по 26 августа 1914 г.

Зак. 1932

Схема 4. Действия войск в Восточной Пруссии с 23 по 30 августа 1914 г.

дивизия), должна была наступать 23 августа на фронт Алленштейн—Зеебург. Корпуса Самсонова шли в одну линию (схема 3) — 1, 23, 15, 13-й и 6-й, обеспечивая фланги: правый — 4-й, левый — 6-й и 15-й кавалерийскими дивизиями.

Развертывание 2-й армии и наступление к границе Восточной Пруссии не было заблаговременно обеспечено ни достаточной сетью железных дорог, ни заранее заложенными базами и складами военного снабжения. Наступая на север от линии р. Нарева, армия отрывалась не менее чем на 100 км от единственной пролегавшей в этом районе железной дороги Остроленка — Вышков. Весь район к северу от Нарева был в сущности бездорожным. Было только одно шоссе Рожаны—Прасныш. Остальные исключительно только грунтовые дороги пролегали по песчано-лесистой местности, трудные для движения вообще, а в ненастное время становившиеся почти непроходимыми. Снабжение наревской армии приходилось базировать на подвозе по этим скверным грунтовым дорогам, а поэтому оно должно было неминуемо попасть в чрезвычайно тяжелые условия.

Генерал Самсонов еще 22 августа телеграфировал генералу Жилинскому: «Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации не получил. Страна опустошена, лошади давно без овса, хлеба нет. Подвоз из Остроленки невозможен», а 23 августа корпусам 2-й армии было приказано: «при исполнении операции войскам довольствоваться преимущественно местными средствами», из чего можно судить о том, что организация снабжения и подвоза полностью отсутствовала. Уже при переходе через границу явилась необходимость прибегнуть к расходованию неприкосновенных запасов, так как в Восточной Пруссии не оказалось никаких средств продовольствия.

Вследствие плохой организации связи приказы приходили в войска 2-й армии с опозданием. Двигаясь по дурным песчаным дорогам крайне медленно, войска достигали места ночлега лишь с наступлением позднего вечера.

В армии Самсонова чувствовалось отсутствие моральной бодрости с первых же дней вступления ее в Восточную Пруссию.

Один из участников операции армии Самсонова писал: «На 7-й день марша боевой подъем сменился усталостью, обозы отстали, хлеба нет, кормимся местными средствами. Начинается нервность и раздаются вопросы: куда идем в глубь лесов и почему не видим противника?»

25 августа Самсонов, с согласия Жилинского, изменил направление наступления своей армии на линию Алленштейн — Остероде: 6-й корпус на Бишофсбург, 13-й на Алленштейн, 15-й на Остероде, имея уступом влево дивизию 23-го корпуса, и 1-й корпус оставался у Сольдау (схема 4). Таким образом, только два центральных корпуса наступали в некоторой оперативной связи друг с другом, а фланговые 1-й и 6-й корпуса далеко отрывались от центральных корпусов.

В тот же день, 26 августа, Самсонову стало известно о скоплении германских войск на обоих флангах его армии.

Гинденбург решил: центральным русским корпусам противопоставить тонкий, но не слабый центр из частей 20-го германского корпуса; против левого фланга Самсонова сгруппировать 1-й корпус, подвезенный к Дейч-Эйлау, и сильную группу гарнизонов крепостей, собранную у Страсбурга и Лаутенбурга, причем все эти части должны были обрушиться превосходными силами на 1-й русский корпус у Сольдау, оттеснить его к югу и продолжать движение на Нейденбург; против правого фланга Самсонова направить 17-й и 1-й резервные корпуса, которым надлежало свернуть из района Бартенштейн—Гердауэн на Бишофсбург, откинуть 6-й русский корпус к югу и движением на фронт Вартенбург—Пассенгейм замкнуть кольцо окружения.

26 и 27 августа немцы атаковали превосходными силами оба фланговых русских корпуса: у Сольдау 1-й русский корпус был атакован германским 1-м корпусом, крепостными гарнизонами и частью 20-го корпуса; у Бишофсбурга 6-й русский корпус был атакован германскими 17-м и 1-м резервным корпусами и частью летценского гарнизона. Оба русских корпуса быстро отступили — 1-й к Млаве, 6-й к югу от Ортельсбурга, чем дали возможность свободно замкнуть кольцо окружения 13, 15-го и части 23-го русских корпусов.

27 августа 2-я пехотная дивизия 23-го русского корпуса стала отступать, даже не приняв боя, увеличив прорыв, образовавшийся между левофланговым корпусом и центром армии Самсонова. Против центра перешел в наступление 20-й германский корпус, но лишь с целью удерживать перед собой 15-й и 13-й русские корпуса, пока 1-й германский корпус не зайдет им во фланг и тыл. Слева от 20-го корпуса Алленштейн не был занят немцами и после полудня он был занят 13-м русским корпусом. О судьбе соседнего 6-го корпуса 13-й корпус не знал и часть своих сил направил на помощь 15-му русскому корпусу. Германская 8-я армия оказалась разъединенной целым русским 13-м корпусом, который, занимая Алленштейн, находился между ее правым крылом и центром (1-м и 20-м корпусами) и левым крылом (17-м и 1-м резервными корпусами).

При энергичных активных действиях, в соответствии с обстановкой, русское командование могло бы использовать это выгодное положение 13-го корпуса в целях решительного наступления сначала на одно крыло, а затем на другое крыло немцев. Но для этого требовались большая сила воли и полная осведомленность в оперативной обстановке; между тем они отсутствовали и потому положение 13-го корпуса оказалось, наоборот, крайне невыгодным: этот корпус бо́льшую часть времени блуждал в районе, свободном от противника, в то время когда на фронте всей армии велись серьезные бои, и почти не принял в них участия.

По получении сообщения об отходе 6-го русского корпуса Гинденбург приказал своей левой группе направиться на фронт Патрикен—Едвабно, оставив заслон у Пассенгейма. Против 1-й армии Ренненкампфа были оставлены в районе Лаутерн—Гроскоэллен лишь одна ландверная бригада, незначительный отряд из частей 17-го корпуса и две бригады 1-й кавалерийской дивизии. Реннен-

кампф получил 27 августа телеграмму от генерала Жилинского: «Окажите содействие 2-й армии своим движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвижением к стороне Бишофсбурга своей кавалерии, 6-му корпусу приказано двигаться от Щепанкен на Пассенгейм». Последняя фраза свидетельствует о том, что штаб фронта не знал об участи 6-го корпуса, который в это время отступал.

В развитие полученного приказания Ренненкампф приказал своему левому флангу наступать 28 августа на фронт Прейсиш—Эйлау—Бишофштейн, но направление сюда двух корпусов мало тревожило тыл 8-й германской армии, которая базировалась на путях к западу, а не к северу. Конницу свою Ренненкампф направил на Ландсберг и лишь одну кавалерийскую дивизию на фронт Зеебург—Бишофсбург, но оставленные здесь немцами силы были достаточны, чтобы сдержать эту дивизию.

Лишь крутой поворот всей 1-й русской армии на фронт Зеебург—Бишофсбург мог иметь действительное значение для оказания помощи 2-й армии. Но Ренненкампф был, очевидно, увлечен идеей обложения Кенигсберга, против которого держал два корпуса, и для содействия 2-й армии предпринял оперативные шаги, не дающие нужных результатов.

28 августа Гинденбург решил главный удар наносить в центре против 13-го и 15-го русских корпусов. С этой целью поздно вечером 27 августа он приказал: «Усиленный 20-й армейский корпус, ландверная дивизия фон-дер-Гольца, 1-й резервный и 1-й армейский корпуса энергичным наступлением окружают 13-й и 15-й русские корпуса». С этой целью 20-й корпус должен был атаковать 28 августа в 4 часа Хохенштейн с запада, ландверная дивизия с северо-запада; 1-й резервный и 17-й корпуса должны были возможно раньше выйти на фронт Алленштейн—Едвабно; причем в том случае, если русские отступят из района Алленштейна, 1-й резервный корпус должен был наступать правым флангом на Стабиготтен, а 17-й корпус — преследовать русских своим левым флангом на Вилленберг. Далее в приказе говорилось: «1-й армейский корпус обеспечивает окружение противника со стороны Млавы» (схемы 4, 5 и 6).

У генерала Самсонова уже 27 августа были сбиты оба фланга, без которых стратегическое существование армии становилось невозможным. Непрочность положения центральных корпусов его армии становилась при сложившейся обстановке очевидной; на флангах армии нависали рукоятки клещей, которые начинали их сжимать с 28 августа.

С утра 28 августа генералу Самсонову стало ясным рискованное положение его армии и угроза ее обхода на Нейденбург. Необходимо было немедленно, ради спасения армии, отводить центральные корпуса и организовать всеми средствами оборону Нейденбурга со стороны Уздау и Сольдау, чтобы удержать этот пункт как лежащий на путях отхода центральных корпусов. Но в это критическое время решимость Самсонова проявляется только в том, что он едет для личного руководства действиями 13-го и 15-го корпусов, дальнейшие

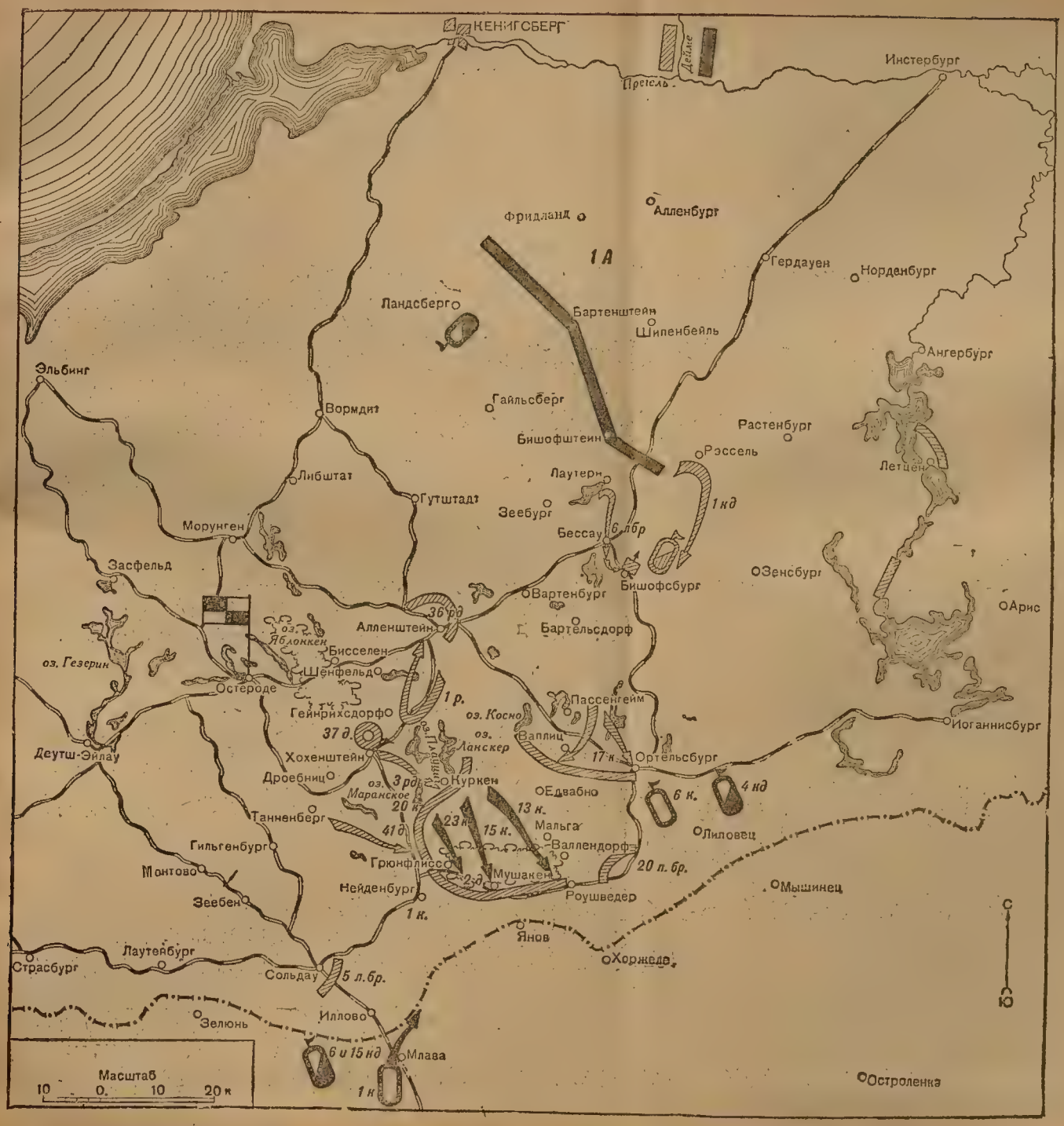


Схема 5. Оперативная обстановка к исходу 29 августа.

Зак. 1932

наступательные попытки которых стали уже бесцельными и еще более отягчающими их положение.

Генерал Самсонов не доехал до своих центральных корпусов. По дороге он убедился в безнадежности дальнейшего наступления и вечером 28 августа отдал приказ об общем отступлении своей армии. Темной ночью на 29 августа колонны русских корпусов отходили на юго-восток, втягиваясь в незнакомые лесные пространства. Плохо поддерживаемый порядок вскоре превратил их поход в стихийное отступление измученных, морально надломленных войск со всеми признаками полной деморализации. Между тем на путях их отступления в тылу все пункты уже были в руках неприятеля, и дорога в Россию могла быть куплена лишь ценой новых кровавых и притом организованных усилий, а взять на себя руководство такой организацией было некому.

В 11 ч. 30 м. 29 августа генерал Самсонов отдал в Орлау вторично приказ о продолжении отхода корпусов форсированным маршем. Этому приказу суждено было стать последним. Темной ночью в 3-м часу на 30 августа 1914 г. в глухом лесу генерал Самсонов, отойдя от следовавших с ним офицеров своего штаба, покончил с собой выстрелом из револьвера.

29 и 30 августа центральные 13-й и 15-й русские корпуса вынуждены были положить оружие в районе Хохенштейна (схемы 5 и 6).

Гибель генерала Самсонова и двух корпусов его армии произошла в то время, как два корпуса армии Ренненкампфа при всей медленности своего движения достигли линии Прейсиш-Эйлау, Бишофштейн, а конный корпус его армии — Гутштадта, не дойдя только 30 км до Алленштейна.

31 августа главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Жилинский доносил верховному главнокомандующему, что к утру 30 августа обстановка на театре действий 2-й армии сложилась следующим образом.

„1-й армейский корпус оставил занимавшуюся им позицию у Сольдау а потом отошел от Сольдау к Млава; 6-й арм. корпус, бывший у Бишофсбург, отступил южнее Ортельсбург; 15-й армейский корпус 27 августа вел бой у д. Мюлен, атаковав противника у этого пункта, но Мюлен не занял.

При таких обстоятельствах командующий 2-й армией генерал Самсонов выехал утром 28 августа из Нейденбурга в направлении на Наттау, чтобы лично руководить действиями 13-го и 15-го армейских корпусов, которыми было предположено атаковать противника в направлении на Мюлен, Хохенштейн.

Отъезжая из Нейденбурга, генерал Самсонов уведомил штаб вверенного мне фронта, что вместе с его отъездом снимается телеграфный аппарат, который по прямому проводу был связан с аппаратом, находящимся в штабе вверенного мне фронта, сообщив вместе с тем, что будет некоторое время без связи со мной. Помешать этому было невозможно, так как факт прекращения связи стал известен только тогда, когда он уже совершился.

Вследствие такого распоряжения была разорвана связь не только штаба армии со штабом главнокомандующего фронтом, но со всеми корпусами, входящими в состав 2-й армии.

Отсутствие связи во 2-й армии привело к тому, что все последующие события прошли уже без всякого руководства, и те потери, которые понесла 2-я армия, являются следствием именно отсутствия руководства и объединенного действия корпусов этой армии.

Самый отъезд генерала Самсонова из Нейденбурга к 15-му корпусу явился совершенно несоответственным, так как с отъездом из Нейденбурга командующего 2-й армией управление войсками этой армии стало совершенно невозможным.

Следуя из Нейденбурга в Надрау, генерал Самсонов получил донесение как об отходе 1-го армейского корпуса, так и об отступлении 6-го корпуса. При таких условиях оба фланга 13-го и 15-го армейских корпусов оказались открытыми и их выдвинутое далеко вперед положение не соответствовало обстановке.

Когда в штабе Северо-Западного фронта было получено донесение об отступлении 1-го и 6-го армейских корпусов, начальник штаба сейчас же телеграфировал генералу Самсонову: «Главнокомандующий приказал отвести корпуса 2-й армии на линию Ортельсбург, Млава, где и заняться устройством армии».

Однако не имею уверенности, что это приказание дошло по назначению, так как за Остроленка провод телеграфа бездействовал вследствие вышеупомянутого распоряжения о снятии аппарата.

Благодаря же отсутствию надежной связи приходилось принимать случайные меры, заключавшиеся в посылке офицеров на автомобилях и летчиков на аэропланах, каковые средства связи оказались не достигавшими цели. Таким образом, о ходе событий я был ориентирован недостаточно, и только по отрывочным данным, случайно попадавшим в штаб, я мог подозревать о тяжелом положении обоих корпусов».

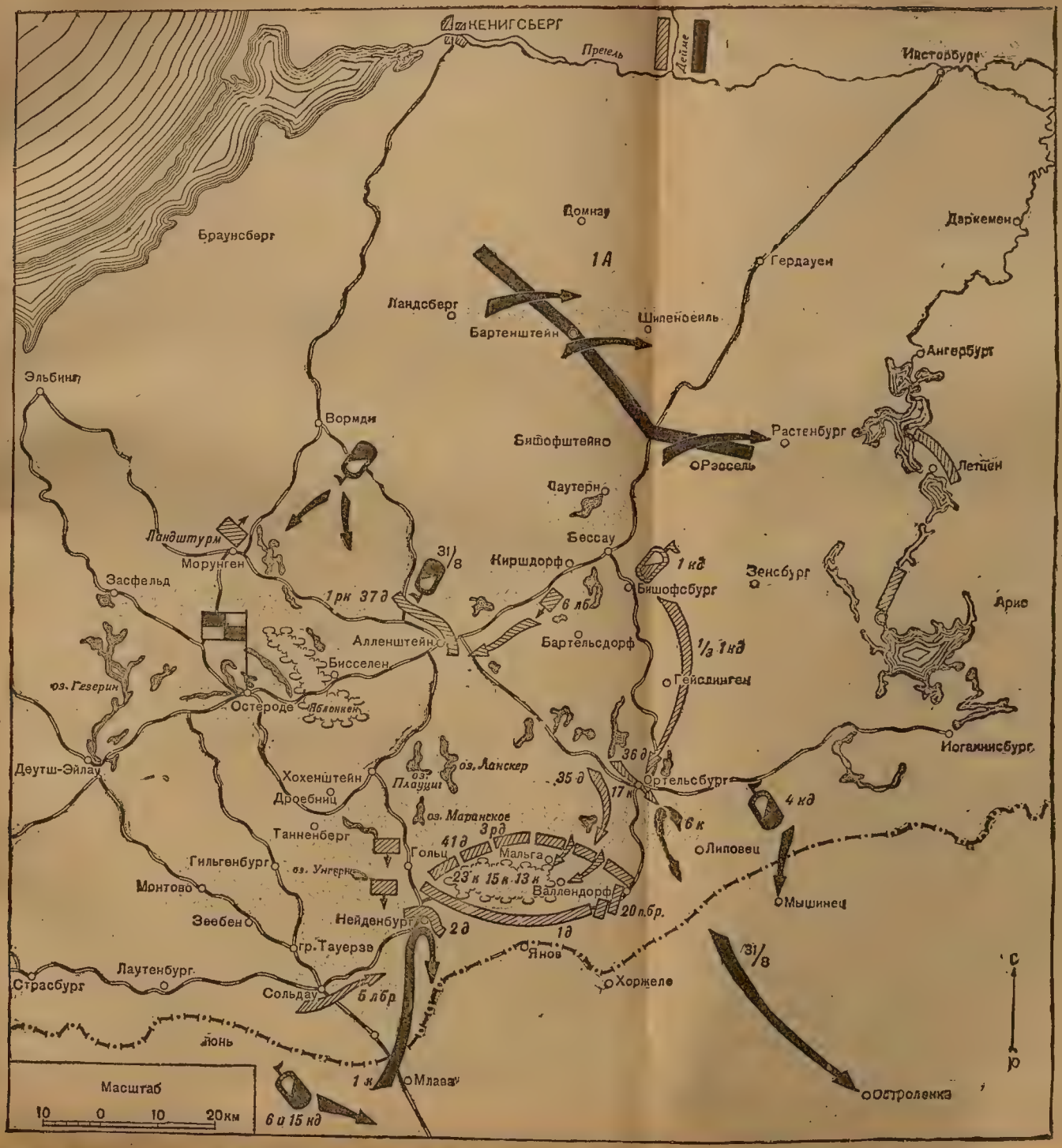
Дальнейшее изложение хода событий основано было на донесении начальника штаба 2-й армии. Согласно его донесению и сохранившимся документам, последующие события рисуются в общих чертах следующим образом.

Генерал Самсонов признавал атаку 13-го и 15-го корпусов решающей, почему признал необходимым лично руководить действиями этих корпусов.

Он застал 15-й корпус в горячем бою, протекавшем успешно, так как было взято около 1 300 пленных, орудия и пулеметы. Но силы корпуса уже истощились после многодневных боев. Командир 15-го корпуса генерал Мартос доносил 28 августа: «Упорные бои 22, 23, 26 и 27-го с беспрерывными маршами до крайности утомили войска, а потери лучших и доблестных офицеров и начальников и несколько тысяч лучших бойцов значительно ослабили боевую способность корпуса... Ходатайствую дать передышку, так как иначе части постепенно расстроятся, и славный дух войск корпуса и его офицерского состава понизится».

13-й корпус, которому генерал Самсонов не раз предписывал атаковать противника большими силами, выслал 27 августа на помощь 15-му корпусу только одну бригаду, действия которой не отличались доблестью; оба полка бригады скоро сдали и до конца боя в деле участвовать не могли. Остальные части 13-го корпуса подошли к Хохенштейн в 16-м часу, и хотя вступили в бой, но решительных действий всеми силами не предприняли.

15-й корпус более держаться не мог; доблестные его войска, дравшиеся еще накануне героями при содействии своей доблестной артиллерии, лишились последних сил, понеся большую утрату в лице командира корпуса генерала Мартоса, самоотверженно руководившего действиями своих войсковых частей. Вместе с офицерами своего штаба он был убит в автомобиле у д. Мушакен.


КЕНИГСБЕРГ
Прегель
Инстербург
Даркемен
Домнау
Браунсберг
1А
Гердауен
Ландсберг
Бартенштейн
Шиленбейль
Ангербург
Эльбинг
Вормди
Растенбург
Бишофштейн
Рэссель
Летцен
Цаутерн
Ландштурм
Бессау
Морунген
Киршдорф
1 кд
Зензбург
Засфельд
Бишофсбург
Арис
1рк 37д
6 лб
Алленштейн
Бартельсдорф
1/3 1кд
Бисселен
Гейсдинген
оз. Гезерин
Остероде
Яблонкен
Иоганнисбург
36 д
Деутш-Эйлау
Хохенштейн
оз. Ланскер
35 д
Ортельсбург
Дроебниц
17 к
4 кд
оз. Маранское
3рд
6 к
Танненберг
41д
Гольц
Мальга
Липовец
Гильгенбург
оз. Унгерн
23 к 15 к 13 к
Монтово
Валлендорф
Мышинец
Зеебен
Нейденбург
20 лбр.
2д
1д
гр. Тауерзе
Янов
Лаутенбург
Страсбург
Сольдау
Хоржеле
5 лбр
Нюнь
1 к
Млава
Остроленка
6 и 15 кд
Масштаб
10 0 10 20км
С
Ю

Генерал Самсонов, видя неуспешность атаки и желая спасти 15-й корпус, приказал начать отступление ночью на Нейденбург, причем отход должен был прикрывать отряд генерала Кондратовича (2-я пехотная дивизия, гвардейский Кегсгольмский полк и бригада 6-й кавалерийской дивизии). Кондратович позорно оставил свой отряд и в ночь на 30 августа оказался в Прасныш; войска его отряда и бо́льшая часть 15-го корпуса были уничтожены огнем и атаками неприятеля.

Генерал Жилинский считал, что причинами тяжелой неудачи 2-й армии является не только отступление 1-го корпуса со своих позиций у Сольдау, но и то, что командир корпуса генерал Артамонов, уверив генерала Самсонова, что «отхода не будет», снял телеграфный аппарат и, никого не предупредив об этом, отвел свои войска к Млава и только тогда послал донесение. Благодаря этому левый фланг и тыл группы из 13-го и 15-го корпусов были совершенно оголены, что и позволило «немецкой коннице с конной артиллерией и пулеметами на автомобилях в незначительном числе последовать из Сольдау на Нейденбург и далее на восток и преградить отход к югу на нашу территорию не только отдельным лицам, но и небольшим частям».

По мнению генерала Жилинского, «большое влияние в тяжелом поражении 2-й армии сыграло стремление командующего армией вести последнюю свою операцию на очень широком фронте, при котором взаимодействие отдельных корпусов ее являлось затруднительным... Трудность взаимной поддержки усиливалась вследствие неорганизованности штабом армии надлежащей связи как между отдельными корпусами, так и со штабом вверенного мне фронта... Критическое положение 15-го армейского корпуса явилось также следствием недостаточно доблестного поведения 13-го корпуса... Все эти причины повели к тому, что серьезная неудача 2-й армии произошла не от обхода фланга и тыла 15-го корпуса крупными частями, а лишь небольшими отрядами конницы с конной артиллерией и пулеметами на автомобилях, которые расстреливали наши войска при поспешном отступлении...

Если поведение и распоряжения генерала Самсонова как полководца заслуживают сурового осуждения, то поведение его как воина было доблестное: он лично под огнем, подвергая себя большой опасности, руководил боем и, не желая пережить поражение, покончил жизнь самоубийством».

Того же 31 августа, когда генерал Жилинский рапортовал верховному главнокомандующему о поражении 2-й армии Самсонова, тогда же днем главному командованию германской армии доносил Гинденбург: «Доношу, что вчера кольцо вокруг большей части русской армии замкнулось. До сего времени взято 60 000 пленных, среди коих командующие генералы 13-го и 15-го корпусов. Многочисленные орудия находятся еще в лесах и собираются. Военная добыча, еще не подсчитанная, велика. Находившиеся вне кольца окружения 1-й и 6-й корпуса противника также сильно пострадали и находятся в паническом отступлении на Млаву и Мышинец».

Потери в сражении под Танненбергом около 40 000 убитых и до 90 000 пленными — такой ценой русская армия платила за спасение Франции.

Германцы одержали против армии Самсонова одну из самых крупных побед мировой войны 1914—1918 гг., в течение которой Гинденбургу сопутствовало исключительное военное счастье. Но достаточно было, в чем можно убедиться из сопоставления стратегического положения сторон, чтобы счастье изменило немцам хоть на малую долю хотя бы на одном из участков фронта, и победа Гинденбурга у Танненберга обратилась бы для него в катастрофу.

К концу операции прибыли в Восточную Пруссию с французского фронта два армейских корпуса и кавалерия. Эти части, особенно после поражения русской армии Самсонова, еще более усиливали войска Гинденбурга, что предуказывало печальную участь, вскоре постигшую и армию Ренненкампфа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гумбинненское сражение 20 августа и Танненбергское 23—30 августа 1914 г. в Восточной Пруссии являются одними из интереснейших, происходивших на фронтах прошлой мировой войны 1914—1918 гг., так как они развивались в полевых маневренных условиях встречного боя, а в мирное время и русская и германская армии подготавливались к ведению боя главным образом именно в таких маневренных условиях. Причем в сражениях под Гумбинненом и Танненбергом приняли участие преимущественно кадровые войска, еще свежие, не испытавшие трудностей войны и не понесшие боевых потерь, сохранившие свой кадровый командный состав, подготавливавший их к войне и хорошо им известный, к руководству которого они привыкли.

На полях Восточной Пруссии в кровопролитных боях проверялись военная доктрина и боевая выучка двух наиболее сильных противников.

Русские войска, в особенности русская артиллерия, по уровню своей боевой подготовки ни в какой степени не уступали германцам, нанеся им в период боев в Восточной Пруссии ряд тяжелых поражений.

19 августа 1914 г. 25-я и 29-я пехотные дивизии русских разгромили левый фланг 1-го германского корпуса; 20 августа под Гумбинненом были разбиты 1-й и 17-й корпуса немцев; в период августовского сражения русские армии Самсонова разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Мюлена и Гросс-Бессау, ландверную дивизию Гольца и 3-ю резервную дивизию у Хохенштейна, 41-ю пехотную дивизию у Ваплица, 37-ю пехотную дивизию у Лана, Орлау, Франкенау, 2-ю пехотную дивизию под Уздау. Но отдельные блестящие тактические успехи русских войск не были увязаны в общую победу.

Германцы потерпели ряд поражений в отдельных боях, но выиграли операцию в Восточной Пруссии.

Первоначальные ошибки стратегического развертывания русской армии, неподготовленность театра военных действий пограничного пространства России, невежество русского высшего командования, не сумевшего организовать согласованные действия двух армий, и, наконец, весьма подозрительные действия Ренненкампфа предопределили печальный для русских исход операции в Восточной Пруссии, закончившейся частным поражением 2-й и отходом 1-й русских армий.

Но и германское командование не блистало особыми талантами, которые в сущности были раздуты после поражения 2-й армии Самсонова. Германский официальный источник признает, что если бы после поражения 8-й германской армии под Гумбиненом 1-я русская армия продолжала преследование, а не топталась на месте, исход операции был бы совершенно иной. Немецкий источник говорит: «Достаточно было последней (т. е. 1-й русской армии) подойти, и бой, возможно с большими потерями для германцев, должен был бы быть оборван. Такая опасность все время тяжело давила на германское командование и не раз вызывала сомнения, не следует ли вывести из боя крупные силы, чтобы прикрыться со стороны Ренненкампфа».

Если бы в решающие дни 23—26 августа подошел на помощь Самсонову со своей армией Ренненкампф, то не только были бы спасены самсоновские корпуса, но отдельные успехи русских войск Самсонова могли бы привести к общей победе их. В своих воспоминаниях о сражении под Танненбергом в Грюнфлисском лесу Людендорф пишет: «Корпуса шли в тыл наревской армии Самсонова... Но при этом они подставляли собственный тыл Ренненкампфу... Огромная армия Ренненкампфа висела, как грозовая туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты».

Германское командование сумело извлечь оперативную пользу из разобщенного положения 1-й и 2-й русских армий, но оно не сумело довести ее до решительного стратегического успеха на восточном театре войны.

Германское командование в лице Гинденбурга и Людендорфа после отхода 2-й русской армии, вместо удара в юго-восточном направлении на Остроленка, Седлец, что отвечало интересам восточно-прусских помещиков, повернуло свои войска против 1-й русской армии на восток с целью очищения Восточной Пруссии, что дало русским полную свободу расправиться с австро-венгерскими армиями в Галиции.

Проигрыш сражения при Гумбинене немцами выразился в поспешном и местами беспорядочном уходе их с поля битвы и главным образом в решении командующего 8-й германской армией Притвица не только отвести свою армию за р. Вислу, но и совершенно оставить русским Восточную Пруссию. На такое решение Притвица отчасти оказало влияние неожиданное для него наступление русской армии Самсонова, которая 20 августа занимала уже фронт Иоганисбург, Хоржеле, Млава. Это подтверждается разговором по телефо-

ну Притвица с Макензеном (командиром 17-го германского корпуса), происходившим в 21 час 20 августа: «Обстановка коренным образом изменилась. Новые неприятельские силы наступают с юга... Сильная наревская армия наступает на Ортельсбург и Сольдау. *8-я армия отходит потому за Вислу*».

Сложившаяся обстановка была весьма серьезна. Но непосредственная угроза тылу 8-й германской армии, сражавшейся под Гумбиненом, создавалась бы лишь с достижением наревской русской армией генерала Самсонова линии Остероде—Алленштейн (см. схему 1), но до этой линии русским войскам нужно было сделать три перехода (80 км) с боями. Правда, на юге для прикрытия правого фланга 8-й германской армии оставлены были незначительные силы, но пересеченная мазурскими лесами и озерами местность создавала здесь полную возможность успешной обороны и против значительно превосходящих сил. Таким образом, три перехода, остававшиеся до линии Остероде—Алленштейн, потребовали бы от наревской армии гораздо больший срок, чем трое суток. Наконец, и в случае достижения Наревской армией указанной линии положение 8-й германской армии не было бы безнадежным, так как она могла базироваться на крепость Кенигсберг, куда германский флот, господствовавший на Балтийском море, мог бы доставлять необходимые для армии средства.

Таким образом, после проигрыша сражения 20 августа оставалась достаточная и стратегически обоснованная возможность для продолжения Гумбиненского сражения с решительною целью разбить армию Ренненкампфа, а потом обратиться против Наревской армии Самсонова. Первый день боя 20 августа, оставшийся в общем почти безрезультатным в тактическом отношении, не заставил бы стойкого начальника отказаться от возможности достижения победы. Требовалась лишь решимость и энергия, но этих-то качеств Притвиц, очевидно, и не имел.

Гумбиненское сражение не имело решающего характера в тактическом отношении, но в стратегическом на стороне русских была полная победа, так как это сражение имело весьма важное значение не только в отношении решения Притвица очистить Восточную Пруссию для русских, но и в отношении серьезного влияния, какое оно оказало и на весь ход кампании 1914—1918 гг.

Во-первых, оно оказало существенную помощь французам, так как в самый критический момент борьбы на западе, когда во Франции решалась судьба всего германского плана войны, из ударной группы немцев были сняты два корпуса, состоящие из лучших отборных частей, и одна кавалерийская дивизия и срочно отправлены на русский фронт в Восточную Пруссию ,что крайне неблагоприятно отразилось на результатах не только Пограничного, но и следующего за ним Марнского сражения.

Во-вторых, оно указало немцам, что русские могут вести наступательные операции в широких размерах одновременно и против австрийцев и в Восточной Пруссии, что заставило немцев лучше

обеспечить Восточный фронт за счет Западного. Поэтому значительная часть новых германских формирований стала направляться на Восточный фронт.

И, наконец, в-третьих, германское командование посылает на Восточный фронт на смену Притвица своих двух лучших генералов — Гинденбурга и Людендорфа, которые и по своему характеру и по приобретенному после их побед влиянию могли оказать сильное давление на германское верховное командование в смысле перенесения центра тяжести войны с Западного на Восточный фронт. Это привело к некоторому раздвоению мысли немецкого верховного командования вплоть до передачи почти всей власти в руки дуумвирата Гинденбург — Людендорф.

Решение Притвица оставить Восточную Пруссию не противоречило плану войны его учителя Шлиффена, который с наивностью теоретика рассчитывал не оставить ни одного лишнего солдата на востоке и все силы перевести на запад, в ударную обходящую группу германских армий. Он считал возможным отдать, в крайнем случае, Восточную Пруссию русским и допустить их дойти до Кенигсберга; он полагал, что все необходимо перетерпеть, чтобы в первую очередь разбить Францию, а потом выбить русских из занятых ими областей Германии.

Но земельным магнатам Восточной Пруссии не было дела ни до стратегических планов Шлиффена, ни до основанного на этих планах решения Притвица, когда нависла гроза над судьбой их земельных доходов, богатейших угодий и родовых замков. Пользуясь большим влиянием на германское правительство, они потребовали защиты их поместий от русских.

В августе 1914 г., когда на западном театре военных действий разыгрывался пролог к Марнскому сражению, на востоке в глубь Пруссии отходили войска 8-й германской армии, не преследуемые войсками Ренненкампфа, и тянулись вереницы повозок, нагруженных разным скарбом и сопровождаемых стариками, женщинами и детьми, покидавшими свои хутора; беженцы из Восточной Пруссии неотступно следовали за своими войсковыми колоннами.

Отступление 8-й германской армии отвечало замыслу главного командования русских, но этому замыслу не суждено было осуществиться в полной мере.

Ренненкампф, удовлетворившись первоначальными успехами своей армии в Гумбиненском сражении, не пожелал итти на соединение с Наревской армией Самсонова и предательски медлил, даже бездействовал.

Некоторые военные историки медленное продвижение 1-й русской армии на запад после Гумбиненского сражения объясняют тем, что, во-первых, Ренненкампф благодаря бездействию своей многочисленной кавалерии не выяснил обстановку и, предполагая германскую армию отступившей лишь на несколько километров, считал перед собой равноценные силы противника; во-вторых, психическим воздействием на Ренненкампфа близости первоклассной крепости Кенигсберга, мысль о которой довлела над его волей, отвле-

кая его внимание от главной задачи — преследования отступающих немцев к Висле и содействия 2-й армии Самсонова.

Русское командование Северо-Западного фронта в лице генерала Жилинского оказалось неспособным ни правильно оценить обстановку, ни подчинить единой воле личные стремления Ренненкампфа и Самсонова.

В то время как штаб Гинденбурга ясно представлял себе положение русских по перехваченным радиотелеграммам, русское командование почти ничего не знало и направляло армию Самсонова наавось. Генерал Жилинский тянул ее в одном направлении, а генерал Самсонов — в другом, благодаря чему она шла, как в потемках, сама подставляя неприятелю свой тыл.

23 августа, когда армия Самсонова достигла фронта Ортельсбург—Нейденбург—Млава, сбив передовые части противника, и когда она особенно нуждалась в содействии 1-й армии, эта последняя едва дошла до меридиана Даркемена. К 26 августа, когда началась катастрофа с армией Самсонова, Ренненкампф дошел до р. Велау — Растенбург и остановился на этой линии (схемы 3, 4, 5 и 6).

Между тем германское командование собрало все наличные силы, присоединив даже гарнизоны, выведенные из привислянских крепостей, и бросило почти всю эту массу войск с разных сторон на Самсонова. Против армии Ренненкампфа оставался лишь тонкий заслон из одной дивизии пехоты и одной дивизии кавалерии.

Предоставленная самой себе, окруженная немцами в чрезвычайно пересеченной местности в районе грюнфлисских лесов и озер, армия Самсонова оказалась обреченной на поражение.

Ренненкампфу пришлось недолго ждать возмездия за свои преступные действия. По прибытии из Франции свежих корпусов с кавалерией Гинденбург бросил все свои объединенные силы против 1-й русской армии. Тогда Ренненкампф испытал на себе всю тяжесть борьбы в одиночестве и опасность окружения превосходными силами немцев.

Под давлением врагов 1-я русская армия с огромными потерями отступила к границе, а затем к тому исходному положению, откуда она так блестяще начала операцию в Восточной Пруссии в первых числах августа 1914 г.

К полудню 31 августа того же года германские летчики доставили Гинденбургу известие об отступлении армии Ренненкампфа на всем фронте на восток — за границу с Восточной Пруссией.

Русская 1-я армия при отступлении из Восточной Пруссии понесла значительные потери в людях — около 100 000 человек — и небольшие в материальной части — до 150 орудий, что свидетельствует о сохранившейся боеспособности войсковых частей, дававших настолько энергичный отпор германцам, что они действовали в общем нерешительно и как бы следовали за русскими, но не преследовали их. Даже в самое тяжелое время отступления за Неман, когда 1-я армия за отсутствием управления со стороны Ренненкампфа стала рассыпаться, русские войска вывезли почти всю свою ар-

тиллерию, за исключением нескольких батарей менее стойких второочередных пехотных дивизий.

Доблестно державшиеся русские войска 1-й армии потерпели поражение в Восточной Пруссии вследствие крайней нерешительности и сумбурного управления, проявленных со стороны русского командования.

Поведение Ренненкампфа в операциях его армии в Восточной Пруссии граничит с явным предательством.

Поражение 1-й русской армии и отход ее из Восточной Пруссии являются непосредственным, естественным продолжением поражения 2-й армии генерала Самсонова.

14 сентября 1914 г. Ренненкампф телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего в ставку: «Счастлив сообщить для доклада, что все корпуса вышли из боя, хотя некоторые с тяжелыми потерями... даю людям дневку, может быть две, дабы людям основательно поесть, выспаться... могу уверенно сказать, неудачная операция эта кончилась... Противнику в значительно превосходных силах не удалось нас отрезать и уничтожить, успех его лишь в том, что заставил незначительно отойти, но и ему это очень дорого обошлось; отдохнем, поедим, приведем себя в порядок и опять будем готовы»...

На это верховный главнокомандующий Николай Николаевич ответил: «От всего любящего вас сердца благодарю за радостную весть, поблагодарите геройскую 1-ю армию за ее труды. В дальнейшем при вашей энергии и помощи божьей уверен».

Вот два характерных эпизода из прошлого, когда подчиненный, не управлявший своими войсками и не зная даже обстановки (к 15 сентября противник уже наседал у Средники и Мариамполя и не могло быть речи ни о каких дневках), обманывает своего начальника и когда высший начальник так наивно верит своему подчиненному, почему-то радуется его далеко не радостному сообщению и благодарит его за ложь, скрывающую преступное отсутствие управления боевыми действиями войск.

Впрочем, если бы «управлял» Ренненкампф, то отход его армии из Восточной Пруссии мог бы закончиться гораздо хуже.

Нельзя не отметить возмутительный, чисто немецкий цинизм барона Ренненкампфа, который считал, как это видно из приведенной его телеграммы, что для того, чтобы «быть готовым», русскому солдату и офицеру нужно только «поспать и поесть».

Русские в сражениях под Гумбиненом и Танненбергом были несколько слабее немцев по числу штыков и гораздо слабее по числу и мощности артиллерийских орудий; русские вовсе не имели тяжелых орудий крупного калибра и дальнобойных, не имели они броневых частей и сколько-нибудь удовлетворительных авиационных частей; только в отношении конницы русские были гораздо сильнее немцев, причем в составе армейской конницы Ренненкампфа участвовала почти вся гвардейская кавалерия, считавшаяся по исторически сложившимся традициям блестящей представительницей русской конницы, так сказать «цветом» ее.

Несмотря на относительную слабость русской артиллерии в отношении численности и мощности орудий, русские выиграли сражение 20 августа под Гумбиненом главным образом благодаря искусству огневого действия русской артиллерии, наносившей немцам тяжелые потери, расстреливавшей их по своей инициативе особенно губительным уничтожающим перекрестным огнем. Немецкий писатель Ниман говорит о Гумбиненском сражении, что «с утра наступление немцев шло повсюду удачно, но вскоре остановилось и обратилось в тяжелый, сопряженный с большими жертвами, огневой бой... Попытки атаковать разбивались о смертоносный огонь могущественной артиллерии русских».

В сражении под Танненбергом русская армия генерала Самсонова потерпела поражение благодаря ошибочному руководству высшего командования, граничившему с преступностью, несмотря на то, что крайне переутомленные и даже истощенные войска Самсонова дрались с отчаянным упорством и при мощном огневом содействии своей доблестной артиллерии разбили несколько германских дивизий.

По поводу действий русской артиллерии в Гумбиненском сражении командующий 1-й армией сообщал 21 августа 1914 г. начальнику штаба верховного главнокомандующего:... «На фронте противник выдвигает сильную артиллерию, вплоть до тяжелой артиллерии, стараясь получить перевес в огне, причем последнюю располагает против того нашего фланга, который предполагается им обойти. Огонь немецкой артиллерии отличается большой действительностью, что до некоторой степени объясняется определенностью, очевидно, заранее измеренных расстояний до некоторых рубежей и местных предметов, но, как выяснили бои и опросы пленных и раненых, о г о н ь н а ш е й а р т и л л е р и и п о г у б и т е л ь н о с т и н е у с т у п а е т н е м е ц к о м у, н а н о с я б о л ь ш и е п о т е р и и в к о р о т к и й п р о м е ж у т о к с м е т а я п о д в е р ж е н н ы е о г н ю ц е л и...»[1]

В Танненбергском сражении русская артиллерия действовала с таким же искусством в стрельбе и самоотверженностью, как и в сражении под Гумбиненом. Выше упоминалось, что в период сражения у Танненберга немцы потерпели ряд поражений в отдельных боях. Все эти бои выиграны были частями армии Самсонова благодаря мощному содействию огня русской артиллерии. Отступление корпусов 2-й армии, принявшее к 29 августа беспорядочный, почти панический характер, прикрывалось артиллерией, которая отбивалась огнем до последнего пушечного патрона, сохраняя при этом стойкость. Например, 2-я батарея 4-й артиллерийской бригады, прикрывавшая отступление своей 4-й дивизии на высотах севернее д. Ротфлис, своим уничтожающим огнем остановила преследование противника и с боем в полном порядке отошла к Бишофсбургу около 12 часов ночи под прикрытием 62-го пехотного полка, отступавшего в арьергарде.

[1] ЦГВИА, 137—342, л. 121.

Боевые действия русской артиллерии в период операции в Восточной Пруссии не могли развиваться в полной мере за недостатком боеприпасов, несмотря на то, что операция происходила в августе 1914 г., т. е. в самом начале войны, когда, казалось бы, запасы боеприпасов артиллерии должны были быть еще полны. Между тем уже 14 сентября последовало указание верховного главнокомандующего войскам действующей армии следующего содержания: «...без широкого применения артиллерийского огня во всех фазисах боя невозможно достигнуть осязательных результатов, вследствие чего расход пушечных патронов достигает громадных размеров. Необходимо, однако, иметь в виду, что источники, за счет которых происходит питание армий пушечными патронами с тыла, ограничены.

При этом совершенно доверительно сообщается, что в настоящее время в распоряжении Главного артиллерийского управления имеется всего 29 легких парков (с 76-мм патронами). Таким образом, отдавая должное артиллерийскому огню, не останавливаясь перед доведением его до требуемой напряженности, когда это вызывается обстановкой, необходимо вместе с тем и крайне бережливое отношение к расходованию патронов, дабы преждевременным и бесцельным израсходованием их не оказаться в затруднительном положении».

Опыт боевых операций в Восточной Пруссии в августе 1914 г. привел высшее командование русскими армиями к заключению, что «*современный бой слагается почти целиком из борьбы за фланги, что требует большой активности действий. Пассивность — большой грех, который всегда имеет один результат: большие потери.*

Для того чтобы заставить противника выполнять свою волю, а не подчиняться ему, необходимо: 1) упреждать его своими действиями (в день боя более ранний час выступления может способствовать захвату инициативы действий) и *2) обнимать его фланги».*

Необходимо иметь хоть небольшие свои части на флангах противника, как бы он ни растягивал свое расположение по фронту. Удаление частей, работающих на флангах неприятеля, должно быть таково, чтобы можно было использовать их действия, т. е. они должны находиться в маневренной связи с главными силами, а в малых отрядах — и в огневой связи.

Один фронтальный огонь — средство, как показал боевой опыт, недостаточно действительное, а потому нельзя пренебрегать направлением на неприятельские фланги хотя бы небольших частей.

Простого наблюдения или охранения своего фланга совершенно недостаточно. *Единственное верное средство не быть обойденным — действовать самому против флангов противника.*

Назначенные для действия против неприятельских флангов части следует высылать одновременно с развертыванием отряда из походного порядка для боя, или еще заблаговременнее, и лучше всего вести их уступом вперед.

Парирование неприятельского охвата загибом своего фланга назад не должно допускаться, так как при таких условиях противник достигает своей цели, получая превосходство в силе огня на фланге.

Загиб фланга назад облегчает противнику окружение наших войск. Лучше всего скорее охватить самим фланг противника. Если же своевременно это не исполнено, то необходимо занять резервом из уступа такое расположение, чтобы взять зашедший фланг противника под продольный огонь и затем резервом атаковать.

Опыт боев в Восточной Пруссии указал, что атака растянутого по фронту противника в его центр с целью прорыва возможна в очень редких случаях и весьма рискованна, так как требует самого стремительного прорыва вперед без малейшей задержки. Если часть, прорывающая центр противника, наткнется на сильное его сопротивление с фронта и задержится хотя бы не надолго, то она может попасть сама под перекрестный огонь фланговых частей неприятеля.

Охватив противника с флангов, необходимо завершить его окружение, для чего может быть особенно полезна конница.

Конные массы, способные к огневому бою, оказались в сражениях в Восточной Пруссии, разыгравшихся на десятки километров по фронту, подвижными резервами для нанесения последних решающих ударов.

Относительно действий германских войск в сражениях в Восточной Пруссии высшее командование русской армии пришло к следующим выводам:

«Немецкая тактика наших дней сводится к стремлению втянуть противника в свое расположение, как в сеть, а затем взять его в огневые клещи. Они (т. е. немцы) с самого начала боя направляют фланговые колонны так, чтобы сразу охватить противника с обоих флангов, и, добившись этого, развивают ураганный огонь. Тот, кто при встрече с немцами будет медлить, останавливаться и зевать на флангах, не продвигаясь вперед, тот попадет под перекрестный огонь и понесет большие потери.

Воодушевляясь своими прошлыми боевыми успехами, немцы стремятся даже и малыми силами действовать наступательно, рассчитывая на то, что противник остановится, — чего им только и нужно, — дабы иметь возможность окружить его огневым кольцом и расстрелять.

Трудно сказать пока, как эта дерзкая тактика может измениться под влиянием первой же серьезной неудачи.

Штыка немцы, как показали уже некоторые бои в настоящей войне, не любят и боятся, от штыкового боя уклоняются».

ГЛАВА II

ШТУРМ ПЕРЕМЫШЛЯ [1]

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА

Потерпевшие поражение в Галицийской битве австро-германские армии отходили за реки Днестр и Сан. Русские армии Юго-Западного фронта вышли к 27 (14) сентября 1914 г. передовыми частями на линию от устья р. Сан до верховья р. Днестр у г. Самбор, имея рядом 3-ю и 8-ю армии — первую из них на фронте Немиров, Яворов, вторую на фронте Яворов, Комарно (схема 7).

Развал разбитых австро-германских армий требовал от них уклонения от боевых столкновений с русскими и отхода на линию Тарнов, Ясло и частью за Карпаты, без задержки на р. Сан. Австрийское командование сообщило коменданту Перемышля, что крепость «предоставляется собственным силам и должна держаться до крайности». Между тем отходившие в беспорядке через крепость 3-я австрийская армия и масса обозов внесли разлагающие начала и в гарнизон крепости. Комендант с огромными усилиями восстанавливал порядок и очищал крепость от проникавших в нее нескольких тысяч отбившихся от своих частей дезертиров и мародеров. Промежуток времени с 26 по 29 сентября был чрезвычайно опасным для жизни крепости, которая могла бы стать легкой добычей русской кавалерии, если бы ей была поставлена задача захватить Перемышль. Но такой задачи она не получила, и критический момент для крепости миновал. Главком генерал Иванов вследствие необходимости пополнить огромные потери, понесенные русской армией в Галицийской битве [2], вынужден был отказаться от энергичного наступления в

---

[1] Источники: ЦГВИА, дела 11—429, 11—479, 12—199, 17—183, 57—699, 83—848, 55—765, 17—659, 87—278, 87—277, 85—433, 105—119, 252—861, 15—280; листы: 53; дела 32—914; 64 и 70; дела 11—424; 8, 98, 104, 128 и 129; дела 191—811; 65, 123 и 194; дела 191—861. *П. Черкасов,* Штурм Перемышля 7 октября 1914 г., штаб РККА, 1927 г.

[2] До 120 000 человек — по данным труда П. Черкасова, Штурм Перемышля. По другим источникам, ссылающимся на архивные дела, потери за весь период Галицийской битвы, продолжавшейся 33 дня, составляли: русских до 230 000 человек, из них около 40 000 пленных, и 94 орудия; австрийцев до 326 000 человек, причем русскими было взято в плен около 100 000 австрийцев и до 400 орудий.

глубь Галиции и ближайшей задачей поставил своим армиям выйти на рубеж р. Сан, изолировать крепость Перемышль и занять выходы из Карпат у городов Самбор и Хыров и местечка Санок.

Наштаюз генерал Алексеев, оценивая большое значение крепости Перемышль как выгодного плацдарма, откуда неприятель мог угро-

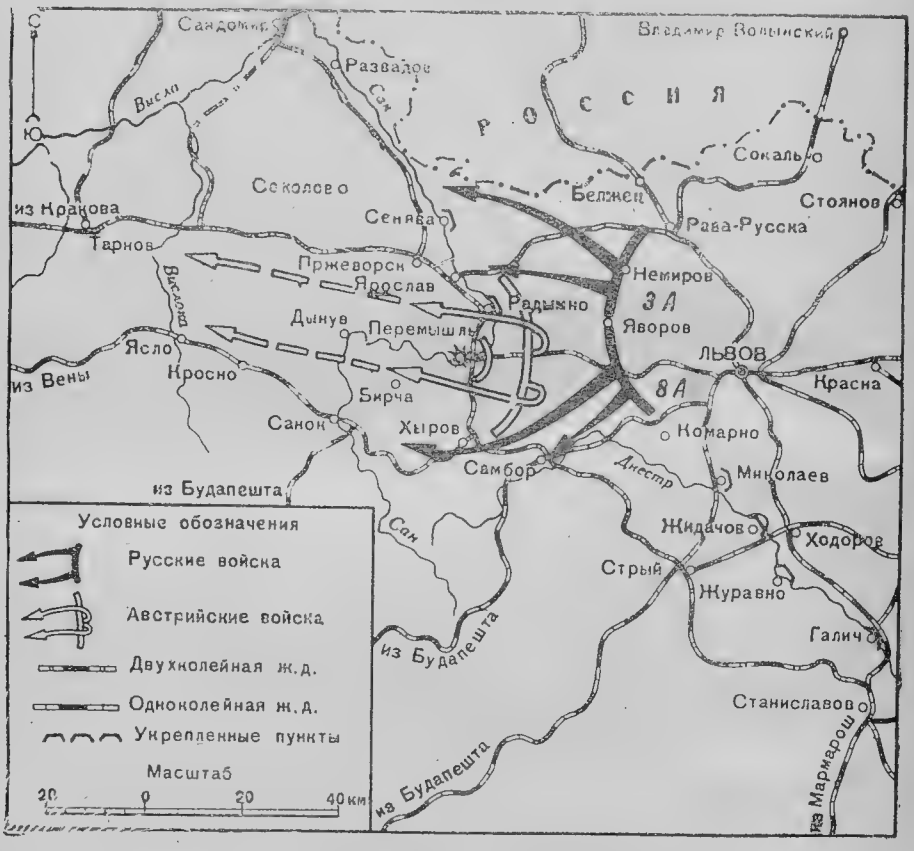


Схема 7. Штурм Перемышля 7 октября 1914 г. Общая обстановка к 27 сентября 1914 г.

жать путям сообщений и тылу русских армий, и определяя силу гарнизона крепости в 60 000—100 000 человек, высказывался за блокаду или осаду крепости. Для осады не имелось достаточных средств. Для создания осадной артиллерии могли быть использованы только те орудия и снаряды, какие состояли на вооружении своих крепостей, но главкоюз генерал Иванов не считал возможным ослабить единственную подчиненную ему крепость Брест-Литовск ввиду неустойчивости соседнего Северо-Западного фронта.

Крепость Перемышль и вся инженерная оборона Галиции были изучены в довоенное время русским Генеральным штабом довольно хорошо. Было известно, что в Перемышле кирпичные кладки были заменены бетоном толщиной в наиболее важных укреплениях до 6 футов (1,83 м). Для разрушения такого бетона требовались, как показала опытная стрельба, произведенная русской артиллерией в 1912 г., осадные орудия калибром выше 6-дм. (152 мм). Известно было также, что в Перемышле имелись броневые установки для 10-см и 15-см гаубиц и броневые купола для противоштурмовых пушек и наблюдателей. Но русские считали, что броневые купола возможно сбить обстрелом не только полевых тяжелых орудий, но даже огнем полевых легких пушек и гаубиц. В действительности же для разрушения броневых установок требовалась артиллерия калибром выше 15 см. Артиллерия Перемышля русскому Генеральному штабу представлялась более слабой, чем оказалась в действительности.

Крепость Перемышль имела внутреннюю ограду, которая прикрывала непосредственно переправы через р. Сан и могла обеспечить от нечаянного нападения жизненный центр крепости, и внешний фортовой пояс, вынесенный от центра крепости на расстояние от 4 до 10 км, имевший по обводу до 43 км и состоявший из 15 фортов и 25 опорных пунктов для пехоты и батарей, расположенных в промежутках между фортами (схема 8). Сила сопротивления крепости была сосредоточена на внешнем фортовом поясе, преодолеть который возможно было лишь при наличии осадной артиллерии крупных калибров.

Гарнизон крепости, слабо обученный, был мало пригоден для активных действий, а по своему моральному состоянию мало способен к перенесению лишений, связанных с осадой. Это учитывалось австрийским командованием, среди которого поднимался вопрос об эвакуации крепости. Но 29 сентября после свидания австрийского главнокомандующего с генералом Людендорфом, гарантировавшим в ближайшее время возобновление наступления совместно с германскими войсками, австрийское командование решило держаться в Перемышле до крайности.

Генквартет русской ставки генерал Данилов в записке своей от 3 августа 1914 г. оценивал крепость Перемышль, как значительно более слабую по сравнению с большими германскими крепостями. По его мнению, упорная оборона Перемышля была возможна в том только случае, если полевая армия выделит для усиления гарнизона крепости одну-две дивизии. Данилов считал, что для полной блокады Перемышля достаточно шести пехотных дивизий, а при восьми пехотных дивизиях возможна энергичная атака крепости. Оценивая артиллерию Перемышля в 300 орудий среднего калибра, Данилов считал, что перевеса над ней возможно быстро достигнуть при наличии вдвое или втрое меньшего числа современных гаубиц. «Привлечение к атаке полусотни орудий 8—9-дм. калибра для усиления огня крайне желательно», писал Данилов. Таким образом, он допускал возможность атаки крепости Перемышль открытой силой,

Схема 8. Крепость Перемышль.

не придавая решающего значения осадным орудиям крупного калибра, хотя ему хорошо было известно, что для разрушения бетона, какой имели крепостные верки Перемышля, необходимы были орудия калибра свыше 6 дм. (152 мм).

Впрочем, записка генерала Данилова едва ли была известна командованию армиями Юго-Западного фронта.

Мысль об атаке Перемышля открытой силой была чужда главкоюзу генералу Иванову и его начальнику штаба генералу Алексееву. Отсутствие осадной артиллерии привело их к решению блокировать Перемышль. Это решение было одобрено главковерхом, который 21 сентября телеграфировал генералу Иванову: «Осада Перемышля не входила в мои планы. Я считаю, что следует ограничиться соответственным заслоном. Отсутствие у нас осадных парков и недостаток тяжелой артиллерии не дают права рассчитывать на благоприятный исход осады. Надо искать живую силу и ее разбить»..

К концу сентября 3-я русская армия закончила обложение крепости; затем 3-ю армию постепенно сменяли второочередные части вновь формируемой блокадной армии, назначенной вместе с 3-й и 8-й армиями в состав Галицийской группы под командой генерала Брусилова, которому была поставлена задача: противодействовать наступлению австрийцев по правому берегу Вислы, продолжать блокаду Перемышля, прикрыть г. Львов и обеспечить левый фланг всего Юго-Западного фронта.

Вскоре обнаружились первые попытки австрийцев перейти в наступление, так как 1 октября русская передовая конница была оттеснена несколько к востоку пехотными частями противника. Брусилов решил воспользоваться несколькими днями, пока противник подойдет к Перемышлю, чтобы штурмом овладеть крепостью. Он телеграфирует 2 октября главкоюзу: «Совокупность всех сведений о Перемышле привела меня к заключению, что штурм крепости имеет много шансов на успех. Генерал Щербачев, непосредственно ведавший блокадой крепости на правом берегу Сана, ознакомленный с обороноспособностью крепости, совершенно того же мнения Так как овладение Перемышлем будет иметь громадное моральное и военное значение, освободит скованные крепостью пять дивизий, передаст в наши руки важный узел дорог, что даст возможность 3-й и 8-й армиям действовать в тесной связи и даст уверенность в обеспечении тыла, мне представляется соответственным теперь же попытаться овладеть Перемышлем и в этом направлении мною даны указания генералу Щербачеву начать подготовку, на которую предполагаю употребить 4—5 дней. Направляю на поддержку тяжелый дивизион, саперный батальон, 19-ю пехотную дивизию, стрелковую бригаду».

«Совокупность всех сведений о Перемышле», на которой базировался Брусилов, однако, не во всем благоприятствовала принятому им решению.

Русская воздушная разведка обнаружила, что кроме укреплений, о которых имелись данные, на северном фронте крепости насчитано до 30 новых укреплений, окопов и батарей, а на южном

фронте «две линии фортов, между которыми сплошные линии окопов, чередующиеся с батареями...». Наблюдатели отмечали присутствие гарнизона только в фортах и малое число орудий на батареях. Показания пленных и перебежчиков свидетельствовали о малой боеспособности частей гарнизона из русских и галичан и о том, что серьезное сопротивление может оказать лишь одна мадьярская дивизия гарнизона. Эти сведения подкреплялись почти полной пассивностью гарнизона в борьбе за передовые позиции при обложении крепости. О действиях австрийской артиллерии при обложении крепости генерал Дельвиг (известный в то время выдающийся русский артиллерист) писал наштаюзу генералу Алексееву: «Противник начал обстреливать наши пехотные линии и артиллерийские наблюдательные пункты, а иногда наугад и тыл орудиями разнообразного калибра от 80—90-мм старых полевых пушек до 8-дм. пороховых бомб, стреляя чугунными кольцевыми гранатами, чугунными шрапнелями и другим старьем. Потерь мы не понесли».

Наряду с благоприятными для русских сведениями разведка отмечала энергичную подготовку гарнизона к обороне крепости и разного рода оборонительные работы. Имелись сведения, что некоторые форты имели рвы глубиной до 5 м с каменными эскарпами и бетонными контрэскарпами, что внутри фортов имеются бронекупольные установки, что многие укрепления, а в группе Седлиска все укрепления, были окружены проволочными сетями и «волчьими ямами», что впереди фортов и укреплений заложены фугасы, что для защиты стрелков и орудийной прислуги от шрапнельных пуль устроены козырьки из железных листов с присыпкой земли, что сильные осветительные средства крепости не дадут возможности атаковать форты и промежутки между ними даже ночью.

Судя по огню крепостной артиллерии в период обложения Перемышля, русское командование считало, что австрийская артиллерия слабо подготовлена в отношении стрельбы и вооружена орудиями устаревших систем.

Штаб 19-й пехотной дивизии дал совсем иную характеристику австрийской артиллерии: огневое превосходство, отсутствие шаблонов, широкая инициатива, соединение с другими родами оружия, тактическое управление в руках старших начальников, тщательность артиллерийской разведки и изучения впереди лежащей местности, скрытое занятие позиций, тактическое руководство огнем в руках артиллерийских начальников, удачный выбор целей, стрельба по неподвижным целям с закрытых позиций, по живым и подвижным — с маскированных и открытых, огонь быстрый и напряженный, три периода стрельбы: а) подавление огня неприятельской артиллерии, б) сосредоточение огня на избранном пункте атаки, в) перенос огня по резервам противника; периоды стрельбы не нормируются цифровыми данными; при обороне стремление к огневому превосходству; забота о пополнении расхода снарядов; отсутствие особого прикрытия артиллерии.

Во всяком случае, если русское командование было убеждено в численной и качественной слабости гарнизона и артиллерии Пере-

мышля, то оно должно было считаться с тем, что для преодоления целей системы долговременных сооружений крепости потребуется не только много живой силы, но и огромные технические средства и в первую очередь мощная тяжелая артиллерия крупных калибров — свыше 152 мм.

Штаб 3-й русской армии, блокировавшей Перемышль, считался наиболее знакомым с крепостью. Генкварт штаба 3-й армии полковник Дитерихс на основании сведений, собранных о Перемышле в период обложения с 25 сентября по 3 октября, пришел к заключению, что хотя крепость «в своем современном состоянии представляется значительно усиленной по сравнению с первоначальным мирным положением», но все же постоянные укрепления не дают Перемышлю впечатления «солидной неприступной твердыни», что некоторые опорные пункты не могут противостоять даже огню полевой тяжелой артиллерии (152-мм гаубиц и 107-мм пушек), так как «толщина бетонных прослоек кажется не более 3 футов» и «есть постройки, безусловно перешедшие в фортификационном отношении в область истории». В общем, по заключению Дитерихса, Перемышль «едва ли отвечает представлению о современной первоклассной крепости, и можно считать, что даже одна только артиллерийская атака могла бы решить участь крепости».

Дитерихс в своей записке не оговорил, в чем должна заключаться эта артиллерийская атака, но судя по выводам его записки, можно предполагать, что для такой атаки он считал достаточным иметь только полевые тяжелые орудия. Но не только Дитерихс, а и никто другой и даже Дельвиг, игравший очень видную роль руководителя артиллерии при штурме Перемышля, не пытался рассчитать, сколько и каких орудий и сколько снарядов потребуется на разрушение крепостных верков и на борьбу с крепостной артиллерией, хотя бы на одном фронте главной атаки.

Нельзя утверждать, но возможно, что записка Дитерихса оказала некоторое воздействие на решение атаковать Перемышль, не имея осадной артиллерии.

Главкоюз Иванов и начштаюз Алексеев, считавшие невозможными действия под крепостью без осадной артиллерии, не обладали достаточной волей, чтобы остановить внезапно возникшее, не отвечающее обстановке решение Брусилова атаковать крепость, и предоставили ему свободу действий.

Исполнителем своего решения Брусилов избирает генерала Щербачева, которому с 3 октября подчинены были все войска, предназначенные для атаки. Войска спешно стягивались к Перемышлю, двигаясь форсированными маршами под непрерывным дождем, по невылазной грязи; многие войсковые части вступали в боевую линию переутомленные, прямо с похода, пройдя до 50—70 км.

При таких условиях никакой подготовки войск к исполнению предстоящей задачи по атаке крепости не производилось. Специальные «Указания по атаке крепости Перемышль», составленные 5 октября штабом Щербачева, были доставлены войскам поздно, а некоторыми частями вовсе не были получены. Даже разведку под-

ступов к крепостным укреплениям войскам пришлось производить уже в ходе самой атаки.

«Указания», проникнутые безудержным, смелым порывом вперед, годились для маневренного наступательного боя, но не для действий под крепостью, требовавших методического сочетания технической и живой силы по заблаговременно составленному плану.

От пехоты «Указаниями» и приказом войскам блокадного корпуса требовалась стремительность наступления: «равнение по передним, фланги обеспечиваются общим натиском... Частям, встретившим наибольшее сопротивление, содействие оказывают соседи движением вперед, дающим возможность огневого охвата противника».

Артиллерийская часть «Указаний», составленная, вероятно, при непосредственном участии Дельвига, мало отличалась от тех начал, какие проводились при боевой подготовке русской полевой артиллерии в довоенное время, имевшей в виду действия артиллерии исключительно в полевом маневренном бою, а не при атаке крепости. «Указаниями» требовалось: путем наступления пехоты оттеснить передовые части противника с целью облегчить выдвижение артиллерии на позиции, «допускающие возможность обстрела искусственных препятствий, укреплений и фортов действительным огнем (2—2,5 км)»...

«...Полевая и тяжелая артиллерия содействует наступлению пехоты, обстреливая все атакуемые окопы, лишая противника возможности показаться и открыть огонь. Часть артиллерии действует против батарей противника, особенно мешающих наступлению нашей пехоты. Тяжелая артиллерия, помимо выполнения специальных задач, указанных каждому дивизиону генералом Дельвигом, частью батарей переносит огонь на тяжелые батареи австрийцев, открывающие огонь по пехоте, и сосредоточенным огнем обрушивается на них».

Во время производства штурма требовалось, чтобы полевая артиллерия поддерживала огонь по укреплению, не допуская защитников противодействовать атаке; тяжелая артиллерия должна была сосредоточивать огонь «по броневым установкам и по видимому бетону»; тяжелые мортиры должны были действовать «по гласисам редутов для разрушения искусственных препятствий»...

«Указаниями» обращалось «главное внимание на уничтожение фланговой обороны рвов», без чего требовалось «штурма укреплений не начинать». Уничтожение фланговой обороны рвов возлагалось не на артиллерию, а предполагалось произвести подрывными командами зарядами в 50—60 кг пироксилина.

Для обеспечения взаимодействия артиллерии и пехоты «Указаниями» требовалось иметь «передовых артиллерийских наблюдателей в пехотных окопах, соединенных телефоном с местом расположения дивизионов».

В приказе блокадному корпусу 4 октября по вопросу о взаимодействии пехоты и артиллерии предписывалось войскам корпуса

«помнить, что успех артиллерийского огня в значительной степени зависит от организации связи пехоты с артиллерией. Артиллерия должна стрелять, чтобы заставить противника скрыться, а пехота должна наступать, чтобы заставить его открыть живые цели. Поэтому командир корпуса требует от артиллерии высылки передовых наблюдателей к пехоте и от пехоты стремительного движения вперед».

Обращает на себя внимание несоответствие свойствам орудий задач, поставленных артиллерии «Указаниями». На тяжелую артиллерию возлагается, в целях содействия наступлению пехоты, не разрушение окопов противника, а наравне с полевой артиллерией лишь обстрел окопов, чтобы лишить противника «возможности показаться и открыть огонь». На тяжелые гаубицы возлагается разрушение искусственных препятствий, в то время как легкие батареи должны были «поддерживать огонь по укреплениям»; между тем уничтожение проволочных заграждений и искусственных препятствий могли с успехом исполнить легкие пушки, а разрушение укреплений могли исполнить только тяжелые гаубицы. По броневым установкам и по тяжелым батареям противника должна была «сосредоточить огонь тяжелая артиллерия, но из каких именно орудий — из 107-мм пушек или 122-мм гаубиц — не оговорено. Вероятно, эти задачи тяжелой артиллерии относились к «специальным», которые должен был указать Дельвиг. Но и этот выдающийся артиллерист того времени ставил задачи, как это ни странно, не всегда отвечающие свойствам полевой тяжелой артиллерии, имевшейся в его распоряжении. Например, для стрельбы по неприятельским батареям, требующей меткости и большой дальности, наиболее подходящими были 107-мм пушки, как и для стрельбы по броневым куполам, требующей хорошей меткости, но Дельвиг такой задачи имевшимся у него всего четырем 107-мм пушкам не ставил. Эту задачу исполняли 152-мм гаубицы, хотя такая задача не совсем отвечает их свойствам, так как они стреляли преимущественно фугасными снарядами, главное назначение которых — разрушать укрепления полевого типа.

Для атаки Перемышля были собраны довольно внушительные силы русских: 117 батальонов, 24 эскадрона, 483 орудия. 10 саперных и телеграфных рот, 24-й авиационный отряд (для разведки). В числе 483 орудий главную массу составляли полевые легкие 76-мм пушки — 420 пушек, легких 122-мм гаубиц было 36, или около 7%, полевые тяжелые орудия составляли ничтожный процент — 6,5%, а именно 23 тяжелых 152-мм гаубиц и лишь 4 тяжелых 107-мм пушки; орудий осадного типа калибром свыше 152 мм вовсе не было.

Легкие 76-мм пушки, имея в своем боевом комплекте $^5/_6$ шрапнелей и только $^1/_6$ гранат, предназначались для поражения живых открытых целей, а для стрельбы по укреплениям или по укрывшимся за ними войскам могли иметь самое ограниченное применение. Между тем за недостатком крупнокалиберной артиллерии легкая полевая артиллерия являлась для большинства частей пе-

хоты, участвующих в штурме крепости, единственным средством подготовки атаки.

План атаки Перемышля сводился к одновременному штурму крепости с севера, востока и юга с направлением главного удара на юго-восточный сектор крепости (схемы 7, 8 и 9), с целью овладеть Седлиской группой укреплений с фортами Гурко (14) и Седлиска (1). Тяжелая артиллерия и 8-й мортирный артиллерийский дивизион были выделены в особую группу, подчиненную Дельвигу, исполнявшему обязанности инспектора всей артиллерии блокадного корпуса. Артиллерийская группа Дельвига должна была содействовать главной атаке юго-восточного сектора.

В приказах войскам блокадного корпуса об атаке и штурме Перемышля имеются только следующие указания по части артиллерии: в приказе № 1 п. 4: «Тяжелым артиллерийским дивизионам занять позиции по указанию генерала Дельвига», и п. 6: — «Полевой артиллерии (очевидно, легкой) занять позиции в пределах действительного артиллерийского огня» и в приказе № 4 п. 5: «Тяжелым артиллерийским дивизионам исполнять задачи по содействию наступлению и атаке, согласно данным указаний инспектору артиллерии генералу Дельвигу».

Вся легкая полевая артиллерия (за исключением 8-го мортирного дивизиона) была оставлена в подчинении своим начальникам дивизий и корпусов, от которых она и должна была получать задачи.

Рассмотрим действия некоторых частей артиллерии, участвовавшей в атаке юго-восточного сектора крепости: а) действовавших в составе своих дивизий батарей 19, 58, 60 и 69-й артиллерийских бригад и действовавшего в составе своей 3-й стрелковой бригады, обеспечивающей левый фланг атакующей группы, 3-го артиллерийского дивизиона; б) действовавших в составе особой артиллерийской группы Дельвига 4-й тяжелой артиллерийской бригады (1, 2 и 3-й дивизионы) и 8-го мортирного артиллерийского дивизиона.

На юго-восточный участок атаки протяжением около 14 км назначено было всего 67 батальонов и 279 орудий, т. е. на 1 км фронта приходилось 4,75 батальона и до 20 орудий.

Количество тяжелой артиллерии, считая и легкую гаубичную, было несоразмерно мало и не отвечало поставленной задаче, а также не соответствовало нормам, выработанным русским Генеральным штабом в довоенное время на основании опытных стрельб по бетонным сооружениям, произведенных в 1912 г. По этим нормам на каждый атакованный форт следовало иметь по 6 осадных орудий калибром свыше 152 мм и на каждый километр фронта для борьбы с артиллерией и пехотой, занимающими промежутки между фортами, по две 6-орудийные батареи с орудиями 107-, 122- и 152-мм калибров. В данном случае для разрушения бетона атакованных фортов вовсе не имелось осадных орудий свыше 152-мм калибра, а на километр фронта для обстрела промежутков между фортами приходилось в среднем по 20 орудий, главным образом 76-мм пушек; весьма же незначительное число 122-мм и

Условные обозначения

Русские

- Штаб дивизии
- Головной артиллерийский парк 19 пд
- Дивизионный лазарет 19 пд
- Наблюдательный пункт
- Направление движения пехоты или артиллерии
- Направление наступления пехоты
- Полк пехоты
- Батальон пехо
- Пехотная дивизия

Положение войск к вечеру 5.10

- Пехота в окопе
- Легкая 76-мм батарея
- Полевая тяжелая 107-мм батарея

Положение войск к вечеру 6.10

- Пехота в боевом порядке
- Легкая 76-мм батарея
- Полевая тяжелая 107-мм батарея
- Легкая 122-мм гаубичная батарея
- Полевая тяжелая 152-мм гаубичная батарея

Положение пехоты при штурме 7.10

- Направление атаки
- Батальон
- Полк

Австрийцы

- Батарея вылазочная (подвижная)
- Проволочное заграждения

Масшт

0 1 2 3 4 км

Схема 9. Атака юго-восточного сектора крепости Перемышль 5—7 октября 1914 г.

Зак. 1932

52-мм гаубиц (всего 39 гаубиц) и ничтожное количество 107-мм пушек (всего 4 пушки на 14 км), в общей сумме 43 орудия, составляли в среднем 3 орудия на 1 км, тогда как по упомянутым нормам Генерального штаба следовало иметь на 1 км не менее 12 орудий указанных калибров.

Прорыв фортового пояса крепости мог быть осуществлен либо атакой самих фортов, либо атакой промежутков между фортами.

При атаке фортов открытой силой артиллерия не только должна привести к молчанию артиллерию фортов, но и разрушить казематы, служащие убежищем для гарнизона, и капониры во рвах, чтобы подготовить атакующей пехоте возможность перехода через них. Прорыв крепостной позиции вообще невозможен без участия мощной осадной артиллерии и без нее совершенно немыслима атака фортов, требующая разрушения бетонных сооружений.

Что же касается атаки промежутков между фортами или так называемой ускоренной атаки, то в данном случае задача артиллерии ограничивается разрушением промежуточных укреплений по большей части полевого или временного типа, сооруженных во время войны, и подавлением флангового огня соседних фортов. При благоприятных условиях полевая тяжелая артиллерия при достаточном числе 107-мм пушек и 152-мм гаубиц способна справиться с этой задачей.

Поэтому казалось бы, что если при отсутствии осадной артиллерии и решаться на атаку Перемышля, то следовало бы остановиться на втором методе, т. е. на ускоренной атаке промежутков между фортами, и ни в каком случае не на атаке открытой силой фортов. Но, принимая решение атаковать Седлискую группу, на этом вопросе, повидимому, не останавливались ни Брусилов, ни Щербачев, ни даже консультант последнего — Дельвиг, хотя он был отлично ориентирован во всех вопросах, связанных с атакой крепости. Уже 25 сентября, когда еще не закончилось расположение на позициях войск, назначенных для блокады Перемышля, Дельвиг доносил Щербачеву: «Личная разведка меня убеждает, что занятие нашей пехотой линии Медыка — Велики-Ляс (схема 9) позволит нашей тяжелой артиллерии занять такие позиции, с которых возможно будет поражать форты группы Седлиска. С наших наблюдательных пунктов видны верки этой группы... Наличие бетона подтверждается видимыми стенками с наблюдательных пунктов и показанием артиллеристов-разведчиков, проникающих в занятый противником район...»

Кроме того, Дельвиг доносил, что с высот к юго-западу от г. Балице видна вся картина укреплений у Седлиска: форт с открытой установленным прожектором, несколько укреплений сильной профили, три батареи и в том числе одна броневая с бетонной стенкой и т. д.

Препровождая донесение Дельвига командующему армией, Щербачев сообщал: ...«Сегодня произведена артиллерийская разведка. Тяжелая артиллерия наша, широко поставленная, по докладу ни-

спектора артиллерии, имеет возможность подбить броневую установку противника. Наши позиции значительно командуют неприятельской группой у Седлиска и форта Гурко...»

О невозможности разрушения казематов во рвах и бетонных сооружений Щербачев умалчивает, хотя Дельвиг, разумеется, понимал это. В письме к Алексееву, правда уже после штурма, Дельвиг сообщал: «...мы не преувеличивали способность нашу разрушать казематы. Поставлена могла быть задача лишь подавить наружную оборону, а фланкирующие постройки рвов предполагалось взорвать... При успехе можно было надеяться лишь овладеть группой Седлиска, подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1...»

Надо полагать, что мнение Дельвига было известно и Щербачеву и Брусилову и у них не могло быть оснований для преувеличения надежд на свою артиллерию, которой было под силу справиться с пехотой и артиллерией противника, расположенными вне фортов, т. е. с наружной обороной фортов, но не с самими фортами — с их бетонированными казематами и капонирами. Тем не менее, Брусилов, не задумываясь, решает овладеть открытой силой Седлиской группой фортов и укреплений, возлагая надежды на саперов, которым была поставлена задача взорвать пироксилиновыми зарядами во время штурма капониры, фланкирующие рвы. Мысль же об ускоренной атаке лишь промежутков между фортами, дающей некоторые шансы на успех, была отброшена Брусиловым. По-видимому, он считал имевшиеся в его распоряжении технические средства достаточными. Уверенность Брусилова в успехе штурма основывалась на сведениях о слабой боеспособности австрийских войск, дух которых был поколеблен после постигших их неудач в Галиции, и на приподнятом духе русских войск, одержавших ряд побед над австрийцами.

Сам генерал Брусилов объясняет, что он принял решение штурмовать Перемышль на основании следующих соображений.

Генерал Щербачев, назначенный командовать осадой Перемышля, «доложил мне, что, по его мнению, вынесенному по близком ознакомлении с положением дел, Перемышль и в настоящее время взять штурмом легко и за удачу он ручается. Предложение было очень соблазнительное, даже если предполагать, что потери будут значительны, ибо с падением Перемышля вновь сформированная 11-я армия (эта армия формировалась с целью осады Перемышля) имела бы развязанные руки и значительно усилила бы фронт 3-й и 8-й армий. Кроме того, было несомненно, что противник, ввиду общего положения дел и нашего бездействия на левом фланге, в ближайшем будущем предпримет сильные наступательные действия для того, чтобы освободить Перемышль, важнейшую первоклассную крепость Австро-Венгрии. С падением Перемышля этот момент отпал бы, и мы могли бы развить безбоязненно дальнейшие наступательные операции.. Все вышеизложенное, вместе взятое, склонило меня согласиться на штурм Перемышля».

Доложив перечисленные доводы главнокомандующему фронтом генералу Иванову, Брусилов, как он пишет в своих воспоминаниях, получил его согласие на производство операции штурма Перемышля.

Брусилов пишет: «Я сознавал, что в сущности время для взятия Перемышля нахрапом прошло и что теперь это дело гораздо труднее и не сулит... верной удачи; но выгоды взятия Перемышля были настолько велики, что стоило рискнуть»...

Соглашаясь с мнением Щербачева, что следовало атаковать важнейшую группу восточных Седлиских фортов, наиболее современных и сильно укрепленных, так как с падением их австрийцам невозможно было бы удержаться в Перемышле, Брусилов полагал, однако, что «взятие живой силой восточных фортов, в особенности Седлиских, было проблематично и что атака западных фортов, наименее вооруженных, сулит большой успех и отрезывает крепостной гарнизон от его путей отступления».

По мнению Брусилова, затруднительность атаки Перемышля состояла главным образом в том, что неприятельская армия, отошедшая на запад и находившаяся в то время в трех-четырех переходах от Перемышля, успела уже оправиться и пополниться и должна была немедленно перейти в наступление, чтобы помочь перемышльскому гарнизону и не допустить падения крепости. Поэтому, как объясняет сам Брусилов, решено было «сначала атаковать восточную группу фортов, чтобы привлечь внимание и резервы противника в эту сторону, а с остальных сторон охватить Перемышль и брать штурмом форты с северо-запада и юго-запада».

Как бы то ни было, но очевидно, что не только Щербачев, но и Брусилов не придавали должного значения вопросам военной техники, властно указывающей на безусловную необходимость наличия мощной артиллерии крупных калибров для разрушения и подготовки штурма долговременных крепостных укреплений современного типа, какими являлись форты Седлиской группы. Они не считались даже с тем, что имеющаяся у них слабая артиллерия, назначенная для штурма Перемышля, не была обеспечена боеприпасами, так как Брусилов пишет в своих воспоминаниях, что «артиллерийская подготовка не могла быть продолжительной и *достаточно интенсивной по недостатку снарядов*»...

Подготовка к штурму велась чрезвычайно поспешно. По всей вероятности, за недостатком времени или вследствие легкомысленного, даже пренебрежительного отношения к силам крепости и ее гарнизона, русское командование не составило никакого плана атаки, хотя бы ориентировочного, для осуществления лишь первого этапа своего замысла. Последствия этого сказались немедленно: в течение одного дня 3 октября штабом блокадного корпуса было отдано семь приказов, дополняющих и отчасти изменяющих друг друга, что указывало на отсутствие строгой продуманности и твердой руководящей роли в решении предстоящей серьезной задачи и вносило в управление войсками вредную суетливость.

Согласно приказу № 1, части блокадного корпуса должны были к утру 4 октября закрепиться (см. схемы 9 и 10):

а) **На участке главной атаки:** 58-я пехотная дивизия по высотам восточнее дороги Медыка — Быкув, 19-я пехотная дивизия — от выс. 261 (на западной опушке Вельки-Ляс) к востоку от Быкув (через

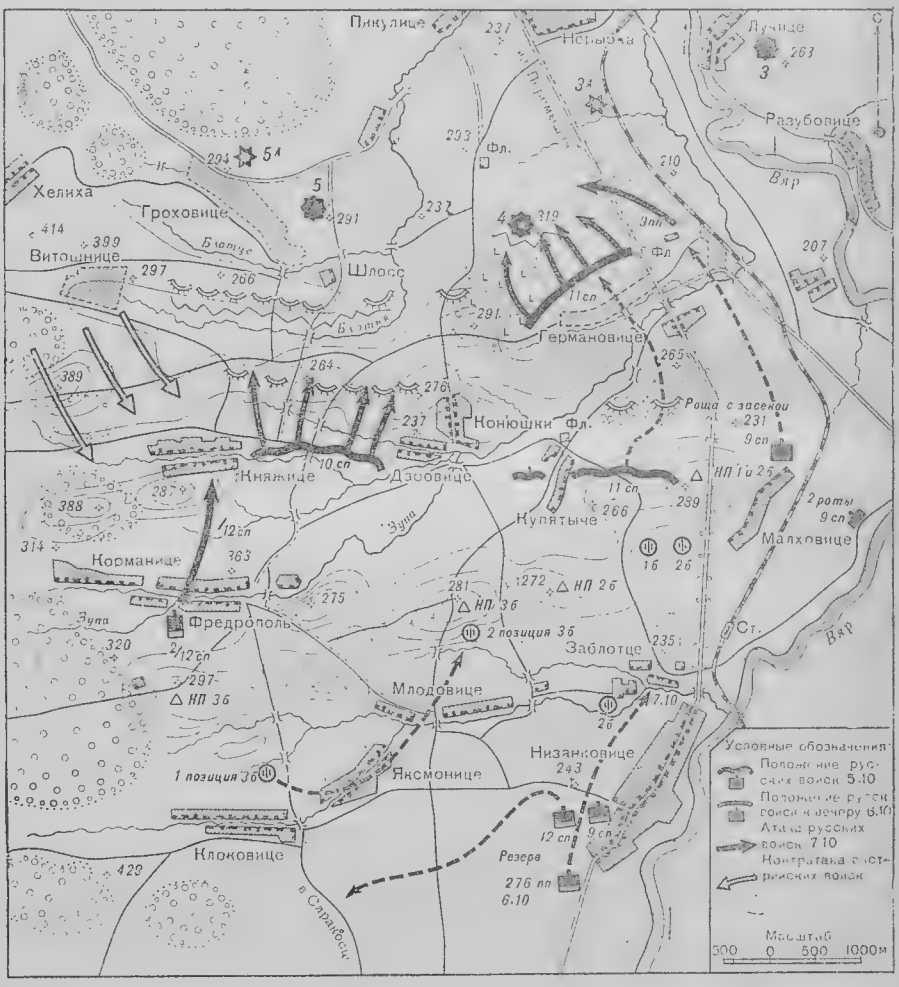


Схема 10. Штурм крепости Перемышль 5—7 октября 1914 г. Участок атаки 3-й стрелковой бригады.

выс. 281) у Плешовице (до р. Бухла), 69-я пехотная дивизия по высотам в районе Ходновице — Тышковице и 60-я пехотная дивизия по гребню высот у Лисковице, выс. 256 (у Велюнице), р. Вяр.

б) На **южном участке атаки, обеспечивающей левый фланг главной атаки,** 3-я стрелковая бригада по линии от р. Вяр у д. Малховице до Княжице включительно.

Легкие полевые батареи находились при своих дивизиях и стрелковой бригаде.

Полевые тяжелые артиллерийские дивизионы расположились в районах, указанных Дельвигом, под личным руководством которого производилась артиллерийская разведка и выбор огневых позиций; им же были указаны районы действий огнем, а именно:

3-й тяжелый дивизион в составе 7-й и 8-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — выс. 254 (у сев. опушки Велики-Ляс); 7-я батарея у южной окраины Шехине (за выс. 254), 8-я батарея севернее Вельки-Ляс, за выс. 254 (с наблюдательным пунктом). Район действия огнем: форты Гурко (14), Борек (15) и Седлиска (1), северная группа батарей Седлиска; дальность 5—6 км.

1-й тяжелый дивизион в составе 1-й и 2-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — выс. 311 к северу от д. Новоселки; обе батареи к западу от д. Балице, между нею и выс. 311 (с наблюдательным пунктом). Район огневого действия: форты Седлиска (1) и Борек (15) и батареи 1_1 — 1_5 Седлиской группы; дальность 6—8 км.

2-й тяжелый дивизион в составе 4-й и 5-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — выс. 306 (Лисковице); обе батареи у северной окраины д. Стронновице. Район огневого действия: Седлиская группа, форт 4 (на западном берегу р. Вяр, северо-западнее д. Германовице); дальность 5—7 км.

Полевая тяжелая батарея 107-мм пушек — у д. Дроздовице имела специальную задачу: обстрел во внутренней ограде крепости форта 20 и крепостных складов; дальность 9—11 км (схемы 9 и 10).

Тяжелые батареи, расположенные по дуге, охватывающей Седлискую группу с северо-востока, востока и юга, могли сосредоточить по ней огонь с разных сторон: по северному району батарей и укреплений Седлиской группы — с трех сторон, по южному району — с двух.

При наличии слабой количественно и качественно тяжелой артиллерии успех действий мог быть достигнут лишь при сосредоточенном огне, требовавшем умелого центрального управления подчиненной ему артиллерией. Поэтому генерал Дельвиг со свойственной ему энергией приложил много усилий не только для выбора наблюдательных пунктов и позиций батарей, но и для организации связи тяжелых дивизионов между собой, с легкой артиллерией, с пехотой и с командованием корпуса, штаб которого располагался в Рудники у м. Мосциска (на шоссе во Львов). Однако ограниченный запас телефонного провода и недостаток средств приданной телеграфной роты не позволили полностью осуществить намеченную схему связи, что крайне затруднило управление огнем тяжелых артиллерийских дивизионов и в значительной степени помешало необходимому сосредоточению их огня.

Связь тяжелых дивизионов была установлена только со штабами ближайших дивизий и, кроме того, 3-го дивизиона с 230-м полком 58-й дивизии и с 73-м полком 19-й дивизии, 1-го дивизиона — с командиром 2-й бригады 19-й дивизии, 2-го дивизиона — с командиром 1-й бригады 69-й дивизии.

4 октября не успели занять назначенное им приказом положение только 19-я пехотная дивизия и 3-я стрелковая бригада. Но в течение дня 4 октября командир 19-й артиллерийской бригады с командиром дивизионов и батарей произвел рекогносцировку артиллерийских позиций в районе Балице-Новоселки.

Части же 60-й и 69-й пехотных дивизий с утра 4 октября перешли в наступление, и 240-й полк занял западную окраину д. Цыкув, а 239-й полк под огнем крепостной артиллерии окопался не доходя 1 000 шагов до той же деревни.

Русское командование считало Седлискую укрепленную группу ключом к Перемышлю, и потому решено было главный удар направить именно на эту группу. Задача эта была возложена на 19-ю пехотную дивизию и на первую бригаду 69-й пехотной дивизии, всего 6 полков с 96 легкими 76-мм пушками. Действуя на главном направлении Мочерады-Седлиска, эти части, составляя ударную группу, должны были овладеть передовыми Седлискими укреплениями, а затем ядром их — фортом 1[1]. Для отвлечения внимания и сил противника на флангах ударной группы действовали 58-я пехотная дивизия с ее артиллерией — справа и 60-я пехотная дивизия со своей артиллерией — слева. С юга левый фланг атаки обеспечивался действиями 3-й стрелковой бригады. Общий резерв — около 7 пехотных полков с 48 легкими 76-мм пушками — стягивался в район деревень Крысовице, Злотковице (схема 8) для действия в главном направлении — за ударной группой. Что же касается тяжелой артиллерии, то ее группировка позволяла сосредоточить огонь по Седлиской группе с разных сторон.

АТАКА 5 ОКТЯБРЯ

Генерал Щербачев поставил задачей первого дня атаки отбросить противника к фортам с целью занять линию Халупки — Медыкские, лес На-Блоню, высоты западнее Быкув — Плешовице, деревни Поповице, Германовице, Княжице, «твердо закрепить ее за собой, а при трудности держаться — податься вперед» (приказ № 7). Начало наступления назначено было в 9 часов (схемы 8 и 9).

Действия ударной группы. Начальник 19-й дивизии, заняв исходное положение на участке от выс. 267 (сев.-вост. Новоселки) до д. Байовице, решил наступать на фронт д. Быкув — выс. 290 (в лесу западнее Плешовице) с целью овладеть передовыми укреплениями Седлиской группы, расположенными на высотах 231 и 285

[1] Командование ударной группой не было объединено в руках одного начальника. Поэтому входившие в состав ударной группы 19-я и 69-я дивизии действовали самостоятельно по усмотрению своих начальников дивизий. Действия их описываются ниже отдельно.

и по восточной опушке леса, в западной части которого находился форт Седлиска (1). Ближайшей задачей он поставил: а) правому участку — 73-й полк — овладеть позицией от сев. окраины Быкув до сев. окраины Цу-Плешовице; б) левому — 75-й и 76-й полки — от сев. окраины Цу-Плешовице до выс. 290 включительно; в) 19-й артиллерийской бригаде из района Новоселки-Байовице начать в 9 часов подготовку атаки передовой позиции противника; г) резерв дивизии — 74-й полк — из Мочерады передвинуться в Новоселки. Штаб дивизии и головной артиллерийский парк — в Мочерады. Дивизионный госпиталь в Балице. Остальные госпитали дивизии и обозы 2-го разряда отошли в д. Мосциска.

Командир 19-й артиллерийской бригады еще 4 октября получил приказ начальника дивизии о том, что артиллерийская бригада составит особый артиллерийский участок под его командой и что на нее возлагается задача: «содействовать общему успеху атаки, продвигаясь вперед по мере наступления пехоты», а также о том, что распоряжением начальников участков следует произвести разведку подступов к противнику и характера неприятельских укреплений. Со своей стороны, в развитие приказа начдива и на основании данных, полученных личной разведкой, командир бригады приказал:

«К утру 5 октября занять выбранные позиции. За ночь (с 4-го на 5-е) вырыть окопы, в следующие дни усовершенствовать их, обеспечив людей блиндажами от осколков и пуль, а также от дурной погоды, так как придется жить на батареях. Сделать окопы на наблюдательных пунктах для командиров, разведчиков и телефонистов. Особенно позаботиться о маскировке окопов. Сделать ходы сообщений, установить телефонную связь с командиром бригады и начальниками участков (1-му дивизиону — с полковником Бескровным, 2-му дивизиону — с полковником Соколовым)[1]. С начальниками участков установить также связь ординарцами — особенно на ночь. По возможности обеспечить телефонную линию от порчи. Выставить боковых наблюдателей. Установить непрерывное наблюдение за полем и за противником, замечая его работы, передвижения, места батарей и наблюдателей. Отмечать следует передвижения даже отдельных людей, если они происходят в определенном направлении и продолжительное время и тем служат доказательством скапливания людей в одном пункте.

Изучить район противника: его расположение, окопы, укрепления, батарен; определить дистанции и боковые отклонения. Сделать схемы расположения противника или панорамы, нанеся на них все данные, необходимые для стрельбы. Твердо установить и уяснить ориентировку. Передки и батарейные резервы расположить безопасно от огня и по возможности скрыть сверху. Исправить дороги, идущие от батарейного резерва, и тем облегчить питание патронами. Разведать местность и пути вперед. Командирам дивизионов распорядиться соответствующим расположением пехотных при-

[1] Бескровный — командир 73-го полка, Соколов — командир 76-го полка.

крытий. Наблюдательный пункт командира бригады: выступ леса к сев.-вост. от д. Новоселки».

Батареи 1-го дивизиона 19-й бригады заняли первые позиции к северо-востоку от Новоселки по обе стороны дороги из Новоселки в Балице: 1-я и 3-я батареи севернее дороги, 2-я батарея южнее. В тылу 1-й и 3-й батарей приблизительно в 2 км возле ф. Казимерж стояли две батареи 1-го тяжелого артиллерийского дивизиона. Первые позиции батарей 2-го дивизиона были за выс. 272 к северо-востоку от Байовице.

Позиции батарей 19-й артиллерийской бригады показаны на схеме 9. Подробности расположения на позициях 2-го дивизиона 19-й бригады показаны на схеме 11, представляющей копию схемы, составленной на поле сражения адъютантом дивизиона поручиком Маевским [1].

Около 10 часов с начала движения 73-го полка по нему был открыт противником ружейный и пулеметный огонь с передовой позиции, занимающей фронт — восточная окраина Быкув, выс. 276 и выс. 281 с рощей (к северо-востоку от Цу-Плешовице), и артиллерийский огонь с Седлиских укреплений. Полк залег, хотя одновременно с началом его наступления открыли огонь по передовой позиции батареи 1-го дивизиона 19-й артиллерийской бригады и были поддержаны огнем двух батарей 58-й артиллерийской бригады, расположенных севернее ф. Казимерж. Эти батареи стали обстреливать Седлиские укрепления 1_1 и 1_2 и бронированную батарею возле и севернее 1_1. Огонь этой бронированной батареи наносил наибольшие потери 73-му полку, поэтому по ней был сосредоточен огонь также 1-й и 3-й батарей 19-й артиллерийской бригады, но огонь по броне оказался безрезультатным. В 11 часов 73-й полк перешел в наступление и настолько опередил соседние полки справа и слева, что попал под перекрестный огонь из развалин д. Быкув и окопов с высот к юго-западу от Быкув, вынужден был опять залечь и завязать стрелковый бой.

Второй дивизион 19-й артиллерийской бригады открыл огонь по окопам на выс. 280 (к западу от Овчарня). При содействии этого огня 76-й полк овладел выс. 280 и, преследуя австрийцев, к 14 часам занял с боя и выс. 290 (к западу от Плешовице) в 2 км от укрепления 1_4.

Левее 73-го полка наступал 75-й полк на выс. 281 (к северу от Цу-Плешовице). Занимавшие эту высоту австрийцы, обойденные с фланга наступавшим южнее 76-м полком, стали отходить. Преследуя их, 75-й полк продвинулся в северо-западном направлении, причем два батальона этого полка окопались в 1 000 шагах от укрепления 1_2.

---

[1] К делу ЦГВИА 55—765 с журналами военных действий 19-й артиллерийской бригады за период времени с 17.VI.1914 г. по 27.III 1916 г. должны быть приложены 844 схемы, но их в ЦГВИА не нашли. Копия схемы 11 из другого дела ЦГВИА за № 17—659 (л. 1064). Схема 11 несколько отличается от схемы 9.

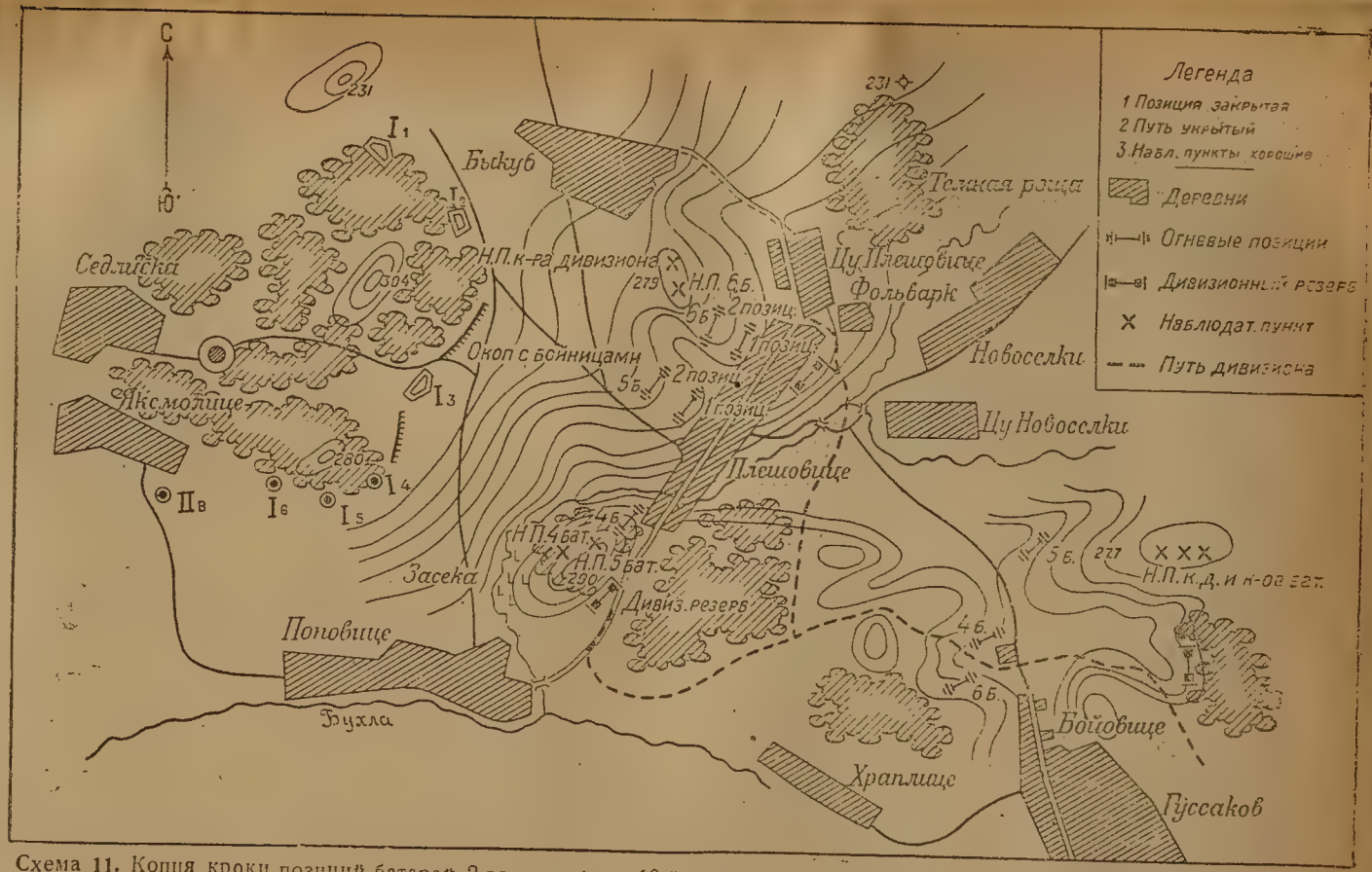


Схема 11. Копия кроки позиций батарей 2-го дивизиона 19-й артиллерийской бригады в боях против группы укреплений Седлиска при штурме крепости Перемышль с 4 по 8 октября 1914 г. (из дела ЦГВИА, 17—659, л. 1064).

К тому же времени 73-й полк, по которому перекрестный огонь прекратился; захватил последовательно ряд окопов, несмотря на сильный артиллерийский огонь с линии Седлиских укреплений, и к вечеру окопался в 800—1 000 шагах от укреплений 1_1—1_2.

Как только австрийцы стали отходить с передовых позиций, командир 19-й артиллерийской бригады приказал командирам дивизионов произвести разведку укрытых путей для переезда ближе к противнику. Батареи поодиночке переехали к очищенным противником высотам. К 16 часам 2-я батарея заняла закрытую позицию к юго-востоку от Быкув, а 6-я батарея стала южнее д. Плешовице, прикрываясь выс. 290. С наступлением темноты переменили позиции и остальные батареи 19-й артиллерийской бригады, расположившись: 1-я и 3-я батареи возле 2-й; 4-я и 5-я батареи в районе д. Плешовице, возле 6-й батареи (схемы 9 и 11). К ночи на 6 октября все батареи 19-й бригады занимали позиции в 2,5—3 км от укреплений противника.

В общем задача, поставленная 19-й пехотной дивизии на 5 октября, была к вечеру выполнена с потерей 25 убитыми и 238 ранеными. В артиллерии потерь не было, так как благодаря хорошему укрытию позиций неприятельская артиллерия не могла нащупать русские батареи.

Ночью на 6 октября тяжелая артиллерия противника обстреливала деревни Плешовице и Новоселки и выс. 290 с лесом (западнее Плешовице).

В действиях 19-й артиллерийской бригады первого дня атаки обращает на себя внимание почти полное отсутствие управления огнем со стороны командира бригады. Согласно приказу начальника дивизии, вся бригада выделена была в самостоятельный артиллерийский участок под начальством ее командира, которому, следовательно, была предоставлена полная инициатива действий. Командир 19-й артиллерийской бригады проявил много энергии при производстве 4 октября под личным его руководством рекогносцировки, выбора позиций и наблюдательных пунктов и по отдаче предварительных распоряжений по оборудованию позиций, организации связи, наблюдения и пр. Но в день боя он ограничился почти единственным распоряжением о рекогносцировке подступов и переезде батарей на вторые позиции. Что же касается управления огнем в тактическом отношении, то он придал 1-й дивизион своей бригады правому боевому участку и связал его с командиром 73-го полка, а 2-й дивизион — левому участку, связав его с командиром 76-го полка. Дивизионы располагались в затылок за своими полками, которым оказывали непосредственное содействие, обстреливая главным образом окопы и пехоту противника, если не считать безрезультатной попытки 1-й и 3-й батарей уничтожить совместно с батареями 58-й артиллерийской бригады бронированную батарею возле укрепления 1_1 и успешной стрельбы 4-й батареи по батарее противника, обнаружившей себя в начале боя у д. Быкув и оттуда скоро отошедшей. В общем артиллерия противника, часть которой располагалась в промежутках между укреплениями на батареях поле-

вого профиля, т. е. была более уязвима, чем бронированные батареи, оставалась неподавленной и наносила большие потери наступающей пехоте, особенно 73-му полку.

Надо полагать, что со стороны артиллерии была бы оказана своей пехоте более действительная помощь, если бы командир 19-й артиллерийской бригады, оставив в своих руках бо́льшую часть батарей, направлял их сосредоточенный огонь на уязвимые неприятельские батареи и уничтожал перекрестным огнем ту пехоту противника, которая оказывала сильное сопротивление; для непосредственной же поддержки пехоты было бы достаточно придать по одной батарее 73-му и 76-му полкам.

Кроме того, было бы правильнее помогать не фронтальным огнем, т. е. не той пехоте, сзади которой располагались артиллерийские дивизионы, а перекрестным огнем, т. е. 1-му (правому) дивизиону помогать левому боевому участку (75-му и 76-му полкам), 2-му (левому) дивизиону — правому участку (73-му полку). Дальность вполне допускала ведение подобного перекрестного огня, несравненно более губительного для противника, чем фронтальный огонь, который вели батареи 19-й бригады через головы своей впереди наступавшей пехоты.

Действия на правом фланге ударной группы. Составлявшая правый фланг ударной группы 58-я пехотная дивизия получила задачу овладеть фортом Гурко (см. форт 14 на схеме 9). В приказе не указывалась разграничительная линия между 58-й и 19-й пехотными дивизиями, а потому лежащий на стыке их форт 15 — Борек не попал в участок ни той, ни другой дивизии.

Начальник 58-й пехотной дивизии разделил свою дивизию для наступления на двух участках с задачами: на правом — 3 батальона (230-го и 231-го полков) и 24 легкие пушки (2-й дивизион 58-й артиллерийской бригады) — овладеть фортом Гурко и укреплением Мурованка; на левом — 4 батальона (229-го и 231-го полков) и 24 легкие пушки (1-й дивизион 58-й артиллерийской бригады) — выдвинуться на линию Мурованка, Длуге Лозы. За каждым боевым участком имелся свой резерв — за правым один, за левым два батальона.

1-я и 2-я батареи 58-й артиллерийской бригады с 3 октября занимали укрытые лесом позиции у форта Казимерж, в 3 км за линией своей пехоты, имея наблюдательный пункт на выс. 311 впереди к юго-западу от батарей.

На слишком большое удаление батарей 58-й артиллерийской бригады от своей пехоты генерал Дельвиг обращал внимание начальника 58-й дивизии, сообщив ему еще 25 сентября, между прочим, следующее: «Прибыв в 3 ч. 30 м. в район 231-го и 232-го полков для разведки позиций тяжелым батареям,... я, к удивлению своему, нашел полки без артиллерийской поддержки. Единственная батарея находилась в 3 верстах позади, а прочие еще дальше, не будучи в состоянии даже открыть огонь... Считаю необходимым немедленно передвинуть вперед легкие батареи, так как с позиций доносят, что пехота обстреливается артиллерией австрийцев».

1-я батарея была поставлена задачу сопутствовать наступлению 231-го полка своей дивизии и 73-го полка 19-й дивизии. На прицеле 120—122 батарея стала обстреливать одну из промежуточных батарей противника возле укрепления 1_1, сильно мешавшую наступлению 73-го полка, но вреда ей не наносила, так как батарея оказалась в бронированных куполах. Тогда огонь был перенесен на другую батарею, стоявшую в лесу недалеко от бронированной, замаскированную дровами; сильным шрапнельным огнем, совместно с огнем соседней 3-й батареи 19-й артиллерийской бригады, эта неприятельская батарея была приведена к временному молчанию. Около 12 часов артиллерийский разведчик — офицер, возвратившийся из расположения 231-го полка, сообщил, что движению полка препятствует ружейный огонь пехоты противника из перелеска На-Блоню (к востоку от форта 15). После нескольких очередей комбинированного огня гранатой и шрапнелью по опушке этого перелеска на прицелах 110—115 австрийская пехота стала отступать в беспорядке к фортам, преследуемая огнем батареи до предела дальности.

К 16 часам батарея переменила позицию, выдвинувшись вперед на 1,5—2 км, и стала укрыто в лесу, откуда вновь пристрелялась по трем промежуточным батареям противника.

За день боя 5 октября 1-я батарея израсходовала лишь 200 снарядов, в том числе 178 шрапнелей и 22 гранаты.

Так как позиция была хорошо закрыта, батарея потерь не понесла.

2-я батарея 58-й артиллерийской бригады с утра 5 октября, согласно полученному приказанию, пристрелялась к укреплениям 1_2 и 1_1 Седлиской группы и вела по ним редкий огонь. Затем около 10 часов выбила своим огнем, вместе с огнем 1-й и 3-й батарей, австрийскую пехоту, занимавшую лес На-Блоню, который и был занят частями 231-го полка после слабой ружейной перестрелки. Но вскоре части эти вынуждены были очистить лес, так как броневая батарея противника с форта 15 наносила им большие потери своим огнем, и только после того как батарея эта прекратила огонь, повидимому, из-за недостатка гранат, части 231-го полка вновь заняли На-Блоню.

Пользуясь продвижением вперед 231-го полка, командир батареи решил переместиться также вперед. Произведя рекогносцировку около 12 часов, командир батареи к 14 часам перевел батарею на вторую позицию на 1,5 км к западу, закрытую лесом. С этой позиции батарея пристрелялась по нескольким целям: по батарее на укреплении 1_1, промежуточной двухорудийной батарее несколько сзади и правее (севернее) этого укрепления, по форту 15 (Борек), по двум участкам окопов, идущих вправо от него на северо-запад к форту 14 (Гурко), и по двум батареям левее (южнее) форта 15. Большинство указанных целей находилось от батареи на дистанции свыше 4,5 км. Желая стать поближе к противнику, командир батареи около 17 часов произвел рекогносцировку и наметил позицию почти на западной опушке леса Велькн-Ляс у выс. 227 (к вос-

току от Быкув), куда направил людей для рытья окопов. Перед рассветом 6 октября 2-я батарея занимала уже эту новую позицию (третью) в 2,5—3 км от неприятельского укрепления 1_1. Наблюдательный пункт командира батареи находился вблизи батареи, южнее ее, на покрытой кустарником небольшой возвышенности.

В бою 5 октября 2-я батарея израсходовала лишь 149 шрапнелей, т. е. еще меньше снарядов, чем 1-я батарея. Потерь в батарее не было ни в людях, ни в лошадях.

3-я батарея заняла позицию неудачно — почти открытую, в стороне от 1-й и 2-й батарей, между Велькн-Ляс и д. Шехине и могла благодаря своему открытому расположению легко сделаться добычей неприятельской крепостной артиллерии. Но этого не случилось, и 3-я батарея своим огнем помогла частям 231-го полка занять рощу На-Блоню.

Частям 229-го полка, наступавшим по открытой местности с фронта Велькн-Ляс — д. Шехине на д. Муровапка, обстреливаемым батареями группы форт Борек, удалось выдвинуться вперед не более как на 600—700 шагов, несмотря на огневую поддержку своей артиллерии.

Назначенный в правый боевой участок 2-й дивизион 58-й артиллерийской бригады расположился на позиции: 4-я и 6-я батареи, прикрываясь д. Медыка, возле железной дороги в Львов, 5-я батарея — у западной окраины д. Шехине, прикрываясь гребнем выс. 254, на которой находился наблюдательный пункт. За той же высотой стояла 7-я тяжелая гаубичная батарея, а 8-я тяжелая гаубичная батарея располагалась южнее, за выс. 264 у северной опушки Велькн-Ляс. Обе эти тяжелые батареи обстреливали форт Гурко (14). Батареи 2-го дивизиона 58-й бригады обстреливали неприятельские батареи, расположенные вне фортов 14 и 15 и открывшие сильный огонь по наступающей пехоте правого участка 58-й дивизии.

При поддержке артиллерийского огня два батальона 230-го полка, укрываясь складками местности от артиллерийского, пулеметного и ружейного огня противника, выбили австрийцев из окопов у д. Халупки Медыкские и к вечеру там окопались, оставив далеко сзади себя уступом части левого участка 58-й дивизии.

Энергичное наступление русских на форт Гурко заставило коменданта крепости усилить атакуемый участок тремя батареями из имеющегося у него подвижного артиллерийского резерва. Этот резерв, о существовании которого русское командование не имело, повидимому, сведений, сыграл большую роль в обороне крепости.

В общем задачу первого дня атаки (5 октября) 58-я пехотная дивизия далеко не выполнила, хотя правый боевой участок дивизии значительно продвинулся вперед, овладев окопами противника у д. Халупки Медыкские; что касается левого участка, то поставленная ему задача — выдвинуться на линию Муровапка, Длуге Лозы — не могла быть выполнена, не овладев лежащим на пути наступления фортом Борек (15).

В действиях артиллерии 58-й дивизии не замечается объединенного управления не только в руках командира 58-й артиллерийской бригады, но и командиров дивизионов; не видно и постановки артиллерии определенных задач ни со стороны начальника дивизии, разделившего ее поровну — по дивизиону между правым и левым участками, ни со стороны командиров боевых участков. В сущности батареи действуют порознь — каждая самостоятельно, выбирая цели для стрельбы по своей инициативе, но не всегда удачно; по своей же инициативе батареи переходят на другие позиции, чтобы стать ближе к противнику, и в этом отношении особенно отличается 2-я батарея 58-й бригады, переменившая позицию за день боя дважды. Но сосредоточенного огня нет, так как нет объединенного управления огнем; огонь ведется почти исключительно фронтальный через головы своей пехоты, сзади которой расположены приданные ей батареи, если не считать косоприцельного огня 1-й и 2-й батарей 58-й бригады, оказавших содействие наступлению соседнего полка 19-й пехотной дивизии.

Действия на левом фланге ударной группы. Начальник 69-й пехотной дивизии ближайшей задачей действий на 5 октября поставил овладение подступами к южной группе Седлишских укреплений, т. е. д. Поповице и рощей к северо-востоку от нее на выс. 290 (см. схему 9). Атаку д. Поповице начальник дивизии решил произвести при поддержке огня всех шести батарей 69-й артиллерийской бригады.

Командир 69-й артиллерийской бригады с командирами дивизионов еще 3 октября произвел рекогносцировку и наметил позиции для всех своих батарей за высотами в районе деревень Ходновице, Тышковице: для батарей 1-го дивизиона — за выс. 281 у южной окраины д. Ходновице; для батарей 2-го дивизиона — за высотами 311 и 286 у д. Боратыче. К вечеру 3 октября все батареи 69-й артиллерийской бригады по лесной грязной, скверной дороге, но скрытно были подтянуты к Боратыче. На другой день еще до рассвета приступили к рытью окопов и уничтожению отдельных деревьев и других ориентирных предметов, которые могли бы облегчить противнику пристрелку, а в 5 часов командир бригады с командирами батарей объехал все намеченные позиции. С 7 часов позиции стали заниматься побатарейно, причем батареи подходили к позициям укрытыми путями.

Было бесполезно состязаться с артиллерией крепости, поэтому был открыт ураганный огонь всех батарей по д. Поповице. Под прикрытием этого огня пехота повела энергичное наступление, заставшее австрийцев врасплох. Части русской 69-й дивизии заняли д. Поповице и окопы впереди нее с налета, почти без потерь, но не успели в них закрепиться, как по ним был открыт сильный огонь нескольких неприятельских батарей, расположенных в промежутках между укреплениями 1_4, 1_5 и 1_6. По просьбе пехоты, остановленной этим огнем, 1-й дивизион открыл сильный огонь по искусно маскированной шестиорудийной батарее противника между укреплениями 1_5 и 1_6 и привел ее к молчанию, но все же пехота

не могла продвигаться вперед вследствие продолжавшегося убийственного огня разбросанных между укреплениями двухорудийных батарей, одновременно нащупывавших места расположения русских батарей.

Около 14 часов австрийцы, прикрываемые огнем своей артиллерии, перешли в контратаку и вновь заняли Поповице, выбив оттуда русских.

Начальник дивизии решил повторить атаку и приказал 1-му дивизиону подавить огонь неприятельской артиллерии из укреплений 1_5 и 1_6 и из промежутков между ними, а 2-му дивизиону подготовить атаку пехоты на Поповице.

Высланная от 1-го дивизиона передовая артиллерийская разведка обнаружила, что при обстреле укреплений ураганным огнем австрийцы скатывают орудия с валов в блиндажи, а в перерывы между ураганами сейчас же выкатывают орудия и продолжают стрельбу. Вследствие этого огонь по укреплениям стали вести методически, не прерывая его, что значительно облегчило наступление пехоты.

Во исполнение задачи, поставленной 2-му дивизиону, 5-я и 6-я батареи открыли огонь по Поповице, а 4-я батарея по цепям противника, двигающимся по лощине восточнее Поповице навстречу 274-му полку. На прицеле 90 шрапнелью и 100 гранатой 5-я батарея прямыми попаданиями выбила австрийцев, засевших в белый домик на краю д. Поповице, откуда они сильно поражали ружейным огнем наступающую русскую пехоту. 4-я батарея, по инициативе своего командира, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, переехала кратчайшим скрытым путем по лощине от выс. 311 к выс. 272 у северной окраины д. Тышковице на новую позицию за этой высотой, на расстоянии около 1,5 км от д. Поповице. Переезд батареи совершался поорудийно на четырех уносах, поэтому сначала открыли огонь только первые переехавшие четыре орудия, а затем и остальные.

Командир батареи выбрал себе наблюдательный пункт в саду в северо-восточной части Тышковице. Для поддержки 274-го полка 4-я батарея открыла огонь сначала по батарее между укреплениями 1_5 и 1_6, затем по укреплениям 1_4 и 1_5. Командир 5-й батареи переменил свой наблюдательный пункт, переместившись к выс. 281 (недалеко от наблюдательных пунктов командира 4-й батареи и командира 2-го дивизиона), что имело большое положительное значение, так как на выс. 281 находился и командир 274-го полка, руководивший наступлением левого участка 69-й дивизии. Около 14 ч. 30 м. все батареи (4, 5 и 6-я) 2-го дивизиона вели огонь по д. Поповице и подступам к укреплениям, а с 15 часов по Поповице был сосредоточен огонь 1, 3, 4, 5 и 6-й батарей 69-й бригады. Благодаря могущественной поддержке артиллерии 274-й полк утвердился в северной части Поповице, а 273-й полк занял юго-западный склон выс. 290 с рощей. С 17 часов, когда пехота подошла к Поповице, артиллерийский огонь во избежание поражения своих был перенесен за Поповице, а около 18 ч. 30 м. был прекращен.

Ночью 1-я и 3-я батареи переехали к выс. 281, 2-я осталась на прежней позиции юго-западнее Ходиновице, 5-я батарея присоединилась к 4-й за выс. 272, а 6-я батарея была оставлена далеко в тылу к северо-востоку от Боратыче в распоряжении командира 69-й артиллерийской бригады — на случай стрельбы «по неожиданно появившимся целям».

Для производства стрельбы ночью оставлены были на батареях дежурные — по одному офицеру и по два номера на орудие на каждую батарею; для стрельбы по прожекторам в батареях были сделаны отметки направлений по всем укреплениям.

За день боя была установлена тесная связь артиллерии с пехотой — от артиллерии в передовых пехотных частях находились разведчики и телефонисты. Все требования пехоты, предъявляемые во время боя 5 октября, исполнялись батареями 69-й бригады быстро и точно, что нужно отметить как хорошее взаимодействие артиллерии 69-й дивизии со своей пехотой. Действительно, при подготовке атаки на д. Поповице артиллерия, в особенности 4-я батарея 2-го дивизиона 69-й бригады, переехавшая по инициативе своего командира на вторую близкую к противнику позицию, оказала своим огнем огромную помощь пехоте; при этом перед атакой по Поповице был сосредоточен сильнейший огонь пяти батарей бригады. Однако, ведя убийственный огонь по пехоте противника, артиллерия не обратила достаточного внимания на необходимость одновременного подавления огня неприятельских батарей. В начале боя командир артиллерийской бригады считал даже вовсе бесполезным ввязываться в состязание с крепостной артиллерией. Но, вынужденный изменить свое первоначальное решение в то время, когда наступающая пехота была остановлена артиллерийским огнем противника, он около 14 часов возложил на 1-й дивизион «специальную задачу»: подавлять огонь на фортах и из ясно видимых батарей противника. Но не дав достаточно времени на исполнение такой задачи, он огонь и 1-й и 3-й батарей сосредоточивает по Поповице, предоставив только 2-й батарее выполнять «специальную задачу» подавления огня артиллерии противника, что для одной батареи было задачей непосильной.

Следует также отметить хорошее управление артиллерией со стороны командира артиллерийской бригады в день боя 5 октября, в особенности при выборе позиций и наблюдательных пунктов и при сосредоточении огня пяти батарей по Поповице.

Артиллерия противника во все время боя наносила большие потери русской пехоте, оставаясь почти безнаказанной, и способствовала переходу в контратаку своей пехоте. Один из австрийских офицеров артиллерийской группы в крепости (укрепление форта Цыкув 2) в своем журнале военных действий записал, между прочим, о действиях артиллерии 69-й дивизии 5 октября следующее:

«Огонь русской артиллерии был настолько слаб, что позволил нашей артиллерии обрушиться на пехоту».

Наряду с целесообразными распоряжениями командира 69-й артиллерийской бригады, нельзя не обратить внимания на такой

странный факт, как оставление у себя, так сказать в резерве, 6-й батареи на тыловой позиции — «для стрельбы по неожиданно появившимся целям». Оставаясь на позиции у д. Боратыче приблизительно в 6—7 км от передовых укреплений, 6-я батарея не могла принять деятельного участия в подготовке атаки на эти укрепления. Наконец, находясь далеко в тылу, она не в состоянии была бы достаточно скоро обнаруживать и обрушиваться своим огнем на внезапно появлявшиеся цели.

Начальник 60-й пехотной дивизии, действующей левее 69-й дивизии, получил приказание командира корпуса овладеть 5 октября скатами высот между д. Розубовице и хут. Дзевенчице (схемы 8 и 9). Начальник дивизии возложил эту задачу на 239-й и 240-й полки, утвердившиеся к 14 часам в долине р. Бухла и в д. Цякув. Легкие батареи 60-й артиллерийской бригады занимали позиции: 1-й дивизион у выс. 267, между деревнями Строшовице и Дроздовице, 4-я и 6-я батареи за высотами 289 и 293 западнее Дроздовице; 5-я батарея у северо-западной опушки рощи Лангевальд, прикрываясь выс. 261. При поддержке огня легких батарей и двух 152-мм батарей 2-го тяжелого артиллерийского дивизиона, занимавших позицию у северной окраины Строшовице, 240-му полку удалось овладеть высотой и д. Злота-Гура, но сильным огнем с фортов 3 (Кучице) и 4 (Германовице) полк был оттуда выбит, и только к вечеру одному батальону удалось вновь занять Злота-Гура. Остальные же батальоны 240-го полка и 239-й полк окопались на склонах высот на линии Злота-Гура, Дзевенчице (на северном берегу р. Бухла). Артиллерия противника, расположенная на форту 2 (Могилка южнее д. Якемовице), вела слабый огонь по атакующим 239-му и 240-му полкам, связанная сосредоточенным огнем русских тяжелых 152-мм батарей и легких батарей 60-й бригады. Материальные повреждения от этой бомбардировки были незначительны. Командир артиллерии форта 2 записал в своем дневнике: «Русская артиллерия, стрелявшая до 4½ час. тротиловыми 12- и 15-см гранатами и 8-см шрапнелями, произвела лишь моральное впечатление».

Действия 3-й стрелковой бригады. Задача 3-й стрелковой бригады на 5 октября сводилась к овладению фортами 4 (северо-западнее Германовице) и 5 (северо-восточнее Гроховице) и промежутком между ними (схема 10). Командир стрелковой бригады еще до рассвета выдвинул в походное для атаки положение: 11-й стрелковый полк с 1-й легкой батареей на участок от д. Кунятыче до выс. 289 (у шоссе из Низанковице в Перемышль), 10-й стрелковый полк с 3-й батареей — от д. Даровице до д. Княжице. С рассветом австрийцы открыли артиллерийский огонь с фортов 3 и 4 и повели контрнаступление, охватывая левый фланг 10-го полка со стороны д. Витошнице, но были отброшены пулеметным и ружейным огнем. Вторичное наступление австрийцев в 16 часов успеха также не имело.

Батарея артиллерийского дивизиона 3-й стрелковой бригады огня 5 октября не открывала. В 8 часов командир дивизиона был вызван с командирами батарей к командиру 3-й стрелковой бригады,

который объяснил им обстановку, указал предстоящие задачи и приказал произвести рекогносцировку позиций для 1-й и 2-й батарей в районе выс. 289, а для 3-й батареи в районе д. Корманице. К 12 часам рекогносцировка была закончена, но занять намеченные позиции до наступления темноты было невозможно вследствие сильного артиллерийского обстрела с фортов. Днем 2-я батарея оставалась на позиции у д. Заблотце, имея наблюдательный пункт командира в 1 км впереди, на выс. 272; около 14 часов батарея получила приказание присоединиться к 11-му стрелковому полку и действовать совместно с приданной тому же полку 1-й батареей. Командир 3-й батареи, приданной 10-му полку для содействия атаке форта 5, получив от командира полка данные обстановки и боевую задачу, занял позицию севернее деревень Клоковице, Яксмонице, имея впереди в 1 км наблюдательный пункт на выс. 297. Удаление 2-й и 3-й батарей в 2—3 км за своей пехотой было слишком велико. Командир стрелковой бригады приказал батареям переместиться вперед, чтобы быть ближе к фортам. В ночь на 6 октября батареи переехали на вторые позиции и к 7 часам утра располагались: 1-я и 2-я батареи рядом за выс. 289, имея на этой высоте наблюдательные пункты командиров батарей; стрельбой этих батарей руководил командир дивизиона, находившийся у д. Заблотце и установивший связь с командиром 11-го полка и командиром стрелковой бригады; 3-я батарея действовала отдельно с 10-м полком, переместившись на позицию к северу от д. Млодовице за выс. 281, на которой находился наблюдательный пункт командира батареи.

Результаты наступления 5 октября. Значительный успех был достигнут: 19-й пехотной дивизией, составлявшей ударную группу; 230-м пехотным полком 58-й дивизии на правом фланге; 60-й дивизией и 1-й бригадой 69-й дивизии на левом фланге. Действия 230-го полка были парализованы фланговым огнем с форта 15 (Борек); части 69-й дивизии понесли наибольшие потери от флангового артиллерийского огня с форта 2 и укрепления 1_6. Выяснилась безусловная слабость огня полевой легкой пушки по крепостным сооружениям. Артиллеристы пришли к убеждению в бесполезности траты снарядов для стрельбы по отчетливо видимой четырехорудийной броневой батарее, стоявшей возле укрепления 1_1, так как сосредоточенный по ней интенсивный огонь пяти батарей 19-й и 58-й бригад не причинил ей никакого вреда. Командир 73-го Крымского полка, против которого бронированная батарея действовала весь день, успех атаки обусловил уничтожением этой батареи.

Действие тяжелой артиллерии совершенно не удовлетворило начальника 19-й дивизии, так как она не оказала никакого содействия ударной группе и вела огонь лишь на флангах. Начальник 19-й дивизии просил командира корпуса выдвинуть 1-й тяжелый артиллерийский дивизион вперед в район Овчария, Храплице «для более действительного содействия атаке передовых укреплений и форта Седлиска».

Генерал Дельвиг писал генералу Алексееву, что в день боя 5 октября «тяжелые гаубицы понадобились лишь для овладения

Золотой Горой, которая была взята около 2—3 часов дня при поддержке двух батарей тяжелых гаубиц 2-го дивизиона 4-й тяжелой бригады». Между тем сложившаяся 5 октября обстановка выдвинула перед командованием серьезнейший вопрос о наилучшем использовании тяжелой артиллерии, которая оказалась, вопреки мнению Дельвига, всюду необходимой.

Генерал Щербачев, усматривая из донесения начальника 19-й дивизии «колебание духа», напомнил ему, что атака должна быть доведена до конца, и указал, что «против укреплений должна действовать легкая артиллерия, а тяжелая будет содействовать». Такое указание явно противоречило основным свойствам легкой и тяжелой артиллерии, и если именно по такому принципу были распределены 5 октября роли между тяжелой и легкой артиллерией, то вероятно вследствие малочисленности первой. Во всяком случае такое решение вопроса оказалось совершенно нежизненным, и на другой день, 6 октября, пришлось отвести тяжелой артиллерии иное место в подготовке атаки.

За день боя 5 октября выяснилась нецелесообразность одновременной атаки на обе группы Седлиских укреплений ввиду трудности борьбы с бронированными батареями и анфилирования подступов к крайним укреплениям Седлиской группы. Более благоприятным для прорыва был участок между укреплениями 1_2 и 1_5 протяжением около 2,5 км, так как, во-первых, атакующие этот участок войска были бы избавлены от анфиладного огня, во-вторых, из четырех укреплений участка только два имели бронированную артиллерию и для подавления огня с атакуемого сравнительно небольшого участка было бы, вероятно, достаточно огня 23 тяжелых гаубиц и 96 легких пушек (около 48 орудий на 1 км атакуемого фронта).

Но оптимистическое настроение Щербачева, уверенного в моральной подавленности гарнизона Перемышля, преобладало над здравым смыслом. Несоответствие средств поставленной задаче его не смущало. Технику противника он решил преодолеть кровью и мужеством русских солдат, показавших высокие боевые качества. Щербачев требовал от войск подвига и надеялся на моральный подъем их. Всем начальникам дивизии он телеграфировал: «Прошу всем напомнить, что мы делаем великое дело и что для успеха нужна твердая решимость, геройство и искусство... Никакие частные препятствия не должны останавливать. Противник упорен, но подавлен».

Но сам генерал Щербачев не проявил искусства в выборе района для решительного удара с целью поставить в более выгодные условия свои войска и тем обеспечить успех атаки.

К вечеру 5 октября штаб 8-й русской армии получил сведения о начавшемся на галицийском фронте наступлении австрийцев, что делало вероятным появление их под Перемышлем через двое-трое суток. Медлить со штурмом крепости было нельзя. В 22 ч. 30 м. был отдан приказ о продолжении наступления с целью атаки фор-

тов Седлиска (1) и Гурко (14) и прилегающих к ним укрепленных групп.

В общем русская пехота при поддержке главным образом легкой артиллерии поставленную ей задачу 5 октября выполнила и, подойдя к фортовому поясу на 1—2 км, здесь к ночи окопалась. Артиллерия получила возможность вынести вперед наблюдательные пункты и выдвинуться ближе к укреплениям, чтобы точным огнем с наивыгоднейших дальностей возместить бессилие легкой 76-мм пушки в борьбе с крепостными сооружениями. Выдвижение артиллерии было рискованным, так как в случае ее обнаружения оставшаяся неподавленной крепостная артиллерия могла бы ее уничтожить. Но большинство легких батарей переместилось вперед, чтобы по мере сил помочь своей пехоте. Из тяжелой артиллерии только гаубичные батареи 1-го тяжелого дивизиона переехали в район высот 311—267, к северу от Новоселки, и стали на позицию, занятую перед тем 1-м дивизионом 19-й артиллерийской бригады, в 4,5—6 км от укреплений Седлиской группы, а 107-мм пушечная батарея этого дивизиона была передана в распоряжение командира 2-го тяжелого дивизиона, которому генерал Дельвиг предписал: «выбрать позицию возможно ближе к городу [1], имея в виду обстрел форта 20 и его окрестностей». Имелось в виду бомбардировкой форта 20 облегчить прорыв в Перемышль 58-й пехотной дивизии по овладении ею форта Гурко (см. схему 9). Пушечная 107-мм батарея заняла позицию, как упоминалось, у д. Дроздовице (схема 9) и должна была приготовиться к открытию огня на рассвете 6 октября.

Легкие батареи оставались в распоряжении своих начальников дивизий и начальников боевых участков, от которых получали задачи и на 6 октября.

Плана действий тяжелой артиллерии, подчиненной генералу Дельвигу, не было выработано, и на 6 октября были поставлены только следующие частные задачи (схема 9): одной гаубичной батарее 3-го тяжелого дивизиона содействовать 58-й пехотной дивизии бомбардировкой фортов Гурко и Борек (14 и 15), другой гаубичной батарее — содействовать 19-й пехотной дивизии бомбардировкой Седлиской группы; 1-му тяжелому дивизиону — также бомбардировать Седлискую группу с целью поддерживать наступление 19-й дивизии, штаб которой в д. Мочерады был, по распоряжению Дельвига, соединен с наблюдательным пунктом командира 1-го тяжелого дивизиона на выс. 311 (к северу от Новоселки); при этом Дельвиг приказал командиру тяжелой артиллерийской бригады держать с ним связь через командированного в Мочерады офицера, выслать к рассвету передового наблюдателя для непосредственной связи с пехотой 2-й бригады 19-й дивизии, ориентироваться через начальника 19-й дивизии и командира 19-й артиллерийской бригады в обстановке и позициях батарей 19-й артиллерийской бригады; 2-му тяжелому дивизиону поддерживать наступление 69-й пехотной дивизии, наблюдательный пункт командира этого дивизиона на

[1] Перемышль.

выс. 306 связать телефоном со штабом 69-й дивизии (д. Боратыче) и через него с наблюдательным пунктом 1-го тяжелого дивизиона, что давало возможность взаимно корректировать огонь 1-го и 2-го тяжелых дивизионов по южной и северной группе Седлиских укреплений. Указанными мерами достигалась возможность сосредоточения по Седлиской группе огня пяти тяжелых гаубичных батарей, из которых две средние 1-го дивизиона могли действовать с дальности 4,5—6 км, а три фланговые (две 2-го дивизиона и одна 3-го дивизиона) — с 4,5—8 км.

АТАКА 6 ОКТЯБРЯ

Действия ударной группы. Начальник 19-й пехотной дивизии указал ближайшие цели действий (схема 9): правому участку (73-й полк) — укрепление 1_1 и выс. 231 на северной опушке Седлиской рощи; левому участку (75-й и 76-й полки) — укрепления 1_2 и 1_3 на восточной опушке той же рощи и на выс. 285.

В дополнительном приказе начальника дивизии, разосланном около 3 часов 6 октября, указывалось: «Сегодня, ... с 5 часов утра блокадный корпус продолжает наступление на Перемышль, начиная с бомбардировки фортов тяжелой артиллерией. Боевым участкам дивизии после подготовки атаки тяжелой артиллерией продолжать наступление и штурмовать... укрепления (указанные выше), обратив главное внимание на уничтожение фланговой обороны рвов, без чего штурма укреплений не начинать.

По овладении передовыми опоясывающими укреплениями продолжать дальнейшее наступление на форт Седлиска, пройдя предварительно лес редкими цепями, которым под руководством саперов уничтожить минные и телефонные провода и только после этого вводить в лес более крупные части...»

Артиллерийская подготовка атаки северной группы Седлиских укреплений велась легкими батареями 19-й бригады и 1-й батареей 58-й бригады, которыми руководил командир 19-й артиллерийской бригады, и тремя тяжелыми гаубичными батареями 1-го дивизиона (две батареи) и 3-го дивизиона (одна батарея), действовавшими независимо от легких под руководством Дельвига.

Действия легких батарей свелись к стрельбе по окопам в промежутках между укреплениями и отчасти по укреплениям, к подавлению огня вылазочных батарей. Командир 19-й артиллерийской бригады придавал второстепенное значение огню легких батарей, отводя главную роль тяжелой артиллерии. Он правильно объяснял: «Мы будем способствовать; когда тяжелая артиллерия сделает свое дело, то полки будут атаковать укрепления 1_1, 1_2, 1_3». В архивных материалах имеются лишь отрывочные сведения о стрельбе 8-й батареи 3-го тяжелого дивизиона, выпустившей по укреплениям 1_1, 1_2, 1_3 и 1_4 лишь 249 гранат (от 35 до 70 по каждому), причем по донесению командира дивизиона только одна батарея противника в укреплении 1_4, по которой направление огня было почти во фланг, к вечеру замолчала. Остальные же неприятельские батареи продол-

жали успешно обстреливать высоты в районе д. Шехине, Велки-Ляс.

В общем, если судить по отзывам войсковых начальников и пехоты, работа и тяжелой и легкой артиллерии была мало удовлетворительной.

По донесению начальника правого участка 19-й пехотной дивизии вылазочные батареи в промежутке укреплений 1_2 и 1_3 беспрепятственно действовали по наступающей пехоте (73-го полка), несмотря на огонь русских батарей, уничтоживший одну австрийскую батарею. По его наблюдению, в укрепление 1_2 попал лишь один тяжелый снаряд, не причинив вреда; проволочные заграждения остались совершенно целы. Командир полка просил усилить бомбардировку, чтобы обеспечить успех штурма, иначе он считал штурм бесцельным.

Командир 19-й артиллерийской бригады приказал 6 октября своим батареям: «потушить огонь артиллерии противника», пристреляться по видимым целям. Батареи стояли лишь в 2 км от укреплений, поэтому была достигнута точная стрельба и цели, поддающиеся легким снарядам, были разрушены, а неприятельские батареи с закрытиями полевого типа приведены к молчанию. Укрепления крепостного типа и поставленные в них батареи продолжали свою деятельность, так как снаряды не только легкой, но и полевой тяжелой артиллерии «не имели абсолютно никакого разрушительного действия по укреплениям крепостного типа».

К концу дня прибыл на позицию к северу от д. Новоселки 8-й мортирный дивизион (122-мм гаубиц) и усилил артиллерийскую группу, действовавшую против Седлиских укреплений. Огонь этого дивизиона по участку атаки ударной группы был фронтальным; занятая им позиция более благоприятствовала действию по южной группе Седлиских укреплений.

В результате артиллерийский огонь противника на участке 19-й пехотной дивизии почти не был ослаблен. Начальник 19-й дивизии в ответ на просьбу генерала Щербачева (в 12 ч. 30 м.) «энергично готовиться к штурму», так как по его мнению положение на атакованном фронте «прекрасно», телеграфировал (в 17 ч. 21 м.): «Сильный штурм может быть успешен лишь при условии уничтожения нашей тяжелой артиллерией броневых артиллерийских установок противника и уничтожения фланговой обороны рвов, почему прошу доложить командующему армией, так как артиллерийский огонь противника, по моим личным наблюдениям, очень еще силен и затрудняет дальнейшее наше наступление даже для уничтожения проволочных заграждений».

Передовые части 19-й дивизии, сильно обстреливаемые артиллерийским огнем противника, оставались к вечеру 6 октября в том же положении, какое они занимали в начале боя, т. е. окопались в 800—1 200—1 600 шагах от выс. 231 и укреплений 1_1, 1_2 и 1_3 Седлиской группы, имея в резерве 74-й полк у д. Цу-Новоселки.

Действия на правом фланге ударной группы. Начальник 58-й пехотной дивизии поставил на 6 октября задачи: наступать — право-

му участку (3 батальона 230-го и 231-го полков, 24 легкие пушки) на фронт Гурко, Мурованка, левому (4 батальона 229-го и 231-го полков, 24 легкие пушки) на форт 15 (Борек) Седлицкой группы.

Атака началась в 7 часов при поддержке 2, 3, 4, 5 и 6-й батарей 58-й бригады и 7-й гаубичной батареи 3-го тяжелого дивизиона. Легкие батареи обстреливали форт 14 (Гурко) и батареи, расположенные вправо и влево от него. В частности, 2-я батарея, имея в виду помощь не только своему левому боевому участку, но и наступающему влево от батареи 73-му полку 19-й дивизии, обстреливала также промежуточные батареи между фортом 15 (Борек) и укреплением 1_1; батарея установила телефонную связь с 231-м полком, а о действиях и расположении частей 73-го полка непрерывно информировалась командиром 1-го дивизиона 19-й артиллерийской бригады, наблюдательный пункт которого располагался в 40—50 шагах от командира 2-й батареи; батарея за день боя 6 октября израсходовала 164 шрапнели и лишь 6 гранат; потерь в батарее, занимавшей хорошо закрытую позицию, не было. Наоборот, 5-я батарея 58-й бригады, расположившаяся на маскированной позиции у западной окраины д. Шехине, была открыта противником и лишена возможности вести огонь. Тяжелая гаубичная батарея обстреливала наиболее важные цели в зоне форт 14, форт 15, укрепление 1_1, выпустив за день боя 228 бомб, из которых 116 по форту 14 и 72 по башенной батарее на форту 15. По австрийским данным командиров групп крепостной артиллерии Перемышля, по форту 14 было выпущено русскими не 116, а лишь 61 снаряд, из которых попало в форт только 3 снаряда, причинивших настолько сильные повреждения, что для их исправления потребовалась работа в течение всей ночи на 7 октября, из 72 снарядов, выпущенных по батарее на форту 15, попало в бронированную батарею 29 снарядов, но, как говорится австрийцами в журнале военных действий: «полная безвредность действия снарядов по броне рассеяла подавленное моральное состояние, возникшее с началом бомбардировки».

Легкие и тяжелые батареи не оказали в день боя 6 октября почти никакой поддержки наступлению пехоты 58-й дивизии, так как артиллерия противника, оставаясь безнаказанной, сильным огнем поражала русскую пехоту и препятствовала ее наступлению. По описанию командира артиллерии форта Гурко, русская пехота «наступала редкими цепями, следовавшими одна за другой, служа отличной мишенью для артиллерии».

Все попытки пехоты левого участка 58-й дивизии продвинуться из леса На-Блоню (схема 9) и со стороны д. Быкув к форту 15 оказались безрезультатными. К вечеру 6 октября на правом участке 230-й полк дошел на 300—400 шагов до форта Гурко, а батальон 231-го полка окопался в 200 шагах от люнета Мурованка.

Действия на левом фланге ударной группы. На 6 октября 1-й бригаде 69-й пехотной дивизии была поставлена задача подойти возможно ближе к южным укреплениям Седлицкой группы при содействии огня артиллерии, для чего правый участок (3-й батальон 273-го полка, 1, 3 и 4-я батареи 69-й бригады) направлен для атаки

укрепления 1_4 [illegible] (274-й полк, 2-я и 3-я батареи) — для атаки укреплений 1_4 и 1_5.

На рассвете началась артиллерийская подготовка легкими орудиями. Мороз [illegible] мешал наблюдению, вследствие чего стрельба велась по указаниям командиров батальонов первой линии, связанных телефонами с командирами батарей, и передовых артиллерийских наблюдателей-офицеров, высланных в пехотные цепи. 1-я и 3-я батареи стали обстреливать укрепление 1_4 и окоп правее (севернее) его. Около 6 часов открыли огонь 4-я батарея также по укреплению 1_4 и 2-я батарея по укреплению 1_5. 5-я батарея обстреливала пулеметы, замеченные возле укрепления 1_4, и заставила их прекратить огонь, что позволило наступать 273-му полку.

Несмотря на неблагоприятные условия наблюдения, стрельба батарей давала, как полагали артиллеристы, хорошие результаты. Утром, когда прояснилось и получилась возможность наблюдать непосредственно результаты стрельбы, огонь с обеих сторон стал интенсивным; вскоре артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь с фортов и укреплений по наступающей пехоте был доведен до высшего напряжения.

Австрийцы обнаружили 1-ю и 3-ю батареи, выдвинутые слишком вперед и стоявшие за выс. 281 недостаточно укрыто, и открыли по ним огонь из тяжелых мортир; в 5—10 минут 1-я батарея потеряла 8 солдат и подбитым один зарядный ящик, а в 3-й батарее было повреждено 2 орудия, ранены 1 офицер и 7 солдат. Засыпанная 10- и 15-см снарядами 1-я батарея вынуждена была прекратить огонь, а 3-я батарея продолжала стрельбу взводами, пока огонь не стал опасен для подошедшей к укреплениям своей пехоты и пока по укреплениям 1_5 и 1_6 не открыли огонь тяжелые гаубичные батареи. В 8 часов двум взводам 3-й батареи и 2-му дивизиону 69-й бригады приказано было открыть огонь по проволочным заграждениям.

Батареи 2-го тяжелого дивизиона вступили в дело с 10 часов, открыв огонь по южной группе Седлиских укреплений и по форту 1 (Седлиска), вызвав на нем пожар. Легкие батареи, получившие благодаря огню тяжелых батарей некоторую свободу действий, переносили огонь то по проволочным заграждениям, то по укреплениям, то по пулеметам и, как говорится в журнале военных действий 69-й артиллерийской бригады: «периодически обстреливали живые цели на всем фронте боевого участка дивизии, не пропуская ни одной, достойной внимания. По мелким группам, парным пулеметам, взводам легкой артиллерии батареи вели огонь полубатареями и даже взводами». Открывая огонь по усмотрению командиров пехотных и артиллерийских бригад, артиллерийских дивизионов и батарей или по указаниям командиров полков, батареи «вели гибкий и живой огонь решительно по всем целям, заслуживающим внимания»... «Идеальная организация службы связи и наблюдения позволяла следить за малейшими движениями нашей пехоты, выполнять с необыкновенной быстротой ее желания»...

Ни в журнале военных действий, ни в других архивных документах нет ни одного слова о сосредоточении артиллерийского огня под объединенным управлением старшего начальника. Ясно, что «живой огонь решительно по всем целям, заслуживающим внимания», был огнем рассеянным и, следовательно, в общем слабым, что и подтвердил в своем донесении генералу Щербачеву начальник 69-й дивизии, которого результаты артиллерийской подготовки 6 октября далеко не радовали.

Неприятельская артиллерия продолжала громить наступающую пехоту, и около 11 часов тяжелая артиллерия из фортов и укреплений открыла усиленный огонь по батареям 69-й артиллерийской бригады, вследствие чего командир артиллерийской бригады через начальника дивизии стал обращаться за содействием то ко 2-му, то к 1-му тяжелым дивизионам, прося подавить огонь тяжелой артиллерии противника. Периодически тяжелые дивизионы вели огонь по укреплениям 1_4, 1_5 и 1_6, пользуясь наблюдениями 69-й артиллерийской бригады. Одна из тяжелых батарей открыла, между прочим, огонь по подкреплениям австрийцев, подход которых из убежища за укреплением 1_5 был обнаружен командиром 1-го дивизиона 69-й бригады; австрийцы, попавшие под огонь тяжелых гаубиц, стали разбегаться и почти все были расстреляны беглым огнем обрушившихся на них легких батарей 69-й бригады. Этот инцидент характеризует действия тяжелой артиллерии в отрицательном отношении, так как 152-мм гаубицы для поражения открытых войск вообще не назначаются и отвлекать тяжелую гаубичную батарею для обстрела идущей на подкрепление австрийской пехоты от выполнения прямой задачи по разрушению укреплений и поражению крепостной артиллерии не следовало; кроме того, этот случай свидетельствует о том, что и тяжелые русские батареи рассеивали свой огонь даже по второстепенным целям, вместо того чтобы пытаться сосредоточенным огнем разрушить то или иное атакуемое укрепление или привести к молчанию ту или иную крепостную батарею, сильно поражающую атакующую пехоту или ее артиллерию.

Генерал Щербачев, сообщая начальнику 69-й пехотной дивизии о решении штурмовать Перемышль, предупредил его еще 3 октября, что штурму должна предшествовать артиллерийская подготовка в течение 4—5 дней.

Артиллерийская подготовка атаки укреплений 1_4, 1_5 и 1_6 продолжалась в действительности лишь несколько часов. После усиленного обстрела их тяжелой и легкой артиллерией пехота 69-й дивизии перешла в наступление около 15 часов, но, встреченная сильным огнем из укреплений и расположенных между ними окопов и батарей, продвинуться вперед не могла.

Артиллерийская подготовка велась без всякого плана и объединенного управления огнем и, как видно из журнала военных действий штаба 69-й дивизии, форты и укрепления обстреливались в течение дня 6 октября не только легкой, но и тяжелой артиллерией не по распоряжению командования дивизии, а «по указаниям пе-

Ходновице», что также приводило вместо сосредоточения к разбрасыванию огня.

Наконец, по показаниям передовой пехоты, действие снарядов не только 76-мм, но и тяжелых 152-мм бомб было «совершенно безвредно для укреплений крепости», как это и следовало предвидеть в отношении бетонированных крепостных сооружений Перемышля.

После боя начальник 69-й дивизии доносил генералу Щербачеву о действии артиллерии: «при образцовой меткости, разрушения никакого»...

Атака южных укреплений Седлиской группы 6 октября успеха не имела; 69-я дивизия понесла потери, растратила энергию, силы и много боеприпасов. Донесение начальника дивизии указывало на слабость полевой тяжелой артиллерии и на безнадежность штурма фортов без наличия осадных орудий более крупного калибра.

К вечеру 6 октября пехота 69-й дивизии занимала то же первоначальное положение, в каком она находилась при начале боя этого дня. С наступлением темноты 1-я и 3-я батареи 69-й бригады, значительно пострадавшие от огня крепостной артиллерии, были отведены назад на прежние позиции к южной окрайне д. Ходновице, где стояла 2-я батарея.

Начальник штаба генерала Щербачева отправил в штаб 8-й армии следующее, не отвечающее действительности, донесение о бое 6 октября: «69-я пехотная дивизия упорно атакует форты 4 и 5. Легкая артиллерия дивизии на маскированных позициях непосредственно за пехотой. Тяжелый дивизион поддерживает их огнем (около 25 прямых попаданий бомбами)»... Подобными необоснованными донесениями, не представляющими исключения в русской армии, вводилось в заблуждение высшее командование. В данном случае Щербачев, упрямо уверенный в успехе штурма, вводил в заблуждение генерала Брусилова, повидимому, сознательно.

Наступление 60-й пехотной дивизии для атаки группы укреплений Якемонице, Лучице (форты 2, 2а, 2в, 3), поддерживаемое огнем легких батарей 60-й артиллерийской бригады, было остановлено огнем крепостной артиллерии. Дивизия не продвинулась 6 октября ни на шаг вперед и осталась на позиции Злота Гура, Дзевенчице.

О действии артиллерии в день боя 6 октября в архивных материалах штаба 60-й дивизии имеются весьма краткие сведения: а) приказание командира 60-й артиллерийской бригады накануне боя командиру 1-го дивизиона об экономном расходовании снарядов ввиду отдаленности парков от занимаемых позиций; б) донесение его же командиру корпуса о том, что 239-й полк, наступающий на форт 2, «сильно страдает от шрапнельного и гранатного огня противника со стороны фортов 2 и 2в», что помощи тяжелой артиллерии нет, так как она стреляет по южной группе Седлиска и что «наша полевая артиллерия существенной пользы принести не может». Таким образом, и со стороны командования 60-й дивизии подтверждалось бессилие легких пушек против укреплений. Но Щербачев оставался глухим к донесениям войск и верил только себе.

По австрийским документам бой 60-й дивизии 6 октября рисуется кратко так. Утром, когда рассеялся туман и стали ясно видны вырытые русскими за ночь в 1,5—2 км от фортов окопы, по ним со всех крепостных батарей был открыт огонь, вызвавший ответный огонь русской полевой легкой артиллерии. Ей удалось подбить одно орудие и обстрелять наблюдательный пункт на форту 2. Она особенно хорошо пристрелялась по этому форту и, сильно его обстреливая, лишила возможности передвигаться в нем. Русская артиллерия не могла причинить большого материального вреда, но моральное впечатление было «очень сильное».

Действия 3-й стрелковой бригады (схема 10). Начальник 3-й стрелковой бригады поставил на 6 октября задачи: правому участку (11-й стрелковый полк, 16 орудий 1-й и 2-й батарей) овладеть рощей к северо-востоку от Купятыче и деревней Германовице; левому участку (10-стрелковый полк и 3-я батарея), оставаясь левым флангом у Княжице, правым подвигаться вперед по мере успеха 11-го стрелкового полка.

Ночью батареи продвинулись вперед и к 7 часам 6 октября занимали позиции: 1-я и 2-я батареи за выс. 289, имея на ней наблюдательный пункт командиров батарей; 3-я батарея действовала отдельно с 10-м полком.

Командир дивизиона имел наблюдательный пункт у д. Заблотце, откуда руководил стрельбой 1-й и 2-й батарей, установив связь с начальником стрелковой бригады и командиром 11-го стрелкового полка. Задачи 1-й и 2-й батареям на 6 октября: обстрел форта 4 (к северо-западу от Германовице), внутренней его части и впереди лежащей местности, тяжелых и легких батарей на флангах форта, «а равно и всех целей», как говорилось в приказе, «которые будут появляться перед фортом и мешать продвижению наших стрелков вперед»; причем задачей ставилось: 1-й батарее — правая часть форта и все вправо от него, 2-й батарее — левая часть форта и все влево от него, чем достигался перекрестный огонь. Чрезмерное количество целей, заданных для обстрела, приводило к тому, что огонь получился разбросанный по всему довольно широкому фронту, а следовательно, недостаточно сильный.

Тем не менее артиллерийский огонь, открытый с рассветом 1-й и 2-й батареями, был в общем удачен, так как неприятельские батареи и пулеметы периодически умолкали, позволяя частям правого участка продвигаться вперед. Несмотря на неблагоприятные для наступления условия — дождь, холод, размокшая почва и т. д., все же пехота правого участка задачу свою выполнила, заняв к вечеру окопы противника к северу от Германовице, в 300—500 шагах от форта 4.

Позиции 1-й и 2-й батарей не были открыты противником, и в батареях потерь не было. Наблюдательный пункт командира 1-й батареи был обнаружен и обстрелян артиллерией крупного калибра.

Начальник 3-й стрелковой бригады генерал Фок приказал командиру 3-й батареи передвинуться ближе к 10-му стрелковому полку,

помогать его наступлению и «обеспечить» левый фланг полка в случае обхода из лесов со стороны сожженной д. Витошнице. Командир 3-й батареи, выбрав себе наблюдательный пункт на выс. 281 (к северу от Млодовице), двинул свою батарею на позицию за той же высотой лишь около 10 часов утра сначала укрыто, а потом по открытой поляне, замаскировав путь движения шпалерой срубленных мелких деревьев. Противник открыл огонь 15-см снарядами по походным кухням, когда батарея уже скрылась за бугор и была в безопасности. В течение всего дня 6 октября батарея вела редкий огонь по важнейшим целям для получения точных данных для стрельбы, выпустив за весь день лишь 82 шрапнели.

Вследствие сильного огня противника и не имея огневой поддержки своей батареи, 10-й полк оказался не в состоянии продвинуться вперед и оставался на месте на фронте Княжице, Даровице,

Начальник бригады генерал Фок в день боя 6 октября стал сомневаться в возможности овладеть фортами 4 и 5 при наличных технических средствах и уже в 14 ч. 30 м. телеграфировал генералу Щербачеву: «окопы блиндированы — легкая артиллерия против них бессильна».

Результаты наступления 6 октября. За день боя огонь крепости нисколько не ослабел. Начальник 19-й пехотной дивизии, наносившей главный удар, доносил командиру блокадного корпуса в 17 ч. 30 м., что части дивизии сильно обстреливаются неприятельской артиллерией в башенных установках из Седлиских укреплений 1_1, 1_2 и 1_3, из батарей по сторонам укреплений и расположенных в лесу Седлиска, число которых не позволяют определить деревья; что укрепление 1_3 имеет сильнейшую артиллерию, не подавленную нашим огнем и препятствующую наступлению. Броневые купола и башни не поддавались огню не только легкой, но и полевой тяжелой артиллерии, а потому расположенные в них батареи противника создавали серьезную угрозу успеху штурма. Искусственные препятствия оставались неразрушенными. Легкие 76-мм пушки и даже 152-мм полевые тяжелые гаубицы оказались слабыми для разрушения крепостных сооружений и капониров во рвах, а до уничтожения последних переход через рвы был невозможен для атакующей пехоты. Только передовые части 19-й и 58-й дивизий находились в близком расстоянии от противника, позволяющем его атаковать; остальным частям пехоты 60-й и 69-й дивизий и 3-й стрелковой бригады приходилось пройти до целей атаки еще 1—2 км.

В общем для генерала Щербачева к вечеру 6 октября не должно было оставаться сомнений в том, что артиллерийская подготовка к штурму, произведенная в предшествующие два дня, не привела к сколько-нибудь положительным результатам и что войска вверенного ему блокадного корпуса далеко не готовы к штурму крепости. В то же время получены были сведения о проявлении активности австрийцев, значительные силы которых обнаружились на перевалах Карпат и на р. Вислоке.

ШТУРМ 7 ОКТЯБРЯ

При создавшихся условиях штурм Перемышля следовало признать невозможным и отвести русские войска от крепости. Но генерал Щербачев, не считаясь с обстановкой, все же решил рискнуть и в 21 ч. 20 м. 6 октября отдал приказ овладеть ночью крепостью Перемышль, начав штурм в 3 часа 7 октября; в частности, приказом предлагалось (схемы 8, 9 и 10) овладеть: 19-й дивизии — северной группой Седлиска; 58-й дивизии — группой Гурко и промежутком между ней и группой Седлиска; 69-й дивизии — южной группой Седлиска и д. Седлиска; 60-й дивизии — гребнем между деревнями Яксмонице и Лучице и на нем утвердиться; 3-й стрелковой бригаде — высотой южнее Нерыбка и содействовать атаке 60-й дивизии; бывшей в резерве у Боратыче 65-й дивизии предписывалось наступать за 60-й дивизией, чтобы развить ее успех (т. е. намечался прорыв в тыл Седлиской группы укреплений); дивизиям генерала Леша предлагалось прорваться в крепость с севера.

В приказе нет ни слова о задачах артиллерии. Очевидно, легкая артиллерия должна была действовать по указаниям своих начальников дивизий, а полевая тяжелая — по указаниям генерала Дельвига. Таким образом, объединенное управление артиллерией, необходимое для сосредоточения огня в важнейшем направлении, не предусматривалось.

Штурм северной группы укреплений Седлиска. Начальник 19-й дивизии поставил задачи на 7 октября: правому участку (73-й и 75-й полки) овладеть выс. 231 (северный угол леса Седлиска) и укреплениями 1_1 и 1_2; левому (76-й полк) — овладеть укреплением 1_3; артиллерийскому участку (19-я артиллерийская бригада с двумя ротами прикрытия) «содействовать общему успеху атаки»; общему резерву (74-й полк) перейти к северо-восточной окраине Цу-Плешовице; головной артиллерийский парк расположить у северной окраины д. Злотковице.

Полкам было приказано утвердиться в захваченных укреплениях и быть готовыми к дальнейшему преследованию.

Приказ получен был полками поздно, и потому они смогли занять исходное для штурма положение лишь в 4 часа.

Еще вечером 6 октября батареи 19-й артиллерийской бригады получили приказание своего командира, переданное по телефону: «Ночью будет произведена атака. Немедленно всем занять свои места. Лошадей запречь. Пополнить патроны. Подготовиться к ночной стрельбе. Огня не открывать. Выслать боковых наблюдателей на случай стрельбы по прожекторам. Установить прочную связь с начальниками участков, для чего выслать офицеров». По получении в 24 часа 6 октября приказа по дивизии о штурме, от каждой батареи тогда же было выставлено по взводу (2 орудия) на открытые позиции для стрельбы по крепостным прожекторам. Но огня по прожекторам не открывали, так как они мало освещали, и с рассветом взводы присоединились к своим батареям, которые занимали прежн-

ние свои позиции: 1-й дивизион за выс. 281 к северо-востоку от Цу-Пленовице, 2-й дивизион за выс. 290, южнее д. Пленовице.

Батареи 19-й артиллерийской бригады открыли огонь с рассветом и весь день 7 октября помогали, сколько могли, своей пехоте, обстреливая укрепления, особенно прилегающие к ним окопы противника, выдвинутые и другие батареи, расположенные в лесу, в промежутках и сзади Седлецких укреплений. Батареям 2-го дивизиона в 8 часов приказано было выкатить орудия вперед для уменьшения мертвого пространства и вести огонь не только по промежуточным укреплениям, батареям и фланкирующим постройкам, но и по другим целям по заявкам 76-го пехотного полка, в передовые части которого был выслан от дивизиона офицер-наблюдатель. По книжальной батарее, указанной пехотой возле укрепления 1_a, был открыт удачный огонь 6-й батареи: были разрушены блиндажи, люди и лошади книжальной батареи разбежались, батарея замолкла.

Весь день 7 октября батареи 19-й бригады вели стрельбу по окопам, батареям и укреплениям противника, стараясь облегчить атаку своей пехоты, несмотря на открытый по ним огонь неприятельской артиллерии. Особенно сильно поражался выдвинувшийся вперед 2-й дивизион; по наблюдательным его пунктам, батареям и даже по расположению орудийных передков был открыт не только артиллерийский, но и ружейный огонь. Командир 2-го дивизиона был тяжело ранен. Всего в 19-й артиллерийской бригаде было ранено 2 офицера, 11 солдат и 18 лошадей, убит 1 солдат и 11 лошадей. За день штурма 7 октября бригада израсходовала 1 958 шрапнелей и 679 гранат, в среднем по 55 снарядов на орудие.

По свидетельству пехоты, огонь батарей 19-й бригады был «удачный». В реляции штаба 19-й дивизии о бое 7 октября говорилось: «Бригада, засыпая снарядами самые укрепления и промежутки между ними, в высшей степени содействовала общему успеху своим огнем. Позиции бригады находились не дальше двух верст от фортов».

В действительности огонь легких батарей заставлял защитников укреплений укрываться от поражения и позволял штурмующей пехоте приближаться к укреплениям почти без потерь. Но, дойдя до подошвы гласиса укреплений, когда легкая артиллерия во избежание поражения своих прекращала или переносила огонь в тыл укреплений, штурмовые колонны останавливались перед уцелевшими проволочными заграждениями, засеками, волчьими ямами, фугасами, водяными или обстреливаемыми из капониров рвами и другими неразрушенными крепостными сооружениями. И тогда противник, не поражаемый артиллерийским огнем, встречал штурмующих убийственным огнем. Несмотря на изумительную стойкость и упорство русской пехоты, перерезавшей проволоку, проходившей под огнем через засеки и фугасы, побывавшей, не считаясь с потерями, во рвах и даже внутри укреплений, все горячие порывы штурма заканчивались неудачей главным образом вследствие бессилия легкой артиллерии для действий под крепостью.

К 10 ч. 30 м. выяснилось: а) штурмовые колонны 73-го полка, подошедшие ночью к гласису укрепления 1_1, преодолев засеки, фугасы и проволоку, частью (около 150 человек) ворвались в укрепление на плечах австрийцев, частью спрыгнули в ров по мостику, вскоре рухнувшему, частью залегли на гласисе под жестоким фланговым пулеметным огнем из укрепления 1_2, отрезавшим всякое сообщение с тылом; причем ворвавшиеся внутрь укрепления были перебиты огнем из пулеметов и противоштурмовых орудий, оказавшихся во вращающихся башнях в дворике укрепления, а спрыгнувшие в ров были перебиты пулеметным огнем из капониров, сохранившихся в углах рвов; б) два батальона 75-го полка остановились перед проволочными заграждениями укрепления 1_2; в) два батальона 76-го полка ворвались в лес севернее укрепления 1_3, заняли выс. 285, но все заграждения и укрепления остались совершенно целы, артиллерийский огонь противника не ослаблен, и потому штурмовать укрепление 1_3 было невозможно.

Просьбы начальника 19-й дивизии об оказании содействия штурму со стороны 1-го тяжелого артиллерийского дивизиона оставались без внимания, и только в 11 часов, после обращения к командующему армией, этот дивизион поступил в распоряжение начальника дивизии, который поставил ему задачу совместно с 8-м мортирным дивизионом уничтожить пулеметы и ослабить артиллерию противника, мешающие взять укрепление 1_3.

В 13 ч. 30 м. начальник дивизии донес генералу Щербачеву: «Дивизия старается энергично развить успех, но сказывается недостаток общей артиллерийской подготовки. Крымский полк (73-й) пытался развить успех из занятой батареи 1_1 (укрепление 1_1), но встречен сильным пулеметным огнем из блиндированных построек сзади батарей. Кубанцы (76-й полк) ворвались в ров укрепления 1_3. Попытки их эскаладировать укрепление парируются сильным пулеметным огнем с фланговых окопов. Сейчас тяжелый дивизион разрушает эти фланкирующие окопы. Вся артиллерия занята и не может обстрелять укрепление 1_2, перед проволочным заграждением которого в 300 шагах находятся севастопольцы» (75-й полк).

В 16 ч. 30 м. 76-й полк овладел укреплением 1_3. Тогда тяжелые батареи перенесли огонь на укрепление 1_2, чтобы подготовить атаку на него 75-го полка, но около 18 часов огонь пришлось направить опять на укрепление 1_3, так как оно оказалось снова в руках противника, выбившего оттуда части 76-го полка. Повторная атака этого полка захлебнулась под сильным огнем блиндированной неприятельской батареи; открытый по ней 3-й легкой батареей огонь тротиловыми гранатами не дал результата.

В общем 19-я дивизия ввиду слабости артиллерийской подготовки задачу штурма выполнить 7 октября не смогла. На другой день дивизия, по приказу генерала Щербачева, стала отходить.

С 8 ч. 30 м. утра 8 октября батареи 19-й артиллерийской бригады, оставаясь на своих позициях, продолжали огонь по прежним целям. В 10 часов приказано было усилить огонь, чтобы облегчить начавшийся отход своей пехоты, а в 11 часов сняться с позиции и

отойти в д. Гориславице[1], что было исполнено без значительных потерь благодаря поднявшейся снежной метели и под прикрытием огня оставленной на позиции у Овчарня 3-й батареи с арьергардом.

За все четыре дня боев 5—8 октября 19-я артиллерийская бригада израсходовала 6 162 шрапнели и 1 554 гранаты, т. е. в среднем в день по 40 снарядов на орудие.

Штурм группы форта Гурко. Начальник 58-й пехотной дивизии поставил на 7 октября задачи: правому участку дивизии (два батальона 230-го и один батальон 231-го полка) овладеть фортом Гурко (14); левому участку (два батальона 231-го и два батальона 229-го полка) «наступать в промежуток между Мурованка и северной группой Седлиска, направляя правый фланг на Мурованка»; общему резерву подтянуться к Медыка и выс. 254. Батареи 58-й артиллерийской бригады оставались на прежних позициях, переданные в распоряжение начальников участков — 1-й дивизион на левом, 2-й дивизион на правом участке. Батареи 3-го тяжелого артиллерийского дивизиона располагались на своих прежних позициях между д. Шехине и Вельки-Ляс (схема 9).

Ночью 230-му полку удалось продвинуться вперед и окопаться, несмотря на пулеметный огонь, в 100 шагах от форта Гурко; залегший против люнета Мурованка батальон 231-го полка не мог двинуться с места вследствие сильного огня противника. Наступление левого участка, начатое уже при дневном свете, успеха не имело и было ликвидировано неприятельским огнем. Атака возобновлялась несколько раз, но, неся большие потери от огня, русские вынуждены были отходить назад.

Начальник дивизии, не теряя надежды на успех, решил около 14 часов предварительно подготовить атаку артиллерийским огнем. Приказано было 5-й батарее переехать от д. Шехине к западной окраине Медыка для усиления огня 4-й и 6-й батарей, а тяжелым батареям занять новые позиции: 7-й батарее — за выс. 254 у Шехине, откуда подготовить штурм фортов Гурко (14) и Борек (15); 8-й батарее — за выс. 264 у северной опушки Вельки-Ляс, откуда содействовать 1-му тяжелому дивизиону в подготовке штурма Седлиской группы. Позиции батарей 1-го дивизиона 58-й артиллерийской бригады оставались те же: 1-й и 2-й батарей в районе Вельки-Ляс, 3-й батареи — между Вельки-Ляс и д. Шехине.

5-я батарея 58-й бригады перешла на новую позицию без потерь, проскакивая открытые места галопом на дистанции 50 шагов между упряжками. Через $^3/_4$ часа после получения приказания она заняла маскированную позицию в обгоревших зданиях местечка Медыка, но открыть огонь не могла, так как у нее нехватило телефонного кабеля, чтобы связаться с наблюдательным пунктом командира, вынесенным вперед по полотну железной дороги; недостающие 1,5 км кабеля были получены лишь к 20 часам, когда уже стемнело. Батарея с первой своей позиции у д. Шехине вела с раннего утра интенсивный огонь гранатой по форту Гурко и, несмотря на большую

[1] В нескольких километрах восточнее Мочерады.

дальность, удачно обстреляла на прицеле 140—145 гранатой замеченную в момент выезда вылазочную батарею, заставив орудийную прислугу разбежаться и бросить орудия. На второй же позиции батарея бездействовала в течение почти трех часов, и приходится удивляться нераспорядительности командира батареи, который за недостатком телефонного провода должен был установить связь с батареей сигнализацией или другим способом и, наконец, или самому стать ближе к батарее или подтянуть батарею ближе к своему наблюдательному пункту. Утром 8 октября батарея возвратилась на прежнюю позицию к Шехине, совершив переезд назад тем же порядком, как и вперед. За день боя 7 октября батарея с первой позиции израсходовала 262 шрапнели и 144 гранаты, в среднем по 50 снарядов на орудие.

4-я и 6-я батареи 58-й бригады весь день 7 октября обстреливали форт Гурко и расположенные в его районе батареи и окопы, но огонь их не причинял вреда крепостным сооружениям и только держал под угрозой поражения защитников укреплений, побуждая их периодически укрываться, что до некоторой степени облегчало продвижение вперед штурмующей пехоты.

Батареи 1-го дивизиона 58-й бригады своим огнем стремились оказать содействие штурмующей пехоте левого участка 58-й дивизии. В частности, 1-я батарея большей частью вела огонь по проволочным заграждениям, препятствующим наступлению пехоты. Заграждения во многих местах были значительно повреждены, хотя в то время еще не были выработаны правила стрельбы на пробитие проходов в проволочных заграждениях. В 17 часов батарея по просьбе 229-го полка «подготовить атаку форта 15 (Борек)» стала обстреливать этот форт на прицелах 120—125, а также фланкирующие к нему подступы и промежуточные батареи на прицелах 130—135. Было израсходовано батареей 260 шрапнелей и 105 гранат (на орудие около 45 снарядов), но без сколько-нибудь существенного вреда для противника. Ночью на 8 октября батарея по просьбе пехоты выпустила еще две очереди (16 снарядов) по тому же форту 15, так как предполагалось начать штурм его на рассвете 8 октября. Но в 5 ч. 30 м. утра батарее приказано было ввиду прекращения штурма отойти на прежде занимаемую ею позицию у д. Балице, куда батарея пришла лишь к 10 ч. 30 м., потратив на переход около 8 км до 4 часов времени, так как дождь испортил дорогу, пролегающую к тому же по лесисто-болотистой местности, и приходилось последовательно вытаскивать орудия из грязи на восьмерках лошадей. 2-я батарея с утра 7 октября продолжала борьбу с неприятельскими батареями, чтобы освободить от их огня свою наступающую пехоту, а затем обстреливала гранатой проволочные заграждения у форта 15 с целью их уничтожения. На рассвете батарее приказано было отойти на позицию у Балице, которая была занята лишь около 13 часов 8 октября, т. е. 2-я батарея затратила на переход не меньше времени, чем 1-я батарея. За день боя 7 октября 2-я батарея израсходовала лишь 129 шрапнелей и 67 гранат, т. е. около 25 снарядов на орудие.

Батареи 1-го дивизиона весь день обстреливались крепостными батареями; особенно сильно обстреливалась артиллерийским огнем 2-я батарея — с фронта и с фланга со стороны укрепления 1_1; благодаря закрытым позициям и хорошо устроенным окопам в батареях потерь почти не было (во 2-й батарее только два солдата ранены).

Тяжелая 7-я батарея выпустила по форту Гурко 139 бомб, причинив довольно серьезные повреждения, хотя попаданий в форт замечено было лишь 36. На форту было подбито два орудия и были разрушены банкеты для стрельбы пехоты и блиндаж для орудий; был разрушен бруствер, причем обвалившейся землей были засыпаны орудия и снарядные погребки, но каменной одежде форта, в особенности бетонированной, 152-мм снаряды почти никакого вреда не причинили. Заданный 58-й дивизии на 7 октября штурм фортов Гурко и Борек с укреплениями между ними, в сущности, не состоялся; предполагалось начать штурм этих фортов ночью, но он был отменен, и 58-й дивизии приказано было отойти на линию Шехине, Новоселки.

Содействие 8-й тяжелой гаубичной батареи подготовке штурма Седлиской группы выразилось в том, что батарея стреляла по башенной батарее на форту 15. От прямого попадания 152-мм бомбы в башню одно орудие противника замолкло на весь день 7 октября. Кроме того, 8-я тяжелая батарея заставила замолчать неприятельскую батарею правее форта 15 и разогнала передки другой батареи.

Штурм южной группы Седлиских укреплений (схемы 8 и 9). Начальник 69-й пехотной дивизии решил штурмовать укрепления 1_4, 1_5 и 1_6, возложив штурм на 273-й и 274-й полки, придав им в поддержку батальоны 275-го полка. Батареи 69-й артиллерийской бригады, расположенные на позициях в районе деревень Ходновице, Тышковице и Боратыче, начали в 2 часа ночи 7 октября подготовку атаки, открыв огонь по укреплениям с установками прицела трубки, определенными накануне днем, но в 2 ч. 30 м. командир артиллерийской бригады приказал огонь прекратить, «дабы не мешать штурмующим войскам».

Первая атака пехоты, произведенная от 3 до 4 часов, успеха не имела вследствие сильного пулеметного и артиллерийского огня из укреплений. К 5 часам пехота отошла на свои исходные позиции.

С 5 до 9 часов происходила повторная артиллерийская подготовка, в которой приняли участие не только легкие батареи 69-й бригады, но и тяжелые гаубичные батареи 2-го дивизиона, расположенного у д. Стронновице в районе 60-й дивизии, и даже 1-го тяжелого дивизиона с участка 19-й дивизии, к начальнику которой обратился по этому поводу с просьбой начальник 69-й дивизии. Около 6 часов командир 69-й артиллерийской бригады приказал 1-му дивизиону бригады усиленно обстреливать укрепления 1_4 и 1_5, а 2-му дивизиону — укрепление 1_6 и батарею между укреплениями 1_6 и 1_5. В 8 ч. 15 м. он приказал развить огонь до высшего напряжения по всем трем укреплениям и промежуткам между ними. Необходимость пробития проходов в проволочных заграждениях командованием 69-й дивизии, повидимому, не предусматривалась.

Почти четырехчасовая артиллерийская подготовка и на этот раз не привела к решительному успеху второй атаки, начатой в 9 часов. Атакующие пехотные цепи не смогли подойти к укреплениям ближе 1 000 шагов, и только отдельным смельчакам удалось подойти к проволочным заграждениям.

В 10 часов началась артиллерийская подготовка в третий раз, причем было приказано: «батареям открывать огонь по всем появляющимся в их участках целям, не щадя снарядов в нужных случаях», т. е. артиллерийский огонь опять рассредоточивался, вместо того чтобы его сосредоточить по определенным важнейшим целям. Поэтому, естественно, что и третья атака в 14 часов, несмотря на меткую стрельбу по отдельным целям легкой и тяжелой артиллерии и массу выпущенных снарядов, была также неудачна.

Весь день, с небольшими перерывами, легкие и тяжелые батареи вели стрельбу по укреплениям, промежуточным окопам и батареям противника, которые почти каждый раз через 10—15 минут после открытия по ним огня замирали, позволяя атакующей пехоте продвинуться вперед. Но когда огонь становился опасным для своей штурмующей пехоты и прекращался или переносился в тыл за укрепления, австрийцы вновь открывали огонь и останавливали русскую пехоту, заставляя ее окапываться или отходить.

В 17 ч. 30 м. артиллерийский огонь был прекращен. В 19 часов начальник штаба 69-й дивизии сообщил начальнику штаба 19-й дивизии, что 273, 274 и 275-й полки с 14 часов пытаются занять укрепления 1_4 и 1_5, что передовые цепи находятся в 300 шагах от них «перед самыми искусственными препятствиями. При попытке продвинуться вперед их засыпают с фортов пулеметы и легкая артиллерия картечью. Полки ожидают темноты для перехода в энергичную атаку».

Действительно, с наступлением темноты пехота 69-й дивизии пыталась овладеть укреплениями при поддержке артиллерии, которая сбивала прожекторы противника. Австрийцы стали применять осветительные ракеты, против которых артиллерия была бессильна.

Артиллерия, как говорилось в журнале военных действий 69-й артиллерийской бригады, «старалась ночью по мере сил и возможности подавить всякую жизнь на фортах». Но освещению из фортов не могла воспрепятствовать даже тяжелая 107-мм пушечная батарея, стоявшая на позиции у Дроздовице, так как осветительные команды австрийцев работали из глубоких железобетонных закрытий.

Утром 8 октября был получен приказ генерала Щербачева об отходе 69-й пехотной дивизии с ее артиллерией на линию Овчария, Ходновице.

Атака фронта фортов Яксмонице (2), Лучице (3). Начальник 60-й пехотной дивизии решил атаковать 7 октября тремя штурмовыми колоннами: правая (239-й полк) должна была штурмовать форт 2 (Яксмонице) и укрепление 2-В (Цыкув), средняя (238-й полк) — батарею 2-А и промежуточные укрепления к западу от нее,

левая (240-й полк) — форт 3 (Лучице), наступая через Разубовице (схема 9).

Батареи 60-й артиллерийской бригады, оставаясь в распоряжении своего командира бригады на занятых накануне позициях в районе Дроздовице, Велюнице, должны были оказывать огневое содействие штурмующей пехоте; определенные те или иные огневые задачи батареям поставлены не были.

В штабе 60-й дивизии была разработана специальная инструкция для штурма, согласно которой предлагалось избегать штурмовать форты в лоб, а первоначально овладеть промежутком между укреплениями, после чего атаковать форты с горжевого фаса. Расчистка проходов в проволочных заграждениях возлагалась на особые рабочие команды с саперами. Приказывалось при штурме не кричать «ура» и не стрелять.

Пользуясь темнотой, передовые части полков подкрались незаметно к проволочным заграждениям, но тишина была нарушена раздавшимися кой-где криками «ура». Австрийцы по тревоге открыли огонь, причинивший большие потери штурмующим. Например, батальон 240-го полка, залегший перед укреплением 3-В (Разубовице) в ожидании, когда рабочие команды прочистят проходы в проволоке, был забросан ручными гранатами из укрепления и обстрелян с соседних фортов, причем потерял убитыми 224, ранеными 24 и взятыми в плен 86 человек. Между тем укрепление 3-В защищалось лишь одним взводом пехоты и 80 артиллеристами.

С рассветом русская артиллерия открыла сильный огонь, который помешал австрийским резервам подойти к укреплениям, но не приносил почти никакого вреда укреплениям и их защитникам. Крепостная артиллерия продолжала интенсивно обстреливать атакующих и наносить им потери.

Начальник 60-й дивизии в своем донесении Щербачеву так обрисовал положение штурмующих к 8 часам: «239-й полк несет большие потери от огня с форта 2 и укрепления 2-В, 238-й полк задержали артиллерийским и пулеметным огнем у проволочных заграждений батареи 2-А, 240-й полк задержан сильнейшим артиллерийским огнем на высоте у северной окраины Разубовице. В резерве 237-й полк у Злота Гура... Помощи тяжелой артиллерии нет, так как она стреляет по южной группе Седлиска, а наша полевая артиллерия существенной пользы оказать не может. Без поддержки тяжелой артиллерии дневное продвижение будет крайне медленно и с большими потерями».

Тогда, по просьбе начальника 60-й дивизии, гаубичные батареи 2-го тяжелого дивизиона для поддержки легких батарей 60-й бригады открыли огонь по форту 2 и по батарее 2-А (Могилка), причинившей им значительные повреждения. До 50 тяжелых 152-мм гранат, упавших на форт 2, разрушили наблюдательный пункт, взорвали склад боеприпасов, вывели из строя одно орудие и заставили убрать все полевые орудия с барбета в блиндажи. Из 11 тяжелых гранат, попавших на батарею 2-А, только одна проникла на 20 см в бетон.

Поддержка тяжелой артиллерии оказалась запоздалой: 238-й и 239-й полки не могли удержаться вблизи атакованных укреплений и к 12 часам отошли в свои окопы к Дзевенчице. Удержался на высоте у Разубовице только 240-й полк.

Попытки овладеть укреплениями в течение ночи на 8 октября также успеха не имели. Крепостные прожекторы, освещавшие район наступления атакующих, были сбиты русской артиллерией, но вместо них австрийцы широко использовали для освещения ракеты, как и при отбитии атак 69-й дивизии.

Утром 8 октября 60-й дивизии приказано было отойти на Вышковица, Мижинец.

Штурм форта 4 (Германовице) (схема 10). В 2 часа ночи, т. е. за час до начала штурма, в штабе 3-й стрелковой бригады получен был приказ: «овладеть высотой южнее Нерыбка (форт 4) и содействовать атаке 60-й пехотной дивизии»...

Начальник 3-й стрелковой бригады поставил задачи: а) 9-му и 11-му стрелковым полкам атаковать форт 4 — 9-му с юго-востока и 11-му с юга и с юго-запада; б) 10-му полку с 3-й батареей 3-го дивизиона по овладении впереди лежащей позицией противника наступать в промежуток между фортами 4 и 5; в) общий резерв (два батальона 276-го полка) у д. Заблотце; г) 1-й и 2-й батареям 3-го стрелкового дивизиона составить артиллерийский участок под командой командира дивизиона полковника Смирнова и «оставаться на позиции южнее выс. 289, западнее шоссе». Таким образом, начальник 3-й стрелковой бригады, образовав самостоятельный артиллерийский участок, не дал его командиру никакой боевой задачи, очевидно, предоставив полковнику Смирнову открывать огонь по его усмотрению в зависимости от той или иной сложившейся обстановки или по указаниям, какие будут получены от пехоты. Что же касается 3-й батареи, то она была передана в распоряжение командира 10-го стрелкового полка, от которого и должна была получать задачи.

В 2 часа ночи 3-я батарея заняла позицию за выс. 281, имея наблюдательный пункт командира на этой высоте. В 3 часа командир батареи получил общую задачу от командира 10-го полка поддержать атаку полка на форт 5. Огонь был открыт около 7 часов, когда стало почти светло. С наблюдательного пункта командира батареи обнаружены были (см. копию панорамного чертежа на схеме 12) семь полевых легких батарей противника, две гаубичные и одна тяжелая, а на линии фортов 4 и 5 и впереди них по берегам р. Блотня видно было много различного типа укреплений. Огонь был открыт по тяжелой гаубичной батарее, обнаруженной западнее и несколько сзади форта 4, затем по внутреннему дворику этого форта. Вскоре, по указанию командира 10-го полка, огонь был сосредоточен по редуту южнее д. Витошница и по редуту возле и западнее дороги из Фредрополь к форту 5, затем по двум батареям, расположенным по одну и другую сторону той же дороги, сильно обстреливавшим передовые части 2-го батальона 10-го полка. Стрельба велась полубатареями одновременно по

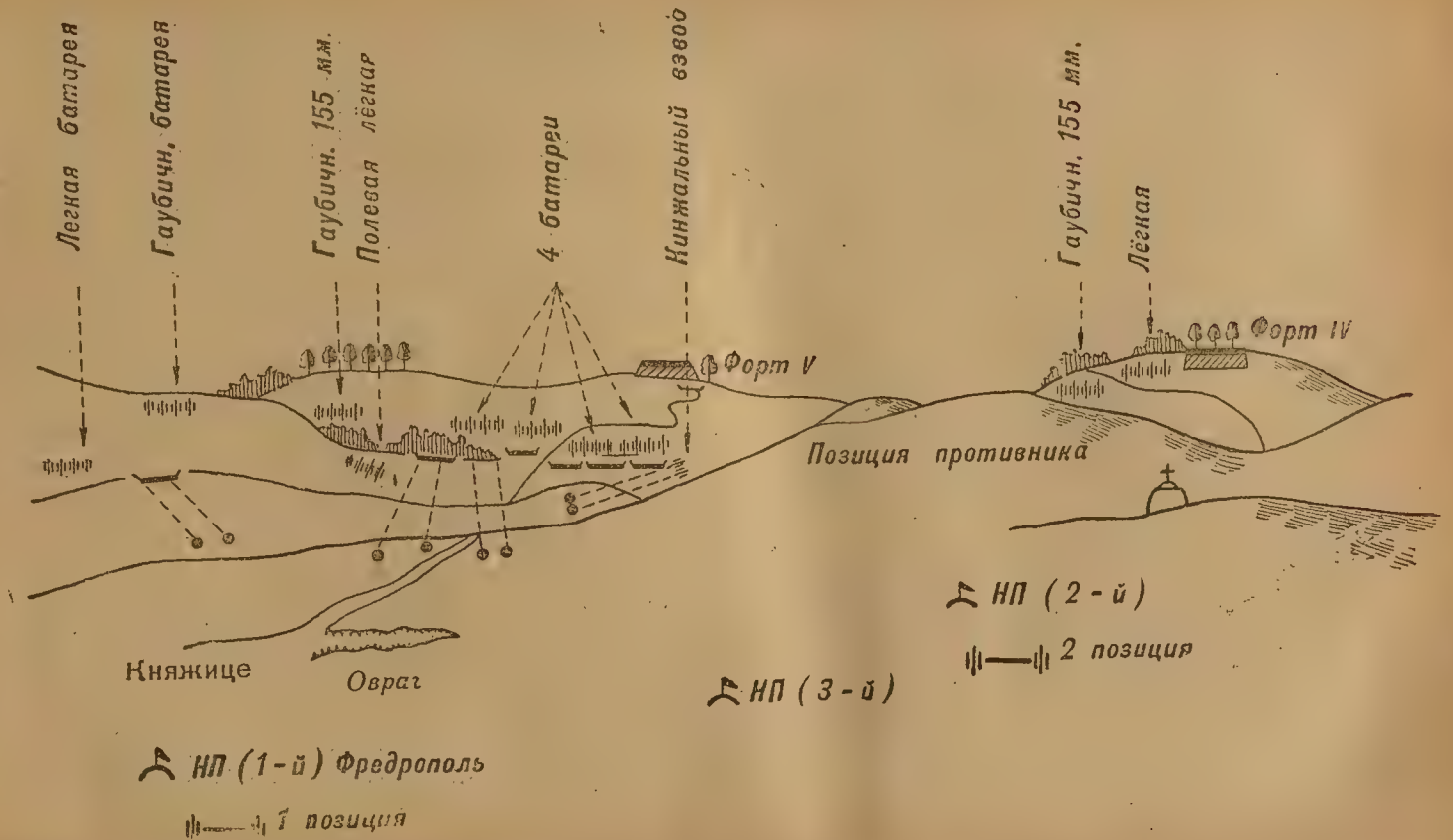


Схема 12. Копия панорамного чертежа позиции противника у крепости Перемышль с командирского пункта 3-й батареи (из дела ЦГВИА, 11—429).

обеим батареям, огонь которых затих, что позволило атакующей пехоте продвигаться вперед. В дальнейшем батарея исполняла все задачи, указываемые командиром 10-го полка. Задач давалось много, приходилось обстреливать укрепления противника на фронте протяжением около 6—7 км, бороться с десятью неприятельскими батареями. Разумеется, что одна легкая батарея при таких условиях не была в состоянии оказать сколько-нибудь существенную поддержку своей пехоте. Огонь ее рассеивался по всему широкому фронту противника и потому нигде не мог быть достаточно сильным, не говоря уже о том, что форты и укрепления были вообще неуязвимы для 76-мм пушек. Командир батареи доносил начальству: «...сожалею, что у меня только одна батарея, а не шесть». Между тем без наличия тяжелой артиллерии крупных калибров не только шесть, но и в несколько раз большее количество легких батарей не могло бы справиться с задачей подготовки штурма долговременных фортов и других крепостных сооружений.

С командирского наблюдательного пункта цели были видны отлично, стрельба не представляла затруднений, хотя из-за больших дальностей она производилась при помощи артиллерийских наблюдателей в передовых частях пехоты (иногда корректировалась командиром 10-го полка) и, по мнению командира батареи, «наносила большие потери». В действительности крепостная артиллерия австрийцев, оставаясь безнаказанной, наносила несравненно большие потери русской пехоте и довольно легко отбила ее штурм. Удачной была стрельба 3-й батареи по привязному аэростату, который австрийцы пытались поднять трижды, очевидно с целью обнаружить расположение русских батарей, стоящих на закрытых позициях. В первый раз, около 12 часов, 3-я батарея не позволила своим огнем подняться аэростату, обнаруженному в лощине между фортами 4 и 5; второй раз, в 16 ч. 40 м., поднявшийся аэростат после 10-минутного обстрела быстро пошел книзу; в третий раз, в 17 ч. 30 м., вновь поднявшийся привязной аэростат после нескольких минут обстрела стал падать и уже до темноты не поднимался. Австрийцы, появившиеся около 17 часов со стороны Витошнице и леса северо-западнее Княжице против левого фланга 10-го стрелкового полка, были отбиты также при содействии огня 3-й батареи. В конце боя батарее приходилось вести огонь по неприятельской батарее у форта 4, сильно обстреливавшей 11-й стрелковый полк.

Благодаря хорошо укрытой позиции батарея потеряла только двух солдат ранеными и трех лошадей убитыми. Командирский наблюдательный пункт был обнаружен из-за того, что на нем собралась группа наблюдателей, и по нему около 15 часов был открыт сильный артиллерийский огонь противника, заставивший командира батареи выбрать себе другой наблюдательный пункт впереди на том же массиве выс. 281.

На другой день, 8 октября, 3-й батарее приходилось все время отбивать своим огнем наступление австрийцев, наседающих на

отходящие части пехоты 3-й стрелковой бригады. Поздно вечером под покровом темноты 3-я батарея стала отходить и к 2 часам ночи стала на ночлег в Низанковице.

За два дня, 7 и 8 октября, батарея израсходовала 1 106 шрапнелей и 184 гранаты (в среднем за день боя на одно орудие по 80 снарядов).

С наблюдательного пункта командира 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона на выс. 289 хорошо был виден форт 4, броневые купола с противоштурмовыми орудиями в его плечевых углах и проволочные заграждения вокруг него.

Хотя 76-мм пушка была заведомо бессильна против бетонированных окопов, крепостных сооружений и броневых куполов, но все же обстрел форта 4 и батарей в промежутках между фортами являлся основой первой задачи, поставленной батареям 3-го стрелкового дивизиона. Были видны прямые попадания в бруствер форта, но разрушения бруствера не наблюдалось. Пригодность 76-мм пушки для уничтожения проволочных заграждений и проделывания в них проходов была в то время еще не признана, а потому стрельба легких батарей по проволочным заграждениям вовсе не предусматривалась приказом об артиллерийской подготовке атаки.

Командир 1-й батареи, по просьбе командира 9-го стрелкового полка (полковника Радовского), с которым была установлена связь, открыл огонь по форту 4, сильно поражающему полк. Командир батареи доносил о стрельбе своей батареи: «Благодаря тому что полковник Радовский корректировал мою стрельбу по телефону,— как шрапнельный огонь по защитникам форта, так и гранатный по артиллерии форта был настолько меток, что заставил замолчать надолго тяжелую артиллерию, а также ружейную и пулеметную стрельбу». Это подтверждается реляцией штаба 3-й стрелковой бригады о штурме Перемышля, в которой говорилось: «Изумительно точная и меткая стрельба 1-й батареи стрелкового артиллерийского дивизиона (подполковника Рудольфа), корректируемая по телефону моими (т. е. начальника 3-й стрелковой бригады) наблюдателями, видимо, подбила блиндированную за цементно-бетонным укрытием батарею противника, расположенную восточнее форта 4, и заставила ее молчать в течение 3—4 часов. Так метко поражались части гарнизона форта, что они в течение всего дня 24.IX (7.X) не смели высунуть головы и не стреляли, но форт с его батареями за крепкими бетонными сооружениями оставался для легкой батареи неуязвимым; наши гранаты отскакивали от бронированных закрытий, как градины от железной крыши дома, совершенно не причиняя вреда... только 6-дм. (152-мм) гранаты тяжелой артиллерии, может быть, могли разрушить эту броню... Огонь батареи гранатой по амбразурам двухорудийной батареи на форту был настолько точный, что в одну из амбразур получилось прямое попадание снаряда, после чего неприятельские орудия почти полдня молчали».

По предложению Радовского, батарея вела огонь при помощи передовых наблюдателей по легким и тяжелым батареям противника между фортами 4 и 3, сильно беспокоившим 9-й и 11-й стрелковые полки и наблюдательный пункт командира батареи и нащупывавшим расположение 1-й и 2-й батарей. Огонь 1-й батареи был настолько удачен, что в батареях противника осталось лишь по одному стреляющему орудию.

Около 12 часов батальон Купянского полка, шедший на поддержку 9-го стрелкового полка, попал под огонь неприятельской вылазочной батареи со стороны форта 3 и Злота Гура на правом берегу р. Вяр (схема 9). По приказанию командира дивизиона, 1-я батарея открыла по ней огонь и заставила ее замолчать.

В предвидении штурма форт 4 обстреливался 1-й и 2-й батареями еще накануне под вечер. В течение более двух часов батареи засыпали внутренность форта и искусственные препятствия вокруг него шрапнелью и гранатами, ведя огонь батарейными очередями шкалою вперед, назад, вправо и влево, причем в стороны по всей видимой ширине форта, а в глубину на 500—600 м. По мнению артиллеристов, «огонь был безусловно действителен, потому что в это время батареи форта молчали и не было слышно ружейного огня против расположения 11-го стрелкового полка». На рассвете 2-й батарее приказано было усиленно обстреливать форт 4 и встречающиеся препятствия на пути наступления 11-го стрелкового полка, что и было исполнено; огонь был прекращен только тогда, когда пехота подошла к гласису форта и огонь мог поражать уже своих. В дальнейшем стрельба 2-й батареи велась большей частью по указаниям начальников участков передовых цепей 11-го полка. Стрелки с просьбами командиров рот обстрелять ту или иную цель часто приходили к командиру 2-й батареи и тем самым обнаружили его наблюдательный пункт противнику, который около 14 часов стал обстреливать его тяжелой артиллерией. Между прочим, один из командиров рот просил обстрелять накапливающуюся приблизительно в 1 км влево от форта 4 на лужайке австрийскую пехоту. Командир 2-й батареи открыл огонь, и по первой же очереди лужайка была найдена и обстреляна беглым комбинированным огнем гранатой и шрапнелью. Командир роты сообщил командиру батареи, что под огнем его батареи полегло много австрийцев и они бегут в полном беспорядке; при этом он просил перенести огонь в глубь лужайки за гребень, так как там находилась неприятельская батарея. Тогда обстрел стал производиться по площади приблизительно 400 м в ширину и 800 м в глубину. Огонь был прекращен с наступлением темноты.

Приходится отметить разрозненность действий 1-й и 2-й батарей 3-го стрелкового дивизиона, несмотря на то, что согласно распоряжению начальника стрелковой бригады батареи составляли самостоятельный артиллерийский участок, огнем которого должен был управлять командир дивизиона. В начале боя еще замечается

до некоторой степени объединенное управление огнем, но стрельба ведется заведомо бесцельная по форту 4; затем батареи ведут огонь каждая самостоятельно в полном взаимодействии с пехотой по указаниям ее передовых частей, но не считаясь с важностью значения той или иной указываемой пехотой цели.

В общем стрельба легких батарей позволила русской пехоте подойти к гласису форта 4. Большего эти батареи дать не могли; штурм форта они не подготовили, так как бетонированные сооружения форта, башенные и блиндированные батареи оставались для них неуязвимыми.

В реляции штаба 3-й стрелковой бригады о действиях под Перемышлем за 7 октября говорится, между прочим, следующее: «...роты 9-го и 11-го стрелковых полков уже облепили гласис форта, обстреливаемые бешеным огнем. Так как проволочные заграждения не удалось разрушить (ножницы их не брали), роты залегли в 300—400 шагах от форта на линии заграждений и стали врываться в землю... С утра до вечера противник ружейным и пулеметным огнем старался уничтожить залегшие у гласиса форта наши части. И только напряженная работа батарей 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона, засыпавшего в течение дня форт и его промежутки непрерывным метким огнем, облегчала положение героев и противодействовала всяким попыткам противника сделать вылазку во фланг. В таком вынужденном положении в виду форта бригада провела целый день... Вечером решено не уходить с гласиса, дабы ночью продолжать штурм».

Командир 9-го стрелкового полка рапортовал командиру бригады, что он и все чины его полка с 7 ч. 15 м. утра 7 октября до 1 ч. 45 м. ночи 8 октября «не имели возможности выйти из окопов, чтобы не быть ранеными или убитыми неуменьшавшимся огнем австрийских батарей с форта 4 и правее его».

1-я и 2-я батареи в течение боя 7 октября не были обнаружены противником и потерь не понесли; случайным снарядом было разбито колесо в одном из орудий 2-й батареи, в другом орудии от частой стрельбы погнулся лафет и вышел из строя. Наблюдательный пункт командира 2-й батареи обстреливался снарядами крупного калибра с фортов 4 и 5. Вечером батареи приготовились к ночной стрельбе и ночью после нескольких очередей выстрелов заставили молчать неприятельскую артиллерию.

С утра 8 октября батареи продолжали обстрел противника и отбивали его вылазки против отходящих полков 3-й стрелковой бригады. 1-я батарея своим огнем не дала возможности подняться привязному аэростату противника из-за форта 4. Вечером батареи отошли к Низанковице почти без обстрела неприятельской артиллерии, если не считать нескольких снарядов крупного калибра, выпущенных по 1-й батарее, когда она шла по шоссе к Низанковице, не причинивших ей никаких потерь.

Командир 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона благодаря командирам стрелковых полков, с которыми он держал по-

стоянную связь, был всегда в курсе обстановки и получал необходимые указания от командира 3-й бригады генерала Фока. Согласно реляции командира дивизиона о действиях под Перемышлем, успешными действиями батарей дивизиона «всецело обязаны командирам 9-го и 11-го полков и командиру батальона Купянского полка» (поддерживавшего 9-й и 11-й стрелковые полки), так как они держали тесную связь с командиром дивизиона и с командирами батарей и «все время боев давали ценные указания для нанесения своевременно удара австрийцам в том или ином направлении».

Во время боя 7 октября командир 3-й стрелковой бригады генерал Фок, получая донесения командиров полков: «огонь наших батарей нисколько не погасил огня крепостных орудий форта 4, которые нас поражают», или «прошу направить огонь тяжелой артиллерии на форт 4, дабы погасить его огонь, полевые пушки не действительны, они ему безвредны», и т. д. и не имея в своем распоряжении тяжелых батарей, считал невозможным овладеть фортом до подавления его броневой артиллерии. Еще днем генерал Фок донес генералу Щербачеву: «3-я стрелковая бригада остается в том положении, в каком ее застало утро, так как без поддержки тяжелой артиллерии продвинуться вперед невозможно». Он полагал, что даже в случае удачного штурма форта в ночь на 8 октября удержаться в нем «под перекрестным огнем соседних укреплений и батарей с наступлением дня будет весьма затруднительно».

За день боя 7 октября 3-я стрелковая батарея потеряла убитыми 1 офицера и 35 солдат, ранеными 21 офицера и 319 солдат, пропавшими без вести 62 солдата. Батареи 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона израсходовали 1 050 гранат и 4 382 шрапнели, в среднем по 225 снарядов на орудие.

Повторение штурма в ночь на 8 октября не состоялось. 3-я стрелковая бригада отошла к Низанковице и затем к д. Балице. Туда же отошел 2-й тяжелый артиллерийский дивизион. 1-й тяжелый и 8-й мортирный дивизионы стягивались в Мочерады. Командир 3-го тяжелого артиллерийского дивизиона получил 8 октября приказание генерала Дельвига присоединиться к своему корпусу, следуя на Садова Вишня, Яворов и Ярослав.

РЕЗУЛЬТАТЫ АТАК

Неудача штурма была ясна для всех его исполнителей и ближайших начальников штурмовавших войск. Они сознавали свою техническую беспомощность; после бесплодных кровопролитных атак 7 октября у них не оставалось никакой надежды на успех. Но высшее русское командование в лице Щербачева и Брусилова, продолжая быть убежденным в возможности взять крепость с наскока пехотой лишь при поддержке полевой артиллерии и совершенно игнорируя главную причину неудачи — отсут-

ствие осадной тяжелой артиллерии,— решило повторить штурм 8 октября.

По поводу атаки Перемышля Брусилов сам вспоминает следующее:

«Артиллерийская подготовка не могла быть продолжительной и достаточно интенсивной по недостатку снарядов, но тем не менее стрельба велась удачно, и неприятельский артиллерийский огонь подавлялся нашей артиллерией, так как, уступая австрийской артиллерии в количественном отношении и калибром орудий, наша артиллерия качеством стрельбы была несомненно выше.

Генерал Щербачев, ведший эту операцию против Перемышля, был вполне убежден в благоприятных результатах нашего предприятия против этой крепости, и действительно, два форта Седлицкой группы были взяты штурмом 19-й пехотной дивизии, причем особенно отличился Крымский полк. Все внимание осажденных, как мы и желали, и большая часть его резервов были притянуты к Седлицкой группе, и становилось более удобным начать атаку северо- и юго-западных фортов. Но в это время случилось то, чего мы опасались. Австрийская армия перешла в наступление для спасения Перемышля. Австрийцы могли к нам свободно подойти в четыре перехода и вступить с нами в бой. Явилась необходимость быстро прекратить штурм Перемышля, ибо силы врага, по нашим сведениям, превышавшие наши, направлялись частью против 3-й, а частью против 8-й армии.

Имея в этот момент всего два корпуса, которые ни в каком случае не могли бы сдержать наступающего врага, и обсудив с генералом Щербачевым положение дела, пришел к заключению, что штурм Перемышля требовал, по всей вероятности, еще дней 5—6, которых у нас в распоряжении не оказывалось, а потому пришлось отказаться от этой выгодной операции, отозвать 12-й корпус из Перемышля и приказать 11-й армии снять осаду этой крепости»...

Очевидно, генерал Щербачев ввел в заблуждение генерала Брусилова не только в отношении необоснованной своей уверенности в благоприятных результатах «предприятия» против Перемышля, но и в отношении подавления огня неприятельской артиллерии и взятия двух Седлицких фортов штурмом 19-й пехотной дивизии.

Начальник 19-й дивизии телеграфировал генералу Щербачеву дважды (см. выше):

6 октября в 17 ч. 21 м.: «Сильный штурм может быть успешен лишь при условии уничтожения нашей тяжелой артиллерией броневых артиллерийских установок противника и уничтожения фланговой обороны рвов, почему прошу доложить командующему армией, так как артиллерийский огонь противника, по моим личным наблюдениям, очень еще силен и затрудняет дальнейшее наше наступление даже для уничтожения проволочных заграждений».

7 октября в 15 ч. 30 м.: «Дивизия старается энергично развить успех, но сказывается недостаток общей артиллерийской подготовки. Крымский полк (75-й) пытался развить успех из занятой батареи 1_3 (укрепление 1_2), но встречен сильным пулеметным огнем из блиндированных построек сзади батареи. Кубанцы (76-й полк) ворвались в ров укрепления 1_3. Попытки их эскаладировать укрепление парируются сильным пулеметным огнем с фланговых окопов. Сейчас тяжелый дивизион разрушает эти фланкирующие окопы. Вся артиллерия занята и не может обстрелять укрепление 1_2, перед проволочным заграждением которого в 300 шагах находятся севастопольцы (75-й полк)».

В общем задачу штурма 19-я пехотная дивизия выполнить 7 октября не могла *ввиду слабости артиллерийской подготовки*.

Только огнем тяжелой артиллерии крупных калибров возможно было бы обеспечить успех штурма Перемышля путем разрушения долговременных крепостных сооружений. А такой артиллерии в распоряжении генерала Щербачева не было. Мало того, даже при наличии у него слабой полевой легкой и полевой тяжелой артиллерии подготовка штурма Перемышля не могла быть, как вспоминает генерал Брусилов, «*достаточно интенсивной по недостатку снарядов*».

Генералу Брусилову, как он сам пишет, «явилась необходимость быстро прекратить штурм Перемышля», так как силы австрийцев, перешедших в наступление, превышали силы русских, и «пришлось отказаться от этой выгодной операции», так как на проведение ее «требовалось еще 5—6 дней, которых в распоряжении не оказывалось».

Имея в виду указанные соображения самого генерала Брусилова, не следовало начинать признаваемую им запоздавшей операцию против Перемышля, не говоря уже о том, что при отсутствии необходимых артиллерийских средств никоим образом нельзя было рассчитывать на успех штурма.

Но если последнее соображение игнорировалось генералами Щербачевым и Брусиловым, увлеченными идеей захвата Перемышля открытой силой, то весьма странной является оптимистическая уверенность в успехе штурма и генерала Дельвига, который, как исключительно выдающийся в то время высокообразованный специалист техники и тактики артиллерии, лучше Брусилова, Щербачева и всех других старших общевойсковых и артиллерийских начальников понимал слабость действия по долговременным крепостным веркам не только полевой легкой, но и полевой тяжелой артиллерии 107-мм и 152-мм калибра, предоставленной к тому же в его распоряжение для артиллерийской подготовки штурма в крайне ограниченном количестве.

После неудачи штурма генерал Дельвиг писал начальнику штаба фронта генералу Алексееву: «...Благодаря теснейшей связи родов войск, мы могли продвигаться без потерь под защитой наших снарядов легких и тяжелых. Конечно, сказывалось малое количество тяжелых орудий. Как правило, тяжелые батареи работали повзводно, а полевые мортирные (гаубичные) батареи работали по три орудия или повзводно. Наконец, одной батарее, 8-й тяжелой, пришлось держать под огнем четыре цели (4 батареи противника), стреляя, когда одна из сдерживаемых батарей хотела открывать огонь; при этом каждое орудие было направлено в свою цель.

Труднее всего была борьба с броневыми батареями, которая требовала очень большого числа выстрелов, чтобы попасть в купола. Самая точнейшая пристрелка, выверка отдельных орудий, не совсем помогала, так как грунт был мягкий и менялась дальность полета от нагревания орудий. Во всяком случае часть броневых орудий привели к молчанию, форт 5 (южный в группе Седлиска) обращен снаружи в бесформенную массу, хотя мы не пре-

увеличивали способность нашу разрушать казематы. Поставлена могла быть задача лишь подавить наружную оборону, а фланкирующие постройки рвов предполагалось взорвать...

...Вечером в штабе корпуса была получена телеграмма, требовавшая прекратить операцию, если нельзя надеяться ее закончить к вечеру 25 числа [1]. Это условие было, конечно, невыполнимо, так как при успехе можно было надеяться лишь овладеть группой Седлиска, подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1 (выс. 304 — Седлиска).

Операция ускоренной атаки Перемышля, столь блестяще начатая и проводимая и остановленная в то время, когда стали выясняться надежды на положительный ее результат, доказывает не только беззаветную храбрость и мужество войск, но и наше искусство. Мы с гордостью можем заявить, что научились атаковать без потерь благодаря тесной связи артиллерии с пехотой.

Форты Перемышля — современные, имеют броневые башни, фланговую оборону рвов и внешние пулеметные капониры и фланкирующие батареи, также несколько линий искусственных препятствий».

Штурм повторен не был, так как к вечеру 7 октября в штабе 8-й армии стала ясной неизбежность столкновения перешедших в наступление австрийцев с 3-й русской армией, вследствие чего дальнейшие действия под Перемышлем были бесцельными. В 0 ч. 10 м. 8 октября Щербачев отменил штурм во исполнение приказа Брусилова.

Атака крепости открытой силой возможна лишь после того, как будет совершенно подавлен огонь атакуемого участка укреплений или будут разрушены атакуемые форты. Без этого штурм Перемышля казался защитникам крепости безумием со стороны русских ввиду тех колоссальных потерь, какие должны были понести атакующие. Русские атаковали действительно при крайне тяжелых условиях: противоштурмовая артиллерия в броневых башнях была неуязвимой для русской артиллерии и все время сильно поражала атакующих; стрелки и пулеметчики австрийцев, укрытые бетонными сооружениями, оставались также неуязвимыми и, по выражению австрийского военного историка фон-Рода, «вели стрельбу, как в тире, расстреливая атакующих на выбор». Описывая ужасы штурма Перемышля, фон-Рода свидетельствует, что австрийцами было погребено около 15 000 трупов русских. Известный русский военный инженер К. Величко в своем труде «Крепости в мировой войне» определяет потери русских при трехдневном штурме Перемышля в 20 000 человек.

Приведенные цифры потерь, надо полагать, преувеличены, но во всяком случае они были велики. По русским архивным источникам определено точно число потерь только по трем дивизиям,

---

[1] Т. е. к вечеру 8 октября.

атаковавшим в наиболее тяжелых условиях, а именно: наносившая главный удар 19-я пехотная дивизия понесла наибольшие потери — 44 офицера, 2 975 солдат и 32 лошади, т. е. потеряла около 25% всего состава офицеров и солдат; 58-я пехотная дивизия потеряла 12 офицеров и 1 634 солдата; 3-я стрелковая бригада — 22 офицера и 416 солдат. О потерях 60-й и 69-й пехотных дивизий, атаковавших южную группу Седлиских укреплений с линией фортов Якмонице, Лучице, а также о потерях 12, 78 и 82-й пехотных дивизий, атаковавших северный и северо-западный участки (действия артиллерии которых здесь не рассматривались), определенных сведений не имеется. Лишь предположительно можно считать, что при трехдневном штурме Перемышля блокадный корпус генерала Щербачева потерял около 10 000—12 000 человек и что, следовательно, убитых могло быть не более 3 000—4 000 (30%), а не 15 000, как уверяет австрийский историк фон-Рода.

Никакого предварительного, хотя бы ориентировочного плана действий артиллерии для подготовки штурма крепости Перемышль не было составлено русским командованием, не было и плана снабжения боеприпасами. Русской артиллерии предоставлялось действовать «по обстановке», а так как обстановка в бою крайне неопределенна и изменчива, то считалось, повидимому, невозможным или даже ненужным составление предварительного расчета потребности артиллерии в боеприпасах. Заведующий артиллерийской частью 8-й армии, повидимому, считал, что имеющихся в его распоряжении запасов местных артиллерийских парков будет достаточно сверх возимых войсковых запасов, которые были пополнены. В архивных документах имеется заметка его, в которой подведен следующий предположительный расход боеприпасов местных парков под Перемышлем 4—8 октября:

	Всего	На орудие
Легких 76-мм пушечных патронов .	40 000	105
Легких 122-мм гаубичных выстрелов	1 500	42
Тяжелых 152-мм гаубичных выстрелов	1 800	75
Тяжелых 107-мм пушечных выстрелов	200	50

Точных сведений о расходе снарядов за время штурма Перемышля не имеется, как и вообще среди архивных материалов о штурме Перемышля не находится данных для основательного исследования вопросов боепитания в боях 5—8 октября. Имеются неполные сведения только о расходе легких 76-мм патронов, составленные самими войсками. По этим сведениям было израсходовано:

	Шрапнелей	Гранат	Всего снарядов	На одно орудие
19-я артиллерийская бригада	6 162	1 554	7 716	161
58-я „ бригада	2 944	356	3 300	68
69-я „ бригада	5 829	955	6 784	141
60-й „ бригады 1-й дивизион	629	302	931	39
3-й стрелковый артиллерийский дивизион	4 382	1 050	5 432	226

Интенсивность артиллерийского огня, как видно из этих сведений, была крайне неодинакова — от 39 патронов на орудие в 1-м дивизионе 60-й артиллерийской бригады до 226 патронов на орудие в батареях 3-го стрелкового дивизиона.

Большое напряжение огня батарей 3-го стрелкового дивизиона можно объяснить обширностью района огневого действия этих батарей, отсутствием содействия тяжелой артиллерии и маневренным характером боя на участке 3-й стрелковой бригады, тогда как на других участках противник оставался сравнительно пассивным.

Батареи 60-й артиллерийской бригады чрезвычайно скупо расходовали снаряды, вероятно потому, что сознавали бессилие огня 76-мм пушки по укреплениям и рассчитывали на огонь 2-го тяжелого артиллерийского дивизиона, расположенного на участке 60-й дивизии. Но так как большинство укреплений на участке атаки 60-й дивизии не имело броневой артиллерии, то возможно, что при интенсивном огне батарей 60-й артиллерийской бригады, производившем деморализующее впечатление на противника, результат атак 60-й дивизии был бы другим.

Наибольший дневной расход дали: 1 114 патронов — три батареи 69-й артиллерийской бригады в бою 7 октября, т. е. около 140 патронов на орудие, и 967 патронов — две батареи 3-го стрелкового дивизиона в бою 8 октября, т. е. около 120 патронов на орудие. Такой однодневный расход боеприпасов в горячем бою никак нельзя считать чрезмерным, так как в русско-японскую войну расход 76-мм патронов доходил в отдельных русских батареях до 500 на орудие [1].

Расход 76-мм гранат был значительно меньше расхода 76-мм шрапнелей, тогда как для стрельбы по окопам и укреплениям граната является более действительным снарядом. Это можно объяснить тем, что при подготовке штурма укреплений Перемышля стрельба легкой 76-мм артиллерии велась не с целью разрушения, а с целью принудить противника под действием шрапнели укрыться

[1] *Е. Барсуков*, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, ГВИЗ, 1926 г., стр. 46.

за бруствером укреплений или за другим сооружением и тем лишить возможности вести огонь по наступающим войскам. Словом, стрельба русской полевой легкой артиллерии велась при атаке укреплений Перемышля в большинстве случаев так же, как рекомендовалось ее вести в полевом маневренном бою против остановившегося противника и «Наставлением 1912 г.» и офицерской артиллерийской школой в 1905—1914 гг.

Организация питания батарей боеприпасами была осуществлена в общем по схеме, указанной «Наставлением 1912 г.», но оставляла желать лучшего, в особенности в отношении боепитания 60-й пехотной дивизии, от которой склад боеприпасов в м. Садова-Вишня отстоял в 50 км, а все эшелоны 60-й парковой артиллерийской бригады были сосредоточены в районе Мижинец, Радохонце—в 40—45 км от передового склада и в 6—8 км от батарейных резервов. При столь значительной растяжке подвоза доставка боеприпасов была крайне затруднительна, так как непрерывные осенние дожди и суглинистая почва сделали дороги непроезжими. Приходилось запрягать в один зарядный ящик до 10 лошадей или подвозить снаряды в одних передках.

Лишь в последний день штурма, 7 октября, генерал Дельвиг вследствие жалоб войсковых начальников на трудность доставки снарядов решил организовать полевой подвижной огнесклад в железнодорожных вагонах на ст. Хоросница и назначить в распоряжение командира парка 4-й тяжелой артиллерийской бригады грузовой автомобиль для подвоза снарядов к Балице для 1-го и 3-го тяжелых артиллерийских дивизионов.

Решение генерала Брусилова атаковать крепость Перемышль открытой силой было принято в расчете на поколебленный дух австрийских войск после неудач их в Галиции и на слабую боеспособность ландштурменных частей гарнизона крепости, а также в расчете использовать приподнятое настроение русских войск после одержанных ими успехов. Генерал Щербачев в своем приказе о штурме напоминает войскам о выпавшей на их долю «высокой чести» овладеть Перемышлем, возлагает надежды на то, что войска «оправдают доверие верховного вождя» и т. п. Материальной силе противопоставляется сила духа; технические средства русских были несоразмерно малы по сравнению с грандиозностью поставленной задачи, и прежде всего именно потому ставка на силу духа была бита.

Штурм крепости, успех которого был построен только на высоких качествах русских солдат, не удался. Из-за недостатка технических средств самоотверженные усилия русских войск разбились в борьбе за передовые укрепления и искусственные препятствия, окружающие форты Перемышля.

Но было немало и других причин неудачи, среди которых большую роль играли ошибки русского командования в оценке боевой обстановки и принятии решения, в искусстве вождения войск вообще и боевого использования артиллерии в особенности.

Юго-восточный сектор фортового пояса Перемышля, по силе своих верков несколько уступавший северному сектору, представлял выгоды для атаки как по наличию сравнительно удобных ближних подступов к укреплениям, так и в отношении устройства тыла атакующей группы войск. Но, избирая правильно для штурма юго-восточный сектор, следовало главный удар наносить не на восточный сектор с сильно укрепленными фортами 1 (Седлиска), 14 (Гурко) и 15 (Борек) и промежутками между ними, а на более слабо укрепленный южный сектор, где почти не было броневых установок.

Приняв решение атаковать юго-восточный сектор, необходимо было выполнение этой главной задачи возложить на первоочередные более стойкие части, т. е. на входившие в состав блокадного корпуса 12-ю и 19-ю пехотные дивизии и 3-ю стрелковую бригаду, а не разбрасывать их по всему широкому обводу крепости в виде подпорок для более слабых в боевом отношении второочередных 58-й, 60-й, 69-й и других пехотных дивизий.

Ударная группа, атакующая в решающем направлении наиболее сильный сектор Седлиской группы — укрепления 1_1, 1_2, 1_3 и далее форт 1 (Седлиска), организуется в составе одной 19-й пехотной дивизии с ее артиллерией и одной бригады 69-й дивизии, но управление ими в одних руках не было объединено. Фактически в ударной группе была лишь одна 19-я дивизия, а 69-я дивизия действовала самостоятельно на левом фланге ударной группы. Следовало ударную группу организовать значительно сильнее и обязательно объединить войска, назначенные в ее состав, образовав из 19-й и 69-й дивизий с их артиллерией единый мощный ударный кулак, управляемый одним начальником (например, начальником 19-й дивизии).

Войска, назначенные для выполнения главной задачи — атаки юго-восточного сектора, усиливаются тремя полевыми тяжелыми артиллерийскими дивизионами, имевшими 23 тяжелые 152-мм гаубицы и 4 тяжелые 107-мм пушки, и одним легким мортирным дивизионом с 12 полевыми 122-мм гаубицами. Предназначенные для действия по земляным укреплениям 152-мм и 122-мм гаубицы могли бы с некоторым успехом разрушать укрепления временного типа, имевшиеся в промежутках между фортами, но орудия эти были бессильны против бетона и слабосильны против камня и брони на фортах, долговременных укреплениях и батареях Перемышля.

Крайняя ограниченность технических артиллерийских средств для действия под крепостью и указанные свойства 122-мм и 152-мм гаубиц были хорошо известны в первую очередь начальнику артиллерии блокадного корпуса генералу Дельвигу. Командованию корпуса должно было быть ясно, что успеха от действия имеющейся полевой тяжелой артиллерии возможно было ожидать лишь при направлении артиллерийского огня на более слабые промежуточные укрепления, батареи без броневых укрытий и окопы полевого типа, а потому и самую атаку следовало вести не на форты,

как решил генерал Щербачев, а на промежутки, стремясь, прорвавшись между фортами, захватить их с тыла.

Командование должно было понимать, что слабость артиллерии как в отношении числа орудий, так и в отношении могущества и разрушительной силы их огня могла быть восполнена лишь сосредоточением артиллерийского огня в решающем направлении по важнейшим целям при умелом объединенном управлении огнем. Что касается Дельвига, то при довоенной подготовке командного состава русской артиллерии он всегда настойчиво проводил необходимость объединенного управления и сосредоточения артиллерийского огня. В «Указаниях по атаке Перемышля», составленных при участии Дельвига, дважды подчеркивается, что тяжелые батареи должны обрушиться на австрийские батареи «сосредоточенным огнем» и «сосредоточивать огонь по броневым установкам и по видимому бетону». В письме к Алексееву Дельвиг говорит, что можно было надеяться овладеть группой Седлиска, «подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1» (выс. 301 — Седлиска).

Словом, при той слабой артиллерии, которой располагал генерал Щербачев, можно было рассчитывать на успех только при условии выбора для прорыва наиболее выгодного для атаки участка фронтового пояса, ведя штурм на промежутки между фортами и действуя сосредоточенным артиллерийским огнем по району, избранному для нанесения главного удара противнику.

Генерал Щербачев, учитывая, что главная роль в действиях под крепостью будет принадлежать полевой тяжелой артиллерии, все три имевшихся у него тяжелых артиллерийских дивизиона придал войскам, получившим главную задачу атаки юго-восточного сектора крепости, и управление ими сосредоточил в руках Дельвига. По указанию Дельвига, полевая тяжелая артиллерия расположилась в трех группах подивизионно, занимая весьма выгодное охватывающее положение в отношении Седлиских укреплений. По заблаговременно продуманному и согласованному с пехотой плану эта тяжелая артиллерия могла действовать по указаниям Дельвига как молотом, разрушающим или уничтожающим сосредоточенным перекрестным огнем одно за другим укрепления и батареи противника, не имеющие особо прочных бетонных, каменных и бронированных построек и закрытий.

Но в действительности предварительно обстоятельного плана действий тяжелой артиллерии составлено не было и объединенного управления ее огнем со стороны артиллерийского командования не замечалось, так как не было сосредоточения огня по определенным важнейшим целям. Тяжелые дивизионы действовали порознь, даже побатарейно — каждая батарея самостоятельно, помогая в большинстве случаев своим огнем тем подразделениям пехоты, за которыми она стояла.

Гаубичные батареи 3-го тяжелого дивизиона помогали 58-й пехотной дивизии, батареи 1-го тяжелого дивизиона — 19-й пехотной дивизии, батареи 2-го тяжелого дивизиона — 69-й пехотной диви-

зии, а в день штурма 7 октября и 60-й пехотной дивизии. Только однажды 7 октября огонь 2-го и 1-го тяжелых дивизионов был сосредоточен по укреплениям 1_4, 1_5 и 1_6 и то по просьбе начальника 69-й пехотной дивизии; не по инициативе командования артиллерии, а по просьбе начальника 19-й дивизии, обращенной к командиру корпуса, 1-й тяжелый дивизион был выдвинут вперед в район Овчарня, Храплице «для более действительного содействия атаке передовых укреплений и форта Седлиска».

Письмом Дельвига к Алексееву о штурме Перемышля подтверждается, что ни плана действий тяжелой артиллерии, ни сосредоточения ее огня не было. Напротив, судя по его письму, можно окончательно убедиться, что никакой систематической артиллерийской подготовки атаки Перемышля в течение 5—7 октября не производилось, что тяжелые батареи действовали вразброд, что им, как и полевым гаубичным батареям, приходилось работать повзводно, а 8-й тяжелой батарее даже поорудийно с целью одновременного обстрела четырех неприятельских батарей, направляя на каждую батарею по одной тяжелой 152-мм гаубице.

Неправильное использование тяжелой артиллерии, отсутствие плана ее действий, согласованного с задачами пехоты, являются одной из главнейших причин неудачи штурма Перемышля 5—7 октября.

В действиях полевой легкой артиллерии, остававшейся все время в подчинении своим начальникам пехотных дивизий, также не было никакой планомерности. Объединенного управления огнем батарей в руках командиров не только артиллерийских бригад, но и дивизионов не замечалось, за весьма редкими исключениями. Батареи действовали в большинстве случаев самостоятельно, направляя каждая свой огонь по тем или иным случайным целям, какие указывались находящейся впереди ближайшей пехотой. В результате получался вместо сосредоточенного рассеянный по обширному пространству и потому в общем слабый огонь. Но отличная стрельба русской артиллерии позволяла атакующей пехоте приблизиться к укреплениям на несколько сотен шагов и нередко выручала пехоту из тяжелых положений.

Действие русской полевой тяжелой артиллерии, как показал опыт штурма Перемышля, по бетону и броневым установкам было весьма слабым, но по сооружениям временного типа было довольно разрушительным и в общем производило сильное моральное впечатление. Открыто расположенные орудия приводились в негодность, стрельба их прекращалась. Под действием огня 152-мм батарей гарнизон покидал укрепления временного типа.

Между прочим, по поводу действия тяжелой русской артиллерии под Перемышлем появилась в то время в швейцарских газетах заметка военного корреспондента, находившегося при штурме на одном из фортов Перемышля. Высоко оценивая тактические действия и меткость стрельбы русской артиллерии, корреспондент указывал, что большинство русских снарядов не разрывалось вследствие неудовлетворительной системы взрывателя. Генерал

Дельвиг по этому вопрос сообщал, что он «лично наблюдал стрельбу тяжелых полевых дивизионов по фортам и случаев, упоминаемых военным корреспондентом, не замечал».

Огонь легких 76-мм батарей был вообще бессилен по укреплениям и закрытиям, но производил сильное моральное воздействие на защитников крепости, особенно при стрельбе тротиловой гранатой. Легкая артиллерия в то время еще не знала способность 76-мм пушки разрушать проволочные заграждения и переносила на них огонь лишь «за неимением других целей», хотя случайными попаданиями 76-мм гранат производились разрушения проволоки (форт 14).

Русская артиллерия под Перемышлем умела не только хорошо стрелять, но и применяться к местности при выборе позиций и наблюдательных пунктов; умела хорошо организовать и вести наблюдение. Искусство занятия закрытых позиций уберегало ее от потерь.

Русская артиллерия своим огнем подвела атакующую пехоту почти вплотную к фортам и укреплениям Перемышля, позволила обложить их тесным кольцом, но задачи подготовки штурма она все же не могла выполнить: огонь артиллерии обороны к 8 октября не только не ослабел, но даже усилился, крепостные верки оставались неразрушенными. Она не могла подготовить штурм, так как поставленные ей задачи не отвечали ни ее количественному составу, ни могуществу огня ее орудий.

ГЛАВА III

АКТИВНАЯ ОБОРОНА

(Отход 4-й русской армии к Висле в мае 1915 г.)[1]

Против 9-го и 10-го русских корпусов, расположенных на примитивно укрепленной позиции в районе Горлица (западнее Перемышля), генерал Макензен в апреле 1915 г. сосредоточил на пространстве 35 км четыре отборных германских корпуса, поддержанных невиданной еще на русском фронте мировой войны массой тяжелой артиллерии, минометов и бомбометов. К русским корпусам ближайшие стратегические резервы (около 1½ корпусов) могли подойти через 4—5 дней.

После мощной артиллерийской подготовки в течение всего дня 1 мая, причем русские окопы были сравнены с землей, германцы 2 мая под прикрытием ураганного огня артиллерии атаковали 10-й корпус (3-й русской армии), прорвали фронт и овладели двумя линиями окопов.

3-я русская армия, «перебитая, но не разбитая», по выражению ее командующего Радко-Дмитриева, начала 13 мая отходить за р. Сан.

14 мая Юго-Западный фронт должен был, согласно директиве своего главнокомандующего, занять линию Высмержице, Радом, Илжа, Сандомир, Перемышль и далее по р. Днестру.

Русская 4-я армия, расположенная правее (севернее) 3-й на фронте между р. Пилицей на севере и р. Вислой на юге (на линии Доманевице, Седлов, Конск, Гура, Пинчов, Н. Корчин), стала отходить в северо-восточном направлении на фронт Высмержице, Броды, Опатов, Копрживница (схема 13), на котором должна была укрепиться и задерживать неприятеля. Находившемуся в центре расположения 4-й армии 25-му армейскому корпусу приказано было активно обороняться на участке Броды, Островец, Опатов (искл.).

---

[1] Источники: ЦГВИА, личный архив Е. З. Барсукова, Описание действий батарей 46-й артиллерийской бригады с 11 по 21 мая 1915 г. *А. Зайончковский*, Мировая война, ГВИЗ, 1924 г. *Е. Барсуков*, Русская артиллерия в мировую войну, т. II, Воениздат, 1940 г.

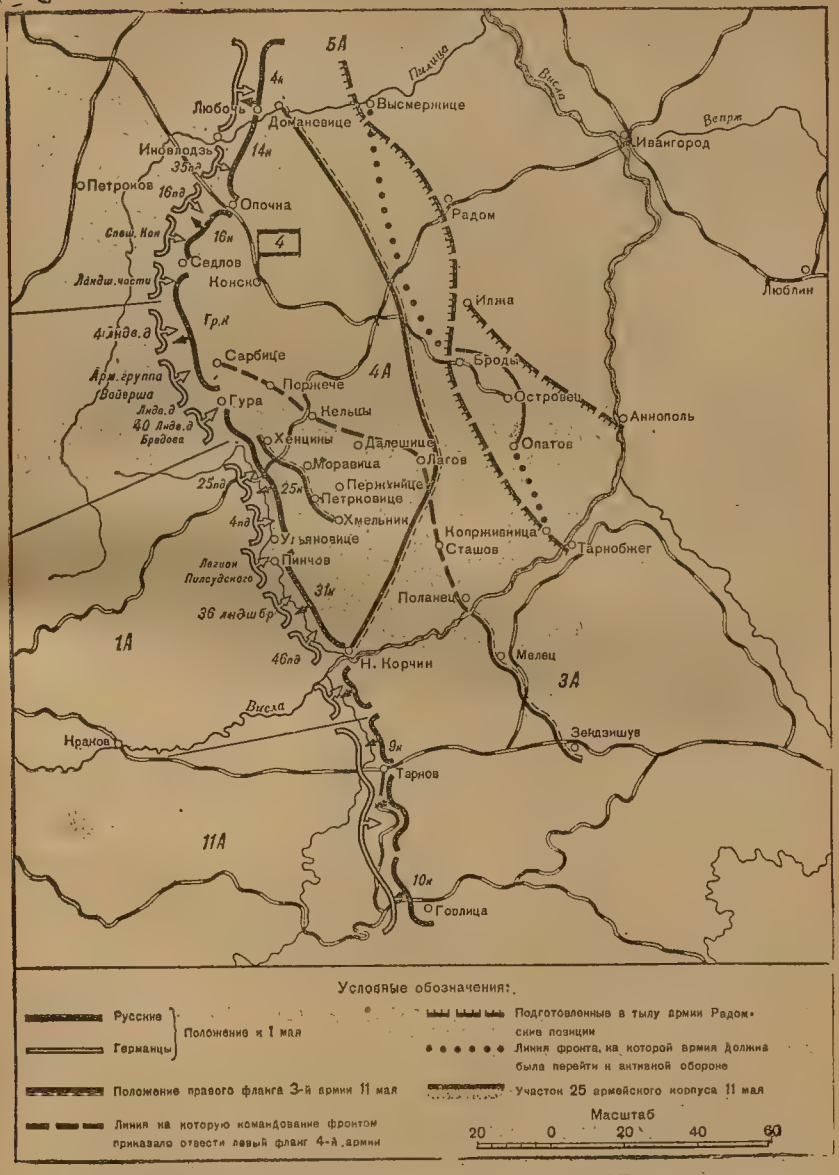


Схема 13. Общая обстановка на фронте 4-й армии к 14 мая 1915 г.

14 мая 1915 г. командир 25-го корпуса приказал частям корпуса (см. схему 14): правый участок позиции от Любеня (искл.) на Броды, Яблонна, Калков, Вюры, ф. Загае Болеское оборонять 2-й бригаде 46-й пехотной дивизии (183-й и 184-й пехотные полки) с 46-й артиллерийской бригадой и 1-й батареей 25-го мортирного (гаубичного) артиллерийского дивизиона; левый участок позиции от ф. Загае Болеское на Струпице, Стрычевице, Рушков, Опатов (искл.) оборонять 3-й гренадерской дивизии с ее артиллерией и одной тяжелой батареей; 1-й бригаде 46-й пехотной дивизии составить корпусной резерв (182-й пехотный полк у Нетулиско, 181-й пехотный полк у Кунов); дивизиям занять позиции и укрепиться с рассветом 15 мая; оборону вести активно, основывая ее на активности резервов, которые выделять в возможно большем количестве; на позиции иметь не сплошную линию окопов, а узлы сопротивления.

По плану командира корпуса, оборона должна была иметь исключительно активный характер с целью разбить противника перед своими оборонительными позициями. Левый участок 25-го корпуса, составляя ударную группу, должен был, перейдя в наступление, разбить сильнейшего противника перед фронтом корпуса, т. е. германскую дивизию Бредова. Правый участок — 46-я пехотная дивизия — являлся сковывающей группой.

Однако вследствие изменившейся обстановки контрудар сначала был нанесен заходом правого фланга ударной группы не против Бредова, а против 25-й австрийской дивизии, потерпевшей жестокое поражение. Что же касается сковывающей группы, то действия 46-й пехотной дивизии на пассивном участке были не только не пассивными, а образцовыми в смысле проявления активности на оборонительном фронте: полки этой дивизии при содействии приданной им артиллерии не довольствовались отражением атак Бредова, но встречали или отвечали на них своими контратаками, в большинстве случаев успешными, особенно на участках соседних с теми, против которых вели наступление немцы.

Согласно приказу по 46-й дивизии, отданному 15 мая 1915 г., назначенный ей для обороны командиром корпуса правый участок был разделен в свою очередь на два: а) 183-й полк с 1-м дивизионом 46-й артиллерийской бригады должен был занять и оборонять правый участок позиции от Броды (вкл.) до Домброва (вкл.); б) 184-й полк с 2-м дивизионом 46-й артиллерийской бригады и с 1-й батареей 25-го мортирного артиллерийского дивизиона должен был занять и оборонять левый участок позиции от Домброва (искл.) до ф. Загае Болеское (см. схему 14).

В каждом полку по два батальона было выделено в дивизионный и полковой резервы (по одному батальону в каждый резерв), вследствие чего всю указанную для 46-й дивизии позицию протяжением около 13 км фактически занимали четыре батальона, т. е. на батальон приходилось по 3,5 км. При таком слабом насыщении оборонительной позиции пехотой сила ружейного и пулеметного

Схема 14. Боевые действия 25-го армейского русского корпуса у Опатова 15 мая 1915 г. (первый день боя). Расположение артиллерии указано только на участке 46-й пехотной дивизии и только к началу боя 15 мая 1915 г.

огня обороны оказалась чрезвычайно недостаточной — она компенсировалась огнем артиллерии.

Против 46-й русской дивизии действовала германская дивизия Бредова из трех пехотных полков с артиллерийским полком и с приданной тяжелой артиллерией. В отношении пехоты противники были почти в равных силах (если принять во внимание, что находящаяся в корпусном резерве 1-я бригада 46-й дивизии располагалась у Нетулиско и Кунов, т. е. за находящейся в боевом участке 2-й бригадой той же дивизии), но в артиллерии австро-германцы превосходили русских в общем на 25% (всего в составе 25-го русского корпуса имелось 94 орудия, в том числе 12 полевых 122-мм гаубиц и 4 тяжелых полевых орудия, остальные 78 полевые легкие 76-мм пушки; у австро-германцев имелось 120 орудий, в том числе не менее 22 тяжелых).

Артиллерия 25-го русского корпуса была обеспечена боевыми припасами на время операции у Опатова далеко недостаточно. Ко времени операции — к 16 мая 1915 г.— в возимом при батареях запасе некомплект 76-мм пушечных патронов составлял 94 снаряда на орудие, к концу же пятидневных боев 25-го корпуса, т. е. к 21 мая, некомплект увеличился до угрожающих размеров — от 125 до 170 патронов на полевую 76-мм пушку. Подвоз боевых припасов на пополнение некомплекта производился средствами подвижных артиллерийских парков; головной парк 46-й парковой артиллерийской бригады располагался у Бор Куновский, тыловой парк той же бригады — у Явор Солецкий, мортирный парк — у Тржемха Дольна (у м. Сенно)[1].

Около 9—10 часов 15 мая артиллерия, приданная 46-й дивизии, заняла закрытые позиции (см. схемы 14 и 15): а) 1-й дивизион 46-й артиллерийской бригады — 2-я батарея, находившаяся в арьергарде, за выс. 130,7 (северо-восточнее Домброва), имея наблюдательный пункт командира батареи на северо-западной окраине Домброва; 1-я и 3-я батареи южнее Крынки на опушке леса фронтом на запад, имея наблюдательные пункты командиров — 1-й батареи южнее костёла Крынки, 3-й батареи западнее на скате высоты; 2-й дивизион 46-й артиллерийской бригады — 4-я батарея в районе северо-восточнее Долы Бискупе, 5-я и 6-я батареи у Фл[2], что северо-западнее Годов, имея наблюдательные пункты командиров — 4-й на скате высоты южнее Годов, 5-й у северо-восточной окраины Калков (южный), 6-й у западной окраины Калков (северный); 1-я гаубичная батарея 25-го мортирного дивизиона между Долы Бискупе и Годов, имея наблюдательный пункт командира батареи на высоте южнее Годов (на той же высоте находился наблюдательный пункт командира тяжелой батареи, переданной в левый боевой участок 3-й гренадерской дивизии).

---

[1] Последних трех пунктов на схеме 14 нет; все они расположены северо восточнее.

[2] См. схему 15 (копия с кроки, составленной адъютантом 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады).

Первый день боя 15 мая. Около 11 часов утра, когда 2-я бригада 46-й пехотной дивизии частью еще приступала к занятию позиции, а частью уже ее укрепляла, германская дивизия Бредова повела наступление, открыв сильный артиллерийский огонь со стороны Павлов по участку Яблонна, Домброва.

Бой продолжался до 22 часов. Наибольшую активность проявляли в этот день немцы в районе Калков, Домброва. Все их атаки были отбиты мелкими частями (разведчиками) русской пехоты при поддержке своей артиллерии. Действия 2-й батареи 46-й артиллерийской бригады были особенно удачны.

Батарея эта открыла огонь в 11 ч. 15 м. по неприятельской батарее, занявшей открытую огневую позицию на гребне к югу от костела Павлов (вилка 98—103), и настолько удачно обстреляла ее, что та пыталась подвести передки, чтобы уйти с позиции; однако это ей не удалось, пришлось убрать немедленно передки обратно, номера разбежались вправо и влево от своих орудий и попрятались за ближайшие халупы. Огнем 2-й батареи халупы эти были вскоре сожжены и одновременно был взорван один из зарядных ящиков на позиции неприятельской батареи. Только к вечеру удалось противнику скатить с гребня орудия своей батареи, за исключением одного орудия, оставленного на позиции.

В 16 часов 2-я батарея открыла огонь по пехотной колонне противника силою около двух батальонов, наступавшей на Домброва; обстрелянная метким огнем 2-й батареи (вилка 73—75) неприятельская колонна рассеялась во все стороны.

Между тем огонь легкой и тяжелой артиллерии противника чрезвычайно усилился. Деревня Домброва от артиллерийского огня загорелась; находившийся на наблюдательном пункте возле Домброва командир 2-й батареи был тяжело ранен; огневая позиция батареи стала обстреливаться сначала легкой, а потом и тяжелой артиллерией, на батарее были раненые. Однако батарея продолжала вести огонь и около 20 часов удачно обстреляла артиллерию противника, двигавшуюся с запада к Павлов, и заставила ее повернуть назад. Только с наступлением темноты, около 22 часов, 2-я батарея, с разрешения начальника участка, отошла с позиции, по которой неприятельская артиллерия точно пристрелялась, и стала в лесу у дороги из Яблонна на ф. Перебице, в 600 м от этого фольварка. В 3 часа утра 16 мая один взвод батареи, по распоряжению начальника участка, был возвращен на прежнюю позицию за выс. 130,7 (схема 15).

В первый день боя 2-я батарея израсходовала 149 шрапнелей и 11 гранат, 1-я и 3-я батареи не стреляли.

Действия батарей 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады, вошедших в состав левого боевого участка 46-й дивизии, свелись 15 мая лишь к наблюдению за неприятелем, о результате которого доносилось начальнику участка. С 13 часов замечены были колонны неприятельской пехоты, двигавшиеся вне досягаемости артиллерийских выстрелов.

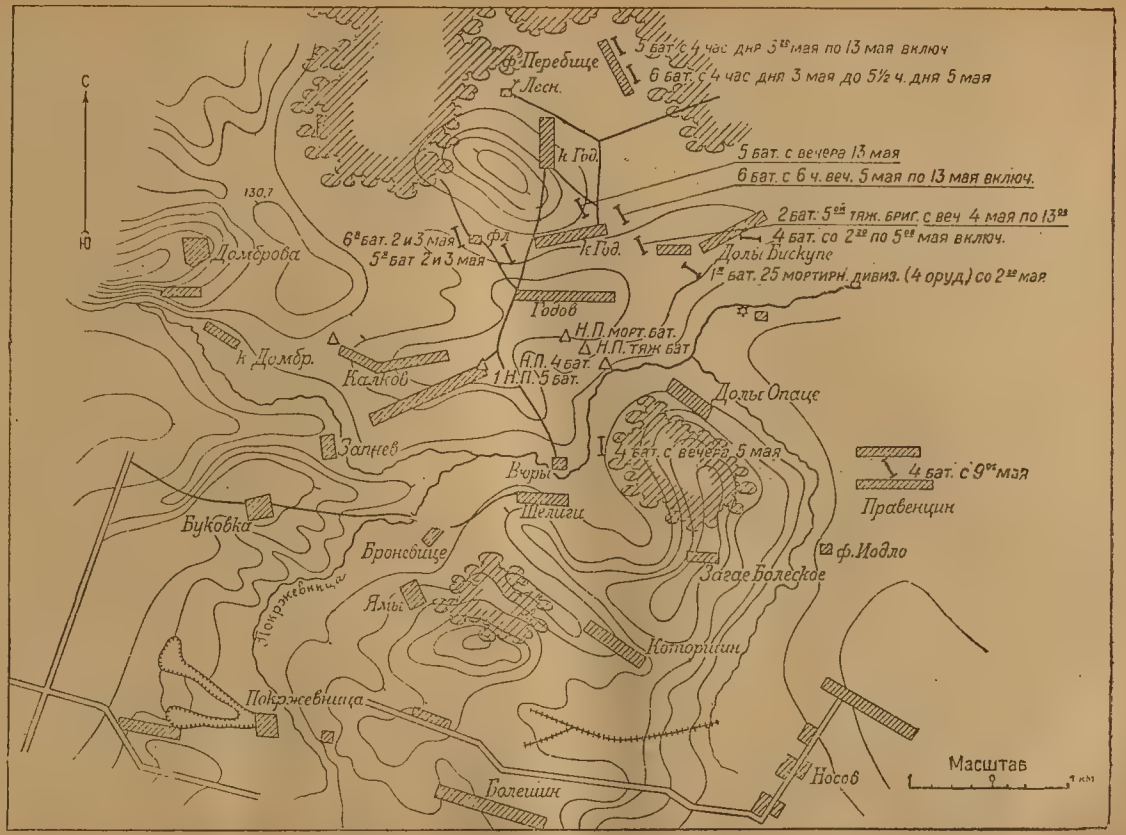


Схема 15. Расположение артиллерии левого боевого участка (184-го пехотного полка) 46-й пехотной дивизии в бою 15—19 мая 1915 г. у Опатова. Копия с кроки к описанию действий 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады с 11 по 20 мая 1915 г. (из дела ЦГВИА, личный архив Барсукова).

Второй день боя 16 мая. Ночь на 16 мая прошла спокойно. С 6 часов утра замечено было движение войсковых колонн противника с запада в направлении на Павлов и с юго-запада в направлении на Домброва. За войсками двигались обозы и зарядные ящики.

В 6 часов взвод 2-й батареи, занимавший огневую позицию за выс. 130,7, открыл огонь по колонне пехоты, шедшей в Павлов, затем перенес огонь по орудийным передкам, замеченным за Павлов, откуда выбежало много людей.

С 8 часов обнаружено было накапливание до двух батальонов немцев в районе Павлов, которые повели наступление на Домброва, и движение большой колонны войск с артиллерией, глубиной не менее 5 км, вдоль Ржепин (см. схему 14). Вскоре противник открыл сильный артиллерийский огонь по деревням Домброва и Калков и начал обстреливать 5-ю и 6-ю батареи, а затем пехота его повела наступление на фронт Домброва, Калков.

В 9 часов взвод 2-й батареи открыл огонь по неприятельской пехоте, наступавшей на Домброва, но наблюдательный пункт командира взвода, огневая позиция и передки, расположенные в лесу, стали сильно обстреливаться ружейным огнем и тяжелой артиллерией противника. Пришлось орудия взвода откатить с помощью пехотного прикрытия в лес к передкам; в это время тяжелый снаряд попал в передки, ранил 11 и убил 7 лошадей; все же взводу удалось присоединиться к своей батарее.

Колонна противника, двигавшаяся вдоль Ржепин, была внезапно обстреляна 3-й батареей 46-й бригады, что заставило части, попавшие под огонь, броситься в лес севернее Ржепин.

По неприятельской пехоте, наступавшей на фронт Домброва, Калков, главным образом по наступавшей на Калков, открыли огонь 5-я и 6-я батареи 46-й бригады.

В 10 ч. 30 м. была обнаружена новая колонна противника, видимо, из скрывшейся в лесу части большой колонны, наступавшая через деревни Кучов и Стыков на Яблонна. Это было замечено и командиром 3-й батареи, который сейчас же открыл огонь по неприятельским цепям, наступавшим из леса, что южнее Кучов. После нескольких очередей огня пехота противника рассеялась и укрылась в складках местности.

Около 12 часов командир 2-й батареи получил телефонограмму от начальника боевого участка: «Немедленно занять позицию и открыть огонь по району Ржепин и восточной опушке леса, что севернее Ржепин». Командир батареи решил занять огневую позицию у ф. Перебице, выдвинув туда для ускорения открытия огня 1-й взвод батареи, который в 12 ч. 30 м. открыл огонь в направлении деревень Ржепин и Домброва по наступавшей пехоте противника.

К 13 часам немцы, введя в дело 4 легкие батареи (2 пушечные и 2 гаубичные) и 1 тяжелую 155-мм батарею, усилили артиллерийский огонь по участку Яблонна, Домброва до высшего напряжения. Деревня Яблонна была зажжена, и под прикрытием дыма, образованного пожаром, германцы густыми цепями с поддержками

сзади повели наступление от Ржепин и Кучов на Яблонна. Атаки продолжались в течение всего дня, но задерживались успешным огнем батарей 1-го дивизиона 46-й бригады и отбивались контратаками участковых резервов 183-го пехотного полка. Наступление немцев на правый участок позиции 46-й пехотной дивизии было остановлено с большими для них потерями, и они стали окапываться в 400—600 шагах от русских окопов.

В 17 часов 2-я батарея занимала огневую позицию на вырубке в 1,5 км к северо-западу от Лесн. (дома лесника), что к северу от «к Год», и вела огонь по пехоте противника, наступавшей на Яблонна, а в 20 ч. 20 м. открыла огонь по Домброва. В 21 час огонь был прекращен.

3-я батарея приблизительно с 13 до 17 часов вела огонь по взводам неприятельской артиллерии, стрелявшим по Яблонна от леса, что западнее этой деревни. С 17 до 19 часов 3-я батарея стреляла, по приказанию начальника участка, по треугольной роще (южнее Кучов), по четырехугольному лесу (юго-западнее Яблонна) и по лощине между этими лесами, где накапливался противник. После удачного обстрела четырехугольный лес был очищен пехотой немцев, но обстрел продолжался редким огнем, чтобы воспрепятствовать новому накапливанию и укреплению противника в этом лесу. С наступлением темноты батарея прекратила огонь, выдвинув один взвод к северу за высоту у Крынки.

1-я батарея, по приказанию начальника участка, обстреливала с 16 часов до 20 ч. 30 м. сначала взводными очередями, а потом редким орудийным огнем ту же треугольную рощу и промежуток между нею и лесом, что юго-западнее Яблонна; затем перенесла огонь на Домброва, где накапливался противник, и на опушку леса, что севернее Ржепин, вдоль которой двигалась неприятельская пехота. Видно было, как пехота противника, попадая под обстрел батареи, убегала в западном направлении.

Расход снарядов за второй день боя был небольшой: 1-я батарея израсходовала лишь 70 шрапнелей, 2-я батарея — 190 шрапнелей, 3-я батарея — 104 шрапнели и 45 гранат.

Действия немцев против левого участка 46-й дивизии (против 184-го пехотного полка) были для них более удачны, чем против 183-го пехотного полка. Не успели 5-я и 6-я батареи отбить своим огнем наступление неприятельской пехоты, как по Калков был открыт сильный сосредоточенный огонь артиллерии, под прикрытием которого пехота противника стремительно бросилась вперед, в 9 часов перешла р. Свислину и оказалась в непосредственной близости к Калков. Наблюдательные пункты командиров 5-й и 6-й батарей (см. схему 14) подверглись не только артиллерийскому, но и ружейному обстрелу, вследствие чего оставаться на них не было возможности, в особенности на наблюдательном пункте 6-й батареи, расположенном на западной окраине Калков (северный).

Около 10 часов немцам удалось занять Калков (южный) и хорошо окопаться в его районе. Безнаказанному накапливанию их в этом районе способствовало множество узких глубоких оврагов

и складок местности. 5-я и 6-я батареи продолжали стрелять по цепям противника, которые после захвата Калков стали осыпать батареи ружейными пулями. Батареям приходилось стрелять при прицеле 50, 40, даже 30. Наконец, им было разрешено командиром дивизиона переменить позиции, чтобы выйти из сферы ружейного огня. Батареям удалось сняться с позиций без больших потерь только благодаря тому, что германские цепи, встреченные орудийным огнем с близкого расстояния, несколько осадили назад, и тому, что густой дым от горевшей деревни скрывал от них батареи. К 16 часам 5-я и 6-я батареи заняли новые огневые позиции у ф. Перебитце, прикрываясь строениями, имея наблюдательные пункты на высоте южнее Годов и передовых наблюдателей в окопах 184-го пехотного полка близ Калков (северный). С новой позиции 5-я и 6-я батареи пристреляли окопы и разные пункты в расположении противника на фронте Домброва, «к Домбр.», Запнев, Буковка (схемы 14 и 15).

В течение 16 мая 4-я батарея сначала обстреливала район Запнев, Буковка и наносила поражение находившемуся в этом районе противнику, а затем, как увидим ниже, получила другую задачу. Расположенные вблизи нее у Долы Бискупе 4 гаубицы 122-мм гаубичной батареи 25-го мортирного дивизиона, пристрелявшись по деревням Покржевница и Хыбице и по оврагу у Калков, Запнев, удачно поражали и рассеивали показывающиеся там пехотные части противника, обстреляли проходивший Хыбице обоз, произведя в нем большое замешательство, а также поднимавшуюся из оврага у Покржевница неприятельскую батарею, в которой произошло смятение.

Против левофлангового участка 184-го полка немцы не предпринимали решительных действий и были довольно пассивными; свою кавалерийскую бригаду они из Хыбице направили на север для действия через Вержбник и Любеня в правый фланг и тыл 46-й дивизии. Этим воспользовался начальник левого боевого участка дивизии и приказал левому флангу 184-го полка перейти в наступление и занять Шелиги, рощу юго-западнее ее, а также Броневице и Ямы с тем, чтобы угрожать правому флангу противника, сосредоточившему свои усилия против середины и правого фланга всего участка, обороняемого 183-м и 184-м полками.

Одновременно приказано было командиру 4-й батареи занять позицию в районе Котаршин для фланкирования оврага, идущего между Вюры и Шелиги от деревень Запнев и Броневице (по долинам речек Свислина и Покржевница). Батарея заняла огневую позицию на западной опушке рощи, что севернее Котаршин, откуда могла весьма успешно обстреливать сосредоточенные в овраге значительные силы противника.

Вполне целесообразное решение начальника участка было выполнено при поддержке огня 4-й батареи частями 184-го полка. С занятием ими деревень Вюры, Шелиги, Броневице, Ямы создалась настолько серьезная угроза правому флангу и тылу правофланговой бригады германской дивизии Бредова, что он прину-

жден был отозвать обратно в Хыбице свою кавалерийскую бригаду, которая уже подошла к Вержбник.

По выдвинувшимся вперед частям 184-го полка немцы сосредоточили губительный огонь своей тяжелой артиллерии; пришлось эти части отвести к ночи на прежние их позиции, тем более что соседи их слева (Сибирский гренадерский полк) из ударной группы 25-го корпуса оставались пассивными.

Что же касается немцев, занявших Калков, то около 2 часов в ночь на 17 мая они были выбиты оттуда штыками, дружной атакой пяти рот 184-го полка и бежали в направлении Домброва; русские роты были встречены сильным артиллерийским огнем и, прикрывшись складками местности, отошли несколько назад и утвердились на позиции, примыкая левым флангом к Калков (южный).

В день 16 мая сковывающая группа 25-го корпуса не только с успехом отбила наступление германской дивизии Бредова, но дружной контратакой во фланг атакующего противника пиковала эту дивизию к фронту ее исходного положения. В действиях сковывающей группы обращает на себя внимание сочетание артиллерийских и прочих огневых средств с искусным использованием местности и с применением контратак, но наряду с этим приходится отметить и отрицательную сторону использования артиллерии: отсутствие объединенного управления и сосредоточения артиллерийского огня.

Третий день боя 17 мая. В этот день германцы не предпринимали почти никаких активных действий против сковывающей группы (183-й и 184-й полки) 46-й дивизии, но весь день поддерживали непрерывный и сильный артиллерийский огонь по всему фронту. Только ночью, около 24 часов, противник попытался атаковать левый фланг 183-го полка на участке у выс. 130,7 (в стыке с 184-м полком), но был отбит ружейным и артиллерийским огнем.

Действия 1-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады сводились к следующему.

1-я батарея еще ночью на 17 мая обстреливала треугольную рощу южнее Стыков, южные подступы к ней и окопы севернее рощи, препятствуя попыткам противника перейти в наступление; днем продолжала вести стрельбу по тем же целям.

2-я батарея открыла огонь в 9 ч. 30 м. по Домброва, затем с 16 часов до вечера обстреливала лес к северу от названной деревни и восточную опушку леса, так как в лесу накапливался противник и на деревьях опушки леса устроил себе наблюдательные пункты; огонь по лесу возобновлялся в ночь на 18 мая и усилился с 3 часов.

3-я батарея в первом часу ночи на 17 мая открыла огонь по четырехугольному лесу, что юго-западнее Яблонна, откуда противник повел наступление, и содействовала своим огнем отражению атаки германцев на левый фланг 183-го полка. Около 12 ч. 30 м. открыла огонь по неприятельской артиллерии, замеченной по вспышкам на опушке леса южнее Кучов, и привела ее к молчанию. Около 17 часов командир батареи заметил у Кучов перебежки,

а также рытье окопов и открыл по ним огонь, заставивший противника прекратить работы и скрыться. Затем, по приказанию начальника участка, одним взводом, выдвинутым вперед от батареи, был обстрелян лес, что юго-западнее Яблонна, в котором замечено было накапливание пехоты противника.

Действия батарей 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады, а также батареи 25-го мортирного артиллерийского дивизиона 17 мая свелись к обстреливанию окопов противника на фронте Домброва, Запнев, Буковка и южнее с целью держать там неприятельскую пехоту в подавленном состоянии, причем огонь был настолько действителен, что во многих местах противник был выбит из окопов. «Мортирная» (гаубичная) батарея, кроме того, заставила своим огнем замолчать неприятельскую батарею, расположенную на закрытой огневой позиции и обнаруженную боковым наблюдателем 4-й батареи за высотой, что западнее Буковка.

К вечеру 17 мая прибыла в расположение 184-го полка 2-я батарея 5-й тяжелой артиллерийской бригады, которая заняла выбранную для нее заблаговременно по указанию начальника участка позицию в лощине между западной окраиной Долы Бискупе и «к Год» (см. схему 15).

В день боя 17 мая на фронте сковывающей группы 46-й пехотной дивизии имелось, на участке обороны от Броды до ф. Загае Болеское включительно, 12 батальонов пехоты (считая и 182-й полк, находившийся в резерве корпуса за 184-м полком), 24 пулемета и 42 орудия (не считая 4 тяжелых орудий, прибывших к вечеру). Против этой группы немцы могли противопоставить лишь 6 батальонов, 12 пулеметов, 24 орудия и 8 эскадронов. Понятно, почему в этот день немцы не проявляли активности. Сковывающая группа русских должна была воспользоваться сложившейся благоприятной для нее обстановкой, перейти в наступление и лишить немцев маневроспособности. Но этого сделано не было, что не могло не отразиться на успешности действий всего 25-го армейского корпуса в отношении удара по войскам Бредова, который, по плану командира корпуса, предполагалось нанести после окончательного разгрома опатовской группы австрийцев, успешно начатого ударной группой корпуса.

Это не было сделано по вине русского командования. Что же касается действий мелких войсковых соединений русских, до полков и батарей включительно, то действия их, как и в предшествующие дни боя 15 и 16 мая, вполне соответствовали требованиям активной обороны.

Четвертый день боя 18 мая. По плану командира 25-го корпуса на 18 мая для производства намеченного удара по германской дивизии Бредова ударная группа корпуса (гренадерская дивизия) должна была охватывать правый фланг немцев, а сковывающая группа (183-й и 184-й полки) наступать, сообразуясь с гренадерами.

Австро-германское командование, со своей стороны, решило 18 мая продолжать наступление, начатое 16-го и временно прерванное 17 мая.

Таким образом, наступление германской дивизии Бредова было встречено контрударом русских по всему фронту.

Сообразуясь с соседним гренадерским полком, 184-й пехотный полк начал наступление на Буковка лишь около 12 часов; поддержанный огнем взвода 4-й батареи, прибывшего вперед заблаговременно, по приказанию начальника боевого участка, в район ф. Загае Болеское и занявшего позицию у Шелиги, полк левым флангом подошел к 15 часам к Ямы. Но затем, вынужденный выравнивать фронт с соседними гренадерами, дважды в течение дня приостанавливавшими свое наступление, 184-й полк остановился на линии Домброва, Броневице, где и стал окапываться. Вечером, около 22 часов, полк левым флангом продвинулся вперед к деревне Покржевинце, которая к тому времени была занята правофланговым гренадерским полком ударной группы корпуса (левый фланг ударной группы подошел к поселку Слупя Нова).

К ночи фронт сковывающей группы 25-го корпуса занимал линию Броды, Яблонна, Домброва, Покржевинна.

Результатом боя 18 мая было: а) для русских — задуманное на этот день наступление немцев не удалось, но и выход ударной группы 25-го корпуса на фланг дивизии Бредова для разгрома ее также не удался, несмотря на значительное продвижение вперед левого участка корпуса; б) для немцев — наступление не удалось, но маневр русских с целью выхода на фланг дивизии Бредова был сорван.

Объяснение причин невыполнения задачи, поставленной 25-му корпусу, опять следует искать в неумелом управлении боем русского командования. Силы русских на фронте 25-го корпуса почти вдвое превосходили силы дивизии Бредова, но русское командование расположило свои силы кордоном почти без всякого увеличения плотности, насыщения на фронте решающего удара, тогда как Бредов оказался в центральном районе этого фронта численно сильнее русских, не говоря о значительном превосходстве тяжелой артиллерии.

Что же касается действий отдельных частей русской пехоты и артиллерии, то в общем они были положительными и свидетельствовали о хорошей боевой подготовке и довольно тесном взаимодействии артиллерии с пехотой.

Еще ночью на 18 мая 1-я и 3-я батареи 46-й артиллерийской бригады, по приказанию начальника участка, несколько раз открывали огонь по треугольной роще и четырехугольному лесу, что к западу от Яблонна, останавливая попытки противника перейти в наступление.

В 8 ч. 45 м. 1-я батарея заставила своим огнем мелкие части пехоты и велосипедистов противника очистить Стыков, а затем около 13 часов дня заставила пехоту противника уйти из треугольной рощи, в которой она накапливалась.

2-я батарея в то же время, около 13 часов, обстреливала пехотные цепи противника, отступавшие от Домброва к Павлов; около 18 часов открыла огонь по колоннам неприятельской пехоты

и артиллерии (13 запряжек), движение которых было замечено на дороге из леса, что к северу от Ржепин, в направлении на Павлов.

3-я батарея около 15 часов открыла огонь «по уровню» на дистанцию до 9 км по неприятельской колонне из пехоты с артиллерией, движение которой было замечено на той же дороге из леса севернее Ржепин в эту деревню; огонь был удачен и заставил пехотную колонну рассыпаться, а артиллерию скрыться галопом по дороге на Павлов.

Прибывший в распоряжение командира 1-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады взвод 122-мм гаубичной батареи (25-го мортирного артиллерийского дивизиона) стал к 7 часам утра на позицию в лесу у юго-восточной окраины Крынки, имея наблюдательный пункт рядом с наблюдательным пунктом командира 3-й батареи. Гаубичный взвод пристрелялся по окопам противника на восточной опушке треугольной рощи и леса, что к северу от Домброва, а в 13 ч. 45 м. открыл огонь по окопам южнее треугольной рощи, причем видно было, как одна граната разорвалась в самом окопе; в 16 ч. 30 м. гаубичный взвод стал обстреливать четырехугольный лес, с деревьев которого немцы обстреливали русские окопы.

Батареи 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады, оставаясь на прежних своих позициях (см. схему 15), оказывали огневую поддержку наступлению левофланговых частей 184-го полка. Выделенный из 4-й батареи взвод, о котором упоминалось выше, выполнил свою задачу блестяще и оказал существенную помощь наступлению левофлангового батальона, с которым действовал в тесной связи. Удачным огнем 5-й и 6-й батарей противник быстро был выбит из окопов в районе Домброва, «к Домбр.», Запнев. Затем 4-я и 6-я батареи выбили своим огнем немцев из окопов в районе Буковка. В то же время гаубичная батарея (25-го мортирного дивизиона) удачно обстреливала окопы между Буковка и Велиборовище, а также вела борьбу с артиллерией противника, заставляя несколько раз временно замолкать одну из его батарей. Тяжелая батарея, по приказанию командира 2-го дивизиона, вела огонь по неприятельской артиллерии, стоявшей за высотой у южной окраины Павлов, и пристреливалась к костелу у ф. Павлов, что севернее указанной высоты.

По распоряжению начальника боевого участка, 4-я и 6-я батареи к вечеру переменили позиции для содействия наступлению левого батальона 184-го полка; 6-я батарея стала в лощине между Долы Бискупе и «к Год» и тотчас пристрелялась по окопам у Буковка, по д. Запнев и роще к северо-западу от нее; 4-я батарея стала у опушки леса восточнее Вюры (схемы 14 и 15).

Пятый день боя 19 мая. Бой к вечеру 18 мая не затих и продолжался в течение всей ночи на 19 мая. Русские и германские атаки и контратаки чередовались между собой. К началу 1-го часа левый фланг 184-го полка продвинулся к Хыбще; в то же время образовался разрыв у Буковка, чем воспользовались немцы и от-

крыли по этому участку сильный ружейный и пулеметный огонь, но не успели двинуться в атаку, как разрыв был заполнен выдвинутым вперед участковым резервом. Однако фронт 184-го полка сильно растянулся, полковые резервы были уже израсходованы; из опасения прорыва начальник 46-й дивизии подтянул в район Вюры один батальон 182-го пехотного полка из корпусного резерва, но не решался его расходовать без разрешения командира корпуса.

В течение ночи немцы вели яростные атаки не только на 184-й, но и на правофланговый 183-й пехотный полк. Атаки эти успешно отражались при содействии огня батарей 1-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады, но все же немцам удалось закрепиться на опушке леса, что западнее Яблонна, и в некоторых местах оплести опушку проволокой. Контратаки 183-го полка с целью овладеть этой опушкой леса не удались.

Пленные немцы, взятые на фронте дивизии Бредова, показали, что к нему подошли подкрепления. К утру настойчивые атаки немцев стали угрожать прорывом центра оборонительной линии 25-го корпуса. Командир корпуса потерял надежду разгромить Бредова, но полагая, что активные действия могут лучше всего обеспечить успех обороны, он решил продолжать наступление и 19 мая, отвечая ударами на атаки противника. Для этого было приказано: 3-й гренадерской дивизии (левый боевой участок корпуса) продолжать выполнять поставленную задачу; 46-й дивизии перейти в контрнаступление на всем ее фронте, причем за нею оставался в корпусном резерве понрежнему 182-й полк.

По распоряжению начальника 46-й дивизии, 183-й полк, составивший правый участок, должен был наступать в полосе между р. Каменная и южной опушкой леса, что севернее Ржепин, а 184-й полк, составивший левый боевой участок, наступать левее в полосе от указанной опушки леса до линии Котаршин, Ядовники (вкл.).

Наступление 183-го полка не имело успеха. Дойдя до восточной опушки леса, что к северу от Ржепин, полк остановился, не имея возможности пройти через проволочные заграждения. Один из батальонов полка, направленный в обход левого фланга противника, занял Стыков, но, встретив сильное сопротивление, дальше продвинуться не мог и стал окапываться. Около 14 часов немцы при поддержке сильного артиллерийского огня повели наступление против левого фланга 183-го полка со стороны Домброва, которая вновь перешла в их руки.

184-му полку удалось оттеснить немцев за р. Свислина на заранее ими подготовленные позиции, усиленные проволочными заграждениями.

Во время атак 183-го и 184-го полков между ними и соседями справа и слева образовались разрывы, которыми германцы старались воспользоваться и обратить их в прорывы, но контратаками русских резервов положение восстанавливалось.

Наступление гренадер левого боевого участка корпуса привело лишь к частным успехам, но овладеть линией Хыбице, Слупя Нова гренадерам не удалось.

Содействие артиллерии наступлению 183-го и 184-го полков 19 мая выразилось в следующем.

В 6 часов утра 1-й дивизион 46-й артиллерийской бригады получил задачу: «всеми батареями открыть огонь для подготовки атаки Пултусского полка» (183-го). Был еще сильный туман, а потому стрельба велась по почным данным, приблизительно до 8 ч. 30 м., когда туман рассеялся.

1-я батарея открыла огонь в 6 часов по треугольной роще и через полчаса перенесла его в глубину рощи; после пяти очередей роща была оставлена противником. Затем батарея стреляла по четырехугольному лесу, откуда противник встретил атакующие пехотные части сильным ружейным и пулеметным огнем. В 10 часов батарея заняла новую позицию, на 1 км вперед, южнее и уступом относительно 3-й батареи; с этой позиции пристрелялась по прежним целям. В 16 часов открыла огонь по неприятельской пехоте накапливающейся южнее Стыков.

2-я батарея в 6 часов открыла огонь по четырехугольному лесу и вела его с перерывами приблизительно до 13 ч. 30 м. В этот же период времени обстреляла большую походную колонну противника, двигавшуюся к Ржепин из леса, что севернее этой деревни. Около 14 часов батарея обстреляла Домброва, зажгла ее своим огнем и сбила пулеметы противника, поставленные на крышах некоторых домов. Почти в то же время отбила своим огнем наступление немцев, стремившихся захватить два пулемета, оставленные русской пехотой перед своими окопами, и помогла спасти эти пулеметы. В 20 часов батарея стала обстреливать Домброва и лощину юго-западнее этой деревни, в которой замечено было накопление германской пехоты с пулеметами.

3-я батарея в 6 ч. 40 м. присоединилась своими двумя взводами к выдвинутому 16 мая вперед взводу и стала на огневой позиции южнее высоты у Крынки (западной). Выдвинутый взвод уже с 6 часов обстреливал четырехугольный лес, по которому был пристрелян ранее. Присоединившиеся к взводу четыре орудия могли открыть огонь лишь с 8 часов, так как из-за тумана не могли вести пристрелку. Около 10 ч. 30 м. батарея остановила своим огнем перебежки неприятельской пехоты, замеченные в лощине к юго-западу от Стыков. С 11 ч. 30 м. обстреливала треугольную рощу.

Взвод 1-й гаубичной батареи (25-го мортирного дивизиона) открыл огонь по той же треугольной роще с 6 ч. 30 м., а с 8 до 13 часов обстреливал четырехугольный лес. По приказанию начальника боевого участка, гаубичный взвод около 15 часов стал переходить на новую позицию у Броды (за р. Каменная), куда прибыл около 19 часов и начал вести пристрелку по треугольной роще косоприцельным огнем с северо-востока.

Весь день стрельба батарей 1-го дивизиона велась по приказаниям начальника боевого участка или по указаниям командира дивизиона, а также по личной инициативе командиров батарей.

Расход снарядов в этот день был много больше, чем в предыдущие дни, а именно было израсходовано: 1-й батареей 431 шрапнель, 2-й батареей 272 шрапнели и 60 гранат, 3-й батареей 444 шрапнели, гаубичным взводом 63 гранаты и 27 шрапнелей.

Командир 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады, согласно полученным указаниям начальника боевого участка, приказал своим батареям к 6 часам выдвинуться вперед на новые позиции для более тесного ближайшего содействия наступлению пехоты. Но затем это распоряжение было отменено, батареям приказано было возвратиться на прежние позиции, и им поставлена была задача: «мешать противнику строить новые окопы и укреплять позицию». Исполняя эту довольно неопределенную задачу, батареи в течение всего дня обстреливали разные участки неприятельского расположения, главным образом по усмотрению своих командиров, не позволяли противнику обстреливать ружейным огнем русские окопы и тем мешать нашей пехоте устраиваться на позиции.

Можно указать лишь на следующие отдельные эпизоды действия артиллерии левого участка 46-й дивизии за день 19 мая.

В 6 ч. 45 м. утра немцы повели атаку в районе Домброва. Этот участок находился под наблюдением 5-й батареи, но в это время 5-я батарея занята была переездом на новую позицию; поэтому командир дивизиона приказал 6-й батарее содействовать отбитию атаки.

6-я батарея открыла огонь по окопам противника в районе Домброва, Запнев. Стрельба была очень удачна. Атака была отбита. В 9 ч. 30 м. была обстреляна долина р. Свислина к юго-западу от Домброва, в которой предполагались резервы противника. Затем удачным огнем 6-й батареи была рассеяна полурота противника, начавшая рыть окопы севернее Домброва, и нанесено было поражение неприятельской колонне силою около двух рот, появившейся в районе Запнев.

4-я батарея нанесла поражение неприятельской колонне силою около двух рот, направлявшейся от Хыбице на Буковка; затем удачно обстреляла западную часть Буковка, где было замечено накопление противника.

Окопы противника, идущие в три ряда между Буковка и Хыбице, были удачно обстреляны также 6-й батареей.

Гаубичная батарея (4 легкие 122-мм гаубицы) 25-го мортирного дивизиона заставила неприятельскую батарею, обстреливавшую русские окопы в районе Калков, прекратить огонь. Она же своим огнем сильно повредила окопы противника в районе Буковка, от ружейного огня из которых очень страдала одна из рот 184-го полка; огонь из этих окопов прекратился.

Что касается тяжелой батареи, прибывшей в распоряжение 184-го полка вечером 17 мая, то эта батарея держала под огне-

вым наблюдением наблюдательный пункт противника, предполагаемый на колокольне костела у Павлов, и погасила огонь неприятельской батареи, стоявшей за высотой у Павлов. Затем, по приказанию начальника дивизии, обстреливала восточную часть леса, что севернее д. Ржепин, в котором накапливался противник.

Сильные потери, особенно в 46-й дивизии (в некоторых ротах потери достигли 75% состава, причем офицеры убыли полностью; за один день 19 мая 183-й полк потерял 10 офицеров и 620 солдат), принудили 25-й корпус к вечеру 19 мая остановиться на занятых позициях.

В описании боевых действий 184-го полка большие потери объясняются наступлением пехоты по совершенно открытой местности под сильным ружейным огнем и «главное, под огнем тяжелой артиллерии».

К 21 мая выяснилось, что дальнейшее упорство в развитии контрудара впереди оборонительной позиции причинит только бесцельные потери в людях и вызовет излишний расход боеприпасов. Поэтому командир 25-го корпуса приказал прекратить наступление и укрепиться на занятых позициях, а затем в ночь на 22 мая отойти на свои прежние позиции, где 4-я русская армия должна была обороняться.

Активная оборона только одного корпуса отозвалась на всем огромном протяжении фронта 4-й армии — свыше 160 км от р. Вислы до р. Пилицы,— заставив противника притянуть к этому фронту новые силы и довести численность их до 145 батальонов, не говоря уже о том, что активной обороной 25-го корпуса была оказана существенная поддержка соседям, особенно 31-му корпусу, положение которого было крайне тяжелым.

Переходя к общей краткой оценке действий русской артиллерии в пятидневном сражении 25-го корпуса под Опатовым, необходимо прежде всего заметить, что с началом сражения артиллерия была распределена по полковым боевым участкам пехоты, не исключая корпусной 122-мм гаубичной и даже тяжелой артиллерии, причем в полковых участках артиллерийские дивизионы нередко делились и придавались побатарейно батальонам, а иногда дробились даже и батареи выделением отдельных взводов, придаваемых ротам для непосредственной их поддержки. Этим как бы выражалось стремление к установлению более тесной связи и ближайшего сотрудничества артиллерии с пехотой, но необходимая органическая действительная связь все же далеко не была установлена. Дробление артиллерии на части с придачей их не только полкам, но и более мелким подразделениям пехоты привело к тому, что никакого объединенного управления артиллерийским огнем не было; командиры артиллерийских дивизионов оставались в течение 5 дней сражения по большей части не у дел, не говоря уже о командире 46-й артиллерийской бригады, роль которого совершенно игнорировалась (о нем даже не упоминается в архивных документах). Между тем в руках командира артиллерийской бригады, являвшегося начальником артиллерии, приданной

всему правому боевому участку 25-го корпуса, можно было и должно было организовать артиллерийский «кулак», выделив в состав его часть легких батарей, 122-мм гаубичную батарею и тяжелую батарею, чтобы таким «кулаком» наносить мощные огневые удары в решающих направлениях главной атаки, задуманной старшим общевойсковым командованием.

Дробление артиллерии в данном случае привело к тому, что боевая работа артиллерии 46-й дивизии в сражении под Опатовым свелась к отдельным разрозненным действиям, имеющим характер довольно случайных эпизодов; в результате подобного дробления артиллерии стрельба батарей и выделенных из них взводов велась по самым разнообразным целям, разбросанным по широкому фронту противника, указываемым то командирами мелких пехотных подразделений, то начальниками боевых участков, то изредка командирами артиллерийских дивизионов, или обнаруживаемым самими командирами батарей и артиллерийских взводов. Во всех таких частных случаях артиллерийская стрельба отличалась большим искусством и наносила поражение противнику. Но в общем подобная разрозненная стрельба артиллерии не может привести и не привела к нанесению поражения, обеспечивающего успех главного удара в решающем направлении. К тому же задачи, которые ставились артиллерии пехотными начальниками, не всегда отвечали ее свойствам, а иногда не заслуживали внимания, чтобы на выполнение подобных задач второстепенного характера тратить дорогие артиллерийские снаряды: например, задача обстрела колокольни костела, на которой предполагался наблюдатель противника, поставленная тяжелой батарее. Вообще в сражении у Опатова 122-мм легкой гаубичной и 152-мм тяжелой русским батареям ставились малозначащие задачи, а потому они не в состоянии были оказать существенную помощь своей пехоте.

При обороне артиллерия не должна быть все время привязана к одной первоначально занятой позиции; обстановка может ее заставить маневрировать не только в отношении перемены направления огня, но и в отношении перемены наблюдательных пунктов и огневых позиций. Но в боях под Опатовым командиры пехотных полков заставляли подчиненную им артиллерию неоднократно менять позиции, главным образом в целях притянуть ее поближе к боевым линиям своей пехоты для непосредственной поддержки, не сообразуясь с тем, а быть может и не понимая того, что артиллерия, расположенная не близко и в стороне от своей пехоты, окажет ей более существенную поддержку своим если не фланговым, то косоприцельным огнем, чем занимающая позиции непосредственно в затылок за своей пехотой и стреляющая через нее фронтальным огнем. Повидимому, пехотные начальники не отдавали себе отчета в том, что важно организовать прочную связь со своей артиллерией, иметь в боевых линиях пехоты передовых артиллерийских наблюдателей, которые своевременно передадут своим батареям о всех нуждах, предъявляемых пехотой к артиллерии, и что нет надобности располагать батареи на огневых пози-

циях в непосредственной близости к своей пехоте. Необходимо считаться и с тем, что перемена артиллерийских позиций сопряжена с потерей времени и недопустимыми в бою перерывами в артиллерийском огне. Поэтому перемена позиций должна производиться не сразу всеми батареями, а постепенно: одни батареи переезжают на новые позиции, другие в это время продолжают усиленно стрелять. Между тем в бою 19 мая все батареи 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады должны были, по приказанию начальника боевого участка, переехать вперед на новые позиции, а затем, когда батареи уже снялись с прежних своих позиций и начали переезд, приказание было отменено, и им пришлось возвращаться назад; при этом было потеряно немало времени на переезд с позиции на позицию, и произошел перерыв в стрельбе артиллерии в то время, когда необходимо было отражать атаку немцев в районе Домброва. Должна была отражать эту атаку 5-я батарея, но она была занята переменой позиций и так много потеряла времени на переезды, что почти не открывала огня в этот день боя.

В сражении под Опатовым управление огнем русской артиллерии не объединялось, а потому не имело места и сосредоточение артиллерийского огня по важнейшим целям. Отчасти поэтому же не было и надлежащей борьбы с неприятельской артиллерией; между тем такая борьба могла бы быть успешной, особенно на участке сковывающей группы 46-й пехотной дивизии, так как на этом участке русские имели значительное превосходство сил не только в отношении пехоты, но и по числу орудий — 17 мая 42 русским орудиям немцы могли противопоставить лишь 24 орудия. Во всяком случае, при планомерно организованной борьбе русской артиллерии с германской русская пехота не понесла бы таких больших потерь, какие она имела в бою 19 мая главным образом от огня тяжелой артиллерии немцев.

Несомненно, что при централизованном управлении была бы обеспечена возможность сосредоточения и массирования артиллерийского огня в требуемых решающих направлениях, что могло бы привести к осуществлению идеи командира 25-го русского корпуса, т. е. к переходу от обороны к общему наступлению и к разгрому германской дивизии Бредова.

В начале июня немцы атаковали русских на р. Дубисе и заставили их отойти за реку.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев сознавал невозможность при создавшемся положении вести операцию на длинном растянутом фронте без резервов и при недостатке боеприпасов, а потому предлагал сократить фронт отходом к Варшаве и к р. Нареву. Но ставка верховного главнокомандующего медлила с окончательным решением, не желая лишаться плацдарма на левом берегу Вислы.

Два месяца русские, потеряв инициативу действий, вели операции без определенной цели, без общего плана, тонкой цепочкой линии корпусов, представляющей богатую пищу для поражения их сосредоточенными силами германцев. Русские армии были истощены уже к июлю 1915 г.; некомплект людей только на Юго-Западном фронте доходил до полумиллиона, а некомплект боеприпасов до 60% установленной нормы.

При создавшихся условиях силы сторон для борьбы были совершенно неодинаковы, и вся задача генерала Алексеева свелась к выводу русских армий из-под того удара, который предполагало нанести им немецкое командование. Алексеев последовательно отводит свои армии — 22 августа на линию Осовец, Дрогичин, Янов, 30 августа на линию Гродно, Пружаны, все время ускользая от германской ловушки.

К октябрю русские армии генерала Алексеева заняли фронт: оз. Дрисвяты, оз. Нарочь, м. Сморгонь, м. Делятичи на р. Немане. Этим закончились маневренные операции на русском фронте 1915 г., и в скором времени обе стороны перешли к позиционной войне на всем фронте от Балтийского моря до румынской границы.

ГЛАВА IV

ОПЕРАЦИЯ В РАЙОНЕ ОЗЕРА НАРОЧ

(18—22 марта 1916 г.)[1]

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ГРУППИРОВКА

В феврале 1916 г. на французском фронте германцы начали атаку на Верден, что требовало от русских оказания помощи французам, как это было обусловлено в декабре 1915 г. на конференции в Шантильи. В русской ставке 24—25 февраля 1916 г. состоялось совещание главнокомандующих фронтами для выработки плана наступательных операций.

Верховное русское командование в целях отвлечения на себя германских сил с французского фронта решило провести наступательную операцию в широких размерах левым флангом Северного фронта и правым флангом Западного в районе г. Двинска, оз. Нарочь, оз. Вишневское (схемы 16 и 19). Главной операции должны были содействовать второстепенные операции Северного фронта со стороны Якобштадта на Поневеж и Западного фронта со стороны Сморгони[2] на Вильно.

Оперативное направление русского наступления не только прикрывало пути на Петроград и на Москву, но при успехе прорыва германского фронта удачное наступление от Двинска, оз. Нарочь на Ковно могло отрезать виленскую группу немцев от переправ через р. Неман, а концентрическим ударом по сходящимся направлениям на Поневеж, Свенцяны, Вилькомир (на схеме 16 показан под новым названием — Укмердже) создавалась серьезная угроза сообщениям противника: мог быть опрокинут весь северный участок германского фронта в России.

---

[1] Источники: ЦГВИА, дела 369 (л. 10, 186, 187, 303—510), 332, 442, 443, 385—516, 385—517. ЦГВИА, личный архив Е. З Барсукова; Записка о действиях артиллерии во время операции на Западном фронте 5—15 марта 1916 г. Составлена Упартом, изд. штаба главковерха. Доклад полковника Гриппенберга „Нарочская неудача". *А Зайончковский*, Мировая война 1914—1918 гг., ГВИЗ, 1924 г. *Е. Барсуков*, Русская артиллерия в мировую войну, т. II, Воениздат, 1940 г. *Людендорф*, Воспоминания. *Фалькенгайн*, Верховное командование.

[2] Сморгонь на схеме 16 не показана. Сморгонь на р. Вилия, в 70—75 км к югу от Поставы.

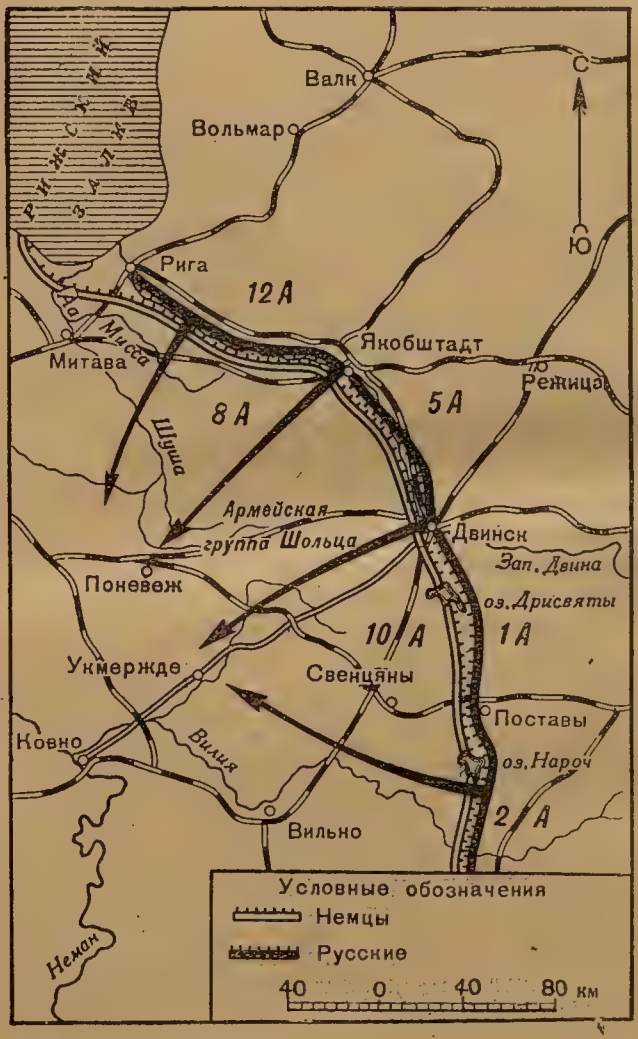


Схема 16. Мартовская операция 18—28 марта 1916 г. Общая обстановка.

Соотношение сил складывалось благоприятно для русских, в особенности в отношении живой силы пехоты и конницы, как это видно из нижеследующих данных:

	Северный фронт			Западный фронт		
	русские	германцы	сравнение	русские	германцы	сравнение
Батальонов	363	181	+ 187	917	382	+535
Штыков	266 400	159 300	+ 107 100	642 700	336 200	+306 500
Эскадронов	263	128	+ 135	526	144	+382
Сабель	32 700	19 200	+ 13 500	65 100	21 600	+43 500

Но если в отношении числа штыков и сабель русская армия на Северном и Западном фронтах превосходила почти вдвое противостоящую армию противника, то в отношении технических средств, главным образом по числу и могуществу тяжелой артиллерии, германская армия и ко времени мартовской операции 1916 г. оставалась значительно сильнее русской.

На всех русских фронтах к марту 1916 г. насчитывалось лишь 440 полевых тяжелых орудий современного типа калибром не свыше 152 мм; кроме того, имелось 516 тяжелых орудий устаревших систем из крепостей. Даже полевых легких 122-мм гаубиц, которые приходилось применять для разрушения вместо тяжелых, состояло тогда на вооружении лишь 585.

Генерал Алексеев, сообщая генералу Жоффру о бедности русской армии тяжелыми орудиями, заканчивал свое письмо: «...Отсюда понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

Не богата была в то время русская артиллерия и снарядами как в отношении их наличия, так и в отношении работы снарядной русской промышленности, а именно:

	Снарядов на единицу оружия	
	наличие	готовилось в день
На 76-мм пушку	1 270	12
На 122-мм гаубицу	540	5
На тяжелое орудие	685	15 на пушку и 4 на гаубицу

Словом, технические артиллерийские средства, имевшиеся в то время в распоряжении русской армии, далеко не соответствовали поставленной русским командованием грандиозной наступательной задаче прорыва сильно укрепленной позиции противника.

Наконец, климатические условия, с которыми вообще мало считались, не давали на этот раз русскому командованию надежд на удачное выполнение широких замыслов оттеснения германцев за пределы России.

Операцию предполагалось начать тотчас же после завершения войсковых перегруппировок, которые могли закончиться лишь к 18—20 марта. Между тем в районе Двинска и Вильно, представляющем собой лесистые, болотистые низменности с множеством рек и озер, нельзя ожидать успеха от наступления в широких размерах в марте вследствие препятствовавшей этому весенней распутицы. Это было известно командованию, об этом доносили войсковые начальники.

Главкозап генерал Эверт сообщал 13 марта генералу Алексееву, что по предположениям обсерватории и по климатическим данным за прошлые годы можно ожидать весенней распутицы в середине марта, если не раньше, и что тогда район бывает крайне тяжел или вовсе непригоден для военных действий: «большие болотистые пространства становятся непроходимыми, многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь, почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным».

Но у русского верховного командования нехватало характера отказать в немедленной помощи англо-французам, и оно не решилось отложить операцию. Напротив, стали торопиться начать операцию не позже 18 марта, чтобы оттепель не отодвинула ее на 1½—2 месяца.

Атака началась во 2-й и 1-й армиях 18 марта, а в 5-й армии 21 марта, несмотря на то, что к этому времени еще не было закончено сосредоточение и не вся артиллерия была подтянута к фронту. Для надлежащей подготовки атаки было мало времени, хотя предварительная подготовка фактически началась еще в первых числах марта. Далеко не все необходимые мероприятия, которые должны предшествовать прорыву укрепленной полосы, были полностью осуществлены к началу атаки.

Фактически главный удар наносился на Западном фронте 2-й русской армией, занимавшей десятью корпусами участок Медзины — оз. Вишневское протяжением свыше 90 км, из которых до 25 км приходилось на береговую полосу больших озер (схемы 17, 18 и 19).

Согласно директиве Алексеева, на 2-ю армию возлагалась задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося

Схема 17. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

Зак. 1932

перед фронтом армии, а затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты [1].

Одновременно вспомогательный удар справа должна была нанести 1-я армия своим левым флангом. Остальные армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой и в случае успеха 2-й армии перейти в общее наступление.

Штабу 2-й армии было трудно управлять десятью корпусами, вследствие чего допущена была организация импровизированных групп без наличия особого органа управления в каждой группе, послужившая одной из главных причин провала операции. В боевых операциях следует вообще всемерно избегать импровизации, в особенности при организации управления. Если одному штабу 2-й армии действительно было трудно совладать с управлением десятью корпусами, то следовало образовать две армии — каждую со всеми органами полевого управления и обеспечения операции, не исключая устройства тыла каждой армии. Генерал Алексеев сознавал дефекты организации управления во 2-й армии, но высказал это генералу Эверту лишь 3 апреля, когда операция фактически уже закончилась полной неудачей.

Организованы были три группы: генерала Плешкова — в составе 1-го, 27-го и 1-го Сибирского корпусов и 7-го кавалерийского корпуса; генерала Балуева — в составе 5-го, 36-го и 3-го Сибирского корпусов с Уральской казачьей дивизией; генерала Сирелиуса — в составе 34-го и 4-го Сибирского корпусов.

Решено было прорвать расположение противника одновременной атакой флангами: на участке Медзяны, Дуки группой генерала Плешкова и на участке в промежутке между озерами Нароч и Вишневское группой генерала Балуева. Группа Сирелиуса получила задачу: «демонстрируя энергично» (?) на участке Дуки, оз. Нароч, атакой на участке Черняты, Лотва «сковать противника», находящегося перед фронтом группы (схемы 17, 18 и 19).

Для развития успеха за правым флангом армии был расположен 15-й, а за левым — 35-й корпус, составлявшие резерв главкозапа.

2-я армия была в общем слабо обеспечена артиллерией, в особенности тяжелой. На 10 пехотных корпусов имелось лишь около 1 000 легких орудий, т. е. на 1 000 штыков приходилось приблизительно 2½ орудия, тогда как к тому времени уже выяснилась норма — иметь при атаке до 8—10 орудий на 1 000 бойцов; тяжелых же орудий, и то не свыше 152-мм калибра, имелось лишь около 150, т. е. ничтожное количество для обширного фронта до 60 км (групп Плешкова и Балуева).

Что же касается плотности на 1 км, то она была достигнута довольно значительная для русского фронта — в среднем до 12—18, а на отдельных участках до 35 орудий разных калибров. Однако плотность эта далеко не достигала нормы, установившейся на ан-

---

[1] Медзяны в 2,5 км к северу от Аймуны (схема 17). Михалишки и Гервяты к юго-западу от Свенцяны в направлении на Вильно до р. Вилия (схема 16).

Схема 18. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

гло-французском фронте — до 100 орудий на 1 км, и исчисляемой Эвертом после мартовской операции — до 100—120 орудий на 1 км.

На участке главного удара на Западном фронте были собраны в общем довольно внушительные силы русских, но если бы русское главное командование сосредоточило все усилия только на одном избранном решающем направлении, отказавшись от комбинированного удара с двух фронтов — Северного и Западного и сузив участок главного удара на Западном фронте, то оно могло бы сосредоточить на этом участке в 40—50 км до 40 пехотных и 5 кавалерийских дивизий и до 2 000 орудий, в том числе до 400 тяжелых. При таком почти четырехкратном превосходстве в живых силах и в артиллерии над противником возможно было бы при надлежащей подготовке и своевременном начале операции не только обеспечить успех прорыва укрепленной полосы противника, но и окончательно раздавить его.

В зависимости от задач и условий местности, имевшаяся во 2-й армии артиллерия была распределена между группами следующим образом.

Группа генерала Плешкова

(схема 17)

1-й армейский корпус имел задачу: прорвать расположение противника на фронте Ковальтишки, Вилейты, захватив вторую линию Лодзеи, Ляховичи и тыловую — к северу от Годутишки. Участок главной атаки по фронту около 4 км.

Артиллерия корпуса под начальством инаркора генерала Масальского: 22-я артиллерийская бригада (36 орудий), 1-й дивизион 59-й артиллерийской бригады (18 орудий) и 1-й мортирный дивизион (12 гаубиц), всего: 76-мм пушек — 54 и 122-мм гаубиц — 12. После неудачной атаки 19 марта эту артиллерию усилили, добавив из группы генерала Закутовского две батареи 152-мм гаубиц (7 орудий) и одну батарею 107-мм пушек обр. 1877 г.

1-й Сибирский корпус получил задачу: прорвать противника на фронте Вилейты (искл.), Можейки, направляя главный удар на участок Бучелишки, Можейки. Участок главного удара — около 2,5 км, весь участок — 5,5 км. После прорыва захватить вторую линию обороны Интока, Свилели, Яржево и тыловую — Мольдзевичи, Олься.

Артиллерия корпуса: 1-я и 2-я Сибирские артиллерийские бригады, всего 76-мм пушек — 72.

27-й армейский корпус должен был: после прорыва расположения противника войти в линию между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами, атакуя участок Годутишки, Мольдзевичи и, далее, наступая правым флангом вдоль железной дороги на Лынтуны.

Артиллерия 27-го корпуса (45-я и 76-я артиллерийские бригады и 27-й мортирный дивизион) была передана в особую артиллерийскую группу генерала Закутовского. Вместо нее 22 марта 27-му

корпусу были приданы 6-й и 14-й тяжелые артиллерийские дивизионы, всего 107-мм пушек — 8 и 152-мм гаубиц — 16. Затем, 20 марта, корпусу была возвращена 76-я артиллерийская бригада (36 легких 76-мм пушек).

Артиллерийская группа генерала Закутовского, подчиненная непосредственно генералу Плешкову, получила общую задачу содействовать прорыву, обратив особое внимание на: а) интенсивный обстрел узлов Ковальтишки, Матишки; Голатыльцы, Вилейки; Микулишки, Бучелишки (общий фронт каждого из этих узлов около 2 км); б) подавление артиллерии противника на участках: Лоси, Лоздзеи; западнее Лапинского леса (в направлении Яржево, Ольсяя); Литвинки, Дворочаны, Ананичи и Загач (общее протяжение участков до 16 км); в) фланкирование участков Вилейты, Ковальтишки; Можейки, Новый Двор, Дуки, Ширки (протяжение первого участка 3,5, второго — 9 км); г) образование «достаточного» числа проходов в проволочных заграждениях к пунктам атаки (это неопределенное задание было уточнено 14 марта указанием, чтобы на фронте Бучелишки — Можейки сделать четыре прохода по 40 м); д) подготовку к атаке второй линии обороны противника: Лоздзеи, Ляховичи, Интока, Свилели, Яржево (протяжением 7 км); е) непосредственную поддержку атаки 1-й и 2-й неприятельских линий (с выдвижением артиллерии вперед).

В общем эти довольно неопределенные задания не соответствовали силам артиллерии группы Закутовского и не были достаточно увязаны с обстановкой. Например, предусматривался обстрел «узлов», а о разрушении окопов между ними не упоминалось.

Группа Закутовского имела следующий состав: 76-мм легких пушек — 72 (45-я и 76-я артиллерийские бригады, из них 76-я была возвращена 27-му корпусу, как упоминалось, 20 марта), 107-мм пушек обр. 1877 г.— 12, 122-мм полевых гаубиц — 60, 152-мм пушек в 120 пуд.— 12, 152-мм гаубиц — 32 (из них 20 крепостных).

Артиллерия группы Закутовского была распределена, в свою очередь, на 5 малых групп: 1-я генерала Андреева (45-я артиллерийская бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 2-я полковника Макшеева (76-я артиллерийская бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 3-я генерала Руктешеля — 12 полевых 122-мм гаубиц, 8 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд.; 4-я полковника Яковлева — 24 полевые 122-мм гаубицы, 12 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 107-мм пушек обр. 1877 г.; 5-я полковника Наденна — 24 полевые 122-мм гаубицы и 12 тяжелых 152-мм гаубиц.

Подготовительные работы по выбору огневых позиций артиллерии и ее расстановке были начаты еще до получения указанных задач, причем генералом Плешковым было приказано давать исполнителям только частные задачи, не разъясняя общей обстановки. Впрочем, и сам Плешков при организации его группы, 27 февраля, не получил от командующего 2-й армией указаний о наступлении

Генерал Закутовский к разработке задач, поставленных его артиллерийской группе, не привлекался. Состоявший для поручений

по артиллерийской части при главкозапе известный в то время артиллерист генерал Беляев, прибывший в район группы Закутовского 4 марта, убедился к своему удивлению в полной неосведомленности Закутовского о предстоящих действиях. При таких условиях выбор позиций для артиллерии Закутовского не мог быть сделан в соответствии с теми задачами, которые ей были поставлены.

Мало того, задача, ранее поставленная группе Плешкова, была 12 марта несколько изменена. Так:

1-му армейскому корпусу атаковать на фронте Вилейты, Бучелишки, направляя главный удар на участок лес южнее Вилейты, Бучелишки. Общий фронт атаки — около 3,5 км, фронт главного удара — около 2 км.

1-му Сибирскому корпусу атаковать фронт Бучелишки, Можейки, направляя главный удар на участок Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (северо-западнее Можейки) и удерживая фронт Можейки, Дуки. Весь фронт атаки — 3,5 км, фронт главного удара — до 2 км.

27-му армейскому корпусу, с приданным ему 6-м и 14-м тяжелыми артиллерийскими дивизионами, вести бой в направлении Поставы, на Олься, Оцковичи (в 4 км на юго-запад от Олься).

Артиллерийской группе Закутовского развить наиболее мощный огонь преимущественно по неприятельской позиции Вилейты, Можейки (фронт около 6 км), по артиллерийским группам противника и по тылу его позиции.

Известно, какое отрицательное влияние на успех операции имеет изменение задач. В данном случае первоначальной руководящей идеей Плешкова был разгром укрепленных узлов Голатыльцы, Вилейты, в соответствии с чем ставились задачи и размещалась артиллерия. В действительности же атака велась на район Микулишки, Папин на 2 км южнее, причем на соответственное перемещение артиллерии времени уже не было.

Перед началом операции Плешковым был издан ряд инструкций и наставлений, большинство указаний которых являлось «общими местами» с напоминаниями о необходимости «детальной разработки плана предстоящих действий» и даже с учетом «возможных случайностей боя и противодействия неприятеля», о необходимости заблаговременной организации надежной связи между частями артиллерии Закутовского и связи ее с частями артиллерии всех корпусов, о необходимости «непрерывного и целесообразного взаимодействия артиллерии и пехоты», заблаговременной разработки соображений для переезда артиллерии на новые позиции с целью подготовки атаки тыловой позиции противника и пр.

Предписанием 6 марта предлагалось артиллерии стать на позиции и быть готовой к открытию огня: всей тяжелой — к 10 марта, гаубичной — к 11-му, одной легкой артиллерийской бригаде 27-го корпуса к 10-му (заняв позицию к югу от м. Поставы), всей

остальной легкой — к 12 марта. Предлагалось начать пристрелку немедленно по постановке батарей на позиции, ведя ее одиночными выстрелами и не одновременно, чтобы «не обнаружить себя противнику»; всем артиллерийским начальникам предлагалось представить по команде, немедленно после личной рекогносцировки, точные схемы расположения батарей с указанием секторов обстрела, связи и с перечнем полученных задач; инаркором предписывалось организовать «такое снабжение боевыми припасами, чтобы ни в коем случае не могло быть задержек в развитии артиллерийского огня» и т. д.

Кроме того, 16 марта Плешковым была дана «Инструкция инспектору артиллерии группы», в которой указывалось:

а) Начать артиллерийскую подготовку 18 марта с 8—9 часов, как только прояснится туман, и сначала демонстративно в течение трех часов обстреливать участок оз. Можейское, д. Новый Двор (участок этот южнее района атаки), «обстреливая одновременно с особым вниманием участок Матишки, Бучелишки, Лапинский лес [1], особенно последний, и 2-ю линию обороны».

б) Затем перевести главную массу артиллерийского огня на участок главного удара Матишки, Бучелишки, Лапинский лес (фронт около 8 км), произведя перенос огня сразу после обстрела участка оз. Можейское, Новый Двор, не прекращая совершенно огня по последнему (фронт около 6 км).

в) Обстрел участка главного удара вести напряженно и непрерывно, прикрывая движение пехоты до ее приближения к неприятельским окопам; когда же будет опасность поражения своих, огонь перенести на фланги, на соседние и те тыловые участки, откуда можно ожидать подхода резервов и контратак.

г) Обстрел неприятельской артиллерии производить по мере действительной надобности, чтобы принудить ее к молчанию.

д) В первую очередь обстреливать те участки позиций противника, которые «грозят особым сопротивлением», и т. д.

Дальнейшие указания «Инструкции» являются избитыми общими местами о необходимости взаимодействия и связи, о наблюдении, о передвижении артиллерии вперед для подготовки атаки тыловых позиций противника, об артиллерийском обстреле ночью только тех произведенных разрушений, которые противник будет пытаться исправлять, о бесцельности чрезмерного расхода боеприпасов и пр.

Генерал Закутовский поставил своей артиллерии задачи следующим образом (см. схему 17).

1-я группа Андреева — 45-я артиллерийская бригада на позиции в районе Волохи, Поставы, растянутой почти на 5 км. Задача: обстреливать фронтальным, фланговым и косоприцельным огнем участок от Можейки до Загач и в глубину до Лапинского леса.

---

[1] Лапинский лес расположен к югу от Бучелишки и к западу от Можейки; лес имеет два выступа — северный и южный, между которыми перешеек.

Наименьшая дальность для 1-го дивизиона 45-й артиллерийской бригады до окопов у д. Новый Двор — около 4 км, до Можейки — 7 км, до Загач — 6 км; для 2-го дивизиона до Можейки — 4 км, до Загач — около 9 км, до Лапинского леса — от 5 до 7 км. На таких дальностях подготовка атаки для 76-мм пушек невозможна, т. е. задача, поставленная 1-й группе, была для нее невыполнимой, и участие этой группы в общем ударе свелось к нулю.

Столь же невыполнимыми в общем были и другие многочисленные задачи, поставленные группе Андреева, как то: обстрел выходов из окопов на том же широком фронте, обстрел ходов сообщения, тыловых дорог, резервов, оборона позиций от авиации, даже «образование дымовых завес» и притом на участке, который атаковать не предполагали.

2-я группа Макшеева — 76-я артиллерийская бригада на позиции в районе Поставы, Ромельки, т. е. тоже на довольно растянутом фронте около 4 км. Задача: подавление огня неприятельской артиллерии на участке Литвинки, Загач, Дворочаны, Соловьи, Ананичи; фронтальный и косоприцельный огонь по окопам на участке Новый Двор, Загач; обстрел тыловых подступов подхода резервов; образование на участке дымовых завес; оборона от воздушных налетов.

Подавление огня артиллерии в указанном участке было непосильным, так как дальность до нее была около 7—8 км; к тому же борьба с ней не имела значения, так как по дальности она не могла противодействовать атаке на главном направлении. До окопов Нового Двора и Загача была также значительная дальность от 4 до 6 км, а до «тыловых подступов», очевидно, было еще дальше.

Группа Макшеева, находясь в 10—11 км от района главного удара, не могла принять сколько-нибудь деятельного участия в поддержке атаки.

Включать в группу Закутовского 45-ю и 76-ю артиллерийские бригады, удаленные от района атаки, не следовало; к тому же батареи этих бригад были удалены на 2—9 км и от самого Закутовского, находившегося все время боя при штабе 2-й Сибирской дивизии в д. Сивцы. Напротив, в целях объединения работы легкой и тяжелой артиллерии следовало включить в группу Закутовского оставленные при своих дивизиях 1-ю и 2-ю Сибирские артиллерийские бригады, действовавшие по району атаки с малых дальностей.

3-я группа Руктешеля (122-мм и 152-мм гаубицы и 152-мм пушки в 120 пуд.) занимала растянутую почти на 8 км позицию от юго-западной опушки леса, что к северу от д. Поставы, до южной опушки леса, что к северо-востоку от д. Кашицы. Задача: обстрел неприятельской артиллерии в районе Загач, Литвинки, Соловьи, Ананичи, Новый Двор, Гары; обстрел фронтальным и косоприцельным огнем участка Можейки, Загач; обстрел тыловых позиций.

Дальности до окопов противника были от 3 до 9 км, а до района его артиллерии 5 и большей частью 6—7,5 км. Фронт око-

нов Можейки, Загач, подлежащих обстрелу, около 9 км. Если бы все 32 орудия этой группы обрушились на такой участок окопов, то на каждое орудие пришлось бы приблизительно по 250 м; чтобы «обстрел фронтальным, фланговым и косым огнем» подобного участка был действительным, надо было израсходовать колоссальное количество снарядов.

Группа Руктешеля не предназначалась для действия на участке главного удара (Бучелишки, Можейки), да и стрелять туда она могла вследствие большой дальности лишь небольшой частью орудий. Сосредоточение огня батарей этой группы, разбросанных на фронте 8—9 км, по общим целям было крайне затруднительно.

4-я группа Яковлева (122-мм и 152-мм гаубицы и 107-мм пушки) располагалась на позиции в районе Волоцки, Сивцы, т. е. на фронте около 6 км. Задача: а) подавление огня неприятельской артиллерии в районе Интока, Яржево, Гары; б) стрельба по тыловым подступам и резервам; в) обстрел тыловых позиций в районе Яржево, Большая и Малая Олься; г) обстрел участка на фронте Дуки, Новый Двор; д) образование проходов в проволоке у Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (два прохода по 40 м в левой половине участка); е) стрельба по змейковым аэростатам.

Основной задачей являлся обстрел участка главного удара Бучелишки, Можейки, куда следовало бы сосредоточить огонь всей группы Яковлева и большинства остальных батарей артиллерии Закутовского, соответственно расположив их от целей на дальностях действительного огня. Между тем батареи группы Яковлева должны были решать основную задачу с дальности 5—6 км, недопустимо большой как для разрушения окопов, которое почему-то вовсе не было задано, так и в особенности для пробивания проходов в проволоке, не говоря уже о том, что разрушение проволоки не отвечало свойствам тяжелых орудий группы Яковлева и должно было быть возложено на легкие 76-мм пушки. До всех остальных целей, указанных группе Яковлева в задачах «а», «б», «в», «е», дальности были еще больше — от 6 до 7 км, а до змейкового аэростата свыше предельной. При этом задача фланкирования участка Задевье, Новый Двор являлась совершенно бесцельной, даже преступной: фланкировался второстепенный участок, к тому же прикрытый с фронта озером Задевьевским, и в то время, когда пехота гибла на главном участке на проволоке и под огнем из неразрушенных окопов.

5-я группа Надеина (122-мм и 152-мм гаубицы) на позиции около 5 км по фронту лес западнее Волоцки, лес к востоку от д. Курты. Задачи: а) обстрел участка Бучелишки, Можейки; б) обстрел Лапинского леса; в) образование проходов в проволоке между Бучелишки и Можейки — два прохода по 40 м в правой половине участка; г) обстрел тыловых позиций в районе Интока, Яржево.

Для обстрела, или, правильнее, для разрушения, участка Бучелишки, Можейки в 2,5 км по фронту недостаточно 36 гаубиц, имев-

шихся в распоряжении Наденна, если даже отбросить все прочие задачи его группы.

Проходы в проволоке делались с большой дистанции 4—4,5 км из гаубиц, вместо того чтобы назначить гаубицы для разрушения окопов, что отвечало их свойствам. Обстрел Лапинского леса, имеющего обширную площадь — до двух квадратных километров, являлся задачей, не обещающей серьезного результата. До тыловых позиций, заданных для обстрела, дальность 6—7 км.

Вследствие нецелесообразных распоряжений генерала Закутовского фактически, в окончательном выводе, из всей его артиллерии (188 орудий) для подготовки и поддержки атаки 18 марта на участке главного удара 1-го Сибирского корпуса между д. Бучелишки и перешейком Лапинского леса было привлечено лишь 44 орудия, в том числе: полевых 122-мм гаубиц — шесть батарей, или 46%, обстреливавших окопы с дистанций от 2,5—3,5 до 5—6 км; тяжелой 152-мм артиллерии для обстрела окопов лишь одна батарея, или 10% всей 152-мм артиллерии (дальность 5—6 км); для разрушения проволоки две 122-мм и одна 152-мм батареи, или 13% и 10% (с дальностей от 4 до 6 км); легкая 76-мм артиллерия вовсе не была привлечена.

Всего на фронт главного удара в 1,5 км для разрушения блиндажей и окопов усиленной профили было направлено лишь 28 гаубиц (24 полевые 122-мм и 4 тяжелые 152-мм), т. е. на одну гаубицу приходился фронт в 60 м. Столь широкий фронт сильных укреплений не мог быть достаточно разрушен за время подготовки 18 марта. Если же принять во внимание, что разрушение окопов и проволоки велось с дистанций в среднем около 5 км, то сомнительный результат подобной артиллерийской подготовки можно было предвидеть заранее. Участок главного удара не мог обстреливаться интенсивно и в период атаки, тем более что легкая 76-мм артиллерия в силу особенностей ее расположения и полученного задания не могла участвовать в главном ударе.

Аэрофотосъемки атакуемого участка ко времени начала артиллерийской подготовки не было. Фотографирование было выполнено лишь 20 и 26 марта, когда существенной пользы принести оно уже не могло; кроме того, фотоснимки так и не попали к артиллеристам. За неимением аэрофотоснимков была более или менее известна только первая линия неприятельских окопов, прочие «предполагались» и не могли быть обстреляны, как и оставшиеся неизвестными ходы сообщения и пути движения резервов противника; не могли быть выяснены и назначены к разрушению и фланкирующие его участки.

По данным о противнике, добытым рекогносцировками по 16 марта, была составлена схема расположения артиллерии группы Плешкова и позиции противника с нумерацией целей. Составлен был список целей, подлежащих обстрелу артиллерийской группой Закутовского. Всего 119 целей, а именно (см. схему 17):

№ целей	Название целей
119	Дашки
120	Окопы на высоте южнее оз. Спорское
121	Дворочаны
122	Окопы с пулеметами к с. в. Соловьи у оз. Спорское
123	Соловьи
124	Вороновщина
125	Окопы ю.-в. Загач
126	Загач
127	Загач
128	Окопы ю.-з. Загач
129	Г. дв. Загач, Литвинка
130	Окоп ю.-в. Загач
131	Роща вост. оз. Загач
132	Роща вост. оз. Загач
133	Окопы зап. оз. Загач
134	Опушка леса ю.-в. Дуки
135	Проволока перед (вост.) Дуки
136	Дуки
137	Окопы с.-в. Дуки
138	Окопы вост. Дуки
139	Кладбище с.-з. Дуки
140	Роща вост. Дашки
141	Взвод артиллерии ю.-з. Задевье
142	Взвод артиллерии зап. Задевье
143	Окоп у озера между Задевье и Дуки
144	Пулемет ю. костела в Задевье
145	Отд. дом с наблюдателем у озера южн. Задевье
146	Окопы в Задевье
147	Батарея с.-в. Литвинка
148	Окопы вдоль дороги с. Литвинка
149	Опушка рощи с.-з. Гары
150	Батарея пр[illegible]нв костела
151	Батарея у кладбища Задевье
152	Батарея ю.-з. Новый Двор
153	Кусты с.-з. Новый Двор
154	Малая Ольса
155	Можейки
156	Пересечение дороги из Родзе в Гары с жел. дорогой
157	Костел в Задевье
158	Выступ леса между Вилейты и Микули
159	Пулеметный окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
160	Гаубичная батарея с.-в. Дашки
161	Задевье
162	Ю.-в. окраина Новый Двор
163	Ю.-з. окраина Новый Двор
164	Сев. окраина Новый Двор
165	Гаубичная батарея ю.-з. Гары
166	Гары
167	Большая Ольса
168	Окоп южн. железной дороги и оз. Ковалевское
169	Окоп южн. железной дороги за оз. Ковалевское
170	Окоп между оз. Ксендзовское и оз. Ковалевское
171	Ходы сообщения за оз. Ковалевское
172	Окоп за оз. Ксендзовское
173	Наблюдательный пункт в лесу зап. оз. Ксендзовское
174	Редкая роща у железной дороги
175	Окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
176	Левый край редкой рощи ю.-з. оз. Можейское
177	Легкая батарея ю.-в. Ловкишки
178	Окоп зап. оз. Можейское
179	Проволочные заграждения зап. оз. Можейское
180	Окоп зап. левого края Можейки
181	Ловкишки
182	Окоп зап. середины Можейки
183	Окоп с.-в. правого края Можейки
184	Легкая батарея ю.-з. Можейки
185	Окоп на поляне у куста
186	Окоп „под лесом“ южн. Лапинь
187	Легкая батарея за лесом южн. Целинь
188	Окоп вост. хут. Лапинь
189	Окоп южн. Лесн. Муляр
190	Окоп с.-в. Бучелишки
191	Окоп зап. Лесн. Муляр
192	Бучелишки
193	Резервный окоп вост. Интока
194	Резервный окоп за зап. окраиной Бучелишки
195	Окоп между Бучелишки и Лесн. Муляр
196	Окоп с.-в. Бучелишки
197	Окоп между Бучелишки и Микулишки
198	Окоп у кладбища с.-в. Вилейты
199	Заставы на южн. окраине Вилейты
200	Окоп ю.-з. Вилейты
201	Отд. домик вост. М. Ольса
202	Родзе

№ целей	Название целей	№ целей	Название целей
203	Дальний окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское	218	Взвод артиллерии на опушке леса у Матишки
204	Передовой окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское	219	Окоп левее Матишки
205	Окоп у леса за южн. краем Можейки	220	Окоп впереди Матишки
206	Окоп за серединой оз. Можейское	221	Матишки
207	Окоп за правым краем оз. Можейское	222	Ближний окоп впереди Матишки
208	Окоп левее Можейки	223	Окоп правее Матишки
209	Ловкишки	224	Окоп между Матишки и Антоны
210	Окоп правее Можейки	225	Окоп левее Антоны
211	Окоп у леса	226	Антоны
212	Окоп левее Бучелишки	227	Окоп между Антоны и Аймуны
213	Окоп правее Бучелишки	228	Аймуны
214	Окоп правее Вилейты	229	Окоп между Аймуны и Медзинь
215	Окоп левее Голатыльцы	230	Медзинь
216	Голатыльцы	231	Дв. Малюпе
217	Выступ большого леса между Матишки и Голатыльцы	232	Окоп Интоки, Свельми
		233	Окоп Свельми, Уржево
		234	Окоп у м. Годутишки
		235	Батарея у Задевье
		236	Окоп у Б. Ольса
		237	Окоп у М. Ольса

Пристрелка батарей в группе Закутовского была начата за три дня до начала операции, причем было пристреляно не 119, а 237 целей, распределенных по фронту до 25 км и как в передовой, так и в последующих линиях позиции противника и в районах его артиллерии. Такая пристрелка давала ясные указания противнику на район предстоящего удара. Обширность пристрелянного района и множество пристрелянных целей в значительной степени исключали возможность точного указания целей и затрудняли управление огнем.

Вся артиллерия группы Закутовского действовала на фронте 1-го Сибирского корпуса. Оставленная в распоряжении корпуса артиллерия располагалась на позициях: 1-я Сибирская артиллерийская бригада в районе Курты, Волоцки (1-й дивизион приблизительно в 4 км от первой линии неприятельских окопов, 2-й дивизион несколько впереди, юго-западнее 1-го и ближе к противнику, около 3 км от первой линии его окопов); 2-я Сибирская артиллерийская бригада к юго-востоку от 1-й в районе Русаки, Курты на восточном берегу р. Мяделка (оба дивизиона почти в одну линию в 2—3 км от окопов противника, расположенных на западном берегу оз. Можейское).

1-й Сибирский корпус занял район, который прежде занимал 1-му Сибирскому корпусу пришлось почти всю разведку делать его артиллерии 1-й армейский корпус сделал немного; поэтому 1-му Сибирскому корпусу пришлось почти всю разведку делать снова, но за недостатком времени и так как туман не допускал

пользоваться аэропланами, тыл противника и его артиллерия оставались неизвестными.

1-й армейский корпус, выполнявший столь же серьезную задачу, как и 1-й Сибирский, был предоставлен самому себе со своей легкой артиллерией — 54 полевых 76-мм пушки и одним мортирным дивизионом — 12 полевых 122-мм гаубиц. С этими бедными артиллерийскими средствами группе генерала Масальского предлагалось разрушать окопы и рвать проволоку на всем фронте атаки Вплейты, Бучелишки протяжением около 3 5 км, т. е. на каждую гаубицу приходился фронт атакуемого и подлежащего разрушению участка около 300 м. Такая задача для 122-мм гаубицы невыполнима. Что же касается пробивания проходов в проволоке из легких 76-мм пушек, то при обстреле окопов, расположенных по опушке леса, деревья, опутанные проволокой, падали и загромождали сделанные проходы.

В 1-м армейском корпусе расстановка артиллерии на позиции встретила большие затруднения вследствие лесисто-болотистой местности в обширном районе между реками Камайка и Мяделка к северу от линии Бучелишки, Курты (см. схему 17). Батареи пришлось ставить на случайных лесных полянках, устраивая для орудий помосты из бревен; окопов нельзя было возвести ни для артиллерии, ни для пехоты; наблюдательные пункты приходилось выбирать на опушке леса в линии своего сторожевого пехотного охранения и в непосредственной близости к противнику; наблюдательные пункты сильно обстреливались и постоянно перебивались телефонные провода, вследствие чего командовавший артиллерийской группой Масальский вынужден был во время боя с наблюдательного пункта на передней опушке перейти несколько в глубь леса.

Отсутствие воздушной разведки и аэрофотосъемок неблагоприятно сказалось в 1-м армейском корпусе, как и в других частях группы Плешкова.

Задачи артиллерии в группе Масальского были поставлены общевойсковым командованием, как это бывало обыкновенно в царской армии, в общих, неопределенных выражениях; даже время открытия огня для начала артиллерийской подготовки было назначено первоначально неопределенно — «с рассветом»; вечером, в ночь на 18 марта, пришло приказание открыть огонь в 8 ч. 15 м. утра.

Группа генерала Балуева

(схема 19)

В группе Балуева план операции был разработан заблаговременно, пользуясь данными воздушной фотографии; заблаговременно же были выбраны в соответствии с задачей позиции для артиллерии.

5-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику на фронте д. Мокрицы, оз. Нароч (фронт около 4 км).

Приданная корпусу артиллерия подразделялась на три отдельные группы, объединение действий которых было поручено шпаркору генералу Горбачевичу. Состав группы был следующий:

1-я группа (полковник Тихоцкий): 152-мм гаубиц — 4, 152-мм пушек в 120 пуд.— 4, 122-мм полевых гаубиц — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г.— 4, 76-мм полевых пушек — 12.

2-я группа (генерал Скерский): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 4, 122-мм гаубиц — 8, 76-мм полевых пушек — 30.

3-я группа (полковник Велямович): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд.— 8, 122-мм гаубиц — 12, 76-мм полевых пушек — 60.

36-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику в направлении д. Балтагузы.

Состав артиллерии этого корпуса: 152-мм гаубиц — 13, 152-мм пушек в 120 пуд.— 8, 122-мм гаубиц — 20, 107-мм скорострельных пушек 1910 г. — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г. — 8, 76-мм полевых пушек — 60. Артиллерия эта была роздана примерно поровну по дивизиям, тогда как активную задачу имела только 25-я пехотная дивизия, а 68-я дивизия получила задачу пассивную. При 25-й пехотной дивизии состояло: 152-мм гаубиц — 8, 122-мм гаубиц — 12, 107-мм скорострельных пушек — 4 (из них исправных только 2), 107-мм пушек обр. 1877 г.— 8, 76-мм пушек — 36, а при 68-й дивизии: 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд.— 8, 122-мм гаубиц — 8 и 76-мм пушек — 24.

Ближайшее руководство артиллерией было возложено соответственно на командиров 25-й и 68-й артиллерийских бригад, действовавших по непосредственным указаниям своих начальников дивизий.

3-й Сибирский корпус назначен был в резерв и должен был наблюдать болото в промежутке между 5-м и 36-м корпусами (между Мокрицы и Балтагузы).

В распоряжении этого корпуса находилась артиллерийская группа (4 я) полковника Зверева из 4 скорострельных 107-мм пушек и 12 полевых 76-мм пушек, поставленная на позиции, весьма удаленной от противника. Легкая 8-я Сибирская артиллерийская бригада была оставлена в резерве.

Для стрельбы по самолетам использованы были 38 полевых 76-мм пушек.

Для объединения действий артиллерии всей группы Балуева был назначен инспарт 36-го корпуса генерал Романовский, но назначение это было номинальным, так как артиллерия 5-го и 36-го корпусов, действовавшая в районах, разделенных болотом шириной 3—4 км, почти не могла оказывать взаимной поддержки. Кроме того, Романовский, одновременно назначенный для наблюдения за питанием снарядами, не мог, за недостатком времени, руководить артиллерией даже своего 36-го корпуса.

В группе Балуева задачи артиллерии давались, как и в группе Плешкова, в общих чертах, а если и ставились определенные требования, то не всегда отвечающие свойствам артиллерии и обеспечивающие успех в бою. Так, например, 122-мм и 152-мм гаубицам

артиллерии 5-го корпуса приказано было сделать 18 марта в проволочных заграждениях противника четыре сплошных широких прохода по 100 м, вместо того чтобы поручить это легким 76-мм батареям, а на гаубичные батареи возложить разрушение окопов. Задача потребовала громадного расхода гаубичных боеприпасов, но не могла быть выполнена в полной мере. Сделанные же проходы в проволоке сыграли при атаке предательскую роль искусственных дефиле, в которых русская пехота несла огромные потери от неприятельского огня.

При артиллерийской подготовке 18 марта по окопам стреляла главным образом 76-мм полевая артиллерия и большей частью шрапнелью, так как гранат было мало (гранаты были доставлены в обычной пропорции — около 15% комплекта). Стрельба 76-мм шрапнелью не причиняла никакого вреда окопам и только вынуждала защитников временно укрываться. Вследствие ненадлежащего использования гаубиц не были разрушены фланкирующие участки окопов; между тем некоторые пункты атаки были избраны в неудобных, несколько входящих углах, сильно обстреливаемых с флангов.

В 5-м корпусе имела место дружная совместная работа пехотных и артиллерийских начальников, которые заблаговременно сговорились о деталях атаки; по местности были указаны участки для прорывов проволоки и разрушения окопов. Однако в действительности в некоторых случаях атака все-таки не канализировалась на участки, разрушенные артиллерией, и атакующие части пехоты попадали на уцелевшую проволоку и гибли на ней. Это печальное явление наблюдалось при последующих атаках и в 3-м Сибирском корпусе, в котором, между прочим, артиллерийским разведчикам приходилось указывать пехоте путь к проходам в проволоке.

Остановимся на характерных задачах, полученных артиллерией 36-го корпуса, которые были распределены следующим образом.

На фронте 25-й пехотной дивизии — от м. Спягло до р. Роличи (около 5 км): а) разрушение окопов на фронте до 800 м — одна 122-мм батарея из 4 легких гаубиц; но она могла разрушить за короткое время, какое было дано на артиллерийскую подготовку, едва ли более 80 м; для разрушения же 800 м окопов нужно было бы выпустить одной батарее не менее 12 000 гранат при непрерывной стрельбе примерно в течение двух суток днем и ночью без перерывов; в действительности эта батарея стреляла по окопам лишь несколько часов; б) такая же задача разрушения окопов до 800 м была дана другой 122-мм батарее; в) одной батарее 122-мм гаубиц и двум батареям 152-мм тяжелых гаубиц задано было образование проходов в проволочных заграждениях, что совершенно неправильно и должно возлагаться на легкие 76-мм пушечные батареи; г) вместо того легкая 76-мм артиллерия привлекается к стрельбе по окопам; несомненно, что промерзшим окопам и их защитникам легкие батареи вреда не нанесли; д) борьба с артиллерией возлагается на 107-мм пушки, что правильно, но на них же частью возложено было фланкирование окопов, что мало отвечает

Схема 19. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

Зак. 1932

свойствам этих пушек, так как разрушать фланкирующие постройки они не могут.

На участке 68-й пехотной дивизии — от Роличи до Спяглица (около 8 км): а) легкие 122-мм и тяжелые 152-мм гаубичные батареи — борьба с артиллерией противника, тогда как борьба с артиллерией противника не является основной задачей гаубиц и при атаке укрепленной позиции они должны разрушать окопы и прочные укрытия в окопах; б) легкие 76-мм батареи — пассивная задача обстрела неприятельских окопов; вместо такой «пассивной» задачи и притом непосильной для 76-мм пушек следовало использовать легкую 76-мм артиллерию, продвинув ее поближе для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для борьбы с артиллерией противника.

Наконец, всей артиллерии 36-го корпуса приказано было подготовить данные для стрельбы по своим окопам на случай занятия их противником. Подобное приказание деморализующе действовало на войска и внесло в них не веру в свои силы, а, напротив, уверенность в превосходстве противника, не наступательный порыв, а мысль об отступлении.

Приказ о задачах артиллерии 36-го корпуса говорит сам за себя и заранее предугадывает безуспешность артиллерийской подготовки и тот печальный исход атаки, какой имел место в действительности.

Большинство батарей группы Балуева стояло на позициях в районе между озерами Нароч и Вишневское еще с осени 1915 г.; знали местность, окопы противника и имели пристрелочные данные. Вновь прибывшие батареи пристреливались по мере прибытия. Тяжелая артиллерия прибывала с большим опозданием; 10-я тяжелая артиллерийская бригада прибыла частью вечером 16-го, частью вечером 17 марта, накануне начала артиллерийской подготовки. Личный состав тяжелой артиллерии не успел ознакомиться с местностью и окопами; телефонная связь была закончена только утром 18-го, в день боя; одна из 152-мм батарей пристреливалась на рассвете 18-го, когда подготовка удара уже началась, а другая 152-мм батарея осталась даже непристрелянной и стреляла 18-го наугад «по тылам».

Несмотря на предварительную пристрелку большинства батарей, все же в 5-м корпусе только артиллерия 1-й и 2-й групп имела пристрелочные данные и могла действовать по общему участку, атакуемому 7-й пехотной дивизией, а для общего содействия 10-й пехотной дивизии (влево) достаточных данных пристрелки не имелось; 3-я артиллерийская группа могла работать в районе атаки 10-й дивизии и только случайное содействие могла оказывать направо, в район 7-й дивизии; 4-я группа Зверева из 76-мм и 107-мм пушек могла действовать только на участке 3-го Сибирского корпуса, между 5-м и 36-м корпусами, и только на больших дальностях, а содействие ближайшей 10-й дивизии оказывать не могла. Таким образом, расстановка артиллерии группы Балуева далеко не в полной мере обеспечивала получение перекрестного и сосредоточенного огня.

Группа генерала Сирелиуса
(схема 18)

Группа Сирелиуса (34-й армейский и 4-й Сибирский корпуса) имела назначением: а) противодействовать возможному прорыву немцев на фронте д. Дуки [1], оз. Нароч (д. Занароч [2]), между активными группами Плешкова и Балуева; б) атакой и огнем на участке Черняты, Лотва (около 3 км) приковать силы немцев к занимаемой ими позиции.

Артиллерия группы Сирелиуса имела в своем составе: 12 легких батарей — 72 полевые 76-мм пушки, мортирные дивизионы 4-го Сибирского и 34-го корпусов — 24 легкие 122-мм гаубицы и приданные три тяжелые батареи — 12 тяжелых 152-мм гаубиц. Расположение этой артиллерии на позициях показано на схеме 18.

Приказами генерала Сирелиуса задачами для артиллерии ставилось: а) «периодически вести беглый артиллерийский огонь, сосредоточивая его по временам на участках, назначенных для прорыва...», «периодически возобновлять беглый огонь на всем фронте, чтобы тревожить противника, что продолжать и ночью», не давать противнику возможности исправлять повреждения в окопах и заграждениях; б) как и в 36-м корпусе, подготовить данные для стрельбы по своим окопам на случай занятия их противником.

Разрушать проволочные заграждения и делать в них проходы артиллерии не приказывалось.

В частности, главным объектом действий артиллерии в 4-м Сибирском корпусе был обстрел окопов и артиллерии противника, орудия которой приказано было «демонтировать», между тем артиллерия противника вовсе не была обнаружена.

В группе Сирелиуса все знали, что задача поставлена пассивная, а потому и артиллерия этой группы, повидимому, не особенно добивалась достичь результатов. В группе вообще не делалось даже попыток централизации управления артиллерией.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ БОЕПРИПАСАМИ

При разработке плана и подготовке операции расчет количества потребных боеприпасов произведен был не в зависимости от того, сколько нужно снарядов для разрушения атакуемых участков неприятельской позиции, для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для обеспечения успеха операции, а механически в том предположении, что бои будут продолжаться в одних войсковых частях до 10 дней, в других от 2 до 5 дней и что ежедневный расход выразится:

на	76-*мм* полевую пушку в	200 выстрелов
„	122-*мм* полевую гаубицу в	100 „
„	107-*мм* скорострельную пушку в . .	50 „
„	152-*мм* тяжелую гаубицу в	50 „

[1] См. схему 17.
[2] См. схему 19.

При составлении расчета не было принято во внимание, сколько боевых припасов мог получить Западный фронт из запасов Упарта, к которому по этому вопросу не поступало от фронта предварительных запросов. Для Упарта было совершенно неожиданным поступившее к нему 9 марта требование Западного фронта о назначении ему к отпуску, сверх имеющихся на фронте, еще 68 легких 76-мм, 20 гаубичных 122-мм и 7 гаубичных 152-мм парков и о принятии мер, в предвидении дальнейшего развития операций, к пополнению запасов фронта в размере 30—35% от общего числа парков фронта.

По состоянию запасов в резерве главковерха (Упарта) требование это не могло быть удовлетворено в полной мере. Западному фронту вместо просимого было назначено: с 14 по 23 марта — 45 легких парков, лишь 2 гаубичных (122-мм) и 2 тяжелых гаубичных, а с 23 до 28 марта еще 8—10 легких парков.

Таким образом, расчет боевых припасов, сделанный Западным фронтом, так сказать, «на-глазок», не был сообразован ни с действительной потребностью, ни с имевшимися средствами. В действительности расчет этот оказался преувеличенным по отношению к 76-мм пушечным патронам и ошибочным в меньшую сторону по числу выстрелов к тяжелым пушкам 107-мм обр. 1877 г. и 152-мм в 120 пуд., а также к гаубицам легким и тяжелым.

Главкозап генерал Эверт, считая одной из причин неудачи мартовской операции недостаток выстрелов к гаубицам, писал 28 мая того же 1916 г. генералу Алексееву в ставку, что в ударных армиях следует считать средний ежедневный расход на орудие по 150 выстрелов 122-мм и по 100 выстрелов 152-мм и что 18 марта в группе Балуева «при определенных целях и задачах было израсходовано на орудие: 122-мм — 200 выстрелов, 152-мм полевых — 250, 152-мм крепостных — 175, 107-мм — по 150; в последующие дни мартовской операции: 20 и 22 марта — около 120 и 21 марта — около 200 на полевую тяжелую 152-мм гаубицу».

Питание боеприпасами было организовано по указаниям штаба главкозапа и происходило в общем неудовлетворительно. Запасы боеприпасов были сосредоточены на больших железнодорожных станциях в 50—80 км от позиционных районов батарей. При батареях имелся запас снарядов лишь на один первый день. Отдаленное расположение складов боеприпасов сказалось весьма неблагоприятно на ходе операции, в особенности при наступившей весенней распутице.

В частности, питание боеприпасами было организовано так:

В группе генерала Балуева. В д. Талут в 15—18 км от боевых линий был образован передовой склад с однодневным запасом снарядов; на станции Кривичи находился тыловой склад с 4—5-дневным запасом; для подвоза к передовому складу в д. Талут, от ст. Кривичи служила узкоколейная железная дорога длиной 30 км и плохая грунтовая дорога, которая к вечеру 22 марта ввиду оттепели стала почти вовсе непроезжей; распоряжением командира 5-го ар-

мейского корпуса был организован небольшой промежуточный склад боеприпасов возле д. Слобода.

Неудовлетворительная организация подвоза снарядов от ст. Кривичи в склад в д. Талут, отсутствие достаточного запаса на батареях и ограниченность первоначальных запасов в д. Талут, особенно к 107-мм, 122-мм и 152-мм орудиям, сказались быстро и очень резко. Снаряды подавались малыми порциями, достаточными лишь для того, чтобы поддержать огонь, но не надлежащую подготовку; на мощный огневой удар снарядов крупного калибра после атаки 18 марта уже нехватало.

Между прочим, 10-я тяжелая артиллерийская бригада прибыла на позицию с 175 снарядами на орудие; прочие снаряды были оставлены в глубоком тылу, откуда получение их было крайне затруднено.

В группе Плешкова. Количество 76-мм патронов, отпущенных на операцию, оказалось вполне достаточным, недостаток в снарядах ощущался для тяжелых и 122-мм гаубиц. Однако задержек в питании 76-мм патронами не было только в 1-м армейском корпусе, где предварительно были созданы запасы на батареях, почти по 1 000 патронов на орудие. Пополнение боевых комплектов 76-мм орудий в остальных корпусах и боевых комплектов 122-мм, 107-мм и 152-мм калибров во всех частях артиллерии группы Плешкова встречало большие затруднения. Отпущенные на операцию снаряды не были выданы войскам заблаговременно, как и не были устроены промежуточные склады. Тыловой склад был организован на ст. Воропаево, куда боеприпасы подвозились по узкоколейной железной дороге; артиллерийским паркам, получающим снаряды для батарей из склада в Воропаево, приходилось ежедневно делать до 80 км. Это чрезвычайно тяжело отражалось на конском составе вследствие непроходимости дорог в наступившую весеннюю распутицу и значительно стесняло ежедневную подачу снарядов батареям, причиняя войскам при их и без того весьма напряженной работе излишние затруднения.

В общем боепитание оказалось настолько неудовлетворительным (особенно по крупным калибрам), что периодически для 107-мм пушек снарядов совсем не было. Были и такие, например, случаи, когда на 7 тяжелых 152-мм орудий в 1-м армейском корпусе имелось только 4 снаряда; иногда 152-мм полевые снаряды перемешивались с 152-мм крепостными или 152-мм снаряды доставлялись без ввинченных трубок и были непригодны для стрельбы.

В группе **Сиверса** питание боеприпасами было организовано совершенно неудовлетворительно; особенно остро ощущался недостаток тяжелых снарядов.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Группа генерала Плешкова. Как было уже указано, на участке главного удара группы в 1-м Сибирском корпусе вследствие неправильной группировки артиллерии для подготовки удара было использовано менее половины тяжелой артиллерии группы. Легкие

полевые пушки не могли восполнить этого недочета вследствие слабости их действия по окопам, в особенности при промерзлом грунте, еще не успевшем оттаять. Аэрофотосъемки района предстоящих действий не было. Предварительная наземная разведка получила более или менее точные данные лишь о первой линии обороны противника, глубина же позиций оставалась неразведанной. С утра 18 марта опустился густой туман, затруднивший наблюдение. Ясно, что артиллерийская подготовка в этих условиях не могла принести существенных результатов.

Артиллерийская подготовка началась в 8 ч. 15 м. в 1-м Сибирском корпусе; к 11 часам огонь стал напряженным; немцы отвечали слабо. В 12 часов дня без ведома и предупреждения артиллеристов, несмотря на то, что подготовка ими закончена не была, пехота пошла в атаку и застряла в неразрушенной проволоке. Атака захлебнулась.

По этому поводу начальник штаба 1-го Сибирского корпуса в своей записке от 13 мая 1916 г. объяснял: «Для атаки точного срока не определялось, а предполагалось переход в наступление пехоты приурочить к тому моменту, когда обозначатся реальные результаты огня, — во всяком случае, не ранее двух, а может быть, и четырех часов дня. Никаких указаний ни из штаба группы, ни от инспектора артиллерии группы о том, что артиллерийская подготовка будет закончена к 12 часам дня, не исходило. Поэтому начатая 22-й пехотной и 1-й Сибирской дивизиями атака в первом часу дня произошла, очевидно, по какому-то недоразумению».

В 1-м армейском корпусе атаковал только один Вильмандстранский пехотный полк, направленный при этом во входящий угол неприятельской позиции. Как и в 1-м Сибирском корпусе, Вильмандстранский полк пошел раньше, нежели была закончена артиллерийская подготовка, не узнав об этом и не предупредив командовавшего артиллерийской группой генерала Масальского. Полк был встречен с фронта [illegible] и пулеметным огнем, а с фланга огнем артиллерии, бездействовавшей до того времени и не обнаружившей себя. Полк залег, не дойдя до проволоки, и был почти полностью уничтожен огнем противника.

После неудачной атаки артиллерийский огонь поддерживался до конца дня 18 и всю ночь на 19 марта. Следующая атака была назначена на [illegible] с 19 на 20 марта. Артиллерийская подготовка велась в течение всего 19 марта. Участок подготовки атаки для 1-го Сибирского корпуса был сокращен до ¾ км (северный выступ Лапинского леса). Сюда был сосредоточен массовый огонь шести гаубичных 122-мм батарей, трех гаубичных 152-мм батарей и двенадцати легких 76-мм батарей 1-й и 2-й Сибирских артиллерийских бригад. Ночью, за час до атаки, артиллерийский огонь достиг высшего напряжения. Атака была удачна, занято было сибирскими стрелками около 1 000 шагов окопов противника. Но утром, когда атака соседнего справа 1-го армейского корпуса успеха не имела, на обнаженный правый фланг 1-го Сибирского корпуса обрушилась контратака немцев, поддержанная сильным фланговым огнем из уцелевших

фланкирующих построек. Пехота 1-го Сибирского корпуса вынуждена была отойти с большими потерями в исходное положение.

Для усиления артиллерии 1-го армейского корпуса из группы Закутовского 20 марта были включены в артиллерийскую группу Масальского две батареи 152-мм гаубиц, которые были уже пристреляны по району Вилейты, Голатыльцы, и одна 107-мм батарея (пушки обр. 1877 г.), предназначаемая для борьбы с неприятельской артиллерией у Лозъзен. При содействии этой приданной артиллерии удалось подготовить атаку пехоты 1-го армейского корпуса, части которой заняли небольшой участок окопов противника, но огонь его из неразрушенных фланкирующих построек заставил русскую пехоту отойти.

Дальнейшими приказами по группе Плешкова артиллерии ставятся в общем широкие, довольно неопределенные и невыполнимые задачи, атака откладывается со дня на день, отдаются приказания об усилении огня до возможного предела и урагана, и даже при ночной артиллерийской подготовке. Приказом 20 марта указывалось продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы и, когда скажутся результаты огня, по особому приказанию корпусам атаковать неприятеля. Приказания по артиллерийской части, исходившие из штаба 1-го армейского корпуса, были еще более сбивчивы и неопределенны. Согласно получаемым приказаниям, артиллерия генерала Масальского подготавливала к атаке участок в 400 м шириной, вела периодически огонь ураганами «фугасными» и «шрапнельными». Атака же последовательно откладывалась и в результате не состоялась; громадный расход боеприпасов оказался непроизводительным.

К 23 марта в группе Плешкова выяснились огромные потери: 22-я пехотная дивизия потеряла 8 900 человек, 1-я Сибирская — 7 612, 2-я Сибирская — 5 152 человека, т. е. эти дивизии, потерявшие по 50% состава, оказались небоеспособными. Поэтому Плешков приказал состоявшему в резерве 27-му корпусу атаковать участок между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами и возвратил 76-ю артиллерийскую бригаду в 27-й корпус.

Артиллерийскую подготовку атаки было решено начать 23 марта в 10 часов. Участок атаки расширен; корпусам предлагается атаковать уже не те участки неприятельской позиции, которые были им назначены раньше; артиллерийской группе Закутовского приказано обеспечить левый фланг 27-го корпуса энергичным обстрелом северо-западной опушки Ланинского леса.

Атака, назначенная в ночь с 23 на 24 марта, была отменена вследствие неблагоприятной погоды. С утра 24 марта всей артиллерии было приказано продолжать обстрел неприятельской позиции. Артиллерийским огнем произведены были частичные разрушения укреплений противника и сделаны на некоторых участках проходы в проволоке. Вечером того же 24-го ставилась задача: «всей артиллерии усилить огонь до возможного в два часа ночи, а к трем часам ночи довести огонь до урагана, перенеся его на ближайший тыл неприя-

теля; в три часа ночи, под прикрытием ураганного огня артиллерии, корпусам стремительно и безудержно атаковать неприятеля».

Ночью того же 24 марта командующий армией приказал отложить атаку на сутки вследствие дурной погоды и недостатка тяжелых снарядов, но в течение ночи и дня 25 марта всей артиллерии приказано было вести систематический обстрел неприятельского расположения.

Для поддержки атак 1-го Сибирского корпуса артиллерии Закутовского утром 25 марта поставлены были следующие задачи: а) систематический обстрел восточной окраины деревни Бучелишки и прилегающих с юга и с севера участков, с разрушением блиндажей, убежищ и проволочных заграждений; после обстрела первой линии переносить огонь на вторую линию, находящуюся, по показанию пленных, в 300 м от первой; б) обстрел Лапинского леса, направляя главный огонь на северо-восточный выступ леса и полосу вдоль северо-западной опушки леса; цель этого обстрела — затушить пулеметную оборону леса, уничтожить блокгауз и проволочные заграждения в северо-западном выступе и продольным обстреливанием северо-западной опушки потушить фланговый огонь противника; в) обстрел 152-мм 120 пуд. пушками восточной окраины и внутренности Лапинского леса, хотя бы на пределе; г) тем батареям, которые не могут быть направлены на Бучелишки и западную часть Лапинского леса, вести борьбу с артиллерией противника, сосредоточенной между южной опушкой Лапинского леса и Гары; д) от правофланговой группы назначить одну-две батареи для содействия 16-му тяжелому дивизиону в обстреле лесного клина у Вилейты и ближайших окопов у Матишки.

Поставлены были задачи крайне разнообразные, весьма сложные и трудно выполнимые, но на этот раз довольно определенные, что бывало далеко не часто.

На рассвете 26 марта сибирские стрелки овладели двумя линиями неприятельской позиции между деревнями Вилейты и Бучелишки, но дальше не продвинулись вследствие обстрела с флангов и из лесов. Около 16 часов всей артиллерии приказано было продолжать непрерывный обстрел неприятеля, сосредоточивая огонь: артиллерии 1-го армейского корпуса на лесном клине у Вилейты; артиллерии 27-го корпуса на районе перед своей позицией; артиллерии 1-го Сибирского корпуса на перешейке Лапинского леса; артиллерийской группе Закутовского по блокгаузам в д. Бучелишки, по северо-западной окраине Лапинского леса и по участку — перешеек Лапинского леса, д. Можейки и южный берег оз. Можейское.

Задания артиллерии давались письменными приказами, а не лично. При таких условиях артиллерийская поддержка неминуемо несколько запаздывала.

Для выполнения поставленных задач артиллерия не имела времени ни на перегруппировку, ни на переустройство связи, ни на пристрелку.

Вечером того же 26 марта командующий 2-й армией генерал Рагоза, разуверившийся в успехе атаки группы Плешкова, воспретил

атаку с фронта Можейки, Курты. Однако всей артиллерии приказано было, продолжая систематический обстрел неприятельских позиций, начать артиллерийскую подготовку новой атаки с 6 часов утра 27 марта.

Артиллерийский огонь в группе Плешкова почти не прекращался в течение всех 10 суток операции, переходя временами по указаниям штабов в «ураганный». Огонь сосредоточивался по тем участкам, которые предполагалось впоследствии атаковать и фронт которых постепенно суживался. По свидетельству пехотных начальников, огнем артиллерии к концу операции проволочные заграждения были достаточно разрушены для беспрепятственного прохождения пехоты. Достаточно были разрушены и окопы первой линии, которые были завалены трупами. Командир 27-го корпуса Баланин телеграфировал 23 марта о действиях артиллерии: «Разбиты козырьки, блиндажи целы, траверсы разбиты, проволочные заграждения достаточно разбиты, допускают прохождение пехоты без расчистки». По донесению начальника 2-й Сибирской дивизии Поспелова того же 23 марта: «подготовку можно считать очень хорошей. Козырьки разбиты, окопы и ходы сообщения завалены трупами, блиндажи пострадали мало вследствие нахождения в лесу и прочности сооружений. Сплошных проходов в проволочных заграждениях не образовалось, но пехота справилась с проволокой легко».

Начальник 1-й Сибирской дивизии Подгурский телеграфировал 24 марта: «полки ворвались без особенного сопротивления противника, подавленного могущественным огнем артиллерии».

Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерал Новицкий доносил 24 марта: «Огнем тяжелой артиллерии проволочные заграждения разрушены настолько, что пехота прошла свободно. Окопы были повреждены сильно».

Но артиллерии группы Плешкова не удалось уничтожить пулеметные точки в Лапинском лесу и лесном клине, не удалось также подавить огонь германской артиллерии, так как в течение всей операции она не была обнаружена из-за отсутствия хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки. Вследствие этого атакующая пехота была не в состоянии удержаться в захваченных ею первых линиях неприятельских окопов, попадая под фланговый огонь пулеметов и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной кольцеобразно вокруг атакуемого участка.

В общем достигнутый результат — разрушенные проволочные заграждения и разбитая первая линия неприятельских окопов — не соответствовал ни большому количеству стволов русской артиллерии, сосредоточенных на сравнительно небольшом участке, ни огромному количеству израсходованных ею снарядов.

Благодаря умелому расположению на закрытых позициях русская артиллерия не была обнаружена германскими батареями и значительных потерь не понесла.

Группа генерала Балуева. Первая атака в группе войск генерала Балуева была произведена днем 18 марта, причем в атаку пошли лишь части 5-го и 36-го корпусов.

Хотя в 5-м корпусе была достигнута предварительная договоренность артиллерии с пехотой, но артиллерия была использована в общем неправильно. Тяжелые батареи били по проволоке, легкие — по окопам. Вместо ряда узких проходов в проволоке, пробитых на возможно широком фронте, пробит был лишь один проход на участке около 100 м. Окопы не могли быть разрушены.

В 5-м корпусе атака по всему фронту была отбита ружейным и пулеметным огнем из уцелевших в окопах блиндажей и фланкирующих участков.

В 36-м корпусе атака была назначена на 12 часов дня. К этому времени артиллерийская подготовка закончилась, но движение пехоты для атаки началось лишь в 15 часов. В промежуток времени между 12 и 15 часами артиллерия поддерживала редкий огонь, а пехота лежала под огнем в воде. Таким образом, в 36-м корпусе не было достигнуто предварительное сближение с противником на кратчайшее расстояние под прикрытием огня своей артиллерии, не были заготовлены окопы и укрытия для развернувшейся к атаке пехоты. Атака 36-го корпуса успеха не имела.

Между прочим, нельзя не отметить, что командир корпуса доносил генералу Балуеву около 12 часов 18 марта, что «корпус готов к атаке», а в приказе от 24 марта по поводу той же атаки он указывал, что «артиллерийская подготовка атаки велась слишком спешно, между тем никто не торопил ее, а потому следовало вести ее более педантично и основательно, проверяя чаще результаты попаданий наблюдением и пехотной и артиллерийской разведкой».

Артиллерийский огонь немцев против обоих атакующих корпусов был 18 марта слабый.

Следующая вторая атака в группе Балуева была произведена на рассвете 21 марта.

В 36-м корпусе успеха не было.

В 5-м корпусе, на участке 10-й пехотной дивизии, артиллерийская подготовка атаки велась в течение всего дня 20 марта. При этом к разрушению проволоки в трех местах привлекалась легкая 76-мм артиллерия, а три прохода проделывались 122-мм гаубицами. Все остальные 122-мм гаубицы и все 152-мм орудия были обращены на разрушение окопов, блиндажей и фланкирующих участков. В течение ночи с 20 на 21 марта по окопам и проходам в проволоке поддерживался артиллерийский огонь шрапнелью. В 7-й пехотной дивизии ночная атака подготовлялась 76-мм снарядами с удушливыми газами, а тыл противника обстреливался снарядами с ядовитыми газами.

В результате такой артиллерийской подготовки войска 5-го корпуса сначала на участке 10-й, а затем и 7-й дивизии легко ворвались в окопы противника, в штыковом бою прошли и удержали три линии окопов и заграждений первой оборонительной полосы, захватили 1 300 пленных, пулеметы, минометы и другое имущество.

Пройдя первую полосу обороны, войска 5-го корпуса остановились перед второй полосой на линии д. Мокрица и леса, что западнее г. дв. Августово. Часть легких батарей из 2-й и 3-й групп (Скер-

ского и Велямовича) выдвинулись вперед вечером 21 и утром 22 марта.

Частный успех, достигнутый 21 марта 5-м корпусом, не получил дальнейшего развития главным образом потому, что расположенные далеко сзади резервы не успели своевременно подойти и поддержать атаку.

К утру 22 марта фронт 5-го корпуса был сокращен и левее его был развернут 3-й Сибирский корпус. Главный удар возлагался на эти два корпуса, а 36-й корпус получил второстепенную задачу. На другой день, 23 марта, 36-й корпус был заменен 35-м корпусом и отведен в резерв.

Артиллерийская подготовка атаки, произведенная 22 марта, не могла быть успешной из-за недостатка снарядов для тяжелой артиллерии; вследствие этого не удались дальнейшие попытки продвинуть вперед пехоту в 3-м Сибирском и 5-м армейском корпусах. По той же причине и вследствие плохой погоды атака, назначенная в ночь на 23 марта, была отменена, а 24 марта не состоялась.

В течение 21—23 марта германцы вели беспрерывные контратаки против группы Балуева, отбиваемые огнем или штыковыми ударами, а контратака 21 марта на участке 7-й пехотной дивизии была отбита снарядами с удушливыми газами.

Шли горячие кровопролитные бои. Между тем весенняя оттепель со снежными мокрыми метелями превратила дороги, окопы и поля в непроходимую грязь. Вследствие трудности подвоза войска стали терпеть лишения во всем, а передовые части даже голодали.

В 3-м Сибирском корпусе артиллерийская подготовка атаки производилась в ночь с 27 на 28 марта и не достигла результатов, так как ночная стрельба артиллерии при имевшихся тогда средствах и принятых методах подготовки не могла быть успешной, имея только некоторое психологическое значение, но по существу являясь довольно бесцельной тратой снарядов, не говоря уже о том, что ночью очень возможно было поражение своих.

В ночь на 26 марта части 35-го корпуса заняли было первую линию германских окопов, но остановились перед неизвестной им второй линией, оказавшейся в 0,5 км за первой.

Атака в ночь на 31 марта частями 3-го Сибирского и 5-го армейского корпусов успеха не имела.

Ввиду наступившей того же 31 марта полной весенней ростепели операция затихла.

Объединение управления всей артиллерией группы Балуева в руках генерала Романовского, как упоминалось, было номинальным; в процессе операции артиллерия постепенно выходила из его ведения: 20 марта в распоряжение начальника 10-й пехотной дивизии перешла 3-я артиллерийская группа Велямовича, а 22 марта артиллерия распределилась между 7-й и 10-й дивизиями и 3-м Сибирским корпусом; наконец, 28 марта 2-я и 3-я группы артиллерии 5-го армейского корпуса подчиняются начальнику 10-й дивизии, и в распоряжении инспарта 5-го корпуса остается только 1-я артиллерийская группа Тихоцкого. Что же касается артиллерии 36-го корпуса, то

она, как указывалось выше, с самого начала операции была роздана в дивизии. Словом, в группе Балуева не было не только общего управления артиллерией в руках одного старшего артиллерийского начальника, но не было объединения и в корпусах в руках шпаркоров.

Следует отметить как характерную отрицательную особенность в группе Балуева частую отмену и откладывание со дня на день атак, тогда как артиллерийская подготовка в расчете на атаку велась, по распоряжению общевойсковых начальников, все дни операции с некоторыми небольшими перерывами.

В результате — громадный непроизводительный расход снарядов, причем немцы, пользуясь перерывами, успевали оправиться и восстановить поврежденные при артиллерийской подготовке окопы и заграждения.

Группа генерала Сирелиуса. Группа эта, имея фактически пассивную задачу, не делала даже попыток наступать. Только однажды выслана была разведка, которая проникла за проволочные заграждения, но вскоре была отогнана пулеметным огнем противника с фланга. Но артиллерийская подготовка велась в предположении активных действий ежедневно с 18 марта, причем, по распоряжению общевойскового начальства, делались, чтобы беспокоить противника, «ураганные вспышки» артиллерийского огня два раза днем и один раз ночью, а для атаки войска так и не посылались до конца операции.

Два корпуса группы Сирелиуса, в сущности, нельзя принимать во внимание при расчете сил 2-й армии, назначенной для удара в мартовской операции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мартовская операция 1916 г., являясь этапом на пути к овладению техникой борьбы за укрепленные полосы, была неудовлетворительно подготовлена и еще хуже выполнена. Русская армия, исключительно плохо руководимая, с недостаточно мощной артиллерией и притом недостаточно обеспеченная боеприпасами, не смогла осуществить прорыв укрепленной позиции германцев, несмотря на большое превосходство в числе бойцов пехоты, и залила поля сражения потоками крови.

Командующий 2-й армией генерал Рагоза, потеряв надежду на успех атак группы Плешкова, стал настойчиво предлагать Эверту новый оперативный план — перенести атаки на участок Сирелиуса в направлении деревень Лотва, Черняты, введя в дело резерв главкозапа — 15-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Но это предложение не было осуществлено, так как указанный участок признавался неудобным для наступления; к тому же большие потери и лишения, которые начали терпеть войска вследствие крайней трудности подвоза, произвели надлом в настроении командования. Эверт обратил внимание командующих армиями на то, что «с людьми голодными и утомленными до такой степени, что они падают от

усталости и засыпают перед проволочными заграждениями... на успех рассчитывать нельзя».

«Примите меры, — предписывал Эверт, — чтобы люди ежедневно были накормлены во что бы то ни стало и перед атакой имели необходимый отдых...»

Безуспешные бои продолжались до конца марта, хотя 2-я армия уже понесла потерь около 78 000 человек. Наконец, 28 марта последовала директива начштаверха Алексеева о прекращении наступления, так как не оставалось надежд искупить это массовое избиение людей какими-либо оперативными успехами.

По окончании операции начальник штаба Западного фронта телеграфировал высшим войсковым начальникам:

«Наступление нашей 2-й армии, начавшееся 5 (18) марта, не увенчалось успехом, расположение противника нам не удалось прорвать.

Между тем для нанесения решительного удара немцы на фронте группы генералов Плешкова и Балуева нами были сосредоточены значительные превосходные силы с могучей артиллерией, причем войска как огнестрельными, так и прочими запасами были обеспечены в мере возможности широко. Дабы дорого стоящий нам опыт послужил хорошим уроком на будущее время, главком приказал для всестороннего изучения этой операции и составления руководящих указаний, спешно просить всех высших начальников, до начальников дивизий и командиров артиллерийских бригад включительно[1], сообщить их откровенное мнение о причинах неудачи.

При этом желательно преимущественное внимание уделить управлению боем, состоянию войск, артиллерийской подготовке наступления, взаимодействию в разные периоды боя артиллерии и пехоты и отдельных боевых участков между собою, участию резервов в развитии боя и т. д.

Считаю долгом обратить особое Ваше внимание на то, что полезность намеченных указаний будет находиться в полной зависимости от того, насколько окажутся верными положенные в основу их Ваши заключения о происшедших событиях...»

Наиболее интересные и вдумчивые заключения войсковых начальников сводились к следующему:

а) Разноречивость приказаний генерала Плешкова, ежедневно 21, 22, 23 и 24 марта менявшего полосы наступления, приводила к бесполезному мотанию войск, понижавшему их дух, и к потере времени, особенно опасной ввиду наступавшей оттепели.

б) Операция велась с нарушением основных принципов военного дела и с пренебрежением к богатому опыту 20 месяцев войны. План операции не отвечал принципу сосредоточения усилий. Не было мощного тяжелого артиллерийского «кулака» для прорыва укреп-

[1] В деле ЦГВИА 369, л. 322, имеется другая телеграмма, согласно которой главкозап предлагал широко использовать полученный опыт, установить причины неудачи, приемы боя, ошибки, выводы «проработать со всеми войсковыми начальниками до младших офицеров включительно». «Без этого, — говорилось в телеграмме, — опыт пропадет бесследно, мы снова повторим прежние ошибки».

ленной позиции на избранном участке расположения противника. Тяжелая артиллерия была рассредоточена. В группе Плешкова тяжелая артиллерия была массирована механически — колесом к колесу, рассредоточивая свой огонь на участке значительного протяжения.

Отмечена была нецелесообразность разбрасывания снарядов тяжелой артиллерии по всему фронту вместо концентрирования артиллерийского огня на определенных небольших участках, что привело бы не только к полному разрушению окопов и других сооружений противника, но попутно и к уничтожению проволочных заграждений.

в) Рознь между частями войск, имевшая место издавна в мирное время, ведущая к отсутствию взаимной выручки. Каждый командир корпуса интересовался только своим корпусом, а к другим корпусам, даже к соседним, относился в лучшем случае безразлично. Все 115 орудий генерала Закутовского подготавливали атаку только 1-го Сибирского корпуса, тогда как по приказу Плешкова атака 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов должна была производиться одновременно, по взаимному соглашению начальников дивизий.

Надлежащей связи и взаимодействия артиллерии, особенно тяжелой, с пехотой не было; на запросы пехоты о помощи артиллерия не всегда, а тяжелая вообще не отзывалась. По заключению генерала Гудима, «пехота была предоставлена самой себе, так как, не подготовив в действительной степени ее атаки, артиллерия вместе с тем во время движения пехоты вперед не оказывала ей надлежащего содействия переносом огня на тыл и фланги атакуемого участка и на те батареи противника, которые мешали продвижению пехоты. Работа артиллерии производила впечатление, как будто она решала свою самостоятельную задачу, независимо от задач пехоты, и не была связана с нею общностью условий, т. е. отсутствовала надлежащая связь между этими родами войск.

Признавая необходимость полковой артиллерии, в 22-й пехотной дивизии назначались всегда в полковые участки одни и те же батареи, почему связь их с командирами полков и стрельба достигали полного совершенства. . .»

В других частях артиллерийский огонь не всегда сопровождал и поддерживал атаку своей пехоты.

г) Полки 22-й пехотной дивизии попали в ловушку, обстреливаемую артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем с фронта и с флангов. Их следовало отвести назад, а не продвигать вперед. По мнению командира 1-го армейского корпуса, «не лезь вперед, когда не знаешь, что впереди, хотя бы твои соседи атаковали справа и слева; попадая в ловушку, сообрази и быстро отходи назад. Атаку можно повторить, а убитых не воскресишь». По убеждению его — человека, неоднократно бывшего под огнем, — так именно следует поступать, т. е. *воевать, а не водить людей на убой.*

Плешков посылает в атаку истекающую кровью 22-ю пехотную дивизию, потерявшую 50% состава, считая ее попрежнему боеспо-

собной и, придерживаясь буквы устава, что боевые части «не сменяются», а поддерживаются...

д) Плешков приказал начать артиллерийскую подготовку в 8 часов и переходить в атаку не позже 15 часов, тогда как на артиллерийскую подготовку «мало было не только 6, но и 26 часов» [1].

Подготовка атаки шрапнельным огнем, производившаяся некоторыми батареями, была безрезультатной и бесцельной.

е) Артиллерия, особенно тяжелая, располагалась слишком далеко за своей пехотой и от неприятельской артиллерии, которая нередко оказывалась недосягаемой и безнаказанно поражала русскую пехоту.

Наблюдение за результатами стрельбы артиллерии оставляло желать лучшего.

Пехота, занявшая окопы противника, поражалась иногда огнем своей артиллерии, хотя с наблюдательных пунктов движение пехоты в большинстве случаев было видно. Например, утром 19 марта тяжелая артиллерия Закутовского выпустила до 50 снарядов по своим пехотным заставам, убив 2 и ранив 19 солдат и контузив 2 офицеров.

ж) Не было надлежащего управления огнем артиллерии. Неудовлетворительность работы частей артиллерии объяснялась не ее недочетами, а недочетами в объединенном ее управлении.

Объединение всей артиллерии в одних руках признано весьма сложным в отношении управления и своевременной помощи пехоте на нужных пунктах. Просьбы пехоты обстрелять те или иные цели запаздывали, проходя несколько инстанций, а за это время выгодные цели исчезали.

По мнению командира 22-й артиллерийской бригады Ивашинцева, разделяемому и другими артиллеристами, управление сосредоточенной многочисленной тяжелой артиллерии в одних руках трудно и нецелесообразно и более правильным было бы выделить ее части в распоряжение корпусов [2].

В общем со стороны войсковых начальников на долю артиллерии выпало немало нареканий, во многом справедливых; что же касается мнения самого главкозапа Эверта, то главной причиной мартовской неудачи он считал неудовлетворительность боевых действий артиллерии.

Еще во время операции полевой генинспарт командировал на Западный фронт в группу Плешкова одного из своих адъютантов, полковника Гриппенберга, который в своем докладе нарисовал откровенную жуткую картину хода мартовской операции и объяснил, что причины ее неудачи заложены были глубоко в основных

---

[1] Время, назначаемое на артиллерийскую подготовку, должно быть сообразовано с имеющимися артиллерийскими средствами и с теми задачами, какие артиллерия должна выполнить в период артиллерийской подготовки. Но необходимо учитывать и элемент внезапности, о чем начальники в своих выводах забыли.

[2] С мнением командира 22-й артиллерийской бригады нельзя не согласиться, особенно в данном случае.

принципах русского высшего командования и что одного этого было достаточно, чтобы без наличия всяких других ошибок обречь всякую операцию на полную неудачу (доклад Гриппенберга использован в настоящем труде).

Затем, по окончании операции полевой генинспарт, с целью выяснения, насколько были правильны обвинения, возводимые на артиллерию, выехал с начальником Упарта и некоторыми состоящими для поручений сотрудниками в штаб Западного округа, куда были вызваны высшие войсковые и артиллерийские начальники, принимавшие участие в мартовской операции.

В результате произведенного расследования ставкой главковерха, по докладу Упарта, были даны следующие указания по артиллерийской части, добытые тяжким опытом мартовской неудачи:

1. Разработка операции в целом и в деталях как старшими, так и последующими войсковыми начальниками должна производиться заблаговременно совместно и в полном единении с соответствующими артиллерийскими начальниками. Только при этом условии возможно: а) исчислить потребность в орудиях и снарядах в соответствии с задачей, соразмерив задачу с наличными средствами; б) поставить задачи артиллерии в соответствии с ее основными свойствами; в) целесообразно использовать огонь артиллерии.

Совершенно недопустимо указывать артиллерии позиции до получения задачи, а затем уже давать ей боевую задачу, разработанную помимо и без ведома артиллерийских начальников (группа Плешкова).

2. Для решения боевой задачи, требующей сосредоточения сильного огня на определенном фронте, батареи и дивизионы могут быть соединены в группы. Состав и сила группы должны отвечать поставленной задаче и удобству управления.

Если количество артиллерии, привлеченной к решению общей задачи, велико, то артиллерию необходимо разбивать на несколько групп, объединенных единой властью. Если артиллерийские группы не могут оказывать взаимной поддержки на общем фронте, то объединение их излишне. Вообще чем больше группа, тем труднее управление и использование ее для решения частных задач. При организации групп должно, по возможности, избегать дробления батарей и дивизионов.

Необходимо не сосредоточение массы артиллерии на одной позиции, а сосредоточенный на заданном фронте огонь артиллерии, хотя бы и разбросанно расположенной.

В корпусах группы Плешкова состав артиллерийских групп был случайный, не отвечающий задаче и удобству управления, а сведение артиллерии в общую группу при неудачном ее расположении привело к невозможности нанести сильный удар сосредоточенным огнем на главном участке атаки. Объединение пяти артиллерийских групп под общим начальством Закутовского ничем не вызывалось, так как большая часть этих групп взаимно поддерживать друг друга и решать общие задачи не могла.

В группе Балуева артиллерию 36-го корпуса, ввиду того что активную задачу выполняла только одна дивизия, необходимо было объединить, а не отдавать почти поровну в дивизии. Раздробление тяжелой артиллерии между всеми артиллерийскими группами Балуева не вызывалось необходимостью.

3. Начальник артиллерийской группы подчиняется тому общевойсковому начальнику, для которого решает задачу его группа. Она составляет артиллерию участка этого общевойскового начальника, предназначенную как для решения общей задачи, так и прочих текущих задач, которые ставит бой; эти последние задачи, возникающие главным образом по инициативе начальников нисходящих степеней (артиллерийских и общевойсковых), должны решаться в то время, когда артиллерийские части группы свободны от выполнения поставленной им общей задачи.

Артиллерийская группа должна иметь самую тесную связь: «восходящую» — от начальника артиллерийской группы к общевойсковому начальнику, которому он непосредственно подчинен; «нисходящую», соединяющую атакующие войска с артиллерийской группой, причем средством этой последней непосредственной и наиболее чуткой связи должны быть наблюдательные (основные и передовые) пункты, а также дополнительные передовые артиллерийские пункты, выдвигаемые на занятые при атаке участки неприятельской позиции.

В мартовской операции артиллерийские группы нередко являлись чуждыми атакующим частям и необходимая между ними связь часто отсутствовала. Начальники артиллерийских частей, входивших в состав группы, не обладали инициативой и ожидали приказания свыше даже в то время, когда были свободны от решения общей задачи. В частности, в группе Закутовского пожелания частей, непосредственно ведущих атаку, не всегда принимались во внимание.

Между артиллерийскими начальниками и пехотными, непосредственно ведущими атаку, не было тесного единения и согласованности действий, как того требовала серьезность задачи. Отсюда вытекала разрозненность действий, распределение времени по часам, а не по достигнутым при подготовке атаки результатам; атака пехоты и артиллерийский огонь не шли рука об руку. Вследствие чрезмерной централизации управления артиллерийских групп пехота иногда, при частных эпизодах боя, или не получала артиллерийской поддержки, или поддержка эта приходила поздно.

В 1-м армейском корпусе пехотные начальники не нашли нужным осведомить артиллерийскую группу Масальского о том, что атака началась, и даже не потрудились узнать, закончена ли подготовка атаки артиллерией.

4. Войсковым начальникам надлежит ставить артиллерии определенные, ясно выраженные задачи.

В задании должно быть указано вполне определенно: а) на каком протяжении и в каком месте следует делать проходы в проволочных заграждениях; б) на каком протяжении и в каком именно месте

срыть окопы противника; в) в каком месте и какие постройки его разрушать и т. п.

Как протяжение фронта окопов и заграждений, так и число опорных пунктов и блиндажей, подлежащих разрушению, должно быть строго соображено с силами и средствами артиллерии.

Между тем, обращаясь к заданиям, по которым работала артиллерия во время мартовской операции, должно отметить, что или роль артиллерии в приказах и приказаниях определялась общими фразами, или задача ставилась хотя и определенная, но настолько обширная, что она была не под силу имевшейся артиллерии. Иначе говоря, задачи не были соображены с силами и средствами артиллерии. Задачи не соответствовали часто и свойствам артиллерии: нельзя было в то время требовать подготовки атаки ночью; нельзя легкой пушечной артиллерией разрушать окопы, к тому же промерзшие; артиллерия крупных калибров не должна предназначаться для проделывания проходов в проволоке, так как ее прямая задача — разрушать прочные постройки и укрытия в окопах.

Нельзя нарушать основное требование к артиллерии: наносить мощный удар сосредоточенным огнем; нельзя допускать, как это имело место в мартовской операции, разрозненные действия артиллерии и разбрасывание снарядов по широкому фронту и в глубину.

Наконец, некоторые задачи не отвечали самым элементарным общим правилам и задавались как бы наперекор здравому смыслу; так, например, приказывали артиллерии: открывать беглый огонь без определенной цели и боевой задачи; выпускать определенное число снарядов, не интересуясь ни целью стрельбы, ни достигнутыми ею разрушениями и прочими результатами; вести артиллерийский огонь, не имея в виду двигать пехоту вперед, и пр.

5. Соответственно полученной задаче необходимо предварительно составить и подробно разработать согласованный план действий атакующих войск и артиллерии.

Для артиллерии указанный план должен предусматривать потребное число орудий и количество снарядов разных калибров и с исчерпывающей полнотой предусматривать все детали предстоящей работы артиллерии: а) в период подготовки атаки, б) в период самой атаки, в) по окончании атаки, в предположении как успешного, так и отрицательного ее исхода.

Составленный план должно проводить настойчиво и систематично.

В мартовской операции род и количество потребных орудий и снарядов были определены «на-глазок».

В группе Плешкова общий план был разработан кое-как и при выполнении менялся — иногда даже дважды в течение одного дня; при таких условиях группировка артиллерии не могла соответственно и своевременно меняться, а отсюда вытекало: приказание обстреливать такой-то участок позиции противника «хотя бы на предельных дистанциях»; использование для главного удара ничтожной части артиллерийских сил и притом с чрезмерно больших дальностей.

В артиллерийской группе Закутовского не было своевременно предусмотрено разрушение фланкирующих участков окопов и блиндажей; ходы сообщения не были заданы к обстрелу; детального распределения огня не давалось, переносы огня назначались расплывчато. как, например, приказывалось: «обстрелять Лапинский лес», площадь которого занимала около 2 кв. км. или «перешеек леса».

В группе Сирелиуса плана действия не было никакого: по часам и приказам с тыла артиллерией выполнялись распоряжения об открытии то ураганного, то одиночного огня, днем и ночью.

6. При составлении плана действий должно руководствоваться результатами всестороннего изучения свойств неприятельской позиции не только в ее ближайших, обращенных к нам участках, но и в глубине.

Для этого необходимы личная разведка, отличное знание местности во всех ее деталях, фотографии позиций с самолета, разведка тыла позиции самолетами и змейковыми аэростатами.

В этом отношении было сделано довольно многое только в группе Балуева; в группах Плешкова и Сирелиуса почти никаких необходимых данных не имелось — в группе Плешкова, например, вторая линия окопов противника лишь «предполагалась».

7. Задача, поставленная артиллерии, должна быть насколько возможно более проста и ясна; тогда только будет легко и удачно выполнена как соответствующая группировка артиллерии, так и самая задача.

Задачи, поставленные приказами по группам Плешкова, Сирелиуса и Балуева, не отвечали указанному требованию.

8. При составлении плана действий артиллерийской группы необходимо учесть следующее: а) при большом числе орудий детальное управление огнем группы крайне затруднительно и бывает даже невозможно; поэтому задачи батареям и дивизионам группы должны быть просты и немногочисленны, а границы участков поражения должны быть ясно указаны — лучше всего показом на местности; б) при большом числе дивизионов и батарей должны быть приняты меры, чтобы они не мешали друг другу при стрельбе на поражение; поэтому следует назначать батареям и дивизионам хотя бы узкие, но самостоятельные участки, избегая накладывания огня нескольких батарей (дивизионов) на один район; в) артиллерийская группа требует значительного времени на рекогносцировку, на расстановку батарей, организацию связи, на распределение целей, поэтому излишняя торопливость ведет к непроизводительному расходу снарядов и невозможности использовать боевую силу огня полностью, поэтому же нельзя часто менять задачи артиллерии и ожидать от нее немедленного исполнения поставленной задачи.

Между тем артиллерийская группа Закутовского, при предварительной подготовке атаки, имела в виду сложные задачи, многочисленные переносы огня, накладывание огня нескольких дивизионов или батарей на один и тот же участок. Пристрелка 237 целей в течение трех дней ясно указала район намеченного удара в распо-

ложении противника; при этом задачи группе изменялись, не считаясь с временем.

Заблаговременная пристрелка большого числа целей не всегда необходима, в особенности в тех случаях, когда цели только предположительны.

В указанном случае предварительная пристрелка являлась излишней, так как требовалась точная стрельба на разрушение, а заблаговременно пристрелянные при тогдашних методах и средствах данные ввиду изменений в атмосфере для получения точных данных все равно следовало проверить, т. е. нужно было вновь пристреляться.

Вообще при заблаговременной пристрелке не имело смысла добиваться получения точных данных и необходимо было так вести пристрелку, чтобы не обнаружить противнику фронта главной атаки.

При невозможности выполнить указанное требование пристрелку следовало начинать непосредственно перед артиллерийской подготовкой; для сокращения времени на пристрелку число целей должно быть ограничено только строгой необходимостью.

9. Артиллерийская группа, по окончании поставленной ей задачи, по мере захвата позиций противника и продвижения пехоты вперед, должна выделять и передавать войскам необходимую им для непосредственной поддержки артиллерию. Порядок расчленения группы должен быть, по возможности, предусмотрен.

Разумеется, возникшая в процессе операции новая задача, требующая сосредоточенного удара огня артиллерии, может вызвать образование новой артиллерийской группы.

В группе Балуева делались распоряжения о расчленении артиллерийских групп, но исполнение распоряжений несколько запаздывало.

10. Ни подготовка, ни поддержка атаки артиллерийским огнем ночью не может быть допущена [1].

Ночная стрельба (огонь всегда редкий, носящий случайный характер, неравномерный) может иметь задачей: а) мешать работам по восстановлению того, что было разрушено дневной стрельбой; б) беспокоить противника в особенно важных участках его позиции, где выяснено или предполагается большое скопление людей; в) обстреливать населенные пункты, держать противника под постоянным страхом хотя бы случайного поражения.

---

[1] Таково было мнение артиллерийской комиссии, производившей расследование о причинах неудачи мартовской операции. С конца 1916 г. и в 1917 г. артиллерии разрешалось, в случае крайней необходимости, вести ночью заградительный огонь по известным рубежам и обязательно по заблаговременно засвеченным определенным целям (см. ч. 5 и ниже, «Артиллерия на фронте 10-й армии в июльскую операцию 1917 г.»).

В настоящее время усовершенствование средств разведки и методов стрельбы позволяет артиллерии и ночью успешно *поддерживать* свою пехоту. Стрельба ведется по целям, освещенным прожекторами и осветительными снарядами, по целям, пристрелянным или разведанным днем, а в крайнем случае и по намеченным по карте. Преимущественными видами огня являются сосредоточение огня батарей (дивизионов) и заградительный огонь (БУА, ч. II, «Наступление ночью»).

Эти указания не были соблюдены во всех трех группах — Балуева, Плешкова и Спрелиуса; стрельба велась каждую ночь, нередко наугад, с напрасной тратой снарядов.

11. Расписание стрельб по часам или выпускание снарядов каждой батареей через определенные промежутки времени без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов.

Между тем и это указание было нарушено во всех трех группах

12. Нельзя назначать по часам продолжительность подготовки атаки или точное время начала атаки: необходимо только указать, что именно нужно сделать артиллерии. Как исполнить заданное — это уже дело артиллеристов [1].

Артиллерия должна всемерно стремиться выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто коротким сроком нельзя.

Пехота должна начинать атаку укрепленной позиции лишь тогда, когда будет закончена артиллерийская подготовка атаки.

Все указанное относится ко всем группам, участвовавшим в операции.

13. Артиллерийский огонь следует вести методичный, с наблюдением при каждом выстреле не только перелетов и недолетов, но и производимого разрушения.

Термин «ураганный огонь» следует совсем вывести из обихода. Ни «ураганного», ни «барабанного» огня вести не должны, — впечатление урагана должно получаться только у противника, по которому бьет достаточное число батарей.

Только в отдельных случаях появления открытых скоропроходящих целей допустим «беглый огонь» и то не массы артиллерии, а отдельных батарей.

Для морального воздействия на противника нужен не «ураганный» огонь многочисленной артиллерии, а планомерное и тщательно подготовленное совместное ее действие, при котором только и возможно достигнуть: разрушения преград, поражения живых целей и непрерывного, назойливого треска разрывов, покрывающего весь участок атаки.

Все группы, участвовавшие в мартовской операции, не соблюдали приведенных указаний.

14. Каждый артиллерийский выстрел должен преследовать определенную цель, вытекающую из общей задачи: не следует стрелять потому только, что стреляет противник.

---

[1] С этим указанием ставки согласиться, конечно, нельзя. Общевойсковой начальник обязан установить число часов, какое он предоставляет артиллерии на подготовку атаки; в зависимости от продолжительности артиллерийской подготовки он окончательно уточняет задачи для войсковых частей. Но продолжительность артиллерийской подготовки должна устанавливаться при обязательном участии начальника артиллерии данного войскового соединения в зависимости от имеющихся артиллерийских средств и тех задач, какие будут поставлены артиллерии в отношении подготовки атаки. Намечается, также и час атаки.

На фронте Сирелиуса 18 и 19 марта немцы не отвечали его артиллерии почти ни одним выстрелом. Это пример, достойный подражания.

15. О силе артиллерийского огня нельзя судить по звуку выстрелов: нужно считаться с результатами огня.

Между тем начальники дивизий и командиры полков часто говорили, что артиллерийский огонь «слаб», и задерживали из-за этого начало атаки, тогда как результаты артиллерийской подготовки бывали в то время достаточно удовлетворительными.

16. Огонь артиллерии и движение пехоты должны итти рука об руку: движение в атаку должно итти под прикрытием огня артиллерии, причем огонь легкой артиллерии должен сопровождать пехоту до последней возможности, при безупречно организованном со стороны артиллерии наблюдении; огонь тяжелой артиллерии, при стрельбе гранатами, переносят с атакуемого участка, когда атакующая пехота примерно в 400 шагах от окопов противника.

Этот издавна установившийся в русской артиллерии принцип был нарушен почти всеми во всех трех группах.

В боях мартовской операции конец подготовки и начало атаки часто не совпадали: имели место перерывы продолжительностью до трех часов, в течение которых противник успевал оправиться морально и подвести резервы, а иногда частью восстановить разрушенное.

17. Для пробития проходов в проволочных заграждениях должна применяться 76-мм пушка при условии удаления, по возможности, не более 2 км и пристрелки каждого орудия отдельно. В указанных условиях, при наблюдении участка разрушаемой проволоки с расстояния не более ½ км, одна легкая батарея в час может сделать проход около 40 м шириной в проволочной полосе в шесть рядов кольев. Расход гранат при этом составит 20—50 штук на погонную сажень (около 2 м) фронта проволоки. Батареи предпочтительно ставить так, чтобы они фланкировали проволочные заграждения. Расходовать для этой цели тяжелые снаряды, особенно 152-мм, совершенно непрактично: эти снаряды нужно расходовать на разрушение прочных блиндажей и укрытий.

В начале операции во всех группах 76-мм артиллерия для разрушения проволоки привлечена не была. Вместо нее неправильно была использована артиллерия крупных калибров, в результате чего окопы, укрытия и особенно фланкирующие постройки остались почти везде неразрушенными, проходов же в проволоке сделано было недостаточно.

18. Невыгодно намечать сплошные участки разрушения проволоки и окопов. Устройство одного прохода, хотя и широкого, подводит под пулеметы и тяжкие потери; ряд устроенных проходов, хотя бы более узких, облегчает атаку, уменьшая жертвы.

19. Питание снарядами организовано было совершенно неудовлетворительно. Не были устроены в достаточном количестве промежуточные склады. Запасов, завезенных на склады, было недостаточно для ведения операции, а пополнение запасов запаздывало.

Для операции штабом Западного фронта были обещаны снаряды по расчету на 10 дней, считая на легкое орудие по 200 патронов, на 122-мм гаубицу — 100 выстрелов, на 152-мм и на 107-мм — по 50 выстрелов. Казалось бы, что эти снаряды должны быть в полном распоряжении каждой войсковой группы, причем они должны быть предварительно завезены на ближайшие склады в таком количестве, чтобы командование группой могло их расходовать не по дневному расчету, а по потребности боя.

Снаряды подавались малыми пачками, достаточными, чтобы поддерживать огонь, но недостаточными для решения задач. Такой порядок приводил в общем к большому расходу снарядов без возможности достигнуть успеха. Своевременно доставленные в необходимом количестве снаряды позволили бы нанести внезапный мощный огневой удар, обеспечивающий успех и сравнительно при меньшем общем расходе боеприпасов.

При достаточных запасах в ближайшем тылу возможно было бы регулировать по потребности расход гранат и шрапнелей.

20. На разрушение фланкирующих участков не было обращено должного внимания, и атаки 18 марта при слабом артиллерийском огне со стороны немцев были отбиты преимущественно фланкирующим пулеметным и ружейным огнем. При этом в некоторых случаях неудачно были избраны для атаки входящие сильно обстреливаемые с флангов участки.

21. Атака иногда не нацеливалась на места прорывов, сделанных артиллерией, а пехота не всегда следила за работой артиллерии. В результате атакующая пехота нарывалась на целые проволочные заграждения и несла большие потери. В таких случаях следовали обычно обвинения артиллерии в небрежной или недостаточной подготовке атаки огнем, вместо того чтобы обратить внимание на необходимость тщательной организации наблюдения и связи, а также на необходимость обучения пехоты наблюдению за артиллерийским огнем.

22. Двигались атакующие части медленно, с частыми остановками. Поэтому атакующая пехота несла большие потери, не имея возможности окопаться при мерзлом грунте, еще не оттаявшем во время операции; артиллерия же, принужденная в течение многих часов сопровождать и прикрывать огнем свою пехоту, тратила множество снарядов.

При движении атакующих частей шаблон неприменим, но при порывистом движении вперед потери будут гораздо меньше и не будет громадного расхода артиллерийских снарядов.

Кроме того, во время операции просьбы о поддержке артиллерийским огнем начинающейся атаки часто бывали преждевременными: несмотря на сообщение, что «атака началась», пехота еще дóлго оставалась на месте, а артиллерия, прикрывая предполагаемую, но запоздавшую атаку, тратила бесцельно массу снарядов.

23. План действий артиллерии не был достаточно разработан, а в некоторых случаях не был вовсе разработан. Цели для пере-

носа огня не всегда были распределены детально и пристреляны заблаговременно, ходы сообщения и пути перехода резервов противника не были выяснены, распределены и пристреляны. Указанные упущения произошли оттого отчасти, что аэрофотоснимки неприятельских позиций не были своевременно доставлены и в полной мере использованы.

24. Высшее артиллерийское командование в корпусах, армиях и на фронтах не должно ограничиваться комнатными словесными объяснениями, отрывающими командный состав артиллерии от работы в наиболее горячее время, и ознакомлением с положением дела только по разрисованным отчетным карточкам. Оно должно фактическим контролем, работой на наблюдательных пунктах проверять исполнение приказов начальниками младших степеней, указывать на месте ошибки и на месте же давать указания, как их исправлять.

Результаты совещаний артиллерийских начальников и выработанные планы действий артиллерии следует сообщать начальникам дивизий и командирам полков, назначенным для непосредственного участия в атаке. Не следует связывать непосредственных исполнителей, если их действия не идут вразрез с общим планом.

25. Необходимо на ночь организовать специальную стрельбу пехоты и выставлять пулеметные батареи для обороны сделанных проходов и разрушений, чтобы не допустить исправления повреждений. Нельзя всю ночную стрельбу возлагать только на артиллерию.

В мартовскую операцию редкий артиллерийский огонь по ночам для обороны проделанных проходов и разрушений оказался недостаточным, чтобы прекратить работы. Например, все проходы, сделанные русской артиллерией 18 марта, немцы успели к 20 марта завалить рогатками.

26. Не следует расходовать шрапнели, если нет живых целей; в период разрушения окопов и проволоки для шрапнели почти нет целей.

Между тем при атаках 18 и 22 марта в одном только 5-м корпусе выпущено было около 27 400 шрапнелей к 76-мм пушкам и до 2 500 шрапнелей более крупных калибров. На это сразу было обращено внимание, и на артиллерийскую подготовку 20 марта расход шрапнелей в том же 5-м корпусе, при удачной атаке, оказался всего около 3 200 для 76-мм пушек и около 300 для орудий прочих калибров. Атака 18 марта стоила 65 500 снарядов.

27. По опыту мартовской операции, оказалось необходимым увеличить число гранат к 76-мм и 107-мм пушкам до 50% боевого комплекта, к 122-мм гаубицам — до 75%, к 152-мм гаубицам — до 90%, чтобы в борьбе за укрепленные позиции не испытывать недостатка в снарядах для разрушения.

28. Опыт мартовской операции показал, что в большинстве случаев как русская, так и неприятельская артиллерия были неуязвимы.

Поэтому «приказать» уничтожить артиллерию не значит еще избавить себя от ее огня, и нельзя обольщать себя и пехоту надеждой, что огонь артиллерии будет совершенно погашен. Поэтому еще в период предварительной подготовки операции необходимо изыскивать средства, позволяющие сделать этот огонь менее действительным [1].

29. Мартовские бои подтвердили необходимость передачи средств воздушной разведки в руки артиллерии с временным подчинением летчиков артиллерийским начальникам.

30. В общем артиллерии в период мартовской операции назначали фронт обстрела и разрушения, ни с чем не сообразуясь. При постановке задач артиллерии как общевойсковые, так и артиллерийские начальники по большей части не производили расчетов, которые давали бы уверенность, что задача отвечает силам той артиллерии, которой она задана, не подсчитывали (исходя из примерного числа снарядов, требующихся, по грубому хотя бы подсчету, для выполнения задачи), может ли артиллерия исполнить задачу в заданный срок и пр.

В результате — при неуспехе перекладывание вины на артиллерию, не оправдавшую будто бы возлагавшихся на нее надежд. Так, например, на третий день боя, 21 марта, главкозап Эверт телеграфировал наштаверху Алексееву: «...Судя по тому, с каким трудом войска овладевают даже передовыми окопами, приходится притти к убеждению, что результаты артиллерийской подготовки весьма недостаточны; артиллерия стреляет слабо, руководство ее огнем поставлено нехорошо, и снаряды затрачиваются непроизводительно». Между тем в данном случае и во всех других случаях вина за неудачу мартовской операции падала на тех начальников, не исключая некоторых артиллерийских, которые не сумели использовать боевую силу артиллерии, забывая и опыт подготовки мирного времени и опыт войны.

Причин, породивших мартовскую неудачу, было множество. Механически связанные между собою, каждая из них порождала новые, и таким образом создалась та совокупность условий, при которых успех операции стал невозможным. Точно так же не было одного какого-нибудь виновника среди руководителей операции — грешили все и грешили во всех областях. Безупречна была лишь та живая масса, имя которой — войска.

---

[1] Артиллерия на хорошо закрытых огневых позициях неуязвима для огня неприятельской артиллерии в большинстве случаев, но не во всех. Борьба с артиллерией противника необходима и может привести если не к ее уничтожению, то во многих случаях к нейтрализации ее огня.

Среди средств, которые ставка предлагала изыскивать с целью нейтрализации огня неприятельской артиллерии, наиболее действительными являются: воздушная разведка, наблюдение с воздуха, а также обстрел района огневых позиций противника химическими снарядами. Во время мартовской операции русская артиллерия воздушной разведкой и наблюдением, в сущности, не пользовалась, а химических снарядов не имела.

План операции, задуманный русской ставкой, не вызывал возражений. Но в проработке и исполнении плана были такие дефекты, которые должны были опрокинуть самый лучший план.

Всесторонне и широко обдуманная, тщательная подготовка операции отсутствовала. Операция разрабатывалась штабом Западного фронта, который не считался ни с условиями местности, ни с временем года, ни с состоянием своего тыла и снабжения, ни с состоянием укрепленной позиции противника, ни с артиллерийскими и прочими техническими средствами, необходимыми для прорыва такой позиции. Почти двойное превосходство в силах и наличие против 2-й русской армии, назначенной для главного удара, только 5 полевых германских дивизий и поддерживающих полевые 2 ландверных, 2 резервных и 4 кавалерийских дивизий создало среди русского командования предвзятое настроение, быстро просочившееся сверху вниз, о слабости противника. По докладу полевому инспарту одного из участников мартовской операции, командированного Упартом, «о встрече упорного сопротивления как-то не думалось. Вильно чуть ли не у всех на устах».

У одного из старших начальников срывается фраза: «Эх, я бы попробовал без всякой подготовки». Такая предвзятость, равносильная почти пренебрежению к противнику, привела к тому, что при выборе участков неприятельской позиции для нанесения удара руководствовались соображениями о том, как бы отхватить побольше кусок. Думали главным образом о размерах добычи, а соображения о том, что тот или другой участок значительно выгоднее в тактическом отношении, что войска его лучше знают, а указанный для атаки им не известен, отбрасывались.

При подготовке операции воздушной разведке придавалось мало значения. В целях маскировки войскам было даже запрещено вести свою разведку, а потому предварительная пехотная разведка почти отсутствовала. Так, был случай, что накануне боя на один из передовых артиллерийских наблюдательных пунктов явилась группа пехотных офицеров «посмотреть, где они будут завтра атаковать».

На предварительную артиллерийскую разведку и на подготовку операции в узко специальном, артиллерийском отношении (выбор позиций и наблюдательных пунктов, организация наблюдения и связи, пристрелка целей) было обращено должное внимание. Но командование не замечало ряда ошибок, совершаемых артиллеристами в общетактическом отношении.

Еще до начала операции организация в корне нарушается, начинается недопустимая в военном деле импровизация, порождающая в процессе операций дальнейшие импровизации, нарушающие основы всего того, что подготовляет успех и без чего даже случайный успех превращается в неудачу.

Организованная 2-я армия раздробляется на три случайные сборные группы, без органов управления, связи, разведки, тыла. На командиров корпусов, ставших случайными начальниками сбор-

ных групп, наваливается масса посторонних забот и затруднений, мешающих их прямой работе. В результате они не смогли сколько-нибудь планомерно и целесообразно руководить операциями подчиненных им групп.

Сборные группы, не будучи самостоятельными организованными единицами, в процессе операции начинают, в свою очередь, дробиться на более мелкие части. Артиллерия распределяется не строго в соответствии с поставленными ей задачами и с ее организацией, а нередко по соображениям случайного характера; причем против одного участка неприятельской позиции, иногда второстепенного, бывала перегрузка артиллерии, а против соседнего, который впоследствии делался главным, артиллерии было очень мало.

Главкозап — главный руководитель операции, командующий армией, командующие группами — все находились в нескольких часах пути от войск. Все управление шло по телефону, несмотря на существовавшее недоверие к тому, что передается по телефону. Живой связи между войсками и командованием не было: металлические провода убили ее, голос войск редко достигал верхов. Отдавались стильные приказы, суровые замечания, строгие выговоры — нередко те и другие вне времени и пространства, иногда вне и даже наперекор сложившейся обстановке. Но общения с войсками, контроля над ними, управления боем со стороны высшего командования, по существу, не было.

Основной недочет в области исполнения операции ставка главковерха правильно усматривала в том, что «без особой подготовки пытались прорвать укрепления противника методами полевого боя, не производя даже необходимого сближения, подхода к укрепленной линии противника».

Днем 18 марта русские войска рванулись в бой, не дождавшись результатов артиллерийской подготовки. Кое-чего они достигли, но вскоре были остановлены фланкирующим пулеметным огнем и сосредоточенным огнем неприятельской артиллерии. Из атаковавших мало кто дополз обратно.

Неудачная атака объяснялась недостатком артиллерийской подготовки, но для высшего командования было, повидимому, неясно, в чем состоит задача такой подготовки. Ясно было только то, что артиллерия должна разбить проволочные заграждения и разрушить первую линию окопов противника. Но что такое «тыл» противника, который задавался для обстрела артиллерии, где он начинается и в чем заключается, где его важнейшие места — все это не было выяснено. А потому такие задачи, которые ставились русской артиллерии, как: «разрушить ночью многочисленные опорные пункты в тылу и по сторонам атакованного участка» — и многие другие, им подобные, выполнить она не могла. Не могла также артиллерия разрушить леса, прикрывающие во многих местах с флангов оборонительную линию противника. Не могла русская артиллерия заставить молчать артиллерию противника, которую она не видела.

Но высшее русское командование проявило большую твердость и настойчивость в решении добиться успеха, не считаясь ни с чем. Артиллерийская подготовка повторяется неоднократно. Пушки гремят день и ночь; после канонады атаки повторяются, пехота бросается в образуемые фланкирующими участками «мешки», уже устланные трупами; покрываемая перекрестным огнем, она несет большие потери и к вечеру отходит, сильно поредевшая в своих рядах.

Наконец, вмешалась весна. Местность превратилась почти в сплошное озеро, дороги покрылись водой на 0,5—1,5 м и стали непроходимыми. Дальнейшее продолжение операции грозило катастрофой. После долгих настойчивых телеграмм и телефонных переговоров войскам, наконец, поверили, что они тонут. Получен был приказ вывести войска на сухие места. Наступление, влекущее за собой бессмысленные, бесцельные жертвы, прекратилось. Надежды на русское «авось» и на то, что русские «чудо-богатыри» все перенесут, не оправдались.

Людендорф в своих «Воспоминаниях» дает мартовской операции такую оценку: «21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным... западнее Поставы их атака была лишь с трудом отражена. Земля размякла, в болотистых местах вода образовала пруды, а дороги стали буквально бездонными. Подкрепления, спешно подвозимые... нами, шлепали в болоте, с трудом подвигаясь вперед от железной дороги Вильно, Двинск... Но русские, которым приходилось продвигаться по еще менее благоприятной местности, чем та, которая находилась позади наших позиций, сами выдохлись».

Людендорф сознается, что положение германцев во время русских атак на нарочском направлении было критическое и немцы отражали их с трудом. Русские войска имели успех лишь местного характера; в общем же их постигла тяжелая неудача. Наступление приказано было приостановить, не использовав всех собранных резервов, ввиду наступившей распутицы, совершенно прекратившей возможность передвижения.

Трудно было ожидать от наступления в марте в районе озер осуществления надежд русского командования на выполнение широких замыслов оттеснения германцев за пределы России. Но причина мартовской неудачи кроется не только в том, что весенняя распутица препятствовала успеху, а и в том, что наступление велось разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, без руководства со стороны армейского командования. В то время, когда один корпус атаковал, другой подготавливал атаку артиллерийским огнем или закреплялся. При подобном способе ведения операции наступление, как и следовало ожидать, не привело к успеху, несмотря на большое упорство русских войск в бою.

Результаты мартовской операции свелись к следующему.

Мартовская операция была помощью французам. На французском фронте у Вердена с 22 по 30 марта прекратились германские

атаки, что как раз совпадает со временем русского наступления на нарочском направлении.

Немцы ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии и не решились уменьшить свои войска на русском фронте, чтобы часть их перебросить на французский фронт. Напротив, немцы увидали всю рискованность своего положения на столь важном направлении, как ковенское, и вынуждены были в дальнейшем усилить здесь свои войска, перетянув сюда свои части с австро-венгерского фронта.

Мартовская неудача не могла не оказать отрицательного влияния на моральную сторону русского командования.

В общем мартовская операция 1916 г. развилась исключительно на пользу французов и отчасти германцев.

Но кто же виноват в кровавой мартовской неудаче? Повторяем — все, и чем выше, тем больше. Высшим русским командованием были нарушены и основы военного искусства и многие даже элементарные правила тактики. Меньше всех были виноваты войска.

Вот пример из мартовской операции — один из многих, ему подобных, который ответит на поставленный вопрос. По телеграфу передается войскам категорический приказ: «Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало». А войска стоят под огнем по колено в воде и, чтобы хоть немного передохнуть, складывают трупы немцев и на них садятся, так как окопы полны воды. К вечеру войска начинают промерзать; вдобавок ко всему к ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие — эвакуация раненых была плохо организована, о них мало заботились.

И все это не один-два дня, а в течение всех 10 дней операции!

Нужны были поистине исключительные качества русского солдата, чтобы, несмотря на такие небывало тяжелые условия, продолжать бой.

ГЛАВА I

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ НА ФРОНТЕ 10-й АРМИИ В ОПЕРАЦИИ 19—23 ИЮЛЯ 1917 г.[1]

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

После тяжелых кровавых уроков мартовской и других операций 1916 г. командование русской армии пришло к сознанию, что наступление без мощной артиллерийской поддержки приводит к неудачам и напрасной гибели людей.

Предполагая нанести решительный удар австро-германцам весной 1917 г., ставка главковерха предложила заблаговременно, еще осенью 1916 г., всем главкомам — каждому на своем фронте — разработать план операции прорыва укрепленной позиции и нанесения сокрушающего удара противнику. При разработке плана предлагалось руководствоваться минувшим опытом войны, зафиксированным в изданном ставкой «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы», положив в основание расчетов плана массирование не только живой силы, но и техники — в первую очередь массирование тяжелой артиллерии и снарядов. План предлагалось разработать на базе данных разведки о силах и расположении неприятеля и изучения тактических свойств районов, избранных для нанесения удара, на основе тщательной подготовки и планомерного проведения операции. При составлении плана предлагалось также иметь в виду беспрерывное совершенствование неприятельских укрепленных позиций, представлявших уже к тому времени мощную преграду из бетона, железа и проволоки, надежда прорвать которую могла осуществиться только при сосредоточении достаточно сильной артиллерии, в полной мере обеспеченной снарядами.

К концу 1916 г. каждый главком, считая свой фронт важнейшим и свою операцию главнейшей, представил в штаб верховного главнокомандующего обширный материал с планом намечаемой операции, выдвигая при разработке его в первую очередь расчеты материальных артиллерийских средств.

---

[1] Источником служили архивные дела ЦГВИА № 370, 450, 169—143, 174—754, 174—756, 174—758, 343—497, 143—072, 143, 346, 152—427, 214—354, 418—899, 144—418, 157—470, 161—102.

Главком генерал Эверт полагал, что решающий удар следует нанести на его Западном фронте, так как, наступая севернее Полесья, возможно постепенно отвоевывать свою родную землю, занять Польшу и угрожать Восточной Пруссии (см. схему 20). Из возможных направлений главного удара виленское направление Эверт считал важнейшим и наиболее выгодным, так как оно угрожало тылу немецкого фронта в бывшем Северо-Западном крае России. «Развитие здесь успеха, — говорилось в докладе Эверта, — скорее и легче заставит противника очистить нашу территорию, даст нам возможность выдвинуться на линию Неман, Брест и приблизит нас к государственной границе Германии, к чему последняя всегда была особенно чутка». По мнению Эверта, виленское направление было выгодно и в тактическом отношении, так как участок от Сморгони до Немана позволял организовать наступление на широком фронте, имел укрытый тыл, а впереди него не было серьезных естественных преград.

Окончательным решением командования Западным фронтом было: а) главный удар наносить 10-й армией в общем направлении от Молодечно на Вильно, на участке Кунава, Лостоянце шириной около 27 км, причем первоначальной задачей было поставлено овладеть Солы, Жуйраны, Ошмяны, Граужишки; б) вспомогательный удар наносить 2-й армией на слонимском направлении; в) 3-й армии совместно со 2-й, по мере развития успеха 10-й армии, перейти в наступление в общем направлении на Слоним и Вильно.

В отношении расчета живых сил и материальных средств в плане Эверта подчеркивалось, что для прорыва укрепленной германской позиции и развития успеха необходима организация могущественного удара на широком фронте с соответствующими силами и средствами, в особенности артиллерийскими. «. . .Как бы многочисленны ни были войска, собранные для удара, — говорилось в плане — но ввиду особенного развития укрепленных позиций и богатства его технических средств штурм не обещает успеха и лишь приведет к большим потерям, если мы не сосредоточим достаточных артиллерийских сил и средств. Скорее можно ограничиться в числе дивизий, назначаемых для атаки, чем в количестве тяжелых орудий».

По расчетам, приведенным в плане, для виленского направления необходимо было иметь следующее количество орудий и боеприпасов:

Название орудий	Число орудий	Число выстрелов на орудие в день бол
Пушек полевых 76-*мм*	1 296	200
Гаубиц до 152-*мм*	536	100
Гаубиц от 203-*мм* до 280-*мм*	42	25
Тяжелых пушек	88	60—75
Всего	1 962	

Схема 20. Прорыв германского фронта 10-й русской армией в направлении на Вильно в июле 1917 г. Общая обстановка.

Таким образом, на 1 км фронта предполагалось иметь 48 легких полевых пушек и до 25 гаубиц и тяжелых орудий, всего около 73 орудий.

Для второстепенного слонимского направления по плану Эверта требовалось относительно больше артиллерийских средств; по расчетам плана, плотность для этого направления выражалась до 88 орудий на 1 км. Эту странность можно объяснить боязнью Эверта перед контрманевром со стороны немцев. В своем плане он писал, между прочим, что «для успешности главного удара необходимо лишить противника возможности направить в атакованный участок поддержки из ближайших районов, к чему он обычно так широко прибегает».

Длительность операции намечалась в 14 дней.

Расчеты Эверта были совершенно не согласованы со средствами, имеющимися в распоряжении Упарта, и не сообразованы с оперативными замыслами ставки, согласно которым главный удар намечался не на Западном, а на Юго-Западном фронте, куда для образования сильнейшего мощного артиллерийского «кулака» направлялись четыре тяжелые артиллерийские бригады ТАОН, тогда как на Западный фронт дана была лишь одна 201-я бригада ТАОН, в составе всего 62 тяжелых орудий вместо 258, требовавшихся Эвертом (для всех его армий — 10-й, 2-й и 3-й) вдобавок к имевшимся у него на фронте (см. т. I, «Создание тяжелой артиллерии особого назначения»).

В феврале 1917 г. ставка подтвердила Эверту свое указание, данное в ноябре 1916 г., о том, что подготовительные к операции работы следует начать в пределах своих сил, рассчитывая пока лишь на усиление одной артиллерийской бригады ТАОН, так как нельзя было предполагать, что формируемые в тылу тяжелые батареи будут готовы и боеспособны к сроку. «Пока приходится считаться,— говорилось в предписании ставки,— с тем, что имеется, и сообразовать намеченные операции с имеющимися средствами, т. е. сократить размеры операции и намеченный участок прорыва, чтобы с небольшими средствами обеспечить себе верный тактический успех».

К началу операции (к июлю 1917 г.) на вооружении 10-й армии, назначенной для нанесения удара на виленском направлении, состояло следующее количество орудий:

Название орудий	Всего	Из них на участке главного удара
76-*мм* легких пушек	622	432
122-*мм* и 114-*мм* гаубиц	72	60
152-*мм* гаубиц и пушек	202	198
203-*мм* гаубиц	10	10
234-*мм* гаубиц	2	2
305-*мм* гаубиц	6	6
107-*мм* и 120-*мм* пушек	80	80
Итого	994	788

Таким образом, в действительности 10-я армия имела лишь около 50% того количества орудий (1962), которое признавал необходимым иметь Эверт.

С начала 1917 г. 10-я армия занимала позиционный район: Геверишки, Крево, Саковичи, Кунава, Сморгонь (схема 21). Главный удар предполагалось нанести 1-м Сибирским, 2-м Кавказским и 38-м армейским корпусами на фронте Кунава, двор Геверишки протяжением около 19 км. Вспомогательный удар со стороны Сморгонь должен был наносить 20-й армейский корпус (потом сменивший 2-й Кавказский корпус).

Позиция противника перед фронтом 10-й армии была искусно применена к местности. Первая линия окопов располагалась преимущественно по холмам, которые вместе с лесными участками укрывали ближайший тыл противника. Изломанные начертания окопов позволяли держать подступы к ним под перекрестным огнем. Сильно развитые окопы в исходящих углах были приспособлены для фланкирования. Солидные фортификационные сооружения в районе высот западнее Кунава и Сутково, ряд сомкнутых укреплений на высотах между Новоспасским и Богушинским лесами, а также к югу от Богушинского леса в районе Крево, отдельные каменные постройки и два кладбища у Крево, приведенные в оборонительное состояние,—все это создало ряд сильных укрепленных пунктов, увеличивающих обороноспособность позиции.

Богушинский лес являлся серьезным узлом сопротивления протяжением с востока на запад до 5 и с севера на юг до 2 км. Сутковский и Новоспасский леса, подходившие к первой линии окопов, были оплетены проволокой.

За окопами, шагах в тридцати, были устроены тяжелые блиндажи с применением бетона и рельсов, разрушение которых 152-мм гранатами было маловероятно.

За первой линией окопов, почти на всем ее протяжении, построены были вторая и третья линии окопов, удаленные друг от друга на 100—300 шагов. Имелись поперечные окопы, которые вместе с приспособленными к обороне ходами сообщения представляли собой «отсеки».

Широко были использованы проволочные заграждения — перед первой линией окопов имелось 4—5 полос проволоки по 4—6 рядов кольев в каждой полосе. Проволочные заграждения построены были также перед второй и третьей линиями окопов и перед теми ходами сообщений, которые были приспособлены к обороне. Сомкнутые укрепления были окружены проволокой.

За первой укрепленной полосой имелась в 3—5 км вторая укрепленная полоса — от Гавеновичи через Олешонки, Базары, г. дв. Мигули, Асаны, Попелевичи, Чухны и далее.

Судя по сделанным фотоснимкам, позиции противника имели законченный вид: окопы с тяжелыми блиндажами, с несколькими полосами проволочных заграждений, многие построены на обратных скатах.

С наземных наблюдательных пунктов отчетливо была видна только первая линия, другие линии были видны лишь местами — всхолмленность и леса их укрывали. Наибольшая видимость была с наблюдательных пунктов Кревского участка, где просматривался и тыл противника до Попелевичского леса. К северу от Богушинского леса видны были некоторые участки между Богушинским и Новоспасским лесами, к западу от Мысса и между высотой к северу от Мысса и Олешонки.

Разведка неприятельских укреплений на фронте предположенного главного удара показала следующее.

Окопы глубиной от 2 до 3,5 м и более со стрелковой ступенькой. Передняя крутость обшита досками, хворостом, нередко проволочной сеткой. Особой маскировкой не отличаются. Небольшой бруствер высотой до 0,35 м, а иногда и без него. Деревянные бойницы в большинстве отсутствуют; вместо них овальные стальные щиты с закрытым верхом. Козырьков почти нет. В окопах перед фронтом 1-го Сибирского корпуса в передней отлогости бруствера — помещения для часовых и для склада ручных гранат. Через каждые 75—100 шагов — мелкие ходы сообщения, идущие вперед под проволоку. На дне окопов — деревянные решетки. Все окопы строго применены к местности, имеют изгибы и изломы для лучшего фланкирования подступов к ним. На прямых участках окопов встречались выдвинутые вперед бетонные блиндажи-капониры для той же цели фланкирования.

Блиндажи и убежища типа насыпных с бревенчатыми перекрытиями встречались редко, только на второстепенных и тыловых участках, но и при этом с перекрытиями из 6—8 рядов 20—25-см бревен, с воздушной прослойкой и с надлежащим количеством земли сверху. Убежища для жилья деревянные и бетонные, с двумя бетонированными выходами. Покрытие у входов — рельсы, на них поставлены на ребро бетонные брусья в несколько рядов, и сверху насыпана земля. Деревянные убежища имеют вид «лисьих нор» глубиной 6—12 м. Стены — из поставленных вертикально бревен. Бетонированные убежища — из железобетона со стенками толщиной в 1 м. Жилища в 2—4 этажа (3 подземных соединены люками). Стены обшиты досками и толем. Вентиляция через трубы, печи. Освещение электрическое.

Пулеметные гнезда и убежища — обычно в виде насыпного блиндажа, высотой около 1,75 м, шириной 2 м и длиной до 4 м. Против каждого пулеметного гнезда устроено убежище для солдат и пулеметов.

Наблюдательные пункты встречаются из железобетона, не менее прочного, чем в убежищах; крыша из железной плиты толщиной до 2,5 см, покрытая сверху бетоном; дверь и подъемная ставня железные.

Малокалиберные пушки располагаются в опорных пунктах (редутах) второй и третьей линий и в отдельных тыловых траншеях в бетонированных помещениях.

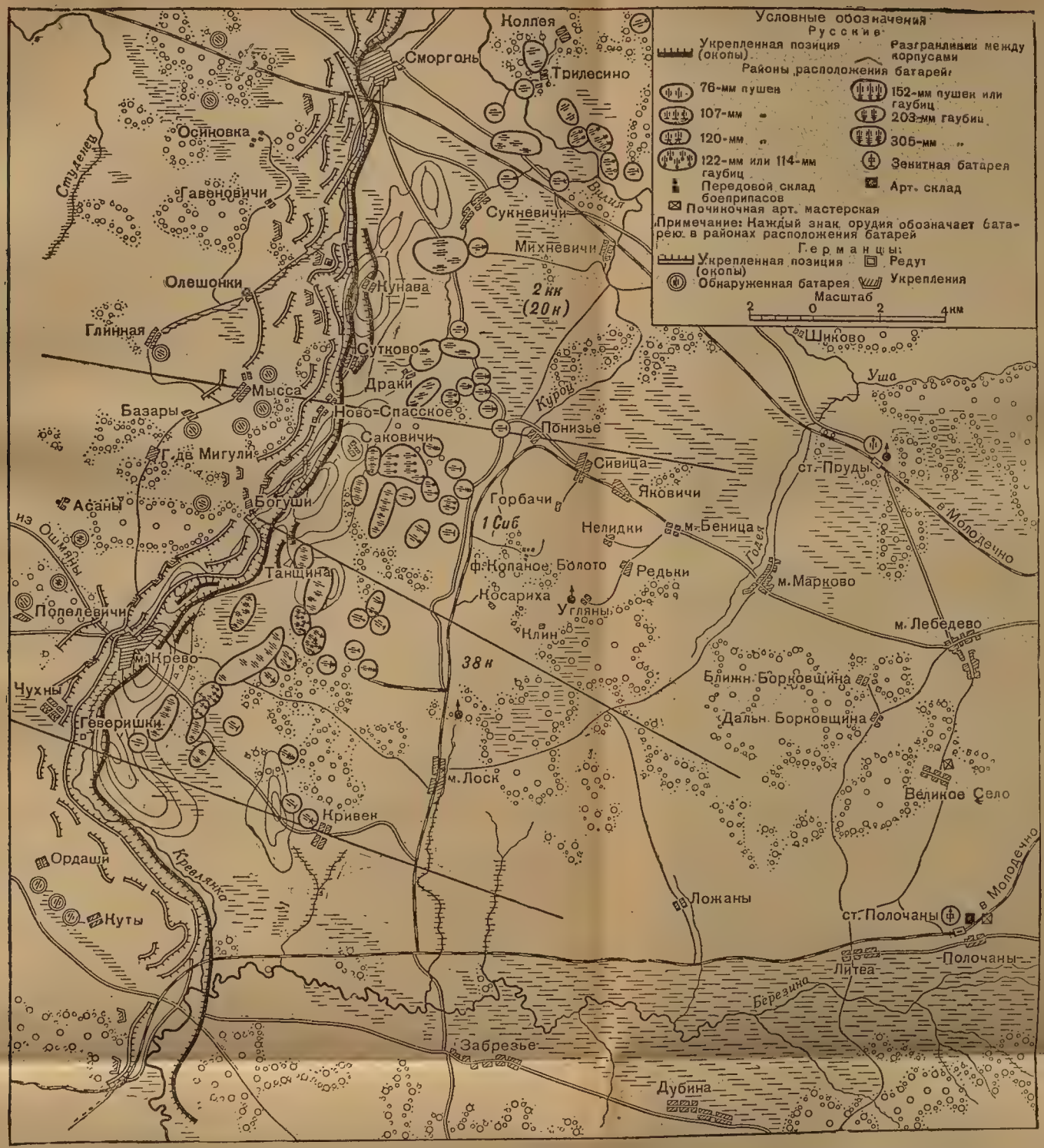


Схема 21. Расположение артиллерии на фронте главного удара 10-й армии при прорыве германского фронта в июле 1917 г.

Зак. 1932

Бомбометы и минометы — на открытых площадках в первой линии окопов и опорных пунктов второй и третьей линий; иногда стоят совершенно открыто.

Ходы сообщения — зигзагообразные, кремальерные и прямые, глубиной 2 м; одеты досками или жердями; некоторые приспособлены к обороне, имеют проволочные заграждения.

Проволочные заграждения с железными кольями, заделанными в бетонные основания или ввинченными в землю. Перед первой полосой заграждений — заборы из полос углового железа. В некоторых местах — заграждения из нескольких полос: первая — железные рогатки, вторая и третья — сеть колючей проволоки на деревянных кольях.

Низкие проволочные заграждения («спотыкачи») встречаются нередко у самых окопов.

В феврале 1917 г. командирам корпусов был сообщен доклад генквартштаба 10-й армии относительно выполнения операции и предложено представить свои соображения не позже первой половины марта и исполнить все предварительные работы: наметить наблюдательные пункты (командные и артиллерийские), выбрать места для батарей, разработать планы связи, определить количество материалов и приступить к работам. Таким образом, фактическая разработка и подготовка операции начались с конца февраля, т. е. приблизительно за 4 месяца до ее осуществления.

2-й Кавказский и 38-й армейский корпуса продолжительное время занимали район намеченной операции и потому были в наиболее благоприятных условиях. Многие артиллерийские начальники были хорошо знакомы с местностью и позицией противника; большинство из них участвовало в подготовке неудачной мартовской операции 1916 г. в том же районе. 1-й Сибирский корпус занял свой участок на фронте удара лишь 16 марта 1917 г.

Окончательно свои соображения корпуса представили 20—31 марта.

Под влиянием событий Февральской революции к половине марта даже генералитету ставки стало ясно, что солдатские массы против войны и пехота добровольно не пойдет в наступление. Поэтому операция все время откладывалась — с конца апреля до начала июня, потом до середины июня и, наконец, до начала июля, когда Керенский лично взялся уговаривать войска наступать.

Отсрочки операции дали возможность артиллерийским начальникам лучше изучить позицию и расположение противника, в том числе его артиллерии.

Офицеры же пехотных частей были заняты стараниями удержать свои части в руках и не могли спокойно разрабатывать свои частные планы предстоящей операции. Замена пехотных полков, отказывавшихся занимать первую линию фронта, продолжалась до самого начала операции и даже до дня атаки. С большим трудом, путем убеждения, уговоров и обмана, удалось получить согласие наступать лишь от некоторых пехотных полков.

Планы действий артиллерии составлялись в корпусах и дивизиях постепенно, по мере выяснения и уточнения задач. Первоначально для артиллерии были поставлены весьма широкие и мало определенные задачи; по мере их уточнения изменялись количество и род артиллерии, требующейся для исполнения той или иной задачи, а планы для действий артиллерии все время исправлялись и дополнялись. Планы разрабатывались весьма тщательно и подробно — для каждой батареи и для каждого отдельного артиллерийского взвода включительно. Точные задачи для артиллерии — участки разрушения и места проделывания проходов в проволочных заграждениях — получены были от пехотных начальников незадолго до начала операции. В окончательном виде планы для действий артиллерии были выработаны в первых числах июля, когда были получены от полевого инспарта указания и сведения об ошибках применения ТАОН при июльском прорыве на Юго-Западном фронте.

Главный удар во время прорыва на Юго-Западном фронте наносила 7-я русская армия. По поводу действий артиллерии этой армии инспектор артиллерии Западного фронта генерал Шихлинский передал инспектору артиллерии 10-й армии следующую телеграмму начальника Упарта: «По полученной сводке 7-й армии подготовительная работа артиллерии совместно с пехотой не была налажена, не было должной связи между пехотой и артиллерией, не было подготовлено образование заградительного огня перед пехотой при переходе в атаку. Борьба с неприятельской артиллерией была плохо налажена; в распоряжении войсковых начальников при переходе в наступление не было артиллерии, почему получались большие задержки открытия огня артиллерией и атакующая пехота крайне слабо поддерживалась своей артиллерией, неся громадные потери от неприятельского огня. Полевой инспарт приказал просить вас обратить внимание на недопустимость подобного неправильного использования артиллерии в будущих боях».

При этом Шихлинский от себя сообщал, что при принятом в 10-й армии распределении артиллерии, организации противобатарейных групп и общей подготовке артиллерии к предстоящей работе указанные недочеты «немыслимы». Тем не менее он обратил внимание инспарта 10-й армии на необходимость: а) усилить связь батарей, дивизионов и артиллерийских групп с пехотой, до передовых ее частей включительно; б) подробно разработать и сообщить пехотным начальникам, до командиров рот включительно, порядок устройства и поддержания связи с началом движения пехоты вперед; все сделанное уже в этом направлении развить и укрепить в сознании всех чинов связи и начальствующих лиц; в) планы перемещения артиллерии вперед, разработанные уже в каждой дивизии, сообщить младшим пехотным начальникам с указанием районов, куда артиллерия перейдет.

Вместе с тем Шихлинский просил доложить командарму 10-й, что «за связь между пехотой и артиллерией не может быть ответчицей только последняя». Пехота сама обязана устанавливать и

поддерживать прочную связь с обслуживающими ее частями артиллерии, связь должна быть двойная — от артиллерии к пехоте и обратно. Начальники дивизии, получившие в подчинение мощную артиллерию, должны принять все меры к взаимодействию пехоты с артиллерией. «Казалось бы, — сообщал Шихлинский, — пехоте необходимо искать всяческой связи со своей могущественной помощницей, которая не в силах одна ее поддерживать; только при обоюдной работе возможна прочная связь, которая даст пехоте мощную поддержку в бою и избавит артиллерию от не всегда заслуженных нареканий после боя».

Тогда же, в первых числах июля 1917 г., сообщены были от полевого инспарта, в развитие телеграммы начальника Упарта, более подробные сведения об ошибках, замеченных в применении ТАОН на Юго-Западном фронте во время июльского наступления, а именно:

а) Несмотря на отсутствие достойных для 11-дм. и 12-дм. (280-мм и 305-мм) гаубиц целей, эти орудия получали их много. Так, одна батарея стреляла по двум мостам в Бржезанах, по блиндажам, наблюдательным пунктам, пулеметным гнездам, по селению, где был штаб, по окопам, по району блиндажей (обстрел площади); одна из тяжелых батарей даже сопровождала атакующую пехоту.

Действие артиллерии было разбросано, цели не разрушались, а только обстреливались несколькими выстрелами. Все-таки благодаря большому числу целей получился значительный общий расход снарядов и дорого стоящей материальной части, половина которой вышла из строя. Кроме того, некоторые цели, например пулеметные гнезда, не были наблюдаемы стрелявшими, указывались по плану, а не на местности, после чего подготовлялась засечка на предполагаемое местонахождение цели и велась стрельба. Непосредственного наблюдения по цели установлено не было.

б) Батареи 120-мм пушек Обуховского завода были направлены против батарей и перекрестков дорог. Но стреляли они по батареям или совсем невидимым, или обнаруживавшим себя вспышками, без помощи летчиков, производя в некоторых случаях пристрелку по вспомогательной цели с переносом огня по плану на батарею, а то и просто по плану.

в) Батареи 6-дм. (152-мм) пушек в 200 пуд. были привлекаемы к разрушению окопов в дополнение к многочисленным гаубицам. При наличии только полных зарядов такая стрельба на небольшую дальность, сама по себе не рациональная вследствие отсутствия вертикальных целей и получающихся малых углов падения, привела к быстрому износу платформ Шухова и порче соединений платформ с компрессором (тормозом отката). Одна из батарей 152-мм в 200 пуд. получила задачу обстрела по карте невидимой деревни, находившейся к тому же в пределах дальности стрельбы других орудий.

г) В применении ТАОН надо отметить вообще отсутствие надлежащей постановки задач, равно как и выполнения официальных

указаний об использовании различных орудий. Кроме того, видна чрезвычайная уступчивость старших артиллерийских начальников в отношении нецелесообразных требований и просьб, предъявляемых пехотными начальниками к артиллерии крупных калибров, благодаря чему последняя использовалась неправильно и неэкономно.

д) Указанное вмешательство пехоты распространялось и на такие артиллерийские действия, которые являлись выполнением подробно разработанного плана. Это сводило некоторые намеченные планом действия на-нет и порождало импровизацию там, где она совершенно неуместна. Необходимо принять самые решительные меры к сбережению орудий ТАОН, немногочисленных, крайне дорогих, с большим трудом приобретаемых, пополнение которых невозможно, назначаемых для выполнения исключительно тех задач, которые другими орудиями выполнены быть не могут. В настоящее время около половины орудий ТАОН вышли из строя, а оставшиеся имеют незначительный запас снарядов.

В планах действий артиллерии 10-й армии были указаны последовательные работы и точные задачи батарей в различные периоды боевой операции, характер и задачи артиллерийского огня ночью, намечены батареи разрушения, которые должны были усилить противоартиллерийские группы, а также порядок выдвижения вперед сначала наблюдателей и связи с ними, а затем и батарей на поддержку продвинувшейся пехоты.

В подготовительный период вся тяжелая артиллерия подчинялась инспекторам артиллерии корпусов, которые руководили как распределением задач, так и размещением батарей. С началом артиллерийской подготовки атаки тяжелые батареи групп разрушения должны были перейти в подчинение начальников артиллерии соответствующих дивизий.

Пристрелка батарей разрушения велась исподволь, чтобы не обнаруживать себя,— обычно в то время, когда у противника не были подняты привязные аэростаты и когда над расположением русских не летали неприятельские самолеты. Для пристрелки целей, не видных с наземных наблюдательных пунктов, пользовались аэростатами; а иногда пристрелку корректировали летчики.

Выполнению пристрелки по неприятельским окопам часто препятствовали пехотные части (1-го Сибирского и 2-го Кавказского корпусов), чтобы не подвергаться ответному огню противника. Были даже случаи угрозы оружием.

Для получения пристрелочных данных для 12-дм. (305-мм) гаубиц на их позициях ставились 107-мм и 122-мм орудия, которые и вели пристрелку по целям, намеченным для 305-мм гаубиц.

Планы действий противоартиллерийских групп составлялись в корпусах отдельно от планов групп разрушения.

Изучение расположения артиллерии противника велось непрерывно. В каждом корпусе на обязанности одного избранного старшего артиллерийского начальника лежали собирание и систематизи-

рование сведений о неприятельских батареях, откуда бы эти сведения ни были получены.

Работами по составлению планов руководили инаркоры, которые впоследствии были назначены начальниками противоартиллерийских групп.

Летчики фотографировали расположение противника в течение всей зимы и особенно усиленно в период подготовки операции. Все позиции неприятельской артиллерии, обнаруженные на снимках, а также непосредственно с наземных наблюдательных пунктов и с привязных аэростатов, засечками по блеску выстрелов, по звуку и другими способами, наносились на карты. Таким путем на фронте от Осиновка до Куты (см. схему 21) было обнаружено: в марте — 44 артиллерийские позиции противника, в апреле — 89, в мае — 121, в июне — 136. Но не все обнаруженные позиции были заняты неприятельскими батареями; определение действующих позиций велось путем постоянного наблюдения за стреляющими батареями. На том же фронте Осиновка, Куты было отмечено действующих батарей: в марте — 19 легких и 15 тяжелых, в мае — 22 легких и 34 тяжелых, в июне — 37 легких и 42 тяжелых. Число орудий в батареях трудно было определить, так как противник вел огонь одиночными выстрелами или взводами и очень редко батарейными очередями.

Пристрелка батарей противоартиллерийских групп производилась при помощи привязных аэростатов, так как с наземных наблюдательных пунктов неприятельские батареи не были видны. С конца апреля началось корректирование стрельбы летчиками, но дело это прочно не наладилось, так как не имелось особых авиаотрядов, подчиненных непосредственно артиллерийским начальникам. Принимались все меры, чтобы ослабить артиллерийский огонь противника, который не позволял русской пехоте закрепляться на занятых позициях. Одним из существенных средств ослабления огня неприятельской артиллерии являлась заблаговременная пристрелка артиллерийских позиций противника при совместной работе летчиков с артиллеристами. Там, где летчики работали дружно и согласованно с артиллеристами, было пристреляно с помощью летчиков за время с 24 апреля по 23 июня: во 2-м Кавказском корпусе 27 неприятельских артиллерийских позиций, в 1-м Сибирском корпусе — 17 и в 38-м армейском корпусе — 28. В конце июня работа расстроилась вследствие недостатка самолетов-истребителей для охраны корректирующих самолетов, отсутствия бензина и болезни двух более опытных летчиков.

Организация связи. Телефонная связь была организована и устанавливалась по заранее разработанным планам и схемам — под наблюдением офицеров связи от штабов корпусов. Батареи были связаны двойной двухпроводной связью со своими наблюдательными пунктами, начальниками групп и подгрупп. В опасных, сильно обстреливаемых местах устраивалась подземная связь или укладывались провода в неглубоких канавах. Спешно проложенные телефонные линии имели только поздно прибывшие на позицию батареи.

Все артиллерийские начальники были соединены телефонами между собой. Артиллерия была вполне надежно связана с пехотой. Во всех корпусах была организована подвижная связь для сопровождения артиллерийских наблюдателей, выдвигаемых вперед за пехотой. Телефонного провода было достаточно. Несмотря на многие трудности, проводка связи, производимая средствами батарей, была закончена ко дню операции.

Организация управления артиллерией. Вся артиллерия в зависимости от задач разделялась на группы, объединявшие батареи, получавшие задачи на одном определенном участке. В случае большого числа батарей в той или иной группе она делилась на подгруппы.

Легкая артиллерия назначалась для разрушения проволоки и для поддержки своей пехоты, частью для борьбы с артиллерией противника.

Тяжелая и мортирная (гаубичная) артиллерия делилась на группы разрушения и противоартиллерийские.

Артиллерия крупных калибров составляла отдельные группы.

Каждая группа легких батарей и группа тяжелых батарей разрушения, имевшие задачи на фронте одной дивизии первой линии, были подчинены одному артиллерийскому начальнику, подчиненному, в свою очередь, начальнику дивизии.

В каждом корпусе батареи крупных калибров составляли отдельную группу, подчиненную инспектору артиллерии корпуса.

Легкие и тяжелые батареи, назначенные для борьбы с неприятельской артиллерией и разделенные на подгруппы, в каждом корпусе были подчинены отдельному начальнику противоартиллерийской группы, подчиненному инаркору.

Эта система полностью проведена была во 2-м Кавказском и в 38-м корпусах; в 1-м Сибирском корпусе батареи крупных калибров были включены в состав артиллерии 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В этой дивизии не было отдельного артиллерийского начальника, объединявшего работу легких и тяжелых батарей; его обязанности исполнял начальник тяжелой артиллерийской группы разрушения, что нельзя признать правильным, так как в руках одного начальника тяжелой группы было слишком много подчиненных частей.

В помощь инаркорам были назначены артиллерийские офицеры (полковники или подполковники).

Сформировать штабы начальников артиллерии ударных корпусов, как указывалось «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» (ч. II, § 14), не удалось.

Для сформирования штаба начальника артиллерии каждого ударного корпуса требовалось довольно много офицеров, а именно (см. приложение 1 к «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», ч. II, изд. 1917 г.): 1 или 2 помощника — офицеры артиллерии (полковники или подполковники), личные качества и знания

которых имели большое значение, адъютант — из младших офицеров артиллерии, 1 офицер Генерального штаба для связи со штабом корпуса и для поручений, участковый комендант с 3—4 помощниками-офицерами, 3 офицера — один для службы наблюдения, один сапер и один топограф с чертежником. Всего для трех ударных корпусов 10-й армии 3—6 старших офицеров (полковников или подполковников) и 27—30 младших офицеров. Ввиду большого некомплекта в офицерском составе откомандировать столько офицеров от строевых и специальных частей армии для сформирования артиллерийских штабов было невозможно.

Нехватало также необходимых для сформирования артиллерийских штабов 3 телеграфных рот или кабельных отделений, 3—6 авиационных отрядов с истребителями, конных ординарцев (по два к каждому офицеру), рабочих, 3 команд опытных саперов (до 45 человек), 3 чертежников, нескольких писарей, 6—9 змейковых аэростатов, 3 звуковых наблюдательных станций, больших стереотруб, автомобилей, повозок и прочего имущества.

Распределение артиллерии. Артиллерия была распределена сообразно со свойствами местности и позиций противника: наличие особо прочных построек на участке атаки 38-го корпуса вызвало необходимость дать этому корпусу больше 305-мм гаубиц; 2-му Кавказскому (20-му) [1] корпусу пришлось придать больше дальнобойных орудий, так как ввиду отсутствия удобных артиллерийских позиций на северном участке батареи ставились только на южном участке и даже в районе соседних корпусов.

Для борьбы с неприятельской артиллерией на флангах удара к северу от Осиновки и в районе Ордаши, Куты увеличено было число батарей 107-мм и 120-мм во 2-м Кавказском и 38-м армейском корпусах.

По указаниям командующего 10-й армией, наибольшие усилия необходимо было сосредоточить в районе Сутковского и Новоспасского лесов (в каждом корпусе, направленном для действий в этом районе, три дивизии были назначены в первую линию и четвертая дивизия в резерв), что вызывало необходимость усиления артиллерии 1-го Сибирского и отчасти 2-го Кавказского корпусов.

Из-за недостатка артиллерии, имеющейся в распоряжении 10-й армии, не удалось образовать специальный мощный артиллерийский «кулак» (по идее ТАОН).

В результате на фронте главного удара артиллерия была распределена, как указано ниже, в табл. А, Б и В.

---

[1] При смене второго Кавказского корпуса 20-м армейским артиллерия первого была оставлена на своих местах, т. е. была придана на время операции 20-му армейскому корпусу. Поэтому в скобках и показано 20-му.

Таблица А

ОБЩЕЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ 10-й АРМИИ НА ФРОНТЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Калибр и тип орудий	Число орудий			
	2-й Кавказский (20-й) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	Всего
76-*мм* легких пушек . . .	150	120	162	432
107-*мм* и 122-*мм* пушек .	28	24	28	80
114-*мм* и 122-*мм* гаубиц .	12/12	12	24	12/48
152-*мм* гаубиц и пушек .	70	64	64	198
203-*мм* гаубиц	2	6	2	10
234-*мм* гаубиц	—	—	2	2
305-*мм* гаубиц	2	2	2	6
Итого	276	228	284	788

Таблица Б

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ 10-й АРМИИ ПО ВИДАМ И КАЛИБРАМ ОРУДИЙ КО ВРЕМЕНИ ОПЕРАЦИИ

Калибр, тип и вид орудий	Число орудий					
	2-й Кавказский (20-й) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	3-й корпус	Резерв	Всего
76 *мм* пушек	150	120	162	108	82	622
107-*мм* пушек скорострельных .	16	12	12	—	—	40
107-*мм* пушек обр. 1877 г. . . .	4	4	8	—	—	16
114-*мм* гаубиц	12	—	—	—	—	12
122-*мм* гаубиц	12	12	24	12	—	60
152-*мм* гаубиц крепостных . . .	20	32	8	—	—	60
152-*мм* гаубиц полевых	20	12	16	—	—	48
152-*мм* пушек в 120 пуд.	8	8	20	4	—	40
152-*мм* пушек в 200 пуд.	8	4	4	—	—	16
152-*мм* пушек лит. Б	2	—	4	—	—	6
152-*мм* гаубиц лит. М	12	8	12	—	—	32
120-*мм* пушек лит. Е	8	8	8	—	—	24
203-*мм* гаубиц лит. Г	2	6	2	—	—	10
234-*мм* гаубиц лит. Т[1]	2	—	2	—	—	4[1]
280 *мм* гаубиц лит. А[1]	2	4	2	—	—	8[1]
305-*мм* гаубиц лит. В	2	2	2	—	—	6
Итого	280	232	286	124	82	1 004[1]

[1] Все 8 гаубиц 280-*мм* лит. А и 2 гаубицы 234-*мм* лит. Т во 2-м Кавказском (20-м) корпусе не успели поставить на позиции, а потому в операции участвовало лишь 994 орудия, из них 788 орудий на участке главного удара 2-го Кавказского, 1-го Сибирского и 38-го армейского корпусов.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ 10-й АРМИИ ПО ГРУППАМ НА УЧАСТКЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
20-й корпус (артиллерия 2-го Кавказского корпуса) — инаркор генерал Руднев	**58 батарей = 276 орудий**
28-я пех. дивизия — начарт генерал Казбек	
Группа легких — полк. Стопани	Всего 30 орудий
Кавказская гренадерская артиллерийская бригада — 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я батареи	5 батарей = 30 пушек 76-*мм*
Группа разрушения — полк. Влесков	Всего 16 орудий
8-тяжелый арт. дивизион	3 батареи = 12 креп. 152-*мм* гаубиц
2-й дивизион батарей лит. М	1 батар. = 4 англ. 152-*мм* гаубиц
51-я пех. дивизия — начарт полк. Колосов	
Группа легких — полк. Маслов	Всего 42 орудия
51-я арт. бригада — 4-я, 5-я, 6-я, 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-*мм*
134-й арт. дивизион	3 батареи = 18 пушек 76 *мм*
Группа разрушения — полк. Федоров	Всего 36 орудий
17-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 креп. 152-*мм* гаубиц
2-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубиц
52-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-*мм* гаубиц
2-й дивизион батарей лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-*мм* гаубиц
2-й Кавказский мортирный арт. дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-*мм*
29-я пех. дивизия — начарт ген. Борисов	
Группа легких	Всего 42 орудия
81-я арт. бригада — 1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*
29-я арт. бригада — 1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-*мм*
Группа разрушения — полк. Разумовский	Всего 32 орудия
51-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-*мм* гаубиц
57-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 пушек 152-*мм* в 120 пуд.
2-й Кавказский мортирный арт. дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-*мм*
3-й легк. мортирный арт. дивизион	3 батареи = 12 гаубиц 114-*мм*
Корпусная артиллерия — инаркор ген. Руднев	
Группа крупных калибров — полк. Лисовский	Всего 8 орудий
4-я батарея лит. Р	1 батарея — 2 гаубицы 305-*мм*

Наименование строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
7-я батарея лит. Г	1 батарея = 2 гаубицы 203-*мм*
6-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 200 пуд.
Противоартиллерийская группа — полк. Глазков	
Правая подгруппа — полк. Бардадымов	Всего 10 орудий
1-й дивизион батарей лит. Б	1 батарея = 2 осадн. 152-*мм* пушки
17-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. пушки 107-*мм*
2-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-*мм*
Средняя подгруппа — полк. Ок	Всего 30 орудий
6-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 200 пуд.
50-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. 107-*мм* пушки
51-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. 107-*мм* пушки
Кавказская гренадерская арт. бригада — 1-я и 5-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-*мм*
81-я арт. бригада — 5-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-*мм*
Левая подгруппа — подполк. Рытов	Всего 30 орудий
52-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. пушки 107-*мм*
57-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 107-*мм* обр. 1877 г.
2-й дивизион лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-*мм*
51-я арт. бригада	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*

Примечание. 8 июля из группы крупных калибров батарея 6-го осадного арт. дивизиона (152-*мм* пушек в 200 пуд.) была присоединена к правой противоартиллерийской подгруппе.

1-й Сибирский корпус — инаркор ген. Бодиско	**49 батарей = 228 орудий**
1-я Сибирская стрелковая дивизия — начарт полк. Андреев	
Группа легких — полк. Сидоров	Всего 24 орудия
1-я Сибирская арт. бригада — 1-я, 2-я, 3-я и 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-*мм*
Группа разрушения — полк. Исаев	Всего 30 орудий
18-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-*мм* гаубицы
	3 батареи = 12 креп. 152-*мм* гаубиц
1-й Ивангородский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
2-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 пушек 120-*мм*
14-й тяжелый дивизион лит. Е	1 батарея = 2 гаубицы 203-*мм*
12-я батарея лит. Г	

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и названия орудий
2-я Сибирская стрелковая дивизия — начарт полк. Котович	
Группа легких — полк. Сырцов	Всего 24 орудия
2-я Сибирская арт. бригада — 4-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76 мм
Группа разрушения — полк. Котович	Всего 44 орудия
6-й тяжелый арт. дивизион	3 батареи = 12 креп. 152-мм гаубиц
18-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152 мм гаубицы
1-й дивизион лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-мм гаубиц
9-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152 мм в 200 пуд.
1-й Сибирский мортирный дивизион	3 батареи = 12 гаубиц 122 мм
8-я и 10-я батареи лит. Г	2 батареи = 4 гаубицы 203-мм
16-я Сибирская стрелковая дивизия — начарт ген. Лунский	
Группа легких — полк. Поляков	Всего 18 орудий
132-й арт. дивизион	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Группа разрушения — полк. Гельман	Всего 16 орудий
4-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-мм гаубиц
53-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 пушек 152-мм в 120 пуд.
Корпусная артиллерия — инаркор ген. Бодиско	
Группа крупных калибров — полк. Черепанов	Всего 2 орудия
5-я батарея лит. В	1 батарея = 2 гаубицы 305-мм
Противоартиллерийская группа — полк. Подставкин	
Первая подгруппа — полк. Бурмейстер	Всего 18 орудий
1-я Сибирская стрелковая арт. бригада — 4-я, 5-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Вторая подгруппа — полк. Скропышев	Всего 18 орудий
2-я Сибирская стрелковая арт. бригада — 1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Третья подгруппа — подполк. Кох	Всего 16 орудий
2-й, 4-й и 18-й тяжелые дивизионы	3 батареи = 12 скор. 107-мм пушек
53-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 107 мм обр. 1877 г.
Четвертая подгруппа — полк. Россет	Всего 18 орудий
112-я арт. бригада — 1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм

Примечание. Из группы разрушения полк. Исаева две батареи 120 мм пушек 1-го тяжелого дивизиона лит. Е должны были с началом атаки присоединиться к первой противоартиллерийской подгруппе, но присоединены не были.

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
38-й корпус — инаркор ген. Мальковский	54 батареи = 250 орудий
62-я пех. дивизия — начарт ген. Гуржин	
Группа легких	Всего 42 орудия
62-я арт. бригада — 3-я, 4-я, 5-я и 6-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-*мм*
9-я арт. бригада — 1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*
Группа разрушения — полк. Петров	Всего 20 орудий
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
31-й мортирный дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-*мм*
11-я Сибирская стрелковая дивизия — начарт полк. Дмитриев	
Группа легких — капитан Роше	Всего 30 орудий
2-я Сибирская арт. бригада — 1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*
62-я арт. бригада — 1-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-*мм*
9-я арт. бригада — 4-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-*мм*
Группа разрушения — подполк. Калатилин	Всего 16 орудий
2-й Ивангородский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-*мм* гаубицы
4-й Сибирский тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-*мм* гаубиц
31-й мортирный дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-*мм*
175-я пех. дивизия — начарт ген. Гололобов	
Группа легких — полк. Сорокин	Всего 36 орудий
11-я Сибирская стрелковая арт. бригада — 4-я, 5-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*
69-я арт. бригада — 2-я, 3-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-*мм*
Группа разрушения — подполк. Сокольницкий	Всего 24 орудия
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
54-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
10-й мортирный дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-*мм*

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
69-я пех. дивизия — начарт полк. Надеин	
Группа легких — полк. Андреев	Всего 24 орудия
69-я арт. бригада — 1-я и 3-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-*мм*
9-я арт. бригада — 5-я и 6-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-*мм*
Группа разрушения — подполк. Отроков	Всего 8 орудий
2-й Иваногородский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-*мм* гаубицы
10-й мортирный дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-*мм*
Корпусная артиллерия — инаркор ген. Мильковский	
Группа крупных калибров — полк. Баранович	Всего 14 орудий
6-я батарея лит. В	1 батарея = 2 гаубицы 305-*мм*
1-я батарея лит. Т	1 батарея = 2 гаубицы 234-*мм*
9-я батарея лит. Г	1 батарея = 2 гаубицы 203-*мм*
2-й дивизион батарей лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-*мм* гаубиц
Противоартиллерийская группа — полк. Боголюбов	Всего 36 орудий
9-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 200 пуд.
1-й дивизион батарей лит. Б	2 батареи = 4 пушки 152-*мм* Шнейдера
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
4-й Сибирский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-*мм* гаубицы
54-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-*мм* в 120 пуд.
1-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-*мм* франц.
2-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-*мм* франц.

Примечание. Данные об орудиях 38-го корпуса, показанные в этой таблице, не сходны с показаниями в таблице Б. В 38-м корпусе по таблице Б было всего 284 орудия, а по таблице В — лишь 250, т. е. меньше на 34 орудия (в таблице Б полевых 76-*мм* пушек — 162, а в таблице В — 132; полевых 152-*мм* гаубиц в таблице Б — 16, а в таблице В — 28; тяжелых 152-*мм* пушек в 120 пуд. в таблице Б — 20, а в таблице В — 28; английских 152-*мм* гаубиц в таблице Б — 12, а в таблице В — 8; полевых тяжелых 107-*мм* пушек в таблице Б — 20, а в таблице В эти пушки вовсе не показаны). Таблицы Б и В составлены по материалам дела ЦГВИА № 174 — 756, причем данные таблицы Б, встречающиеся в нескольких местах дела, сходны между собой и потому представляются более достоверными, хотя таблица В заимствована полностью из приложений к имеющейся в деле 174—756 (л. 272—309) печатной записке инспектора артиллерии 10-й армии Сиверса, являющейся его отчетом о действии артиллерии 10-й армии в период операции 19—23 июля 1917 г.

Размещение артиллерии. Местные условия района расположения артиллерийских позиций были крайне разнообразны (см. схему 21). На правом фланге в районе Сморгонь, Сукуличи, Михневичи Понизье, Сутково местность совершенно открытая, далее к югу — пересеченная, покрытая лесами, сильно вырубленными зимой 1916/17 г., несмотря на неоднократные запрещения.

В зависимости от условий местности размещение всей легкой артиллерии ближе к передовым линиям неприятельского расположения было невозможно. Удаление легкой артиллерии от передовых неприятельских окопов в процентном отношении было следующее:

Участки корпусов	Менее 3 км	3—6 км	6—9 км	9—12 км	Более 12 км
2-го Кавказского (20-го)	29	43	28	—	—
1-го Сибирского	5	30	40	—	25
38-го армейского	7	11	52	11	19
Для всего участка прорыва	10	2	4	4	15

Легкие (пушечные и гаубичные) батареи, выдвинутые вперед, устраивали над орудиями прочные навесы.

В зависимости от задач и начертаний укрепленных линий противника позиции для батарей намечались так, чтобы иметь возможность вести фланговый или косоприцельный огонь. Наибольшее число таких позиций было в 1-м Сибирском корпусе. Во 2-м Кавказском корпусе возможность вести косоприцельный или фланговый огонь парализовалась дальностью до противника.

Наблюдательные пункты выбирались весьма тщательно, чтобы они удовлетворяли по возможности всем предъявляемым к ним требованиям и в первую очередь давали хороший широкий кругозор не только фронтальный, но и в стороны на случай ведения флангового или косоприцельного огня.

Оборудование позиций шло крайне медленно, особенно до половины мая, из-за недостатка лесного материала и рабочих рук. Доставка материалов задерживалась, так как весной по скверным грунтовым дорогам возить на лошадях, да еще часто при полном отсутствии фуража, было невозможно, а постройка узкоколейной паровой железной дороги была закончена лишь накануне начала операции. За отсутствием бензина автомобильное движение сначала сократилось, а затем и вовсе приостановилось на 2—3 недели.

Работы по оборудованию позиций производились самими батареями и распоряжением корпусных инженеров и инженера армии. Рабочие команды и команды от пехоты прибывали на работы с

опозданием или вовсе не являлись. Работали небрежно и обыкновенно, проработав 2—3 часа, самовольно уходили.

Крайняя медленность работы по оборудованию позиций характеризуется постепенностью увеличения вполне законченных оборудованием артиллерийских позиций, которая показана ниже в процентном отношении.

	К 10 мая	К 28 мая	К 12 июня	К 27 июня
2-й Кавказский корпус	38	50	62	62
1-й Сибирский корпус	56	68	86	86
38-й армейский корпус	47	62	74	90

Оборудование остальных позиций — 38% 2-го Кавказского, 14% 1-го Сибирского, 10% 38-го корпуса — к началу июля еще не было закончено.

Для установки 305-мм гаубиц была построена железнодорожная ветка широкой колеи с тупиком около 3 км до батарей, расположенной к северо-западу от м. Лоск. Постройка этой ветки, начатая в конце февраля, была закончена в конце июня.

Вспомогательные и авиационные средства. Каждому ударному корпусу придано было по два привязных аэростата; один аэростат обслуживал 305-мм батареи.

Авиационные отряды приданы были штабам корпусов: 1-й Сибирский авиаотряд при 2-м Кавказском корпусе, Гренадерский авиаотряд при 1-м Сибирском корпусе и 34-й авиаотряд при 38-м корпусе. Из приданных авиаотрядов выделялись самолеты для корректирования стрельбы артиллерии. Самолеты эти работали по указаниям начальников противоартиллерийских групп и под руководством инспекторов артиллерии.

Противосамолетные средства. Для борьбы с неприятельскими самолетами корпусам приданы были специальные батареи для стрельбы по воздушному флоту (по большей части из приспособленных 76-мм пушек на неподвижных установках): 2-му Кавказскому корпусу приданы были 51-я, 52-я и 113-я штатные батареи для стрельбы по воздушному флоту и две нештатные такие же батареи, 1-му Сибирскому корпусу — одна 115-я штатная и две нештатные батареи и 38-му корпусу — 117-я, 118-я и 119-я штатные и две нештатные батареи.

Из числа указанных батарей для охраны артиллерийских складов от воздушного нападения назначено было три батареи: а) артиллерийского склада у ст. Пруды (батарея от 2-го Кавказского корпуса), б) у ст. Полочаны (от 38-го корпуса), в) артиллерийского склада местных парков и железнодорожного разъезда 646-й версты

(от 38-го корпуса), г) артиллерийского склада и блок-поста 654-й версты железной дороги (от 38-го корпуса).

Остальные десять батарей для стрельбы по воздушному флоту располагались на фронте корпусов. Таким образом, 40 орудий оставалось для противовоздушной обороны на фронте трех корпусов и 12 орудий назначено было для охраны от воздушного нападения артиллерийских складов и железнодорожных станций в четырех разных пунктах.

Кроме того, перед началом операции прибыли еще 98-я и 101-я штатные батареи для стрельбы по воздушному флоту (8 орудий), которые были назначены для охраны от неприятельской авиации позиций артиллерии крупных калибров.

Обеспечение боеприпасами и организация боепитания. Сплошное разрушение всех неприятельских окопов требовало или увеличения числа орудий, что было невыполнимо, или отпуска достаточно большого количества снарядов, что вызывало необходимость увеличения числа дней артиллерийской подготовки, нецелесообразность чего очевидна.

Согласно ст. 71 «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», ч. II, изд. 1917 г., следует, исчисляя расход снарядов, соразмерять задачу с имеющимися средствами и при исчислении расхода снарядов для разрушения окопов руководствоваться не общим протяжением линий окопов, а лишь суммой участков, назначенных к разрушению: в противном случае «*приходят к неисполнимо большим требованиям на снаряды*».

Примером чрезмерно преувеличенного требования на снаряды при наличном числе орудий в 38-м корпусе, не согласованного ни с задачей разрушения, ни с намеченным числом дней артиллерийской подготовки, ни со средствами, могут служить следующие данные:

Название снарядов по калибрам	Число снарядов	
	по требованию 38-го корпуса	намеченных к отпуску фронтом
76-*мм* легких	529 000	346 000
122 *мм* гаубичных	81 000	30 000
52-*мм* гаубичных и пушечных	105 000	52 000
107-*мм* пушечных	42 000	24 000

Командованием Западного фронта намечено было для осуществления операции для всех имеющихся калибров следующее количество снарядов к отпуску, сверх возимого запаса, руководствуясь «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы», приложение VII: 4-дневная норма расхода, назначенного «Наставлением» на орудие на день подготовки атаки и самой атаки, 2-дневная норма для развития успеха и 7-дневная норма на дальнейшие дни преследования противника.

По расчетам штаба 10-й армии в корпуса были переданы, сверх возимого запаса, снаряды 4-дневной нормы, в армейских складах и в местных парках была сосредоточена 2-дневная норма снарядов, а снаряды 7-дневной нормы намечалось подвозить по железным дорогам, пополняя ими расход снарядов в корпусах.

Ниже в таблице Г показано число снарядов, назначенных и полученных на операцию 10-й армии. К началу операции почти все снаряды были получены; недоставало только: около 1 000 снарядов 122-мм гаубичных, около 5 000 для 152-мм пушек в 200 пуд. и около 2 000 снарядов для 107-мм пушек. Батареи ТАОН были снабжены вообще очень ограниченным количеством снарядов; например, для 305-мм гаубиц приходилось всего по 100 выстрелов на орудие.

Возимый запас (боевой комплект) боеприпасов находился полностью в передках и зарядных ящиках батарей и полевых парков; из числа отпущенных, сверх возимого запаса, половина 4-дневного запаса была при батареях в особых погребках, большей частью блиндированных, другая половина в корпусных складах — для 2-го Кавказского корпуса на ст. Пруды, для 1-го Сибирского — Угляны, для 38-го корпуса — в лесу севернее м. Лоск. Корпусные огнесклады 1-го Сибирского и 38-го корпусов не были использованы, так как к ним не проложили ни узкоколейных, ни ширококолейных железных дорог, ни даже грунтовых.

Поэтому в 1-м Сибирском корпусе устроили ряд небольших огнескладов вдоль магистрали узкоколейной железной дороги, а в 38-м корпусе был сохранен прежний склад возле блок-поста 654-й версты Полочанской ветки железной дороги, всем артиллерийским частям хорошо известный, хотя и находившийся вне района расположения корпуса.

Армейский запас снарядов находился в местных парках: 14-й мортирный местный парк на ст. Пруды, 98-й легкий местный парк на разъезде 646-й версты Полочанской железнодорожной ветки, а также в армейских складах боеприпасов, устроенных вблизи местных парков.

Питание снарядами производилось из корпусных складов распоряжением инаркоров; подача боеприпасов с тыла и из армейских запасов происходила распоряжением заведующего артиллерийской частью штаба армии.

В деле питания артиллерии боеприпасами обнаружены были самими исполнителями следующие недочеты: для равномерной работы нужно подавать одновременно снаряды разных калибров, а не легких вначале, потом тяжелых; снаряды к орудиям обр. 1877 г. оказывались нередко негодными, их приходилось возвращать для замены; необходим некоторый процент излишка зарядов к орудиям с раздельным заряжанием, так как заряды портятся, отсыревают и уничтожаются неприятельскими снарядами; нужен запас вытяжных трубок; заводская укупорка не предохраняет от сырости, с трудом вскрывается, а при спешной работе разбивается, железная обивка ранит руки и портит одежду.

Таблица Г

ЧИСЛО СНАРЯДОВ ПОЛЕВОЙ ЛЕГКОЙ И ПОЛЕВОЙ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ, НАЗНАЧЕННЫХ И ПОЛУЧЕННЫХ НА ОПЕРАЦИЮ 10-й АРМИИ

Название снарядов	2-й Кавказский корпус		1-й Сибирский корпус		38-й корпус		Армейские склады: 1) ст. 1 руды, 2) разъезд 6[illegible]-й версты		7-дневный запас подвозом с первого дня операции
	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначена 2-дневная норма	получено	
76-мм легких	180 000	216 300	171 300	172 800	231 300	271 000	204 000	378 600	143 000
76-мм химических	30 000	29 100	30 000	23 500	50 000	47 000	—	3 800	—
114-мм гаубичных	13 700	12 500	—	—	—	—	3 000	4 200	2 100
122-мм гаубичных	11 800	13 500	11 800	12 300	23 600	21 400	12 000	10 100	8 400
152-мм крепостных гаубичных	15 500	16 100	24 800	25 200	6 200	6 100	15 000	16 100	5 100
152-мм полевых гаубичных	15 500	15 200	9 300	9 200	12 400	14 100	12 000	10 600	4 100
152-мм пушечных в 120 пуд.	6 000	7 500	6 000	6 000	14 900	18 900	9 000	18 500	3 100
152-мм пушечных в 200 пуд.	6 000	4 600	3 000	1 700	3 000	3 200	4 000	1 400	1 400
107-мм пушечных	17 900	14 100	14 300	12 600	17 900	17 800	14 000	17 600	5 900

Примечание. Значительный излишек 76-мм легких снарядов в армейских складах составлял запас для легких батарей 3-го и 10-го корпусов и для армейского резерва.

Организация исправления и замены материальной части. Идея приближения к войскам запаса орудий и материальной части, возникшая на Западном русском фронте еще в начале 1916 г., была отклонена весной того же года. Но в период подготовки операции 10-й армии идея эта была осуществлена.

Заведующий артиллерийской частью 10-й армии (зач) устроил починочные артиллерийские мастерские у разъезда 646-й версты Полочанской железнодорожной ветки для исправления повреждений материальной части, не требующих арсенального ремонта, и при них образовал небольшой запас орудий разных калибров с материальной частью, причем на время операции запас этот был несколько увеличен.

В этом запасе сосредоточены были следующие орудия: 76-мм легких пушек — 71, легких 122-мм гаубиц — 24 и 114-мм гаубиц — 1, крепостных 152-мм гаубиц — 2 и полевых 152-мм гаубиц — 6, тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд. — 13, полевых тяжелых 107-мм пушек скорострельных — 6 и прежнего образца 1877 г. — 4, всего 127 орудий. Кроме того, для исправления материальной части в Великое Село (в 4 км к югу от местечка Лебедево) имелась 1-я починочная мастерская Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза.

ПРИКАЗ 10-й АРМИИ О НАСТУПЛЕНИИ

В местечке Молодечно 1 июля 1917 издан был приказ 10-й армии о наступлении, который сводился к следующему (см. схемы 20 и 21):

1. Части 10-й и 12-й армий противника занимают укрепленную позицию по линии оз. Нароч, д. Ново-Спасское, местечек Крево, Геверишки, Делятичи, Барановичи.

2. На армии Западного фронта возложена задача нанести противнику удар в общем направлении на Вильно.

10-й армии приказано нанести главный удар, атакуя противника на фронте Гавеновичи, Геверишки, имея первоначальной целью овладение линией Солы, Жуйраны, Ошмяны, Граужишки.

2-й и 3-й армиям приказано всеми средствами содействовать наступлению 10-й армии и по мере развития успеха перейти в наступление в общем направлении на Вильно и Слоним.

3. Во исполнение поставленной задачи командующий 10-й армией решил нанести противнику главный удар на участке Сутковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием главного удара в направлении на лес, что между деревнями Глинная и Базары.

4. Ближайшей задачей командарм поставил выйти тремя ударными корпусами (2-му Кавказскому, 1-му Сибирскому и 38-му) на линию р. Оксна (см. схему 22), деревни Глинная, Асаны, западная опушка Богушинского леса, Попелевичи, Чухны.

Для дальнейшего наступления с целью овладения линией Солы, Жуйраны, Граужишки указания предполагалось дать дополнительно.

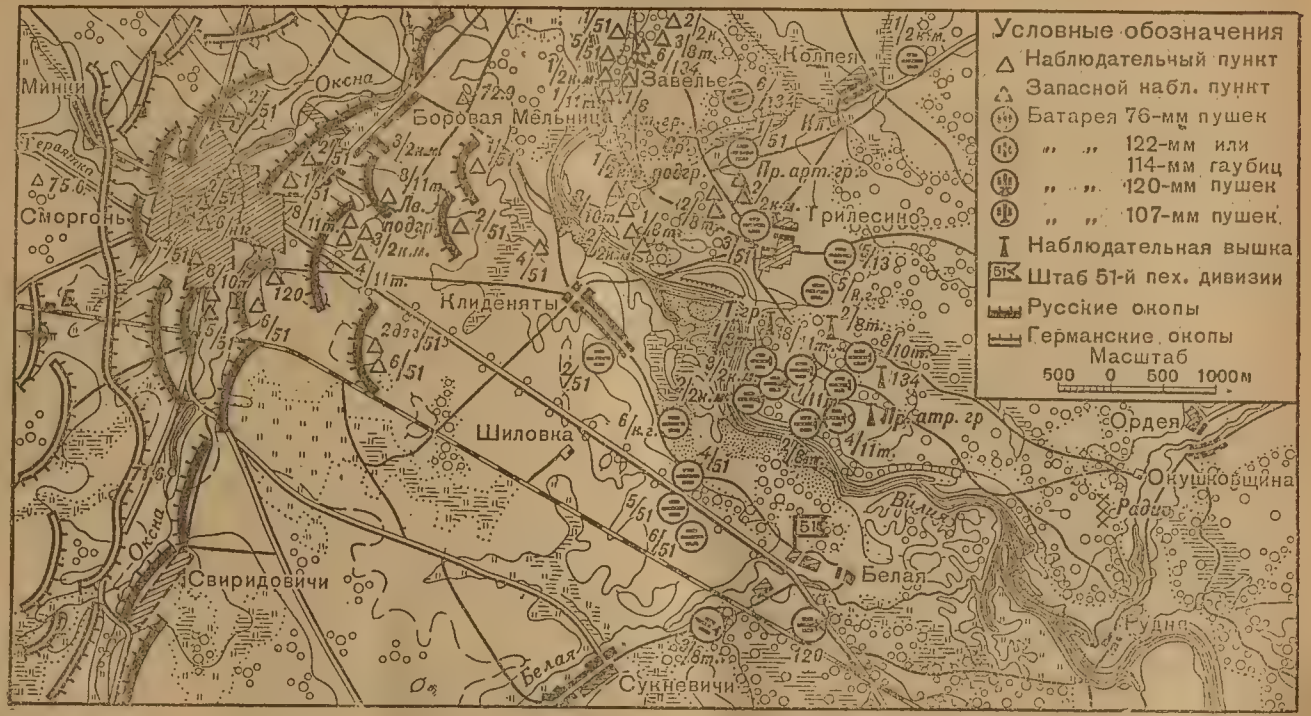


Схема 22. Расположение артиллерии и наблюдательных пунктов на участке 51-й пехотной дивизии при прорыве германского фронта 10-й армией в июле 1917 г.

5. Корпусам — задачи:

а) Кавказскому — атаковать участок Гавеновичи, Новоспасское с целью овладеть массивом с Сутковским лесом и развития в дальнейшем действий для закрепления на линии р. Окена до Глинная;

б) 1-му Сибирскому — атаковать участок от Новоспасское до северной окраины Крево с целью овладения Новоспасским и Богушинским лесами и группой лесов к западу от первого и к северу от второго и закрепления на линии Глинная, Асаны (включительно);

в) 38-му — атаковать участок Крево, Чухны (включительно) с целью захвата Кревского массива и леса к западу от него и закрепления на линии Асаны (исключительно), Попелевичи (включительно);

г) 3-му — оборонять участок от Геверишки включительно до высоты в 1½ верстах юго-восточнее деревни Бор включительно, содействуя наступлению 38-го корпуса, сосредоточив артиллерийский огонь по батареям противника, группирующимся в районах деревень Вишневка, Ордашн, Куты, и имея корпусный резерв (три полка 73-й пехотной дивизии) на правом берегу р. Березины. В дальнейшем корпус должен был принять участие в общем наступлении на линию Солы, Онмяны, Граужишки [1].

6. Главной первоначальной целью действий 2-го Кавказского и 1-го Сибирского корпусов было поставлено овладение Сутковским и Новоспасским лесами, для чего все усилия и особенно артиллерийский огонь предлагалось направить так, чтобы обеспечить главный удар именно на этом участке.

Затем в приказе указывались: разграничительные линии между корпусами; расположение резервов — 81-я пехотная дивизия в районе деревень Сивица, Горбачи, Нелидки, Яковичи, 169-я пехотная дивизия в районе Копаное Болото, Косариха, Клин, Угляны, Редьки, сводный казачий корпус — для Сибирской казачьей дивизии район Заброзье, Куценята, Кражин, Августово, Дайнова, для бригады 2-й Туркестанской казачьей дивизии Красное Сомали, Тригузи и по одному полку той же дивизии в районе Шиково и Борковщина [2].

«Время начала артиллерийской подготовки и час атаки — дополнительно», — так указывалось в приказе.

Приказ был составлен, как вообще составлялись боевые приказы русского командования того времени, по схеме, приложенной к «Уставу полевой службы», утвержденному 27 апреля 1912 г. (приложение XIV), и согласно ст. 556 того же устава. В приказе 10-й армии указывается общая задача, поставленная всему Западному русскому фронту, а для 10-й армии ставится не только общая цель ее действий, но эта цель довольно подробно и откровенно развивается указаниями, что армия будет наносить «главный удар» на

---

[1] Бор и Вишневка — вне района, показанного на схеме 21: Бор — к югу от Кривен, а Вишневка — на юго-запад от Ордаши

[2] Все пункты, указанные для Сибирской казачьей дивизии, а также Красное Сомали и Тригузи на схеме 21 не показаны, так как они восточнее обреза схемы.

фронте противника Гавеновичи, Геверишки, что во исполнение поставленной задачи командующий армией решил нанести противнику «главный удар на участке Сутковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием главного удара в направлении на лес, что между деревнями Глинная и Базары», указываются ближайшие задачи корпусам, опять подтверждается, что все усилия 1-го Сибирского и 2-го Кавказского корпусов должны быть направлены к обеспечению «главного удара» именно на участок Сутковского и Новоспасского лесов.

Подобная формулировка боевого приказа 10-й армии крайне нецелесообразна. Задачу высшего соединения, в данном случае задачу всех армий русского Западного фронта, не следовало указывать, хотя бы и в общих выражениях, в приказе по армии. В этом приказе можно было указать общую цель действий только 10-й армии, отнюдь не развивая задачу в подробностях и не подчеркивая, что армия будет наносить «главный удар» в направлении на Гавеновичи, Геверишки и что командующий армией решил нанести «главный удар» 1-м Сибирским и 2-м Кавказским корпусами на участок Новоспасского и Сутковского лесов. О задаче фронта и о направлении главного удара можно было ориентировать, отдельно от приказа, лишь строго ограниченное число лиц, непосредственно подчиненных командующему армией. Указание же этих важнейших данных весьма секретного характера в письменном приказе облегчало осведомление о них шпионов противника, не говоря уже о том, что и свои войска не проявят должной наступательной энергии, если они будут знать из приказа своего командования, что на них возлагается задача второстепенного характера, а не нанесение «главного удара».

В данном случае 38-й корпус, хотя и названный в приказе «ударным», знал из приказа, что поставленная ему цель захвата Кревского массива и леса к западу от него не является важнейшей и что целью, обеспечивающей успех «главного удара», является овладение Сутковским и Новоспасским лесами 2-м Кавказским и 1-м Сибирским корпусами.

Что же касается 3-го армейского корпуса, то приказом по 10-й армии на этот корпус возложена была пассивная задача — оборонять участок от дв. Геверишки до высоты в 1½ верстах к юго-востоку от Бор, но в приказе сделана была оговорка: «содействуя наступлению 38-го корпуса, сосредоточив артиллерийский огонь по батареям противника», расположенным у Вишневка, Ордаши, Куты. Оговорка эта указывает на то, что 3-му корпусу ставилась рядом с пассивной и активная задача — содействовать наступлению 38-го корпуса — и что, по мнению командарма 10-й, эта активная задача могла быть выполнена сосредоточением артиллерийского огня по неприятельским батареям. Впоследствии задача артиллерии 3-го корпуса была расширена и уточнена. Командарм 10-й в развитие своего приказа 1 июля поставил артиллерии корпуса задачу: «разрушение неприятельских окопов на участке Луковая, дв. Геверишки, уничтожение фланговой обороны противника обстрелом северной

опушки леса, что западнее ф. Гевершки, и борьба с артиллерией, расположенной в районе Куты, Конты» [1].

Цель действий 3-го армейского корпуса, поставленная приказом командующего 10-й армией, крайне неясна и неудачно формулирована. Повидимому, командующий армией имел в виду поставить 3-му корпусу задачу связать войска противника на второстепенном направлении, приковать на себе их внимание и тем облегчить наступление и атаку соседнего 38-го ударного корпуса. Таким образом, 3-й корпус являлся «сковывающей группой в наступательном боевом порядке» и, следовательно, мог выполнить свою задачу, т. е. не позволить неприятелю сосредоточить усилия против ударного 38-го корпуса, только путем решительных частных атак противника на заданном, хотя и второстепенном направлении, а не путем обороны на занимаемой корпусом позиции, хотя бы и при самых активных действиях одной своей артиллерии. Артиллерийский огонь, не сопровождаемый наступлением пехоты, не может привести к решительным результатам; в равной мере не может служить для противника указателем направления атаки ударной группы.

Приказами по 10-й армии ставилась определенная задача только артиллерии 3-го корпуса; в приказе 1 июля подчеркивалось только, что огонь артиллерии 2-го Кавказского и 1-го Сибирского корпусов должен быть так направлен, чтобы обеспечить главный удар на участок Сутковского и Новоспасского лесов.

Артиллерия 10-й армии была распределена между дивизиями и корпусами; особой артиллерии, не вошедшей в состав боевых участков, образовано не было (см. выше — «Организация управления артиллерией»), а потому и о задаче такой артиллерии в приказе по армии не упоминалось (ст. 556 «Устава полевой службы» изд. 1912 г.).

В дополнение основного приказа (1 июля) командующий 10-й армией приказал командирам корпусов 1-го Сибирского, 2-го Кавказского и 38-го артиллерийскую подготовку закончить в двое суток с небольшой частью третьих, а пробивание проходов в проволочных заграждениях закончить к вечеру вторых суток.

Задачи артиллерии ударных корпусов

Согласно «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», которым руководствовались при разработке плана действий артиллерии 10-й армии, «ширина участка главного удара *должна соответствовать силам артиллерии, сосредоточенной для подготовки*» [2]. Следовательно, если ширина участка главного удара определена заранее, то необходимо было дать армии соразмерные артиллерийские средства. Между тем количество артиллерии 10-й

---

[1] Ввиду второстепенного назначения 3-го армейского корпуса действия артиллерии этого корпуса не рассматриваются в этом труде (а также не указаны некоторые пункты на схемах).

[2] „Наставление для борьбы за укрепленные полосы", ч. II, Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы, изд. 2-е, 1917 г., стр. 20.

армии совершенно не соответствовало ее значительному протяжению участка (около 20 км), намеченному для атаки, ни силе укреплений противника. Кроме того, начальники дивизий, учитывая создавшееся настроение пехоты, вообще не желавшей продолжать войну, требовали для обеспечения успеха операции «сплошное разрушение всех окопов» противника.

С поставленной задачей нельзя было справиться с наличными артиллерийскими средствами, но нельзя было рассчитывать и на получение достаточного количества артиллерии. Необходимо было выделить наиболее важные участки, которые следовало разрушить полностью, другие — которые следовало завалить, а также такие, которые возможно было лишь расстроить.

Командиры корпусов и инспекторы артиллерии корпусов — все требовали увеличения артиллерийских средств (в 1-м Сибирском корпусе «по крайней мере вдвое») или при наличных средствах требовали увеличения продолжительности артиллерийской подготовки — для 1-го Сибирского и 2-го Кавказского корпусов до 5 и для 38-го корпуса до 6—7 дней.

На совещании в штабе 10-й армии 13 июня командующий армией указал, что такого количества артиллерии, какое обещано придать армии, еще не было ни при одной операции, что на дальнейшее увеличение количества артиллерии нельзя рассчитывать и необходимо строго разграничить то, что требуется разрушить, от того, что следует расстроить, и в зависимости от этого назначить каждой батарее определенную задачу. На том же совещании командующий армией указал, что артиллерийскую подготовку нужно закончить в 2½ дня.

В результате упорной, трудной работы, потребовавшейся для согласования предъявленных артиллерии требований с назначенными средствами и продолжительностью подготовки, указаны были следующие задачи в разработанных планах действий артиллерии.

В период артиллерийской подготовки. Легким батареям, подчиненным начальникам дивизий, прочищать проходы в проволочных заграждениях, обстреливать преимущественно химическими снарядами живые цели и наблюдательные пункты противника. Тяжелым батареям разрушать фланкирующие сооружения, окопы в районе пробиваемых проходов на протяжении примерно около 40 м, прочные постройки и блиндажи, гнезда пулеметов и траншейной артиллерии, а также заваливать остатки участков окопов, узлов, ходов сообщения и наблюдательных пунктов, обнаруженных в районе первой полосы укреплений противника.

В период атаки. Легким батареям сосредоточить огонь на окопах противника и затем, по мере продвижения пехоты, медленно сдвигать огонь вперед. Тяжелым батареям перенести огонь на намеченные участки в тыловом районе и во второй укрепленной полосе.

В период закрепления. Легкой артиллерии вести заградительный огонь. Тяжелой — частью разрушать неразрушенные укрепления, узлы сопротивления и опорные пункты, продолжать разрушение

окопов второй полосы, частью же уплотнять заградительный огонь легких батарей.

Было обращено внимание на то, что в этот период существенное значение имеет выдвижение вперед наблюдателей, устройство новых передовых наблюдательных пунктов на занятых участках и организация прочной связи.

В планах артиллерии корпусов и дивизий всем батареям были намечены вполне определенные и немногочисленные задачи, комбинированные так, чтобы батареям не приходилось делать больших боковых переносов огня.

В эту операцию было проведено выделение в корпусах специальных артиллерийских групп для борьбы с артиллерией противника. В противоартиллерийские группы назначены были часть легких батарей и все тяжелые батареи типа 107-мм пушек; кроме того, во 2-м Кавказском и 38-м корпусах для борьбы с неприятельской артиллерией были назначены 152-мм батареи осадных пушек Шнейдера и 152-мм пушки в 200 пуд. Желательно было придать противоартиллерийским группам еще 152-мм гаубицы, но этого нельзя было сделать, так как 152-мм гаубиц нехватало для разрушения окопов. Впрочем, в планах действия артиллерии корпусов намечена была передача нескольких 152-мм гаубичных батарей в противоартиллерийские группы с началом пехотной атаки.

На противоартиллерийские группы возложены были также задачи обстрела тылов неприятеля: места штабов, расположения резервов, складов, тыловых наблюдательных пунктов и привязных аэростатов. Эти задачи требовалось выполнить в начале артиллерийской подготовки.

На стыках корпусов и дивизий установлена была взаимная артиллерийская поддержка. Относительно помощи артиллерии на правом фланге всего участка атаки было сообщено инаркорам соседней, что на этом фланге, ввиду малочисленности оставшейся артиллерии 20-го корпуса, может быть организована лишь борьба с неприятельской артиллерией в районах Светляны и Мишки [1], Осиновка, причем в отношении последнего участка русские батареи стояли на предельной дистанции, а более близких позиций не было. На левом фланге вся тяжелая артиллерия 3-го корпуса (одна батарея 152-мм пушек в 120 пуд. и две батареи 122-мм гаубиц) и часть легких батарей привлечены были к содействию 38-му корпусу (об этом упоминалось выше). Тяжелые батареи 3-го корпуса получили задачу разрушения неприятельских окопов на участке Луковые, Геверишки и совместно с легкими батареями уничтожения фланговой обороны противника со стороны леса к западу от Геверишки; на легкие батареи, кроме того, возложена была борьба с неприятельской артиллерией в районе Куты, Конты.

План действий артиллерии 1-го Сибирского корпуса. Для ознакомления приводятся данные действий артиллерии на фронте 1-го

---

[1] Светляны вне района, нанесенного на схемах 21 и 22. Мишки показаны на схеме 22.

Сибирского корпуса. Распределение и количество артиллерии указаны выше, в таблице В.

Расположение батарей и задачи артиллерии. На схеме 21 показано расположение всех батарей на фронте 1-го Сибирского корпуса. На схеме 22 показаны подробности расположения артиллерии на участке 51-й пехотной дивизии, с указанием мест огневых позиций батарей, наблюдательных и командных пунктов.

В объяснительной записке к схеме, составленной в штабе 1-го Сибирского корпуса, указаны задачи, которые должна была выполнять артиллерия корпуса во все периоды операции, а именно:

I период. 1. Полное разрушение первой линии неприятельских окопов (цели III — XI включительно, XIII и XIV) — 60 орудий[1].

2. Полное разрушение части укреплений по восточной и юго-восточной опушкам Новоспасского леса (цели XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX), сомкнутого укрепления у отметки 124 (цель XXXI), части укрепления у «Еловой рощи» (цели XXX и XXXII) — 18 орудий, из них 8 из решавших первую задачу.

3. Неполное разрушение (забивание) окопов первой линии у Новоспасское (цели I и II), опушки Новоспасского леса за Новоспасское (цель XXIII), ходов сообщения от Тынчинского выступа к Новоспасскому лесу, ходов сообщения от первой линии к «Еловой роще», сомкнутого укрепления юго-западнее «Еловой рощи» (XXXVII), окопов первой линии у Богуши (XII), сомкнутого укрепления восточнее Ермолино[2] (XXXIV), сомкнутого укрепления к югу от южной опушки Богушинского леса (XXXVI) — 38 орудий (из них 16 решавших первую задачу).

4. Заградительный огонь во время атаки по линии: от входящего угла у Новоспасское (II), юго-восточный угол Новоспасского леса, вдоль южной опушки этого леса до цели XXIX, на отметку 124, западнее сомкнутого укрепления (цель XXXVII), на угол опушки Богушинского леса восточнее Ермолино, вдоль опушки Богушинского леса на «Фердинандов Нос» (исключительно) — 58 тяжелых орудий (из числа решавших первую и третью задачи) и 48 легких орудий.

5. Обстрел (мелинитовыми гранатами и химическими снарядами) внутреннего пространства части Богушинского леса восточнее дв. Ермолино и юго-западной части Новоспасского леса — 16 тяжелых орудий (из числа решавших первую, вторую и третью задачи) и 12 легких орудий.

6. Обстрел южной опушки Богушинского леса и окопов у цели XIX — 8 орудий.

7. Борьба с неприятельской артиллерией — 32 орудия (из них 16 решавших первую задачу).

8. Проделывание проходов в заграждениях и обстрел живых целей — 64 легких орудия.

---

[1] На схемах 21 и 22 номера целей не показаны. На схеме 21 не показаны также некоторые пункты, названные в объяснительной записке.

[2] Ермолино между Богуши и г. дв. Мигули.

В отношении выполнения задач в плане действий артиллерии 1-го Сибирского корпуса были даны следующие указания.

Подготовка атаки первой полосы. Начало артиллерийской подготовки по сверенным часам в назначенный час.

Первое время — самая точная пристрелка, и поэтому скорость огня — около 3 минут выстрел.

В случае, если дым выстрелов будет мешать наблюдению отдельных батарей, очередь пристрелки устанавливается между батареями, командирами дивизионов — каждым в своем дивизионе — или начальниками артиллерийских групп для батарей разных дивизионов.

Порядок разрушения там, где одна батарея будет иметь цели в разных линиях, установить такой: вся задача разбивается на ряд отдельных частных задач — такая-то боинца, такой-то блиндаж и т. д.; по окончании решения частных задач в одной линии решается соответствующая частная задача в другой линии. Ввиду того что на всем фронте будет работать много батарей и время решения отдельных частных задач у всех выйдет разное, все линии первой полосы будут обстреливаться одновременно; при этом противнику немыслимо будет подметить систему огня и тем уменьшить свои потери, а внимание артиллерийских командиров не будет рассредоточиваться одновременной стрельбой по разным линиям неприятельских окопов.

Для изучения произведенного разрушения, а также для осмотра материальной части и отдыха людям давать отдых по одному часу.

II период. 1. Разрушение сооружений на восточной и южной опушках Новоспасского леса — 32 орудия.

2. Продольное обстреливание западной опушки того же леса от юго-западного угла до дв. Голодово [1] (включительно) — 16 орудий.

3. Разрушение линии окопов и сооружений от юго-западного угла Новоспасского леса через ф. Рогачев [2] и южнее — 24 орудия.

4. Разрушение укреплений у д. Мысса — 4 орудия.

5. Обстрел опушки Богушинского леса восточнее дв. Ермолино и Ермолинского укрепления — 12 тяжелых орудий.

6. Обстрел южной опушки Богушинского леса и разрушение квадратного укрепления (XXXVI) — 8 тяжелых и 6 легких орудий.

7. Борьба с артиллерией — 32 орудия (из них 12 из решавших первую, вторую и третью задачи).

8. Заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса — 12 тяжелых и 24 легких орудия.

9. Заградительный огонь по южной опушке Богушинского леса — 12 тяжелых и 12 легких орудий.

10. Обстрел живых целей — 48 легких орудий.

III период. Переезд части дивизионной и корпусной артиллерии на новые позиции (по западной опушке Саковичского леса и западнее линии Саковичи, Сельце).

---

[1] Глодово южнее Мысса.

[2] Ф. Рогачев у юго-западной опушки Новоспасского леса.

1. Разрушение укреплении у Михничи, ф. Михничи[1], Мысса и у высоты с отметкой 134,7 — 60 орудий.

2. Обстрел линии окопов от д. Мыкса к г. дв. Мигули — 4 орудия.

3. Обстрел района у Олешонки — 2 орудия.

4. Заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса, восточнее и западнее г. дв. Ермолино — 16 тяжелых и 24 легких орудия.

Заградительный огонь по южной опушке того же Богушинского леса — 8 тяжелых и 12 легких орудий.

5. Обстрел и разрушение сооружений по Мигульской укрепленной линии от Забазарского леса — 48 орудий (все из решавших первую задачу).

6. Обстрел д. Асаны и г. дв. Асаны (штаб бригады) — 4 орудия.

7. Борьба с артиллерией — 28 орудий (из них 12 решавших первую задачу).

8. Обстрел живых целей — 54 легких орудия.

9. Обстрел средней части Богушинского леса — 24 тяжелых и 18 легких орудий.

Указания артиллерии 38-го корпуса. В развитие плана действий артиллерии отдавались частные распоряжения, приказы и указания всеми артиллерийскими начальниками — инаркорами, командирами артиллерийских бригад, начальниками артиллерийских групп, командирами дивизионов, батарей и артиллерийских парков.

Приводим для примера выписку из приказа от 7 июля 1917 г. № 7 по артиллерии 38-го корпуса, не входящей в состав дивизий (по корпусной артиллерии, оставшейся в непосредственном подчинении инаркору Мальковскому, состоявшей из двух групп: противоартиллерийской — полковника Боголюбова и крупных калибров — полковника Барановича — см. таблицу В).

«...По приказанию командира корпуса указания на время операции:

1) Начальники артиллерийских групп, пользуясь заранее выработанным планом действий артиллерии и сообразуясь с действительной обстановкой, накануне дня операции отдают подробный приказ по своей группе по форме Кирея.

2) Напоминаю, что пристрелять нужно каждое орудие в отдельности, для чего батарейный участок делится на орудийные. Пристрелка веером недопустима.

3) Во время подготовки вводить противника в обман: в точно указанное время батареи разрушения (тяжелые) переносят огонь на линию опорных пунктов, а легкие — дивизий — делают заградительный огонь по линии неприятельских окопов. Противник, принимая этот маневр за начало атаки, выйдет из убежищ и снова займет окопы. Через 15 минут все тяжелые и легкие батареи переносят

---

[1] Михничи и ф. Михничи восточнее Базары, у юго-западной опушки Новоспасского леса.

свой огонь обратно для продолжения своих задач. Такие ложные переносы будут проделаны несколько раз.

4) Начало пристрелки, часы ложных переносов огня будут указаны мною. Распределение порядка пристрелки произведет начальник артиллерийской группы. Время пристрелки батарей, находящихся в стыке групп, требует соглашения последних. После окончания пристрелки, с началом подготовки, в первый час не следует назначать более 10—15 выстрелов на орудие; во второй, третий и т. д. часы не более 30—40 выстрелов на орудие.

5) Огонь вести исключительно орудийный с возможно равными промежутками между выстрелами. Батарейные очереди и залпы недопустимы.

6) С началом атаки все батареи, назначенные для заградительного огня (завесы), открывают огонь, причем те из них, которые стреляют по пересеченным или закрытым местам, стреляют частым огнем; те батареи, которым даны открытые участки, ведут по ним редкий огонь, будучи ежесекундно готовыми перейти к беглому огню в случае появления цепи и колонны противника.

7) Стрельба химическими снарядами, если производится в короткий период времени, ведется интенсивно.

8) Начальникам артиллерийских групп ежедневно не позже 24 часов сообщать суточный расход снарядов (каких и сколько), принять меры к своевременному пополнению с первого дня боя.

9) Начальникам групп соединиться со мною двойной связью.

10) Все артиллерийские начальники должны следить с напряженным вниманием за полем, чтобы быть в состоянии оказать помощь не только ближайшим соседям, но и более удаленным.

11) Содержание приказа передать всем офицерам.

12) В каждой батарее назначить по одному ответственному счетчику снарядов».

В тот же день инспектор артиллерии 38-го корпуса Мальковский издал приказ по артиллерии корпуса о мерах «противогазовой» борьбы.

Применение минометов. Инспектор артиллерии 10-й армии 5 июля сообщил, что к использованию минометов встречаются препятствия: недостаток времени, отсутствие лесного материала, инертность и даже отказ от работы со стороны солдат пехоты, некомплект офицеров артиллерии для командования минометами.

Заключение полевого инспектора артиллерии. Ознакомившись с планом действий артиллерии двух корпусов 10-й армии, полевой инспектор артиллерии сообщил 10 июля 1917 г. инспектору артиллерии Западного фронта, что он считает необходимым обратить внимание инаркоров на следующее:

1. Необходимо принять меры к тому, чтобы направить огонь орудий крупного калибра (203-мм и выше) действительно по достойным целям. Надо использовать остающееся время для того, чтобы разыскать цели, недоступные для поражения меньшими калибрами. В тех случаях, когда крупным калибрам назначаются важные «укрепленные узлы», эти цели *надо обязательно уточнить,* опреде-

лив всеми имеющимися средствами разведки, какие отдельные сооружения в этих узлах или опорных пунктах должны быть разрушаемы. Таким образом, крупнокалиберным гаубицам должны быть указаны *совершенно определенные цели* в границах известных важных районов (например, такой-то блокгауз на северном скате «желтого бугра»).

В борьбе с батареями противника надо иметь в виду, что для подавления огня пристрелянных нами неприятельских батарей важен в общем случае не калибр наших орудий, а их скорострельность.

Между тем в одном из артиллерийских планов батарее 152-мм крепостных гаубиц назначено стрелять в период атаки по четырем неприятельским батареям.

Следует *точно определить, как будут вести огонь батареи, стреляющие химическими снарядами,* и ввиду малого опыта, имеющегося у нас в этой области, дать этим батареям определенные цифровые указания.

Особенное значение получает обстрел неприятельской батареи именно химическими снарядами, когда нет уверенности в том, что снаряды падают точно на самой батарее.

2. *Крайне желательно использовать минометы* в пределах их дальности для разрушения проволоки и по окопам, в чем они много помогут легкой и тяжелой артиллерии.

Минометы должны быть соединены в значительные группы под командой артиллерийских офицеров, которые подчиняются начальникам дивизионных артиллерийских групп разрушения. Так как на многих участках нет достаточного сближения нашей пехоты с противником, то *нужно взять все минометы дивизий, стоящих далеко,* и передать их туда, где действие их возможно.

Имея в виду, что установка минометов требует времени, надо минометы, еще остающиеся в удаленных от противника дивизиях, спешно притянуть к минометам, уже поставленным на позиции.

3. Чрезвычайно важно детально разработать последовательные положения завес заградительного (прикрывающего) огня при атаке. В особенности это важно сделать для того положения, которое пехота займет и на котором она будет закрепляться в ожидании артиллерийской подготовки укрепленных линий (полос), невидимых с прежних наблюдательных пунктов, а потому систематично до этого не разрушавшихся. В таком временно оборонительном положении надо не только прикрыть свои войска заградительной завесой артиллерийского огня, но и *подготовить образование сильного сосредоточенного огня* (для уплотнения этой завесы) на главных и наиболее опасных для нас *направлениях вероятных контратак противника.*

4. *Следует подготовить план стрельб ночью,* на которые у нас вообще не обращают должного внимания.

При составлении этого плана надо стремиться *не дать противнику:* а) исправлять разрушенные сооружения; б) производить всякого рода свободные передвижения в пределах досягаемости наших

орудий; в) вообще не позволить противнику отдохнуть от артиллерийского огня ночью. Последние немецкие сообщения относительно ночных стрельб нашей артиллерии на Юго-Западном фронте констатируют чрезмерное ослабление и недостаточную интенсивность нашего огня.

5. Непрерывная и напряженная работа батарей во время операции прорыва делает весьма желательным придание хотя бы по 25 человек на батарею (в качестве рабочей силы — для помощи при подноске снарядов) *всем тем тяжелым батареям,* для которых предвидится особо интенсивная напряженная деятельность.

Приведенные указания полевого инспектора артиллерии были приняты во внимание. В планы артиллерийских действий 10-й армии были внесены соответствующие поправки, и указанные меры были осуществлены, насколько это позволило время, остающееся до начала операции, и прочие возможности.

ВЫПОЛНЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

18 июля 1917 г. командующим 10-й армией получена была телеграмма главкозапа Деникина: «Приказываю завтра, 19 июля, приступить к выполнению намеченной операции и начать артиллерийскую подготовку атаки».

Того же 18 июля командарм 10-й отдал приказ № 7, которым предлагалось: «...19 июля с рассветом, в зависимоости от видимости, начать артиллерийскую подготовку наступательной операции согласно приказу армии с. г. № 5...»

19 июля. Артиллерия в 5 часов утра открыла методический огонь, корректируя каждый выстрел, предварительно проверяя пристрелочные данные.

Батареи выполняли задачи, намеченные планами. Работа разрушения шла успешно, отчетливо были видны прямые попадания в окопы, блиндажи и ходы сообщения. Сильно повреждены были окопы первой и второй линий; частью были разрушены, частью завалены многие блиндажи и пулеметные гнезда как за окопами, так и в узлах сопротивления и позади них. Слабее было разрушение фланкирующих фасов.

При заваливании окопов обнаруживались новые блиндажи, пулеметные и минометные гнезда, вследствие чего приходилось увеличивать задачи некоторых батарей. В артиллерии 20-го корпуса (2-го Кавказского корпуса) выбыло из строя несколько 152-мм гаубиц, почему пришлось работу одних батарей передать другим.

Пробивание проходов в проволоке легкие батареи начали в разных участках в разное время.

В 38-м корпусе легкие батареи начали с обстрела Богушинского леса химическими снарядами.

К вечеру многие проходы были закончены; но в некоторых местах выполнить намеченное в полной мере не удалось. Те батареи 38-го корпуса, которые закончили пробивание по одному проходу в проволоке, пристреливались по окопам или по рубежам намечен-

ного заградительного огня, а затем переходили к пробиванию вторых проходов.

Артиллерия 20-го корпуса в течение дня около 12 и 18 часов открывала заградительный огонь.

В 1-м Сибирском корпусе около 19 часов огонь тяжелой артиллерии был перенесен за вторую линию неприятельских окопов, и в это же время была выслана артиллерийская разведка с двумя пулеметами, которая дала ценные указания о произведенных разрушениях и открыла новые убежища противника.

В начале артиллерийской подготовки неприятельская артиллерия отвечала слабо, но затем огонь ее усилился, особенно на участке 20-го корпуса (артиллерия 2-го Кавказского корпуса), обстреливая наши окопы и некоторые наблюдательные пункты. После 12 часов на участке 1-го Сибирского корпуса систематически обстреливались те русские батареи, которые были известны противнику раньше. На участке 38-го корпуса неприятельский артиллерийский огонь был довольно пассивный; сильнее со стороны Куты, Ордаши обстреливались окопы и ходы сообщения.

Противоартиллерийские группы с утра обстреливали тыловые районы противника: наблюдательные пункты, штабы, резервы и другие цели. Затем, по мере усиления огня неприятельских батарей, переходили к борьбе с ними, заставляя их частью замолкать, частью вести огонь с перерывами. Батареи противника, укрытые бетонными постройками или упорно не замолкавшие, обстреливались химическими снарядами. В общем, русские батареи, особенно 38-го корпуса, довольно легко справились с неприятельской артиллерией.

Русские батареи заставили замолчать обнаруженную в Богушинском лесу неприятельскую 203-мм батарею, обстреливавшую позицию русской 305-мм батареи, расположенной на опушке леса к северо-западу от м. Лоск у железнодорожной ветки.

В артиллерии 1-го Сибирского корпуса, в группе разрушения, были выделены для борьбы с артиллерией две батареи, которые своим огнем заставили замолчать неприятельские батареи, после чего продолжали работу по разрушению окопов противника.

Несколько легких батарей противоартиллерийской группы обстреливали неприятельские минометы в окопах.

С темнотой, около 22—23 часов, огонь русской артиллерии стал затихать. Всю ночь поддерживался редкий огонь — батареями разрушения по своим участкам, легкими батареями по сделанным проходам и окопам, чтобы противник не мог ночью восстановить разрушенное; батареи противоартиллерийских групп вели огонь по некоторым неприятельским батареям, деревням, опушкам лесов и по узкоколейным железнодорожным веткам, чтобы беспокоить противника, не давать ему возможности отдохнуть и передвигаться.

20 июля. Артиллерийская подготовка возобновилась между 4 и 6 часами утра. Батареи продолжали выполнение своих задач: окопы и ходы сообщений постепенно заваливались, разрушались видимые пулеметные и минометные гнезда, срывались надземные

части блиндажей. Среди разрушенных окопов обнаруживались новые укрепленные постройки, как это было и в первый день подготовки — 19 июля.

Для разрушения более прочных укреплений огонь иногда массировался — до четырех батарей на том или ином одном участке неприятельской позиции.

По мере выполнения своих задач батареи получали новые задачи.

В 1-м Сибирском корпусе с успехом воспользовались огнем 120-мм пушек для разбрасывания рогаток, которыми противник успел забросать проходы, сделанные в проволочных заграждениях.

Как и 19 июля, в 20-м корпусе артиллерия (2-го Кавказского корпуса) в 12 и в 18 часов открывала заградительный огонь, каждый раз на 12 минут; в 18 часов огонь тяжелых батарей сдвигался в глубь неприятельской позиции.

В 1-м Сибирском корпусе артиллерийский огонь был сдвинут с окопов вглубь в 12 часов и были высланы вперед артиллерийские разведчики для выяснения произведенных разрушений.

В 38-м корпусе артиллерийский огонь переносился на тылы противника несколько раз, приблизительно на 15 минут каждый раз. Легкая артиллерия продолжала пробивать проходы в проволочных заграждениях.

Артиллерия противника вела довольно сильный огонь по окопам и по некоторым батареям 20-го корпуса. На фронте 1-го Сибирского и 38-го корпусов при сдвигании огня русских батарей в тыл расположения противника его артиллерия открывала заградительный огонь. За день боя 20 июля число действующих неприятельских батарей увеличилось, многие разделялись повзводно и даже поорудийно и становились на других, новых местах. Из Богушинского леса 203-мм батарея противника не стреляла. Появилась другая 203-мм батарея у деревни Базары и вела стрельбу по району 1-го Сибирского и 20-го корпусов; еще одна 203-мм неприятельская батарея, обнаруженная в районе Куты, Ордаши, фланкировала своим огнем участок 38-го корпуса. Из района Олешонки 356- или 406-мм орудия выпустили несколько снарядов по 4-й батарее Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, занимавшей позицию у Сукневичи.

Противоартиллерийские группы своим огнем заставляли неприятельские батареи надолго прекращать огонь, но уничтожить их не удавалось. Ожившие батареи противника обстреливались сосредоточенным огнем нескольких батарей или химическими снарядами.

В 20-м корпусе батарея 152-мм пушек в 200 пуд., выполнив задачу по разрушению, была присоединена к противоартиллерийской группе. В 1-м Сибирском корпусе пять тяжелых батарей из группы Котовича назначались для стрельбы по неприятельским батареям и, заставив их замолчать после 3—4 батарейных очередей, возвращались к задаче разрушения окопов противника.

В ночь на 21 июля артиллерийский огонь поддерживался так же, как и в ночь на 20-е.

Ввиду того что 20-го не все части пехоты заняли исходное положение, особенно в 20-м корпусе, а некоторые полки даже отказывались стать на позицию, главкозап еще в 12 часов дня решил продолжить артиллерийскую подготовку еще на один день, 21 июля.

Методический огонь, какой преимущественно вела русская артиллерия в первые два дня артиллерийской подготовки, произвел, повидимому, на главкозапа Деникина впечатление недостаточно интенсивного.

Еще в первый день подготовки 19 июля инспартзап телеграфировал инспектору артиллерии 10-й армии, что главкозап, наблюдая артиллерийскую подготовку, обратил внимание на следующее: «1) артиллерия противоартиллерийских групп в свободное от исполнения своей задачи время не в достаточной мере принимала участие в разрушении укреплений противника, между тем как это участие по тем целям противника, которые проглядываются с наблюдательных пунктов, обслуживающих противоартиллерийские батареи, даст значительно больший результат артиллерийской подготовки; 2) артиллерия разрушения ведет огонь лишь по известным намеченным узлам, а не по всей линии позиций, что уже отмечалось главкозапом и раньше при рассмотрении артиллерийского плана. Отмечая эти недочеты, главкозап приказал отдать теперь же необходимые распоряжения для устранения упомянутых недочетов; 3) все батареи должны быть в работе, вся первая полоса должна обстреливаться одновременно».

На другой день, 20 июля, главкозап Деникин телеграфировал командующим 10-й, 3-й и 2-й армиями и инспектору артиллерии Западного фронта Шихлинскому: «На всем ударном фронте армии артиллерийский огонь совершенно не достигает той интенсивности, с которой он должен вестись. Кроме разрушения, это весьма важно и по тому нравственному впечатлению, которое настоящий огонь произведет на наши войска и на врага».

Со своей стороны Шихлинский в развитие этой телеграммы Деникина сообщил инспектору артиллерии 10-й армии генералу Сиверсу следующее:

«Главкозап посетил один из корпусов и приказал ввести поправки в работе артиллерии: 1) ни одного молчащего орудия не должно быть; каждая батарея, решившая главную свою задачу, должна получить второстепенную задачу по разрушению сооружений или по заваливанию окопов в промежутках между разрушенными участками; 2) одновременно вести разрушение в первой и во второй линиях; 3) огонь должен иметь характер сплошной обработки всей первой полосы, поэтому не забывать заваливания или расстройства окопов по всей линии; 4) если неприятельская артиллерия проявит себя слабо, то батареям противобатарейной группы нельзя молчать в выжидательном положении, и им должны быть даны второстепенные задачи по окопам и ходам сооб-

щений; 5) всю ночь вести огонь по разрушенным днем участкам достаточной силы, чтобы не дать противнику восстановить разрушенное и внести в его ряды беспокойство; 6) из тяжелых орудий особого назначения ночью не стрелять; цели, ими разрушенные, должны быть ночью под огнем особо назначенных батарей других калибров; 7) важнейшие пути в районе противника и его штабы держать ночью под редким огнем дальнобойных пушек; 8) часа за два до начала атаки огонь довести до высшего напряжения на всем фронте атаки; с движением же пехоты покрыть всю первую полосу огнем и бить ее до последней возможности, сдвигая огонь вперед только тогда, когда опасность для пехоты от своего огня станет очевидной».

Того же 20 июля инспартарм 10-й Сиверс, получив записку инспартзап Шихлинского, передал подчиненным ему артиллерийским начальникам распоряжение такого содержания: «...Главкозап лично наблюдал подготовку атаки в 38-м корпусе 19 июля. Ознакомившись с расходом снарядов в 38-м и 1-м Сибирском корпусах, главкозап пришел к заключению, что интенсивность огня была недостаточная. Личное его впечатление было таково, что под нашим огнем вчера противник сидел на многих участках спокойно, хотя и достигнуты намеченные разрушения.

Объявить к неуклонному руководству следующие требования главкозапа: 1) Использовать легкие батареи, свободные от пробивания проволоки, для покрывания атакуемого фронта и расстройства окопов и ходов сообщения не только во время атаки и непосредственно перед нею, но и теперь, в подготовительный период боя. 2) Полевые мортирные и тяжелые батареи, решившие свои прямые задачи, должны бить новые участки окопов между произведенными разрушениями. 3) Снарядов тяжелых батарей особого назначения тоже должно быть столько, чтобы их хватило на все дни операции. 4) Противобатарейные группы не держать в выжидательном положении, а бить пристрелянные батареи; при возможности часть их тоже временно направлять на окопы и ходы сообщения. 5) Ни одной молчащей батареи не должно быть. 6) Интенсивность огня должна быть такова, чтобы все время подготовки держать противника в тревожном состоянии и воодушевлять свои войска видимым эффектом и непрерывностью звуков от выстрелов и разрывов. Артиллеристам необходимо учитывать настроение обороняющегося и понять душу своей пехоты. 7) Нормы суточного расхода снарядов для полевых калибров в большинстве случаев дают требуемую интенсивность и непрерывность огня; необходимо лишь вести огонь равномерно всеми батареями. Можно превзойти обычную норму снарядов: снаряды будут. 8) Обратить особое внимание на 2-ю и 3-ю линии позиций противника, так как преимущественно из этих линий будут встречать нашу атаку».

По поводу продления артиллерийской подготовки на 3-й день, 21 июля, в деле ЦГВИА (№ 174—754, л. 611) имеется интересное заключение инспектора артиллерии Западного фронта Шихлин-

ского, до некоторой степени опровергающее личное впечатление главкозапа о недостаточной интенсивности артиллерийского огня вообще и слабости огня в отношении поражения живой силы противника.

Шихлинский в своем заключении пишет: «Артиллерийская подготовка была продлена на 3-й день (8 июля[1]) ввиду особых обстоятельств; по плану же операции предположено было атаковать ранним утром 8 июля. Двух дней артиллерийской подготовки вполне достаточно, что подтверждается и опытом последней операции: несмотря на весьма неблагоприятную погоду 7 июля, за два дня (6 и 7 июля) все задания по разрушению были артиллерией выполнены. По показанию пленных, немцы понесли 8 июля большие потери от артиллерийского огня: ясно, что закрытия были или уничтожены или расстроены в достаточной мере еще до 8 июля.

Желая получить такие же результаты в один день подготовки, пришлось бы увеличить количество тяжелых орудий, так как увеличение числа выстрелов на орудие расстроило бы материальную часть.

Личное мое убеждение: возможно было бы и при бывших средствах атаковать с успехом после однодневной подготовки — только при нормальном настроении пехоты».

Главкозап Деникин, требуя усиления интенсивности артиллерийского огня путем увеличения расхода снарядов, не желал считаться с тем, что злоупотребление скорострельностью орудий в связи с чрезмерным увеличением количества выстрелов, выпускаемых из артиллерийских орудий в сравнительно короткий срок, может привести в негодность материальную часть орудий. Это подтверждается, например, следующим приказом командира 1-го Сибирского корпуса от 20 июля начальникам дивизий 1-й, 2-й и 16-й Сибирских и наштакору 1-го Сибирского: «Приказываю всем легким батареям, окончившим делание проходов или не занятым этой задачей, обстреливать окопы первой линии и ходы сообщения от нее ко второй линии, а также и другие цели, которые им придется обстреливать во время атаки, с тем, чтобы совсем не было молчащих батарей и чтобы вся площадь окопов была поражаема. Означенная работа артиллерии, *не считаясь с возможностью повреждения орудий*[2] и другими причинами, категорически указана и главкозапом».

По окончании операции ставка главковерха, как видно ниже, обратила внимание главкозапа на вред, наносимый материальной части артиллерии слишком скорой стрельбой.

21 июля. Огонь для продолжения артиллерийской подготовки был открыт между 5 и 7 часами.

---

[1] Т. е. 21 июля по новому стилю.

[2] Подчеркнуто мною. — *Е. Б.*

Тяжелые батареи уширяли участки полного разрушения окопов. Там, где заваливание блиндажей и бетонированных гнезд шло менее успешно, в помощь к работающим батареям присоединялись другие, уже выполнившие свои основные задачи. Разрушение производилось одновременно во всех линиях первой укрепленной полосы противника, но неуверенность в достаточном разрушении во второй и третьей линиях, ввиду меньшей их видимости, заставила направлять 21 июля артиллерийский огонь главным образом на эти линии (участки).

Для обстрела обнаруженных новых целей несколько батарей 20-го корпуса (2-го Кавказского) переменили наблюдательные пункты.

Орудия крупного калибра, особенно 305-мм, которые вели огонь по самым прочным постройкам, производили сильные разрушения.

Заградительный огонь открывался на 12 минут в одной группе артиллерии 20-го корпуса около 15 часов, в другой — в 17 часов.

В 1-м Сибирском корпусе в 9 часов выслана была артиллерийская разведка, выяснившая незаконченные разрушения и наличие многих минометов, места которых удалось обнаружить лишь поздно вечером по блеску их выстрелов.

В 38-м корпусе артиллерия, как это было и 20 июля, опять несколько раз переносила огонь на тыловые участки позиции противника. Легкая артиллерия расширяла и расчищала проделанные проходы в проволочных заграждениях и проделывала добавочные проходы на некоторых участках. Там, где проходы пробивались близко друг к другу, получалось сплошное разрушение проволочных заграждений на протяжении 50—80 м. Отдельные удаленные друг от друга проходы были в 20—30 м. Проделыванию проходов помогали тяжелые снаряды, попадавшие в проволоку при стрельбе по первой линии окопов.

Легкие батареи одновременно проверяли пристрелочные данные заградительного огня и огня по рубежам.

Артиллерия 38-го корпуса неоднократно обстреливала химическими снарядами лес у Попелевичи.

Неприятельская артиллерия отвечала в этот день более энергично, чем в первый и второй дни. Особенно сильный огонь артиллерия противника сосредоточила в районе Сутковского монастыря и к югу по окопам западнее Саковичи, Танщина — к востоку от Богуши, а также по участку расположения 175-й пехотной дивизии. Во время артиллерийской разведки и при переносах огня русской артиллерии неприятель открывал заградительный артиллерийский огонь. Около 19 часов на участке 38-го корпуса, а около 22 часов почти по всему фронту 20-го и 1-го Сибирского корпусов немцы открыли сильный (ураганный) артиллерийский огонь, продолжавшийся больше часу. К ночи артиллерийский огонь противника перешел в обыкновенную перестрелку.

В этот день также были обнаружены новые неприятельские батареи на неизвестных ранее позициях, по блеску выстрелов которых определялось место их расположения.

Уничтожить неприятельские батареи не удавалось, но многие из них, попадавшие под удачный огонь русской артиллерии, замолкали на продолжительный срок.

Наиболее сильный огонь неприятельская артиллерия направила на участок 1-го Сибирского корпуса; поэтому командующему артиллерийской группой разрушения полковнику Котовичу (см. таблицу В) приходилось часто отрывать свои батареи на помощь противоартиллерийской группе; помогала последней и соседняя противоартиллерийская группа 20-го (2-го Кавказского) корпуса.

Артиллерийская подготовка была закончена. Приказано было на следующий день, 22 июля, открыть артиллерийский огонь в 5 часов утра и затем в 7 часов штурмовать позиции противника.

Произведенные разрушения давали полную надежду на успех атаки. Проволочные заграждения во многих местах были уничтожены и имели чистые проходы, местами же были сметены целые полосы заграждений. Почти все окопы первой линии неприятельских укреплений, а во второй и третьей линиях значительная часть участков были совершенно разрушены; ходы сообщения между ними были завалены. Земляные и легкого типа постройки были также разрушены или засыпаны. Пулеметные гнезда и блиндажи приведены в негодное состояние.

Постройки бетонированные и покрытые рельсами и залитые бетоном, а также построенные минным способом с покрытием в несколько рядов толстых бревен, остались почти нетронутыми, но входы в них были завалены землей и обломками бревен.

Только орудия самого крупного калибра разрушали бетонированные убежища и только те, которые выдавались над землей.

Уцелевшими остались только такие укрепленные постройки, которые были отлично маскированы и совершенно не видны с наблюдательных пунктов.

22 июля. Русская артиллерия открыла огонь в 5—6 часов. Тяжелые батареи обстреливали окопы, выгоняя оттуда немцев, скопившихся за ночь, и продолжали разрушение второй и третьей линий неприятельских укреплений.

Легкие батареи вели огонь также по окопам и по группам противника, уходившим из первой линии укреплений. Легкие батареи 38-го корпуса обстреливали химическими снарядами Богушинский и Попелевичский леса.

Батареи крупных калибров выполняли поставленные им задачи разрушения более прочных построек противника.

Около 7 часов тяжелые батареи перенесли огонь на тыловые участки неприятельского расположения, как указано было в планах действия артиллерии, а легкие батареи развили сильный огонь по окопам.

Пехота, со штурмующими частями впереди, перешла в атаку. Наиболее успешно наступление развивалось в 1-м Сибирском и 38-м корпусах. Части 20-го корпуса замялись и понесли наибольшие потери.

Неприятельская артиллерия встретила атаку слабым огнем и, только когда штурмующие части ворвались в окопы немцев, открыла заградительный огонь.

Через 15—20 минут после начала атаки первая линия неприятельских окопов была взята войсками 1-го Сибирского корпуса, а пехота 38-го корпуса захватила костел и кладбище в м. Крево.

Русские батареи образовали подвижной огневой вал и сдвигали огонь перед своей наступавшей пехотой, укрывая ее дымом и пылью, поднимавшимися при разрывах снарядов.

Почти без потерь русской пехотой были взяты восточная и западная опушки Новоспасского леса, Богушинский бугор, Фердинандов Нос; пехота дошла до Попелевичского леса.

Одновременно с наступлением передовых штурмующих частей пехоты 38-го корпуса были высланы от батарей офицеры-наблюдатели и солдаты-разведчики, которые, установив связь с выславшими их командирами, давали ценные указания о ходе боя, своевременно сообщали о появляющихся новых целях и корректировали стрельбу.

Противник вел редкий ружейный огонь; пулеметов осталось у него мало,— только случайно уцелевшие или вытащенные из разрушенных убежищ иногда оживали и обнаруживали себя своей характерной трескотней.

Захват Новоспасского леса и подход русской пехоты к Попелевичскому лесу заставили неприятельские батареи, стоявшие в этом районе, спешно сниматься и уходить с позиций — некоторые германские батареи уходили на глазах атакующей русской пехоты.

Несколько неприятельских батарей, обстрелянных русской артиллерией во время подачи передков, остались на местах и были захвачены русской пехотой и артиллерийскими разведчиками, причем последние повернули некоторые захваченные орудия и стреляли из них по отступавшим немцам. Вывезти же к себе русским не удалось ни одного неприятельского орудия.

За день 22 июля 1-й Сибирский корпус прочно занял Новоспасский лес; к вечеру русская пехота окопалась на западной опушке этого леса. Участок позиции противника в районе Богушинского бугра переходил из рук в руки несколько раз. Фердинандов Нос, в начале атаки сразу занятый, пришлось очистить вследствие накопления немцев на северной опушке Богушинского леса.

В 38-м корпусе части 62-й пехотной дивизии, дошедшие до линии редутов, остановились и залегли вследствие флангового ружейного и пулеметного огня противника со стороны южной опушки Богушинского леса. Резерв одного из полков дивизии, проскочив залегшие передовые части, занял д. Томасовка (на южной опушке Богушинского леса между Асаны и Попелевичи), но вскоре стал уходить назад под влиянием распространившегося неверного слуха об уходе назад соседней, 16-й стрелковой дивизии; лишь некоторые участки района Томасовка оставались в руках русских до вечера.

Части 11-й Сибирской и 175-й пехотной дивизий, быстро овладев Кревскими укреплениями, а затем и редутами, дошли до Попелевичского леса и проникли на его западную опушку, несмотря на то, что католическое кладбище в Крево оставалось занятым немцами. Встреченные здесь сильным ружейным и пулеметным огнем, части 11-й Сибирской и 175-й дивизий вели бой до 12 часов, а затем, не видя поддержки, стали отходить сначала в немецкие окопы третьей линии, а к вечеру возвратились в свои окопы.

Части 69-й пехотной дивизии, попав под фланговый огонь со стороны Ордаши, сразу приостановили наступление.

К ночи все части 38-го корпуса отошли и оказались в исходном положении. Предполагавшееся вечером возобновление атаки не состоялось.

В 20-м корпусе частям 51-й пехотной дивизии удалось занять неприятельские окопы. Соседи ее справа и слева — 28-я и 29-я пехотные дивизии — начали наступление значительно позже назначенного часа и, попав под сильный артиллерийский огонь противника, залегли у проволочных заграждений, а затем, не имея поддержки, стали отходить и к 10 часам были уже в своих окопах.

В течение дня части 20-го корпуса несколько раз пытались атаковать, неоднократно захватывали неприятельские окопы, но в общем разрозненные их действия успехом не увенчались.

Русские батареи весь день вели интенсивную стрельбу, образуя почти беспрерывно заградительный огонь — вначале для поддержки своей наступающей пехоты, а затем по ее требованию, как при появлении переходящих в атаку немцев, так и в ожидании их контратак.

Неоднократно они обстреливали живые цели противника и появляющиеся его пулеметы, а также вели стрельбу по неприятельской артиллерии, усиливая своим огнем противоартиллерийские группы.

Для непосредственной ближайшей поддержки пехоты выдвигались вперед: в 20-м корпусе один легкий взвод 76-мм пушек, в 1-м Сибирском корпусе три таких же взвода 2-й Сибирской артил-

лерийской бригады и одна батарея 122-мм гаубиц, в 38-м корпусе два легких взвода 62-й артиллерийской бригады.

Батареи противоартиллерийских групп вели стрельбу главным образом по тем батареям противника, которые открывали огонь по русской пехоте, препятствуя ее наступлению. Многие неприятельские батареи обстреливались химическими снарядами. Энергичной искусной работой противоартиллерийских групп было достигнуто значительное ослабление огня неприятельской артиллерии, причем во время обстрела замечено было несколько взрывов в районе расположения неприятельских батарей.

Сырость и мелкий дождь, шедший весь день, не дали возможности использовать зажигательные снаряды. От огня русской артиллерии загорелись только маска на одной из батарей противника и небольшой участок Новоспасского леса.

К ночи только Новоспасский лес остался в руках занимавших его частей 1-го Сибирского корпуса.

Ночью русская артиллерия стреляла редким огнем, открывая иногда по требованию пехоты заградительный огонь.

23 июля. Наступления в этот день не было. Операция захлебнулась. Краткое описание операции, составленное генквартом штаба 10-й армии, заканчивается словами: «Таким образом, несмотря на значительное превосходство наше в количестве войск и артиллерийских средств, несмотря на блестящую артиллерийскую подготовку, операция успеха не имела».

Содействие авиации. Во все дни операции 1-й Сибирский и Гренадерский авиационные отряды, несмотря на неблагоприятные условия погоды и отсутствие достаточного числа охраняющих самолетов (истребителей), приносили посильную помощь русской артиллерии. Летчики указывали стреляющие батареи противника, сообщали поправки огня своим батареям и даже корректировали их стрельбу по некоторым целям.

Не вылетел для наблюдения и корректирования артиллерийской стрельбы лишь один русский 34-й авиационный отряд.

Убыль орудий. В таблице Д приведены сведения о числе орудий, состоявших и выбывших из строя во время операции 19—23 июля 1917 г. на фронте 10-й русской армии. Вследствие порчи материальной части от частой стрельбы, большого количества выпущенных выстрелов и от преждевременных разрывов снарядов в канале орудий, происходивших от недоброкачественности снарядов, пришло в негодность в общем большое число орудий. При этом, как видно из таблицы Д, наибольший процент пришедших в негодность дали 122-мм гаубицы (около 61%), несмотря на сравнительно небольшой их относительный заряд, а затем 152-мм орудия (от 28 до 50%).

Таблица Д

СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ СОСТОЯВШИХ И ВЫБЫВШИХ ОРУДИЙ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ 19—23 ИЮЛЯ 1917 Г.

Название орудий	К началу операции состояло	Во время операции убыло	Выбыло орудий в %
76-*мм* пушек	432	65	15,0
114-*мм* английских гаубиц	12	1	8,3
122-*мм* гаубиц	48	28	61,1
152-*мм* крепостных гаубиц	60	17	28,3
152-*мм* полевых гаубиц	48	18	37,5
152-*мм* пушек в 120 пуд.	36	12	33,3
152-*мм* пушек в 200 пуд.	16	5	31,2
152-*мм* пушек Шнейдера Б	6	3	50,0
152-*мм* английских гаубиц М	28	—	—
203-*мм* „ „ Г	10	2	20,0
234-*мм* „ „ Т	2	—	—
305-*мм* гаубиц В	6	1	16,6
107-*мм* пушек скорострельных	40	9	22,5
107-*мм* пушек обр. 1877 г.	16	3	12,5
120-*мм* пушек Е	24	1	4,0
Всего	784	165	21,0

Таким образом, за 5 дней операции артиллерия трех ударных корпусов 10-й армии в результате ведения интенсивного огня потеряла пятую часть всех своих орудий, хотя, как показано ниже в таблице 3, в среднем ежедневный расход снарядов на орудие не

превышал норм примерного расхода снарядов, указанных в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» [1].

Это обстоятельство необходимо иметь в виду при составлении расчетов запаса орудий для пополнения их убыли.

Ставка главковерха (Упарт) обратила внимание главнокомандующих фронтами на большую убыль орудий вследствие злоупотребления их скорострельностью. Главкозап приказал «указать всем войсковым начальникам на вред для материальной части артиллерии, наносимый ей слишком скорой стрельбой, производимой часто по требованию начальников участков» (главкозап в своем приказе замалчивает, что такое требование исходило в первую очередь от него самого), и объявить к руководству следующую телеграмму наштаверха от 11 августа 1917 г.: «Во время операций текущего лета выбыло из строя от собственной стрельбы очень большое число орудий, в особенности среднего калибра. Главными причинами этого являются недостаточный уход за материальною частью, продолжительность огня и главным образом чрезмерная, недопустимая материальной частью, скорость огня. Прошу обратить на вышеуказанное обстоятельство внимание всех общевойсковых начальников, разъяснить, что для каждой системы существует определенная норма скорости стрельбы, нарушение которой совершенно недопустимо, ибо влечет за собой временное или даже окончательное расстройство материальной части, чем уменьшается боевая сила батарей и увеличивается работа заводов исправлением и затрудняется транспорт».

Расход снарядов. Данные о среднем расходе снарядов на орудие артиллерии ударных корпусов 10-й армии — отдельно за 3 дня артиллерийской подготовки 19, 20 и 21 июля и за 2 дня атаки 22 и 23 июля 1917 г.— приведены в таблицах Е, Ж и З.

Во всех трех этих таблицах расчеты составлены по штатному числу орудий, состоящих на вооружении батарей к началу операции, не принимая во внимание убыли орудий, показанной в таблице Д.

Из таблицы Е видно, что только в нескольких случаях расход снарядов на орудие во время артиллерийской подготовки превысил довольно значительно норму примерного расхода снарядов, установленную в ч. II «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», изд. 1917 г. (приложение VII), а именно: 19 июля в 20-м корпусе для 152-мм пушек в 200 пуд. — 192 снаряда вместо 150, в 1-м Сибирском корпусе для 122-мм гаубиц — 226 вместо 175, для 152-мм английских гаубиц — 146 вместо 100; 20 июля в 20-м корпусе для 76-мм пушек — 317 вместо 250 и для 114-мм гаубиц — 221 вместо 175; 21 июля в том же 20-м корпусе для 122-мм гаубиц — 272 вместо 175.

---

[1] Часть. II, Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы, изд. 1917 г., приложение VI.

Таблица Е

РАСХОД СНАРЯДОВ НА ОДНО ОРУДИЕ ЗА 3 ДНЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ НА ФРОНТЕ УДАРНЫХ КОРПУСОВ 10-Й АРМИИ

Название снарядов	19 июля			20 июля			21 июля		
	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус
76-*мм* легких . . .	144	85	209	282	230	211	175	255	225
76-*мм* химических .	23	—	15	35	18	24	28	—	45
114-*мм* гаубичных	130	—	—	221	—	—	189	—	—
122-*мм* гаубичных .	154	226	134	175	151	115	272	102	190
152-*мм* крепостных	175	104	113	132	133	121	108	117	161
152-*мм* полевых . .	135	131	132	111	112	144	99	142	138
152-*мм* в 120 пуд. .	162	151	112	162	162	134	188	162	112
152-*мм* в 200 пуд. .	192	141	56	101	91	105	22	118	41
152-*мм* Шнейдера .	110	—	106	70	—	69	122	—	80
152-*мм* английских	27	146	1	42	110	41	43	92	42
203-*мм* гаубичных .	12	62	9	48	58	19	105	55	17
234-*мм* » .	—	—	66	—	—	53	—	—	50
305-*мм* » .	24	42	26	36	48	34	2	13	25
107-*мм* пушечных .	136	123	71	82	96	85	133	81	58
120-*мм* » .	78	142	61	78	170	82	96	95	65

Более значительное превышение указанной нормы расхода снарядов на орудие замечается, как видно из таблицы Ж, в первый день атаки, 22 июля, а именно: для 76-мм пушек вместо 250 снарядов в 20-м корпусе — 304, в 1-м Сибирском — 432 и в 38-м корпусе — 516 снарядов; для 114-мм гаубиц в 20-м корпусе — 269 снарядов вместо 125 и для 122-мм гаубиц в 38-м корпусе — 220 вместо 125; в 20-м корпусе для 107-мм пушек — 197 вместо 125; в 1-м Сибирском для 152-мм полевых гаубиц — 220 вместо 125

для 107-мм пушек — 165 вместо 125; в 38-м корпусе для 152-мм гаубиц крепостных — 150 вместо 125 и полевых — 185 вместо 125, для 152-мм пушек в 120 пуд.— 166 вместо 125 и в 200 пуд.— 134 вместо 125, для 107-мм пушек — 179 снарядов вместо 125. Во второй день атаки, 23 июля, расход снарядов, как видно из таблицы Ж, был небольшой.

Таблица Ж

РАСХОД СНАРЯДОВ НА ОДНО ОРУДИЕ ЗА 2 ДНЯ АТАКИ НА ФРОНТЕ УДАРНЫХ КОРПУСОВ 10-й АРМИИ

Название снарядов	22 июля			23 июля		
	12-й Сибирский корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	12-й Сибирский корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус
76-*мм* легких	271	363	385	101	246	105
76-*мм* химических	33	69	131	7	4	5
114-*мм* гаубичных	209	—	—	92	—	—
122-*мм* »	114	114	220	25	70	49
152-*мм* крепостных гаубичных	136	135	150	28	56	84
152-*мм* полевых	64	220	185	11	130	41
152-*мм* пушечных в 120 пуд.	101	105	166	103	111	51
152-*мм* » в 200 пуд.	123	46	134	22	7	42
152-*мм* Шнейдера	79	—	114	—	—	3
152-*мм* английских гаубичных	29	43	49	13	18	16
203-*мм* гаубичных	27	19	12	—	—	—
234-*мм* »	—	—	33	—	—	—
305-*мм* »	17	14	5	—	—	—
107-*мм* пушечных	197	165	179	18	132	51
120-*мм* »	98	113	130	18	—	21

Таблица 3

ОБЩИЙ РАСХОД СНАРЯДОВ НА ОДНО ОРУДИЕ ЗА ОПЕРАЦИЮ 19–23 ИЮЛЯ 19.. г. НА ФРОНТЕ 10-й АРМИИ

Название орудий	Число орудий	Артиллерийская подготовка					Атака		
		За 19-е	За 20-е	За 21-е	Дневная норма	Средний расход за 3 дня	За 22-е	За 23-е	Дневная норма
76-*мм* пушек	408	150	238	218	270	202	348	146	250
114-*мм* гаубиц	12	130	221	181	175	180	269	92	125
122-*мм* »	48	162	139	188	175	163	182	48	125
152-*мм* крепостных гаубиц	60	129	131	120	150	127	138	40	125
152-*мм* полевых гаубиц	18	173	122	123	150	126	143	52	125
152-*мм* пушек в 120 пуд.	56	133	146	140	150	140	151	74	125
152-*мм* пушек в 200 пуд.	16	145	99	60	150	101	107	23	125
152-*мм* пушек Шнейдера	6	107	70	94	100	90	102	—	100
152-*мм* английских гаубиц	28	56	50	60	100	54	38	15	100
203-*мм* гаубиц	16	42	48	57	75	49	20	—	20
234-*мм* »	2	66	53	50	75	56	33	—	20
305-*мм* »	6	31	39	13	—	28	12	—	—
107-*мм* пушек	56	109	87	91	150	96	182	63	125
120-*мм* »	24	91	110	85	150	96	124	13	125

Данные этой таблицы указывают на то, что средний общий расход снарядов за все 3 дня артиллерийской подготовки не превышал норму примерного дневного расхода, установленную «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., и что средний расход снарядов в первый день атаки, 22 июля, превышал указанную норму, особенно для 76-мм пушек, для легких 114-мм и 122-мм гаубиц, для 107-мм пушек и для 152-мм пушек в 120 пуд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ДЕЙСТВИЯХ АРТИЛЛЕРИИ 10-й АРМИИ

1. Артиллерийские средства должны быть в полном соответствии с поставленной задачей; иначе говоря, задача должна быть соразмерена с теми предельными артиллерийскими средствами, какие возможно сосредоточить на данном участке операции.

Ко времени составления в штабе 10-й армии оперативных соображений по поводу задуманной операции в распоряжении армии имелись крайне ограниченные артиллерийские средства, недостаточные ввиду обширности и важности намеченной операции.

Увеличение артиллерийских средств происходило уже во время подготовительного периода, причем у армейского командования не имелось точных данных ни о числе, ни о калибрах прибывавших батарей до самого начала операции. Между тем заблаговременное прибытие артиллерийских частей для участия в операции имеет большое значение, так как запас времени необходим батареям, особенно крупных калибров, для надлежащего оборудования позиций, а командному составу — чтобы тщательно изучить задачи и цели, определить пристрелочные данные по важнейшим целям и пр.

2. **Подготовительный период** должен быть достаточно продолжительным; продолжительность его должна быть установлена заблаговременно.

В данном случае продолжительность около 4 месяцев помогла артиллерии преодолеть все трудности, встретившиеся при исполнении предварительных работ в создавшихся неблагоприятных условиях. При нормальных условиях продолжительность подготовительного периода желательна вообще не менее 2 месяцев.

3. **Управление.** Объединение в бою управления всей артиллерии, легкой и тяжелой, работающей на участке каждой дивизии, в руках одного артиллерийского начальника принесло большую пользу. Работа артиллерии тесно связана с задачами дивизии; путем подчинения начальникам дивизий не только легкой артиллерии, но и тяжелых артиллерийских групп разрушения достигалась более прочная и близкая связь артиллерии с пехотой.

Во время подготовительного периода вся тяжелая артиллерия подчинялась шнаркору, на обязанности которого лежало как распределение батарей соответственно задачам корпуса и дивизий, так и руководство всеми подготовительными работами артиллерии.

Для достижения полной планомерности в артиллерийской подготовке к операции крайне необходимо подчинить шнаркорам, на время подготовительного периода, не только тяжелую, но и всю легкую артиллерию во всем, касающемся выполнения предстоящей операции.

4. **Задачи** корпусам и дивизиям должны быть поставлены общевойсковым командованием своевременно, имея в виду, что в зависимости от этих задач намечаются задачи артиллерии и соответственно этому распределяются и размещаются батареи.

Изменения деталей задач неизбежны, но существенные изменения вызывают необходимость перегруппировки. Если же задачи существенно изменяются, когда перегруппировки уже невозможны, то нарушается соответствие артиллерийских средств с задачами.

Задачи, назначенные для выполнения в период артиллерийской подготовки, должны быть немногочисленны, определены и распределены так, чтобы переносы огня с одной цели на другую не требовали значительного поворота орудий.

Каждой батарее все задачи и порядок их выполнения должны быть точно указаны в плане действий артиллерии. Чем подробнее и точнее разработаны планы действий артиллерии и чем меньше отступлений будет при исполнении, тем успешнее будет артиллерийская работа разрушения.

Результаты артиллерийской подготовки показали, что количество артиллерии разрушения было достаточно. Все задачи разрушения были выполнены настолько удачно, что даже нестойкая русская пехота того времени заняла в короткий срок несколько укрепленных линий противника. Тем не менее чувствовалось отсутствие свободных батарей в руках начальников групп.

Для выполнения тех задач, которые выяснились во время боя и не могли быть предусмотрены заранее, а также для стрельбы по требованию пехоты, приходилось отрывать батареи, исполнявшие свои определенные указанные в плане задачи. Приходилось даже переносить наблюдательные пункты.

Необходимость иметь свободные батареи или, еще лучше, иметь резерв времени в батареях касается не только тяжелых, но и легких батарей.

Помощь соседей в смысле переноса работы батарей одной группы на другой (соседний) участок при правильном и хорошо продуманном распределении задач может быть лишь как редкое исключение. Помощь соседей на стыках дивизий и корпусов следует понимать в том, чтобы участки, имеющие важное значение, но находящиеся в районе другой дивизии (корпуса), непременно были включены в число задач разрушения у соседа.

Случаи наличия наблюдательных пунктов, с которых виден фронт атаки нескольких корпусов, встречаются редко, а потому создание армейской артиллерийской группы на большом фронте невозможно. Армейская артиллерийская группа может быть организована только для выполнения какой-либо специальной задачи (например, группа генерала Шихлинского на стыке 4-й и 10-й армий при подготовке весенней операции 1916 г. в районе Крево, Богушинский лес, имевшей задачей обеспечение операции армии со стороны Богушинского леса).

5. **Борьба с неприятельской артиллерией.** Опыт операции подтвердил несомненную пользу самостоятельных противоартиллерийских групп.

Выделение для этой цели специальных батарей дало возможность остальной артиллерии выполнять исключительно свои задачи. Так было в 20-м и в 38-м корпусах. В 1-м Сибирском корпусе противоартиллерийская группа оказалась недостаточно сильной; поэтому приходилось отрывать для борьбы с неприятельской артиллерией батареи группы разрушения, что неблагоприятно отразилось на успешности разрушения, и только продление артилле-

рийской подготовки на третий день помогло группе разрушения выполнить намеченные задачи.

В противоартиллерийских группах действовали легкие 76-мм батареи (преимущественно химическими снарядами), полевые тяжелые 107-мм и тяжелые осадные 152-мм (пушки Шнейдера и в 200 пуд.). По плану предполагалось, что по окончании артиллерийской подготовки часть 152-мм гаубичных батарей будет передана в противоартиллерийские группы, но это не удалось, так как многие орудия групп разрушения выбыли из строя, а остальные должны были разрушать цели, обнаруженные во время боя, и участвовать в заградительном огне.

Рассчитывать на успех в борьбе с неприятельской артиллерией возможно, только детально изучив места батарей противника и незанятых ими позиций, а также пристреляв по ним свои батареи.

Разведка неприятельской артиллерии (служба наблюдения) должна вестись не только перед операцией, хотя бы и заблаговременно, но и во все время, непрерывно. Для этой службы необходимо использовать все средства, особенно авиацию. Помощь самолетов необходима для корректирования пристрелки по батареям, невидимым с наземных наблюдательных пунктов. Требуемое «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» [1] уничтожение неприятельских батарей, обнаруженных в подготовительный период операции, оказалось весьма трудно выполнимой задачей.

6. **Авиационные и воздухоплавательные средства.** Только подчинение авиасредств инспектору артиллерии корпуса обеспечивает прочную спайку летчиков и артиллеристов, необходимую для получения ценных результатов в деле разведки артиллерийских целей и корректирования стрельбы. Отсутствие прочной связи авиации с артиллерией служит причиной неналаженности этого дела.

Настоятельно необходима организация в каждом корпусе артиллерийского авиаотряда. В корпусные артиллерийские авиаотряды должны входить самолеты для разведок и фотографирования, для корректирования стрельбы и для охраны корректирующих самолетов.

Придание к корпусам постоянных воздухоплавательных частей значительно увеличивает продуктивность их работы совместно с артиллерией. Во время подготовительного периода число аэростатов должно быть увеличено, но подъем их не должен быть одновременным, чтобы не обнаружить противнику фронт намеченной операции. Во время операции число аэростатов желательно иметь по числу групп тяжелой артиллерии, причем аэростаты должны быть приданы к артиллерии не менее как за две недели до начала артиллерийской подготовки.

7. **Артиллерийская подготовка.** Продолжительность артиллерийской подготовки зависит от многих причин: протяжения фронта атаки, количества артиллерийских средств, численности противника, силы неприятельских укреплений и т. д.

---

[1] Часть II, изд. 1917 г., § 190.

Внезапное нападение требует короткой артиллерийской подготовки, причем значительного разрушения ожидать нельзя. Необходимость больших разрушений вызовет более продолжительную артиллерийскую подготовку. Однако чрезмерное затягивание артиллерийской подготовки даст возможность неприятелю подвести резервы и артиллерию в район и к моменту атаки.

Третий день артиллерийской подготовки, 21 июля, в данной операции был излишним, так как к концу второго дня разрушения окопов были настолько значительны, что атака обещала быть успешной без больших потерь.

Главнейшие условия сокращения продолжительности артиллерийской подготовки: достаточное количество артиллерийских средств, заблаговременное прибытие в соответствующие районы операции всех назначенных артиллерийских частей, своевременно и определенно поставленные задачи, тщательное изучение задач и целей [1].

8. **Характер огня.** Методический огонь с наблюдением каждого выстрела в период артиллерийской подготовки дал отличные результаты.

Требование более интенсивного огня выполнялось периодическим усилением огня в течение 12—15 минут с доведением огня в это время до наивысшего напряжения.

Разрушение выполнялось все время методическим огнем, так как усиление огня не увеличивает, а понижает успех работы разрушения.

Усиление огня до степени «ураганного» вывело из строя значительное число орудий. «Ураганная» стрельба была осуждена еще в маневренный период войны, а в 1916 г. запрещена распоряжениями наштаверха; опыт операции 19—22 июля 1917 г. подтвердил, что предъявление к артиллерии требований «ураганного» огня должно быть воспрещено навсегда.

Заградительный огонь также не должен носить характер «урагана». Необходима непрерывность разрывов артиллерийских снарядов на данном участке, и лишь в исключительных случаях и притом на короткий промежуток времени огонь может быть доведен до наибольшего напряжения. Однако последнее касается только легких орудий, тяжелые же орудия ни в коем случае не должны и не могут вести такой скорый, напряженный огонь.

При длительной артиллерийской подготовке нельзя вести огонь из всех орудий непрерывно — должны быть отдыхающие орудия. Порядок чередования стреляющих и отдыхающих орудий следует вводить в планы действий артиллерии, составляемые в подготовительный период.

9. **Обеспечение и расход снарядов.** Снарядами на операцию полевая артиллерия была снабжена в достаточном количестве: имелся возимый запас на 4 дня по норме «подготовки», на 2 дня

[1] В современных условиях продолжительность артиллерийской подготовки зависит также от количества танков, участвующих в операции.

по норме «развития успеха» и на 7 дней по норме «преследования противника» (нормы по «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г.).

Оставшаяся после артиллерийской подготовки наличность снарядов давала возможность рассчитывать вести бой в течение 5—6 дней с расходом снарядов по норме «развития успеха», не считая 7-дневного запаса снарядов по норме «преследования».

Первый день атаки дал значительное превышение действительного расхода снарядов против установленной нормы. На второй день атака захлебнулась, и расход снарядов упал. Поэтому нет возможности сделать вывод ни о соответствии норм, ни о числе дней, в течение которых необходимо иметь запас снарядов по намеченной норме.

Однако расход снарядов в период артиллерийской подготовки, близкий к норме, и сильно превысивший норму расход во время атаки заставляет предполагать, что норма, установленная для «преследования», несколько мала. Если бы атака и развитие операции продолжались свыше 5 дней, то запас снарядов оказался бы недостаточным.

Легких 76-мм гранат с взрывателями без замедлителей, необходимых для проделывания проходов в проволоке, было дано по 200 на каждое 76-мм орудие армии. Этого достаточно при условии передачи таких гранат почти исключительно в те батареи, задачей которых было именно проделывание проходов в проволочных заграждениях.

Выделение 107-мм пушечных батарей в противоартиллерийские группы потребовало расхода преимущественно гранат. Недостаток 107-мм гранат стал ощущаться с вечера второго дня артиллерийской подготовки; пришлось спешно их направлять из армейских артиллерийских запасов в корпуса. Если бы операция продолжалась, то запас 107-мм гранат иссяк бы, и в самый решительный момент борьбы с неприятельской артиллерией 107-мм пушки оказались бы без нужных им снарядов. Выяснилась необходимость увеличения запаса 107-мм гранат, хотя бы за счет шрапнелей.

Батареи ТАОН — литерные и крупных калибров — имели совершенно недостаточный запас снарядов. Число тяжелых химических снарядов (исключительно 152-мм калибра) было крайне ограничено.

Для орудий всех калибров, имеющих боевые заряды отдельно от снарядов, оказалось необходимым иметь некоторый процент запасных зарядов на случай порчи их или уничтожения огнем противника.

Выяснилась необходимость иметь для старых орудий обр. 1877 г. запас вытяжных трубок, служивших для воспламенения боевого заряда орудий.

Питание артиллерии боеприпасами, несмотря на отсутствие корпусного огнесклада в 1-м Сибирском корпусе и удаленность огнесклада в 38-м корпусе, было налажено в общем хорошо. Задержек в подаче артиллерийских снарядов не было.

Опыта успешности и своевременности доставки снарядов из армейских огнескладов и более глубокого тыла в период данной операции не было, а потому нельзя сделать выводов по данному вопросу.

10. **Оценка боевых действий русской артиллерии.** Штаб 10-й армии признавал артиллерийскую подготовку операции блестящей. О действиях артиллерии в период атаки генквартштаба 10-й армии своего заключения не высказал.

Более обстоятельную оценку боевых действий артиллерии дает инспектор артиллерии Западного фронта Шихлинский, имевший большой боевой опыт артиллерист, которого нельзя заподозрить в каком-либо пристрастии. К тому же его оценка подтверждается отзывами о действиях артиллерии как со стороны участников операции из рядов русской армии, так и со стороны высшего ее командования, в том числе со стороны главнокомандующего армиями Западного фронта, который, как упоминалось выше, не был удовлетворен действиями артиллерии в начале операции и под непродуманным впечатлением будто бы малой продуктивности методического огня 20 июля отдал приказ с требованием усилить интенсивность артиллерийского огня путем увеличения расхода снарядов и непрерывности одновременной стрельбы всей артиллерии, чтобы «совсем не было молчащих батарей». Давая оценку действий артиллерии по окончании операции, главкозап, очевидно, признал неправильными свои распоряжения от 20 июля (см. ниже).

Приведем выписку из письма инспартзапа Шихлинского 30 июля 1917 г., № 4608, к инспектору артиллерии 10-й армии Сиверсу:

«Артиллерия сыграла выдающуюся роль в последней операции 10-й армии. Ее отличная подготовительная работа имела блестящий успех и если не привела к полной победе над врагом, то по совершенно не зависящим от артиллерии причинам.

...Посещая штабы, наблюдательные пункты и позиции ударных корпусов как задолго до начала операции, так и во время операции — в дни огневой подготовки атаки и самой атаки, я на месте знакомился с подготовительной работой артиллерии, с планом ее действий и ее боевой деятельностью. Везде я видел неустанную целесообразную работу, вдумчивый, тщательно разработанный план действий и искусное проведение его в жизнь.

...Как и во всяком деле, в действиях артиллерии были, конечно, мелкие недочеты и пробелы... Не сомневаюсь, что все эти недочеты и пробелы замечены самими исполнителями и частью устранены во время боя, частью же послужили уроком для будущего.

...Если бы пришлось повторить операцию снова, я последовал бы тому же методу, который был положен в основу действий артиллерии 10-й армии...»

Главкозап издал 2 августа 1917 г. следующий приказ, характеризующий отличные боевые действия артиллерии 10-й армии:

«В минувшей 19—23 июля операции, на Виленском направлении, артиллерия ударной группы еще раз покрыла себя боевой славой.

...Неприятельская артиллерия, подавленная нашими батареями, не могла развить действительного сильного огня по атакующим; огромные разрушения позиций противника, его нравственное потрясение и потери в людях настолько ослабили его ружейный огонь, что на некоторых участках по штурмующим не раздалось почти ни одного неприятельского выстрела.

...Такой выдающийся успех артиллерийской подготовки является результатом обстоятельной, продуманной до мелочей тактической и технической разработки артиллерийского плана операции и спокойного методического его выполнения в самом бою.

...Все артиллеристы... работали днем и ночью в течение 5 дней, пробив пехоте широкую дорогу к успеху...»

На совещании, состоявшемся в ставке главковерха 29 июля 1917 г., т. е. после закончившихся неудачей июльских операций на Юго-Западном и на Западном русских фронтах, главнокомандующий армиями Западного фронта по поводу действий артиллерии 10-й армии говорил, между прочим, следующее:

«Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я не видел такой чудной работы артиллерии. Дух войск стал подыматься. Даже пехота, предъявляющая повышенные требования к артиллерии, осталась удовлетворенной. В 38-м корпусе пехота даже отказалась от дальнейшего продолжения артиллерийской подготовки, считая ее совершенно выполненной.

...Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две-три линии окопов противника, побывали на батареях его, принесли прицелы с орудий противника...»

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация русской артиллерии за последние 20 лет перед первой мировой войной отличалась крайней неопределенностью и несоответствием требованиям того времени, что неблагоприятно отражалось на ее боевой подготовке.

Высшее руководство в артиллерии возглавлялось генерал-инспектором артиллерии. Но по существовавшему закону он не являлся начальником артиллерии и не имел права самостоятельно проводить в жизнь мероприятия для усовершенствования той или иной отрасли артиллерийского дела. Он был подчинен военному министру и через него только мог «возбуждать вопросы». Вопросы эти, относящиеся главным образом к боевой подготовке артиллерии, мало интересовали военного министра, так как по закону он обязан был лишь «наблюдать за благоустройством войск», а понятие «благоустройство» не включает ни руководства, ни наблюдения за боевой подготовкой войск и, следовательно, ни то, ни другое не входило в его прямые обязанности. Вопросы, возбуждаемые генерал-инспектором артиллерии, военный министр (в особенности генерал Сухомлинов) в большинстве случаев передавал на рассмотрение в главные управления военного министерства, где они нередко получали несвоевременное или неправильное разрешение, а иногда даже «клались под сукно».

Несмотря на дефекты организации высшего управления артиллерией, генерал-инспектор артиллерии все же осуществлял руководство ею в довоенное время. Но с объявлением войны, оставаясь в глубоком тылу в подчинении военному министру, он лишался возможности руководить и влиять на целесообразность боевого использования артиллерии действующей армии.

Главными строевыми начальниками артиллерии и прочих войск, находящихся в пределах того или иного военного округа, являлись командующие войсками округа, но они не в состоянии были лично руководить подготовкой подчиненной им артиллерии, так как у них не было ближайших помощников специалистов артиллерийского дела.

Во время войны такие артиллеристы в особенности были необходимы в высших войсковых штабах русской армии ввиду слабой подготовки в артиллерийском отношении общевойсковых на-

чальников, не исключая и тех, которые имели подготовку Генерального штаба. Между тем в 1914—1915 гг. таких артиллеристов не было ни при штабе верховного главнокомандующего, ни при штабах главнокомандующих фронтами и командующих армиями.

Один из выдающихся артиллеристов того времени, командированный в октябре 1914 г. на Юго-Западный фронт, в своем отчете докладывал верховному командованию: «отсутствие артиллеристов при штабах и управлениях высших и старших войсковых начальников, при недостаточном знакомстве последних со свойствами современной артиллерии, привело к тому, что неправильная постановка задач артиллерии и многие ошибки в отношении применения ее в бою оставались без исправления, не устранялись и повторялись в еще большей степени».

Потребовались еще все поражения 1915 г., чтобы, наконец, в связи со сменой верховного командования русской армии, созрело решение пересмотреть вопрос организации управления артиллерийским делом на театре военных действий.

В январе 1916 г. при верховном главнокомандующем создана была должность полевого генерал-инспектора артиллерии, которому предоставлены были широкие полномочия в отношении общего руководства и наблюдения по всем вопросам артиллерийской части действующей армии. Исполнительным органом полевого генерал-инспектора артиллерии служило его управление (Упарт), сформированное при штабе главковерха. Затем в первые два месяца существования Упарта созданы были должности инспекторов артиллерии фронта и армии и разработаны новые положения об инспекторах артиллерии фронта, армии и корпуса.

При разработке этих положений существенным упущением являлось то, что везде, где в положениях говорилось об обязанностях того или иного инспектора наблюдать за правильным использованием в бою артиллерии, сохранена была рутинная приписка: «в техническом отношении». Оговорка эта была вредным пережитком того времени, когда Генеральный штаб считал тактику, так сказать, «своей монополией». В старой русской армии указанная оговорка понималась командным и начальствующим составом в том смысле, что инспектор артиллерии вправе был наблюдать только за правильностью разведки, выбора и занятия позиций, установления связи, ведения стрельбы, применения того или иного типа орудий и снарядов и т. п., но не за правильностью боевого использования артиллерии в тактическом отношении. Между тем никакая самая совершенная техническая работа артиллерии не обеспечит правильности ее боевого использования, если артиллерии будут ставиться несообразные боевые задачи. Такая оговорка до некоторой степени позволяла артиллеристам считать себя не ответственными за тактическую сторону боевых действий своей артиллерии, а с другой стороны, позволяла общевойсковым начальникам иногда перекладывать свои тактические ошибки на технику артиллерии.

Опыт первой мировой войны указал на безусловную необходимость единой организации высшего управления артиллерии как в мирное, так и в военное время. Управление артиллерией должно быть объединено в руках единого, на мирное и на военное время, начальника, подчиненного непосредственно верховному командованию армии. Начальник артиллерии обязан ведать всей строевой и боевой службой артиллерии, ее техникой и тактикой, а также снабжением артиллерии предметами материальной части и боеприпасами, понимая под снабжением расчет потребности, требование и отпуск предметов частям артиллерии, но не заготовление предметов снабжения артиллерии. Дело заготовления их должно находиться в ведении особого *артиллерийского управления заготовлений* (ГАУ), подчиненного отдельному своему начальнику, непосредственно подчиненному верховному командованию армии.

Несовершенство организации и недостаточность артиллерии русской армии сказались с первых дней войны. Тогда же началось и в течение 1914—1915 гг. войны продолжалось поспешное бесплановое, от случая к случаю, осуществление организационных мероприятий и формирований новых артиллерийских частей как во внутренних округах, так и на театре военных действий, и нередко, особенно в начале войны, распоряжением главнокомандующих фронтами, командующих армиями и других начальников, которым не было предоставлено право формирований. При этом мало считались с основными принципами организации, и даже такими, как: «правильная организация не терпит импровизации».

Не считались и с тем, что новые формирования, производившиеся за счет существующих артиллерийских частей и войсковых артиллерийских запасов, расстраивают эти части и истощают запасы.

С 1916 г. Управление полевого генерал-инспектора артиллерии стремилось внести планомерность в дело организации и формирования артиллерии, но это ему далеко не всегда удавалось.

Опыт первой мировой войны указал на необходимость избегать новых формирований артиллерийских частей во время войны вообще и в особенности на фронтах действующей армии за счет фронтовых артиллерийских запасов и находящихся на фронтах частей артиллерии.

С самого начала войны выяснилось, что артиллерийский огонь наносит наибольшие потери и является самым уничтожающим. В первую мировую войну потери пехоты от артиллерийского огня доходили до 75% и в среднем почти в три раза превышали потери от ружейного и пулеметного огня. Огонь артиллерии, особенно тяжелой, действовал потрясающе на пехоту, нередко совершенно подрывая ее моральные силы. В период позиционной борьбы артиллерия получила почти решающее значение, так как только ее мощным огнем можно было подготовить прорыв сильно укрепленной оборонительной полосы противника и обеспечить возможность атакующей пехоте занять без тяжелых потерь неприятельскую позицию, разрушенную и обезвреженную огнем артиллерии.

Между тем недооценка руководящими кругами царской русской армии значения техники в военном деле, господствующее стремление к «единству калибра и единству снаряда» в артиллерии, гипноз кажущихся несомненными преимуществ 76-мм полевой пушки для решения задач маневренного боя быстрыми, внезапными ударами и многое другое, о чем говорилось выше в этом труде,— все это привело к тому, что русская армия начала первую мировую войну, будучи весьма слабо обеспеченной артиллерией вообще, и по числу орудий и их мощности значительно уступала армиям своих противников.

Еще в 1900 г. с принятием на вооружение русской артиллерии полевых скорострельных 76-мм пушек было признано, что громоздкие 8-орудийные батареи совершенно не отвечают свойствам этих пушек. Но необходимая реорганизация этих батарей была осуществлена лишь во время войны: в первый год войны перешли к 6-орудийным, а в последний 1917 г. — к 4-орудийным батареям.

С целью усиления полевой артиллерии в количественном отношении во время войны были сформированы 583 полевые батареи, в том числе: 368 легких пушечных, 138 легких гаубичных, 35 горных и 42 конных и казачьих, причем 3 конные батареи были вооружены 114-мм английскими гаубицами (это был первый сформированный в русской армии конно-гаубичный дивизион).

Недооценка преобладающей роли тяжелой артиллерии сказалась особенно скоро и крайне остро. Под впечатлением первых боевых неудач пришлось создавать тяжелую артиллерию с самого начала и во все время войны наспех, и еще более путем импровизации, чем формирование полевой легкой артиллерии. В первое время войны тяжелые батареи вооружались орудиями старых образцов крепостного и берегового типа, и только с 1916 г. орудиями новейших образцов, поступавшими главным образом по заказам из-за границы.

В 1916—1917 гг. дело формирования тяжелой артиллерии было упорядочено, установлены были определенные организационные формы, штаты и табели. В эти годы распоряжением Упарта создана была тяжелая артиллерия особого назначения (ТАОН) в виде артиллерийского резерва верховного главнокомандующего, на вооружение которой переданы были более мощные орудия.

Идея сформирования ТАОН в виде сильнейшего ударного артиллерийского «кулака» для прорыва укрепленной полосы противника в районе, намеченном для нанесения решающего удара, оправдала себя в полной мере. В июле 1917 г. огнем тяжелых батарей ТАОН в оборонительной полосе австро-германцев на Юго-Западном и Западном фронтах были образованы широкие бреши, неприятельские укрепления были разрушены и во многих местах были сравнены с землей; русская пехота, не встречая сопротивления и почти без потерь, заняла позиции противника.

К июльскому наступлению 1917 г. ТАОН состояла из 176 батарей с 632 орудиями разных образцов и калибров — от 4 противосамолетных (зенитных) 76-мм пушек до 32 тяжелых 305-мм гаубиц.

В общем за период 1914—1917 гг. было сформировано 547 тяжелых батарей, на вооружение которых выделено огромное для России того времени число — 2 096 разных орудий. В процентном отношении в тяжелой артиллерии число батарей увеличилось на 548%, а число орудий на 495%.

Полевая легкая артиллерия увеличилась за время войны по числу батарей почти вдвое — на 580 батарей и на 1 958 орудий. Причем в легкой артиллерии наибольший процент увеличения приходился на гаубичную артиллерию (162%), что вызвано было, с одной стороны, бессилием легких и конных 76-мм пушек, имеющих настильную траекторию, против укрытых целей, с другой стороны, необходимостью применения более мощного снаряда для разрушения прочных сооружений, создаваемых в период позиционной борьбы.

В тяжелой артиллерии процент гаубиц должен быть еще выше, чем в легкой. Между тем в русской тяжелой артиллерии к концу войны в 1917 г. пушечных батарей было, наоборот, больше, чем гаубичных (234 пушечных и лишь 155 гаубичных). Это объясняется необходимостью восполнить недостаток тяжелой артиллерии всякими сколько-нибудь подходящими орудиями, имеющими более мощный снаряд и достаточную дальность. Поэтому в состав тяжелой артиллерии пришлось включить много пушечных батарей, вооруженных пушками устаревших систем: 107-мм обр. 1877 г., 152-мм в 120, 190 и 200 пуд. обр. 1877 и 1904 гг., 229-мм береговые обр. 1867 г., 155-мм французские обр. 1877 г., 127-мм английские и другие.

К марту 1916 г. на всех русских фронтах имелось 516 тяжелых устаревших орудий, взятых главным образом из крепостей, и лишь 440 полевых тяжелых орудий современных образцов калибром не свыше 152 мм. Словом, артиллерийские средства, имевшиеся в то время в распоряжении русской армии, далеко не соответствовали поставленной русским командованием грандиозной наступательной задаче прорыва сильно укрепленной неприятельской позиции.

Наштаверх генерал Алексеев, сообщая весной 1916 г. французскому главнокомандующему генералу Жоффру о бедности русской армии тяжелыми орудиями, заканчивал свое письмо: «...Отсюда понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

К началу первой мировой войны русская армия имела в общем слабо вооруженную артиллерию, очень мало полевых легких гаубиц, еще меньше полевых тяжелых батарей, и вовсе не была обеспечена организованной тяжелой артиллерией осадного типа; вооружение же русских крепостей было устарелым, совершенно не отвечающим современным требованиям, и служило источником скорее слабости, чем силы крепостей.

До самого конца войны, несмотря на значительное увеличение числа батарей — на 93% и числа орудий — на 45%, все же русская армия оставалась сравнительно слабо обеспеченной артиллерией вообще и тяжелой в особенности.

Основные образцы орудий полевой легкой и полевой тяжелой русской артиллерии не уступали в общем однотипным орудиям австро-германской артиллерии, а в некоторых отношениях по своим балистическим данным даже превосходили их. Но вооружение русской тяжелой артиллерии более мощными орудиями осадно-позиционного типа оставалось до самого конца войны значительно более слабым по сравнению с вооружением артиллерии германской, австрийской и даже французской.

Для ТАОН назначено было из крепостей лишь 6 пушек 254-мм, а потому правильнее считать, что наибольший калибр русских тяжелых пушек — 152 мм, тогда как у германцев имелись пушки 210-мм, 240-мм и 380-мм калибра. Что же касается тяжелых гаубиц, то на вооружении русской артиллерии их не было крупнее 305-мм калибра, тогда как у германцев имелись 42-см мортиры, а у французов к концу войны появились 400-мм и даже 520-мм гаубицы. Русская артиллерия не имела сверхдальнобойных пушек, подобных германской пушке «Колоссаль», стрелявшей по Парижу с расстояния 100—120 км, или французской 210-мм пушке на железнодорожной установке с дальностью до 120 км.

Но необходимо отметить, что русские артиллеристы представляли себе большое значение орудий крупных калибров еще до мировой войны 1914—1918 гг. и раньше германцев.

Русские артиллеристы узнали об опытах в Германии с 42-см мортирами в 1913 г. Но на основании березанских опытов, произведенных в России еще в 1912 г., они пришли к заключению, что для разрушения прочных укреплений, сооруженных с применением железобетона, необходимо ввести на вооружение тяжелой осадной артиллерии 420-мм гаубицу. Проект такой гаубицы был тогда же разработан членом Артиллерийского комитета ГАУ профессором Дурляховым, но ввиду низкого уровня производственной техники орудийных заводов России опытный экземпляр 420-мм гаубицы (мортиры) пришлось заказать во Франции заводу Шнейдера, как приходилось заказывать иностранным заводам большинство других образцов орудий для русской тяжелой артиллерии. Вообще, если бы русская индустриальная промышленность стояла в то время на должной высоте, то в деле развития и усовершенствования русской артиллерии не пришлось бы тогда плестись в хвосте европейских армий, постоянно запаздывая с осуществлением идей усовершенствования своего вооружения, часто зарождавшихся у русских артиллеристов, но за неимением своих необходимых производственных возможностей становившихся достоянием заграничных заводов.

Главной причиной слабости русской артиллерии как в отношении количественного обеспечения армии артиллерийскими орудиями и прочими средствами вооружения, так и в особенности в отношении образцов тяжелых орудий являлось недостаточное развитие техники и производительных сил промышленности старой России.

Россия оказалась к началу первой мировой войны неподготовленной в артиллерийском отношении к борьбе с воздушным врагом и, слабая техническими средствами, оставалась до конца войны позади своих врагов.

Военная авиация ввиду огромного ее значения как нового могучего боевого средства быстро развивалась во время первой мировой войны. Создалась такая угроза удара с воздуха, с которой необходимо было серьезно считаться. В России только во время войны стали изыскиваться средства для борьбы артиллерии с самолетами.

Первые 12 экземпляров специальных зенитных 76-мм пушек системы Тарновского-Лендера были изготовлены Путиловским заводом лишь в марте 1915 г. За время войны было изготовлено только 76 таких пушек, тогда как по минимальному расчету требовалось для армии 584 таких пушек. Пришлось сформировать 220 батарей для стрельбы по воздушным целям, вооружив их приспособленными полевыми 76-мм пушками на кустарных установках, но ввиду ничтожной продуктивности стрельбы из таких приспособленных пушек по быстро летящим целям батареи эти нельзя считать «зенитными».

Русская армия не имела к началу войны артиллерии для непосредственного действия с пехотой в бою — полковой, батальонной, траншейной, не имела ни бомбометов, ни минометов.

Опыт войны заставил серьезно задуматься над вопросом о придаче пехоте таких частей артиллерии, которые были бы органически с нею связаны и действовали бы с нею в бою плечо к плечу, немедленно отвечая на все ее запросы и решая огнем поставленные ею боевые задачи.

Такую артиллерию пришлось создавать во время войны, наспех заказывая сколько-нибудь подходящие орудия русским заводам или получая их от заграничных заводов.

Первая мировая война поставила артиллерийской технике множество самых разнообразных задач, потребовавших для разрешения предварительной научной разработки и привлечения к исполнению почти всех научно-технических, изобретательских и производственных сил страны. Но ввиду слабого развития этих сил в царской России она оставалась в отношении достижений военной техники на одном из последних мест среди европейских государств того времени.

Во время войны русская научно-техническая и изобретательская мысль работала для нужд своей артиллерии в следующих направлениях: а) в отношении изобретения новых средств разрушения и уничтожения, б) в области усовершенствования существующей техники артиллерии, в) в отношении облегчения и упрощения производства предметов артиллерийского вооружения с целью получения массового выхода этих предметов в кратчайшие сроки.

Во время войны Артиллерийскому комитету ГАУ и Упарту приходилось давать заключения и производить испытания по чрезвы-

чайно большому числу вопросов артиллерийской техники, возникающих по заданиям из действующей армии, по инициативе ГАУ и отдельных научно-технических работников и по инициативным предложениям изобретателей, нередко не имевших надлежащей технической квалификации.

Разработка многих вопросов, не исключая некоторых заслуживающих серьезного внимания, осталась незаконченной или в стадии испытания вследствие больших трудностей разрешения этих вопросов или даже непосильности их осуществления для русской техники. Многие вопросы отклонялись как не заслуживающие внимания или признаваемые несвоевременными. Только немногие из них получили положительное разрешение и были проведены в жизнь, причем важнейшее значение имели химические средства борьбы, относившиеся в то время к средствам артиллерийским.

Русскими учеными химиками и техниками во время войны был разрешен и практически осуществлен ряд химических задач большого научного и практического значения — не только военного, но и общегражданского. Образованный при ГАУ Химический комитет организовал, попутно с развитием производства пороха, взрывчатых и отравляющих веществ, производство кислот и других химических продуктов, необходимых для целей мирного времени.

Результаты работы Химического комитета ГАУ, оказавшего немалую услугу армии и стране, были бы неизмеримо больше, если бы русская химическая промышленность была подготовлена для обороны еще в мирное время. Тогда не приходилось бы большую часть огромного количества химических веществ, требующихся для армии, получать по заграничным заказам, главным образом из Америки.

Генеральный штаб царской русской армии при руководстве подготовкой обороны страны допустил глубокую ошибку в предположении кратковременности предстоящей войны и ведения ее за счет заготовляемых в мирное время мобилизационных запасов предметов артиллерийского вооружения. Колоссальные потребности современной большой войны, продолжительность которой нельзя к тому же предусмотреть, нельзя покрыть никакими заблаговременно заготовленными мобилизационными запасами. Такие запасы необходимы только для начала войны, а затем война ведется на те средства, какие будут предоставлены производительными силами своей страны.

Правящие верхи царской России и ее Генеральный штаб не предусмотрели и не учли первенствующего значения экономики для современной войны, не подготовили к обороне промышленность и все хозяйство страны. В результате Россия во время войны оказалась в экономическом отношении и особенно в отношении заготовления предметов вооружения армии в полной зависимости от иностранных капиталистов и заводчиков.

Русские, готовясь к войне, не предвидели ни ее продолжительности, ни колоссальности масштаба, ни огромного расхода предметов боевого снабжения вообще и в особенности расхода боевых припасов, достигшего по тому времени «чудовищных размеров». В течение всей мировой войны было израсходовано в общей сумме выстрелов всех калибров: русской артиллерией до 50 миллионов, австро-венгерской до 70 и германской около 272 миллионов; французская артиллерия израсходовала выстрелов только 75-мм и 155-мм калибров около 192 миллионов.

Эти расходы артиллерийских выстрелов покрывались не мобилизационными запасами, заготовленными в довоенное время, а производительностью заводов, мобилизованных для изготовления боеприпасов и работавших во время войны.

Расход артиллерийских снарядов, казавшийся «чудовищным» в первую мировую войну, при современных условиях, когда появились новые массовые объекты артиллерийского поражения — воздушный флот, танки, автоброневые части, когда увеличились дальнобойность, мощность и скорострельность орудий и пр., принял несравненно еще более колоссальные размеры. Достаточно указать, что во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. при штурме Берлина советская артиллерия обрушила на него «многие сотни тысяч мин и снарядов, общим весом в 1 600 000 пудов!» [1] и что советскими заводами «только в 1944 г. было выпущено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин и 7 миллиардов 400 миллионов патронов» [2]. Возникшие в период Отечественной войны колоссальнейшие, действительно «чудовищные» расходы предметов боевого снабжения покрывались производительными силами Советского Союза.

Опыт первой мировой войны совершенно ясно указал, что при современных условиях вести войну на запасы боевого снабжения, образованные в мирное время, нельзя. Необходимо соответствующие заводы заблаговременно так подготовить к войне, чтобы они отмобилизовались одновременно с войсками и одновременно с ними же вступили в работу. Чем скорее и чем на большую производительность развернутся заводы, тем скорее и полнее будет обеспечена артиллерия боеприпасами и прочими предметами боевого снабжения.

Запасы снарядов и прочих предметов необходимо заготовлять для артиллерии и в мирное время, но не на полную потребность войны, так как определить эту потребность и невозможно, а лишь на первый период войны, пока мобилизованная промышленность станет подавать боевые припасы и прочие предметы боевого снабжения в достаточном количестве. И чем короче будет мобилизационный период развертывания производства промышленности, тем меньше может быть размер мобилизационного за-

---

[1] Газета «Правда» от 18.XI. 1945 г. «День сталинской артиллерии».
[2] Газета «Красная звезда» от 22.II 1946 г. «Слава советскому боевому оружию».

паса боевого снабжения, заготовляемого на случай войны в мирное время.

Особенно больным местом боевого снабжения во время первой мировой войны было обеспечение русской артиллерии боевыми припасами (выстрелами).

Высшее руководство русской армии, подготавливаясь к будущей большой войне на основе опыта минувшей войны с Японией должно было предвидеть, что расход боеприпасов в предстоящей войне в значительной степени превзойдет расход русско-японской войны. Оно должно было считаться также и с тем, что стеснение батарей в расходовании боевых припасов во время боя действует угнетающим образом на войска и приводит к упущению возможностей нанести неприятелю существенный вред внезапным массированным огнем.

Руководители русской армии, не обращая внимания на указанные соображения, решили вести войну за счет мобилизационных запасов орудийных выстрелов, заготовленных в мирное время по расчету, определенному в зависимости от расхода выстрелов в период русско-японской войны. При этом они базировались на господствующем в то время убеждении генеральных штабов, что предстоящая война будет «молниеносной» и продлится несколько месяцев, так как во всяком случае ранее годичного срока войны наступит истощение воюющих сторон.

В результате остановились на том: а) что для мобилизационного запаса должно быть заготовлено по 1 000 выстрелов на 76-мм легкую и конную пушку, на 122-мм и на 152-мм гаубицу и по 1 200 выстрелов на 76-мм горную пушку и на 107-мм полевую тяжелую пушку; б) что для пополнения расхода снарядов во время войны заводы должны изготовлять в среднем по 100 патронов на 76-мм пушку в месяц (или лишь по 3 патрона в день).

В первый период войны и почти до 1916 г. в деле снабжения действующей армии пушечными патронами царил полный беспорядок. Получалось так, что при наличии вообще довольно значительного количества 76-мм патронов на фронтах и в тылу в армии нередко их не оказывалось там, где в них была острая нужда.

Благодаря неудовлетворительной организации снабжения и бережливости в расходовании боеприпасов, доходящей иногда до скопидомства, израсходовано было в течение первых 5 месяцев войны лишь около 2½ миллионов 76-мм патронов и к январю 1915 г. оставался неизрасходованным запас до 4½ миллионов патронов этого калибра. Сверх этого запаса ГАУ в начале 1915 г. могло давать на фронт ежемесячно лишь 300—400 тысяч 76-мм патронов. С такими ресурсами нельзя было решаться на сколько-нибудь серьезные боевые операции. Тем не менее русское командование задумало в начале 1915 г. вести операции на Карпатах и в Восточной Пруссии, закончившиеся крайне неудачно и приведшие к катастрофе в питании 76-мм патронами. После тяжелых

дней поражения и отступления в 1915 г. русская армия перешла к позиционной борьбе.

Лишь к третьему году войны русская легкая пушечная артиллерия, благодаря наступившему некоторому затишью операций на фронтах и усилившемуся поступлению 76-мм патронов от русских и заграничных заводов, стала довольно обеспечена патронами и со второй половины 1916 г. до конца войны не терпела в них недостатка.

Но в выстрелах для легких гаубиц и для тяжелых орудий, в особенности для орудий крупных калибров, русская артиллерия терпела большой недостаток во все время первой мировой войны. В начале войны этот недостаток не вызывал тревоги, так как русское командование полагало, что в условиях полевого маневренного боя главную и почти решающую роль будет играть полевая пушечная 76-мм артиллерия.

С 1915 г. снарядный голод был причиной ослабления боевой деятельности русской артиллерии. Нередко легкие полевые гаубицы, а иногда и легкие полевые пушки открывали огонь лишь по особому разрешению с указанием ограниченного расхода снарядов; что же касается тяжелой артиллерии, то ей разрешалось вести огонь всегда ограниченным числом выстрелов и только непосредственно перед и во время той или иной серьезной боевой операции, тогда как немцы ежедневно усиленно обстреливали русские позиции тяжелыми снарядами.

Орудия крупных калибров получали в общем лишь одну десятую долю того количества выстрелов, какое им требовалось по самому осторожному, почти минимальному расчету. И если бы не кое-какие запасы подходящих снарядов береговых крепостей, а также не некоторая помощь со стороны военно-морского флота, то находящаяся на фронтах тяжелая артиллерия крупных калибров была бы обречена на молчание.

Недостаток легких гаубичных и всяких тяжелых снарядов объясняется прежде всего слабостью технического оборудования и производительности русских снарядных заводов. В России лишь один завод морского ведомства и два горных завода могли изготовлять снаряды 152-мм и более крупных калибров, причем производили их, особенно горные заводы, в крайне ограниченном количестве. Мобилизованная русская промышленность могла производить во время войны, начиная с 1916 г., почти достаточное число 76-мм снарядов, так как производство их было доступно для русских заводов; производство же снарядов крупного калибра чрезвычайно трудно и требует мощного заводского оборудования, а потому русская артиллерия получала такие снаряды главным образом от иностранных заводов, причем получала весьма мало — обычно вместе с орудиями, изготовленными ими же.

Основанием для определения мобилизационного запаса артиллерийских выстрелов и мобилизационного задания для снарядной промышленности может служить ежемесячная потребность в вы-

стрелах в военное время, исчисляемая по современным данным с учетом данных минувшего опыта войны. Ввиду крайне изменчивой обстановки и разнообразия задач, какие выпадали на долю артиллерии в маневренных условиях первой мировой войны, попытки Упарта установить ежемесячный размер расхода артиллерийских выстрелов оказались довольно сомнительными.

Во всяком случае при установлении нормы ежемесячного расхода артиллерийских выстрелов необходимо всегда иметь в виду, что экономия выстрелов неуместна в тех случаях, когда от артиллерии требуется мощная огневая поддержка и когда от ее поддержки может зависеть участь решения сражения и, в частности, уменьшение потерь своей пехоты. В подобных случаях приходится использовать в полной мере скорострельность орудий, даже не считаясь с тем, что при этом можно в сравнительно короткий срок расстрелять то предельное число выстрелов, за которым следует порча орудий. При оборонной подготовке заводов необходимо поэтому иметь в виду, что им придется во время войны изготовлять и исправлять большое число орудий, чтобы своевременно пополнять убыль их в частях артиллерии, и что еще в мирное время нужно образовать некоторый мобилизационный запас орудий, чтобы покрывать ими потребность артиллерии в первый период войны, пока орудийные заводы отмобилизуются и развернут свою производительность.

Что касается недочетов в организации питания артиллерии боеприпасами, способствовавших возникновению «снарядного голода» в 1914—1915 гг., то они были устранены в 1916 г., когда была установлена определенная правильная схема снабжения армии боеприпасами и прочими предметами вооружения, вполне оправдавшаяся на опыте войны в 1916—1917 гг.

Подготовка русской армии к предстоящей войне с Германией велась в общем в духе решительных наступательных действий, *поддерживаемых артиллерийским огнем*. Но в чем именно должна выражаться артиллерийская поддержка — это предоставлялось решать самим артиллеристам.

Оборона признавалась только активная, имеющая в виду расстроить неприятеля огнем и, подорвав его силы, перейти в наступление и разбить его.

Русские артиллеристы, выступая на фронт мировой войны 1914—1918 гг., своей основной обязанностью в бою считали *огневую поддержку пехоты и других войск* во всех случаях. Они представляли себе поддержку атаки так: *артиллерийский огонь должен загнать обороняющегося за закрытия, лишить его возможности стрелять и тем обеспечить атакующей пехоте безопасное продвижение вперед.*

В первых же сражениях первой мировой войны выяснилось огромное значение артиллерии. Опыт войны показал, что центр тяжести сражения заключается в самом широком применении артиллерийского огня, так как без этого нельзя было достигнуть сколько-нибудь существенных результатов.

В сфере сильного артиллерийского и пулеметного огня противника войска не могли продвигаться и выполнять поставленные им задачи. Продвижение вперед пехоты в бою оказывалось возможным лишь при непрерывном и самом энергичном огневом содействии артиллерии, расчищающей подступы к противнику. Необходимо было добиваться огневого превосходства своей артиллерии над огнем неприятеля путем уничтожения его огневых средств и живой силы или хотя бы путем нейтрализации последней.

В период маневренных боевых действий в самом начале войны от артиллерии потребовалась *не только огневая поддержка, но и предварительная подготовка атаки огнем,* а для атаки укрепившегося противника потребовалась *планомерная артиллерийская подготовка — довольно длительная, уничтожающая и истощающая.*

Уже в маневренных условиях выявилось чрезвычайное разнообразие задач артиллерии, потребовавших для их разрешения огромного числа орудий разных систем и калибров, обладающих и отлогой и крутой траекториями, обильно снабженных различного типа снарядами. В период позиционной борьбы для прорыва сильно укрепленной полосы противника и для разрушения бетонных, железобетонных и других особо прочных сооружений, созданных по последнему слову военно-инженерной техники, потребовалось применение орудий самой большой мощности.

Между тем в довоенное время громадные успехи артиллерийской техники отражались на русской армии далеко не в такой степени, как это требовалось в предвидении большой войны и как этого требовал жестокий урок минувшей русско-японской войны.

Опыт мировой войны 1914—1918 гг. указал на безусловную *необходимость организованности боевых действий артиллерии,* выражающейся прежде всего *в объединении управления огнем* большей части артиллерии в руках старшего артиллерийского начальника и в своевременном *сосредоточении* артиллерийского огня по важнейшим целям *в решающем направлении.*

Централизованное управление огнем артиллерии, необходимое в целях достижения сосредоточенного, массированного, уничтожающего огня, не должно, однако, *ограничивать проявление личной инициативы* артиллерийских начальников и командиров в пределах поставленной артиллерии задачи.

Первая мировая война подчеркнула в резкой и ясной форме основные идеи тактики артиллерии: *внезапность, массирование, сосредоточение и глубина поражения огня*; *объединение боевых действий артиллерии.* Идеи эти проводились в русской артиллерии еще в довоенное время, в 1906—1914 гг.

Война подтвердила, что основное значение артиллерии: *оказывать могущественную огневую помощь своим войскам* — в наступлении расчищать им путь огнем, уничтожая живую силу не-

приятеля и разрушая создаваемые им преграды и укрепления; в обороне преграждать путь наступающему неприятелю, уничтожая его.

Война ярко подчеркнула, что артиллерия должна быть проникнута стремлением выполнять поставленные ей задачи в полном *взаимодействии со всеми другими войсками* — в общих интересах и в первую очередь в интересах пехоты.

При всех условиях боевых столкновений боевая деятельность артиллерии неотделима от действий пехоты. В сражениях первой мировой войны одним из крупных недочетов русской армии являлось недостаточное взаимодействие артиллерии с пехотой.

Для обеспечения возможности своевременного сосредоточения уничтожающего артиллерийского огня по важнейшим целям в решающем направлении необходимо в большинстве случаев управление артиллерии объединять в руках старшего артиллерийского начальника. Когда же взаимодействие артиллерии с другими родами войск и прежде всего с пехотой не может быть обеспечено при централизованном управлении артиллерией, часть ее должна быть переподчинена войсковым начальникам.

Успех боевых действий артиллерии основан главным образом на внезапности применения сосредоточенного массированного мощного огня и не столько на массировании артиллерийских средств.

Наивыгоднейшее использование огня артиллерии обеспечивается: целесообразной организацией управления огнем, правильным распределением артиллерии по задачам соответственно расчленению боевого порядка войск, взаимодействием орудий разных образцов и калибров сообразно их свойствам.

Важнейшей задачей артиллерии в бою является уничтожение огнем живой силы противника. Вместе с тем неизбежна и необходима борьба с неприятельской артиллерией с целью ее уничтожения или хотя бы подавления ее огня. Успех этой борьбы обеспечивается воздушным наблюдением с самолетов и привязных аэростатов, а также наличием химических снарядов и дальнобойных орудий.

При *наступлении* артиллерия должна подготовить и поддерживать атаку своим огнем на всю глубину района расположения противника, чтобы проложить своей пехоте свободный путь движения вперед и обеспечить ей победу.

При *обороне* задача артиллерии: решительное поражение огнем наступающей пехоты неприятеля и приведение к молчанию его артиллерии.

Во *встречном бою* задача артиллерии: быстрое достижение огневого превосходства над противником, обеспечиваемого быстротой введения в бой артиллерии в подавляющих силах и решительностью ее действий.

Решающий удар войск должен быть поддержан и обеспечен сосредоточенным мощным огнем артиллерии, превосходящей неприятельскую в отношении искусства действий и могущества орудий, обильно снабженных снарядами.

Бережливость в расходовании снарядов необходима, но она, как указал опыт войны, неуместна в периоды упорных боев, имеющих решающее значение. Потери в рядах пехоты, неизбежные в таких решающих боях, находились в обратной зависимости от интенсивности артиллерийского огня: желая сохранить людей, нельзя жалеть снарядов.

Для ведения войны, как показал опыт сражений 1914—1917 гг., необходимо: во-первых, иметь возможно больше артиллерии—мощной, дальнобойной и вместе с тем подвижной; во-вторых, уменье артиллеристов стрелять, сосредоточивать массированный огонь в любом направлении и, внезапно обрушивая его на противника, правильно оценивать боевую обстановку и в соответствии с этим принимать целесообразные решения; в-третьих, обеспечение артиллерии по возможности неограниченным числом снарядов и необходимым запасом орудий для замены износившихся.

Успех боевой работы артиллерии всецело зависит от искусства ведения ею огня. Русские артиллеристы стрелять умели. Действия русской артиллерии в 1914—1917 гг. по открыто расположенным или открыто двигающимся неприятельским войскам были ужасающими; огнем русской артиллерии производились огромные разрушения во время прорывов неприятельской укрепленной полосы.

В маневренный период войны стрельба велась весьма успешно по «Правилам стрельбы» 1911 г. С переходом к позиционной борьбе, когда для разрушения окопов и заграждений потребовалась очень точная стрельба, в особенности при сближении своих окопов с неприятельскими и риске при этом нанести поражение своей пехоте, русская артиллерия стала применять выработанные ею новые более точные методы пристрелки и ведения стрельбы. Методы эти основывались на исчисленных данных, учитывая метеорологические условия, индивидуальные свойства орудий, снарядов, пороха, трубок, взрывателей.

Для сокращения продолжительности стрельбы и расхода боеприпасов русские артиллеристы стремились поражать *фланговым* или *продольным косым огнем*, при обстреле которым требуется артиллерии приблизительно в четыре раза меньше, чем при обстреле фронтальным огнем. При сосредоточении огня нескольких батарей комбинировался фронтальный огонь с фланговым.

В позиционный период стал широко применяться *заградительный огонь* в виде огневого вала разрывающихся снарядов, прикрывающего и увлекающего за собой вперед пехоту.

Стрельба химическими снарядами, ввиду получения их армиями лишь с 1916 г. и притом в ограниченном количестве, не получила широкого применения, хотя она являлась наиболее действительным средством подавления огня неприятельской артиллерии.

Зенитная стрельба была в общем на низком уровне, оставаясь в области исканий удовлетворительного разрешения вопроса.

В боевой подготовке царской русской армии отсутствовало объединяющее руководство и как следствие этого не было достаточно полного взаимодействия и взаимопонимания в боевой подготовке артиллерии с другими родами войск.

Русский Генеральный штаб почти до 1913 г., т. е. в продолжение более 7 лет после окончания русско-японской войны, не предпринял ничего определенного, чтобы рассеять туман тактических воззрений, сгустившийся в армии, в особенности в отношении боевого использования артиллерии. Поэтому артиллерии приходилось при боевой подготовке руководствоваться, так сказать, своей тактикой, проводимой в жизнь офицерской артиллерийской школой. Лишь в конце 1912 г., после издания официального «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», была зафиксирована более или менее определенная задача для тактических достижений артиллерии, и только тогда армия и общевойсковое командование узнали, да и то не во всем как следует, что можно требовать от артиллерии в бою.

Генеральный штаб старой русской армии, работая преимущественно в канцеляриях и держась в стороне от войск, не привлекал артиллеристов к своим оперативным работам даже в тех случаях, когда они были связаны с разрешением специальных артиллерийских вопросов, делая вообще из своих работ тайну даже и от тех, кому необходимо было не только быть осведомленным в оперативных замыслах Генерального штаба, но и приводить их в будущем в исполнение.

Генеральный штаб был далек от той простой истины, что при разработке вопросов обороны оперативного характера необходимо считаться с новейшими достижениями военной техники, в которой более осведомлены те, которые по роду своей специальности не могут не следить за ее развитием.

Совместная работа Генерального штаба и артиллеристов особенно необходима ввиду той огромной роли, какую играет могущественная современная артиллерия, достижения техники которой непрерывно и чрезвычайно быстро растут. Между тем, этого не было в старой русской армии. Подготовка к войне в оперативном отношении и в артиллерийском отношении велась почти без всякой связи друг с другом, и в результате артиллерийская подготовка далеко не отвечала оперативным заданиям Генерального штаба.

И не только в довоенное время подготовки обороны, но и в период войны артиллеристы, за весьма редким исключением, не привлекались к разработке той или иной боевой операции, производившейся в штабах общевойсковых начальников. Даже в штабе верховного главнокомандующего в 1916—1917 гг., т. е. после учреждения при штабе должности полевого генерал-инспектора артиллерии и его управления (Упарта), ни полевой инспектор, ни начальник Упарта почти никогда не привлекались к разработке оперативных соображений и директив. И это, несмотря на то, что согласно

«Положению», утвержденному 5 (18) января 1916 г., начальник Упарта имел личный доклад у начальника штаба верховного главнокомандующего и обязан был «испрашивать указания начальника штаба о предположениях по части оперативной, необходимые для согласования деятельности полевого инспектора артиллерии с боевыми задачами действующей армии».

По плану обороны России, довольно неопределенному и недостаточно серьезно продуманному Генеральным штабом, без учета решающих, в современных условиях ведения войны, политико-экономических факторов, предполагалось вести наступательную «молниеносную» войну. Но, проводя в армии доктрину активности, руководители царской русской армии не подготовили соответственно в духе безбоязненного проявления активной инициативы командный состав ни в артиллерии, ни в других родах оружия. Правда, уставами старой русской армии подчеркивалось важное значение проявления инициативы начальниками, значение единства цели и необходимости взаимной поддержки. Но эти важные глубокие мысли военных уставов плохо проводились в жизнь и по большей части оставались, так сказать, «буквой устава»; среди начальствующего и командного состава старой русской армии продолжала попрежнему царить боязнь ответственности, неизбежной в случае неудачного проявления инициативы, часто рискованной в боевой обстановке.

Между тем еще опыт русско-японской войны показал, что современная артиллерия, обладающая в скорострельных дальнобойных орудиях могучим средством внезапного и сильного поражения неприятеля, может достигать решительных результатов лишь при условии, если ее командование будет быстро разбираться в сложной тактической обстановке боя и в необходимых случаях безбоязненно принимать твердые самостоятельные решения.

Командный состав русской артиллерии в общем был хорошо подготовлен к началу войны в специальном техническом отношении, стрелял отлично, умел использовать свой огонь. Но этого недостаточно: артиллерист нашего времени должен на себя смотреть не только как на искусного машиниста пушкарского цеха, но и как на артиллериста, овладевшего в совершенстве *искусством тактики,* обязанного в некоторых случаях изменения боевой обстановки *проявлять* на поле сражения разумную инициативу без боязни ответственности.

В первую мировую войну действия в тактическом отношении русских артиллеристов, в особенности некоторых старших артиллерийских начальников, оставляли желать многого. Проявление целесообразной личной инициативы в необходимых случаях изменения тактической обстановки не было обычным явлением среди русских артиллеристов во время войны. Иногда же избираемые ими по личной инициативе цели для стрельбы не отвечали условиям сложившейся тактической обстановки. Нередко, особенно в начале войны, артиллеристы, не получая от войсковых начальников боевых

задач, задавались ими самостоятельно, но не всегда правильно учитывая при этом боевую обстановку. Как серьезный упрек можно поставить некоторым старшим артиллерийским начальникам и то, что они давали боевые задачи своей артиллерии, не отвечающие развитию общей задачи, поставленной общевойсковым командованием. Нельзя также не упрекнуть русских артиллеристов и за то, что они в большинстве случаев беспрекословно выполняли ни с чем несообразные или неопределенные задачи, которые нередко ставились им общевойсковым командованием, часто даже не пытаясь при этом доложить своему начальству, что эти задачи не отвечают свойствам артиллерии и потому невыполнимы.

Большинство общевойсковых начальников и войсковых командиров до самого конца войны оставалось с тем же смутным представлением о свойствах современной им артиллерии и об основах ее боевого использования, с каким они вышли на войну, причем боевые действия артиллерии мыслились ими лишь в рамках дивизии. Достаточно сказать, что со стороны войсковых начальников предъявлялись иногда настойчивые требования стрельбы для морального впечатления, для зрительного и звукового эффекта и пр. и притом нередко независимо от того, имеются ли цели, требующие обстрела артиллерийским огнем, и могут ли быть получены от обстрела какие-либо результаты.

Все это не мешало, однако, общевойсковому командованию браться иногда самому учить артиллерию не только тактике, но и тому, как ей следует стрелять, и крайне резко отрицательно отзываться о боевой работе артиллерии, часто сваливая на нее кровавые боевые неудачи, являвшиеся в большинстве случаев результатом бесталанного, а подчас даже преступного действия общевойскового командования.

По докладу Упарта штабу верховного главнокомандующего неоднократно приходилось командировать комиссии для выяснения правильности обвинений, возводимых на артиллерию общевойсковыми начальниками. Каждый раз комиссии эти обнаруживали полную необоснованность обвинений. Так было, например, после неудач мартовской операции 1916 г. на Западном русском фронте и июльской операции 1917 г. на Юго-Западном фронте.

Комиссия полевого генерал-инспектора артиллерии, производившая расследование о действиях артиллерии в мартовской операции 1916 г., пришла к заключению, что несмотря на продолжительный опыт войны, давший немало новых ценных указаний и подтвердивший правильность большинства основных положений в отношении применения артиллерии в бою, проводимых настойчиво в жизнь в довоенное время, все же многие старшие общевойсковые и пехотные начальники и даже некоторые старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии.

Основы довоенной подготовки русской артиллерии в значительной мере оправдались в начальный, маневренный период первой мировой войны, когда не приходилось стесняться в расходовании

боеприпасов и когда артиллерия имела дело с открытой живой силой или только с легкими укреплениями полевого типа. Чрезвычайно искусные действия русской артиллерии в начале войны получили должную высокую оценку не только со стороны своей пехоты и общевойсковых начальников, но и со стороны австро-германцев, испытавших на себе грозную силу уничтожающего огня русской артиллерии.

С третьего-четвертого месяца войны, когда стал остро ощущаться недостаток боеприпасов, блестящие боевые действия русской артиллерии бывали уже довольно редкими, что послужило поводом для некоторых начальников к обвинению артиллерии в неумелом действии в бою.

Наступающая пехота стала нести большие потери от огня неподавленной неприятельской артиллерии и при подходе к противнику натыкалась на уцелевшие его пулеметы, под убийственным огнем которых она погибала. Атака пехоты стала невозможной без предварительной артиллерийской подготовки, а для производства такой подготовки нехватало снарядов.

В маневренный период войны бывали примеры, когда русская артиллерия вполне целесообразно применяла сосредоточенный огонь под объединенным управлением командиров дивизионов, реже — командиров артиллерийских бригад и более высших артиллерийских начальников, но в большинстве случаев действовала побатарейно.

К боевым действиям в условиях позиционной борьбы русская артиллерия оказалась в общем неподготовленной.

Для ведения успешной борьбы за укрепленные полосы оказалось необходимым предварительно составить основательно продуманный план действий артиллерии с расчетом заблаговременного сосредоточения артиллерийских средств, обеспечивающих подавляющее огневое превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара в особенности. Эта истина в полной мере была осознана лишь к началу третьего года войны, вследствие горького опыта напрасного пролития крови своей пехоты при попытках ведения операций в условиях позиционной борьбы методами маневренных действий (штурм Перемышля в октябре 1914 г., операция у оз. Нароч в марте 1916 г. и пр.).

Позиционная борьба продолжалась на русском фронте почти два года, т. е. охватила бо́льшую часть времени мировой войны 1914—1918 гг. Однако это не может служить показателем того, что позиционная борьба является основным видом вооруженных столкновений.

Борьба эта была вызвана непредвиденными исключительными условиями обстановки, сложившейся в период первой мировой войны, и представляет особый нерешительный, выжидательный или, так сказать, «окаменелый» способ ведения войны.

Необходимо, разумеется, изучать условия и особенности позиционной борьбы, так как нельзя ручаться, что она не будет повто-

ряться. Однако необходимо при этом иметь в виду, что условия позиционной борьбы отличаются относительным постоянством и потому допускают такие методы применения и боевой работы артиллерии, которые невозможны в условиях быстро и непрерывно меняющейся обстановки маневренных подвижных действий.

Тактика позиционной борьбы, перенесенная в маневренные условия, может оказать неблагоприятное влияние на боевые действия и приведет во всяком случае к весьма нежелательному *переходу инициативы* в руки более подвижного энергичного противника.

Только маневренные боевые действия могут привести к окончательному и сравнительно быстрому решающему успеху на войне. Недаром в период позиционной борьбы каждый из противников не только на русском, но и на всех фронтах первой мировой войны стремился вырваться из «позиционного сиденья» и перейти к подвижным маневренным боевым действиям путем широкого развития тактического успеха, достигнутого при прорыве укрепленной полосы неприятеля.

И в прошлом, и в современных условиях войны окончательная решающая победа над врагом достигалась и может быть достигнута только в полевых маневренных сражениях, как бы ни совершенствовалась военная техника, сколько бы ни увеличивалась численность армий. Такие последние достижения, как авиация, танки, самоходные орудия, механизация и моторизация армии и пр., облегчая ведение наступательных операций, только подтверждают, что участь войны и при современных условиях решается в маневренных сражениях.

Только самый смелый наступательный маневр, только беззаветное стремление сразиться с неприятелем в решающем полевом бою может привести к разгрому и захвату живой силы противника, его важных стратегических пунктов, его источников снабжения.

Военные действия всегда начинались и кончались и будут начинаться и кончаться решающим полевым маневренным сражением.

Русская артиллерия вышла в 1914 г. на фронт мировой войны в общем с очень хорошо подготовленным личным составом солдат и офицеров. Подготовка пополнений личного состава, прибывающих в части артиллерии действующей армии из внутренних военных округов, была неудовлетворительной. Тем не менее уровень подготовки артиллерии действующей армии оставался на должной высоте, что и подтвердилось весьма удачными действиями русской артиллерии в июльских операциях 1917 г.

Война подчеркнула необходимость прочного взаимодействия артиллерии с пехотой. Вернейшим залогом достижения взаимодействия служит внутренняя органическая связь между артиллерией и другими войсками, достигаемая совместной жизнью и работой войск еще в мирное время, взаимным знакомством со свойствами и условиями боевого их использования. Этого почти не было в старой царской армии.

Несмотря на слабость вооружения по сравнению с вооружением противников, недостаток снарядов, далеко не всегда правильное понимание задач современной артиллерии многими старшими начальниками и целесообразное ее использование в бою, несмотря на недостатки воспитания армии, на некоторые недочеты в боевой подготовке и на многие другие неблагоприятные условия — русские артиллеристы в 1914—1917 гг. войны показали, что в обстановке современной войны столь мощное оружие разрушения и уничтожения, каким является артиллерия, может дать многое и получить почти решающее значение в сражениях, если управление ею находится в *умелых руках, в совершенстве овладевших искусством артиллерийской стрельбы*. Русские артиллеристы были большими мастерами стрельбы и оправдали свое мастерство в сражениях первой мировой войны.

Русская артиллерия в войне 1914—1917 гг. вписала немало ярких страниц доблести и славы в историю русского военного искусства, несмотря на довольно бездарное руководство общевойскового командования и некоторых, правда немногих, старших артиллерийских начальников.

Боевые действия старой русской армии закончились в июле 1917 г. неудавшейся попыткой ее наступления на фронтах. Старая армия перестала существовать. Остатки ее, охваченные волной стихийной демобилизации, безудержно устремились с фронта по родным своим домам.

На развалинах старой армии стала создаваться молодая Советская Армия. С 1918 г. Советская Армия со своей артиллерией непрерывно развивалась во всех отношениях, ширилась и росла гигантскими шагами, как и вся великая родная ее Советская страна. Осуществление в короткие сроки ленинско-сталинского плана индустриализации страны совершенно изменило лицо нашей Родины. Уже в 1933 г. великий вождь Советского Союза И. В. Сталин, подводя итоги первой пятилетки, заявил: «...из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

Наша Советская Родина вынесла тяжелые испытания длительной Отечественной войны небывалых в истории огромных размеров и закончила ее полным разгромом врагов благодаря доблести нашего народа и его покрывшей себя неувядаемой славой Советской Армии, благодаря высоко развитой экономической базе Советской страны, определяющей в огромной степени ее военное могущество, обеспечивающей производство в необходимых количествах наиболее совершенной боевой техники, отвечающей требованиям современной войны.

Артиллерия Советской Армии со дня ее создания в 1918 г. постоянно стремилась совершенствоваться в своем искусстве, чтобы уметь использовать в полной мере все огромные достижения современной военной техники, чтобы стать и всегда быть неизмеримо впереди и могущественнее артиллерии своих противников. Стремление ее оправдалось на полях сражений Великой Отечественной войны, победно законченной Советской страной и ее доблестной армией. Артиллерия Советской Армии была всесокрушающей грозой для врагов нашей Родины; она стала, по выражению И. В. Сталина, б о г о м современной войны.

Советская артиллерия сильна высоким искусством своих артиллеристов, их знанием использования боевой техники, их мужеством и отвагой; она сильна высоким качеством и огромным количеством своего вооружения. Опираясь на достижения современной науки, советские инженеры и техники создали за время Отечественной войны новые типы различного оружия, превосходящие боевую технику врагов.

Генералиссимус И. В. Сталин так высоко оценивает артиллерию Советской Армии: «*Всем известно, что советская артиллерия добилась полного господства на поле боя над артиллерией врага, что в многочисленных боях с врагом советские артиллеристы и минометчики покрыли себя неувядаемой славой исключительного мужества и героизма, а командиры и начальники показали высокое искусство управления огнем*».

В приказе Народного Комиссара Обороны Союза ССР, объявленном в день праздника советской артиллерии 18 ноября 1945 г., сказано: «*В Великой Отечественной войне наша славная артиллерия выполнила свой долг перед Родиной.*

На полях сражений Великой Отечественной войны советская артиллерия выросла в грозную, главную ударную силу Красной Армии, которая в тесном взаимодействии с нашей пехотой, танками и авиацией отстояла свободу и независимость нашей Родины и сыграла выдающуюся роль в деле полного разгрома фашистской Германии и Японии...

Советский народ гордится заслуженной славой и доблестью своих артиллеристов и минометчиков, вписавших блестящие победы в историю Великой Отечественной войны».

Артиллерия Советской Армии, созидая свое грандиозное могущество и славу, не только использовала все достижения настоящего, не только заглядывала в будущее, но черпала также все полезное и необходимое из прошлого. Она впитала в себя высокие боевые традиции и все лучшее, что было в старой русской артиллерии.

Боевой опыт Великой Отечественной войны подтверждает, что доблестная артиллерия Советской Армии в отношении своего мастерства и мужества не только не уступает былой славной русской артиллерии, но и в огромной степени ее превосходит.

Май 1946 г.
Москва.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ,

использованных в ч. VI и VII

1. ЦГВИА, Свод военных постановлений 1869 г., кн. XV, изд. 4-е. Приложение к той же книге XV, изд. 4-е.
2. ЦГВИА, дела 444, 183—837, 187—393, 177—149, 187—398, 179—057, 17—659, 340, 341, 812, 57—799, 80—253, 185—935, 338—306.
3. ЦГВИА, дело Ставки верховного главнокомандующего № 540.
4. ЦГВИА, дела личного архива Е. З. Барсукова («Отчет генерала Карачана», «Отчет об опытной мобилизации крепости Осовец» № 3 с заданиями стрельб на Двинском полигоне в 1906—1907 гг. и др.).
5. ЦГВИА, дела Верховной следственной комиссии о несвоевременности и недостаточности обеспечения армии предметами воинского снабжения.
6. ЦГВИА, приказы верховного главнокомандующего (Ставки): 1916 г. — № 24, 1226; 1917 г. № 177, 495, 277, 497, 775, 494, 36, 785, 891, 938, 999.
7. ЦГВИА, приказы по военному ведомству: 1906 г. — № 701; 1907 г. — № 222, 377, 543, 647; 1908 г. — № 82, 263; 1910 г. — № 58, 669; 1912 г. — № 314, 251, 175, 295, 395, 480, 426; 1910 г. — № 622, 654; 1916 г. — № 24, 1226, 1917 г. — № 277, 497, 775, 891, 938, 236, 494, 785, 999, 36, 495, 177; 1916 г. — № 716; циркуляры Главного штаба 1910 г. № 88 и 225; 1912 г. — № 33.
8. Приказ по артиллерии 1905 г., № 109.
9. Журналы Артиллерийского комитета ГАУ 1906 г., № 315 и 1913 г., № 464.
10. Устав полевой службы, утвержденный 27 апреля 1912 г.
11. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», утвержденное в 1912 г.
12. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», изд. 1911 г. Составили под руководством генерал-лейтенанта Краевского полковники Клейненберг 1-й, Барсуков, Гобято, Лукашевич и Синеоков, подполковник Добровольский.
13. М. И Драгомиров, 14 лет.
14. «Красный Архив», т. I — «Переписка генерала Сухомлинова с генералом Янушкевичем».
15. Б. Колюбакин, Ведение боя на почве постановки вопроса в германской армии. С.-Петербург, 1906 г.
16. Эрр, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, ГВИЗ, 1932 г.
17. Гаскуэн, Эволюция артиллерии во время мировой войны, ГИЗ, 1921 г.
18. А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., ГВИЗ, 1925 г.
19. Е. З. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, ГВИЗ, 1926 г.
20. Евгений Барсуков, Русская артиллерия в мировую войну, т. I, II Воениздат, 1938 и 1940 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть шестая

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИИ

	Стр.
Глава I. Общие основы боевой подготовки	5
Введение	—
Тактико-техническая подготовка артиллерии	17
Руководства и наставления для подготовки артиллерии	31
Разработка артиллерийских наставлений и руководств во время войны	39
Военная литература	41
Глава II. Подготовка личного состава артиллерии в мирное время	45
Общие требования	—
Подготовка рядовых (канониров, бомбардиров, фейерверкеров)	48
Подготовка младших офицеров	52
Подготовка старшего командного состава артиллерии	61
Учебные артиллерийские полигоны	99
Физическая подготовка и спорт	103
Подготовка в артиллерийском отношении общевойсковых начальников	105
Совместная подготовка артиллерии с другими родами войск	110
Глава III. Боевая подготовка артиллерии во время войны 1914—1917 гг.	122
Подготовка личного состава артиллерии	—
Старшие артиллерийские и общевойсковые начальники	136
Воспитание и моральное состояние войск	144
Заключение	151

Часть седьмая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРТИЛЛЕРИИ

Глава I. Восточно-прусская операция	155
Введение	—
Стратегическое развертывание	160
Гумбинненское сражение	163
Танненбергское сражение	189
Заключение	198

Стр.

Глава II. Штурм Перемышля 207
Общая обстановка . . . . . —
Атака 5 октября 222
Атака 6 октября 237
Штурм 7 октября 245
Результаты атак 259
Глава III. Активная оборона 270
Глава IV. Операция в районе озера Нарочь (18—22 марта 1916 г.) . . 291
Соотношение сил и группировка . . . . . —
Организация питания боеприпасами 310
Боевые действия 312
Заключение 319
Глава V. Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операции 19—23 июля 1917 г. 337
Подготовительный период . . . . . —
Выполнение операции 373
Заключение о действиях артиллерии 10-й армии 388
Общее заключение 396
Перечень источников 418

Редактор инженер-подполковник ЗВЕРЕВ П. П.
Технический редактор СТРЕЛЬНИКОВА М. А. Корректор МАРТЬЯНОВА М. Е.

Г-78831 Подписано к печати 29. 10. 48. Объем 26¼ п. л. + 8 вкл. 2¼ п. л.
37,8 уч.-изд. л. В 1 п. л. 48000 тип. зн. Изд. № 41386 Зак. № 1932

2-я типография Управления Военного издательства МВС СССР имени К. Ворошилова